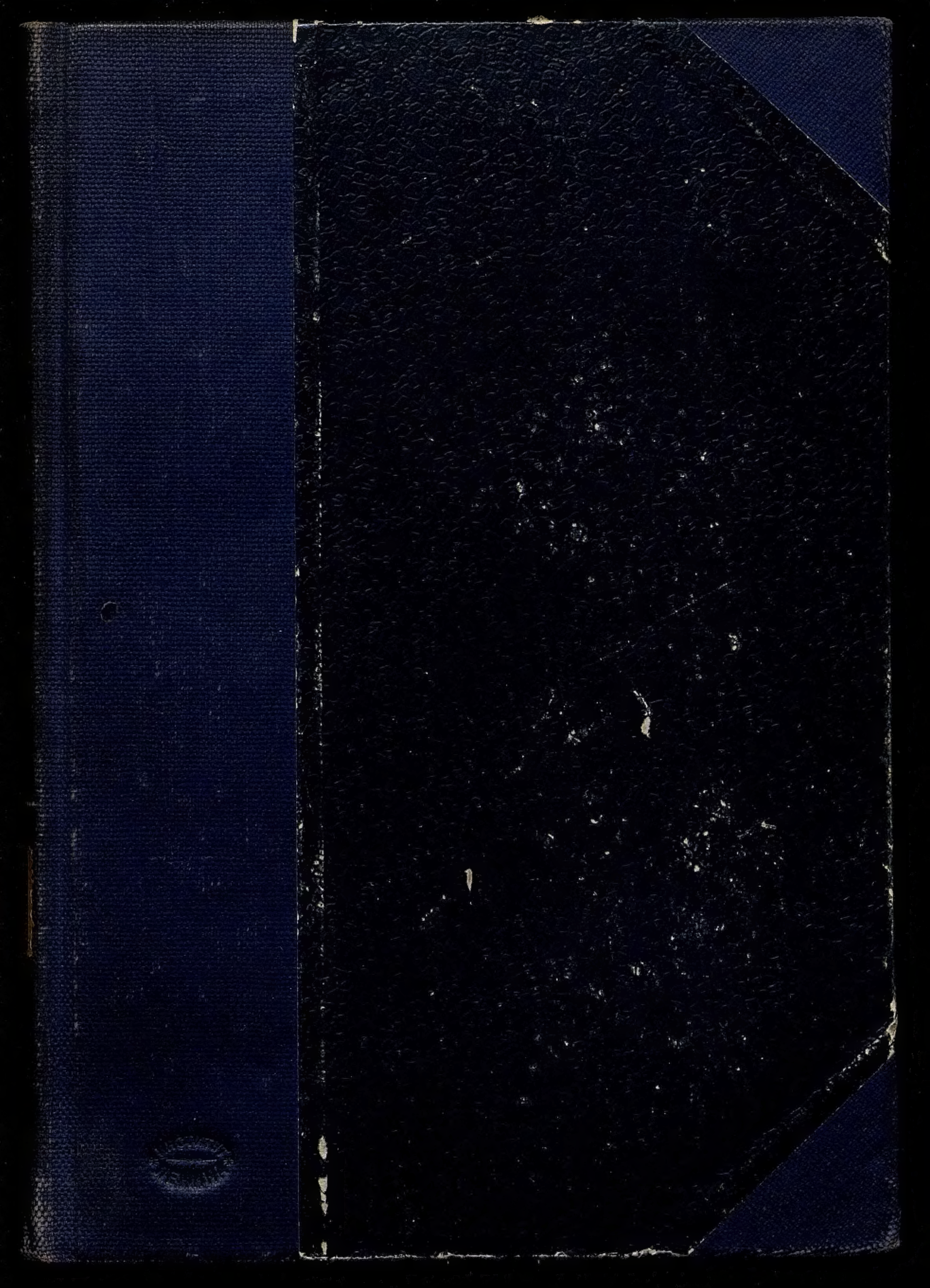

ИСТПАРТ ЦК ВКП-(Б)

ОЧЕРКИ ПО ИСТОРИИ ОКТЯБРЬСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ

ПОД РЕДАКЦИЕЙ
М. Н. ПОКРОВСКОГО

ТОМ
II

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
1·9·2·7

ИСТПАРТ
ОТДЕЛ ЦК ВКП (б)
ПО ИЗУЧЕНИЮ ИСТОРИИ ОКТЯБРЬСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ и ВКП (б)

ОЧЕРКИ ПО ИСТОРИИ ОКТЯБРЬСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ

РАБОТЫ ИСТОРИЧЕСКОГО СЕМИНАРИЯ
ИНСТИТУТА КРАСНОЙ ПРОФЕССУРЫ

ПОД ОБЩЕЙ РЕДАКЦИЕЙ
М. Н. ПОКРОВСКОГО

★

ТОМ
II

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
МОСКВА ★ 1927 ★ ЛЕНИНГРАД

ОТПЕЧАТАНО
в 1-й ОБРАЗЦОВОЙ ТИПОГРАФИИ
ГИЗА. МОСКВА, ПЯТНИЦКАЯ, 71.
Главлит № 95088.
Гиз № 22669. Тираж 3000.
Зак. № 3897.

ПРЕДИСЛОВИЕ.

Первый том «Очерков» был посвящен **предпосылкам Октябрьской революции**: хозяйству предреволюционной эпохи, рабочему движению во время войны, работе партии в военные годы. Второй том, по нашему заданию, должен был дать картину хода самой революции с февраля до октября включительно. Этот план удалось выдержать лишь по отношению **к внешней политике** данного периода. Что касается внутреннего развития, то статью тов. Югова о Советах не удалось, по целому ряду непредвиденных обстоятельств, дать в совершенно законченном виде: ее изложение останавливается на июльских днях. Таким образом, изображение «большевизации» Советов перед Октябрем становится введением к III тому, который должен дать изображение самого Октября, картину возникновения Советской власти и диктатуры пролетариата.

«Очерки» представляют собою первую попытку дать подробную историю революции 1917 года, до сих пор более или менее детально дававшуюся только в виде **хроники**. Здесь дан не только внешний ход событий, в их хронологическом порядке, но и попытка **анализа** этих событий. Задача эта перед историком Октябрьской революции стоит в совершенно новом и оригинальном виде. Прежние революции — французская, например, — всецело подлежали действию так называемого закона «гетерогении целей». По просту говоря, их деятели стремились к одним целям, а исторический процесс осуществлял совершенно другие цели. Якобинцы стремились превратить Францию в республику типа Руссо, с возможно примитивным народным хозяйством, а в результате получилась страна крупной капиталистической индустрии, увенчанная императорской короной, — нечто, столь мало похожее на республику Руссо, как это только можно себе вообразить. Марксисты, руководившие нашей революцией Октября 1917 года, ставили себе задачей ликвидировать капиталистический способ производства и перейти к социалистическому, — и действительное развитие двигалось и продолжает двигаться именно в этом самом направлении. В нашей революции, таким образом, с самого начала присутствовал принцип известного **плана**. От этого плана были отступления, но не больше, чем бывают отступления от планов военных, например, кампаний. Как бы ни была удачна военная кампания в ее конкретном выполнении, никакой, самый гениальный, стратег не может ее предвидеть. Но ее цель заранее дана, и, если кампания удачна, она этой цели достигает. Наполеон поставил себе задачей разбить прусскую армию и осуществил это под Иеной, хотя

подробности Иенского сражения он, конечно, не мог предвидеть, не предвидел, может быть, даже, что это будет сражение под Иеной, а не в каком-нибудь другом месте, но конкретно поставленной им себе цели он достиг. В прежнее время такой ход дела был мыслим только по отношению к отдельным операциям, военным или иным (например, финансовым, промышленным — особенно со времени появления монополистического капитализма — и т. д.). Благодаря марксистскому анализу, это становится возможным для огромных массовых движений, которые делают историю.

Повторяю, это ставит историка Октябрьской революции в совершенно новое и непривычное для историка положение. История революции, в ее *схеме*, уже дана в произведениях тех, кто вел революцию, — прежде всего другого в произведениях Ленина. Все этапы революции — и измена крупной буржуазии, и шатания мелкой, и гражданская война,— все это было предвидено гораздо раньше, чем все это осуществилось. История давала всему этому бесконечно разнообразные и абсолютно непредвидимые *формы*, но основное *содержание* было вполне предвидено, и предвидено правильно. Историку Октябрьской революции не приходится выступать, таким образом, в роли верховного судьи, решающего, кто был прав, кто был неправ в своих попытках руководить массами. Но если с историка снимается эта трудная, хотя и весьма почетная, обязанность,— то зато на него ложится другая, не менее трудная: провести марксистский анализ, в схеме заложенный лишь в самых общих чертах (конкретных подробностей, повторяю, никто не в силах предвидеть), во все детали конкретного исторического процесса. Тут нельзя ограничиться простым нанизыванием конкретных исторических фактов на отдельные клетки Ленинской схемы: это совсем не будет история. Тут нужно показать, как преломлялась эта схема во всех отдельных уголках исторического процесса, как и почему при бесконечном разнообразии сил, участвовавших в этом процессе, в общем и целом получались итоги, вполне соответствовавшие марксистским заданиям, — Ленинским заданиям, так как никакой другой марксистской схемы Октябрьской революции, кроме Ленинской, не существует.

Задача очень трудная. Гораздо легче внести марксистскую схему в события, создававшиеся вне всякого влияния марксизма, нежели разработать во всех деталях марксистскую схему истории, уже готовую в самих фактах. Ни редактор, ни авторы печатаемых далее статей нисколько не думают обольщать себя надеждой, что они эту задачу разрешили хотя бы на большую половину. Но когда-нибудь *начать* эту работу совершенно необходимо. Мы и просим рассматривать нашу попытку лишь как *начало* марксистской истории революции 1917 года. Мы стремились представить марксистскую схему революции в возможно более конкретном воплощении, — и для этого нам пришлось использовать огромное количество сырого материала, иногда архивного. Большею частью, впрочем, авторы стремились резюмировать то, что было уже опубликовано, — и это представляет собою громадную массу. Мы просим рассматривать наш труд как *первый* опыт. Революции 1917 года все же повезло, сравнительно с ее предшественницей, револю-

цией 1905 года. Историю последней начали писать те, кто мешал ее делать: историю Октября начали писать люди, которые ее делали, и продолжают теперь те, кто ставит высшую свою заслугу в том, чтобы быть их верными продолжателями. Мы надеемся, что из-под нашего пера вышло все же таки изображение 1917 года не в кривом зеркале. Но пройдет еще много времени, прежде чем нам, — ибо мы не думаем останавливаться на этом первом опыте, — или тем, кто пойдет за нами, удастся дать действительно Ленинскую историю Октябрьской революции. То, что мы теперь даем, это лишь самый первый эскиз такой работы.

М. Покровский.

ОГЛАВЛЕНИЕ

О. А. Лидак. «Июльские события 1917 года».

Н. Л. Рубинштейн. «Внешняя политика керенщины».

Э. ГЕНКИНА

ФЕВРАЛЬСКИЙ ПЕРЕВОРОТ

ВВЕДЕНИЕ

«Основные факторы, вызвавшие революцию 1905 года, продолжают действовать» — такова сущность большевистской оценки послереволюционной полосы. Это положение подтверждало и подчеркивало тот факт, что «старые задачи» — задачи буржуазно-демократической революции в России — в основном не решены, что старые противоречия, раз'едавшие Россию до 1905 г., остались в силе, что на очереди новый под'ем, новая революция. Но эти «старые задачи» надо было разрешать в новых условиях. «Новая полоса требует приложения новых приемов подготовки к старому решению старых проблем» [1], — так писал Ленин в 1910 г.

В чем же заключались эти новые условия?

Революция 1905 г., не разрешив об'ективных задач буржуазно-демократической революции, внесла много нового как в общеполитическую обстановку России, так и в расстановку и соотношение классовых сил.

Это новое, по мнению Ленина, сводилось к следующим основным моментам: 1) Аграрная реформа Столыпина, принципиально изменившая политику самодержавия в деревне. 2) Шаги самодержавия по пути к буржуазной монархии, организация хотя и «куцого», но все же всероссийского представительства помещиков и крупной буржуазии в Государственной думе. 3) Размежевка классов в массовой борьбе, выявление каждым классом своего доподлинного лица. 4) Переход буржуазии на контрреволюционные позиции. 5) Революционный опыт масс, полученный в революцию 1905 года.

В чем же заключался смысл этих перемен?

Он заключался прежде всего в том, что сила экономического развития, втягивавшая Россию на путь капитализма, вынудила самодержавие, с одной стороны, пойти по пути новой аграрной политики, как-никак развязывающей капиталистические отношения в деревне, уничтожающей такие существенные остатки феодализма, как община; с другой стороны, делала необходимым ряд политических уступок буржуазии и расширение ее политических прав. Недаром же Ленин неоднократно подчеркивал, что своеобразие момента заключается в том, что «старое крепостническое самодержавие разлагается, делая еще шаг по пути превращения в буржуазную монархию» [2]. (Из резолюц. декабрьской конференции 1908 г.).

---

[1]) Н. Ленин, Собр. соч., т. XI, ч. 2, стр. 239.

[2]) Там же, стр. 532.

Это своеобразие обстановки революционная партия необходимо должна была учесть. Ибо отсюда вытекала чрезвычайно существенная проблема, определяющая дальнейшие задачи и тактику революционной партии. Если самодержавие перерождается, если оно хоть и медленно, неровно, компромиссно, но все же встало, вынуждено было встать на путь буржуазных преобразований, то дальнейшее капиталистическое развитие России, разрешение задач буржуазно-демократической революции возможно в двух формах: путь медленной мирной буржуазной эволюции или путь насильственной буржуазной революции. «Есть две дороги буржуазного развития: по одной — ведут землевладельцы, делающие уступки буржуазии, по другой хотят и могут вести рабочие и крестьяне» [1]). Но «какой из двух путей капиталистического развития России окончательно определит ее буржуазный уклад, этого история еще не решила» [2]).

Теперь история этот вопрос уже решила и решила в пользу насильственной революции, и тогда Ленин лишь абстрактно, лишь теоретически допускал возможность «немецких рельсов». Ибо конкретный анализ того, что из себя представляли «шаги» самодержавия по пути к буржуазной монархии, результаты столыпинской аграрной политики, которые начали сказываться за несколько лет до войны, наконец, революционная борьба и революционный опыт рабочих и крестьян приводили к выводу, что немецких рельсов не только «нет и нет», но что они вообще невозможны. Невозможны по многим причинам, но прежде всего потому, что крепостническая монархия не способна, не может, не в силах эволюционировать мирным путем в буржуазную монархию. Правильно подчеркивая «попытки самодержавия приспособиться к буржуазным условиям эпохи, сорганизоваться в буржуазную монархию» [3]), Ленин вместе с тем с совершенно четкой определенностью, не допускающей никаких сомнений, доказывал, в чем смысл, классовый смысл этого приспособления. Это приспособление должно было лишь лучше «обеспечить интересы царизма и черносотенных помещиков» [4]). Крепостническое самодержавие приспосабливалось к задачам буржуазного развития, вынуждаемое давлением растущего капитализма. Это была тактика самодержавия, не потерявшего своей старой социальной сущности, но не его эволюция.

«Устраняет ли эта ступень (шаги по пути к буржуазной монархии, *Э. Г.)* сохранение «власти и доходов» — говоря в социологическом смысле — за землевладельцами феодального типа? Нет, не устраняет. Происшедшие изменения и в этой, как во всех других областях, не устраняют основных черт старого режима, старого взаимоотношения социальных сил» [5]). По Ленину, новый социальный базис для монархии «весь в будущем», а пока «черная сотня царя и кре-

---

[1]) Н. Ленин, Собр. соч., т. XI, ч. 1, стр. 347.
[2]) » » » т. XI, ч. 2, стр. 237.
[3]) » » » т. XI, ч. 2, стр. 5.
[4]) Там же. Подчеркнуто мной. *Э. Г.*
[5]) » » » т. XI, ч. 2, стр. 240.

постников» приспособляется к требованиям буржуазного развития, «не выпуская из рук своего самодержавия, не жертвуя ни копейки из своих «веками освященных» рабовладельческих доходов, ни малейшей привилегией из своих «благоприобретенных прав» [1]).

Реформы, проводимые самодержавием, несмотря на свое буржуазное содержание, поскольку они проводились крепостниками, крепостническим самодержавием, ни в коей мере не могли разрешить назревших задач. А уступки, носившие крепостнический характер, не устраняли противоречий, а лишь усугубляли их.

«Уступки, делаемые старым новому, совсем не «притупляют» того противоречия, которое существует между новым и старым» [2]).

Крепостническая сущность самодержавия и тактика вынужденных уступок буржуазии делали неизбежным разрешение исторически поставленных перед Россией задач не путем мирной эволюции, а путем массовой народной революции. «Второе 19-е февраля невозможно после 1905 года» [3]), и невозможно именно потому, что самодержавие не столько перерождалось, не столько теряло свою социальную базу, сколько лавировало, металось, приспособлялось, угождало, не теряя в то же время своего истинного социального лица.

«Крепостнический режим, теряющий свойства исключительно крепостнического» [4]) — вот социальная характеристика русского самодержавия накануне революции, даваемая Лениным.

Шаг к новому был сделан. Но «этот шаг к новому сделан сохранившим свое всевластие, свою землю, свой облик и свою обстановку старым». Это — последний шаг, который только может сделать старое. Это — последний клапан. Других еще клапанов в распоряжении Пуришкевичей, командующих над буржуазной страной, нет и быть не может.

И именно потому, что этот шаг к новому сделан сохранившим свое всевластие старым, этот шаг не мог привести и не приведет ни к чему прочному. Напротив, он приводит — это ясно показывают нам все симптомы переживаемого момента — к нарастанию старого кризиса на иной, более высокой ступени капиталистического развития России» [5]). Следовательно, именно потому, что самодержавие не теряло своей старой социальной сущности, оно не могло мирным путем эволюционировать в буржуазную монархию. Проводимые самодержавием мероприятия, именно потому, что это были мероприятия только в целях самосохранения, никаких положительных результатов дать не могли. Столыпинская реформа кончилась крахом. Путь реформ не удался и не мог удаться. «Застарелость», «косность» русского самодержавия мешала «мирной эволюции». Причем сила этой «косности» держалась, имела под собой

---

[1]) Н. Ленин, Собр. соч., т. XI, ч. 2, стр. 264.
[2]) Там же, стр. 221.
[3]) Плеханов, Сочинения, т. XI, стр. 173.
[4]) Н. Ленин, Собр. соч., т. XII, ч. 1, стр. 138. Подчеркнуто мною. *Э. Г.*
[5]) Там же, ч. 1, стр. 257. Подчеркнуто мною. *Э. Г.*

довольно солидную экономическую базу. Удельный вес этой экономической базы в общей экономике страны Ленин неоднократно подчеркивал. Без этого не понять, почему перед нашей партией и после 1905 года выдвигалось на первый план решение «старых задач» — задач буржуазно-демократической революции. Желание так или иначе договориться и тем самым предупредить революцию было у обеих сторон. И самодержавие не прочь было удовлетворить буржуазию, «сохраняя власть и доходы» за собой, и буржуазия шла на всяческие уступки, лишь бы «ужиться», приспособиться, «но приспособления все же не выходит» *(Ленин)*.

«Струве, Гучков и Столыпин из кожи лезут, чтобы совокупиться и народить бисмарковскую Россию. Но не выходит. Не выходит, импотентны. По всему видно — и сами признают, что не выходит» [1]).

Не выходит по двум причинам: во-первых, потому, что, благодаря своей застарелости, дряхлости, импотентности, самодержавие эволюционировать не в состоянии, и, во-вторых, потому, что если бы даже смогло, то все равно не успело бы. Не успело бы потому, что «Столыпин сам» просит «20 лет... чтобы «вышло» [2]). А 20 лет для России «ждать» невозможно. Невозможно и в силу требований об'ективного исторического развития и в силу того, что если буржуазия и решится «ждать», то ни в коем случае не захотят «ждать» пролетариат и крестьянство.

А отсюда логический вывод: не «немецкие рельсы», а «французская хорошенькая передряга», — вот единственно возможный для России путь. И этот путь единственно возможен не потому, что он желательнее для революционной партии, а потому, что он неизбежно диктуется об'ективной обстановкой страны. В возможность мирной эволюции изверилась в конце концов и так жаждавшая этого буржуазия. Один из виднейших представителей этой буржуазии, Гучков, в своих показаниях следственной комиссии Временного правительства недаром указывает, что после 1905 года перед Россией «открылись те два пути, которые в такой период истории всегда открываются перед страной: либо путь реформ, либо путь переворота [3]). Но я еще до физической смерти Столыпина изверился в возможность мирной эволюции для России; по мере того как он (Столыпин, *Э. Г.*) политически мало-по-малу умирал, для меня становилось все яснее, что Россия ходом вещей будет вытолкнута на второй путь — путь насильственного переворота, разрыва с прошлым и, как бы сказать, скитания без руля, без компаса по безбрежному морю политических и социальных исканий» [4]). Но то, что ясно было даже Гучковым, не поняли наши русские меньшевики-ликвидаторы, которым казалось, что царская монархия уже переродилась, уже превратилась в буржуазную монархию и что поэтому надо организовать рабочий класс не для революции, а только для защиты своих экономических требований, ибо России предстоит длительная полоса мирного обновления страны.

---

[1]) Н. Ленин, Собр. соч., т. XI, ч. 1, стр. 373.
[2]) Там же.
[3]) «Падение царского режима», т. VI, стр 249.
[4]) Там же, стр. 253.

Против этого ликвидаторского понимания социального существа русского самодержавия Ленин и направил острие своей критики. Теоретические построения ликвидаторов заставили Ленина дать свой ответ на вопрос о социальной сущности самодержавия и возможности его эволюции. Но вместе с тем в борьбе с «ликвидаторством слева», с отзовистами, Ленин вынужден был подчеркнуть и другую сторону медали: он указывал, что не все осталось по-старому, что многое изменилось и что если самодержавие и не переродилось, если мирная эволюция и не удалась, то попытки были, правда, попытки, затронувшие не столько социальную сущность самодержавия, сколько формы и методы его господства. Ибо самодержавие XVII в. «не похоже» на самодержавие XVIII в., самодержавие XVIII в. не похоже на самодержавие XIX в., а самодержавие XIX в. не похоже на самодержавие XX в. «Но переход от одной формы к другой нисколько не устраняет (сам по себе) господство прежних эксплоататорских классов при иной оболочке» [1].

Вопрос о социальной сущности самодержавия далеко не был чисто теоретическим вопросом в тот период времени. Ответ на этот вопрос был необходим именно для того, чтобы определить основы тактики революционной партии и «направление главного удара». Исходя из своего анализа самодержавия, Ленин и приходил к выводу о необходимости нового «общедемократического натиска», новой волны буржуазно-демократической революции. «Старые задачи», несмотря на «новые условия», остались в силе Ленин ожесточенно борется со всеми, кто хочет перепрыгнуть через «общедемократический натиск», через буржуазно-демократический этап нашей революции прямо к социалистической. «Самодержавие попрежнему стоит как главный враг пролетариата и всей демократии». Сюда должен был быть направлен первый удар.

Но империалистическая война несколько изменила как внутреннюю, так и международную обстановку, в которой должна была произойти русская революция. «Гениальный режиссер» и «ускоритель» революции — война, поставила на повестку вопрос о социалистической революции не как вопрос отдаленного будущего, а как ближайшую задачу. Это была война «эпохи конца капитализма», когда вполне созрели об'ективные условия осуществления социализма [2]. Эта война усилила и углубила противоречия между царизмом и буржуазией, царизмом и пролетариатом и крестьянством, она усилила и другой круг противоречий — между пролетариатом и буржуазией. Она поставила перед пролетариатом и его партией не только вопрос о доведении буржуазно-демократической революции до конца, но вопрос о перерастании буржуазной революции в социалистическую. Это не означало, конечно, уничтожения первого антагонизма — антагонизма между крепостническим царизмом и капитализмом — и замены его вторым антагонизмом — между пролетариатом и империалистической буржуазией. Первый антагонизм перевоплотился во второй, — говорила Р. Люксембург на Лондонском с'езде нашей партии. Это говорилось,

---

[1] Н. Ленин, Собр. соч. т. XI, ч. 1, стр. 203.
[2] Н. Ленин, Собр. соч., т. XIII, стр. 47.

следовательно, до войны. Но и в период войны перед Февральской революцией это не было верно, ибо это означало, что «империализм противопоставляет не буржуазную нацию старому режиму, а пролетариат — буржуазной нации» (*Троцкий*).

А Ленин, как известно, по этому поводу говорил, что это забавный пример «игры в словечко «империализм» и что если в России уже противостоит пролетариат «буржуазной нации», тогда, значит, Россия стоит прямо перед социалистической революцией. Прямо, непосредственно перед социалистической революцией Россия в годы войны не стояла. «Социалистическая революция придвинута ходом войны», — говорил Ленин на апрельской конференции, придвинута и для мирового капитализма и для России. Но первые шаги этой приближающейся в России революции начнутся не с прямого прыжка в социалистическую революцию, а с гражданской войны пролетариата и крестьянства против царизма. Буржуазно-демократический этап неизбежен». Исходя из всей ленинской концепции, нельзя изображать этот первый этап ни как случайность, ни как оплошность.

Были ли или не были Ленин и руководящая группа большевиков в России, революция в России должна была развертываться на фоне перерастания буржуазной революции в социалистическую, со всеми этапами этого перерастания, и не могла родиться как непосредственно социалистическая революция. Ибо задачи буржуазной революции остались в полной мере и в 1917 году, и когда конкретная обстановка развертывания нашей Февральской революции показала Ленину исключительное своеобразие обстановки России, когда были вскрыты все тайные возможности русской революции, он поставил вопрос о социалической революции. Но как поставил? Не как задачу, которая может быть разрешена с сегодня на завтра, а как длительную задачу подготовки и организации масс. Перерастание буржуазной революции в социалистическую неизбежно, ибо борьба против царизма совместилась с борьбой против империализма, ибо «для того чтобы война могла быть окончена, власть должна перейти в руки революционного класса». А когда «в России первая гражданская война кончилась, необходимо было перейти ко второй войне — между империализмом и вооруженным народом» [1]).

Следовательно, подводя итоги, мы можем указать, что линия Ленина по вопросу о характере русской революции была водоразделом между двумя точками зрения: она боролась и «направо», и «налево». И с теми, кто переоценивал буржуазно-демократический этап нашей революции, кто не понимал задач перерастания; и с теми, кто делал головокружительный скачок прямо в социалистическую революцию, не понимая необходимости первого этапа, даже как этапа.

Таковы были задачи и возможности русской революции, уже оправдавшие себя исторически. Но нашей задачей является на конкретном анализе классовых сил накануне и в первые дни революции дать картину нарастания и развертывания этой революции.

---

[1]) «Протоколы апрельской конференции», стр. 47-48.

Глава первая

РОССИЯ НАКАНУНЕ РЕВОЛЮЦИИ

1. Разложение царизма

Первый удар по царской монархии — такова основная задача предстоящей революции. От силы, успешности первого удара и от того, кто нанесет его, зависело дальнейшее поступательное развитие революции. Но сила удара, нанесенного в феврале 1917 года, превзошла сопротивляемость старого режима. И это произошло именно потому, что не только «низы не хотели», но и «верхи не могли» жить по-старому. То, что Ленин считал одним из основных признаков наличия революционной ситуации — «невозможность для господствующих классов сохранить в неизменном виде свое господство; тот или иной кризис политики господствующего класса»[1]), с необычайной силой проявилось в России в годы, предшествующие революции. История вырождения и разложения самодержавия перед 1917 годом представляет большой интерес именно потому, что это в значительной мере предопределило то соотношение классовых сил, которое мы имели в России накануне революции, и ту сравнительную легкость, с которой революция сломила самодержавие.

Анахроничность, гнилость, разложение русского самодержавия достигли своего апогея в годы войны. История последних дней царского режима на первый взгляд — сплошной исторический анекдот. Самодержавие давно пережило все сроки, положенные ему историей, и в то же время не могло, не умело переродиться в буржуазную монархию. И если раньше, после первой русской революции, кое-что намечалось в этом направлении, то в годы войны царизм опять пятится назад, поворачиваясь к России своим крепостническим лицом, выявляя с особой резкостью и определенностью свою истинную сущность. Недаром же картина разложения и распада самодержавия заставляла даже Палеолога с чувством известной благодарности вспоминать Великую французскую революцию. «Когда я размышляю о всем, что в русском социальном и политическом строе есть архаического, отсталого, примитивного и себя пережившего, я часто говорю себе: «Такой же была бы Европа, если бы у нас в свое время не было возрождения, реформации и французской революции» [2]).

---

[1]) Н. Ленин, Собр. соч., т. XIII, стр. 139.

[2]) Палеолог, Царская Россия накануне революции, стр. 27.

Эти архаизмы русской жизни не напрасно останавливали на себе внимание французского посла. Внешняя политика самодержавия накануне революции не могла не внушать опасения. Возможность сепаратного мира России с Германией дамокловым мечом висела над головами как союзников, так и нашей отечественной буржуазии. Ибо для заключения мира с Германией у Романовых были достаточно веские основания.

Царское самодержавие приняло участие в войне под давлением прежде всего мирового империализма. Свою зависимость от западно-европейского, прежде всего англо-французского капитала оно воочию реализовало в этой войне.

В войне была кровно заинтересована и русская империалистическая буржуазия. Но это не значит, что самодержавие своим участием в этой войне перешло на почву преимущественной защиты интересов русского и связанного с ним западно-европейского империализма.

«Отношения между монополиями капитала и царизмом были не отношениями сращивания, а отношениями одностороннего, хотя и не дошедшего до конца, подчинения государства русских помещиков монополиям капитала» [1]). Самодержавие было втянуто в войну в силу своей зависимости от западно-европейского капитала и в силу давления русской империалистической буржуазии. Конечно, в этой войне самодержавие отражало и «исконные» «исторические» интересы русского торгового капитала. И как только интересы этого торгового капитала перестают совпадать с интересами русской и союзнической империалистической буржуазии, самодержавие тянется к сепаратному миру. Но сделать это не так просто. «Империалистическая буржуазия в компании с дорогими союзниками крепко держала за хвост» [2]). В этом причина шатающейся, неровной, зигзагообразной внешней политики самодержавия в годы войны. Интересы части русских помещиков и главным образом тех помещиков, которые были «опорой трона», требовали скорейшего заключения мира. А «хлыст» в руках «дорогих союзников», хлыст финансовой и экономической зависимости, вынуждал продолжать войну.

Противоречие между «сущим» и «должным», между интересами помещиков и реальной зависимостью от союзников приводило к тому, что о мире мечтали, мира хотели, но на мир все же не решались, или, быть может, только «не успели» решиться. Правда, причина того, что не решились, заключалась не только в зависимости от союзников, но и в боязни, что сепаратный мир вызовет революцию. По этому поводу Ленин писал: «Царь мог сказать Вильгельму: «если я открыто подпишу сепаратный мир, то завтра тебе, о, мой августейший контрагент, придется, пожалуй, иметь дело с правительством Милюкова и Гучкова, если не Милюкова и Керенского. Ибо революция растет, и я не ручаюсь за армию, с генералами которой переписывается Гучков, а офицеры ко-

---

1) Крицман, Предисловие к книжке Ронина.
2) М. Покровский, «Красный архив», т. XVII, стр. 1.

торой теперь больше из вчерашних гимназистов. Расчет ли нам рисковать тем, что я могу потерять трон, а ты можешь потерять хорошего контрагента?» [1]).

Но если на мир и не решились, то того, что было, оказалось вполне достаточным, чтобы серьезно забеспокоились и союзники и русская буржуазия. «Невольный слуга» западно-европейского империализма, русское самодержавие становилось не совсем подходящим контрагентом как для союзников, так и для русской буржуазии. Недаром же вступление Николая в обязанность верховного главнокомандующего так беспокоило русскую буржуазию и союзников. Не верили Николаю, не верили и его министрам. Вот как описывает Милюков, бывший в это время за границей, впечатление, произведенное назначением Штюрмера: «Впечатление было удручающее, и я наглядно видел, стоя близко к нашему лондонскому и парижскому посольству, насколько гибельно отразилось появление Штюрмера на наших отношениях с союзниками. Бенкендорф, который беседовал со мной довольно откровенно, рассказывал, что появление Штюрмера испортило все его отношения, что он привык пользоваться доверием иностранцев, что всегда ему предупредительно сообщали всякие секретные сведения, а теперь он оказался в том положении, что когда он приходит, то от него припрятывают в стол бумаги, чтобы не показывать, и что когда он шокированный этой переменой, спросил о причине, то ему сказали: «Знаете, мы не уверены теперь, что самые большие секреты не проникнут к нашим врагам. Напротив, мы имеем признаки, что каким-то способом эти секреты становятся известными неприятелю со времени назначения Штюрмера».

Все эти подозрения если и были преувеличены, то все же не могли не иметь определенной основы.

Этой основой, по мнению многих, было колоссальное и все увеличивающееся влияние Распутина на царскую семью. А Распутин был признанным германофилом и, по мнению Родзянки, по-просту немецким шпионом. То, что Распутин был против войны и за сепаратный мир, вряд ли можно оспаривать. Нельзя также оспаривать и его огромной роли в последние годы существования царского режима. Но вряд ли можно считать, что именно под давлением его личных вкусов и настроений проводилась внешняя политика самодержавия. Распутин — эта колоритная фигура последних дней царизма — оказывал, конечно, сильное влияние на Николая и его семью, но не он о п р е д е л я л направление политики царизма. Дом Распутина был «комиссионной конторой» по обделыванию всяких дел, на которых он солидно зарабатывал. Ибо, несмотря на то, что в его руках был кошелек «самого богатого человека в мире», вряд ли он им пользовался, так как при дворе хотел слыть прежде всего «благочестивым старцем». Манусы и Рубинштейны непрочь были повлиять через него на желательное для них направление политики самодержавия. Но «общеизвестная склонность» Романовых к сепаратному миру об'яснялась не столько влиянием Рас-

---

[1]) Н. Ленин, Собр. соч. т. XIII, стр. 485.

путина, сколько интересами тех социальных слоев, которые самодержавие преимущественно отражало.

Характерно, в чем искала сама буржуазия причины склонности царизма к сепаратному миру. Вот как описывает настроение буржуазии по этому поводу охранка:

«Для германофилов придворной партии, связанной тесными и неразрывными кровавыми и национальными узами с германской военной аристократией и вместе с нею преклоняющейся перед Вильгельмом, сепаратный мир — это не только поддержание вековых и милых сердцу связей, но и сохранение своего положения при русском дворе и, с их точки зрения, укрепление царствующей династии, которой, в случае победы Четверного согласия, грозит умаление прерогатив и постепенное аннулирование царской власти, как это имело место в Англии...

По роковой случайности вожди наших правых партий являются крупными владельцами в пограничной с Германией полосе. Пожар войны прежде всего должен охватить их громадные поместья... Сепаратный мир, спасая от разорения юго-западный край и юг России, сохраняет неприкосновенными их богатства... Сепаратный мир, предлагаемый императором Вильгельмом, не только выгоден для России в имущественном отношении. Он обещает и громадные государственные выгоды, так как теперешняя мировая война блестяще и неоспоримо доказала лишь, насколько гибельно было для России ее уклонение от традиционной дружбы с Германией и как пагубно было ее либеральное увлечение дружбой с республиканской Францией и конституционной Англией. Теперешняя война доказала, что только железный союз двух императоров — германского и всероссийского — создаст тот грозный молот, который в любой момент может разрушить весь мир» [1].

Интересно в этих данных именно то, что, помимо чисто экономической заинтересованности большинства правых кругов в заключении сепаратного мира, подчеркиваются *политические моменты*, имеющие большое значение. Союзники, как представители «демократических» стран, далеко не были по душе Романовым. Правда, до войны республиканский или конституционный строй этих стран не мешал дружеским отношениям. Но в годы войны союзники начинают поддерживать русскую империалистическую буржуазию больше, чем самодержавие. Это они говорят о необходимости реформы, о значении Думы и начинают помышлять об отказе в займах в случае роспуска этой Думы. Открыто выражаемые союзниками симпатии к общественным организациям буржуазии, к Думе, конечно, не могли не волновать Романовых. Антагонизм между царизмом и союзниками все более усиливается. Когда Палеолог осторожно запросил Сазонова, не может ли он повлиять на Николая в смысле изменения его политики, то получил следующий ответ: «Бога ради не делайте этого! Вам особенно нельзя выступать, вам, представителю республики! Даже на меня косятся — я, де, олицетворяю союз с западными демократиями! В какое

---

[1]) Цитирую по книге *Граве*, «Буржуазия и царизм накануне революции», Центрархив (печатается).

же положение попали бы вы, если бы был малейший предлог обвинять вас во вмешательстве в нашу внутреннюю политику?».

Слова Сазонова не помешали и Бьюкенену и Палеологу не раз напоминать Николаю, что следовало бы кое-что изменить в направлении его политики. Особенно старался первый. Но эти разговоры не имели никаких последствий, и чем дальше, тем все суше относился к ним Николай.

Мир между англо-французскими империалистами и русским самодержавием был нарушен. Каждая сторона была недовольна поведением другой. Это частично предопределило ту позицию, которую заняли союзники в начале Февральской революции. Милюков и Гучков у власти более отвечали их интересам, нежели Николай Романов. Конечно, приход этих людей к власти мыслился не в форме народной революции, а в той же форме, о которой мечтала и русская буржуазия, — в форме или дворцового переворота или добровольных уступок власти. Но то, что англо-французская буржуазия была за реформы, за работу с Думой и общественными организациями, об'ясняется не только боязнью сепаратного мира, но и предвидением неизбежных внутренних потрясений, революции при существующей обстановке.

Все эти опасения не могли не вызывать чувства все более увеличивающегося недовольства царизмом. И если даже не считать этот антагонизм между союзниками и самодержавием достаточно острым и серьезным, то все же хотя бы временный отказ от поддержки русского самодержавия и трения с ним накануне революции были тем плюсом, правда, не очень значительным, который поставила история на сторону революции. Это же частично повлияло и на своеобразие развертывания первого этапа.

Но отмечая все факты, усиливающие антагонизм между союзниками и самодержавием, нельзя в то же время не отметить, что недовольство союзников, в свою очередь, влияло на направление политики царизма. Самодержавие в годы, предшествующие его падению, почти не может вести своей политики как в области внешней, так и в области внутренней. Желая сепаратного мира, оно не может заключить его и вследствие своей зависимости от франко-английских империалистов и вследствие все более усиливающейся боязни революции. Отсюда шатающаяся, неровная его позиция в этом вопросе. То же самое наблюдается и в отношении внутренней политики. Искренно желая встать на путь «революционно-правой» политики, оно в то же время совершенно бессильно провести это желание в жизнь.

Рассмотрение фактов внутренней политики самодержавия неизбежно приводит к выводу об отсутствии какой-либо определенной системы политики, дает картину бесконечных шатаний, не имеющих по существу никакого смысла и еще более ускоряющих падение самодержавия. За время от 1914 до 1917 года у царизма было несколько попыток если не договориться, то все же хотя бы успокоить Думу и «общественность».

«Вообще наблюдалось, что правительство принимало те или другие меры к смягчению ожидаемого конфликта, или меняя, как раньше было,

председателя Совета министров, или приглашая, по его мнению, лицо годное, чтобы повлиять на Государственную думу» [1]).

Таких попыток было несколько: 1) под влиянием первых неудач на фронте удалены в угоду буржуазии военный министр Сухомлинов и министр внутренних дел Маклаков. Расширены права общественных организаций; 2) август 1915 г. Попытки Совета министров договориться с вновь образовавшимся Прогрессивным блоком; 3) при премьерстве Штюрмера «состоялся целый ряд попыток Штюрмера и близких к нему людей, чтобы как-нибудь наладить отношение к Государственной думе», — указывает Милюков в своих показаниях следственной комиссии Временного правительства; 4) как признак возможного поворота в правительственной политике считали приезд Николая в Думу 10 февраля 1916 г.; 5) удаление Штюрмера 10 ноября и назначение Трепова. Милюкову по этому случаю даже казалось, что «это есть как раз первый шаг к ответственности, что лицо, вызвавшее резкое осуждение, было удалено». Этой необходимостью хоть видимых уступок об'яснялась и пресловутая «министерская чехарда», волновавшая буржуазию прежде всего потому, что призываемые на время в правительство ее представители или люди, желательные ей, обычно довольно быстро кончали свою министерскую карьеру.

Все эти попытки примирения с общественностью, на которые повременам шла сама власть, ни к чему не приводили и привести не могли. Ибо правительство не столько уступало, сколько иногда немного отступало под давлением слагающейся обстановки. И отступало опять-таки больше благодаря влиянию союзников, чем под влиянием той фронды, которую вела русская буржуазия. Правительство несомненно больше всего боялось движения низов и весьма спокойно смотрело на недовольство буржуазии. «Митингующую Думу» нельзя было не признать меньшим злом, чем рабочие беспорядки.

Но и отступало правительство неровно, нерешительно, тотчас же, иногда через пару дней, возвращаясь на оставленные позиции. Это одинаково волновало и правых и «левых».

За отсутствие какого-либо единства и плана в действиях ругали царизм даже его собственные министры. Записи заседаний Совета министров, составленные Яхонтовым и опубликованные в XVIII томе Архива русской революции (за промежуток времени от июля до сентября 1915 г.) пестрят замечаниями о том, что нужно выбирать «путь направо или налево», «нужна либо диктатура, либо примирительная политика», «внутреннее положение страны не допускает сидения между двух стульев» [2]).

«Золотая середина» считается гибельной в переживаемых Россией условиях. Либо военная диктатура, либо примирение с общественностью — так ставит вопрос Кривошеин на тех же заседаниях Совета министров.

---

[1]) «Падение царского режима», т. VI, стр. 343. Показания Милюкова — там же, стр. 348.

[2]) «Архив революции», т. XVIII, стр. 93.

И сторонники «крутых мер» и «твердой власти», и сторонники «единения с общественностью» были одинаково недовольны политикой правительства. Представитель правых Левашев в заседании Государственной думы 1 ноября 1916 г. подчеркивал, что беда правительства не в том, что оно не работает в союзе с общественными организациями, а в другом — «в разрозненности, непоследовательности его действий, в отсутствии единой решительной и твердой власти и, наконец, в боязни крутых мер, которые, однако, явно необходимы при обстоятельствах военного времени. Правительство повинно скорее в желании всем угодить, а вовсе не в том, что оно кого-то может угнетать» [1]).

А между тем никто, вероятно, больше не желал твердой власти и революционно-правой политики, нежели Н. Романов и его жена. Николай только сомневался, как рассказывает Протопопов, «насчет крайней правой политики, вместит или не вместит ее страна» [2]). И именно боязнь того, что «не вместит», приводила царского министра Штюрмера к мысли о необходимости хоть видимости компромисса, к тому, чтобы «сжимать в нужных случаях в бархатных перчатках не отвечающие его задачам те или иные порывы общественности» [3]).

О том, что необходимо иметь «бархатную перчатку на железной руке», писал Романову 1 марта 1917 года начальник английской военной миссии ген. Вильямс. Как видим, некоторые меры в этом отношении пытался предпринять царизм до 1 марта. Но не удалось. Не удалось именно потому, что не было по существу ни бархатной перчатки, ни железной руки. Последнее не значит, конечно, что гнет самодержавия в какой-либо мере ослабился, наоборот, он усилился во много раз. Но старческая дряхлость самодержавия и исключительное по глубине противоречие между его социальной сущностью и экономическим положением страны приводило только к топтанию на месте, без всяких реальных результатов. В таких случаях небольшие уступки и отступления лишь сильнее усугубляли существующие противоречия, а потуги на твердую власть не могли не кончиться полным крахом.

Уже в 1915 г. в Совете министров идут бесконечные разговоры о том, что «у правительства нигде нет опоры», что «правительство висит в воздухе, не имея опоры ни снизу, ни сверху» [4]).

2. Позиция дворянства накануне революции

Эта шатающаяся политика самодержавия, это «полное бессилие власти, несмотря на монархию» (Милюков), неизбежно приводили к исключительной оторванности, изолированности власти от всех социальных слоев и частично даже от тех, чьи интересы самодержавие непосредственно представляло.

Речь идет здесь не столько о капиталистических помещиках, интересы которых крепко срослись с интересами промышленного капи-

---

[1]) Стенограф. отч. Гос. Д. 4-го созыва, сессия 5, засед. первое, стр. 271.
[2]) «Падение царского режима», т. V, стр. 275.
[3]) Там же, т. IV, стр. 415.
[4]) «Архив революции», т. XVIII, стр. 59.

тала, сколько о крепостниках помещиках, бывших в течение столетий незыблемой опорой трона. А ведь и они были недовольны, как недовольна была почти вся царская семья, весь сонм великих князей и княгинь.

Причины недовольства крайних правых полностью даны в записке, вышедшей из монархического кружка Римского-Корсакова. В состав этого кружка входили наиболее видные представители крайней правой: из министров — Маклаков, Макаров, Кульчицкий, бывш. обер-прокурор синода кн. Ширинский-Шихматов, кн. Голицын. Кружок посещали Марков 2-й, Дубровин, Орлов и др.

Вся эта группа правых, как мы уже указывали выше, была недовольна правительством прежде всего из-за неопределенности его политики. Вот как характеризует Маклаков свое настроение в это время, а также и настроение кружка: «В последнее время было полное отсутствие политики, потому что не было никакого плана, не было представления, куда мы идем; шли закрыв глаза по инерции... Я бы встретил с гораздо большим сочувствием определенный излом, чем такое постепенное топтание и вымирание» [1]. И далее: «либо возьмите руль направо или налево, а то, что мы делаем — это походка пьяного от стены к стене» [2]. Это «вымирание» власти пугало «последних могикан», как называет Маклаков правых, группировавшихся в кружке Римского-Корсакова. Они «стояли у могилы того, во что верили» [3], и тщетно стремились направить руль политики в желательную для них сторону. Резкий и определенный поворот направо казался им единственным выходом из положения. И они попытались своей запиской воздействовать на власть. Основные положения записки, переданной Николаю в ноябре 1916 г. кн. Голицыным, заключались в следующем:

В введении указывалось на то, что Государственная дума вступает на революционный путь и ищет «содействия мятежно настроенных масс». Поэтому: 1) Назначить на все государственные посты министров, главноуправляющих и т. д. лиц, известных своею преданностью «единой царской самодержавной власти» и способных решительно вести борьбу с мятежом и анархией. 2) Государственная дума должна быть непременно распущена. 3) В обеих столицах ввести немедленно военное положение и даже осадное. 4) Подготовка военной силы для подавления мятежа. 5) Закрытие органов левой и революционной печати и укрепление правой. 6) Все заводы и предприятия, работающие на оборону, должны быть милитаризованы. 7) Все общественные организации должны находиться под строгим контролем правительства. 8) Широкие полномочия губернаторам и генерал-губернаторам в провинции для пресечения антиправительственных выступлений. 9) Обновление Государственного совета таким образом, «чтобы в числе назначенных по высочайшему повелению лиц не было ни одного из участников так называемого прогрессивного блока». Государственный совет продолжает ра-

---

[1]) «Падение царского режима», т. III, стр. 93, показания Маклакова.
[2]) Там же, стр. 133.
[3]) Там же, стр. 90.

боту вплоть «до общего пересмотра основных и выборных законов и окончания войны» [1]).

К пункту 2-му этой записки дана подробная об'яснительная записка, в которой критикуется распространенный в обществе взгляд, что если только государь дарует конституцию, ответственное министерство, то наступят светлые дни. Составители считают, что это мнение ошибочно. И не потому, что цели «этих умеренно-либеральных партий кадетов и октябристов идут гораздо дальше фактического захвата ими власти. Но эти элементы столь слабы, разрозненны и бездарны, что торжество их кратковременно и непрочно». И поэтому уступки правительства, «об'явление действительной конституции», привели бы в результате к полной анархии.

Ибо шел бы неизбежный процесс разгрома правых партий, поглощение партий промежуточных, центра, октябристов, прогрессистов партией кадет. Но и кадетам грозила бы та же участь, бессилье в борьбе с левыми. В результате они неизбежно уступят левым дорогу и тогда... анархия, коммуна и, возможно, новый мужичий царь на троне в виде Пугачева или Стеньки Разина.

Вот перспектива, нарисованная наиболее дальновидными из правых. Реформы, по их мнению, в данных условиях не предотвратят революции. И спасение от полной гибели они видели только в установлении диктатуры. Эти «последние могикане» самодержавия не могли, конечно, понять, что «путь диктатуры» так же, как путь реформы, не предотвратит революции. Что диктатура вымирающего самодержавия немыслима, ибо буржуазия захватным путем, волею экономических и исторических законов у ж е берет в свои руки власть. Недаром же Милюков указывал, что единственный выход он видел в «параллелизме действий» власти и «общества». Власть делает одно, а мы, буржуазия, делаем другое. И поэтому эта записка правых, как и вторая записка Говорухи-Отрока, требовавшая законосовещательной Думы, остались без последствий. Правда, в последние месяцы существования царской власти начали, казалось бы, предприниматься решительные меры. Маклакову было поручено написать манифест о роспуске Думы с назначением новых выборов на ноябрь месяц 1917 года. Проект манифеста Маклаков привез Николаю, по его словам, 11-12 февраля. Причем, как мы видим, окончательно покончить с Думой не решались, хотели лишь временной передышки. Во всяком случае в последние месяцы своего существования власть как будто бы решается вступить на путь твердой политики, готовит ружья и пулеметы для подавления мятежа, предпринимает целый ряд репрессивных мер по отношению к общественным организациям, очищает Совет министров от последних сторонников «единения с общественностью» (Игнатьев) и выжидает начала решительной схватки. Но группа крайних правых по своему удельному весу и количественному составу была чрезвычайно незначительна в то время. Единство в правых организациях все больше уступало место раз-

[1]) Записка перепечатана в книге Блока, «Последние дни императорской власти» и в V томе «Падения царского режима», стр. 247.

броду и откалыванию от правых значительной группы сочувствующих. Характерна в этом отношении эволюция таких людей, как Пуришкевич, откол от правой фракции Государственной думы группы священников и крестьян. Совет об'единенного дворянства к концу 1916 года окончательно примыкает к платформе, занятой Прогрессивным блоком. Даже Государственный совет, эта «пробка» для всех решений Государственной думы, 22 ноября 1916 г. голосами даже правой принимает резолюцию, аналогичную думской, о смене министерства.

Об едином дворянстве в это время вообще говорить не приходится. Прав Ларин, когда указывает в своей статье, написанной в 1910 г., что «господствующий класс землевладельцев делится теперь на два слоя с неодинаковыми интересами: крепостники — выжиматели аренды, с одной стороны, аграрии — организаторы собственного капиталистического производства — с другой» [1]).

Интересы какой же из этих двух групп помещиков преимущественно отражало самодержавие? По мнению того же Ларина, «Власть осталась традиционной представительницей крупного землевладения, но более связала свою судьбу с крепнущей его частью, с хозяйствующими аграриями, и за счет осужденных мировой кон'юнктурой на ослабление крепостников с их арендой — стала кое в чем уступать об'ективным требованиям буржуазного развития» [2]). Если это верно в некоторой мере по отношению к периоду после 1905 г., к периоду столыпинщины, то эту характеристику никак нельзя отнести к периоду, предшествовавшему революции.

Крепостническое лицо самодержавия выявляется в это время с особенной силой, несмотря или, вернее, благодаря всей вынужденности его уступок буржуазии. Благодаря этому интересы капиталистической группы помещиков все теснее смыкаются с интересами промышленной буржуазии, и они сплоченной группой выступают против самодержавия. Таким образом, эта часть помещиков перестает быть социальной опорой трона. Это обусловливает собой также и тот факт, что буржуазия окончательно перестает искать союзника «слева», что она пыталась еще делать в 1905 г., и окончательно успокаивается на союзнике «справа».

Все это, вместе взятое, привело почти к полной изоляции власти, к тому, что она лишилась опоры со стороны даже своих традиционных союзников. Власть окончательно изжила себя, и для того, чтобы она ушла, требовалось только «уронить» ее. Но «уронить» так, чтобы она разбилась вдребезги, не решались и не хотели не только правые, но и буржуазия. Негодование против власти со стороны правых и дворянства об'яснялось прежде всего желанием сохранить ее, быть может, в несколько урезанном виде, но все же сохранить. Фронда диктовалась преимущественно интересами самозащиты, ибо приближающаяся революция первым долгом неизбежно ударила бы вместе с самодержавием и по дворянству. Отсюда одновременные мольбы и угрозы по адресу власти как-нибудь спасти положение.

---

1) Ю. Ларин, Экономика досоветской деревни, стр. 185.
2) Там же, стр. 189.

3. Буржуазия накануне революции

Так же, как и дворянство, боялась революции буржуазия. Но исходный пункт, основная причина борьбы у буржуазии иная, нежели у дворянства. Буржуазия в годы войны ведет борьбу с самодержавием не только потому, что боится надвигающейся революции и желает предупредить ее. Помимо боязни революции, у нее есть достаточно веские основания для борьбы с царизмом, ибо, несмотря на уступки, делаемые самодержавием, противоречия между буржуазией и царизмом не только не уменьшались, а значительно увеличивались и наибольшей остроты достигли как раз в годы войны, когда вопрос о власти для буржуазии стал вопросом жизни или смерти. Буржуазия хочет власти для себя, но в то же время не решается, боится, а главное, не может вступить в открытую борьбу с царизмом за власть. И об'ясняется это, конечно, не тем, что противоречия буржуазии с царизмом так уж незначительны, а прежде всего тем, что благодаря растущей революционной силе пролетариата, она самой историей обреклись на бездействие, на компромисс, на соглашение. Разрешить проблему власти революционным путем буржуазия уже не могла, ибо вечно находилась между молотом и наковальней, между надвигающейся революцией и царизмом. И естественно, что противоречия между буржуазией и пролетариатом заслоняли и смягчали противоречия между нею и царизмом, но ни в коем случае не могли их полностью устранить. Формы и методы борьбы буржуазии с царизмом на всем протяжении XX в. неизбежно носили на себе следы «социального испуга». «Призрак коммунизма», стоявший за спиной буржуазии, обуславливал характер и методы ее борьбы с самодержавием.

И поэтому в годы войны, как и прежде, вся тактика буржуазии строится на мечтах и надеждах о соглашении с самодержавием, о возможных уступках с его стороны, о мирном приходе к власти. Получением власти в свои руки буржуазия надеялась, с одной стороны, успешно закончить войну, которую так неуверенно, неудачно, если даже не предательски, вело самодержавие, и в то же время «разумными» мероприятиями предотвратить надвигающуюся революцию. А веяние этой приближающейся революции буржуазия ощущала довольно явственно. На июньской конференции кадет уже в 1915 году Милюков, энергично борясь против левых течений в партии, которые предлагали более решительные действия, вплоть до созыва Думы явочным путем в случае ее роспуска, следующим образом об'яснял, почему это невозможно.

«Представим себе одну минуту, что Государственной думе действительно удалось собраться явочным порядком. Газеты успели оповестить об этом факте общество. Общество узнало и основное требование Думы — долой бездарных министров, долой бездарное правительство, которое обрекает армию на гибель в тот момент, когда доблестная армия прокладывает себе путь к победе. Но бездарное правительство не желает без боя уходить. Что же

получается? Ясно, что требование Государственной думы должно быть поддержано властным требованием народных масс, другими словами, в защиту его необходимо революционное выступление. Неужели об этом не думают те, кто с таким легкомыслием бросают лозунг какой-то явочной Думы? Это именно легкомыслие того порядка, которое должно быть названо преступным. Лица, бросающие подобные лозунги, играют огнем, они, очевидно, совершенно не учитывают того ужасного напряжения, в каком сейчас находится, вся Россия, в ужасной слепоте не видя тех последствий, к каким привело и приводит это направление. Весьма вероятно, что правительство пока тоже не отдает себе отчета в том, что происходит там, в «глубине России», но мы, чуткие интеллигентные наблюдатели, ясно видим, что мы ходим по вулкану, что характер сохраняемого равновесия таков, что достаточно легкого толчка, чтобы все пришло в колебание и смятение. Вся Россия сейчас — сплошная воспаленная рана; все — боль, все — горе, все — страдание... Пусть скажут делегаты с мест, чего можно ждать на почве одной только дороговизны жизни. Здесь напряжение достигло последнего предела. Здесь — в том состоянии, что достаточно неосторожно брошенной спички, чтобы вспыхнул страшный пожар, и храни нас бог увидеть этот пожар. Это не была бы революция, это был бы тот «ужасный русский бунт, бессмысленный, беспощадный», который приводил в трепет еще Пушкина. Это была бы та вакханалия черни, свидетелями которой мы были только что в Москве. Это была бы новая волна той мути, поднявшейся со дна, которая победила прекрасные ростки революции в 1905 году» [1]).

Мы привели эту длинную цитату именно потому, что в ней — ключ к пониманию всей тактики русской буржуазии в годы войны. Чувствуя и осязая близкое дыхание революции, буржуазия мечтала лишь об одном: захватом власти в свои руки предупредить революцию и тем самым отложить на довольно значительный срок возможность этой революции. Таким путем она разрешила бы *проблему власти без революции*, без помощи масс, собственной рукой, путем соглашения с самодержавием. Это основная и единственная ставка буржуазии. Она не удалась и не могла удаться, но в этом смысл всей борьбы буржуазии в годы войны. Первые месяцы этой войны буржуазия pnaдеялась на добровольные уступки власти и поэтому, обращаясь к правительству, она провозгласила устами Милюкова на заседании Государственной думы 26 июля 1914 года свою знаменитую формулу «мы не ставим условий и требований». Но надежды ее в этом отношении не оправдались. В то же время неудачи на фронтах, которые к осени 1915 года приняли весьма внушительные размеры, заставили буржуазию несколько изменить линию, взятую в начале войны, и подумать об «условиях и требованиях», которое необходимо пред'явить власти. Буржуазия с этого времени переходит на почву борьбы с правительством.

---

[1]) *Граве*, Буржуазия и царизм накануне революции, Центрархив (печатается).

О целях этой борьбы мы говорили выше: получить власть, предупредить революцию, успешно закончить войну. А методы воздействия на власть вытекали непосредственно из характера намеченной цели. Открытый разрыв с властью и слишком решительная борьба могут впутать в дело массы. Ибо что получается, если при наличии решительного натиска Думы правительство не пожелает без боя уходить? — трагически вопрошал Милюков своих товарищей по партии. А отсюда вывод: борьба с властью должна вестись исключительно в законных, прежде всего парламентских формах.

«Либерализм сделал последнее, тоже в своем роде героическое, усилие: он попытался обмануть эту логику, обойти положение созданием такого «единства», такой общественно политической консолидации, которая одним фактом своего бытия могла бы, по мысли их авторов, — сделать давление парламента на власть настолько действительным, чтобы тем самым устранялась необходимость в искании иных, вненародных методов воздействия на власть, а главное, — упразднялась необходимость в расширении до действительно всенародных размеров этого самого воздействия. Прогрессивный блок и предназначался играть такую роль спасителя» [1])...

Задачи и смысл создания блока здесь очерчены вполне правильно. Создавая блок, буржуазия надеялась, во-первых, что устраняет необходимость в давлении страны, и, во-вторых, создает такую внушительную силу, с которой не сможет не считаться правительство. «Утопия парламентского всесилия» захватила большую часть буржуазии. По мнению Милюкова, после создания блока «лишь Государственная дума должна и может диктовать стране условия борьбы с властью, одна лишь она должна об'единять всю эту борьбу и выдвигать для этого соответствующие лозунги. Помимо Государственной думы, никто, ни один класс населения, ни одна общественная группа не вправе выставлять свои лозунги и самостоятельно начинать или вести означенную борьбу» [2]).

Методы легальной, чисто парламентской борьбы с правительством — вот путь буржуазии к власти. «Мы будем говорить, чтобы народ молчал», — характеризует Шульгин смысл думской борьбы.

«Мирная эволюция за спиной и с санкции самого правительства» (Милюков) — основная задача блока и буржуазии.

В первые месяцы создания блока буржуазия полна надежд, что эта мирная эволюция удастся, ибо правительство не устоит перед силой давления преобладающего большинства Думы. Но правительство не пошло на те уступки, которых так желала Дума. Что же дальше? Каким путем итти к власти, если затея с Прогрессивным блоком не удалась? Этот вопрос со всей остротой встал перед буржуазией. Но если говорить об ответе, который был дан большинством бур-

---

[1]) «Дело» № 3, стр. 64, ст. Потресова, «Либеральная философия бездействия».

[2]) Граве, Буржуазия и царизм накануне революции, Центрархив (печатается).

жуазии на этот жизнью поставленный перед нею вопрос, то он заключается в следующих словах Милюкова, сказанных на открытии Думы 10 февраля 1916 г.: «Я, господа, говорю не для того, чтобы предложить способы выхода, я их не знаю. Я знаю, где этот выход, но как до него дойти, я не знаю. У нас нет средств решить этот вопрос своими силами, и мы не решаемся более обращаться к государственной мудрости власти [1])».

Таким образом, к 1916 году буржуазия зашла в тупик и тщетно искала выхода. Разрешить проблему власти путем соглашения с царизмом не удавалось. Незначительные уступки власти не давали никаких реальных результатов. Недаром «Утро России», газета московских прогрессистов, писала по поводу назначения Трепова: «чем больше перемен, тем больше все остается по-старому». Основная политическая линия буржуазии — борьба с царизмом на парламентской почве исключительно в законных формах, курс на мирную эволюцию власти, — явно оказалась битой. И поэтому, начиная с конца 1916 года, именно в период наибольшего развала власти, в период наибольшего экономического и политического кризиса, фрондирующая буржуазия переживает полосу депрессии и полного упадка сил.

В передовой, посвященной открытию февральской сессии Думы (14 февраля 1917 года), «Русские ведомости» пишут о более высоком под'еме в «ноябрьские дни» (речь идет о ноябрьской сессии Думы), нежели в «февральские». Психическая атмосфера февральских дней характеризуется «глухим чувством безнадежности», от которого «немеют голоса», «бледнеют страсти» и «замирает воодушевление» [2]). Почти в тех же тонах пишет о февральской сессии и Родзянко:

«Настроение в Думе было вялое, даже Пуришкевич, и тот произнес тусклую речь. Чувствовались бессилье Думы, утомленность в бесполезной борьбе и какая-то обреченность на роль чуть ли не пассивного зрителя. И все-таки Дума оставалась на своей прежней позиции и не шла на открытый разрыв с правительством. У нее было одно оружие — слово, и Милюков это подчеркнул, сказав, что Дума будет действовать «словом и только словом» [3]).

Таков исторический путь, пройденный буржуазией за годы войны. В этом пути можно наметить три этапа:

Первый этап — от начала войны до весны 1915 года, этап единения с властью, когда буржуазия не ставит «условий и требований», а надеется на реформы сверху, которые будут даны добровольно.

Второй этап — этап «неоправдавшихся надежд» — этап легального парламентского давления на власть, принимающий по временам довольно острые формы, несмотря на общую контрреволюционность буржуазии.

И наконец третий этап — крах всей тактики буржуазии и Прогрессивного блока, период, когда данные на мирный выход из создав-

---

[1]) Цитирую по ст. Потресова в журнале «Дело» № 3.
[2]) «Русские ведомости» от 17 февраля, № 39.
[3]) «Архив революции», т. XVII, стр. 168.

шейся обстановки почти потеряны, когда буржуазия чувствует себя обреченной на роль «пассивного зрителя», не могущего ничего изменить в развертывающихся событиях.

Этот третий этап воочию доказал, насколько негодными оказались методы, применяемые буржуазией в борьбе с правительством для разрешения проблемы власти. Банкротство своей тактики буржуазия сама вынуждена была констатировать. Причины полного банкротства буржуазной тактики блестяще были изложены в фельетоне-аллегории, написанном Маклаковым под названием «трагическое положение». Сущность этой аллегории в том, что «безумный шоффер» (правительство), не умеющий управлять автомобилем, влечет машину в пропасть А в автомобиле «родина-мать» и седоки (буржуазия), умеющие управлять машиной. Но шоффер не хочет отдать руля добровольно. В этом весь ужас положения. А выхватывать руль насильно во время езды по неровной и опасной дороге слишком рискованно. Шоффер понимает нерешительность седока, «он смеется над вашей тревогой и вашим бессилием»: «не посмеете тронуть». «Он прав: вы не посмеете тронуть», — таков заключительный аккорд маклаковской аллегории. Вся тактика буржуазии строилась именно в расчете на то, что шоффер, быть может, отдаст руль добровольно. Этого не случилось. А отсюда тупик, безвыходность, банкротство.

Но была ли вышеизложенная тактика буржуазии характерна для всей русской буржуазии в целом? Не было ли отдельных групп буржуазии более активных и действенных, искавших выхода из создавшегося положения в несколько иных формах, чем этого хотел Прогрессивный блок? Не было ли попыток вынести борьбу за рамки чисто парламентской пикировки с властью и перенести ее на более широкую арену? Такие попытки, характерные, правда, для небольшой группы буржуазии, несомненно были. Недаром же на ноябрьской сессии Думы Караулов порицал Прогрессивный блок за то, что именно из его среды «вышел красивый и эффектный, но ложный в основе и губительный по последствиям аргумент о преступном шоффере, управляющем мотором, где сидит наша родина-мать, и направляющем его в пропасть»[1]).

Собственно различие между позицией, занятой большинством буржуазии, и позицией ее левого крыла, представляемого главным образом группой прогрессистов (Коновалов, Ефремов, Ржевский, Рябушинский) и левых кадет (Некрасов, Мандельштам), заключалось главным образом в том, что если правое крыло во главе с Милюковым центр тяжести своей борьбы переносило почти исключительно на парламентскую почву, то левые кадеты и прогрессисты, по словам охранки, «считают необходимым перенести центр тяжести на организацию масс и сближение с левее стоящими политическими группами и более решительной борьбы с правительством не только на парламентской почве, но и при посредстве общественных организаций».

---

[1]) Стенограф. отчет Гос. думы 4-го созыва, сессия 5, засед. 2, стр. 79 Подчеркнуто мною. Э. Г.

Устами Коновалова эта последняя группа провозгласила, что для борьбы с властью «Государственная дума должна призывать к единению все классы населения, призвать к об'единению организованную демократию» [1]).

На московском совещании кадет 17 октября 1915 года левый кадет Мандельштам говорил следующее:

«Надо итти рука об руку не с теми, кто явно бессилен, а с теми, кто представляет реальную силу, кто может правительство заставить прислушаться к своим требованиям» [2]). Отсюда делался логический вывод о необходимости равнения Прогрессивного блока не столько направо, сколько налево. Ибо для этой группы было ясно, что давление об'единенной буржуазии на правительство только тогда приведет к определенным результатам, когда буржуазия не будет ждать, что правительство «снизойдет» к ее требованиям, а «позаботится о создании такой организации, которая заставила бы правительство принять их» [3]). (Некрасов.)

Эта организация мыслилась в виде возродившегося «Союза союзов», об'единяющего все общественные организации, начиная от рабочих союзов и кончая буржуазными и помещичьими организациями. Этот «штаб общественных сил всей России» должен был, по мнению его инициаторов, на время уничтожить все классовые противоречия и установить «гражданский мир» всех групп и классов для об'единенного натиска страны на «преступное правительство». Но уже в том же 1916 г. охранка отмечала неудачу этой затеи, ибо классовые противоречия, вопреки надеждам прогрессистов и левых кадет не только не ослабляются, а обостряются, а заигрывание Военно-промышленных комитетов с рабочими вызывает неудовольствие торгово-промышленного класса.

Насколько незначителен был удельный вес этой группы и нереальны все ее начинания, видно хотя бы из того, что когда в январе 1917 года, за месяц до революции, на частном совещании у Коновалова вновь всплыл вопрос о возможности соглашения с левыми кругами, там опять-таки победило течение, «признававшее исключительно методы парламентской борьбы за новый политический порядок и настаивавшее на самом тесном единении с Государственной думой и Прогрессивным блоком, как организующими центрами в стране в настоящее время» [4]).

Эта тактика хотя бы частичного «равнения налево» не имела и не могла иметь успеха среди подавляющего большинства буржуазии и буржуазных партий. Более лево настроенные круги буржуазии были настолько незначительными, что не могли оказать никакого влияния на общую политическую линию буржуазии, взятую ею с осени 1915 года и не изменившуюся до самой Февральской революции.

---

[1]) Стенограф. отчет Гос. думы 4-го созыва, сессия 5, засед. 18, стр. 1198.
[2]) Граве, Буржуазия и царизм накануне революции (печатается).
[3]) Там же.
[4]) «Утро России», 11 января 1917 г.

Но как все же квалифицировать установку, взятую хотя и незначительной, но все же реально существовавшей левой группой буржуазии? Была ли эта установка диаметрально противоположной и резко отличающейся от общей политической линии буржуазии? Ни в какой мере. Ибо основная задача, стоявшая перед буржуазией — получить власть без помощи революции, избежав и предупредив ее, полностью разделялась всеми слоями буржуазии без всяких исключений.

Все разногласия по существу сводились лишь к тому — ограничить ли борьбу с правительством лишь пределами Думы или же, для того, чтобы сделать ее более внушительной и убедительной, вынести ее хотя отчасти за пределы Думы, попытавшись присоединить к голосу «буржуазной оппозиции», голос «об'единенной демократии», причем той демократии, которая будет находиться под руководящим и направляющим воздействием буржуазии. В то же время давление такой «об'единенной оппозиции» намечалось в законных и прежде всего чисто «словесных» формах. Ни о каком вызове рабочих масс «на улицу» по почину и инициативе этой «левой» группы буржуазии не может быть и речи. Ошибочно связывать намечавшуюся и неудавшуюся демонстрацию 14 февраля с именем буржуазии. Ибо никаких данных, кроме противоречивых и несомненно преувеличенных показаний охранки, на этот счет нет. В самом деле, изображать буржуазию как зачинщика хотя и мирной, но все же широкой рабочей демонстрации, с лозунгами организации временного правительства[1]) более чем рискованно. Тем паче, что зачинщиками, по указаниям охранки, были не только лидеры Военно-промышленных комитетов, а Прогрессивный блок и его «главари». Мы уже указывали выше, что «единение с демократией» и прежде всего с «вождями» демократии, к которому призывала небольшая часть буржуазии, ни в какой мере не означала признания возможности собственноручного вызова масс на улицу для защиты требований буржуазии. Определенная часть буржуазии, заигрывая с рабочими организациями, стремилась лишь к тому, чтобы при помощи «Рабочей группы» и податливых «рабочих вождей» тормозить и обуздывать развивающуюся активность рабочего класса, держать его в рамках и не выпускать на улицу. «Рабочая группа» означала в глазах этой буржуазии прежде всего лишний шанс на то, что рабочий класс не появится «на сцене истории» и «не испортит чертежи буржуазии». Необходимость такого использования и заигрывания с рабочим классом понимала вся буржуазия, и не в этом лежит сущность разногласий в ее среде. Как известно, Милюков и Родзянко выступили 14 февраля с призывом к рабочим не выступать 14 февраля и не «омрачать» тем самым открытие Государственной думы. Но тот же Милюков и тот же Родзянко не могли не признать полезности «Рабочей группы». В последнем всеподданнейшем докладе Николаю от 10 февраля 1917 года Родзянко писал: «В то время, когда посредством рабочих депутатов в Военно-промышленных комитетах удается сдерживать

[1]) См. об этом у Граве, К истории классовой борьбы в России, стр. 198.

на фабриках и заводах, работающих на дело обороны, волнения. Протопопов опубликовывает правительственные сообщения, в которых опорочивает их деятельность, весьма полезную» [1]).

А Милюков на заседании Думы от 14 февраля приводил пример Великобритании, где премьеры отчитываются перед рабочими, где большинство социалистических партий вводится в состав правительства, где умеют обезвреживать и успокаивать рабочее движение, а в России арестуют «Рабочую группу», которую он характеризует «настолько умеренной», «что даже среди меньшевиков как раз перед арестом группы создалось движение в пользу отозвания из Военно-промышленного комитета. Группа занималась устройством примирительных организаций, которые устраняют конфликты, устранением забастовок и т. д.» [2]). Но, выступая в защиту «Рабочей группы», Милюков в той же речи не упускает случая протестовать против возможности «уродливых уличных проявлений», по поводу растущей тревоги всего общества перед событиями, которые должны были произойти 14 февраля. В вопросе о полезности «Рабочей группы» для обезвреживания рабочего движения, для установления «гражданского мира» не было разногласий в среде буржуазии, от Родзянко до Коновалова. Но определенная часть буржуазии, теснее связанная с «Рабочей группой», понимала необходимость дать хотя бы некоторую отдушину для активности рабочего класса, не мешая ему в определенных рамках вести политическую борьбу с правительством, но вместе с тем не доходя, конечно, до таких пределов, как вызов рабочих масс на улицу.

В инциденте 14 февраля «Рабочая группа» как раз действовала не по указке буржуазии, а в силу сложившейся обстановки, которая сулила «Рабочей группе» возможность окончательного подрыва ее и так незначительного авторитета в рабочей массе, благодаря всей ее деятельности. Известный оборонец Маевский следующим образом об'ясняет причину, побудившую «Рабочую группу» призвать рабочий класс к выступлению 14 февраля:

«В конце 1916 года, — рассказывает Маевский, — «Рабочая группа» оказалась в трудном, почти трагическом положении» (в это время, как известно, с нею вынуждены были открыто порвать даже меньшевики). Поэтому «Рабочая группа» решилась на героический шаг. Она поставила и утвердительно решила вопрос о вызове рабочих Петрограда на улицу к Государственной думе. Это движение должно было стать, с одной стороны, публичной демонстрацией, *так охотно воспринимаемой рабочей массой*, с другой — своего рода петиционным движением, мирным, но с революционными лозунгами, во имя спасения страны, что могло *встретить сочувствие со стороны широких нерабочих слоев населения*» [3]).

Следовательно, «Рабочая группа», теряя всякую почву под ногами и учитывая растущую революционность масс и ее близость к откры-

[1]) Цитирую по материалам, помещенным в книге Блока.

[2]) Стенограф. отчет Гос. думы 4-го созыва, сессия 5, засед. 20.

[3]) Цитирую Маевского по ст. Мартынова, «Красная новь», кн. 4, 1923 г.

тому выступлению, решила воспользоваться первым возможным случаем, чтобы, с одной стороны, поднять свой авторитет в рабочей массе, а с другой стороны, «угодить» буржуазии. Ибо по мысли инициаторов демонстрации 14 февраля рабочий класс должен был проявить свою лойяльность по отношению к буржуазии, показать, что он доверяет Думе и хочет получить освобождение от царизма из ее рук. Но вся буржуазия поголовно боялась выражения лойяльности рабочего класса в такой форме, как массовая рабочая демонстрация, могущая, пожалуй, привести совсем не к тем результатам, которых желали ее инициаторы.

В то же время известно, как ответил рабочий класс на призыв «Рабочей группы». Ставка на обезвреживание рабочего движения, на установление «гражданского мира» не удалась, тактика «единения с демократией», проповедуемая небольшой группой буржуазии, сводилась на деле к единению с «приспособившимися» вождями, настроение которых некоторая часть буржуазии одно время ошибочно принимала за настроение всей рабочей массы. Но к концу 1916 г. обманываться насчет истинного настроения рабочего класса уже не приходится. Отсюда и общий упадок настроения среди «активно действующей» буржуазии в период кануна Февральской революции. К этому времени по существу терпит крах как тактика большинства, так и тактика меньшинства. Но наиболее решительные и активные лица как той, так и другой стороны встречаются на одной общей дороге — дороге дворцового переворота [1]). Но путь дворцового переворота активно «приняла» лишь незначительная группа буржуазии, бо́льшая же часть с отчаянием и вместе с тем с апатией поджидала дальнейшего разворачивания событий.

Кто же были участники и непосредственные организаторы этого переворота? Трое из этих непосредственных руководителей сейчас документально известны: это представитель армии генерал Крымов и представители общества Терещенко и Гучков. Последний подтвердил свое участие собственноручно в своем недавно опубликованном показании следственной комиссии Временного правительства. О первом говорят все без исключения воспоминания. Такое же личное подтверждение имеется и со стороны Терещенко. После самоубийства генерала Крымова Терещенко поделился своими воспоминаниями о нем, которые были напечатаны в «Русских ведомостях». Вот, что он рассказывал о Крымове:

«Я не могу не вспомнить последних месяцев до революции, когда генерал Крымов оказался тем единственным генералом, который из великой любви к родине не побоялся вступить в ряды той небольшой

[1]) Необходимо оговорить, что мы будем рассматривать здесь заговор, исходящий от руководителей думского Прогрессивного блока и наиболее активных верхов буржуазии. Несомненно, что параллельно этому заговору существовал другой, связанный с монархическими и великокняжескими кругами, которым и принадлежала инициатива убийства Распутина 17 дек. 1916 г. Возможно, что между этими двумя заговорами существовала известная связь, но, во всяком случае, смешивать их не следует.

группы лиц, которые решились сделать государственный переворот. Все эти лица были связаны прямой преданностью армии, одним желанием вести армию к победе и сознанием, что существовавшие тогда условия верховного командования, а также деяния безответственных лиц вели к ослаблению армии и к тяжелым ее неудачам. Генерал Крымов неоднократно приезжал в Петроград и со всем авторитетом глубокого знатока военного дела пытался убедить сомневающихся, что больше медлить нельзя. Он и его друзья сознавали, что, если не взять на себя руководства дворцовым переворотом, его сделают народные массы, и прекрасно понимали, какими последствиями и какой гибельной анархией это может грозить. Но более осторожные лица убеждали, что час еще не настал. Прошел январь, половина февраля. Наконец, мудрые слова искушенных политиков перестали нас убеждать, и тем условным языком, которым мы между собой сносились, генерал Крымов в первых числах марта был вызван в Петроград из Румынии, но оказалось уже поздно» [1].

О той же «пропагандистской» работе ген. Крымова и о его частых поездках в Ленинград в этих целях рассказывает и Родзянко:

«В начале января (1917 г.) приехал с фронта ген. Крымов и просил дать ему возможность неофициальным образом осветить членам Думы катастрофическое положение армии и ее настроения. У меня собрались многие из депутатов, членов Государственного совета и членов Особого совещания. С волнением слушали доклад боевого генерала. Грустной и жуткой была его исповедь. Крымов говорил, что, пока не прояснится и не очистится политический горизонт, пока правительство не примет другого курса, пока не будет другого правительства, которому бы там, в армии, поверили, — не может быть надежд на победу. Войне определенно мешают в тылу, и временные успехи сводятся к нулю. Закончил Крымов приблизительно такими словами: «Настроение в армии такое, что все с радостью будут приветствовать известие о перевороте. Переворот неизбежен, и на фронте это чувствуют. Если вы решитесь на эту крайнюю меру, то мы вас поддержим. Очевидно, других средств нет. Все было испробовано как вами, так и многими другими, но вредное влияние жены сильнее честных слов, сказанных царю. Времени терять нельзя».

Крымов замолк, и несколько секунд все сидели смущенные и удрученные. Первым прервал молчание Шингарев:

— Генерал прав: переворот необходим... Но кто на него решится?

Шидловский с озлоблением сказал:

— Щадить и жалеть его нечего, когда он губит Россию.

Многие из членов Думы согласились с Шингаревым и Шидловским. Поднялись шумные споры. Тут же были приведены слова Брусилова: «Если придется выбирать между царем и Россией, — я пойду за Россией».

Самым неумолимым и резким был Терещенко, глубоко меня взволновавший. Я его оборвал и сказал:

---

[1]) «Русские ведомости» от 3 сентября 1917 г., № 202.

«Вы не учитываете, что будет после отречения царя... Я никогда не пойду на переворот. Я присягал... Прошу вас в моем доме об этом не говорить. Если армия может добиться отречения, пусть она это делает через своих начальников, а я до последней минуты буду действовать убеждениями, а не насилием» [1].

Таким образом, трое непосредственных организаторов дворцового переворота исторически зафиксированы. Эта инициативная группа вела «пропагандистскую» работу, правда, охватывая не особенно широкие круги буржуазии. Дело считалось «келейным», и особому разглашению не подвергалось. На самом же деле, это скоро стало секретом полишинеля. О подготовке дворцового переворота была прекрасно осведомлена охранка, и, по словам Шульгина, об этом же «воробьи чирикали за кофе в каждой гостиной».

Но помимо указанной инициативной группы, к активному участию в перевороте были привлечены многие видные деятели Думы и армии. Уже приведенный выше рассказ Родзянко о совещании у него на квартире говорит об осведомленности и сочувствии этому делу Шингарева и Шидловского. Помимо них два крупных деятеля буржуазии, Некрасов и Коновалов, несомненно также принимали близкое участие в заговоре. О первом из них совершенно недвусмысленно говорил Шульгин, рассказывая о кадете Н., который зондировал его насчет дворцового переворота. Сам Шульгин, по его словам, принадлежал к школе «суденщиков», которые во время кораблекрушения предпочитают оставаться на корабле, а не пересаживаться в шлюпки. О Коновалове говорят очень многие воспоминания.

Из генералов, помимо Крымова, можно назвать очевидно вполне осведомленных и распропагандированных — Брусилова и Рузского. На это указывает в своих воспоминаниях Деникин.

Но несомненно, что и сам начальник штаба верховного главнокомандующего, ген. Алексеев принимал довольно близкое участие в заговоре. Милюков в своей последней книге «Россия на переломе» пишет: «Со слов покойного Г. Е. Львова мне известно что и генерал Алексеев разделял это мнение (о дворцовом перевороте, *Э. Г.*) и даже собирался перед своей болезнью арестовать императрицу, если б она приехала в ставку» [2]. А Лемке в своем дневнике уже 9 ноября 1915 г. отмечает: «Очевидно, что-то зреет, что дает основание предполагать такой исход. Недаром есть такие приезжающие, о цели появления которых ничего не удается узнать, а часто даже и фамилии их не установишь. Имею основание думать, что Алексеев долго не выдержит своей роли; что-то у него есть, связующее его с ген. Крымовым именно на почве политической, хотя и очень скрываемой деятельности» [3]. А несколько позже весной 1916 г. тот же Лемке пишет уже более определенно: «Меня ужасно занимает вопрос о зреющем заговоре. Но узнать что-либо определенное не удается. По некоторым обмолвкам Пустовойтенко видно, что между Гучковым, Коноваловым,

[1] «Архив русской революции», т. XVII, стр. 158.
[2] Милюков, Россия на переломе, т. I, стр. 22.
[3] М. Лемке, 250 дней в царской ставке.

Крымовым и Алексеевым зреет какая-то конспирация, какой-то заговор, которому не чужд еще кое-кто» [1]).

В ставке были определенно недовольны и неумелой внутренней политикой правительства, и неудачным ведением войны, и слухами о сепаратном мире. По словам члена Гос. думы прогрессиста Демидова, приезжавшего к Алексееву по делам Земского союза, последний дал следующую характеристику тогдашнему министерству Николая: «Это не люди — это сумасшедшие куклы, которые решительно ничего не понимают... Никогда не думал, чтоб такая страна, как Россия, могла бы иметь такое правительство, как министерство Горемыкина. А придворные сферы? Генерал безнадежно махнул рукой» [2]). Но если Горемыкин был плох, то Штюрмер и Голицын еще хуже. Все это, вместе взятое, привлекало к заговору определенные круги буржуазии, помещиков и даже высшего генералитета.

Но помимо верхов армии, участники дворцового заговора, очевидно, далеко не безуспешно, вели работу и среди гвардейского офицерства, главным образом в Петрограде.

Буржуазия, несомненно, в военные, а также и в довоенные годы ведет борьбу не за всю армию, конечно, а за определенную ее часть — за офицерство. «В армии, — пишет Мстиславский, — усердно, но малоуспешно насаждались кружки; офицеры втягивались в политическое общение «с думцами и земцами», но боязнь наказания была так велика, что сколько-нибудь широкой организации среди офицерства буржуазии создать поэтому не удалось. Определенный, хотя естественно ограниченный успех имела лишь идея дворцового переворота... В гвардии, частью в генеральном штабе, нашлась небольшая группа офицеров (насколько нам известно, — в Петербурге было два таких кружка), имевших личные счеты с теми или иными из «высочайших» или попросту рассчитывавших на блестящую карьеру в случае успеха переворота» [3]).

По словам того же Мстиславского, эти кружки существовали еще до войны, а в начале войны распались. Но несомненно, что в дальнейшем, в связи с растущим недовольством политикой правительства, они вновь возрождаются. Имеется интересное указание, проливающее свет на предполагаемое участие гвардии в дворцовом перевороте. По словам этого источника:

«В дни уличных выступлений 21—26 февраля в гвардейских полках происходило совещание об организации дворцового переворота. План восстания разрабатывался офицерами Преображенского полка, с ними должен был действовать совместно Литовский и Семеновский полки... Через два дня в ночь с воскресенья на понедельник 27 февраля в штабе полка (Преображенского, *Э. Г.)* на Миллионной улице было закреплено решение выступить на утро в понедельник, при чем план выступления был таков: на Дворцовой площади перед Зимним дворцом должна была произойти встреча Преображенского с Литовским пол-

---

[1]) Лемке, 250 дней в царской ставке.

[2]) «Дни», № 219, 21 июля 1923 г., ст. Демидова, «Три революционера».

[3]) Мстиславский, Гибель царизма, стр. 57.

ком, а затем и Семеновским. После этого должен был быть произведен арест правительства, заседавшего в Мариинском дворце, командующего округом и других опасных в те дни лиц. Военно-оперативной базой об'являлся Зимний дворец. Гвардия отдает себя в распоряжение Государственной думы и, опираясь на поддержку главнокомандующих фронтами, в которой не было сомнения, с оружием в руках добивается осуществления главного пункта Прогрессивного блока — министерства общественного доверия. При этом само собой разумеется отречение Николая II» [1]).

Дальнейший ход событий тем же источником освещается следующим образом: на следующий день, 27 февраля, план начинает приводиться в исполнение. Солдаты, которые до сих пор ничего не знали, информируются о причинах выступления. Начинают собираться на Дворцовую площадь. Но оказывается уже поздно. В этот день с утра восстал петроградский гарнизон, без воли офицеров и не ради создания министерства доверия, как того хотела буржуазия, а на помощь рабочим в их борьбе с монархией.

Сведения, которые дает в статье Кричевский, подтверждаются и данными, имеющимися в брошюре кадетского журналиста Ивана Лукаша «Преображенцы». Это, конечно, мало достоверный источник, но для сопоставления с указанием Кричевского может быть использован. По словам Лукаша, утром 27 февраля преображенцы миллионных казарм (преображенцы таврических казарм с утра без офицеров присоединились к народу) под руководством офицеров выстроились на Дворцовой площади у Александровской колонны, для того, чтобы, подождав другие части, совместно совершить переворот. А выше он делает намек: «И не знает еще никто, что среди преображенцев в самые последние дни были заговоры против старого строя... но их предупредил народ» [2]).

Но в противовес всем приведенным данным генерал Хабалов в своих показаниях следственной комиссии Временного правительства говорил о полках, собранных утром 27 февраля на Дворцовой площади, как о своих последних резервах в борьбе против революции. Они и были сгруппированы на Дворцовой площади по его собственному приказанию.

Невозможно сейчас документально установить, кто более прав; вернее, конечно, указания Хабалова. Но, как бы то ни было, если доля правды в данных Кричевского и Лукаша имеется, то характерно прежде всего то, что буржуазия в дни, когда разгорелась революция, еще пыталась созданием министерства доверия предупредить и успокоить движение. Но об этом ниже.

Таким образом, мы видим, что планы дворцового переворота были весьма реальны и круг лиц, привлеченных к этому делу весьма широк. Но помимо видных деятелей буржуазии, высшего генералитета и гвар-

---

[1]) «Мысль», апрель 1919 г., № 10, стр. 362, ст. Кричевского. В подтверждение своих слов Кричевский ссылается на один документ, опубликованный якобы в газете «Речь» вскоре после февральского переворота. Такой документ нами не найден.

[2]) Иван Лукаш, Преображенцы, стр. 4.

дейского офицерства, к заговору были привлечены даже... представители «демократии» — Чхеидзе, Скобелев, Чхенкели и Керенский. «Они были, — по словам Шляпникова, — не только в курсе этого заговора, но подобно всем другим ожидали спасения от этого дворцового переворота. К. А. Гвоздев, бывш. министр труда, передавал мне впоследствии, что между их группой деятелей при Военно-промышленном комитете и фракцией Чхеидзе произошел разрыв на почве воззвания к выступлению в день открытия Государственной думы. Скобелев открыто выразил свое негодование не только по поводу содержания воззвания и постановки вопроса о войне, но и по поводу самого факта его появления: думские меньшевики боялись, что народное движение может расстроить план дворцового переворота» [1]).

Эти «думские меньшевики» в своей боязни выступлений рабочих отражали настроение буржуазии и в том числе той группы буржуазии, которая готовила в это время дворцовый переворот. А главными организаторами этого дворцового переворота оказались как раз руководители Военно-промышленного комитета: Гучков, Коновалов, Терещенко и др.

Уже отсюда можно заключить, насколько они могли быть инициаторами выступления 14 февраля. Чрезвычайно характерно, что именно эта группа буржуазии, прогрессист Коновалов и левый кадет Некрасов, принимала активное участие в подготовке дворцового переворота. Очевидно, свой логический конец тактика «единения с демократией» получила в форме предполагавшегося дворцового переворота, ибо, как мы указывали выше, пытались втянуть, конечно, не всю «демократию» (тогда бы это был не дворцовый переворот), а ее лидеров. Контрреволюционная беспомощность всей буржуазии в целом, как в капле воды, отразилась в этом единственно для нее сохранившемся выходе — дворцовом перевороте.

Представители «демократии», конечно, не принадлежали к числу выполнителей. Их, очевидно, считали нужным осведомить «на всякий случай», если они понадобятся, после завершения дела. Непосредственными участниками они, конечно, не были.

В какой же форме и какими способами должен был быть совершен дворцовый переворот?

По мнению Гучкова, дворцовый переворот должен был вылиться в форму военного заговора, «совершенного не солдатскими массами, а военными частями, — скажем, та форма, которая была испробована, правда неудачно, на Сенатской площади в начале XIX в., когда выходили целые части. Мне представляется, что эта последняя форма и есть та, в которой мог бы совершиться переворот в пределах или направлении, нужном России» [2]).

План дворцового переворота был очень прост: «Захватить по дороге между ставкой и Царским селом императорский поезд, вынудить отречение, затем одновременно при посредстве воинских частей, на

---

[1]) Шляпников, 1917 год, кн. 1, стр. 45.

[2]) «Падение царск. режима», т. VI, стр. 278, показания Гучкова.

которые здесь в Петрограде можно было рассчитывать, арестовать существующее правительство и затем уже об'явить как о перевороте, так и о лицах, которые возглавляют собою правительство. Таким образом, вы видите, дело пришлось бы иметь не со всей армий, а с очень небольшой ее частью» [1]).

Государь должен был отречься в пользу своего сына Алексея с регентством Михаила Александровича. Это казалось наиболее благоприятным, ибо это, по мнению руководителей, способствовало бы укреплению парламентского строя, так как «при малолетнем государе и при регенте, который, конечно, никогда бы не пользовался если не юридически, то морально всей властностью и авторитетом настоящего держателя верховной власти, народное представительство могло окрепнуть и, как это было в Англии в конце XVIII века, так глубоко пустило бы свои корни, что дальнейшие бури были бы для него не опасны» [2]).

План был недурен. Буржуазия пыталась осуществить его за спиною рабочего класса в первые дни Февральской революции. Но не удалось, конечно, и это, как не удались вообще и все планы буржуазии. Дворцовый переворот имел своей единственной целью предупредить революцию, но революция предупредила его. Вся борьба буржуазии в годы войны — это последовательный переход от одной неудачи к другой, ибо в своей борьбе буржуазия шла уже не в ногу с историей, а против нее. Недаром же Ленин указывал, что в определенные исторические моменты «бывает так, что оба класса, и падающий и «стремящийся», изрядно уже прогнили — один больше, другой меньше, конечно, но все же оба изрядно прогнили» [3]). Русская буржуазия уже изрядно прогнила, не успевши, правда, как следует расцвесть. Буржуазия не была и не готовила себя к тому, чтобы стать активной действующей силой революции. Изучение ее деятельности в годы войны воочию это подтверждает. Но это не значит, конечно, что вся ее борьба не имеет абсолютно никакого значения для понимания предпосылок революции и процесса ее нарастания. По этому поводу Ленин писал:

«Но если бы из этой контрреволюционности буржуазных либералов кто-нибудь сделал вывод, что их оппозиция и недовольство, их конфликты с черносотенными помещиками или вообще соревнование и борьба различных фракций буржуазии между собой не могут иметь никакого значения в процессе нарастания нового под'ема, то это было бы громадной ошибкой и настоящим меньшевизмом наизнанку. Опыт русской революции, как и опыт других стран, неопровержимо свидетельствует, что когда есть налицо об'ективные условия глубокого политического кризиса, то самые мелкие и наиболее, казалось бы, удаленные от настоящего очага революции конфликты могут иметь самое

---

[1]) «Падение царского режима», т. VI, стр. 278. Эти указания Гучкова говорят о том, что приведенные выше данные о причастности гвардии к дворцовому перевороту имеют под собой реальную почву. На помощи некоторых частей гвардии строилась по существу идея дворцового переворота.

[2]) Там же, стр. 263.

[3]) Н. Ленин, Собр. соч., т. XI, ч. 2, стр. 228.

серьезное значение, как повод, как переполняющая чашу капля, как начало поворота в настроении и т. д....» [1]).

Следовательно, игнорировать борьбу буржуазии в годы войны ни в коем случае непозволительно. Эта борьба имела двоякое значение: с одной стороны, характер этой борьбы предопределил частично соотношение сил в Февральской революции, оказал известное влияние на рабочее движение, а с другой стороны, она важна, как симптом назревающих крупных событий, ибо «если 10 Рябушинских и 100 Милюковых ворчат и либерально негодуют, то это значит, что десятки миллионов мелких буржуа и всякого «мелкого люда» чувствуют себя невыносимо» [2]).

И не буржуазия, а именно эти «десятки миллионов» призваны были решить вопросы, «историей поставленные в начале XX века перед Россией» [3]).

4. Пролетариат и крестьянство перед Февралем. Армия накануне революции

Мировая война на первых порах несколько ослабила размах рабочего движения в России. Сильнейшее забастовочное движение в июле 1914 года резко падает почти до минимума в первые месяцы войны. В августе число забастовок сокращается почти в 40 раз по сравнению с июлем. И в следующие месяцы 1914 года продолжается неуклонное падение. Но уже весной и летом 1915 года в рабочих массах намечается перелом; стачечное движение увеличивается, и в сентябре 1915 года достигает довольно внушительной цифры 113,8 тыс. участников. 1916 год дает уже значительный под'ем стачечного движения по всем месяцам, достигая своего апогея в октябре 1916 года (187 тыс. участников) и, наконец, достигая и даже превышая в февральские дни 1917 г. число рабочих, участвовавших в октябрьской стачке 1905 года.

Но эта чисто количественная характеристика рабочего движения в годы войны мало еще говорит об истинном характере рабочего движения в эти годы. Эта количественная сторона была, как мы видим, накануне революции весьма внушительна. Но как же дело обстояло с качественной стороной?

В первые годы войны рабочее движение носило преимущественно стихийный и экономический характер. Это и дало повод меньшевикам-оборонцам делать весьма неутешительные (не для себя, конечно, а для рабочего класса) выводы.

«В то время как у цензовиков энергия и политическая инициативность высоко поднялись над обычно низким уровнем их классовой гражданственности, деятельность и мысль передовой демократии и пролетариата, наоборот, представляли картину необычайной растерянности, невероятной подавленности. Точно что-то парализовало и принижало среду, всегда такую подвижную, такую революционно-настроен-

[1]) Н. Ленин, Собр. соч., т. XI, ч. 1, стр. 162.
[2]) Там же, т. XII, ч. 1, стр. 140.
[3]) Там же.

ную и упрямо противостоящую всяким репрессиям. Непременный гегемон в борьбе общественных сил со старой властью России, пролетарий в данном случае не находил надлежащего слова, соответствующего моменту, достойного содействия. И... плелся в хвосте за событиями» [1]).

Так характеризуется движение «последних двух лет» перед революцией. Руководящая роль, роль гегемона, принадлежала не пролетариату, а буржуазии. «В этом движении Россия цензовая, Россия третьеиюньского правительства, совершенно очевидно преобладала над демократической Россией, над Россией крестьянской и особенно рабочей» [2]).

Пролетариат «безмолвствовал» в тот период, когда буржуазия вела ожесточенную борьбу. Пролетариат «оказался отсутствующим на перекличке истории за весь период народного возбуждения, предшествовавшего перевороту». Так, не переставая, клеймит оборонец Потресов рабочий класс.

А движение, которое реально развертывалось на глазах у оборонцев и которое достигло таких внушительных размеров в конце 1916 и начале 1917 года, квалифицируется как чисто экономическое движение, как результат экономической разрухи, как своеобразный «голодный бунт». «Вспомним, — говорит Потресов, — и это не случайно, что петербургские «хвосты» были той спичкой, которая зажгла пожар в февральские дни, как такою же спичкой было закрытие мастерских на Путиловском заводе» [3]).

То, что непосредственным п о в о д о м к движению в февральские дни послужила донельзя обострившаяся экономическая и продовольственная разруха и в связи с этим тяжелейшее положение пролетарских масс, никто не отрицает, но причины движения лежали глубже. Пролетариат, как известно, в февральские дни не ограничился лозунгом «хлеба». Лозунг «хлеба» перерос в лозунг «долой самодержавие» и «долой войну». Экономическая стачка имеет свойство чрезвычайно быстро перерастать в политическую. Лозунги экономической борьбы в определенных условиях становятся политическими лозунгами. В годы войны и накануне Февральской революции российский пролетариат в совершенстве усвоил ту истину, что улучшение его экономического положения возможно лишь при условии свержения самодержавия и окончания войны. Пролетариат не пытается разрешить стоящие перед ним задачи ни хождением к Зимнему дворцу, ни тем более хождением к Таврическому дворцу, на которое его звали те же оборонцы. Уже это одно говорит о повышении качественного уровня рабочего движения накануне 1917 г. по сравнению с 1905 г. Не пропал даром ни опыт 1905 г. ни годов реакции и нового под'ема. Противоречия пролетариата и самодержавия, пролетариата и буржуазии к 1917 г. еще более усиливаются. Пролетариат был именно тем классом, который, защищая свои к л а с с о в ы е и н т е р е с ы, выступал вместе с тем

[1]) «Дело», №№ 3—6, ст. Потресова, «Роковые противоречия русской революции».
[2]) Т а м ж е.
[3]) Т а м ж е, стр. 120.

как гегемон, как руководитель всех трудящихся, отражая в своей классовой борьбе общенациональные исторические задачи, стоящие перед Россией.

Это именно отрицали оборонцы, и понятно почему. Ибо, по их мнению, «узко классовые» интересы пролетариата противоречили общенациональным задачам.

Лишь буржуазия отражала как следует эти общенациональные задачи, а потому она и была истинным гегемоном движения. «Сила передовых элементов буржуазии в движении, предшествовавшем революционному перевороту, и заключалась в том, что они через защиту страны подошли к общенациональным задачам, что они поняли тесную органическую связь всех этих вопросов с проблемой защиты, и это-то понимание сделало для данного исторического момента буржуазию представительницей не только своих социально узко-классовых интересов, но и интересов страны в ее целом, развития ее производительных сил, ее свободного роста» [1]).

Следовательно, отрицание руководящей роли пролетариата в движении строилось на том, что было величайшим плюсом движения, а не его минусом. Пролетариат был против защиты страны, против «обороны отечества», поэтому он не был гегемоном, защищал лишь свои узко-классовые, а не «общенациональные» интересы.

«В мало сознательных массах рабочего класса элементарный зоологический патриотизм был лишь прослойкой в толще глубочайшего равнодушия к нуждам страны» [2]).

Таким образом пролетариат самой историей выдвигался как предводитель, застрельщик, гегемон движения. Но в какой мере пролетариат был реально готов к этой роли? Мы уже говорили выше, что пролетариат качественно созрел и вырос за годы, отделявшие первую революцию от второй. Но война, особенно в первое время, обессилила движение. Оборонческие настроения оказывали свое влияние, хотя бы временное, на рабочее движение. Правда, перед революцией сами меньшевики, как мы видели, вынуждены были констатировать не только ослабление, но и полное уничтожение этих настроений. Но то, что они, вообще говоря, были, замалчивать не приходится.

Годы, отделявшие первую революцию от второй, внесли много новых и положительных черт в рабочее движение. Но они создали и новые факторы, не существовавшие перед 1905 годом. Развитие финансового капитала в России не могло не создать хотя бы некоторой базы для выделения рабочей аристократии, которая попыталась бы смягчить до сих пор непримиримую линию пролетариата. Конечно, почва для этой верхушки в России была весьма незначительна. Рабочий класс России мало был развращен империализмом, мало пользовался подачками буржуазного стола. Для этого русская империалистическая буржуазия была и слишком бедна и слишком мало европеизована. В годы

---

[1]) «Дело», №№ 3—6, ст. Потресова «Роковые противоречия русской революции», стр. 118.

[2]) Там же, стр. 124.

войны она несомненно пытается встать на этот путь и при помощи «Рабочей группы» утвердить идеологию «гражданского мира».

В появлении этой незначительной группы рабочей аристократии — одна из причин, правда не первостепенных, того, что оборонческие настроения могли найти почву в очень узком слое рабочего класса. Да и сам этот узкий слой рабочей аристократии, лучше оплачиваемой части рабочих, выделял лишь единицы на помощь оборонцам. В массе своей квалифицированный слой рабочих не только не перерождался, а был застрельщиком, передовым авангардом в движении. Почва для оборонческих настроений в рабочем классе возникла не столько благодаря наличности этой верхушки рабочего движения, сколько в связи с изменением состава рабочих в годы войны. Война вырвала из рабочих рядов массу старых коренных рабочих и влила в нее новые слои. Но это имело и свою оборотную сторону. Новые слои пришли из деревни, быстро получили революционную выучку, а рабочие в армии способствовали ее быстрейшему революционизированию. Но, пожалуй, основной причиной временного упадка, ослабления рабочего движения и возникновения оборонческих настроений в рабочем классе была полная измена большинства с.-д. вождей.

«Пролетарские массы, от которых, вероятно, $^9/_{10}$ старого руководительского слоя отошло к буржуазии, оказались раздробленными и беспомощными перед разгулом шовинизма, перед гнетом военных положений и военной цензуры» [1]).

Это не могло не оказать своего влияния, тем более, что изменившие вожди могли довольно беспрепятственно вести свою работу, а большевистская партия переживала провал за провалом и почти не в состоянии была вести в годы войны сколько-нибудь систематическую работу.

Пролетарские массы в годы войны упорно ведут борьбу с этим влиянием переродившихся вождей, но остатки этого влияния несомненно сказались и в первые месяцы Февральской революции. В основном «об'ективная революционная ситуация, созданная войной и все расширяющаяся, все углубляющаяся, неизбежно порождает революционные настроения, закаляет и просвещает всех лучших и наиболее сознательных пролетариев. В настроении масс не только возможна, но становится все более и более вероятной быстрая перемена, подобная той, которая связана была в России начала 1905 г. с «гапонадой», «когда из отсталых пролетарских слоев в несколько месяцев, а иногда и недель выросла миллионная армия, идущая за революционным авангардом пролетариата» [2]).

И эта раскачка рабочего класса в октябре 1916 г. достигла таких размеров, что партии приходилось не столько вызывать, сколько сдерживать движение из боязни разгрома при преждевременном выступлении. Вот, что пишет по этому поводу Шляпников:

---

[1]) Н. Ленин, Собр. соч., т. XIII, стр. 180.
[2]) Там же. Подчеркнуто мной. *Э. Г.*

«Октябрьская стачка носила стихийный, но явно политический характер. За сигнал к стачке был принят листок ЦК, где говорилось о продовольственном кризисе, призывали об'явить войну войне как выход из войны и продовольственного кризиса. В листовке не было призыва к забастовке, но настроение было настолько повышенно, что один слух о листовке был принят за призыв к стачке. Тогда ЦК пришлось выпустить другой листок, чтобы сдержать движение».

Какой напряженности достигло в это время настроение рабочих, свидетельствует и резолюция «Рабочей группы» по поводу слухов, упорно циркулировавших в то время в рабочей среде.

«В последние дни все чаще и настойчивее по фабрикам и заводам Петрограда распространяются самые тревожные и возбуждающие слухи... На-днях лишь распространились слухи о том, что вся Москва охвачена восстанием, что московская полиция забастовала, что вызванные войска отказались стрелять, и т. д. Одновременно с этим подобные же слухи, но уже о восстании в Петрограде, разгроме Гостиного двора распространяются в Москве. Но этого мало: в Харькове рассказывают о революции в Москве, а в Москве — о революции в Харькове. По проверке эти слухи оказываются грубой выдумкой» [1]).

В заключение «Рабочая группа», конечно, призывает к спокойствию. Эти слухи были только слухами в то время, но слухами чрезвычайно симптоматическими. Обстановка в рабочей среде в это время показывала, что события назревали. Скрытая до сих пор, незаметная на первый взгляд, потенциальная энергия пролетариата выходила наружу. Сила удара, подготовляемого пролетариатом для свержения царской монархии, была больше сопротивляемости старого режима. Но для того, чтобы этот удар привел к полной победе, он должен был быть нанесен совместными усилиями рабочего класса и крестьянства.

Война создала в деревне обстановку, способствующую втягиванию крестьянства в революционное движение. Правда, определенные слои деревни, а именно кулаческие слои, даже выиграли и нажились на этой войне, но большинство деревенского населения, деревенские бедняки и батраки, конечно, серьезно пострадали от войны. Призывы в армии, постоянные реквизиции, дороговизна промышленных продуктов не могли не отразиться на настроениях деревни. Помимо того, основной вопрос русской революции — аграрный вопрос — не был разрешен ни революцией 1905 г., ни тем более столыпинской реформой. Причины, вызывавшие крестьянство на борьбу с помещиками и помещичьим самодержавием, не только оставались в силе, но еще усугубились в годы войны.

Но идя в ногу с пролетариатом в Февральской революции, крестьянское движение как в годы войны, так и в первые месяцы Февральской революции не было в полной мере охвачено организующим влиянием рабочего класса. Крестьянство, даже бедняцкие его части, надо было еще отвоевать от влияния мелкобуржуазных партий. Эту задачу решила Февральская революция. Антидинастические и антивоенные настроения были очень значительны в среде крестьянства в годы войны. Недаром

---

[1]) «Утро России», 20 октября 1916 г.

охранка вынуждена была констатировать рост этих настроений в среде крестьянства. «Вера в царя», ставшая, казалось бы, шестым чувством русского крестьянства, канула в вечность.

Уже после Февральской революции отдел сношений с провинцией при Временном комитете Гос. думы вынужден был отметить, что «широко распространенное убеждение, что русский мужик привязан к царю, без царя «не может жить», было ярко опровергнуто той единодушной радостью, тем вздохом облегчения, когда они узнали, что будут жить без того, без кого они «не могли жить» [1]).

Но как и антидинастические, так и антивоенные настроения деревни в годы войны почти ни в каких открытых действиях и выступлениях не проявлялись. Начал революцию пролетариат, деревня раньше восприняла, потом продолжала и поддерживала. Союз пролетариата и крестьянства непосредственно в февральские дни осуществился прежде всего как союз пролетариата и крестьянской армии. А эта армия, как теперь известно, находилась в состоянии революционного брожения уже в первый год войны. Эта армия, изменившая коренным образом свой облик в годы войны, армия, которой руководили «прапорщики из адвокатов», перестала быть надежной опорой правительства. «Армия перестала быть армией, а превратилась в вооруженный народ» [2]), горестно заявил либеральнейший гр. Игнатьев на заседании Совета министров 21 августа 1915 г. Эти заседания представляют собой один сплошной вопль о тяжелейшем положении России, о полном развале как в тылу, так и на фронте.

В том же августе 1915 г. начальник штаба верховного главнокомандующего генерал Янушкевич прислал в Совет министров письмо, где указывал, что солдаты плохо воюют, что положение на фронте очень тяжелое и что поэтому «русского солдата надо имущественно заинтересовать в сопротивлении врагу», что «необходимо заманить его наделением земли, под угрозою конфискации у сдающихся», и что поэтому он предлагает тотчас же издать «монарший акт, возвещающий о наделении землею наиболее пострадавших и наиболее отличающихся воинов» [3]). Это письмо вызвало величайшее возмущение в Совете министров. Ибо как ни страшны были поражения на фронте, но еще страшнее было покушение на неприкосновенную до сих пор земельную собственность того класса, представители которого в подавляющем большинстве заседали в Совете министров. «В ответ на письмо Янушкевича следовало бы послать ему ведро валериановых капель, — заявил кн. Щербатов, тогдашний министр внутренних дел, — очевидно у него расстройство нервов и он нуждается в успокоительном... Как только могла в голову закрасться такая мысль! Солдаты бегут, приведенные в отчаяние, а ставка будет их уговаривать — не бегите, землицы получите. Какой позор и какое нравственное падение! Да и вообще дает ли себе отчет

[1]) АОР. Аф. Фонд III, опись № 2, дело № 89, Обзор положения России за три м-ца революции по данным отдела сношений с провинцией Врем. к-та Гос. думы (листы 241—242).

[2]) «Архив русской революции», т. XVII, стр. 94.

[3]) Там же, стр. 23-24.

Янушкевич, что он предлагает; не только с нравственной точки зрения, но и с практической нельзя обещать несбыточное. Фактически невозможно наделить землею многомиллионную армию, так как, конечно, вся она или пострадала, или отличилась. Все равно всех не купишь. А горожане, рабочие и пр.?». Привлечь на свою сторону армию посредством наделения ее землей было, конечно, немыслимо для помещичьего самодержавия. Ибо уж если выбирать, то лучше поражение, нежели лишение земли. А между тем вопрос этот ставился в тот период времени, когда опасность была так велика, что хотели приступить к эвакуации Петрограда. Уже в это время положение в армии было несомненно катастрофическое, и не только среди фронтовых частей, но тем более среди тыловых. По существу уже тогда совершенно рельефно ощущалось, что в случае революции, пожалуй, не найдется ни одной войсковой части, которая поддержит царский режим. На тех же заседаниях Совета министров министр внутренних дел об этом достаточно ясно заявил: «Как вы хотите, чтобы я боролся с растущим революционным движением, когда мне отказывают в содействии войск, ссылаясь на их ненадежность и на неуверенность в возможности стрелять в толпу? С одними городовыми не умиротворить всю Россию, особенно когда ряды полиции редеют не по дням, а по часам и население возбуждается думскими речами, газетным враньем, безостановочными поражениями на фронте и слухами о непорядках в тылу» [1]).

Нельзя лучше обрисовать полное бессилие самодержавия в случае, если встанет необходимость борьбы с революционным движением. А ведь это опять-таки, напомним, говорилось в августе 1915 года (заседание 11 августа). Уже тогда, более чем за 2 года до революции, было совершенно ясно, что на войско надеяться нельзя. И недаром, в результате всех этих разговоров, присутствующий на этих заседаниях и ведущий запись помощник управляющего делами совета министров пометил 17 августа 1915 г.: «Если судить о положении дел по разговорам в Совете, то вместо писания истории, скоро придется повисеть на фонаре». Если к таким выводам приходили уже в 1915 г., то в 1916 г. положение еще более усугубилось. Революционная пропаганда в армии усилилась, недовольство ширилось и росло. По словам Шляпникова, во время демонстрации 9 января 1916 г. «в толпе присутствовала добрая треть солдат». В этом же 1916 г. в октябре месяце открыто выступил 181-й полк, целиком примкнувший к бастовавшим рабочим, защищавший их от полиции. В результате полк был расформирован. Это был, правда, единичный факт, но это выступление, как и другие факты, показывает, что восстание петроградского гарнизона в февральские дни и вообще быстрое присоединение армии к революции не было молниеносным скачком от пассивности к действию, а намечалось и подготовлялось с первых лет войны. Положение для царизма складывалось катастрофическое. Армия, основная опора власти, превратилась в вооруженный народ. Власть имущие чувствовали свою недолговечность и свое бессилие. Сто-

[1]) «Архив русской революции», т. XVIII, стр. 64. Подчеркнуто мною. *Э. Г.*

летиями державшееся самодержавие дошло до своего предела. «Оппозиционность настроений, — писала охранка, — достигла таких исключительных размеров, каких она, во всяком случае, не имела в широких массах даже в периоды 1905 — 1906 гг. [1])». Охранка оказалась права в своем утверждении, что наступают события, «в сравнении с которыми 1905 год — игрушка» [2]). Ибо то, что на очереди стояли события, по глубине, размаху и потенциальным возможностям превышавшие движение 1905 года, показало все дальнейшее развертывание Февральской революции.

---

[1]) «Красный архив», т. XVII, стр. 7.
[2]) Там же.

Глава вторая

МАССОВОЕ ДВИЖЕНИЕ В ФЕВРАЛЬСКИЕ ДНИ

1. О соотношении рабочей революции и солдатского восстания в февральские дни

Мы рассмотрели выше ту конкретную историческую обстановку, которая сложилась к февралю 1917 г. Эта обстановка подтверждала близкую неизбежность революции. Это было ясно и буржуазии и революционным партиям. Но то, что революция начнется так скоро и победит так неожиданно быстро, в равной мере застигла врасплох и буржуазию и тех, кто сам подготовлял в течение долгих лет эту революцию.

«То, что началось в Питере 23 февраля, почти никто не принял за начало революции. Казалось, что движение, возникшее в этот день, мало чем отличается от движения в предыдущие месяцы. Такие беспорядки проходили перед глазами современников многие десятки раз» [1], — так характеризует Суханов события первых дней. Правда, он не забывает тут же подчеркнуть некоторое своеобразие обстановки: «И если что было характерно, то это нерешительность власти, которая явно запускала движение» [2].

Но и нерешительность власти в первые дни многие пытались об'яснить мотивами далеко неблагоприятными для начавшегося движения. Были люди, которые эту нерешительность войск об'ясняли провокацией со стороны правительства, желавшего усыпить бдительность рабочих, чтобы затем окончательно разгромить движение. Один из них, проф. Ломоносов, даже 25-го задавал себе глубокомысленный вопрос: «Что это, случайная вспышка изголодавшихся людей, или провокация? Боюсь, что последнее» [3].

Но так расценивать движение мог только человек со стороны, одинаково далекий и от рабочего класса, незнакомый с истинным положением дел «внизу» и так же слабо осведомленный насчет размеров развала и разложения «наверху». Ибо царское правительство в это время меньше всего было способно на провокацию рабочего движения.

О том, что движение спровоцировано, не думал никто, близко наблюдавший его. Но 23-24-го многим казалось, что это только беспо-

---

[1]) Суханов, Записки о революции, стр. 16.
[2]) Там же.
[3]) Ломоносов, Воспоминания о мартовской революции 1917 г.

рядки, которые могут и не перерасти в революцию. Большое количество современников и очевидцев типа Суханова, наблюдая движение со стороны, приходило к выводу, что в нем нет «ничего особенного». Но то, что 23-го было на первый взгляд весьма далеким от революции, 27-го превратилось в победоносную революцию. На этом основании можно, казалось бы, притти к выводу, что быстрое перерастание «обычных» рабочих «беспорядков» в революцию об'яснялось не столько характером рабочего движения в эти дни, сколько другими причинами. На первый взгляд казалось, что только восстание солдат 27 февраля поднимает движение на степень революции, только оно превращает разрозненные, чисто стихийные, слабо об'единенные рабочие беспорядки в революцию.

Насколько такие предположения соответствовали действительности, может подтвердить лишь изучение фактической истории февральских дней. Обратимся же к этой истории.

Первые два месяца 1917 г. характеризуются беспрерывно нарастающим рабочим движением. Январь и февраль 1917 г. проходят в беспрерывной стачке. «Стачка становится нормальным состоянием петроградских заводов» [1]). Январь 1917 г. дал 244 тыс. бастовавших, из них по политическим причинам — 66,4%. В феврале 1917 г. число бастовавших рабочих на предприятиях, подчиненных надзору фабрично-заводской инспекции, равняется уже 432 тыс., причем политические забастовки абсолютно преобладают (95,6%). В движении первое место принадлежит Петрограду, а за ним Москве. Из 432 тыс. бастовавших в феврале на Петроград падает 200 тыс., на Москву 161 тысяча. Но движение из столиц перебрасывается по всей России, захватывая остальные рабочие центры, причем массовый характер забастовок все более явно сказывается.

В 1914 г. на одну забастовку приходилось в среднем 378 бастовавших рабочих, в 1915 г. — 581, в 1916 г. — 711 [2]). С конца 1916 г. движение приобретает новые черты. Тяга к выступлению, к демонстрациям, к активной борьбе отмечается всеми близко стоящими к рабочему движению.

Два крайних полюса — большевики и оборонцы — учли эту тягу к демонстрациям. С этим связан призыв и выступление 10 и 14 февраля.

Выходящий за рамки стачки характер рабочего движения достаточно сказался в выступлении 9 января 1917 г. Нужен был малейший повод, чтобы рабочие от стачки и демонстрации перешли к открытой борьбе с правительством. Таким поводом послужили локаут на Путиловском заводе, обострившийся продовольственный кризис и выступление работниц в «женский день» 23 февраля. Но 23 февраля несомненно не выявились еще с достаточной определенностью сила и размах этого движения. В этот день оно не внушает еще серьезных опасений властям и не дает повода для решительных выводов социалистическим партиям.

---

[1]) «Пролетарская революция» № 2-3 за 1927 г., стр. 76.

[2]) Данные взяты из сборника «Рабочее движение в 1917 г.», стр. 20-22.

Инициатором движения явился Выборгский район. С утра митинги по мастерским обыкновенно кончались прекращением работ. Рабочие толпой отправлялись на другие заводы снимать работающих. К движению примыкают прежде всего наиболее крупные заводы Выборгской стороны. Количество мелких предприятий, бастовавших в этот день, очень незначительно. Но даже на таком крупном предприятии, как франко-русский завод, 23-го бастовала только одна мастерская (250 чел.). На этом заводе началась забастовка еще 22-го на чисто экономической почве (требование повышения зарплаты), 23-го на экономической же почве забастовал Петроградский вагоно-строительный завод. Но, как правило, стачечное движение уже с первого дня носило явно выраженный политический характер.

К полудню значительные демонстрации рабочих тянутся к центру города. Но кордоны полицейских преграждают путь на Невский. Только к 4 час. демонстрантам удалось пройти через Неву в центр. Но пробиваются в центр далеко не все, и особого упорства в прорыве отрядов полиции рабочие 23-го еще не проявляют. По словам Кондратьева (рабочий завода Новый Лесснер) демонстранты проникли в город только «в незначительном количестве». «Большинство рабочих и работниц в первый день находилось на Выборгской стороне, группируясь на Большом Сампсоньевском проспекте, устраивая летучие митинги и демонстрации.

...*Рабочие и работницы с революционными песнями доходили до Литейного моста и, когда их разгоняли, возвращались обратно, группировались и снова двигались в том же направлении*» [1]).

23 февраля начал движение авангард рабочего Петрограда — Выборгский район, где были расположены новейшие, наиболее крупные предприятия. В этот день бастовало приблизительно 25 — 30% всех рабочих Петрограда. Забастовки и демонстрации с Выборгской перекинулись на Петербургскую сторону. По словам охранки, «в остальных частях города забастовок и демонстраций со стороны рабочих не было» [2]), и поэтому центр тяжести для начавших движение рабочих 23 февраля заключался не столько в активной борьбе с полицией и демонстрациях в центре, сколько в подтягивании, раскачивании остальной массы.

«Снимать заводы» — вот основной лозунг рабочих в первый день революции, 23 февраля. И в этом отношении активность масс была очень велика. Характерно, что борьба с полицией велась вначале не столько за свободный проход на Невский, сколько за ее вмешательство при снятии заводов. Вот несколько донесений охранки о таких случаях:

«Полицейский надзиратель фабрично-заводской полиции на Невской бумаго-прядильной фабрике титулярный советник Смирнов, препятствуя демонстрантам ворваться на означенную фабрику, получил

---

[1]) «Красная летопись» № 7 за 1923 г., стр. 63. Подчеркнуто мною. *Э. Г.*

[2]) «Былое» № 1 за 1918 г., стр. 163.

удар доской по руке, причинивший ему перелом лучезапястного сустава» [1]).

«На Корпусной улице демонстранты остановились у ворот механического завода 1-го Российского товарищества воздухоплавания и стали ломиться в ворота... Убедившись, что мирно воздействовать на рабочих не удастся, полицейский надзиратель Батов, вынув револьвер, стал им угрожать буйствовавшим. Окружив моментально Батова и выбив у него из рук револьвер, рабочие избили его палками, после чего, проникнув на завод, сняли спокойно работавших там мастеровых» [2]).

Столкновения рабочих с полицией происходили также при попытке рабочих остановить трамвайное движение. На Выборгской стороне помощник пристава Каргельс был тяжело избит за желание отнять у рабочих трамвайный ключ. Но все же 23-го трамваи еще ходят. Правда, на несколько часов движение удалось прервать, но к 7 час. вечера нормальный ход трамваев возобновляется.

В этот день город еще мало изменил свой внешний облик. Работают магазины, учреждения, театры. Движение концентрируется преимущественно на окраинах. Больших демонстраций в центре не было. Полиция справляется собственными силами. Надобности в привлечении войсковых частей пока еще не ощущается. Но все же, когда начались нападения на полицию, командующий войсками приказывает передать охрану порядка и спокойствия в столице из рук полиции военным властям.

23 февраля политическая стачка немедленно перерастает в политическую демонстрацию. Но движение носит скорее оборонительный, а не наступательный характер. Случаи нападения на полицию, как мы видели выше, отмечаются уже и в этот день. Но они единичны: всего 4-5 случаев за весь день.

24 февраля картина значительно меняется. Движение не падает, а нарастает и нарастает не только количественно, но и качественно, приобретая много новых черт. Количество стачечников выросло почти вдвое (23-го — около 90 000, по официальной статистике, 24-го — 158 683, по тем же данным). Раскачка и революционизирование масс происходит с неимоверной быстротой. Сборными пунктами для рабочих являются заводы, где с утра происходят митинги, а затем начинаются демонстрации. Так, в 9 час. у Литейного моста толпа достигала 40 000 человек. Одновременно демонстрации происходят и на Суворовском проспекте. В движение втягиваются новые районы. Волнения на Выборгской и Петроградской сторонах перекинулись на окраины города. Начинается движение на Охте, в Новой деревне, на Васильевском острове, на Обводном канале (толпа сняла здесь рабочих Новой бумагопрядильни, которые, в числе 2 000 человек, присоединились к демонстрантам). И в этот день рабочие еще энергично снимают заводы, но центр тяжести с окраин переносится в город. На Невский прорываются значительные массы демонстрантов, происходят митинги, говорят ораторы. Лозунг

---

[1]) «Былое» № 1 за 1918 г., стр. 164.
[2]) Шляпников, 1917 г., кн. 1, стр. 246.

«хлеба», выдвинутый в первый день, был сразу же сменен лозунгами «долой самодержавие» и «долой войну».

На это особенно жаловался ген. Хабалов в своих показаниях чрезвычайной следственной комиссии Временного правительства: «Возникшие с 23 февраля в городе волнения, — рассказывает он, — носили характер скоплений на улицах толпы, которая кричала: «хлеба». Впоследствии этот характер уже видоизменился: появилось большое количество флагов с надписями: «долой самодержавие», «долой войну» и аналогичными в этом стиле» [1]. И далее: «Когда говорили «хлеба дать» — дали хлеба и кончено. Но когда на флагах надписи «долой самодержавие», какой же тут хлеб успокоит?».

Молниеносное перерастание экономических лозунгов в политические вынуждены констатировать и полицейские донесения, относящиеся к тому периоду времени, и большинство воспоминаний — независимо от того, к какому лагерю принадлежат писавшие их.

Оборонительный характер движения, который отмечался 23-го, 24-го заменяется все более энергичными наступательными действиями. Случаи нападения на полицию заметно учащаются. Полиция уже не в состоянии справиться собственными силами, на помощь привлекаются некоторые войсковые части, преимущественно казаки 1-го и 4-го Донских полков. Но казаки уже 24-го совершенно явно, для близко наблюдавших движение, выявляют свою ненадежность. Вот непосредственные впечатления одного очевидца, рассказанные им с кафедры Государственной думы 24-го февраля:

«Проходя в Государственную думу, будучи на Знаменской площади, я видел, что происходит на Невском проспекте и на других улицах. Я видел сейчас, что громадная масса народа залила, буквально залила, всю Знаменскую площадь, весь Невский проспект и все прилегающие улицы, и там я встретил совершенно для меня неожиданное явление — там эта толпа кричит, провожая проходящих мимо нее казаков и полки с музыкой, «ура». Когда я спросил, что это значит, что это за манифестация, мне первый встречный об'яснил, что один из полицейских ударил было женщину нагайкой, или чем-то другим, но казаки тотчас вступились и прогнали полицию» [2].

Это произошло 24 февраля. В этот день политическая демонстрация разворачивается во всю ширь; захватывает центр города; количество демонстрантов значительно увеличивается, растет их упорство и начинает сказываться сочувствие войск.

25 февраля в Питере почти всеобщая стачка. Самые отсталые кадры подтягиваются за авангардом, бастует очень большое количество мелких предприятий, останавливается трамвай, не работают торговые заведения. «На третий день разоружение полиции стало стихийным лозунгом толпы» [3]. Часть демонстрантов вооружается отобранным у полиции оружием. Один из секретных агентов охранки тревожно со-

---

1) «Падение царск. режима», т. I, стр. 183 и 190.

2) Стенографич. отчет Гос. Д. 4-го созыва, сессия 5-я, заседание 24-е, стр. 1730.

3) Заславский и Канторович, Хроника, стр. 19.

общает, что если беспорядки не будут подавлены, то «к понедельнику возможно сооружение баррикад».

Но уже к вечеру 25 февраля «прекратилось телефонное сообщение градоначальства с Выборгской стороной, так как она оказалась всецело в руках восставшего народа. Участковые канцелярии были разгромлены, а чины полиции или скрылись или убиты» [1]).

В градоначальстве об этом узнали только 26-го утром по сообщению одного уцелевшего пристава Порховского участка, который мог только рассказать, что его участок больше не существует. Но 26-го утром выяснилось также, что «не только Выборгская сторона, но и «Пески», почти вплоть до Литейного, находятся во власти мятежников» [2]).

Все это говорит о том, что движение выходит далеко за пределы обычной политической демонстрации. Политическая демонстрация совершенно явно начинает переходить в вооруженное восстание. «Дружественный нейтралитет» войск в этот день сказывается еще более определенно. Характер отношений демонстрантов с войсками достаточно выясняется следующим разговором: «Казаки просят не мучить их и расходиться до завтра, мы уговариваемся с ними, что разойдемся в 7 часов» [3]). В этот же день происходит и известный случай на Знаменской площади, где убили пристава Крылова, стрелявшего с отрядом конной полиции в народ [4]).

Благодаря этому настроение масс еще более повышается, уверенность в победе сильно возрастает.

Провокатор Шурканов, прекрасно осведомленный, сообщает об этих настроениях в своем донесении охранному отделению 26 февраля следующее:

«Так как воинские части не препятствовали толпе, а в отдельных случаях даже принимали меры к парализованию начинаний чинов полиции, то массы получили уверенность в своей безнаказанности, и ныне после двух дней беспрепятственного хождения по улицам, когда революционные круги выдвинули лозунги: «долой войну» и «долой самодержавие», народ уверился в мысли, что началась революция, что успех за массами, что власть бессильна подавить движение в силу того, что воинские части на ее стороне, что решительная победа близка, так как воинские части не сегодня завтра выступят открыто на сторону революционных сил, что начавшееся движение уже не стихнет, а будет без перерыва расти до полной победы и государственнного переворота» [5]).

26-го и 27-го эта уверенность в победе, усиливавшая боеспособность и энергию рабочих, сказывается достаточно определенно.

---

[1]) «Исторический вестник», ст. Акаемова, Агония царского режима (по приставским донесениям и показаниям свидетелей).

[2]) Там же.

[3]) «Красная летопись» № 7 1923 г., Воспоминания Кондратьева.

[4]) Этот инцидент описывается в нескольких версиях, но картина от этого не меняется.

[5]) «Былое» № 1, за 1918 г.

26-го с утра на Невском было тише, чем обычно, но это об'яснялось тем, что заводы были закрыты, сборные пункты были потеряны и приходилось в одиночку стягиваться к центру. Но к полудню опять огромные демонстрации заполняют Невский. Однако правительство, подогреваемое телеграммой Николая, повелевающего «завтра же» прекратить «беспорядки», решает принять энергичные меры для подавления движения. Полиция и некоторые войсковые части, (преимущественно) учебные команды Павловского, Волынского и других полков, стреляют в народ. Появляется довольно значительное количество раненых и убитых (по официальным данным до 40 убитых и столько же раненых, но многих унесла с собой толпа). Правительство могло торжествовать победу. Центр города был очищен от демонстрантов и находился в руках полиции. Но только центр. Другие части города, особенно Выборгская сторона, находились во власти «мятежников», полиция не знала, что там происходит, и боялась туда подступиться. Победа была Пиррова. Она, с одной стороны, ни на иоту не уменьшила боеспособности масс и не ослабила их уверенности в победе, а, с другой стороны, была последней каплей для и так сильно колеблющихся войск.

Вынужденные агрессивные действия солдат имели неожиданные результаты. «Дружественный нейтралитет» войск, который совершенно явно начал сказываться уже 24-го, 26-го заменяется началом прямого «бунта» солдат. День, когда правительство и военные власти решились пойти независимо от настроения солдат на расстрел демонстраций, был и первым днем открытого восстания солдат. В этот день вечером восстала 4-я рота Павловского полка. Вот как характеризует одно из полицейских донесений причины и характер выступления павловцев:

«Полицейский надзиратель Харитонов доложил, что 4-я рота лейб-гвардии Павловского полка, имея негодование к учебной команде того же полка, которая находилась в наряде на Невском проспекте и стреляла по толпе, в 6 час. вечера, выйдя из казармы, находящейся в придворном конюшенном манеже, направилась к Невскому проспекту под командой унтер-офицера и хотела их снять с постов, но встретила по пути близ храма Христа спасителя конный раз'езд, состоявший из 10 человек конных городовых; завязалась по адресу (?) брань с солдатами, которые назвали городовых «фараонами», а затем означенная рота произвела по городовым несколько залпов; убиты 1 городовой и лошадь и ранены 1 городовой и 1 лошадь; затем солдаты вернулись в казармы, где произвели бунт. На усмирение к ним прибыл полк. Экстен, который был кем-то из солдат ранен, у него отрублена кисть руки, а затем вызвана команда л.-гв. Преображенского полка, которая обезоружила и оцепила бунтующих» [1]).

Такова основная причина выступления павловцев: негодование против учебной команды, стрелявшей в народ. Но 26-го вечером этот восставший полк постигла полная неудача. Не достав достаточно оружия (хотя по некоторым данным они разгромили цейхгауз и достали до-

---

[1]) «Былое» № 1, 1918 г., стр. 170.

30 винтовок) и не зная точно, что делать, они были вскоре окружены преображенцами, 19 человек из них было арестовано и направлено в Петропавловскую крепость. Правда, восстание павловцев 26-го вечером было только исключением, остальные части пока не выступали. Но для рабочих это не было «исключением из правила», а подтверждением давно существующих надежд.

И день 27 февраля подтвердил, что, с одной стороны, рабочие не только не были разбиты 26-го, а наоборот, силы их почти не тронуты и боеспособность не уменьшилась, и, с другой стороны, что выступление павловцев послужило как бы сигналом для восстания всего петроградского гарнизона.

С раннего утра 27 февраля, до того как стало известно о выступлении петроградского гарнизона, рабочие опять, как и в предыдущие дни, вышли на улицу. Вот, что рассказывает т. Шляпников о настроении рабочих утром 27 февраля:

«Было очень рано, не было еще и 7 час. утра, когда на квартиру нашего Бюро центрального комитета, служившую мне и ночевкой, явился т. Чугурин... Подняв меня с постели, т. Чугурин заявил, что пришел по настоянию членов Выборгского районного комитета, исполнявшего обязанности Петербургского комитета нашей партии, поговорить о работе сегодняшнего дня. Рабочие уже стекаются к заводам, устраивают собрания и решают продолжать всеобщую забастовку». И далее: «Заходившие несколько позднее товарищи с завода Айваза, Эриксона, Лебедева и кое-кто из Выборгского районного комитета сообщили, что по заводам идут митинги, принимаются решения продолжать борьбу до полной победы над царским правительством. Кое-где происходили братания рабочих с солдатами. О возобновлении работ никто и не думал. Все помыслы были направлены на борьбу. Из других районов сообщали, что митинги, общезаводские собрания, всюду прошли с громадным воодушевлением». А через пару часов, по словам т. Шляпникова, к нему опять явился т. Чугурин и от имени рабочих потребовал оружия. После расспросов т. Чугурин раз'яснил, что «рабочие Выборгской стороны, руководимые нашими товарищами, взялись всерьез за дело «завоевания солдат»... Устроили около казармы Московского полка митинг, который был разогнан пулеметным огнем. Нечто подобное же произошло и у Запасного полка, казармы которого соприкасаются с заводом Новый Лесснер: стреляли офицеры. Эта неудачная попытка сближения с солдатами так озлобила наших товарищей, что они готовы были итти с револьверами против пулеметов и винтовок» [1]).

Все это достаточно красноречиво говорит о том, насколько разбито или обессилено было рабочее движение после расстрелов 26-го. Рабочие с утра еще с большей энергией продолжают борьбу, пока еще ничего не зная о восстании петроградского гарнизона. И в этот день они первым долгом направляются не на Невский, а к солдатским казармам. Впрочем, агитация солдат, как мы видели выше, проходила

[1]) Шляпников, 1917 год, книга 1-я, стр. 107 и 109.

далеко не безуспешно и в предыдущие дни. В эти дни вокруг казарм «ходили в одиночку и кучками рабочие, стараясь всячески связаться с солдатами», — рассказывает Шляпников. О том же говорит в своих воспоминаниях рабочий завода Эриксон, т. Каюров: «Я пошел узнать настроение этих солдат; человек пятнадцать рабочих и я повели агитацию среди них».

В рассказе о восстании Павловского полка приводятся следующие характерные штрихи: «около 2 часов дня (26 февраля) к казарменным воротам подошла кучка рабочих. Там все были расстроены и бледны. Перебивая друг друга, рабочие рассказывали дневальным, какая жестокая бойня идет на Невском. «Скажите товарищам, что и павловцы в нас стреляют, мы видели на Невском солдат в вашей форме [1]). Количество таких случаев можно было бы значительно увеличить. Они встречались на каждом шагу.

И естественным результатом этой агитации, результатом борьбы петроградского пролетариата явилось выступление петроградского гарнизона 27 февраля. Первыми с утра восстали волынцы, убив своего командира штабс-капитана Лашкевича и сняв находящиеся поблизости части Литовского и Преображенского полков. Несколько позже, после некоторой борьбы, присоединилась часть Моковского полка, а к вечеру — семеновцы и егеря, снявшие уже ночью запертых в казармах измайловцев. Вообще же, если в некоторых полках и не было прямого восстания, то все же 27-го в Питере не было почти ни одной части, способной оказать сопротивление восставшим.

Именно питерские рабочие были тем массовым агитатором, который вел работу среди петроградского гарнизона до революции и который привел его в февральские дни на сторону революции. Мстиславский в своих воспоминаниях рассказывает, что когда после переворота союз офицеров, желая узнать, кто вывел восставшие полки, запросил отдельные части, то получил самые разнообразные ответы, совершенно друг с другом несхожие. И это вполне понятно, ибо меньше всего здесь можно искать персональных героев и зачинщиков в самой солдатской, а тем более офицерской массе. Почва для восстания, для революционного движения в армии и особенно в питерском гарнизоне, находившемся под непосредственным воздействием борьбы петроградского пролетариата, давно созрела.

Но рабочие не только агитировали солдат, призывая их к восстанию. Они были и первыми организаторами уже восставшей солдатской массы. «Выведя полк (Московский) на улицу, — рассказывает т. Кондратьев, — мы увидели, что некому командовать, так как часть офицеров, запершись в офицерском собрании, отстреливалась, часть бежала, и солдаты, оставленные без офицеров, не представляли организованной силы. Все-таки нам удалось найти подпрапора и выстроить полк в боевом порядке и двинуться дальше. Снимая команду за командой, часам к трем нам удалось снять все местные команды Выборгской стороны, за исключением команды самокатчиков. Выстроив все снятые части на

---

[1]) Иван Лукаш, Павловцы.

Сампсоньевском проспекте у фабрики Ландрина, мы имели намерение пройти к Боткинской улице» [1]).

То же самое рассказывают и рабочие других заводов. «27-го в два часа дня, — пишет рабочий завода «Арсенал» Королев, — с выходом Московского полка мы вооружились. Я... и другие, мы взяли по револьверу и винтовке, отобрали подошедшую группу солдат (некоторые из них попросили ими командовать и указывать что делать) и направились на Тихвинскую улицу для обстрела полицейского участка» [2]). Эту основную черту Февральской революции, руководящую роль в ней пролетариата подметил не кто иной, как Туган-Барановский. Вдумчивому классовому врагу, желавшему трезво оценить все возможные последствия Февральской революции, эти черты первым долгом бросались в глаза. Говоря о смысле русской революции, он оспаривает общепринятое сравнение этой революции с турецкой. Два деспота — Абдул-Гамид и Николай II — пали благодаря военному восстанию. В этом, казалось бы, внешнее сходство Февральской революции с турецкой. «Ведь действительно, — указывает Туган-Барановский, — без военного восстания в понедельник 27 февраля народная победа была бы невозможной... Однако наша революция отличается от турецкой одним обстоятельством, которое может показаться мелочью, но в котором заключается глубокий смысл. Абдул-Гамида свергла организованная армия, салоникский корпус, который пришел стройными рядами, со своими офицерами и генералами во главе. Турецкая революция заключалась в победоносном восстании армии, подготовленном и осуществленном вождями этой армии. Солдаты были лишь послушными исполнителями замыслов своих офицеров. Те же гвардейские полки, которые 27 февраля опрокинули русский трон, пришли без своих офицеров, или если и с офицерами, то лишь с небольшой частью их. В о главе этих полков стояли не генералы, а толпы рабочих, которые начали восстание и увлекли за собою солдат». И далее: «Не армия, а рабочие начали восстание. Не генералы, а солдаты пошли к Гос. думе. Солдаты же поддержали рабочих не потому, что они послушно выполняли приказания своих офицеров, а потому, что сознавали себя народом, не в том смысле, чтоб они почувствовали себя такими же русскими людьми, как и офицеры, а в том смысле, что они почувствовали свою кровную связь с рабочими, как с классом таких же трудящихся людей, как и они сами. Таково социальное происхождение русской революции. Крестьяне и рабочие — вот два социальных класса, которые делали русскую революцию» [3]). Смысл русской революции буржуазный идеолог схватил верно. И так же верно оттенил соотношение между военным восстанием и рабочей революцией.

Крестьянское движение, движение в армии было вызвано рабочим движением и рабочим же движением втянуто в свое организующее русло. Решающим для перехода от пассивного сочувствия к активному дей-

[1]) «Красная летопись», № 7 за 1923 год, стр. 68.

[2]) Ленинградский истпарт, Воспоминания рабочих о Февральской революции.

[3]) «Биржевые ведомости», № 16128, 10 марта 1917 г.

ствию, к открытому присоединению явилось революционное выступление питерского пролетариата в февральские дни.

Между рабочей и солдатско-крестьянской волной революции существовало теснейшее взаимодействие. Без нарастания рабочей волны, без рабочей революции немыслимо было восстание солдат. Без восстания солдат невозможна была полная победа рабочего класса. Но из этого вовсе не вытекает, что Февральская революция «началась как рабочая, а победила, как солдатская» [1]).

Что Февральская революция победила не как солдатская, а как рабоче-крестьянская революция, под руководящим влиянием пролетариата, мы пытались доказать во всем предыдущем изложении. Характеристика Февральской революции, и частично заодно с ней и Октябрьской революции, как солдатской по преимуществу, является характерным штрихом в меньшевистской идеологии. Мартов на этой основе строил целую теоретическую концепцию. Социальные корни большевизма выводятся им из солдатского характера революции. Он оговаривает это, указывая, что большевизм не есть просто «солдатская революция», но «влияние большевиков на течение революции в каждой стране пропорционально участию в этой революции вооруженных солдатских масс» [2]).

То, что рабочий класс не мог победить без армии, без крестьянства, своими собственными силами, также нисколько не означает, что само рабочее движение уже 25 февраля, как указывают некоторые товарищи, «было в тупике», что силы рабочих были «почти исчерпаны», и что только 27-го в момент «непосредственного слияния рабочих демонстраций и крестьянского бунта февральское движение поднимается на ступени революции, свергающей царизм» [3]).

Фактически уже 23-го революция была дана. Но перед пролетариатом, начавшим движение, тотчас же встала проблема союзника. И собственно выступление этого союзника, его быстрая поддержка была обусловлена, детерминирована всем предшествовавшим развитием России. Если о Февральской революции, благодаря неожиданной быстроте ее победы, принято было говорить как о чуде, то это пятидневное «чудо» выросло на весьма реальной почве. Об'ективная обстановка России предопределила быструю победу, а суб'ективный фактор революции не отстал от об'ективной обстановки. Но если бы даже проблема союзника не была разрешена так легко и скоро, рабочее движение, начавшееся 23 февраля, ни в коем случае не погасло бы так же быстро, как началось. Ибо озлобления, напора, сознательности и организованности у пролетариата в эти дни было несомненно больше, чем в 1905 году. Недаром третий день революции дал соединение массовой демонстрации и всеобщей стачки, четвертый — переход к вооруженному восстанию, а пятый — победу. «От стачки и демонстраций к единичным баррикадам, — писал Ленин в 1905 году, — от единичных баррикад к массовой постройке баррикад и к уличной борьбе с войском. Через го-

[1]) О. А. Ерманский, Из пережитого, стр. 154.
[2]) Мартов, Мировой большевизм.
[3]) Ст. Я. Яковлева, «Пролетарская революция», № 2-3 за 1927 г.

лову организаций массовая пролетарская борьба перешла от стачки к восстанию. В этом величайшее историческое приобретение русской революции, достигнутое декабрем 1905 года».

Но если для перехода от стачки к восстанию рабочему классу в период революции 1905 г. понадобилось несколько месяцев, то в феврале 1917 г. этот переход совершился в несколько дней. Правда, неимоверно быстрая раскачка движения зависела от явно ощутимого настроения солдат. Но и при более пассивном настроении солдатской массы движение не остановилось, не свернулось бы под нагайкой первого казака и выстрелами первой воинской части. Все равно революция свершила бы свой первый тур и снова бы вспыхнула через очень короткий срок. Но исторический путь, пройденный Россией от 1905 до 1917 г., обеспечил поддержку рабочей революции со стороны крестьянства и тем самым предопределил победоносное завершение этой революции. И именно гегемония пролетариата в этом движении обеспечила победу, которую бы никогда не одержала сама крестьянская армия. Рабочий класс *начал* революцию, выступление армии было *производным* явлением, зависело от рабочего движения, им определялось, из него вытекало.

Но, отмечая руководящую роль пролетариата в февральские дни, нельзя вместе с тем не подчеркнуть, что рабочий класс в эти дни не мог полностью охватить крестьянскую стихию. После революции эта крестьянская стихия или часть ее несколько отрывается от организующего влияния рабочего класса. Это не могло не наложить своего отпечатка на дальнейший ход революции. Но недостаточный охват рабочим классом крестьянской стихии об'яснялся тем, что рабочий класс, в свою очередь, не был в полной мере подчинен организующему влиянию своей партийной организации.

2. Партия в февральские дни

Мы уже указывали выше, что революция застигла врасплох почти все партии тогдашнего революционного подполья. После революции в этом беспрерывно признавались вожди большинства этих партий:

«Революция ударила как гром с неба, — говорит в своей статье виднейший представитель эсеровской партии Зензинов, — и застала врасплох не только правительство, но и Думу и существующие общественные организации. Будем откровенны: она явилась великой и радостной неожиданностью и для нас, революционеров, работавших на нее долгие годы и ждавших ее всегда... И как наглядный пример можно привести тот факт, что начавшееся с средины февраля забастовочное движение петроградских рабочих теми информационными собраниями, которые собирались в эти дни и на которых присутствовали представители всех существовавших в Петрограде революционных течений и организаций, рассматривалось как обычное. Никто не предчувствовал в этом движении веяния грядущей революции» [1]).

---

[1]) «Дело народа», № 1, 15 марта 1917 г.

Представитель той же партии Мстиславский в своих воспоминаниях признается в таком же грехе: «Революция застала нас, тогдашних партийных людей, как евангельских неразумных дев, спящими. Теперь, через пять лет, непонятным кажется, как можно было в нарастании февральской волны не почувствовать (не говорю уже «осознать») надвигавшейся бури» [1]).

Тот же факт неожиданности революции, а потому и растерянности перед ней, когда она началась, подтверждает и Суханов: «Ни одна партия не готовилась к великому перевороту. Все мечтали, раздумывали, предчувствовали, ощущали» [2]).

Перечень таких признаний можно было бы значительно увеличить. Они воочию подтверждают, насколько неожиданно грянула революция для большинства тогдашних партийных организаций. Естественно, что при таком положении эти партии не могли охватить движения, застигшего их врасплох, и влить в него организующую струю. Правда, состояние растерянности тотчас же покинуло эти партии, как только революция оказалась победившей. Они пытались встать во главе движения и направить его в желательную для них сторону. И, в первое время их попытки, как известно, были не совсем безуспешны. Во всяком случае непосредственно в февральские дни они оказались в стороне и никакого влияния на ход движения не оказывали. Но как же дело обстояло в единственной революционной партии тогдашнего подполья, в большевистской организации?

Что революция ожидалась и подготовлялась нашей партией, не возбуждает сомнений. Уже с конца 1916 года, по словам Шляпникова, Бюро центрального комитета дает директиву развивать движение, не ограничиваясь рамками стачки, а призывая к уличным демонстрациям. Эта директива была воспринята и ЦК и Московским областным бюро и рабочими ячейками. Необходимость такой директивы об'яснялась характером рабочего движения в это время, нарастающего не по дням, а по часам. Но понимание близкой неизбежности революции не спасло и большевистскую партию от некоторой растерянности в тот период времени, когда революция началась. Никто, в том числе и наша партия, не ожидал ее так скоро.

«Несмотря на исключительную бодрость, внушенную мне в последние месяцы подпольной работой среди рабочих Екатеринослава, несмотря на смутные предчувствия близкой революции, я все-таки исчисляла эту близость не днями и даже не месяцами, а годами», — пишет С. Гопнер, видный работник екатеринославской организации. Правда, речь идет о провинции, где несомненно ощущение близящейся революции должно было быть менее острым, чем в центре событий — в Ленинграде. Но и тут близость революции исчислялась если не годами, то во всяком случае долгими месяцами. И никто не ожидал, что «женский день» будет началом революции. Для характеристики партийных настроений накануне Февральской революции интересны воспоминания

---

[1]) Мстиславский, Пять дней, стр. 6.
[2]) Суханов, Записки о революции, стр. 16.

уже цитированного выше т. Каюрова. Вот что он пишет по этому поводу:

«Сильно повышенное настроение масс заставило районный комитет (Выборгский, *Э. Г.*) принять решение о прекращении агитации за прямой вызов на забастовки и пр., а сосредоточить внимание, главным образом, на поддержании дисциплины и выдержки в грядущих выступлениях.

Накануне «женского дня», в ночь на 23 февраля, я был командирован в Лесной на собрание женщин. Охарактеризовав значение «женского дня» женского движения вообще, тут же пришлось указать на текущий момент, и главным образом, призывать воздерживаться от частичных выступлений и действовать исключительно по указаниям партийного комитета.

Итак, в силе и возможности проведения на местах постановления РК я был убежден.

Но каково же было мое удивление и возмущение, когда на другой день, 23 февраля, на экстренном совещании из пяти лиц в коридоре завода (Эриксона) т. Никифор Ильин сообщил о забастовке на некоторых текстильных фабриках и о приходе делегаток-работниц с заявлением о поддержке нами металлистов.

Я был крайне возмущен поведением забастовавших: с одной стороны, — явное игнорирование постановления районного комитета партии, а затем — сам только что ночью призывал работниц к выдержке и дисциплине, и вдруг забастовка. Казалось, нет цели и повода, если не считать особенно увеличившихся очередей за хлебом, которые в сущности и явились толчком к забастовке. Но факт налицо — приходится считаться, надо так или иначе на него реагировать. Совещание продолжалось уже с меньшевиками и с эсерами; приняли (надо оговориться, — скрепя сердце) решение поддержать забастовавших работниц, причем мое предложение, что раз решаем выступить с протестом, то надо своевременно повести на улицу всех рабочих без исключения и самим встать во главе забастовки и демонстрации, — было принято. Тотчас через т. Ивана Жукова наше постановление довели до сведения районного комитета.

И удивительная вещь, ни РК, ни представители рабочих не были удивлены подобным постановлением; ясно, мысль о выступлении давно уже зрела между рабочими, только в тот момент никто не предполагал во что оно выльется. Никто не думал о такой близкой возможности революции» [1]).

Следовательно, Выборгский райком еще 22 февраля готовил массы к грядущим выступлениям, в то время как революция уже начиналась. Партия несомненно не поспевала за движением и несколько отстала от него. Провокатор Шурканов (кличка Лимонин) констатировал это в своем донесении от 26 февраля. «Революционные круги, — по его мнению, — стали реагировать только к концу вторых суток,

---

[1]) «Пролетарская революция» № 1 (13), 1923 г., ст. Каюрова, Шесть дней Февральской революции, стр. 158. Подч. мною, *Э. Г.*

когда стало заметно решение развить успех движения до возможно широких размеров»[1]). Наша партия естественно не могла сразу же охватить движение, вспыхнувшее неожиданно быстро и для нее. Характерно, что незадолго до революции, в феврале же месяце, многие товарищи, по словам Шляпникова, «высказывали свои соображения, целесообразно ли призывать рабочих к революционным действиям, когда наши организации не смогут овладеть движением»[2]). Близкая в то время к нашей партии «межрайонка» в своей листовке 14 февраля призывала рабочий класс временно воздержаться от выступлений, так как «рабочий класс еще недостаточно организован... его вождь — Российская с.-д. партия — переживает тяжелый кризис... нет еще единства действия революционной социал-демократии». И далее: «Армия, без выступления которой революционное движение обречено на разгром, не связана тесно с рабочими организациями и что в данный момент нет основания рассчитывать на ее активную поддержку»[3]).

Таким образом, партия, подготовляя революцию, не была и не могла быть уверена в таком быстром ее наступлении, а тем более в такой быстрой победе. Если бы движение развивалось и раскачивалось медленнее, партия вне всякого сомнения смогла бы охватить его своим организующим влиянием, но в февральские дни каждый день был решающим, непохожим на предыдущий. И естественно поэтому, что партийные организации, как правильно указывает Юренев в своих воспоминаниях о «межрайонке», лишь «констатировали и учитывали совершившиеся факторы величайшей политической важности»[4]).

Непосредственного призыва к выступлению 23 февраля не дала очевидно ни одна партийная организация. Наша партия из-за разгрома техники не смогла даже выпустить листовку к этому дню. Было постановлено устраивать по заводам и фабрикам митинги на тему «Война, дороговизна и положение работниц». А в листовке, выпущенной к этому дню межрайонкой, никакого призыва к открытому выступлению не было. Рабочий класс непосредственно в февральские дни несомненно выступил самочинно, и ни одна партийная организация не смогла уже затем поспеть за этим бешено развивающимся движением. Но когда движение началось, наша партия сразу же решила примкнуть к нему и возглавить его. Это следует хотя бы из приведенного выше решения Выборгского комитета. А на следующий день (24-го, на заседании Бюро ЦК) было решено, по словам Шляпникова, «развивать движение в сторону вовлечения в него солдатской массы и отнюдь не ограничивать это выступление каким-либо механическим постановлением, определяющим всеобщую стачку трехдневной, как это было в моде у

---

[1]) Февральская революция и охранное отделение, «Былое» № 1, 1918 г., стр. 173.

[2]) Шляпников, 1917 год, кн. 1, стр. 56.

[3]) Цитирую по Шляпникову, там же, стр. 33.

[4]) Юренев, Межрайонка, «Пролетарская революция» № 2 (25), 1924 г., стр. 138.

Петербургского комитета» [1]). На этом же заседании было решено послать курьера в Москву с пожеланием, чтобы московские рабочие поддержали Петроград.

Утром 25-го Бюро ЦК решило выпустить листовку, написанную т. Ольминским, с прямым призывом к открытой борьбе с правительством. В листовку было включено требование повсеместного создания социал-демократических комитетов и лозунг всероссийской всеобщей стачки. Но характерно, что лозунг этот был дан тогда, когда всеобщая забастовка петроградского пролетариата уже фактически началась.

В то же время, когда начинаются расстрелы демонстрантов, 25-го к вечеру и особенно 26-го, в рядах партии проявляется некоторая неуверенность в возможности победы, и быстрый размах движения даже внушает опасения.

Член Бюро ЦК Залуцкий рассказывает следующий интересный факт о заседании Исполнительной комиссии ПК от 25 февраля:

«Исполнительная комиссия ПК в составе Скороходова, Михаила (Кирилл Шутко), Чугурина и т. Петра (фамилия, кажется, Ганшин) собралась раньше моего прихода, я не знаю ее решений, но Скороходов с Чугуриным и т. Михаилом заявили мне, что они постановили призвать к прекращению демонстраций, ввиду того, что льется кровь, что царизм вводит в дело войска, казаков и т. д... Я им сделал анализ событий на основании их же информаций и доказал, что войска колеблются, что их же факты это доказывают, что без крови революции не бывает, что это может быть решающим моментом, но может быть и поражением и т. д. И к моему удивлению очень быстро убедил их всех в необходимости усиления и углубления движения» [2]).

Эта же неуверенность, по словам т. Каюрова, сказалась и на заседании Выборгского комитета 26-го вечером. На этом заседании «стали обсуждать текущие события и наше поведение на завтра. Были скептические замечания, что не пора ли призвать массу к окончанию забастовки» [3]). В это время, после ареста ПК в ночь с 25-го на 26-е, Выборгский комитет выполнял временно его обязанности и потому разрешал вопросы общеполитического значения.

Такого сорта колебания и неуверенность были в меньшей степени свойственны самим рабочим. Об уверенности рабочих в победе сообщали секретные агенты охранки в своих донесениях от 26-го (см. выше). Но и для нашей партии эти колебания были единичны и совсем не характерны. Уже утром 27-го на собрании у т. Каюрова, где было до 40 представителей от заводов и фабрик, большинство высказалось за продолжение движения. А о выступлении войск в это время еще известно не было.

---

[1]) Характерно, что на заседании «межрайонки» как раз в этот же вечер было принято решение призвать рабочих к трехдневной стачке протеста против событий на Путилов. зав. См. ст. Юренева в «Пролетарск. револ.» № 2.

[2]) Ленинградский Истпарт, Воспоминания о Февральской революции. Показания т. Залуцкого о провокаторе.

[3]) Каюров, Шесть дней Февральской революции, «Пролет. револ.» № 1 (13) за 1923 г., стр. 166.

Руководящая роль партии в эти дни сказалась не только в призыве рабочих к выступлению, но и в попытке дать конкретные указания о тактике пролетариата по отношению к солдатам.

Правда, только 27-го утром т. Шляпников по настоянию Чугурина написал листовку к солдатам с призывом помочь рабочим в их борьбе с самодержавием. Но имеется еще одна листовка к солдатам от имени ПК, очевидно от 26-го, с таким же призывом, кончающаяся словами: «Да здравствует братский союз революционной армии с народом!». Эта листовка, находящаяся в Ленинградском музее революции, судя по надписи на ней, распространялась с.-д. коллективом Трубного завода исключительно на Васильевском острове. В этот же день (26-го) «межрайонка» совместно с эсерами [1]) выпускает две листовки, одну к рабочим с призывом не выполнять приказ Хабалова «стать 28 февраля на работу», требованием создания стачечных комитетов и лозунгом всеобщей политической стачки, и другую к солдатам. Об этой листовке т. Юренев говорит, что «призыв к солдатам был по-своему половинчат. В нем мы не звали солдат к непосредственному восстанию».

Но помимо листовок к солдатам от Бюро ЦК в эти дни исходила директива о том, что рабочие главное свое внимание должны обращать на завоевание солдат. Когда многие товарищи, приходя в Бюро ЦК, настаивали на немедленном вооружении рабочих и создании боевых дружин, то неизменно получали наказ — достать оружие у солдат. Особенно горячим сторонником такого способа действий являлся т. Шляпников. По его мнению в то время основные задачи партии «шли не в сторону организации дружин», а в направлении связи с казармами работы среди солдат [2]).

По этому поводу в партии возникли некоторые разногласия. Многие товарищи считали, что необходимо немедленно вооружить рабочих, до восстания солдат, используя для этого все имеющиеся средства. И по существу их точка зрения была более правильна, чем точка зрения т. Шляпникова. Конечно, основная задача рабочих и партии в февральские дни заключалась в завоевании армии. Но это ни в какой мере не отрицало, а наоборот, предполагало необходимость параллельного вооружения рабочего класса чем только возможно. В своей статье «Уроки московского восстания» Ленин писал по данному вопросу следующее: «У нас в правом крыле партии сильно распространен крайне односторонний взгляд на этот переход (переход войск на сторону народа, *Э. Г.*). Нельзя, дескать, бороться против современного войска, нужно, чтобы войско стало революционно. Разумеется, если революция не станет массовой и не захватит самого войска, тогда не может быть и речи о серьезной борьбе. Разумеется, работа в войске необходима. Но нельзя представить себе этот переход войска в виде какого-то простого, единичного акта, являющегося результатом убеждения, с одной стороны, и сознания — с другой» [3]).

---

[1]) Шляпников, 1917 год, кн. 1, стр. 55. Подчеркнуто мною, *Э. Г.*
[2]) Там же.
[3]) Н. Ленин, Собр. соч., т. VII, стр. 49.

Борьба за войско, по мнению Владимира Ильича, должна вестись путем «бесповоротно решительного наступления». «Не пассивность должны проповедывать мы, — говорит дальше Ленин, — не простое «ожидание» того, когда «перейдет» войско, — нет, мы должны звонить во все колокола о необходимости смелого наступления и нападения с оружием в руках, о необходимости истребления при этом начальствующих лиц и самой энергической борьбы за колеблющееся войско» [1].

Таким образом, по мнению Ленина вооружение рабочих и завоевание солдат отнюдь не две противоположные задачи, а две стороны одного и того же вопроса. И если директива Бюро ЦК о братании с солдатами, о работе с ними была абсолютно правильна и имела огромное значение в те дни, ибо она просачивалась в массы и оказывала свое действие, то мнение о ненужности параллельного вооружения рабочих и создания боевых дружин было несомненной ошибкой. Правда, то, что партия открыто не призывала рабочих к вооруженному восстанию и к созданию боевых дружин, практически мало отразилось на развертывании революции. Мы видели, что уже 25-го и 26-го рабочие сами переходят от политической демонстрации к вооруженному восстанию, а почва для выступления солдат настолько созрела, что они выступили так быстро, как никто не ожидал.

Днем 27 февраля, когда после восстания петроградского гарнизона победа революции выяснилась достаточно определенно, по инициативе некоторых товарищей (Хахарева, Назарова, Лебедева, Каюрова) было решено, что необходимо от имени Бюро ЦК немедленно выпустить манифест, в котором раз'яснить цели и задачи революции и «сделать это прежде, чем «очухаются» другие партии и группы, иначе может случиться, что руководство революцией возьмут в свои руки другие» [2]. Предварительно проект был написан т. Каюровым и Хахаревым и затем проредактирован Бюро ЦК. В манифесте констатируется победа революции, дается лозунг создания временного революционного правительства и выставляются требования конфискации помещичьих земель, введения 8-часового рабочего дня и созыва Учредительного собрания на основе всеобщего избирательного права. Подробнее характера этого манифеста мы коснемся ниже. Пока же подведем итоги деятельности нашей партии в февральские дни.

Стихийный характер массового движения в февральские дни мало кем оспаривается. Недаром Ерманский говорит о «пасовании сознательности перед стихийностью в эти дни». Но о совершенно стихийном движении вообще нелепо говорить после почти 20-летнего существования рабочей партии в России. Характерно, что, говоря о стихийности движения в февральские дни, охранка тут же отмечала, что движение стихийно, но это — при общей распропагандированности пролетариата. Если руководящая тройка Бюро ЦК (Шляпников, Молотов, Залуцкий), несмотря на все усилия, бессильна была своими

---

[1]) Н. Ленин, Собр. соч., т. VII, ч. 2, стр. 51.
[2]) «Пролетарская революция» № 1 (13) 1923 г., стр. 167.

директивами полностью охватить движение, если ПК в самый разгар движения был арестован, то зато накопленные партией за годы, отделяющие первую революцию от второй, кадры рабочих на заводах осуществляли партийное руководство. На местах заводские ячейки, партийные коллективы (из которых имелись такие крупные, как коллектив Нового Лесснера) взяли на себя руководство. Большевики были той единственной партийной организацией, которая принимала непосредственное участие в боевых действиях, которая всецело была поглощена вопросами текущей «борьбы». Остальные партии наблюдали движение «со стороны» и занимались разрешением вопроса: что из этого выйдет?

3. Буржуазия в февральские дни

В заключение мы хотели бы в общих чертах остановиться на вопросе о том, как реагировала и расценивала буржуазия движение февральских дней.

Мы уже указывали выше, что буржуазия предвидела неизбежность революции, боялась ее и всячески старалась ее предупредить либо компромиссом с правительством, либо дворцовым переворотом. Лучше чем кто-либо другой, лучше чем революционные партии зная о развале правительственной власти, она сознавала неизбежное бессилие власти в борьбе с грядущей революцией. Но все же истинный смысл событий в дни Февральской революции ей был меньше понятен, чем кому-либо другому. В эти дни она действительно страдала «аберрацией зрения». «Русские ведомости», характеризуя настроение Думы, пишут в номере от 25 февраля: «Сегодня с утра в кулуарах царит нервное настроение. Депутаты собираются рано и оживленными группами обсуждают события в городе и на его окраинах. Прибывающие депутаты сообщают новые и новые подробности об этих событиях» [1]. Но все же волнения расцениваются прежде всего как продовольственные, и «Р. В.» не могут не порадоваться, что в связи с движением продовольственное дело Петрограда передано, наконец, городскому общественному управлению.

В своих показаниях чрезвычайной следственной комиссии Временного правительства Милюков констатирует тот же факт неожиданности революции: «События 26 и 27 февраля застали нас врасплох, потому что они не выходили из тех кругов, которые предполагали возможность того или другого переворота, но они шли из каких-то других источников, или они были стихийны» [2]. Милюков в первые дни еще думает, что движение, возможно, спровоцировано правительством. Ему кажется, что «инсценируется что-то искусственное». А затем, когда 27-го восстал гарнизон, «остальное уже происходит автоматически».

Естественно, что такая оценка движения означала полное непонимание характера происходящих событий. Отсюда и растерянность перед стихийностью и «автоматичностью» движения.

---

[1] «Русские ведомости», 25 февраля, № 46.
[2] «Падение царского режима», т. VI, стр. 351-352.

Другой представитель буржуазии, член Думы Мансырев, в своих воспоминаниях также подчеркивает неожиданность событий: «Волнения начались 23 февраля. Но, насколько помню, ни в широких думских кругах, ни в обществе им особенного значения не придавали» [1]. В 11 ч. утра 27-го он даже, «не предвидя ничего необычайного», вышел из дому. «Господи, — горестно восклицает он, — думал ли кто-нибудь, что этот вечер (26-го февраля, *Э. Г.)* будет последним в нормальной жизни несчастной России» [2]. Это, конечно, особая близорукость. 26-го в Думе уже серьезно волновались. В этот день Родзянко послал свою первую телеграмму царю и главнокомандующим фронтами, в которой понимание серьезности положения достаточно рельефно выражено.

Генерал Лукомский в своих воспоминаниях упоминает еще об одной телеграмме Родзянко, посланной им в тот же день (26-го) в ставку. В этой телеграмме Родзянко характеризует положение как весьма серьезное и требует присылки в Петроград надежных частей. Но за пару дней до этого, 24-го и даже 25-го, сознание опасности не было еще достаточно сильно. В первые дни буржуазия, расценивая движение исключительно как голодный бунт, еще втайне лелеет мысль, что благодаря беспорядкам она заставит правительство пойти на уступки. Поэтому 24-го на заседании Думы Родичев в своей речи, о которой Керенский сказал, что ее содержание заключалось в том, что «настал двенадцатый час: сегодня или никогда» — пробовал еще «именем народа» выклянчить у правительства необходимые уступки. «Мы требуем в настоящую минуту, — говорит он, — именем голодного народа, который боится за свою судьбу во внешней борьбе, именем этого народа мы требуем власти, достойной судеб великого народа, достойной значения той минуты, которую страна переживает. Мы требуем призыва к ней людей, которым вся Россия может верить, мы требуем, прежде всего, изгнания оттуда людей, которых вся Россия презирает» [3].

Но этот боевой тон 25-го несколько понижается. Шингарев в своей речи не требует, а жалуется: «Теперь очень много испорчено, вы знаете, что рабочие заводов и фабрик волнуются на почве недостатка хлеба и общей неразберихи. Но как вы к ним обратитесь: где представители «Рабочей группы» Военно-промышленного к-та, которые имели огромное влияние на рабочих? Ведь они сдерживали это настроение, им товарищи доверяли, и вот их нет теперь, они отсутствуют» [4].

Значение, которое имела «Рабочая группа» в глазах буржуазии, здесь обрисовано как нельзя лучше. Явственно виден в этих словах и испуг буржуазии, не знавшей, как сдержать движение, обезвредить его, приостановить. Но все же и в этот день буржуазия еще обманывается насчет истинного размаха движения.

На телеграмме, посланной Родзянко Рузскому 27-го февраля, последний сделал следующую характерную отметку:

---

[1]) «Историк и современник», 1922 г. № 3.

[2]) Там же.

[3]) Стенографический отчет Гос. думы, сессия V, засед. 24 февраля, стр. 1714.

[4]) Там же, заседание 25, стр. 1752.

«Очень жаль, что с 24 по 27 февраля не удосужились сообщить о том, что делается в Петрограде. Надо думать, что и до 24-го были признаки нарождающегося недовольства, грозящего волнениями, а также и об агитации среди рабочих и гарнизона Петрограда. Об этом также не потрудились, может быть и с целью, сообщить на фронт» [1].

Но намеренной цели тут, конечно, не было. Буржуазия просто не поняла смысла происходящих на ее глазах событий. А когда опомнилась, было уже поздно. Это показало все ее поведение после 27 февраля.

Буржуазия знала и чувствовала, что революция идет, но что она уже пришла, пришла и молниеносно победила, — это, как мы видели, не сознавала не только буржуазия, но и большинство партий тогдашнего революционного подполья. То, что буржуазия своевременно не сообщила о движении в ставку и не приняла надлежащих мер для подавления революции, об'яснялось, конечно, не ее лойяльностью к рабочему движению и желанием использовать его (эту мысль буржуазия очевидно оставила, если она у нее и была, после первых же дней революции), а другими причинами. Здесь виновато было непонимание характера движения, во-первых, и сознание бессилия правительства в борьбе с революцией—во-вторых. Все это предопределило и позицию буржуазии в первые дни после Февральской революции.

---

[1] «Архив революции», т. III, стр. 243. Подчеркнуто мною, *Э. Г.*

Глава третья

ЦАРИЗМ В БОРЬБЕ С РЕВОЛЮЦИЕЙ

1. Царизм в борьбе с революцией в дни 23—27 февраля

Царизм ожидал революцию и упорно готовился к борьбе с ней. Революция не застигла правительства врасплох. Подробнейший и детальный план подавления беспорядков был готов и немедленно начал применяться, как только движение началось: все, казалось, было предусмотрено, и беспорядки поэтому плану предполагалось, как указывает Протопопов, «прекратить в 4 дня». Одно не было и не могло быть учтено — это настроение войск и размах движения. А это решило все. Поэтому негодным оказался весь план. Но правительство, подготовляя его, несомненно надеялось, что удастся подавить движение.

Климович, бывший директор департамента полиции, в своих показаниях следственной комиссии Временного правительства указывает, что в бытность его московским градоначальником разрабатывался план мобилизации полиции и войск в случае беспорядков. По его словам, план начал разрабатываться при Штюрмере тогдашним петроградским градоначальником кн. Оболенским. Разработка плана относится к апрелю 1916 года. План был готов и представлен царю в середине января 1917 г. [1]). Сущность плана заключалась в следующем: «Предполагалось сначала действовать одной полицией; в случае нужды — вызвать казаков с нагайками; при необходимости — вызывались войска. Предполагалось вызвать те части войск, которые «благонадежны», т. е. не откажутся стрелять; они были поименованы и разделены между шестью полицеймейстерствами города. В каждом полицейместерстве был особый начальник военных частей. Численность всех вызываемых войск, жандармов и полиции была 12 000. Ген. Чебыкин командовал войсками охраны, его помощник был полк. Назаров» [2]).

Как видим, наибольшие надежды возлагались на полицию, наименьшие — на войско. Его решено было вводить в дело лишь в крайнем случае.

Петроградский гарнизон в это время состоял из следующих частей:

---

[1]) См. показания Протопопова, «Падение царск. режима», т. IV, стр. 92.
[2]) Там же.

«В состав его входили прежде всего 14 запасных батальонов гвардейских полков: Преображенского, Семеновского, Павловского, Измайловского, Егерского, Московского, Гренадерского, Финляндского, Литовского, Кексгольмского, Петроградского, Волынского, 1-го и 2-го стрелковых. Затем в Петрограде были расположены: 1-й запасный пехотный полк, 1-й и 4-й Донские казачьи полки, запасный самокатный батальон, запасный броневой автомобильный дивизион, саперы артиллеристы и другие небольшие части»...

Общая численность петроградского гарнизона по некоторым данным достигала 150—160 тыс. человек, а для активных действий, по словам Протопопова, первоначально намечалось лишь 12 тыс. Но имеющийся в наших руках «план охраны Петрограда», показывает, что количество предполагаемых к привлечению войск Протопоповым значительно преуменьшено. Так, по намеченным 16 районам города должны были действовать все вышеуказанные 14 гвардейских полков и 1-й запасный пехотный полк. К тому же, казаки в план включены не были, так как кавалерию, очевидно, решили по районам не распределять, а действовать ею повсеместно в местах больших скоплений. Таким образом, к подавлению ожидаемых беспорядков предполагалось привлечь почти весь наличный состав петроградского гарнизона плюс около 3½ тысяч городовых, входивших в состав петроградской полиции.

Для большей свободы действия Петроградский военный округ был выделен из состава северного фронта, так как главнокомандующему северным фронтом Рузскому, как видно, не особенно доверяли и хотели иметь большую свободу действия в подавлении беспорядков.

Как только революция вспыхнула, план, намеченный правительством, начал немедленно проводиться в жизнь. Причем согласно плану в первый день (23-го) действовала исключительно полиция. 24-го была введена в дело кавалерия, и лишь 25-го — 26-го пришлось использовать солдат. Но это и было началом конца всего плана.

Характерно, что, подготовляясь к подавлению революции, правительство все же не рассчитывало, что возможен полный переход петроградского гарнизона на сторону народа. Что петроградский гарнизон не совсем надежен, знали. Поэтому и озаботились заранее введением в Петроград свежих частей, преимущественно казаков. Правда, вместо требуемых казаков генерал Гурко прислал моряков 2-го гвардейского экипажа, которые не считались вполне надежными. Это вызвало большое неудовольствие со стороны царя и Протопопова. Но особого беспокойства все же не испытывали, даже тогда, когда революция началась. 23-го и 24-го у правительства замечается тот же обман зрения, который характерен и для буржуазии и для многих подпольных партий в эти дни. Казалось, что движение легко удастся прекратить вооруженной силой. 24-го на заседании Совета министров вопрос о беспорядках ставился, но в это время «для правительства это был еще скорее полицейский, нежели политический вопрос» [1].

---

[1] Заславский и Канторович, Хроника.

Особенно успокаивало очевидно то, что «движение рабочих носит массовый характер, что вожаков у них нет» [1]). Вопрос о вожаках особенно беспокоил правительство, и поэтому в тот же день вечером на заседании у Хабалова при обсуждении мер по борьбе с движением решено было первым долгом произвести массовые аресты среди членов революционных организаций. В результате в ночь с 25-го на 26-е было арестовано 5 членов ПК. Помимо этого, на том же заседании решено было упорядочить продовольственный вопрос, как мера предупредительная, и в то же время «усилить военные меры, вызвав из Кречевицких казарм часть запасного кавалерийского полка, так как казаки 1-го Донского полка очень плохо разгоняли толпу [2]). Доля беспокойства за гарнизон была уже и в этот вечер, но все же и правительство и военные власти были очевидно вполне уверены в благополучном исходе. 25-го настроение становится несколько более тревожным. В этот день уже прекращается всякая связь градоначальства с Выборгской стороной, полицейские участки были разгромлены, и полиция разбрелась кто куда. Настроение войск сказывается все более явственно. Выход из положения намечается в двух направлениях: усиление репрессивных мер против народного движения и переговоры с Думой в надежде, что соглашение с ней, быть может, внесет некоторое успокоение. Как известно, Николай 25-го послал свою знаменитую телеграмму Хабалову, где повелевал «завтра же» прекратить беспорядки. Напрасно Хабалов в своих показаниях следственной комисси Врем. правительства, жалуется, что царское повеление «стрелять» произвело на него ошеломляющее впечатление. Начали стрелять до телеграммы, и последняя лишь усилила уже намеченный раньше переход к более интенсивным военным действиям. Но, решая «стрелять», правительство вместе с тем, понимая серьезность положения, как вторую «предупредительную» меру, намечает переговоры с Думой. Уже 24-го на экстренном заседании Совета министров, в угоду Думе, продовольственное дело было передано в руки городского самоуправления. На заседании же совета министров в ночь с 25-го на 26-е [3]) было поручено Риттиху и Покровскому повести переговоры с Думой, чтобы путем соглашения с ней совместными усилиями успокоить движение. На этом же заседании говорили, по словам Хабалова, о необходимости коллективного выхода Совета министров в отставку. Положение признавалось очень серьезным, «почти безнадежным».

На следующий день, 26-го, ведутся переговоры с членами Думы, но в чем заключался смысл этих переговоров, условия, которые ставились обеими сторонами, и почему они не удались, трудно установить в точности. Протопопов в своих показаниях сообщает по этому поводу следующее: «Примирение оказалось невозможным: депутаты (переговоры велись с Милюковым, Маклаковым, Савичем и др., *Э. Г.*)

[1]) «Падение царского режима», т. IV, стр. 97.

[2]) «Падение царского режима», т. I, стр. 188.

[3]) Протопопов в своих показаниях очевидно ошибочно указывает, что постановление о переговорах было принято на заседании 24-го (см. «Падение царск. режима», т. IV, стр. 98).

требовали перемены правительства и назначения новых министров из лиц, пользующихся общественным доверием, говорили, что эта мера, может быть, успокоит народ; указывали на потерянное время. Требование депутатов было признано неприемлемым» [1]). Очевидно, Совет министров 26-го после расстрела демонстрации несколько успокоился и не решился поэтому пойти на уступки. Буржуазии же в эти дни несомненно невыгодно было капитулировать перед правительством без всяких условий, да и чувствовалось, что переговоры начались слишком поздно. В результате на заседании Совета министров от 26-го [2]) было решено о перерыве занятий Думы.

Об этом тотчас же Голицын сообщил в ставку Николаю следующей телеграммой: «Долгом поставляю всеподданнейше доложить вашему императорскому величеству, что в силу высочайше предоставленных вашим величеством мне полномочий и согласно состоявшемуся сего числа заключения Совета министров занятия Государственного совета и Госуд. думы прерваны с сего числа, и срок возобновления таковых занятий предуказан не позднее апреля текущего года, в зависимости от чрезвычайных обстоятельств. Соответствующие указы, помеченные 25 февраля в царской ставке, будут распубликованы завтра, 27-го февраля. Председатель Совета министров кн. Голицын» [3]).

Но на следующий день, 27-го, начинается полная агония власти.

Узнав утром о восстании Волынского, Преображенского и других полков, Хабалов все же еще пытается оказать сопротивление. Он сформировывает отряд, около 1 000 человек, который посылает против восставших под командой полк. Кутепова. Отряд был направлен с заданием усмирить восставших самым решительным образом. Но судьба этого карательного отряда была весьма странная. «Тут начинает твориться в этот день нечто невозможное, — рассказывает тот же Хабалов — ... отряд двинут, двинут с храбрым офицером, решительным, но он как-то ушел, и результатов нет» [4]). А посланные вслед этому отряду на разведку роты обычно также пропадали и известий от них не было. Тогда начали формировать резервы на Дворцовой площади, но не было патронов и неоткуда было их добыть.

«Таким образом, к вечеру положение становилось почти безнадежным в смысле атаки» [5]). «Вопрос пошел об обороне, о том, чтобы удержаться». Удержаться хотели до прихода ген. Иванова, назначенного царем главнокомандующим Петроградским военным округом вместо Хабалова. Для этого вначале укрепились в Зимнем дворце, очевидно преимущественно по моральным соображениям, ибо «последним верным слугам царя» хотелось умереть, «защищая его дворец».

---

[1]) «Падение царск. режима», т. IV, стр. 99.

[2]) Протопопов указывает, что это постановление было принято 25-го, но очевидно он опять-таки ошибается, ибо 26-го еще велись переговоры с Думой, и была надежда, что соглашение может удаться, см. «Падение царск. режима», т. IV, стр. 99.

[3]) Военно-исторический архив, управление генерал-квартирмейстера при верховном главнокомандующем, дело № 79, ч. 1, лист 41.

[4]) «Падение царск. режима», т. I, стр. 198.

[5]) Там же, стр. 211.

«Когда мы перешли в Зимний дворец, — рассказывает все тот же Хабалов, — то оказалось, что из стоявших там частей Преображенский полк ушел в казармы, Павловский полк еще раньше ушел, гвардейский экипаж тоже еще того раньше ушел, так что там оставалось: три роты Измайловского полка, одна Егерского, одна Стрелкового, две батареи, пулеметная рота, да еще часть городовых и жандармов пеших... Часть очень маленькая: всего-навсего полторы-две тысячи человек, притом с весьма малым запасом патронов» [1]).

Но скоро, по настоянию Михаила, Зимний дворец был оставлен, и последняя горсточка правительственных войск перешла в адмиралтейство. В адмиралтействе ген. Хабалов прежде всего озаботился о напечатании и «обнародовании» двух последних правительственных актов. Первый из них, за подписью кн. Голицына, гласил: «Вследствие болезни министра внутренних дел д. с. с. Протопопова во временное исполнение его должности вступил его товарищ по принадлежности». Совет министров 27-го решился, наконец, пойти на «уступки» и удалил причину всех бед, как всем тогда казалось, — Протопопова. Второй правительственный акт был еще курьезнее. Недаром Хабалов, составляя его, по словам очевидцев, конфузливо прятал его от присутствующих. Он гласил: «Об'явление командующего войсками Петроградского военного округа. По высочайшему повелению город Петроград с 27 сего февраля об'является на осадном положении. Командующий войсками генерал-лейтенант Хабалов, 27 февраля 1917 г.» [2]). А через несколько часов после того как Петроград Хабаловым был об'явлен на осадном положении, Хабалов вынужден был отказаться даже от обороны, ибо находящиеся в его распоряжении части решили сложить оружие в адмиралтействе и разошлись. Правда, Хабалов об'ясняет эту быструю самоликвидацию приказом, якобы полученным им 28-го утром от морского министра, требовавшего освобождения адмиралтейства, так как восставшие будто бы заявили, что если адмиралтейство не будет немедленно очищено, то с Петропавловской крепости откроют по нему артиллерийский огонь. Трудно судить, насколько этот факт правдоподобен. Газеты в то время сообщали, что Петропавловская крепость была занята восставшими лишь вечером 28 февраля. Шульгин в своих воспоминаниях весьма правдоподобно рассказывает, как он «занимал» Петропавловскую крепость 1 марта утром. А самоликвидация хабаловского отряда произошла 28-го утром. Вряд ли была в это время реальная опасность бомбардировки со стороны Петропавловской крепости. Вернее всего, что «просто разошлись», ибо всякое дальнейшее пребывание в адмиралтействе было явно бесполезным. Если бы у восставших было больше плана и больше осведомленности на счет местонахождения Хабалова, то «последний оплот царизма», засевший в адмиралтействе, был бы взят голыми руками еще 27-го.

Таков был финал пресловутого плана «охраны города Петрограда». Намеченные правительством 4 дня для ликвидации революции преврати-

---

[1]) «Падение царск. режима», т. I, стр. 204.
[2]) «Исторический вестник», апрель 1917 г.

лись в 4 дня последовательных побед революции над царизмом. Но борьба царизма с революцией на этом не закончилась. Даже переход петроградского гарнизона на сторону народа в глазах Николая и ставки еще не означал факта полной победы революции. Пара «стойких и дисциплинированных полков с фронта могла, казалось бы, молниеносно подавить движение. Так думали в ставке, этого же боялись и в революционных кругах.

2. Ставка и переворот

В ставке, действительно, не дремали. Как только грозность положения в столице начала выясняться, были намечены мероприятия для решительной борьбы с революцией. Но вся беда заключалась в том, что ставка слишком поздно поняла характер событий, происходящих в Петрограде. Известия, получаемые ставкой до 27-го, мало соответствовали действительности. Телеграммы, посланные в ставку от 25-го Хабаловым и Протопоповым, носят еще успокоительный характер. В них указывается, что толпа рассеяна и что предпринимаются меры к дальнейшему энергичному подавлению движения. Даже в своей телеграмме от 26-го Протопопов выражал уверенность, что 27-го рабочие встанут на работу. Правда, в этой же телеграмме он рассказывает и о восстании Павловского полка. А в тот же день Хабалов заканчивает телеграмму, информирующую ставку о событиях, словами: «26 февраля с утра в городе спокойно» [1]). Но 27 февраля истинное положение вещей в столице начинает хотя не полностью, но все же выясняться. В 12 ч. 20 м. 27-го в ставке была получена тревожная телеграмма того же Хабалова, сообщавшая о восстании Павловского, Волынского, Литовского и Преображенского полков и просящая о присылке надежных частей с фронта. Но меньше чем через час (в 13 ч. 15 м.) военный министр Беляев, в противовес Хабалову, посылает в ставку весьма успокоительную телеграмму следующего содержания:

«Начавшиеся с утра в некоторых войсковых частях волнения твердо и энергично подавляются верными своему долгу ротами и батальонами. Сейчас не удалось еще подавить бунт, но твердо уверен в скором наступлении спокойствия, для достижения коего принимаются беспощадные меры. Власть сохраняет полное спокойствие. Беляев» [2]). Естественно, что такая телеграмма не могла содействовать Николаю и ставке в составлении ими правильного представления о размерах движения в Петрограде. Но к вечеру 27-го Хабалов и Беляев решаются, наконец, признаться в своем бессилии. Спустя 6 часов после первой телеграммы (в 19 ч. 22 м.) Беляев сообщает, что «военный мятеж немногими оставшимися верными долгу частями погасить пока не удается», и просит «спешного прибытия действительно надежных частей, притом в достаточном количестве, для одновременных действий в различ-

---

[1]) Военно-историч. архив, управление генерал-квартирмейстера при верховн. главнокомандующем, дело № 79, ч. 1, лист 28.

[2]) Там же, лист 45.

ных частях города» [1]). Спустя час и Хабалов дерзает сообщить Николаю о том, что он не смог выполнить его распоряжения о немедленном прекращении беспорядков.

Но неприятные известия в этот день указанными выше телеграммами Хабалова и Беляева не ограничились. Совет министров, в свою очередь, решил на своем заседании вечером 27-го «потревожить» Николая и ставку. В телеграмме, составленной на этом заседании, «сообщалось о тяжелом положении, о том, что войска переходят на сторону фабричных и толпы и что положение трудное». И просили нас сейчас же уволить, — рассказывает князь Голицын, — и назначить лицо, облеченное доверием государя, которое не возбуждало бы недоверия среди широких слоев общества» [2]).

Лишь 27-го вечером Совет министров решился на героический шаг — пойти на некоторые уступки «общественности», причем в редактировании этой телеграммы принял, по всем данным, участие и председатель только что разогнанной Думы Родзянко. У некоторых кругов буржуазии 27-го очевидно еще теплится надежда, что путем своевременного соглашения с властью и уступок с ее стороны удастся одновременно и утихомирить и подавить движение. Поэтому даже после разгона Думы ведутся усиленные переговоры с Советом министров, а также с Михаилом, как посредниками для более действительного давления на царя и ставку.

О переговорах с Михаилом и его роли в эти дни вполне откровенно рассказывает Родзянко. Михаилу, по его словам, предложили «явочным порядком» принять на себя диктатуру над городом Петроградом, понудить личный состав правительства подать в отставку и потребовать по телеграфу, по прямому проводу, манифеста государя императора о даровании ответственного министерства» [3]). Это была, очевидно, последняя попытка свести дело к чему-то вроде дворцового переворота. Но Михаил, не отказавшись от роли посредника, со всеми вытекающими отсюда для него благоприятными обстоятельствами, не решился взять на себя полностью столь ответственной роли. 27-го вечером при его участии и, возможно, давлении была составлена вышеуказанная телеграмма Совета министров в ставку, и в тот же вечер (около 22½ ч.) он вел переговоры с Алексеевым, которому сообщил, для передачи Николаю, следующее:

«Для немедленного успокоения принявшего крупные размеры движения, по моему глубокому убеждению, необходимо увольнение всего состава Совета министров, что подтвердил мне и кн. Голицын. В случае увольнения кабинета необходимо одновременно назначить заместителей. При теперешних условиях полагаю единственно остановить выбор на лице, облеченном доверием вашего императорского величества и пользующегося уважением в широких слоях, возложив на такое лицо обязанности председателя Совета министров, ответственного един-

---

[1]) Военно-историч. архив,... лист 49.
[2]) «Падение царского режима», т. II, показания Голицына.
[3]) «Архив революции», т. VI, стр. 57.

ственно перед вашим величеством. Необходимо поручить ему составить кабинет по его усмотрению. Ввиду чрезвычайно серьезного положения, не угодно ли будет вашему императорскому величеству уполномочить меня безотлагательно об'явить об этом от высочайшего вашего императорского величества имени, причем со своей стороны полагаю, что таким лицом в настоящий момент мог бы быть кн. Львов» [1]). В ответ на это Алексеев от имени Николая сообщает, что Николай завтра выедет в Царское Село, где сам примет решение, и что завтра же в Царское отправляют генерал-ад'ютанта Иванова с надежными полками. Михаил отвечает, что боится, как бы не было потеряно время, так как теперь дорог каждый час. Алексеев со своей стороны обещает завтра на утреннем докладе указать на желательность сейчас же принять некоторые меры, ибо «упущенное время бывает невознаградимо» [2]).

В ставке, несмотря на тревожные телеграммы, несмотря на осведомление о положении вещей, с уступками не только не торопились, но и всякая возможность их решительно отвергалась. Правда, Лукомский в своих воспоминаниях рассказывает, что Алексеев 27-го будто бы неоднократно уговаривал Николая в необходимости пойти на некоторое смягчение конфликта. Но, с другой стороны, тот же Алексеев в эти дни был энергичным организатором контрреволюционного движения на Петроград. В ставке 27-го и даже 28-го были еще уверены в возможности быстрого подавления движения. В ответ на телеграмму Совета министров, Николай ответил, что отставку не принимает, требует самых решительных мер и председателя Совета министров Голицына назначает диктатором с самыми широкими полномочиями. Правда, Николай, делая такое распоряжение, не мог знать, что назначенный им «диктатор» в это время чуть ли не прячется под столом в Мариинском дворце. После посылки телеграммы начинается спешная подготовка по сформированию карательного отряда для посылки в Петроград. Вместо нерешительного Хабалова начальником Петроградского военного округа вечером 27-го назначается генерал Иванов. Николай, очевидно забыв, что диктатором только что назначен Голицын, дает Иванову еще более широкие права, вплоть до подчинения последнему всего Совета министров. Цели экспедиции Иванова впоследствии пытались изобразить как самые мирные. Иванов в своем письме к Гучкову «категорически утверждал», что его экспедиция никаких карательных целей не имела, что посылка с фронта воинских частей была предпринята «с целью облегчения службы запасных баталионов Петрограда» и что «раздутая газетами его поездка лишь «случайно» совпала с поездкой георгиевского баталиона» [3]).

В своих показаниях следственной комиссии Временного правительства Иванов также сообщил, что воинские части в Петроград посылались лишь «для освежения». А ген. Дубенский в своих показаниях

---

[1]) Военно-историч. архив, управление ген.-квартирмейстера при верховн. главнокомандующем, переписка, связанная с переходом к новому строю, дело № 79, ч. 1, лист 63а.

[2]) Там же, лист 63г.

[3]) «Красный архив», т. VII, стр. 228.

той же комиссии «наивно» пояснял, что Иванов поехал «не для карательной экспедиции, а приводить в порядок Петроград» [1]). Такое рассуждение делает честь придворному историографу Николая.

Но в своем дневнике тот же Дубенский записал нечто другое: «Перед обедом я с Федоровым был в вагоне у генерал-ад'ютанта Иванова. Долго беседовали на тему петроградских событий и стали убеждать его сказать государю, что необходимо послать в Петроград несколько хороших полков, и дело можно еще потушить. Иванов начал говорить, что он не вправе сказать государю, что надо вызвать хорошие полки, например, 23 дивизию и т. д., но в конце концов согласился и обещал говорить с царем... за обедом, который прошел тихо. Государь был молчалив, Иванов все-таки успел сказать государю о войсках» [2]). Иванов, как оказывается, сам был инициатором намечавшейся карательной экспедиции. А то, что экспедиция была карательной, совершенно недвусмысленно подтверждается количеством вооруженной силы, отправлявшейся вместе с Ивановым. «Двадцать седьмого февраля, — сообщает Алексеев главнокомандующим фронтами, — между двадцатью одним часом и двадцатью двумя дано указание главнокомандующим северного и западного фронтов отправить в Петроград с каждого фронта по два кавалерийских и по два пехотных полка с энергичными генералами во главе бригад и по одной пулеметной команде кольта для георгиевского баталиона, который приказано направить двадцать восьмого февраля в Петроград из ставки» [3]).

А на следующий день, 28-го, Алексеев сообщает главнокомандующим фронтами о необходимости присылки дополнительных войск: «28-го числа в 2 ч. посланы телеграммы от меня о направлении в Петроград сверх уже назначенных войск еще по одной пешей и одной конной батарее от каждого фронта» [4]). В то же время на имя главкоюза Алексеев посылает телеграмму, в которой сообщает, что «государь император изволил выразить пожелание назначить в распоряжение генерала Иванова гвардейские полки: Преображенский, третий и четвертый стрелковые, отправляя их как только представится возможность по условиям железнодорожных перевозок. Прошу ваших распоряжений подготовке этих полков, выводе их резервы. Не откажите уведомить, когда обстоятельства позволят отправить эти войска. Думаю, что полезно придать им одну батарею. Если обстоятельства потребуют дальнейшего усиления Петрограда вооруженной силой, то придется отправить одну из гвардейских кавалерийских дивизий» [5]).

Следовательно, помимо георгиевского баталиона и трех кавалерийских и трех пехотных полков, которые должны были быть после дополнительной телеграммы Алексеева отправлены с северного и запад-

---

[1]) «Падение царского режима», т. VI, стр. 401.

[2]) Там же, т. VI, стр. 398.

[3]) Военно-историч. архив, дело № 79, ч. 1, переписка, связанная с переходом к новому строю, листы 103-104. Подчеркнуто мной, *Э. Г.*

[4]) Там же, лист 105. Подчеркнуто мною, *Э. Г.*

[5]) Там же, лист 109. Подчеркнуто мною, *Э. Г.*

ного фронтов, Николай приказал снять также несколько гвардейских полков с южного фронта, а в случае надобности послать целую кавалерийскую дивизию на усмирение Петрограда, не смущаясь тем, что это может обнажить фронт, при чем с отправкой вооруженной силы с западного и северного фронтов, вопреки указаниям Лукомского, достаточно торопились. Алексеев 27-го вечером в своей телеграмме главкосеву указал, что надо отправить требуемые части в распоряжение генерала Иванова «с возможной поспешностью», что «обстоятельства требуют скорого прибытия войск» и что «в этом заключается вопрос нашего дальнейшего будущего».

В ночь на 28-е из Двинска были уже отправлены 67-й и 68-й пехотные полки, имевшие назначение, согласно указанию Иванова, до ст. Александровской.

Остальные эшелоны уже грузились и должны были быть отправлены утром или не позже вечера 1 марта.

Таким образом, ознакомившись с действительным положением вещей, ставка и Николай взяли линию на решительное подавление революции. Правда, у ставки в эти дни было двойственное лицо, и через несколько дней настроение высшего генералитета резко меняется. По каким причинам это произошло, мы рассмотрим ниже. Но 27-го и особенно 28-го организация контрреволюционного движения на Петроград была в полном разгаре.

Какова же была судьба и ход экспедиции Иванова?

Иванов покинул ставку и направился в Царское Село, где предлагал вначале позондировать почву о положении дел в Петрограде 28 февраля днем. Предварительно он имел довольно любопытный разговор с Хабаловым, который ввиду его интереса приводим полностью. Иванов задал Хабалову для ориентировки 10 вопросов, на которые получил подробные ответы [1]).

Вопросы;	Ответы:
1. Какие части в порядке и какие безобразят?	1. В моем распоряжении, в здании главного адмиралтейства, четыре гвардейских роты, пять эскадронов и сотен, две батареи; прочие войска перешли на сторону революционеров или остаются по соглашению с нами нейтральными. Отдельные солдаты и шайки бродят по городу, обезоруживая офицеров.
2. Какие вокзалы охраняются?	2. Все вокзалы во власти революционеров и строго ими охраняются.

[1]) Цитируем по книге Перетца «В цитадели русской революции». Подлинность вопросов ген. Иванов лично подтвердил. В показаниях следственной комиссии он указывал: «Я тогда составил план (утром 28-го, *Э. Г.*), спустился и по телефону задал ряд вопросов (было всего 10 пунктов) бывшему командующему Петроградским военным округом генералу Хабалову. Нужно было ориентироваться». («Падение царск. режима», т. V, стр. 316.) А ответы Хабалова имеются в деле управления генерал-квартирмейстера при верховном главнокомандующем, Военно-исторический архив, дело № 79. ч. 1, листы 96-97.

3. В каких частях города поддерживается порядок?	3. Весь город во власти революционеров, телефон не действует, связи с частям города нет.
4. Какие власти правят этими частями города?	4. Ответить не могу.
5. Все ли министерства правильно функционируют?	5. Министры арестованы революционерами.
6. Какие полицейские власти находятся в данное время в вашем распоряжении?	6. Не находятся вовсе.
7. Какие технические и хозяйственные учреждения военного ведомства ныне в вашем распоряжении?	7. Не имею.
8. Какое количество продовольствия в вашем распоряжении?	8. Продовольствия в моем распоряжении нет. В городе к 25 февралю было 5 600 000 пудов запаса муки.
9. Много ли оружия, артиллерии и боевых припасов попало в руки бунтующих?	9. Все артиллерийские заведения во власти революционеров.
10. Какие военные власти и штабы в вашем распоряжении?	10. В моем распоряжении лично начальник штаба округа, с прочими окружными управлениями связи не имею.

Если сопоставить ответы с поставленными вопросами, то станет понятным, как все же неожиданна была информация Хабалова для ген. Иванова. Правда, он сам в своих показаниях указывает, что кое-что было в этой телеграмме успокоительного, а именно то, что в Петрограде имеется около 5 миллионов пудов хлеба. Он верил, что хлеб плюс вооруженная сила успокоят движение. В тех же показаниях он одновременно рассказывал, что у него не было уверенности в сопровождающих его войсках, а потому он и не решался действовать энергично.

«Если войска верны, то можно (я буду прямо говорить) десятки тысяч уложить. Я буду так поступать, а в это время государь «об'явит об ответственном министерстве. Затем, если войска не верны, то (извините за выражение) лезть будет глупо» [1]). Дилемма, которую разрешить, действительно, было трудно. Поэтому Иванов так рисует ход своей экспедиции: к вечеру 1 марта он прибывает в Царское Село. Там он ведет переговоры с Александрой Федоровной и почему-то ночью уезжает из Царского Села обратно в Вырицу, где выжидает. 3 марта утром он получает телеграмму от Родзянко с распоряжением вернуться обратно в Могилев, которому подчиняется, и 5 марта днем он прибывает в ставку. Этим, по словам Иванова, кончается вся его «безобидная» экспедиция. Но многие факты говорят о том, что дело обстояло

[1]) «Падение царского режима», т. V, стр. 318.

вовсе не так просто и что Иванов пытался действовать довольно энергично. Если экспедиция не удалась, то в этом виноват отнюдь не Иванов. По поводу провала, который существует в показаниях генерала-«карателя» (1 марта ночью прибывает в Вырицу и лишь 3 утром покидает ее), по поводу того, как он «выжидал» с 1 по 3 марта в Вырице, весьма любопытные подробности сообщает проф. Ломоносов в своих воспоминаниях. Последний был вызван вечером 28-го в министерство путей сообщения в помощь к занявшему его Бубликову. Ломоносову удалось связаться с начальствующими лицами петроградского железнодорожного узла и частично распоряжаться движением.

К вечеру 1 марта ему сообщили, что в Царское Село направляется генерал Иванов с георгиевскими кавалерами, якобы для «выставки трофеев», которая предполагалась в Царском. Справились в Думе, которая не могла не знать о смысле экспедиции, но получили ответ: «приказано пропустить» [1]). А на утро 2-го марта Иванов, как рассказывает Ломоносов, оставил Вырицу и направился обратно в Царское, находясь пока в дороге недалеко от него на станции Семрино. В своем письме к Гучкову Иванов, правда, указывает, что он намеревался лишь на время оставить Вырицу, чтобы поговорить с вызвавшим его Гучковым и «повидать командиров частей царскосельского гарнизона и высадившийся на ст. Александровской (Варшавской ж. д.) 67 пехотный Тарутинский полк» [2]). Он указывает также, что свое намерение не мог привести в исполнение, так как получил телеграмму от Бубликова, что его переезд может задержать царский поезд. Но нельзя не верить Ломоносову, который сам следил за передвижением Иванова и совершенно определенно рассказывает об энергичной деятельности Иванова в день 2 марта, желавшего прорваться либо в Царское, либо в Гатчину, где, по словам Ломоносова, стояли верные правительству войска. Правда, Ломоносов несомненно преувеличивает опасность, когда говорит, что «если бы Иванов прорвался к Гатчине, исход мартовской революции мог бы быть иной». Экспедиция Иванова не удалась и не могла удаться. 1 марта ночью прибывшие в Лугу на подмогу Иванову войска перешли на сторону восставших войск. Родзянко не замедлил об этом несколько укоризненно сообщить Рузскому: «Эшелоны, высланные вами в Петроград, взбунтовались; вылезли в Луге из вагонов; об'явили себя присоединившимися к Государственной думе» [3]). Такая же судьба неминуемо ожидала и другие полки экспедиции, которые при соприкосновении с восставшими частями немедленно перешли бы на сторону последних. Но как бы то ни было, Иванов 2 марта вовсе не выжидал, а энергично действовал, метаясь между Гатчиной и Царским. И лишь благодаря усилиям железнодорожников и указаниям, исходивших от Бубликова и Ломоносова, ему не удалось пробраться ни в Гатчину, ни в Царское, и намерения его не были приведены в исполнение. Уже ночью

---

[1]) Ломоносов, Воспоминания о мартовской революции, 1917 г., стр. 40.

[2]) «Кр. архив», т. XVII, стр. 228.

[3]) «Архив революции», т. III, стр. 255. Этот факт Воронович в своих воспоминаниях описывает несколько в другом стиле. По его словам, войска просто «сдались».

2 марта, когда стал известен факт отречения Николая, Иванов «именем его императорского величества» требовал у Ломоносова пропуска его с эшелонами в Петроград и успокоился только тогда, когда ему сообщили о состоявшемся отречении. Тот же Ломоносов указывает на шифрованные телеграммы, которые посылал Иванов известному реакционеру Святополк-Мирскому. А от 3 марта была перехвачена телеграмма Иванова из Царского Села, полностью не расшифрованная, следующего содержания: «До сих пор не имею никаких сведений о движении частей, назначенных в мое распоряжение. Имею негласные сведения о приостановке...» [1]) (дальше не расшифровано).

Все это говорит о том, что дело с экспедицией Иванова обстояло не так просто, как он сам о том сообщает. Наводит на известные размышления и любопытный факт, сообщаемый Мстиславским в его воспоминаниях: «Сложность положения, — пишет последний, — усугубляется еще тем, что между «карателем» Ивановым и Временным комитетом (в частности, Энгельгардтом) оказывается непосредственная, можно сказать, официальная связь: навстречу отряду Иванова выслан «офицер для связи», а сверх того, по вызову того же карательного генерала, собирается выехать на должность начальника его штаба командируемый тем же Временным комитетом полк. Доманевский (человек активно-черного образа мыслей). Показателен и выбор лица и самый факт посылки от восставшего города — по вызову начальника усмирительной экспедиции — знакомого с положением дел в городе надежного офицера для занятия должности начальника штаба отряда: здешние восстановители порядка, отнюдь не противопоставляли себя «восстановителям», прибывающим с фронта» [2]). О том, что «из Петрограда» к Иванову был командирован полк. Доманевский, первый сам подтверждает в своем письме к Гучкову. А если к этому добавить намечавшиеся переговоры Иванова с Гучковым, разрешение, данное Государственной думой на пропуск Иванова в Царское Село, и многие другие факты, то невольно напрашивается вывод, что буржуазия и думский комитет в эти дни не только не препятствовали Иванову, но, пожалуй, непрочь были опереться на него для борьбы с революцией. То, что Иванову особенно не препятствовали и относились к нему довольно миролюбиво, не возбуждает сомнений; недаром Шульгин в очень доброжелательных тонах говорит «о старике» (Иванове), который стремился повидаться с нами, чтобы решить, что делать» [3]). Что ему посоветовали, Шульгин не сообщает, и на этот счет можно строить различные предположения. Но одно можно с уверенностью сказать: если у буржуазии и могло быть желание как-либо связаться и использовать Иванова, то возможно только в первые дни. В дальнейшем, когда положение становится более ясным, Родзянко уже категорически советует Рузскому: «Прекратите присылку войск, так как они действовать против народа

---

[1]) Воен.-ист. архив, переписка, связанная с переходом к новому строю, дело № 79, ч. 5, лист 107.

[2]) Мстиславский, Пять дней.

[3]) Шульгин, Дни, стр. 160.

не будут» [1]). Для того чтобы прийти к такому выводу, Родзянко пережил некоторую эволюцию. 26-го он еще, если верить Лукомскому, требовал присылки надежных войск с фронта. Но в тот же день он сам испугался решительных действий и посоветовал Беляеву разгонять толпу не стрельбой, а «вызывать пожарных, чтобы они обливали водой», но Беляев, посоветовавшись предварительно с Хабаловым, ответил, что «существует точка зрения, что окачивание водой всегда приводит к обратному действию, именно потому, что возбуждает» [2]). Совет, даваемый Родзянко, об'яснялся, конечно, не тем, что его беспокоила рабочая кровь, пролитая в этот день, а преимущественно справедливым опасением, что если подавление на время и удастся, то все равно революция неизбежно вспыхнет через пару дней с новой силой. А 1 марта ощущение крепости завоеваний революции было еще сильнее. Становилось ясно, что у царизма не найдется ни одного полка, который смог бы оказать сопротивление восставшим. Что такое убеждение у буржуазии сложилось после первых дней переворота, подтверждают и следующие слова Гучкова: «Я знал состояние и настроение армии и был убежден, что какие-нибудь карательные экспедиции могли, конечно, привести к некоторому кровопролитию, но к восстановлению старой власти они уже не могли привести. В первые дни переворота я был глубоко убежден в том, что старой власти ничего другого не остается, как капитулировать, и что всякие попытки борьбы повели бы только к тяжелым жертвам» [3]). Тут же Гучков указывает, что по дороге в Псков (Гучков ехал за отречением) он послал «телеграмму генералу Иванову, так как желал встретить его по пути и уговорить не предпринимать никаких попыток к приводу войск в Петроград». Николаю же в Пскове Гучков прямо сказал: «Ни одна воинская часть не возьмет на себя выполнение этой задачи (подавления восстания, *Э. Г.*), что, как бы ни казалась та или другая воинская часть лойяльна в руках своего начальника, как только она соприкоснется с петроградским гарнизоном и подышит тем общим воздухом, которым дышит Петроград, эта часть перейдет неминуемо на сторону движения». Нет никаких оснований не верить этим словам Гучкова. Обстоятельства складывались так, что у буржуазии не могло быть надежды на возможность восстановления порядка вооруженной рукой. Это предопределило всю ее позицию в февральские дни. Кстати, если верить Перетцу, то полковник Доманевский, если он даже был командирован Думой, ехал именно для того, чтобы убедить Иванова прекратить всякие военные действия.

Приехав к Иванову, он в ярких красках обрисовал сложившееся в Петрограде положение и в своем письменном докладе, представленном тому же Иванову, пришел к следующим выводам: «Рассчитывать на водворение порядка силой, на вооруженную борьбу с восставшими и Временным правительством трудно. Для этого понадобилось бы много войск, причем войска, вновь прибывающие, попадали бы в тяжелые

[1]) «Архив революции», т. III, стр. 257 (подчеркнуто мной, *Э. Г.*). Разговор происходил в 3 ч. 30 мин. 2 марта.

[2]) «Падение царского режима», т. II, стр. 226, показания Беляева.

[3]) Там же, т. VI, стр. 253-254.

условия расквартирования и продовольствия... При таких условиях порядок подавления восстания казался достижимым не путем вооруженной борьбы, а соглашением с Временным правительством, узаконением наиболее умеренной его части. Этот выход напрашивался еще и по другой причине. Из разбрасываемых среди населения листков было видно, что в среде самих восставших обозначились два совершенно определенных течения: 1) одни примкнули к думскому выборному Временному правительству, 2) другие поддерживали совет рабочих депутатов. Первые оставались верными монархическому принципу, желали лишь некоторых реформ, стремились к скорейшей ликвидации беспорядков, с тем, чтобы продолжать войну; вторые искали крайних результатов и конца войны... Все это приводит к заключению, что в настоящую минуту вооруженная борьба только осложнит, ухудшит положение, что каждый час дорог и что порядок и нормальный ход можно восстановить легче всего соглашением с Временным правительством» [1]).

Полковник Доманевский был несомненно прав, когда доказывал, что восстановление порядка и подавление восстания возможно было в тех условиях лишь соглашением с Временным правительством. Это был наиболее безболезненный и к тому же единственный путь, который только оставался у буржуазии и царизма. Гвоздь вопроса, по мнению буржуазии, заключался в том, чтобы «найти такой выход, который дал бы немедленное умиротворение» [2]), и буржуазия начинает воздействовать в этом направлении на ставку. Там среди высшего генералитета в течение нескольких дней происходит значительный перелом настроений. Уже 28-го Алексеев телеграфирует Иванову о том, что в «Петрограде наступило полное спокойствие, войска примкнули к Временному правительству в полном составе, приводится порядок». Алексеева особенно радует, что Временное правительство за незыблемость «монархического принципа». Исходя из этого он дает осторожный совет: «если эти сведения верны, то изменяются способы ваших действий» [3]). Очевидно эту телеграмму Иванов, по его словам, получил лишь в ночь с 1 на 2 марта [4]).

Первым понял серьезность положения Рузский, который еще 27-го указывал Николаю, что «при существующих условиях меры репрессии могут скорее обострить положение», но пока еще дальше мысли о даровании «министерства доверия» в ставке не шли. Тот же Рузский 28-го еще отправил на помощь Иванову полки с северного фронта. Но под влиянием переговоров с Родзянко ставка все решительнее склоняется в сторону соглашения с буржуазией для того, чтобы совместными усилиями привести в порядок Петроград. Причем и для ставки становится понятным, что каждая минута дорога и что дальнейшая борьба может привести к «захвату власти крайними левыми элемен-

---

[1]) Перетц, В цитадели русской революции, стр. 66-67.

[2]) «Архив револ.», т. III, стр. 257, разговор по прямому проводу Рузского с Родзянко.

[3]) Там же, стр. 252.

[4]) См. «Красный архив», т. XVII, стр. 230.

тами». Об этом 1 марта сообщает Николаю Алексеев и прилагает тут же проект манифеста о даровании ответственного министерства. Буржуазия и высший генералитет ставки окончательно приходят к выводу, что мысль о вооруженном сопротивлении нужно оставить. Этот вывод был сделан на основании следующих моментов: 1) Отчетливое сознание, что вряд ли найдется хоть одна воинская часть на фронте, которая при соприкосновении с восставшими сможет при сложившихся условиях оказать сопротивление. 2) Надежда, существовавшая в первые дни, что быстрое соглашение думского комитета с царизмом, взятие власти буржуазией будет способствовать быстрейшему умиротворению движения, введению его в надлежащее русло, иначе власть может перейти к крайним левым. 3) Наконец, играла роль, хотя и не первостепенную, боязнь снятия большого количества войск с фронта, чтобы этим не способствовать окончательному поражению на внешнем фронте. Буржуазии же, как известно, такой исход войны был вовсе нежелателен.

Все это, вместе взятое, предопределило и позицию буржуазии и позицию ставки. Начинается совместное давление тех и других на царя с требованием вначале дарования ответственного министерства, а затем, когда стало ясно, что эта мера запоздала, — отречения. Николай, как мы видели выше, меньше всех был склонен к уступкам. Покинув 28-го утром ставку, он направился в Царское Село, но доехал только до станции Дно, дальше его не пропустили железнодорожники. Ввиду этого он со станции Дно повернул на Псков, в штаб северного фронта, к Рузскому. Что этот маршрут был выбран Николаем не случайно, подтверждает и следующая запись, сделанная ген. Дубенским в своем дневнике. Он пишет, что на Псков надо было ехать потому, что «отсюда, взявши войска, надо итти на Петроград и восстановить спокойствие» [1]). И характерно тут то, что разрешение на проезд в Псков Николая дал лично Родзянко с указанием, что поезд должен итти со всеми «формальностями, присвоенными императорским поездам» [2]). Но Родзянко, отдавая такое распоряжение, в этот период времени уже хорошо знал, что никакой помощи Николай на северном фронте не получит, и через несколько часов к нему в Псков поехали Шульгин и Гучков за отречением. А Рузский, на которого надеялся Николай, заявил Николаю в Пскове, как рассказывает тот же Гучков, что «никаких воинских частей» он «не мог бы послать в Петроград».

С каким упорством Николай боролся не только против отречения, но и против дарования ответственного министерства, свидетельствует разговор начальника штаба северного фронта ген. Данилова с генерал-квартирмейстером ставки верховного главнокомандующего генералом Лукомским. Последний настаивал на необходимости ускорить отречение Николая в пользу Алексея. В ответ на это Данилов сообщил следующее: «Ты и генерал Алексеев отлично знаете характер государя и трудность получить от него определенное решение. Вчера весь вечер до глубокой ночи прошел в убеждении поступиться в пользу ответ-

---

[1]) «Падение царского режима», т. VI, стр. 403.

[2]) Ломоносов, Воспоминания о мартовской революции, стр. 39.

ственного министерства. Согласие было дано только к двум часам ночи... Я убежден, к сожалению, почти в том, что, несмотря на убедительность речей Николая Владимировича (Рузского, *Э. Г.*) и прямоту его, едва ли возможно будет получить определенное решение. Время безнадежно будет тянуться, — вот та тяжкая картина и та драма, которая происходит здесь» [1]). И только в результате сильнейшего давления Николай вынужден был подписать отречение. «Под давлением того же Рузского» в ночь с 1/14 на 2/15 марта Николай «приказал вернуть на фронт все те части, которые были двинуты в Петроград для подавления мятежа силой» [2]). Тотчас же об этом последовало распоряжение от начальника штаба северного фронта ген. Данилова начальнику военных сообщений северного фронта: «Последовало высочайшее соизволение вернуть войска, направленные ст. Александровскую обратно Двинский район, где расположить их распоряжением командующего пятой армией. 1 ч. 2 марта 1916. Данилов [3]).

А когда из ставки того же Данилова запросили, как быть с войсками, посылаемыми с западного и юго-западного фронтов, и просили нажать в этом вопросе на государя, то Данилов ответил следующей телеграммой: «Государь император отдыхает, и поэтому испрошение в отношении войск западного и юго-западного фронта может посылать только утром. Предварительно испрошения у государя императора разрешения возвратить наши войска главкосевом (Рузским, *Э. Г.*) было отдано самостоятельное распоряжение задержать войска на станциях. Сообщите на случай, если ту же меру будет сочтено возможным применить в отношении войск западного фронта распоряжением ставки. 2 марта, 2 ч. 30 м. Данилов» [4]). Следовательно, под давлением буржуазии Рузский сам, не спрашивая предварительного разрешения у Николая, приказал задержать отправление войск и советовал то же сделать Алексееву.

2 марта по настоянию Временного комитета Госуд. думы главнокомандующим Петроградским военным округом был назначен ген. Корнилов. Рузский сообщает о согласии ставки следующей телеграммой: «Его величество приказал отозвать ген.-ад. Иванова, а ген.-лейт. Корнилова назначить главнокомандующим Петроград. военного округа. 2 марта. Рузский» [5]).

В другой телеграмме, посланной в тот же день, Алексеев просит Родзянко сообщить Иванову о назначении Корнилова и предложить Иванову вернуться обратно в Могилев. В тот же день Временный комитет Гос. думы в очень вежливых тонах передает Иванову распоряжение вернуться в ставку.

---

[1]) Военно-историч. архив, управление ген.-кварт. при верх. главнокомандующем, переписка, связанная с переходом к новому строю, дело № 79, ч. 3, лист 91.

[2]) «Архив революции», примеч. Лукомского, стр. 254.

[3]) «Архив русской революции», т. III, стр. 255.

[4]) Военно-ист. арх., дело 45 штаба главноком. сев. фронта об изменении государственн. порядка в России, лист. 147.

[5]) АОР Архив Вр. к-та Г. Д. Дело № 88.

Так закончились последние попытки царизма подавить революцию. Указанные выше факты, конечно, ни в какой мере не означают, что буржуазия «спасла» революцию от опасности военного разгрома. Наоборот, как неоднократно отмечалось, такой военный разгром был немыслим. Об'ективная обстановка России привела к слиянию волн рабочей и крестьянской революции, проблема союза была разрешена в февральские дни, и никакими усилиями этот сплотившийся союз нельзя было разорвать в тот период времени.

Буржуазия поняла невозможность сопротивления, решилась на условное принятие революции, надеясь взятием власти в свои руки свести на-нет все ее завоевания.

Но ее позиция в эти дни не могла не повлиять на характер развертывания первого этапа Февральской революции. По этому поводу Ленин писал:

«Движущиеся силы революции мы определили совершенно верно. События оправдали наши старые большевистские положения, но наша беда в том, что товарищи хотели остаться «старыми» большевиками. Движение масс было только в пролетариате и крестьянстве. Западноевропейская буржуазия всегда была против революции. Таково положение, к которому мы привыкли. Вышло иначе. Империалистическая война расколола буржуазию Европы, и это создало то, что англо-французские капиталисты из-за империалистических целей стали сторонниками русской революции. Это союзник революции непредвиденный, это привело к тому, что революция вышла так, как никто не ожидал. Мы получили союзников не только в лице русской буржуазии, но и англо-французских капиталистов. Когда я говорил это же в реферате за границей, мне один меньшевик сказал, что мы были не правы, ибо оказалось, что буржуазия нужна была для успеха революции. Я ему ответил, что это было «необходимо» лишь для того, чтобы революция победила в 8 дней» [1]).

Разгром революции был невозможен. Но если бы буржуазия пошла по пути вооруженной борьбы с революцией, ход ее был бы иной. Победить в этой борьбе буржуазия бы не смогла. Но задержать возможность быстрой победы ей на время могло бы удасться. Но буржуазия выбрала наиболее для нее выгодный, как ей тогда казалось, путь, путь приятия революции. Это было одним из моментов, об'ясняющих, почему революция в ее первом этапе развивалась так, как никто не ожидал [2]).

Все эти факты об'ясняют нам, почему буржуазия пожелала взять власть в свои руки и как это отразилось на дальнейшем ходе революции. Но они не об'ясняют нам другого, более существенного момента, почему власть была с такой легкостью взята, вернее, передана буржуазии совершившими революцию рабочим классом и крестьянством. К разбору этого вопроса мы и перейдем в следующей главе.

---

[1]) «Протоколы апрельск. конференции», стр. 8 (подчеркнуто мной, *Э. Г*).
[2]) Там же, стр. 8.

Глава четвертая

ОРГАНИЗАЦИЯ ВЛАСТИ

«Неделя кровавых битв рабочих и Милюков + Гучков + Керенский у власти! По старому европейскому шаблону» [1], — так писал Ленин под непосредственным впечатлением только что полученных известий о февральском перевороте. Но сведения, которыми располагал в эти дни Владимир Ильич, были не совсем точны. Ибо Февральская революция несомненно оставила далеко позади «европейский шаблон» «классических» буржуазных революций. Она не ограничилась только созданием чисто-буржуазной власти, но ее основное своеобразие заключалось, как было отмечено впоследствии Лениным же, в том, что она «создала двоевластие».

Уже вечером 27 февраля в Петрограде начал свою деятельность Совет рабочих депутатов, являвшийся в первые дни несомненно органом революционной власти петроградского пролетариата. Но возникшее через пару дней буржуазное Временное правительство официально закрепляет за собой всю полноту только что завоеванной рабочим классом и крестьянством власти. И все это происходит без особенной борьбы. Наоборот, Совет рабочих депутатов добровольно передает власть буржуазии, ограничивая себя только контролем над ее деятельностью, контролем, который скоро становится простой фикцией. А буржуазия, вместо вооруженной борьбы с революцией, берет в свои руки власть, власть, переданную ей Советом, против влияния и содействия которого она одновременно и борется и в то же время вынуждена к этому содействию призывать. Ибо она ясно сознает, что без санкции Совета буржуазное Временное правительство не в состоянии ни одного дня существовать, как реальная власть.

Почему же Февральская революция не создала ни подлинно буржуазной власти, ни демократической диктатуры пролетариата и крестьянства в «чистом виде»? В чем причины двоевластия? Ответ на этот вопрос является основной задачей данной главы.

Обратимся прежде всего к фактической истории вопроса.

---

[1] «Ленинский сборник» № 2, Письмо к Коллонтай от 16/III—1917 г., стр. 289.

1. Образование Петроградского Совета

Обычно возникновение Совета рисуется следующим образом: восставшие 27-го с утра солдаты первым долгом направились освободить из тюрем политических заключенных. Между прочим, они освободили и «Рабочую группу» при ЦВПК. Руководители этой группы непосредственно из тюрьмы направились вместе с войсками и народом к Таврическому дворцу, где они совместно с представителями профессионального и кооперативного движения и левыми депутатами Госуд. думы образовали «Временный исполнительный комитет Совета рабочих депутатов». В состав его вошли: Гвоздев, Богданов, Капелинский, Гриневич, Чхеидзе, Скобелев, Франкорусский. Его непосредственной задачей было созвать Совет рабочих депутатов Петербурга, которую он немедленно и выполнил, распространив по столице обращение к рабочим собраться в тот же день в 7 часов вечера в Таврическом дворце» [1]). Приблизительно так же, только в более ярких красках рисует возникновение Совета Чхенкели в своей речи на краевом с'езде Советов в Тифлисе: «Но как же он (Совет, *Э. Г.)* образовался. Из тюрьмы на Шпалерной улице выпустили рабочего Гвоздева, председателя «Рабочей группы» Военно-промышленного к-та и секретаря Богданова. Они врываются в Госуд. думу, их встречают депутаты Чхеидзе и Скобелев, и они об'являют себя — Советом рабочих и солдатских депутатов» [2]).

Что 27-го дело происходило именно так, вряд ли можно оспаривать. Организаторами первого Временного исполнительного комитета СРД и авторами первого воззвания были несомненно выпущенные из тюрьмы гвоздевцы и частично лидеры думской социал-демократической фракции.

Но несомненно ошибочно вести родословную Петроградского Совета 1917 года (даже абстрагируясь от 1905 г.) лишь с 27 февраля. Есть немалое количество достаточно достоверных указаний, говорящих о том, что выборы в Совет по отдельным заводам и фабрикам начались чуть ли не с первого дня революции. Этот факт прежде всего отмечает Суханов в своих воспоминаниях. «В пятницу же вечером (24-го, *Э. Г.),*— рассказывает он, — в городе говорили, что на заводах происходят выборы в Совет рабочих депутатов» [3]). В Хронике же Максакова и Нелидова первым днем, когда начались по заводам выборы в Совет, отмечено 25 февраля. А в своем донесении в охранку от 26 февраля провокатор Шурканов по вопросу о Совете сообщает следующее: «Поднят вопрос о создании Совета рабочих депутатов, что предполагается создать в ближайшем будущем». И далее: «Избрание в Совет рабочих депутатов произойдет на заводах, вероятно, завтра утром, и завтра вечером Совет рабочих депутатов, вероятно, уже может начать свои функции» [4]). Срок производства выборов здесь указан более поздний,

[1]) Авдеев, Хроника, стр. 40.
[2]) «Известия Бакинского Сов. раб. и военн. деп.», № 23 (29 апр. 1917 года).
[3]) Суханов, Записки, т. X, кн. 1, стр. 28.
[4]) «Былое» № 1 за 1918 г., стр. 174-175.

но и это донесение подтверждает, что вопрос о Совете был поднят до 27 февраля. В одном из воспоминаний рабочих о Февральской революции имеется даже такое указание: «26 февраля утром пошел на собрание правления кооператива. Публики собралось немного, да и те толкуют о событиях. Из них несколько человек представителей наиболее крупных заводов острова собираются на Выборгскую для участия в собрании рабочих депутатов от фабрик и заводов острова» [1]. Тут несомненно кое-что перепутано, речь, очевидно, шла не о собрании уже избранных депутатов, а, возможно, о выборе их, но, во всяком случае, выборы в Совет в эти дни несомненно были не только слухами, но вполне реальным фактом. Рабочий класс, ведущий борьбу с царизмом, стихийно искал в эти дни организующий центр, могущий об'единить его распыленные, не имеющие должного руководства действия. Поэтому идея Совета возникает прежде всего в рабочей среде, являясь результатом революционной инициативы масс, а затем уже подхватывается партийными организациями. Но существует и обратная точка зрения. Так, напр., тот же Суханов сообщает, что на происходивших в эти дни (23—24-го) совещаниях деятелей различных отраслей рабочего движения от Череванина якобы «исходила мысль о немедленных выборах на петербургских заводах Совета рабочих депутатов. Во всяком случае, — продолжает он, — директива выборов исходила от этого инициативного собрания деятелей рабочего движения. Директива эта была немедленно подхвачена партийными организациями и, как известно, с успехом проведена на заводах столицы в эти дни» [2].

В то же время в юбилейном номере «Известий», посвященном полугодовщине Февральской революции, в статье «Как образовался Петроградский Совет» имеются следующие указания:

«По почину Петроградского союза рабочих потребительских обществ, почти единственной в то время легальной ячейки, по соглашению с социал-демократической думской фракцией, было созвано на 25 февраля в помещение союза (Невский, 144) совещание рабочих разных раойнов. К 3 часам дня стали собираться участники совещания. Присутствовало человек 30-35, были представлены почти все районы. Кроме рабочих от районов, на этом собрании присутствовали: Н. С. Чхеидзе, Череванин, Волков, Капелинский и некоторые другие деятели рабочего движения. После заслушания сообщений с мест перед собранием встал вопрос о том, как организовать движение, каков выход из создавшегося положения. И тут впервые раздался голос о том, что необходимо приступить к организации Совета раб. деп. по примеру и подобию 1905 года. После краткого обмена мнений собрание единогласно признало необходимым немедленно приступить к образованию Совета раб. деп., тут же был намечен план организации. В каждом районе были намечены определенные пункты (рабочие кооперативы, или больничные кассы), которые должны явиться центрами,

[1] Ленинградский Истпарт, Воспоминания рабочих.
[2] Суханов, Записки, стр. 27.

куда будут стекаться сведения об избранных депутатах. Общегородским же центром, в котором должны быть сосредоточены сведения от всех районных центров, был намечен Петроградский союз рабочих кооперативов». И далее: «На следующий день предполагалось уже назначить заседание Совета, но этому плану осуществиться не удалось» [1]). Вечером почти все участники собрания были арестованы на заседании, созванном «Рабочей группой» Центр. военно-пром. к-та. Таким образом директива, исходившая от собрания, на места распространиться не смогла, и вряд ли выборы на заводах происходили благодаря указаниям, исходившим от этого собрания. Что же касается совещаний различных деятелей рабочего движения, о которых рассказывает Суханов, то на этих собраниях присутствовали преимущественно легальные деятели рабочего движения, слабо связанные с рабочим классом, растерявшиеся, когда началась революция, и потому созывавшие «информационные» собрания руководителей различных партий для того, чтобы, как указывает Шляпников, «выведать, узнать от своих противников ближайшие шаги и намерения подполья». Эти собрания большею частью происходили на квартире у Горького, а последнее, 26 февраля, — на квартире у Керенского. Представители большевиков на эти собрания почти не ходили, а присутствовавший на них представитель «межрайонки» Юренев указывает, что дальше словесных разговоров за чашкой чая на них не шли, никаких конкретных мероприятий не выдвигали, ограничиваясь лишь горячими спорами различных направлений, представленных на этих совещаниях. Если в стихийном порыве масс, начавших с первых же дней Февральской революции проводить выборы в Совет, была определенная доля сознательности, то эта сознательность была принесена в рабочее движение не оборонцами, а предварительной работой нашей большевистской партии. Вопрос о Совете рабочих депутатов, о его роли в приближающейся революции неоднократно подымался в большевистской организации в годы войны. Уже в 1915 г. охранка сообщала о том, что «представители петербургского комитета организуют стачечные комитеты на заводах, из них организуются районные комитеты, на многих заводах роль этих комитетов выполняют продовольственные комиссии». И далее: «Главным руководителем стачек явится общегородской стачечный комитет, в каковой войдут делегаты районных комитетов. Общегородской стачечный комитет впоследствии должен принять на себя функции Совета рабочих депутатов» [2]). Следовательно, лозунг Совета и организация первичной ячейки стачечного комитета, из которого он должен был возникнуть, были впервые выдвинуты нашей партией, спустя год после начала войны. Насколько этот лозунг не исчезал ни на минуту из сознания большевистской организации, подчеркивает и следующий характерный факт, приведенный Кондратьевым в его воспоминаниях. По его словам на собрании пленума ПК по вопросу о вхождении в военно-промышлен

[1]) «Известия Петроградского Совета» от 27 августа 1917 г.

[2]) Цитирую по статье Васильевской, «Прол. револ.» № 1/13, 1923 г., стр. 65.

ные комитеты «была принята следующая точка зрения: использовать кампанию, произвести выборы уполномоченных, на общегородском собрании дать бой, развить нашу точку зрения по отношению к войне, в выборах в комитет не участвовать или голосовать против. К этому приняли дополнение Владимира, что, в случае большого под'ема революционного движения, уполномоченные должны стараться оттянуть вопрос о выборах и об'явить себя Советом рабочих депутатов» [1]). Если это указание соответствует действительности, то нельзя, конечно, признать правильным создание Совета рабочих депутатов из уполномоченных, выбранных для совершенно другой цели, — для представительства в военно-промышленных комитетах. Но характерно здесь именно то, что большевики в то время повсюду искали зацепку для создания организационной базы будущего Совета. И этой базой были, конечно, прежде всего стачечные комитеты, а не уполномоченные, выбираемые в военно-промышлен. комитеты. В информации о состоянии партийной работы в Петрограде, напечатанной в № 47 «Социал-демократа», решение Исполнительной комиссии о превращении стачечных комитетов в Советы было изложено в следующем виде: «Стремление рабочих к организации столь велико, что ПК решил вести агитацию за созыв рабочего парламента в противовес различным буржуазным организациям. Представители фабрик и предприятий, выбранные на основе пропорционального представительства во всех городах, должны составить общерусский Совет раб. деп., где наши думают получить большинство» [2]).

Но в том же номере «Социал-демократа» Ленин писал: «Советы раб. деп. и т. п. учреждения должны рассматриваться как органы восстания, как органы революционной власти. Лишь в связи с развитием массовой политической стачки и в связи с восстанием, по мере его подготовки, развития, успеха могут принести прочную пользу эти учреждения» [3]).

За несколько дней до напечатания этой статьи Ленин писал Шляпникову: «Обратите особое внимание на тезисы о Совете раб. деп. Надо быть осторожным с этой шуткой: переарестуют две-три сотни вождей... Вне связи с восстанием «сила» Совета раб. деп. есть иллюзия, не надо поддаваться ей» [4]). Делая такие указания, Ленин хотел подчеркнуть лишь тот момент, что создание Совета, который мыслился большевиками как орган восстания и власти, вне определенного соотношения сил нецелесообразно, что, созванный преждевременно, он не оправдает надежд, которые на него возлагаются. Урок Венгрии, где Советы были созваны не как органы восстания, а в результате соглашения, целиком подтверждает это положение Ленина. Но если в 1915 г. агитация за немедленный созыв Совета раб. деп. была преждевременна, то подготовка почвы для его создания в нужный момент проводилась большевиками еще с 1915 года. И это

[1]) «Красная летопись» № 7, Воспоминания Кондратьева.
[2]) Цитирую по книге Граве, стр. 152.
[3]) Н. Ленин, Собр. соч., т. XIII, «Несколько тезисов», стр. 208.
[4]) «Ленинский сборник» № 2, стр. 249. Подчеркнуто мною, Э. Г.

не могло не дать своих результатов в 1917 году. Но, как это ни странно, поставив вопрос о Совете раньше других политических партий, большевики непосредственно в февральские дни ни в одной листовке и прокламации, выходящей в это время, не выбрасывают вновь лозунга Совета раб. деп. Правда, в листовках большевиков и межрайонцев за февраль 1917 г. фигурирует другой лозунг — лозунг временного революционного правительства. Но после опыта 1905 г. Ленин считал, что актуальнее и понятнее массам не лозунг временного революционного правительства, а лозунг Совета. «Вопрос о временном правительстве с теоретической стороны выяснялся уже неоднократно... но теперь интересна другая, практическая постановка этого вопроса, данная октябрем — декабрем. Ведь Советы раб. деп. и т. п. были на деле зачатками временного правительства, власть неизбежно досталась бы им в случае победы восстания. Надо перенести центр тяжести именно на изучение данных, зародышевых органов новой власти, на изучение условий их работы и их успеха. Это насущнее, это интереснее в данный момент, чем гадания «вообще» о временном революционном правительстве» [1]).

Естественно, что лозунг временного революционного правительства, выброшенный нашей партией, в те дни успеха не имел, остался висеть в воздухе и вскоре был и вовсе снят.

Чем же об'яснить этот странный, непонятный на первый взгляд факт, что организация Совета попала в руки именно меньшевиков-оборонцев, а не большевистской партии, боровшейся за осуществление этого лозунга в жизнь в течение больше чем десятилетия?

В. Залежский в своих воспоминаниях приводит следующий характерный диалог, происшедший между ним, тотчас же после выхода из Предварилки, и Гвоздевым: «Мы с Федором (Комаров, *Э. Г.*) бежали по набережной. Навстречу нам Брейдо и Гвоздев, лидеры «Рабочей группы» Военно-промышленного комитета.

— Откуда? — спрашивают нас.

— Из Предварилки.

— А мы из Крестов.

— Куда? — Отвечают: — в Государственную думу.

— Ну, а мы в рабочие кварталы, — бросаем мы им расходясь» [2]).

Прийдя в Думу, Гвоздев и Брейдо создают Временный ИК Совета, а выпущенные из тюрьмы большевики берут винтовки и организовывают победу над самодержавием. Недаром эта встреча казалась впоследствии Залежскому символической. Притягательным центром для гвоздевцев в дни революции была Гос. дума, где они «на досуге» занялись организацией Совета, не вкладывая в него, конечно, содержание органа власти. Большевики же, занятые в это время непосредственными боевыми действиями, находящиеся в самой гуще восстания, при слабости и дезорганизации, благодаря репрессиям правительства, своей руководящей верхушки, опомнились слишком поздно, когда инициатива была

[1]) Н. Ленин, Собр. соч., т. VII, ч. 2, стр. 21.

[2]) В. Залежский, Первый легальный ПК, «Пролет. рев.» № 1/13, стр. 139.

взята в руки меньшевистскими заправилами. Недаром многими товарищами весть об образовании Совета была встречена не совсем радостно. «Часов в 12 ночи,—рассказывает Каюров,—увиделся с т. Шляпниковым, который сообщил об организации Петроградского Совета раб. и солд. деп., в который удалось пройти ему и еще нескольким видным работникам. Это сообщение, с одной стороны, радовало, а с другой—наводило на пессимистические размышления. Ведь в течение трех дней уличной борьбы массой руководили исключительно вожди из рабочих большевиков, руководящих начал от партийных центров совершенно не ощущалось. ПК был арестован, а представитель ЦК т. Шляпников бессилен был дать директивы завтрашнего дня». Тов. Каюров не без основания боялся, как бы благодаря слабости нашей партийной организации движение не попало под влияние меньшевиков. Поэтому его не особенно порадовала весть об организации этими последними Совета.

Первое заседание Совета открылось 27 февраля около 9 часов вечера в Таврическом дворце. На этом заседании присутствовало, по словам Шляпникова, человек 40—50 представителей от рабочих. Преобладали деятели «Рабочей группы», члены думской фракции и легальные интеллигенты. Помимо этого, как рассказывает тот же Шляпников, «К. А. Гвоздев, выйдя из Крестов, сумел дать на некоторые заводы «своим ребятам» телефонограмму о собрании Совета в 7 час. вечера» [1]).

Возможно, что депутаты, которые избирались, на пару дней раньше рабочими, на это заседание вовсе не попали.

Открытие Совета прошло весьма сумбурно. Это был скорее митинг, на котором беспрерывно выступали представители восставших полков, нежели деловое собрание. На нем были утверждены лишь следующие конкретные мероприятия: 1) организация продовольственного дела — создание продовольственной комиссии во главе с Громаном, 2) вопрос об охране города — вооружение рабочих, организация рабочей милиции [2]), 3) издание органа Совета «Известий» и выпуск воззвания. Но основной задачей данного собрания было избрание Исполнительного комитета Совета, взамен самочинного органа, существовавшего до сих пор.

Каков же был состав, личный и партийный, первого Исполнительного комитета?

Первый Исполнительный комитет сконструировался следующим образом: 1) Члены Исполнительного к-та по выбору, тут же намеченные на собрании, и 2) делегированные в Исполком представители различных партийных организаций. На первом организационном собрании было постановлено ввести лишь представителей наиболее влиятельных политических партий (с.-д. меньшевики, с.-д. большевики, эсеры) — по 3 представителя от каждой партии. Но затем это правило было, оче-

---

[1]) Шляпников, 1917 год, ч. I, стр. 118.

[2]) Шляпников указывает, что это решение было принято не на пленарном заседании совета, а на состоявшемся в ту же ночь первом заседании Исп. ком.

видно, нарушено, и в Исполком были проведены представители Бунда, энесов, латышской соц.-демократии и др.

Каков же был состав членов Исполкома по выбору? Шляпников называет следующих лиц: Чхеидзе, Керенский, Скобелев, Гвоздев, Александрович (эсер), Сурин (эсер, рабочий завода Айваз, оказавшийся провокатором), Гриневич и рабочий металлист Панков (Инициативная группа), Шляпников и Залуцкий (большевики). Суханов же прибавляет к этому списку следующих лиц: Н. Д. Соколова, а затем группу лиц так называемого «левого направления»: Капелинский, Павлович, — Красиков, Стеклов, Суханов, Соколовский (по словам Шляпникова, они были введены лишь 28-го). Как члены исполкома по назначению были дополнительно введены: от большевиков — Молотов и Шутко (ПК), от эсеров — Зензинов и Русанов, от энесов и трудовиков — Пешехонов, Брамсон, Чайковский (которого заменил потом Станкевич), Чарнолусский, от Инициативной группы — Батурский и Богданов, от Бунда — Эрлих и Рафес, от «межрайонки» — Юренев, от латышской социал-демократии — Стучка, от Польской с.-д. — Козловский. Всего, таким образом, больше 30 человек.

Характеризуя состав первого Исполнительного к-та, Суханов указывает, что «циммервальдским течениям было обеспечено совершенно прочное и устойчивое большинство» [1]). К циммервальдистам Суханов причисляет себя и вообще всю группу интеллигентов «левого направления», представителей Инициативной группы, думских лидеров и т. д. Но известно, что меньшевики-интернационалисты на деле мало чем отличались от оборонцев, а сам Суханов быстро сдал свои циммервальдские традиции, как только началась революция. Ибо, по его мнению, необходимо было снять с очереди лозунги против войны, для того чтобы не перепугать буржуазию, не оттолкнуть ее от революции и тем самым заставить взять власть. Состав Исполнительного комитета говорит о другом, о том, что в нем преобладал блок меньшевиков и эсеров, благодаря чему была обеспечена не «циммервальдская» линия, а линия соглашения с буржуазией и в вопросе о войне, и в вопросе о власти и во всех других вопросах. Так конструировалась власть — Совета рабочих депутатов. Что в те дни это была единственная фактически распоряжающаяся власть, подтверждает вся деятельность Совета тотчас же после его организации. Совет разрешал не только продовольственные дела и вопросы, связанные с охраной города, он назначал и сменял должностных лиц, запрещал выход газет, издавал приказы и т. д. И все это делалось часто помимо воли тех лиц, которые возглавляли Совет. Но, с другой стороны, меньшевистско-эсеровская верхушка Совета в первые дни невольно, сама того не замечая, плывя по пути, на который толкали ее массы, проводила мероприятия, носящие характер правительственных распоряжений. «Первые заседания Исполнительного комитета, — рассказывает Шляпников, — как 27-го, так и в следующие дни, были заседаниями органа власти революционной демократии, и казалось, что те лозунги, которые были выдвинуты нами в

[1]) Суханов, Записки, стр. 137.

манифесте ЦК РСДРП о временном революционном правительстве, получают свое выражение в действиях и намерениях Исполнительного комитета» [1]).

Как на орган власти смотрели на Совет и рабочие, посылавшие в него своих депутатов. В этом отношении характерен мандат, с которым пришли рабочие Шлиссельбургского порохового завода в Совет: «Центральный комитет Шлиссельбургского порохового завода поручает товарищу Туркину Павлу войти в сношение с временным революционным правительством в Петрограде для получения сведений и директив» [2]).

Но формально вопрос о власти не ставился ни на одном из пленарных заседаний Совета вплоть до 2 марта. Он не выдвигался до поры до времени, по вполне понятным причинам, Исполкомом, и его не поднимали сами депутаты, присутствующие на собраниях. Почему? Ответ на это дается прежде всего самим характером этих пленарных заседаний. На сплошном митинге, при атмосфере оп'янения одержанной победой, ни о какой положительной деловой работе не могло быть и речи. И естественно, что при таком положении вещей разрешение основных вопросов механически переносилось в Исполнительный комитет. А официальными представителями так называемой «левой Таврического дворца», благодаря всей их идеологии, вопрос о власти должен был неизбежно разрешиться в сторону создания буржуазного правительства, а не оставления власти в своих руках. Осуществлению этого желания не могло не способствовать также и то, что на правой стороне того же Таврического дворца — в думском комитете — явно склонялись в сторону взятия власти, и в этом отношении уже были сделаны первые шаги вечером 27 февраля.

2. Буржуазия и проблема власти

Мы уже рассматривали выше путь, пройденный буржуазией в февральские дни. Компромисс с царизмом или компромисс с революцией — две возможности, между которыми мечется в эти дни буржуазия. Ее ставка — остаться в выигрыше и на случай победы царизма над революцией и на случай победы революции над царизмом. Вся ее тактика в день 27 февраля исходит из этих двух возможных перспектив. Пресловутый Временный комитет Гос. думы и был результатом этой тактики выжидания. Напрасно впоследствии, когда победоносная революция стала фактом, к которому так или иначе на первых порах пробовала приспособиться буржуазия, Временный думский комитет пытались изобразить как первую «революционную власть». Он ею не был и не пытался быть.

27 февраля буржуазия стала лицом к лицу перед двумя фактами: 1) разразилась доподлинная революция, 2) царское правительство, во всяком случае в Петрограде, капитулировало перед ней. Это пугало,

[1]) Шляпников, 1917 год, кн. 1, стр. 177.
[2]) Там же, стр. 183.

приводило в бешенство, особенно таких людей, как Шульгин, но в то же время обязывало что-либо предпринять. Что же именно? Расстрелять революцию пулеметами, о которых тщетно мечтал тот же Шульгин? Мы уже указывали выше, что буржуазия быстро осознала, что этот путь невозможен. Но 27-го у нее еще нет полной уверенности, что царизм потерял всякую возможность сопротивления. Во всех своих действиях она не выходит за рамки законности. В ночь с 26 на 27-е Родзянко, как известно, получил указ о роспуске Думы. С легкой руки единственной выходившей тогда газеты, «Известия комитета журналистов», пошло гулять по свету следующее широковещательное сообщение: «Решение Госуд. думы». «Совет старейшин, собравшись в экстренном заседании и ознакомившись с указом о роспуске постановил: Государственной думе не расходиться. Всем депутатам оставаться на своих местах» [1]). Отсюда и создалось весьма распространенное убеждение, что первым актом Думы 27 февраля было «революционное неподчинение» царскому указу. Если в первые месяцы революции буржуазия не пыталась особенно энергично опровергать это создавшееся у всех заблуждение, то впоследствии в своих мемуарах вожди этой буржуазии один за другим стали признаваться в том, что никакого неподчинения указу на деле, конечно, не было.

27-го утром большинство депутатов, не зная о роспуске Думы, встревоженные разрастающимися событиями, собрались на заседание. Там стало известно, что Дума распущена. Это было неожиданностью для многих, так как еще 26-го шли переговоры с правительством об условиях соглашения. «И тем не менее, — пишет Родзянко, — Дума подчинилась закону, все же надеясь найти выход из запутанного положения, и никаких постановлений о том, чтобы не расходиться и насильно собираться, в заседании не делала» [2]). То же самое сообщает и Милюков: «Она (Дума, *Э. Г.)* и не пыталась, несмотря на требование Караулова, открыть формальное заседание. Вместо залы заседаний Таврического дворца, члены Государственной думы перешли в соседнюю полуциркульную залу и там обсудили создавшееся положение. Там было вынесено, после ряда горячих речей, постановление не раз'езжаться из Петрограда (а не постановление «не расходиться» Государственной думе, как учреждению, как о том сложилась легенда) [3]).

А в своей статье, посвященной 10-летию Февральской революции, Милюков указывает, что «о роспуске Думы знали еще 26-го, и ритуал предстоящего заседания был также обсужден и решен накануне вечером. Было условлено после прочтения указа никаких демонстраций не делать и немедленно закрыть заседание» [4]). «Ведь это была Дума 3 июня, — признается теперь Милюков, — Дума с искусственно подобранным правым крылом, а в своем большинстве «Прогрессивного

[1]) «Известия» к-та журналистов, 27 февраля.

[2]) Родзянко, Госуд. дума и Февр. революция, «Архив револ.», т. VI, стр. 57.

[3]) Милюков, История второй революции, вып. 1, стр. 41.

[4]) «Последние новости», 12 марта 1917 г., № 2180.

блока» лойяльная Дума, «оппозиция его величества», — явно для возглавления революции она не годилась» [1]).

Как же в действительности был создан Временный комитет Гос. думы и какое содержание вкладывала в него буржуазия?

27-го по всем данным состоялось три заседания: 1) заседание бюро «Прогрессивного блока» (или заседание совета старейшин, как указывают другие) 2) частное совещание членов Гос. думы, 3) заседание совета старейшин. После первого заседания Родзянко предложил всем присутствующим членам Думы собраться на частное совещание для того, чтобы обсудить положение и наметить меры к прекращению беспорядков [2]).

Частное совещание после продолжительного обсуждения и пришло к выводу о создании Врем. к-та, поручив его избрание совету старейшин. В зарубежной газете «Воля России» помещен подробный отчет этого заседания. Частное совещание согласно этому отчету открылось в 2½ ч. дня. Открыл заседание Родзянко, который якобы указал: «Нам нельзя еще высказываться определенно, так как мы еще не знаем соотношения сил» [3]). Следующим высказался известный левый кадет Некрасов. «У нас теперь власти нет, а потому ее необходимо создать. По-моему, было бы правильно передать эту власть какому-либо пользующемуся большим доверием человеку вместе с несколькими представителями Гос. думы. Таким лицом был, по его мнению, ген. Маниковский» [4]).

Но это предложение Некрасова газета несомненно передает не совсем точно. В своих воспоминаниях Шидловский несколько иначе характеризует сущность этого выступления: «Помню я только хорошо предложение, внесенное членом Думы Некрасовым, столь прославившимся впоследствии в рядах Временного правительства, о том, что надлежит установить военную диктатуру, вручив всю власть популярному генералу, которого он здесь же назвал. Это был пользовавшийся большой популярностью среди прикосновенных к военному делу членов Думы, начальник главного артиллерийского управления ген. Маниковский» [5]). Еще более определенно, ставя все точки над i, излагает это выступление Мансырев: «Президиум Думы должен не медля ни минуты ехать к председателю Совета министров кн. Голицыну и указать на одного из популярных генералов, например, Поливанова или Маниковского, — просить о наделении их диктаторскими полномочиями для подавления бунта» [6]). Трудно судить, какое изложение достовернее. Во всяком случае, Некрасовым несомненно была предложена в о е н н а я д и к т а т у р а как выход из создавшегося положения. Но это предложение, по словам того же Шидловского, «даже не голосовалось». Бо-

---

[1]) «Последние новости», 12 марта 1927 г., № 2180.
[2]) М а н с ы р е в, «Историк и современник», 1922 г., № 3.
[3]) «Воля России», 1921 г., № 153 (15 марта).
[4]) Т а м ж е.
[5]) Ш и д л о в с к и й, Воспоминания, «Сборн. воспом.», составил Алексеев, стр. 283.
[6]) М а н с ы р е в, «Историк и современник».

лее «благоразумные» члены Думы — Родзянко, Милюков, Шингарев — понимали, что практических последствий это мероприятие не будет иметь, приведет лишь к дискредитации Думы в глазах восставших. А этого Дума при сложившейся ситуации несомненно не хотела. Надо было найти средний выход. Не совершить какого-нибудь явно противозаконного акта и в то же время не изолировать себя окончательно от происходящих событий, выбрав роль пассивного зрителя. «Просто разойтись» было невыгодно. Это значило дезорганизовать себя, потерять руководящий центр в самую опасную минуту.

Но все же не этот момент был решающим для того, чтобы совещание самоопределилось в сторону принятия какого-либо из предлагаемых решений. Колебания и разговоры о «соотношении сил» были прерваны ворвавшимися в Думу вооруженными солдатами и рабочими. Если соотношение сил еще окончательно не выяснилось в начале заседания (хотя Шульгин и отмечает, что совещание «открылось под знаком того, что надвигается тридцатитысячная толпа», то к концу, к 4 часам, это соотношение наглядно определяется. После полуторачасовых разговоров и преобладающих настроений выжидать (только трудовики предлагали превратить Думу в Учредительное собрание), решение создать Временный комитет созрело в несколько минут, так как за стеной — «крики и бряцание ружей наполнивших Таврический дворец солдат». Тогда Родзянко наспех ставит вопрос об образовании комитета. Крики: «да». Он спрашивает, доверяет ли совещание образование комитета совету старейшин — вновь утвердительные крики, но уже немногих оставшихся в зале, так как большинство успело разойтись по другим залам. Совещание закрылось — Рубикон перейден» [1]).

Таковы условия создания Временного к-та Гос. думы. Напрасно Суханов, оценивая создание этого комитета как революционный акт «Прогрессивного блока» отмечает, что он создан был тогда, когда «выступление петербургского гарнизона еще не стало фактом» [2]). Это положение опровергается не только выше цитированными воспоминаниями, но прежде всего достоверно известным фактом образования Врем. к-та около 5 ч. вечера 27-го, когда присоединение войск было общеизвестно.

Но возникнув под напором наполнивших Таврический дворец масс, Врем. к-т Гос. думы вовсе не брал на себя вначале функций государственной власти. Цели этого комитета определяются тем названием, которое он себе присвоил: «Комитету Гос. думы для водворения порядка в Петрограде и для сношений с учреждениями и лицами». Очевидно, тотчас же после образования Врем. к-та Родзянко ведет переговоры с Михаилом и Голицыным и пытается получить от царя необходимые уступки в виде ответственного министерства. Это был первый конкретный шаг по пути выполнения намеченной цели — водворения порядка. Но мы уже указывали выше, что 27-го настроение царя и ставки было определенно наступательное. А между тем буржуазия чувствовала, что

---

[1]) Мансырев, «Историк и современник», 1922 г. № 3.
[2]) Суханов, Записки, стр. 52.

дальнейшее промедление уничтожит возможность «подавления беспорядков» мирным путем. Ситуация менялась не днями, а часами. «К вечеру 27-го, — рассказывает Милюков, — когда выяснился весь размер революционного движения, Врем. к-т Гос. думы решил сделать дальнейший шаг и взять в свои руки власть» [1]). Тактика выжидания, которой наполнен был весь день 27-го, которая наложила свой отпечаток на весь облик Врем. к-та, к вечеру или, вернее, к ночи 27-го заменяется более решительными мероприятиями. В эту ночь (на 28-е) «после продолжительного обсуждения Временный к-т, во главе с председателем Думы Родзянко, решил принять на себя функции исполнительной власти» [2]). Первыми шагами этой новой власти были два воззвания, в которых «новый курс» сказывается весьма явственно. В первом население призывается к охране общественных учреждений и заводов. Указывается на недопустимость посягательства на жизнь, здоровье, имущество частных лиц и необходимость прекращения кровопролития. Во втором Врем. к-т указывает, что «нашел себя вынужденным взять в свои руки восстановление государственного и общественного порядка», и просит население и армию помочь ему «в трудной задаче создания нового правительства». Тут перелом от выжидания к решению взять власть совершенно явный. Правда, прежде, чем принять такое решение, было немало внутренней борьбы. Особенно долго колебался Родзянко и все допрашивал Шульгина: «Что это будет — бунт или не бунт?». Тот ответил, как он рассказывает, «совершенно неожиданно для самого себя» следующее: «Берите, Михаил Владимирович, никакого в этом нет бунта. Берите, как верноподданный. Берите, потому что держава Российская не может быть без власти... и если министры сбежали, то должен же кто-то их заменить... Ведь сбежали — да или нет?

— Сбежали... где находится председатель Совета министров, — неизвестно. Его нельзя разыскать... точно также и министр внутренних дел... никого нет... кончено!...

— Ну а если кончено, так и берите. Положение ясно. Может быть два выхода: все обойдется — государь назначит новое правительство, мы ему сдадим власть. А не обойдется, так если мы не подберем власть, то подберут другие, те, которые выбрали уже каких-то мерзавцев на заводах...» [3]).

Так конструировалась буржуазная власть. Думский комитет и даже наиболее правый из его членов, Шульгин, окончательно самоопределяются, берут власть в свои руки. Но решившись на этот шаг, он действует как «верноподданный», надеясь, что если не ответственным министерством, то отречением Николая удастся спасти монархию.

---

[1]) Милюков, История второй револ., вып. 1, стр. 43. Подч. мною, *Э. Г.*

[2]) «Известия к-та журналистов» от 4 марта, Радиотелеграмма за границу.

[3]) Шульгин, Дни, стр. 111. Подч. мною, *Э. Г.*

Таким образом, на решение буржуазии взять власть в свои руки повлияли следующие обстоятельства: 1) невозможность вооруженной борьбы с революцией, сознание крепости одержанной пролетариатом и крестьянством победы, 2) боязнь, что отказ от своевременного принятия власти приведет к захвату власти Советом, и 3) надежда на то, что взятие власти приведет к умиротворению движения, водворению порядка, а главным образом к сохранению монархии. И поэтому уже с вечера 27-го начинается лихорадочная деятельность буржуазии по сформированию нового правительства. Буржуазия, уже давно готовясь стать политически господствующим классом, заранее наметила состав будущего правительства. Правда, она надеялась получить власть не путем революции, но изменение ситуации почти не повлияло на предполагавшийся список совета министров. Окончательное решение о составе Временного правительства было принято 1 марта днем, до совещания с представителями Исполнительного комитета. В протоколе заседания Временного к-та Гос. думы от 1 марта принятие решения о составе Временного правительства сформулировано следующим образом: «Временный комитет Гос. думы, в целях предотвращения анархии и для восстановления общественного спокойствия после низвержения старого государственного строя, постановил: организовать впредь до созыва Учредительного собрания, имеющего определить форму правления российского государства, правительственную власть, образовав для сего Временный общественный совет министров в составе нижеследующих лиц...» [1]). Далее перечисляется состав Временного правительства, официально опубликованный лишь 3 марта. Возможно, конечно, что этот протокол был составлен post factum для того, чтобы в нем формально закрепить образование Временного правительства по инициативе думского к-та. Но бросается в глаза название, которое буржуазия выбрала для созданного ею правительства. Это нечто среднее между кабинетом доверия и ответственным министерством. И, несмотря на упоминание об Учредительном собрании и констатирование факта «низвержения старого государственного строя», такое название говорит прежде всего о надеждах, что «Временный общественный совет министров, будет состоять при... конституционном монархе». Но, назвавшись позже более определенно «Временным правительством», буржуазия, конечно, не теряла надежд на сохранение монархии.

Таков характер самостоятельных начинаний буржуазии в дни 27 февраля — 1 марта. Но, становясь все более определенно на путь формирования и захвата власти, буржуазия ясно сознавала, что эта власть неизбежно превратится в фикцию, если ее образование не будет санкционировано предварительным согласием Совета и прежде всего его руководителей. Несомненно, осведомленная, благодаря Керенскому и Чхеидзе, о настроениях большинства Исполкома, она ждет лишь, пока последний протянет ей руку помощи. Совет не замедлил это сделать. И в ночь с 1 на 2 марта соглашение состоялось. Днем 2 марта шла

[1]) АОР, фонд III, опись 3, лист 1, Подчеркнуто мною, *Э. Г.*

окончательная выправка деклараций от Совета и Временного правительства, которые были опубликованы 3 марта.

Каковы же были условия соглашения?

Идя на совместное заседание с думским комитетом, представители Совета наметили следующие требования, на основе которых должно было состояться соглашение: 1) об'явление полной амнистии, 2) политические свободы, 3) демократические выборы в городские и сельские муниципалитеты, 4) замена полиции милицией, 5) невывод из Петербурга и неразоружение воинских частей, принимавших участие в перевороте, 6) правительство не предпринимает никаких шагов, предрешающих будущую форму правления, 7) гражданские права для солдат. В этих требованиях, как видим, нет ни одного положения, выходящего из рамки самой умеренной буржуазной революции. Но и эти минимальные требования буржуазия не замедлила несколько обкарнать. Разногласие вызвали следующие пункты: 1) распространение политической свободы на военнослужащих обрезано следующей поправкой Милюкова: «в пределах, допускаемых военно-техническими условиями»; 2) особые споры вызвал вопрос о демократизации армии, но в конце концов согласились оставить этот пункт с добавлением: «при сохранении строгой воинской дисциплины»; 3) пункт о непредрешении будущей формы правления был отклонен. На все остальные требования буржуазия благосклонно согласилась. Эти условия и составили содержание правительственной декларации Временного правительства. К ним были добавлены пленумом Совета лишь следующие моменты: «1) Временное правительство оговаривает, что все намеченные мероприятия будут проводиться, несмотря на военное положение; 2) манифест Временного правительства должен быть одновременно за подписью М. Родзянко и Временного правительства; 3) включить в программу Временного правительства пункт о предоставлении всем национальностям права национально-культурного самоопределения» [1]. Эти требования были также включены в текст воззвания Временного правительства. Всем перечисленным выше положениям Временное правительство дало аншлаг, что это те именно «основания», которыми в своей деятельности «Кабинет будет руководствоваться». Недаром Ленин об этом манифесте писал, что «он состоит только из обещаний». И если эти обещания были проведены в жизнь, то лишь благодаря давлению масс.

Но если текст правительственных обязательств был продиктован представителями Совета, то воззвание последнего, санкционирующее образование Временного правительства, в части, говорящей о борьбе с анархией и взаимоотношениях солдат с офицерами, написано Милюковым. Последний, как рассказывает Суханов, требовал «от нас (представителей Совета, *Э. Г.*) декларации, в которой было бы указано, что данное правительство образовалось по соглашению с Советом рабочих депутатов, что «постольку» это правительство должно быть признано законным в глазах народных масс и заслуживать доверия их».

---

[1]) «Известия Петроградского Совета», № 4 от 3 марта.

И далее он настаивал также и на том, «чтобы наши декларации были напечатаны и расклеены вместе, по возможности, на одном месте, одна под другой» [1]). На это не замедлили согласиться и в дальнейшем привести в исполнение. Услуги оказывались обоюдно. Волею Совета буржуазная власть была сконструирована.

Буржуазия соглашается на требования, пред'явленные ей представителями Совета, соглашается даже на Учредительное собрание, но она отклоняет предложение Совета о непредрешении будущей формы правления и энергично борется за сохранение монархии. 2 марта днем после ночного совещания с представителями Совета Гучков и Шульгин отправляются в ставку за отречением в пользу Алексея при регентстве Михаила. Буржуазия решает пожертвовать Николаем, чтобы спасти монархию. Николай был «подготовлен» к отречению. Из ставки Алексеев переправил в Псков проект отречения в пользу Алексея. Но до приезда Шульгина и Гучкова в Псков Николай решил отречься в пользу брата (Михаила), а не в пользу сына. По словам Бьюкенена перерешение было вызвано тем, что лейб-медик государя, профессор Федоров сообщил о неизлечимости болезни наследника. И в ночь на 3 марта Шульгин и Гучков получают отречение в пользу Михаила, о чем немедленно телеграфно сообщается в Петроград. Это известие вызвало переполох в среде думского комитета. Буржуазии казалось, что отречение в пользу сына при регентстве Михаила еще кое-как успокоит движение, но Михаил как царь, а не регент, неприемлем. В 6. ч. утра 3 марта Родзянко ведет переговоры с Алексеевым и просит его «задержать всеми мерами и способами об'явление того манифеста, который сообщен этой ночью» [2]). Но по существу дело было, конечно, не в том, что Николай отрекся не в пользу сына, а в пользу брата. То, что и комбинация Алексея и Михаила вряд ли пройдет, было ясно еще до получения манифеста. Когда 2 марта, тотчас же после от'езда Шульгина и Гучкова, Милюкова во время его речи в Екатерининском зале спросили, что будет с династией, он ответил, что Николай будет свергнут, власть перейдет к регенту Михаилу, а наследником будет Алексей. Известно, как отнеслась аудитория к этому сообщению. Милюков вынужден был потом заявить, что это только его «личное мнение». Настроение масс было таково, что о сохранении монархии говорить было далеко не безопасно, и с этим буржуазии приходилось считаться. Династический вопрос, по словам Родзянко, «был поставлен ребром», и буржуазии пришлось пожертвовать не только Николаем, но и Михаилом. Ставка на сохранение монархии была ликвидирована массами. Буржуазия вынуждена бить отбой и отказаться от заманчивой идеи «конституционного монарха». 3 марта она собственными руками проводит отречение Михаила, она вынуждена, по словам Милюкова, «сдать революции идею монархии». Но первое время у нее еще теплится надежда, что уступка эта временная, что, когда движение успокоится,

---

[1]) Суханов, Записки, стр. 211.

[2]) Военно-исторический архив, дело № 79, ч. 4, лист 25.

вопрос о монархии будет снова поднят. В своем разговоре с Алексеевым утром 3 марта Родзянко указывает, что «Учредительное собрание не исключает возможности возвращения династии к власти». И далее: «Учредительное собрание ведь может состояться не ранее полугода, а до тех пор, я вполне уверен, что изложенными соображениями можно удержать спокойствие и довести войну до победного конца» [1]).

Но, уступив временно по вопросу о монархии, буржуазия взамен призывает к «единению», порядку, работе», к гражданскому миру и упорно старается вдолбить, что «сейчас вершится не партийное, не классовое, а великое общенародное дело — дело всей России». А попутно буржуазия пытается доказать, что власть Временного правительства освящена не революцией, а «уходящей в историю» властью, с одной стороны, и думским комитетом — с другой. В самом деле, председатель Временного правительства кн. Львов был назначен Николаем, и Михаил в своем манифесте об отречении указал, что он просит всех граждан «подчиняться Временному правительству, по почину Гос. думы возникшему и облеченному всей полнотой власти». Юридически все было совершенно правильно. Недаром же известный черносотенец Марков II прислал вскоре после революции кн. Львову письмо, в котором указывал, что «печальный акт самоупразднения верховной в государстве российском власти состоялся после законного назначения вас председателем Совета министров. Таким образом, возглавляемое вами правительство является единственной законной властью в государстве. Сим заявляю, что признаю и подчиняюсь всем законным действиям возглавляемого вами правительства» [2]).

Эта «законность» Временного правительства могла, конечно, служить для самоутешения буржуазии, но, увы, как признается Милюков, никакого значения в глазах народных масс не имела, и на это «никогда впоследствии не ссылались» [3]).

На самом деле положение складывалось так, что буржуазия от политических уступок вынуждена была перейти к социальным. Кн. Львов жалуется Алексееву в своем разговоре с ним 6 марта, что «догнать бурное развитие событий невозможно. События несут нас, а не мы ими управляем». И далее: «Все события решаются психологией масс, а не желанием Временного правительства» [4]). А так как психологией масс временно завладели мелко-буржуазные вожди Совета, то буржуазия, как правильно указывал Стеклов на всероссийском совещании Советов, борясь против двоевластия, вынуждена была одновременно к этому двоевластию призывать. Чуть где-либо вспыхивали волнения, буржуазия приглашала Совет помочь в умиротворении рабочего класса

---

[1]) «Военно-исторический архив», дело № 70, ч. 4, лист. 83.

[2]) АОР, Архив Временного правительства, опись № 1, дело № 20 канцелярии Совета министров.

[3]) Милюков, Россия на переломе, т. I, стр. 47.

[4]) Военно-исторический архив, управление генерал-квартирмейст. при верховн. главноком., дело № 79, ч. 1, лист. 103.

и крестьянства. А вожди Совета до поры до времени довольно успешно помогают ей в этом деле. Поэтому она на первых порах полна надежд что «социалисты, защищающие буржуазную революцию от социалистической», помогут справиться со всеми трудностями, связанными с революцией. Милюков на с'езде кадетской партии в конце марта в восторженных тонах говорил о «друзьях слева», о государственных умах, которые имеются в их рядах, о деятелях Совета, которые, подобно Керенскому, «нам помогут». «Я помню тот решительный момент, когда я поздравил себя с окончательной победой, это был тот момент, когда по телефону на нашу просьбу стать министром юстиции А. Ф. Керенский ответил согласием (бурные аплодисменты); тогда я понял, что есть государственные умы и таланты и в этих рядах» [1]).

А на том же с'езде левый кадет Некрасов высказывался еще более определенно: «Не надо пугаться того, что сейчас начинаются социальные вопросы, а надо стремиться к тому, чтобы они были введены в нормальное русло и не сгубили положение так, как это было в 1905 году. Было бы опасно отрицание социальных моментов. Нужно как можно меньше испуга в этом отношении, как можно меньше паники». И далее: «Меньше всего можно говорить: сначала политика, а затем социальные вопросы. Старый режим путем этого лозунга привел нас к революции. Нам надо добиться того, чтобы, не повторяя этого опасного шага, прийти не к социальной революции, а путем социальных реформ обойтись без социальной революции» [2]).

И в конце марта такие речи на с'езде встретили еще значительное сочувствие. Левое и правое крыло буржуазии начинает на некоторый период времени сближаться. Недаром, кажется, Мандельштам на том же с'езде говорит, что деление партии на правых и левых кадет отходит в область прошлого.

Таков первый этап в позиции буржуазии в период Февральской революции. От выжидания — к взятию власти, от борьбы за монархию — к временной сдаче позиций в этом вопросе, от политических уступок — к социальным. Но линия компромисса, линия соглашения неизбежно должна была смениться линией ожесточенной классовой борьбы. Уже в середине июня Всероссийский союз торговли и промышленности в своем обращении к Врем. правительству указывает, что «без радикального разрыва с той системой развития революции, которой придерживались в течение этих месяцев, выход из положения невозможен» и что «источник зла не только в большевиках, но и в социалистических партиях». «Спасти Россию может только твердая железная власть» [3]).

Временно установившееся равновесие неизбежно должно было быть нарушено.

---

[1]) «Речь» № 73, сборн. 28 марта 1917 г.

[2]) «Русские ведомости» от 29 марта 1917 г.

[3]) АОР, Архив Врем. пр-ва, опись № 2, дело № 87, обращение к населению и армии.

3. Причины передачи власти

Мы уже рассмотрели выше фактическую внешнюю сторону формирования новой власти после победы Февральской революции. То, что налицо была именно передача власти, находившейся в руках Совета, исторически доказано. Но в чем же смысл, где лежат причины этого важнейшего для понимания характера Февральской революции факта? Часто эти причины ищут в организованности буржуазии, в подготовленности ее к взятию власти, которая накануне Февральской революции уже почти находилась в ее руках. «И как только старый строй пал, — указывает Чернов, — он застал цензовую Россию в смысле «министериабельности» в полной боевой готовности. Все ее люди, весь ее политический «главный штаб» был налицо, был заранее мобилизован... По всем этим причинам цензовая Россия меньше чем в 24 часа могла составить солидарный «кабинет», могла образовать правительство. И она это сделала» [1]). Но это об'яснение явно недостаточно. Оно об'ясняет нам лишь одну сторону вопроса — почему буржуазии удалось лавировать между царизмом и революцией, не скомпрометировав себя в глазах последней. Организованность буржуазии и понимание, что при сложившейся ситуации остается единственный выход — взять власть путем соглашения с революцией, не могли не повлиять на весь ход Февральской революции. Но созданное буржуазией Времен. правительство ни одного дня не могло бы просуществовать без, хотя бы условной, поддержки Совета. Наряду с ним, раньше него возникшее, существовало другое правительство, которое, казалось бы, свободно могло существовать и действовать без поддержки буржуазии. Следовательно, об'яснения факта передачи власти надо искать прежде всего в составе самого Совета, в лидерах, им руководящих, и в массах, его поддерживающих.

Обратимся прежде всего к идеологии вождей, получивших преобладающее влияние на всю деятельность Совета. Позиция правого и левого крыла социал-демократии — оборонцев и большевиков — по вопросу о власти была наиболее прямолинейной. Первые, исходя из анализа Февральской революции, как революции буржуазной, делали естественный и логичный, с их точки зрения, вывод, что власть, созданная в результате этой революции, должна неизбежно быть чисто буржуазной властью. «Мартовская революция 1917 года, — писала Аксельрод в оборонческом журнале «Дело», — является буржуазной революцией в полном, классическом смысле этого понятия» [2]). А отсюда логический вывод, что «Временное правительство — буржуазное в том смысле, в каком буржуазной является происходящая революция. Революция, уничтожив старый бюрократический режим, не отменила ни частной собственности, ни классовых различий. И сообразно с этим Временное правительство отражает имущественные отношения страны, большинство

[1]) Чернов, Советы в нашей революции, Сб. «Год русской революции», стр. 48.

[2]) Ортодокс, Революция и догматизм, «Дело», №№ 3—6 за 1917 г., стр. 23.

населения которой, в зависимости от этих имущественных отношений, стоит на точке зрения частной собственности»[1]). Все это теоретическое обоснование неизбежности буржуазной власти было необходимо для того, чтобы сделать следующий практический вывод: «Насущной задачей социал-демократии, как революционного авангарда, являлась активная, деятельная поддержка Временного правительства и популяризация его практической программы»[2]). Вся позиция оборонцев вела их к безапелляционной, безоговорочной поддержке Временного правительства, минуя условную формулу «постольку-поскольку».

Эта линия целиком разделялась и оборонцами эсеровского лагеря. Так, напр., в воззвании Трудовой группы, опубликованном 1 марта, народные массы призывались «итти на штурм последних твердынь власти, самоотверженно подчиняясь Временному правительству, организованному Гос. думой»[3]).

Характерно, что, являясь ярыми сторонниками безоговорочной поддержки Временного правительства и создания подлинно буржуазной власти, оборонцы в то же время, когда вопрос о характере власти разрешался в Совете, настаивали на коалиции. И это было вполне естественно. Ибо, считая, что буржуазная власть есть единственная власть, отражающая потребности об'ективного развития, они, войдя в правительство, полностью бы санкционировали его политику. Их товарищи слева — меньшевики-интернационалисты и часть эсеров — были против коалиции. Такова была официальная точка зрения Совета и Исполкома, принятая последним именно в силу преобладания такой позиции в его среде. Но отрицательное отношение к коалиции об'яснялось, конечно, не тем, что, как указывает Суханов, такая коалиция означала прямое соглашение, сотрудничество, контакт с буржуазией. Это сотрудничество осуществлялось Советом без всякой коалиции. Но то было тайное сотрудничество, завуалированное флером видимой оппозиции правительству. А прямое вхождение сделало бы тайное явным и могло бы привести к дискредитации входящих в состав буржуазного правительства партий. Об этом совершенно недвусмысленно рассказывает тот же Суханов. Уговаривая Милюкова в необходимости создать немедленно же цензовую власть, он аргументировал это следующими положениями: «При капитуляции царизма именно Совет окажется хозяином положения. А вместе с тем народные требования при таких условиях неизбежно будут развернуты до своих крайних пределов. Форсировать движение сейчас ни для кого уже нет нужды, оно и без того быстро катится в гору. Но сдержать его в определенных рамках стоило бы огромных усилий. Притом попытка удержать народные требования — это попытка довольно рискованная, она может дискредитиро-

---

[1]) Ортодокс, там же, стр. 26.
[2]) Там же.
[3]) «Известия Петр. к-та журналистов».

вать руководящие группы демократии в глазах народных масс»[1]). Официальным тормозом народной стихии должно было стать Временное правительство, а Совет в лице его руководителей должен был стать тайным его помощником в этом деле.

Характерно и то, что и сторонники коалиции и ее противники равно приложили руку к вхождению единственного «социалиста» — Керенского — в кабинет. Впоследствии указывали, что вхождение Керенского было неожиданностью для Исполкома. Но это утверждение не соответствует действительности. На самом же деле Керенского со всех сторон уговаривали согласиться и вступить в правительство — «на свою личную ответственность». На необходимости вхождения хотя бы одного (сначала хотели двух — и Чхеидзе) «заложника демократии» в состав кабинета упорно настаивала сама буржузия. И причины такой настойчивости прекрасно понимали меньшевики. Надо было сделать Временное правительство более популярным в глазах масс, иметь в нем хотя бы одну фигуру, пользующуюся доверием этих масс. И свою роль до поры до времени Керенский прекрасно выполнял. Недаром же представитель буржуазии Кишкин, не мог открыто не поделиться своим восхищением по поводу роли Керенского: «Я только что вернулся из Петрограда, — рассказывает он, — и могу засвидетельствовать, что, если бы не Керенский, то не было бы того, что мы имеем. Золотыми буквами будет записано его имя на скрижалях истории»[2]).

Меньшевики и эсеры делали все возможное, чтобы укрепить власть, взятую буржуазией. Передача власти была проведена прежде всего их руками и вполне сознательно. Но причины передачи власти коренятся, конечно, не только в соглашательской политике мелкобуржуазных вождей. Стеклов в своей речи на всероссийском совещании Советов подчеркивал, что на передачу власти повлияли следующие обстоятельства: «Почему же в тот момент перед нами не встал вопрос о захвате власти в свои руки? Я постараюсь на это ответить. Я сказал, что этот вопрос теоретически не выступал перед нами по двум причинам: первая заключалась в том, что в момент, когда намечалось это соглашение, было совсем еще неясно, восторжествует ли революция не только в форме революционно-демократической, но даже в форме умеренной буржуазной... Нам не было известно настроение войск, настроение царскосельского гарнизона, и имелись сведения, что они идут на нас. Мы получали слухи, что с севера идут пять полков, что генерал Иванов ведет 26 эшелонов, на улицах раздавалась стрельба, и мы могли допускать, что эта слабая группа, окружавшая дворец, будет разбита, и с минуты на минуту ждали, что вот придут и если не расстреляют, то заберут нас. Мы же, как древние римляне, важно сидели и заседали, но полной уверенности в успехе революции в тот момент совершенно не было»[3]).

---

[1]) Суханов, Записки, стр. 89.
[2]) «Известия Петроград. Сов.», № 9, от 8-го марта.
[3]) Там же, № 32, 5-го апреля. Подчеркнуто мной, *Э. Г.*

В тот период времени в рядах тогдашних социалистических партий царило довольно тревожное настроение, казалось, что революцию при ее стихийности и неорганизованности могут задушить голыми руками, если найдется для этой цели хотя бы пара полков. И многие думали, что приятие буржуазией революции устранит опасность ее подавления, сделав ее приемлемой в глазах ставки. Буржуазия лучше чем революционные партии видела безнадежность всякого сопротивления, но, конечно, не этот мотив был решающим для вождей Совета при разрешении вопроса о передаче власти. Тут была скорее не паника перед возможностью поражения революции, а паника перед стихийной революционностью масс и желание как можно скорее ввести движение в должное русло. Сами же массы несомненно в меньшей степени, чем вожди, боялись подавления революции и более явственно ощущали крепость одержанной ими победы.

Естественно, что обрисованная выше позиция меньшевиков и эсеров по вопросу о характере новой власти и практические мероприятия, которые проводились последними для осуществления своей точки зрения, не могли не явиться одной из существенных причин, об'ясняющих нам причины передачи власти. И это тем более имело значение, что совершенно определенной линии меньшевистско-эсеровских главарей Совета не была противопоставлена достаточно четкая постановка вопроса о характере слагающейся власти со стороны нашей большевистской организации. В манифесте Бюро ЦК от 27 февраля был дан лозунг создания временного революционного правительства. Манифест был написан тт. Хахаревым и Каюровым до того, как стало известно о создании Совета рабочих депутатов. В манифесте было указано, как создавать временное революционное правительство. «Рабочие фабрик и заводов, а также восставшее войско должны немедленно выбрать своих представителей во временное революционное правительство, которое должно быть созвано под охраной восставшего революционного народа и армии». 27 февраля для большевиков, ведущих борьбу на улицах Петрограда, вопрос о существе новой власти, идущей на смену царизму, был абсолютно прост и ясен. Когда победа рабочего класса и революционной армии начала достаточно четко определяться, наша партия дает лозунг временного революционного правительства, вкладывая в него то содержание, которое дал Ленин в 1905 г. Создание чисто-буржуазной власти явно казалось бессмыслицей. Но через несколько дней, даже часов, ситуация резко меняется. Создается Совет, руководство которым попадает в руки меньшевиков и эсеров, а Совет, в свою очередь, передает власть буржуазии «при молчаливом согласии масс». Когда 2 марта вопрос о власти был поставлен на разрешение пленума Совета, то меньшевистско-эсеровский блок одержал полную победу. Из 400 присутствующих лишь 19 человек голосовали за предложение большевиков о создании временного революционного правительства. Правда, вопрос о власти был поставлен на разрешение пленума Совета задним числом, после ночных переговоров с представителями думского комитета, когда все уже было предрешено. Поставили не для разбора вопроса, а для получения фор-

мального утверждения. Но так или иначе, это формальное утверждение было дано. Собрание внесло лишь указанные выше (см. раздел «Буржуазия и проблема власти») добавления к правительственной декларации и постановило: «Образовать наблюдательный комитет за действиями Временного правительства из состава Совета солдатских и рабочих депутатов».

Положение кардинально меняется. Революция на первом этапе разворачивается так, «как никто не ожидал». Переход власти в руки буржуазии при помощи Совета стал фактом. «Старая платформа — прямое свержение правительства — теперь уже не отвечала действительности. Теперь уже нельзя было итти на немедленное свержение правительства, связанного с Советами, ибо кто хотел тогда свергнуть Временное правительство, тот должен был свергнуть и Советы. И нельзя было также вести политику поддержки Временного правительства, ибо это правительство являлось правительством империализма. Нужна была новая ориентировка партии» [1]).

Но эта новая ориентировка, намечавшая задачи партии, исходя из своеобразия сложившейся обстановки, не была дана партией почти вплоть до приезда Ленина в Россию и его апрельских тезисов. В самом деле, на заседании Бюро ЦК от 4 марта была принята следующая резолюция о дальнейших тактических задачах партии: «Теперешнее Временное правительство по существу контрреволюционно, так как состоит из представителей крупной буржуазии и дворянства, а потому с ним не может быть никаких соглашений. Задачей революционной демократии является создание временного революционного правительства демократического характера (диктатура пролетариата и крестьянства)» [2]).

Тов. Залежский в своих воспоминаниях указывает, что по мнению ПК эта резолюция страдала академичностью и не давала конкретных указаний сегодняшнего дня. И в этом он прав. Ибо резолюция не говорила, **как** и **когда** рабочий класс должен бороться за создание временного революционного правительства. Означала ли эта резолюция прямой призыв к свержению Временного правительства? Тов. Шляпников указывает, что Бюро ЦК боролось с такими тенденциями, намечавшимися в Выборгском комитете нашей партии. Но тогда лозунг временного революционного правительства становился абстрактным лозунгом, ничего не говорящим о тактических задачах партии **в данных** условиях. Петербургский же комитет нашей партии, желая конкретизировать «академическую» установку, взятую Бюро ЦК, в свою очередь, перегнул палку. В резолюции, принятой на заседании ПК от 5 марта, после прений по докладу Бюро ЦК, было указано: «ПК РСДРП, считаясь с резолюцией о Временном правительстве, принятой СР и СД, заявляет, что не противодействует власти Временного правительства, постольку, поскольку действия его соответствуют интересам пролетариата и широких демократических масс народа, и

---

[1]) Сталин, На путях к Октябрю, Предисловие.
[2]) «Правда» от 9 марта 1917 г.

об'являет о своем решении вести самую беспощадную борьбу против всяких попыток Временного правительства восстановить в какой бы то ни было форме монархический образ правления» [1]).

Таким образом, если резолюцию Бюро ЦК, несмотря на всю ее неопределенность, можно было понять как призыв к свержению Временного правительства, то в резолюции ПК весьма явственно звучали нотки хотя и условной, но все же поддержки Временного правительства. А в это время Выборгский комитет нашей партии проводит, по словам т. Дингельштедта, «широкие тысячные митинги рабочих и солдат, почти единогласно принявшие наши резолюции о свержении Временного правительства» [2]). Выборгский же комитет, по словам этого же товарища, «средактировал даже на ближайшие дни общий для всех митингов текст резолюции, которую ораторам предлагалось проводить. Он начинался словами: «Митинг рабочих и солдат принимает следующую резолюцию» и оканчивается мотивированным требованием передачи государственной власти в руки Совета» [3]).

Эта резолюция была отпечатана и на следующий день расклеена. Через несколько дней ПК наложил запрещение на этот плакат-резолюцию (см. «Правда» от 8 марта, № 3).

Правильная линия и в отношении к Временному правительству и в отношении к Совету сразу не была найдена. Понадобился некоторый промежуток времени, чтобы партия, учтя своеобразие сложившейся обстановки, взяла правильную тактическую установку. А непосредственно в февральские дни партия, увлеченная водоворотом событий, не смогла захватить руководство в Совете в свои руки.

Но захват Советов меньшевистско-эсеровским блоком об'яснялся, конечно, не только организационной слабостью нашей партии в февральские дни. Причины передачи власти надо искать не только в идеологии завладевших руководством Советами вождей, но и в настроениях масс, идущих за этими вождями.

Ленин, ставя вопрос о причинах передачи власти, указывал, что совершенно неправильно об'яснения этого факта искать только в «ошибках», сделанных «Чхеидзе, Церетели, Стекловым и К°». Причина, по его мнению, лежала глубже.

«Доверчиво бессознательное отношение к капиталистам, худшим врагам мира и социализма, — вот, что характеризует современную политику масс в России, вот что выросло с революционной быстротой на социально-экономической почве наиболее мелкобуржуазной из всех европейских стран. Вот классовая основа «соглашения» (подчеркиваю, что имею в виду не столько формальное соглашение, сколько фактическую поддержку, молчаливое соглашение, доверчиво-бессознательную уступку власти) между Врем. правительством и Советом Р и СД, — соглашения, давшего Гучковым

---

[1]) «Правда» от 7 марта 1917 г., № 2.
[2]) «Красная летопись», № 1 (12) за 1925 г., статья Дингельштедта.
[3]) Там же.

жирный кусок, настоящую власть, а Совету — посулы, почет (до поры до времени), лесть, фразы, уверения, расшаркивания Керенских» [1]).

Доверчивая бессознательность со стороны масс и вполне сознательно проводимая линия вождей предопределили передачу власти.

В чем же корни этой бессознательной доверчивости масс к правительству капиталистов?

Они, первым долгом, — в неожиданно быстрой победе над самодержавием, во всеобщем оп'янении и ликовании по поводу одержанной победы. Пало самодержавие, самодержавие, десятилетиями душившее всякое свободное проявление, самодержавие, являвшееся синонимом всякого произвола, насилия и угнетения. На первые дни этого было достаточно. Пролетариат, его лозунги, его классовая линия растворились в этой всеобщей, захватившей все слои населения волне оп'янения и всеобщего братания. «Боюсь, что болезнью повальной теперь будет в Питере «просто» увлечение», — писал Ленин в своем письме к Коллонтай от 17 марта (нов. стиля). И он оказался, конечно, прав. «Ибо, гигантски быстрый переход от дикого насилия к самому тонкому обману» [2]) не мог не привести, на время, правда, к факту доверчивой бессознательности масс. Падение самодержавия в первые дни заслонило собою все остальные проблемы, защитило, прикрыло буржуазное Временное правительство. В первые дни господствующим, преобладающим был отрицательный лозунг — лозунг «долой самодержавие». И когда этот лозунг неожиданно быстро осуществился, пролетариат не имел, не осознал еще своей положительной программы и увлекся, не мог не увлечься, грандиозным по тому времени фактом — фактом падения самодержавия. Недаром же Ленин писал, что основной задачей партийной работы в России является «вливание уксуса и желчи в сладенькую водицу социал-демократических фраз».

Но если недостаточная сознательность и организованность, увлечение, доверчивость имели распространение в определенный промежуток времени в пролетарских рядах, то особенно сильны были все перечисленные явления в солдатской массе. «Бессознательная доверчивость масс к правительству капиталистов» характерна прежде всего для идеологии крестьянства, в частности армии. Здесь она была явлением более длительным и количественно захватывала большие массы, чем в рабочей среде.

«В вопросах же отношения к Временному правительству, — пишет Крыленко в своих воспоминаниях, — армия не разбиралась, и господствующей формулой, как и в тылу, была формула «поддержка Временного правительства постольку, поскольку оно не будет изменять интересам трудящихся масс». Резко ставить вопрос о том, что такое правительство ни в какой мере не может защищать интересов трудящихся масс, на фронте было пока нельзя. Моя подобная попытка привела скорее к отрицательным, чем к положительным ре-

---

[1]) Ленин, Собр. соч., т. XIV, ч. 1, стр. 42.
[2]) Ленин, Собр. соч., т. XX, ч. 2, стр. 98.

зультатам. Выходило, что вместо облегчения я пророчил новые невзгоды» [1]).

В этот первый период Февральской революции для армии остро стоял лишь вопрос о войне и вопрос о взаимоотношении солдат с командным составом. Но первый вопрос, вопрос о войне, вначале, по замечанию того же т. Крыленко, разрешался формулой «фронт держать, в наступление не итти». А вопрос о взаимоотношении с командным составом получил свое отражение в знаменитом приказе № 1. Мы отвлечемся немного в сторону для того, чтобы рассмотреть историю этого приказа.

Официально солдатская секция Совета возникла 2 марта, и с этого дня Совет называется — Советом раб. и солд. депутатов. Но уже 28-го Исполн. комитет постановил образовать солдатскую секцию, и 1 марта днем в Совет являются представители от частей, которые успели произвести выборы. Солдаты настроены чрезвычайно тревожно. Причиной послужил знаменитый родзянковский приказ от 28-го о немедленном возвращении солдат в казармы и о подчинении возвращающимся офицерам. Такой приказ, совершенно естественно, вызвал большую тревогу. И поэтому, придя в Совет, солдаты постановили посвятить заседание обсуждению следующих вопросов: 1) отношение солдат к возвращающимся офицерам; 2) вопрос о выдаче оружия; 3) вопрос о военной комиссии и пределах ее компетенции. В результате длительного обсуждения всех этих вопросов и возникли основные пункты приказа № 1 [2]). Впоследствии буржуазия пыталась изобразить приказ № 1, как причину всех бед, приведшую к разложению армии, неудачам на фронте и т. д. Но ближайшее рассмотрение содержания этого приказа показывает, что ничего пораженческого, ничего, направленного против войны, в нем, конечно, не было. Приказ состоял из следующих положений: 1) создать во всех воинских частях выборные комитеты из представителей от нижних чинов; 2) немедленно выбрать представителей в Совет; 3) во всех политических выступлениях солдаты подчиняются Совету и своим комитетам; 4) приказы военной комиссии Гос. думы выполнять только в тех случаях, если они не противоречат постановлениям Совета; 5) оружие должно находиться под контролем ротных и батальонных комитетов и «ни в коем случае не выдаваться офицерам»; 6) в строю — подчинение воинской дисциплине, вне строя — полное уравнение в общегражданских правах (вставание во фронт и отдание чести вне службы отменяется); 7) отменяется титулование; 8) воспрещается грубое обращение и обращение на «ты».

Во всех этих положениях нашли свое полное выражение недоверие и классовая ненависть солдат к офицерам, с одной стороны, и стремление солдат к политической активности, чему мешала воинская дисциплина, с другой стороны. Отсюда и требования общегражданских прав. Гарантией того, что в приказе полностью отразились солдатские

---

[1]) «Пролетарск. революция» № 2-3 за 1927 г., стр. 247.

[2]) См. выдержки из протокола заседаний Совета от 1 марта, «Известия» № 3 от 2 марта.

настроения того времени, является самый характер и условия его составления. «Если среди всех актов СР и СД, — говорил Стеклов на всероссийском совещании Советов, — если среди всех документов, носящих подпись Исполнительного комитета, имеется какой-либо, который был подлинным творчеством народных масс, то это был приказ № 1... Это настолько был акт творчества этих масс, что большинство членов ИК и, между прочим, те, которые вели в это время переговоры с Временным правительством, узнали об этом акте, когда он был уже напечатан. Сами солдаты выработали этот акт» [1]).

Если бы составление приказа зависело от инициативы вождей Совета, то, конечно, он никогда бы не увидел света. Сколько усилий понадобилось потом меньшевикам и эсерам, чтоб оправдать себя в глазах буржуазии! Указывалось, что приказ относился только к войскам петроградского гарнизона, что он появился до создания Временного правительства, так что никаких признаков двоевластия в нем не заключается. Сколько речей было посвящено призывам к солдатам слушаться офицеров, «как граждан, поднявших революционное знамя, и оставаться братьями во имя революции русской»! (Чхеидзе.) Было послано специальное воззвание на фронт, раз'ясняющее, что приказ № 1 относится только к петроградскому гарнизону, и во имя «интересов революции» призывающее солдат к послушанию офицерам. «В раз'яснение и дополнение» приказа № 1 выпускается приказ № 2, который был назван «приказом» по просьбе военной комиссии думы для большей его «авторитетности». В нем раз'ясняется, что выборы ротных и батальонных комитетов ни в коем случае еще не означают выборности офицеров. Послушные буржуазии вожди Совета все усилия прилагают к тому, чтобы уничтожить рознь между офицерами и солдатами. Насколько их тревожил этот вопрос, видно также из отношения к выпущенной 1 марта межрайонцами и эсерами листовки к солдатам. Листовка частично отразила те настроения солдат, которые выразились в приказе № 1. Вначале листовка призывает к недоверию Временному правительству, которое ничего не сказало ни по вопросу о земле, ни о мире, ни о сроке созыва Учредительного собрания. «Для того чтобы вас не обманули дворяне и офицеры — эта романовская шайка, — говорит далее листовка, — возьмите власть в свои руки, выбирайте сами взводных, ротных и полковых командиров, выбирайте ротные комитеты для заведывания продовольствием. Все офицеры должны быть под контролем ротных комитетов.

Принимайте к себе только тех офицеров, которых вы знаете как друзей народа.

Солдаты! Теперь, когда вы восстали и победили, к вам приходят, вместе с друзьями, также и бывшие враги офицеры, которые называют себя вашими друзьями. Солдаты, лисий хвост нам страшнее волчьего зуба» [2]).

[1]) «Известия Петр. Совета» № 32. Подчеркнуто мною, *Э. Г.*

[2]) Листовку цитирую по подлиннику, находящемуся в Ленинград. музее революции.

Эта прокламация была немедленно конфискована ИК, а Чхеидзе в своей речи назвал ее прямо провокаторской. Правда, в «Известиях петроградского комитета журналистов» от 5 марта Чхеидзе вынужден был заявить, что его слова о провокационных листках не относятся к листку межрайонки и эсеров. Но сделано это было под давлением т. Юренева и П. Александровича, авторов воззвания. Конечно, выше цитированная листовка была шире приказа № 1. В ней ставился и вопрос о земле, и вопрос о мире, и вопрос о недоверии Временному правительству. Но все же в ней ясно отражены те самые настроения солдат, которые закреплены в приказе № 1. Недаром же Пуришкевич принял слова Чхеидзе о провокационных листках как относящиеся именно к приказу № 1. В своей телеграмме на имя главкозапа и всех главнокомандующих Пуришкевич сообщил, что приказ № 1 «является злостной провокацией, что удостоверено особым об'явлением министра юстиции Керенского и председателя СР и СД Чхеидзе, напечатанном в № 7 «Известий комитета петроградск. журн.» от 3 сего марта» [1]. На телеграмме Рузский надписал: «Пусть об'явят об этом». Но Алексеев оказался умнее, был против сообщения этого факта солдатам, так как приказ № 1, по его мнению, вообще никакого отношения к армии не имел, ибо исходил от Совета, который «к составу правительства не принадлежит». Но все же, заканчивая телеграмму командующим фронтами, Алексеев приписал: «Принимая, однако, во внимание, что [все же этот Совет существует и влияет на решения правительства и что] [2]) газетами все подобные приказы и распоряжения печатаются, чем невольно приводятся в смущение умы, наштаверх признает необходимым ныне более чем когда-либо сближение солдат и офицеров, причем последние должны возможно чаще вести беседы, говорить с солдатами и раз'яснять им сущность происходящих событий и все их недоумения и сомнения» [3].

Все вышеприведенное достаточно ярко говорит и об отношении верхов армии и об отношении главарей Совета к приказу № 1. Все это подтверждает, что приказ № 1 явился результатом творческой инициативы самих солдат, зафиксировавших в нем свои чувства и настроения первых дней революции. Характерно также и то, что солдаты, составляя приказ № 1, обратились в военную комиссию Временного комитета Государственной думы за поддержкой. Вот что рассказывает об этом Энгельгардт: «Поздно вечером 1 марта, когда выяснилось, что весь Петроград находится в руках революционных войск, ко мне в Государственную думу пришли выборные солдаты от приблизительно 20 различных частей петроградского гарнизона и заявили, что они не могут доверять своим офицерам, которые не приняли участие в революционных выступлениях, а посему они требуют издания приказа о производстве выборов офицеров в ротах, эскадронах, батареях и командах.

---

[1]) Военно-исторический архив, дело № 45 штаба главноком. сев. фронта об изменении государств. порядка России, лист. 364.

[2]) Взятое в прямые скобки приписано Алексеевым сверху.

[3]) Воен.-истор. архив, дело № 79, ч. 6, листы 174-175.

Приказ, проектированный ими, много меньше затрагивал основы воинской дисциплины, чем приказ № 1, и касался лишь выборов младших офицеров и устанавливал некоторое наблюдение солдат за хозяйством в частях войск. О моих переговорах с представителями петроградского гарнизона я сообщил Временному комитету Государственной думы, но все члены его, а также Ал. Ив. Гучков (присутствовавший на заседании) категорически воспротивились изданию подобного приказа, находя невозможным сгоряча и наспех решать подобный серьезный вопрос. Несколько позднее ко мне явился член Совета РД (лично мне неизвестный, в солдатской форме) и предложил мне, как председателю военной комиссии, принять участие в разработке приказа, регулирующего на новых началах взаимоотношения офицеров и солдат, на что я ему возразил, что Врем. комитет Государственной думы находит такой приказ преждевременным. На это он повернулся кругом и на ходу сказал: «Тем лучше, напишем сами» [1]). Такова история приказа № 1.

Подводя итоги и возвращаясь к вопросу, который нами непосредственно поставлен, — к вопросу о причинах передачи власти, необходимо констатировать, что эти причины, как указывалось выше, коренились прежде всего в недостаточной сознательности пролетарских и в особенности крестьянских, масс, в «доверчивой бессознательности к правительству капиталистов». Нужен был некоторый промежуток времени, чтобы буржуазная власть изжила себя, преимущественно в глазах солдатских и крестьянских масс. Мы видели, что в первое время политическая активность солдатской массы шла по линии классовой борьбы между офицерами и солдатами и не касалась пока достаточно серьезно вопроса о характере власти, об отношении к Врем. правительству. То же самое относится и к настроениям крестьянства. Линия соглашения и компромисса, проводимая меньшевиками и эсерами, до поры до времени не встречала серьезного сопротивления. Нужны были наглядные практические уроки, чтобы разбить эту доверчивость, исходящую от мелкобуржуазных масс. Поэтому Ленин настойчиво твердит о необходимости длительной, систематической, терпеливой работы по раз'яснению ошибок и тактики Советов. Поэтому Ленин против преждевременного выступления, против немедленного свержения Врем. правительства, за борьбу в н у т р и Совета и отвоевание масс от мелкобуржуазных вождей.

Но, подмечая эту сторону, указывая на недостаточную сознательность и организованность, на повальное увлечение, доверчивость, как на характерные штрихи пролетарской и особенно крестьянской идеологии, нельзя забывать и другой стороны. Доверчивость к правительству капиталистов и вера в мелкобуржуазных вождей Совета были именно временными н а с т р о е н и я м и, настроениями неглубокими и быстро проходящими. Меньшевики и эсеры не имели под собой прочной, крепкой и устойчивой базы в России. Если бы эта база была, то отвоевание масс от мелкобуржуазных вождей могло бы продол-

[1]) АОР. Архив Врем. пр-ва, дело № 84, опись № 2, дело Врем. комитета ГД по организации нового правительства, лист 86.

жаться долгие годы. А это произошло всего в несколько месяцев. Вот этого-то не поняли некоторые товарищи в нашей партии, исходившие из длительности и серьезности этих настроений и потому считавшие преждевременной установку, взятую Лениным на перерастание буржуазной революции в социалистическую.

В своей статье «О тезисах Ленина» т. Каменев писал: «Большинство масс, по мнению самого же т. Ленина, характеризуется покуда «доверчиво-бессознательным отношением к правительству капиталистов». Случайно ли это? Нет. Значит, нам предстоит более или менее длительный период изживания массами «доверчиво-бессознательного отношения к правительству капиталистов» (заметим в скобках, что в других странах этот «период» тянется уже десятилетиями и до сегодняшнего дня еще не кончился свержением буржуазных правительств)» [1]).

Отсюда и шел исходный пункт разногласий партии с т. Каменевым. Ибо, по мнению Ленина, «русская революция марта 1917 года не только смела всю царскую монархию, не только передала власть буржуазии, но и дошла вплотную до революционно-демократической диктатуры пролетариата и крестьянства» [2]).

Это означает, что если недостаточная сознательность и организованность масс способствовали переходу власти в руки буржуазии, то все же русская революция не ограничилась только созданием чисто-буржуазной власти, а ее основное своеобразие, по словам Ленина же, заключалось в том, что она создала двоевластие. Если бы настроение пролетарских масс было бы полностью тождественно настроению мелкобуржуазных вождей, создалась бы чисто-буржуазная власть, не было бы никакого двоевластия. Если же, наоборот, пролетариат был бы достаточно организован и подчинен в полной мере правильному партийному руководству, мы имели бы в первом же этапе демократическую диктатуру пролетариата и крестьянства в «чистом виде». Не получилось ни того, ни другого в отдельности, а создалось чрезвычайно оригинальное переплетение того и другого вместе. Буржуазная власть волею об'ективной обстановки могла существовать только в условиях поддержки ее Советом. А на другом полюсе Совет, могущий получить реальную власть и фактически и юридически, — передает ее добровольно и сознательно со стороны вождей и при «молчаливом согласии» масс.

Таким образом обстановка первых дней Февральской революции выдвинула неизбежность двоевластия. На время было достигнуто известное равновесие. Но характер этого равновесия был весьма неустойчивым. Двоевластие должно было быстро изжить себя, линия соглашения должна была замениться линией борьбы за единовластие одного из основных борющихся между собой классов.

---

[1]) «Правда» от 12 апреля 1917 г., № 30.
[2]) Н. Ленин, Собр. соч., т. XIV, ч. 1, стр. 40.

М. ЮГОВ

СОВЕТЫ В ПЕРВЫЙ ПЕРИОД РЕВОЛЮЦИИ

(МАРТ — ИЮНЬ)

Глава первая

СОВЕТЫ В ПЕРВЫЕ ДНИ

В краткой схеме истории революции 1848 года во Франции Маркс так характеризует ее первый этап:

«Первый период. С 24 февраля до 4 мая 1848 года. Февральский период. Пролог. Опьянение всеобщим братаньем».

Точно так, изменив лишь даты, можно характеризовать и первый период русской Февральской революции.

«Благодушное абстрагирование от классовых противоречий, сентиментальное примирение противоречивых классовых интересов, фантастическое воспарение над классовой борьбой» — то, что Маркс называет лозунгом февральской революции — fraternité, — в известной степени было присуще и началу русской революции.

Неизмеримо более высокая ступень капиталистического развития; наличие прочной пролетарской прослойки; опыт недавно пережитой революции 1905 г.; противоречия, носившие более острый и развернутый характер,—все это не могло не способствовать тому, что иллюзии «всеобщего братанья» и опьянения не захватили страну в такой степени, как во Франции в середине XIX века.

Одним ударом, в одну ночь была устранена застарелая болезнь: царизм и крепостничество. Враг, казавшийся могучим колоссом, оказался опрокинутым в результате незначительного столкновения с петроградским пролетариатом и гарнизоном. И вот эта легкая победа — и в то же время победа исключительно большая по своему историческому значению — опьяняла, возбуждала всеобщие надежды, благодушное отношение к дальнейшему развитию революции, рисовала впереди радостные перспективы. Гниение царизма, полная его неспособность справиться с задачами, поставленными войной, моральное разложение двора бросили в ряды оппозиции и многих представителей дворянства, бюрократии... Кони неудержимо несут к пропасти, — образно оценивал положение России кадет Маклаков. Нужно сменить кучера, сбросить его, если он не хочет уйти, — вторили ему даже из дворянских кругов.

Таким образом и создалось положение, при котором в первый период слились вместе совершенно различные классовые потоки, совершенно противоположные политические и социальные стремления. Эта слитность обеспечила быструю и решительную ликвидацию царизма, но она же и послужила одной из причин преобладания в первые дни

бесформенного радикализма, мелкобуржуазного моря восторгов, оборонческого угара, общего опьянения.

Отличительным признаком всего первого периода русской Февральской революции и явилась бесформенность социально-политической жизни.

Вместе с тем неожиданно быстрое, почти без борьбы прошедшее свержение самодержавия дезориентировало на первое время даже отдельные политические партии. Одно из основных требований программ революционных партий было осуществлено в течение одних-двух суток. Конституционные и более правые партии, выдвигавшие планы преобразования и реформирования монархии, оказывались совсем в нелепом положении.

Полная неприспособленность политических программ всех нереволюционных партий обнаружилась буквально в первый день революции. Перед лицом бушевавшей улицы исчезли в один день все партии правее кадетов, превратившись в правый фланг последних.

Сами кадеты пытались первый день защищать монархию, но даже самый заинтересованный в ней человек, М. А. Романов, считал, что это является в данных условиях безнадежным делом.

Отсутствие крепких партийных организаций пролетариата, неясность политической линии и политических перспектив в среде так называемой «революционной демократии», отсутствие какого бы то ни было общественного опыта у громадного большинства населения России, особенно у огромной солдатской массы, впервые вовлеченной в политическую жизнь, но в силу существовавших условий призванной играть огромную роль в разворачивающихся событиях, — эти обстоятельства также являлись причинами господства социально-политической бесформенности.

Сентиментальное соглашательство, благодушие, неопределеность были так велики, что даже кадеты писали, вернее, считали нужным писать полусоциалистические статьи. Гр. Трубецкой в «Речи» курил фимиам Совету, сама «Речь» 4 апреля приветствовала прибытие Ленина (!), а Изгоев, тот самый Изгоев, который позднее хвастался, что он был единственным у кадетов, кто считал, что столыпинская реформа создает настоящую социальную базу для партии, теперь писал, что «идеал социалистический близок огромному большинству членов партии «народной свободы».

Консолидация всех привилегированных слоев общества увеличила силу контрреволюции. Но, с другой стороны, контрреволюционный союз помещика и капиталиста делал невозможным соглашение промышленной буржуазии даже с буржуазным крестьянством.

Мелкобуржуазные партии тщательно отделяли задачи антикрепостнической от антикапиталистической революции. Они считали, что экономическая борьба масс — требование 8 часов, борьба за увеличение рабочей платы и т. п. — выходит за пределы антикрепостнической борьбы, является борьбой против буржуазии и потому выходит за рамки задач, стоявших в тот период перед пролетариатом.

«Рабочая Газета» давала философию этой тактики. «Тогда (в 1905 г. *М. Ю.*), — писала она, — рабочие вели, кроме борьбы поли-

тической, еще борьбу экономическую. Тогда, как известно, захватным путем был введен 8-часовой рабочий день. Конечно, борьба на два фронта — с реакцией и капиталистами — была не по силам пролетариату... Урок нам дан: на два фронта пролетариату вести борьбу очень трудно. Перчатку, которую бросают нам теперь капиталисты, мы не поднимем. Экономическую борьбу мы начнем тогда и так, когда и как мы найдем это нужным. А теперь мы знаем одно: мы напряжем все силы, чтобы создать свободную и демократическую Россию... для него (рабочего класса. *М. Ю.*) сейчас непосредственно социальные вопросы не стоят на первом плане. Теперь он добывает себе политическую свободу — единственное средство, при помощи которого он успешно может бороться за социализм» [1]).

«Восставший народ,— писала эта же газета в передовице от 10 марта,— быстро занял важные политические позиции. Как же быть дальше? Иные подсказывают: перейти к борьбе за иное требование — восьмичасовой рабочий день на фабриках и заводах. Что это значит? Это значит бросить занятую политическую позицию и перейти на новую, экономическую. Но разве так делают на войне? Нет, там, завоевав позицию, на ней хорошо окапываются, ее старательно укрепляют».

Политическая борьба масс—одно, экономическая—другое. Нужно, пока что, ограничиться только политической борьбой, т.-е. докончить разрушение самодержавия, украсить всякими свободами политическую надстройку, но не трогать экономического фундамента. Установить точно очерченные грани, не допустить переплетения экономической и политической борьбы — вот в чем был политический смысл философии всей меньшевистской тактики.

Между тем, переплетение экономических и политических требований рабочего класса не только вызывалось специфическими особенностями того времени, когда тесно переплелись две революции, но и само по себе вообще являлось неизбежным — и положительным — спутником всякого широкого массового революционного движения.

Старательно отделяя экономическую борьбу от политической, требование восьми часов от требования республики, проводя мысленный водораздел между буржуазной и социалистической революцией и не считая возможным ни в каком случае переступать схоластически установленную ими границу между этими революциями, мелкобуржуазные социалисты были обречены на беспомощное топтанье на месте.

Идеология этих «революционных» партий в лучшем случае играла консервативную роль — она старалась удерживать массы на занятых уже позициях. Но слияние двух революций, в обстановке международной империалистической войны, обусловило невиданную остроту противоречий, чрезвычайную сложность и запутанность социально-политической обстановки.

События развивались с исключительной быстротой, между тем все партии, даже пролетарская, не только не форсировали событий, но едва

[1]) «Рабочая Газета» от 9 марта, статья «1905—1917 гг.».

поспевали за ними. Партийная идеология, политическое содержание выдвигавшихся в первый период лозунгов, намечавшиеся перспективы развития революции, оценка социального ее характера, тактическая линия, устанавливавшаяся в зависимости от перспективы и оценки, — все это поступательным движением революции оказалось превзойденным в довольно короткое время. Даже партия пролетариата в период до появления ленинских тезисов не могла приспособиться к исключительно быстрому темпу развертывания пролетарско-крестьянской революции. Меньшевики же и мелкобуржуазные социалисты вообще оказались привязанными к хвосту революции и волоклись ею к той самой социалистической революции, которую они об'явили запретной.

Но первые недели в известной степени явились периодом чистой антикрепостнической революции в стране. В эти недели блок мелкой буржуазии и пролетариата имел в общем однородные задачи, задачи ликвидации царистского наследства. Советы и явились в этот период наилучшей, наиболее организованной формой блока этих двух революционных сил страны. В них и через них осуществляется революционное творчество масс.

Социально-политическая аморфность этого, если можно так сказать, предпериода революции оказала сильное влияние на Советы и на пролетариат.

Бесформенность Советов сильно проявлялась даже в таких центрах, где инициаторами и организаторами Советов явились партийные группы. Лучшим примером этого являются столичные Советы. В Москве, как излагал положение дел т. Смидович на апрельской конференции большевиков, «образовался большой и в классовом отношении совершенно неоформленный СРД... Мы очистили СРД от случайных элементов (лабазников, лавочников и т. д.), оставив чисто пролетарский состав. Вначале фракции не были резко обособлены, и в общем Совет был без особенно определенной физиономии, так как большая часть рабочих была без определенной, политической окраски». В Петрограде политическая бесформенность в значительной степени определялась составом Совета— 450 тысяч рабочих имели в два с половиной раза меньше представителей, чем 150 тысяч петроградского гарнизона (по положению рабочие выбирали делегата на тысячу, а солдаты на роту). Исполнительный комитет Петроградского Совета в такой же степени отражал эту бесформенность, только с другой стороны. Состав Исполнительного комитета был несомненно в первые дни значительно более левым, чем солдатско-рабочий Совет. Из списка в 39 членов ИК, опубликованного в «Известиях», от 29 марта, было 11 большевиков и примыкающих к ним и 5 интернационалистов типа Суханова-Стеклова, т.-е. «левый» блок составлял немного меньше половины ИК. Солдатское же большинство, весьма левое в своих профессионально-солдатских вопросах, в вопросах политических было настроено значительно правее. Иногда получались любопытные казусы — голосование против «Займа свободы» неизменно собирало в ИК больше трети голосов, между тем, когда вопрос был вынесен на пленум, оппозиция собрала лишь около двадцатой части (из почти двух тысяч членов Совета, голосовавших на пленуме 22/IV за «Заем свобо-

ды», все левое интернационалистическое крыло сумело собрать 112 голосов [1]).

Эта же бесформенность сказалась и на ряде других моментов. Политически ответственнейшие доклады на Петроградском Совете поручались случайно подвернувшимся лицам. Даже на всероссийском совещании Советов четыре весьма серьезных доклада были поручены «околопартийным» людям (Суханов, Стеклов, Венгеров, Громан). Столичные советские оффициозы — «Известия» Петроградского и Московского Советов имели: один неопределенно полубольшевистскую, другой — совсем большевистскую редакцию. Только в мае — в Петрограде в начале месяца, в Москве в конце — «Известия» переходят в руки советского большинства.

Господство политического и социального сентиментализма в первое время усиливалось и тем, что блок мелкой буржуазии и пролетариата в Советах имел перед собой вначале задачи, реально-разрешимые в пределах буржуазно-демократической революции, выполнение их не затрагивало основ буржуазного господства. Таковы были почти все вопросы, служившие предметом разногласия в первый период (до кризиса 20 — 21 апреля) между Петроградским Советом и Временным правительством (династические вопросы — об отречении Н. А. Романова и регентстве Михаила Александровича, об устранении Н. Н. Романова, об аресте царской фамилии и недопущении ее отезда в Англию, все спорные вопросы о форме правления, о месте и сроке созыва Учредительного собрания, о частичной смене командного состава, о пропуске эмигрантов, допущении вывоза советских газет за границу и т. д.). Самое разрешение поставленных задач давало мало возможности выявить классовые грани; социальные противоречия оставались еще в неразвитом состоянии.

В консервировании этой неразвитости общественных противоречий были заинтересованы определенные политические группы, определенные классы. Развитие противоречий, т. е. дальнейшее развитие революции, угрожало господству этих групп и классов, угрожало срывом войны, в продолжении которой эти классы были непосредственно заинтересованы.

Политическая путаница, обывательское отношение к предстоявшей борьбе, детская восторженность являются отличительными признаками и для всех провинциальных, в том числе и для крупных Советов. То, что Свердлов сообщал на партийной конференции об уральских Советах, было применимо и вообще ко всем Советам того периода — «там, где была прочная нелегальная организация до революции, Советы были образованы под ее непосредственным влиянием, там же, где наши организации образовались уже после создания Советов, последние носят весьма неопроделенную и расплывчатую политическую физиономию».

---

[1]) Точно так же было и на соединенном заседании Петроградского Совета и советского совещания 31 марта. Резолюция о войне, принятая на совещании против более 50 интернационалистских голосов, прошла на соединенном заседании подавляющим большинством всего при 70 голосах против и воздержавшихся.

В Туле, крупном рабочем центре, царила такая же бесформенность и беспомощность как в каком-нибудь глухом уездном центре. Лучшим примером этой атмосферы может служить следующий факт. «Городской голова Смирнов, которого хотели арестовать, как бывшего губернаторского чиновника, ловко вышел из положения, предложив избрать в Исполнительный комитет представителей от Всероссийского союза городов. Предложение было принято, и он оказался выбранным в комитет, так как другого представителя от союза в Туле не было» [1]). На примитивности политических актов местного Совета отражался крестьянский состав многочисленного тульского пролетариата. Еще более выделяется полной бесцветностью политической и общественной жизни Курск — типичный обывательский город, губернский центр с многочисленным чиновничеством, но почти без рабочих. В первые дни здесь возник временный комитет городской думы, в котором активно участвовал даже курский вице-губернатор Штюрмер, сын небезызвестного министра. Характерно, что Совет долгое время не создавался (вернее, в марте организовался сначала офицерский Совет, затем реорганизованный в офицерско-солдатский Совет). Среди рабочих затем возникли горячие прения по поводу создания собственных классовых организаций, одни стояли за организацию «Народного совета», другие за создание Совета рабочих депутатов. В результате в конце марта был созван «Народный совет». Правда, он просуществовал очень недолго, уже 5 апреля был организован Совет рабочих и солдатских депутатов, но и Совет существовал одно время с «Комитетом народного совета» [2]).

Самый состав первых Советов, даже наиболее крупных, был в большинстве беспартийным, часто вообще аполитичным, большевики играли в Советах очень незначительную роль и были весьма немногочисленными. Ряд воспоминаний указывает, например, на то, что первый состав Нижегородского Совета Р. Д. был аполитичен, во втором господствовали меньшевики и эсеры и только в третьем составе большевики. Точно так же было и в Туле. Автор очерка истории 1917 года в Туле рассказывает о первом составе Совете следующее: «В партийном отношении он был пока еще неопределившимся, так как при выборах делегатов посылали не по партийной принадлежности, а как людей известных рабочей массе». «Совет Р. и С. Д., сконструировавшийся на второй день революции, в момент общего революционного под'ема и энтузиазма, в политическом отношении был абсолютно беспартийным». В Саратове Совет в политическом отношении, — говорит в своей книге Антонов-Саратовский,— представлял недиференцированную массу, революционно настроенную. Диференциация по партийной принадлежности произошла уже только в Совете второго созыва.

Даже в Луганске, большевистской крепости Донбасса, проявились в сильной форме меньшевистское засилье и политическая бесформенность.

---

[1]) В. Михайлов, Демократическая дума в Туле в 1917 г., «Революционное Былое», № 3, стр. 73.

[2]) «Летопись революционной борьбы в Курской губернии», Материалы курского истпарта.

В Совете насчитывалось 10 — 15 большевиков, и их выступления тонули в гуще шовинистического воя всего Совета», — пишет в своих воспоминаниях Ворошилов [1]). Политическую физиономию большинства Совета лучше всего определяет тот факт, что вопрос о праздновании 1 мая вызвал большие споры и был решен большинством всего только в один голос. Только к июню-июлю на новых перевыборах Совета большевики получили большинство (до 95% все мест).

В Юзовке «С. Р. Д. собрался 5 марта. Депутатов в Совете было более 300 чел., из них меньшевиков 20 и большевиков не более 4. В составе Совета было много начальников цехов, и даже технический директор завода стал начальником милиции, которому и поручено было «организованно разоружить полицию». На Совете выбрали Исполнительный комитет, куда в большинстве вошла солидная публика, как то: начальники цехов и старики, стоящие в большинстве вне политики, — «бородачи». Нас, молодежь, в Исполком не пропустили. Вошло несколько человек лидеров с.-д партии (все меньшевики). Исполком показал себя при поддержке Совета в скорости чисто оборонческим, большинство же членов Исполкома вскоре «по моде» об'явили себя эсерами» (Ф. Зайцев, Октябрь в Юзовке. Сборн. «Октябрьская революция» первое пятилетие, Харьков, 1922 г., стр. 619, см. также его же ст. в Летописи Революции», № 4, 1925 г.).

В крупнейших Советах пролетарская партия в первый период имела очень небольшую группу своих членов, в первом составе Саратовского Совета большевиков было только 15 человек, в Тульском — 20 — 25 человек, в Харьковском Совете в первом составе из 900 депутатов, большевиков было только 40, в Екатеринославе на первом заседании Совета присутствовало 14 большевиков, в Бакинском Совете большевики из 300 мест имели 20 — 25, в Киевском Совете из 300 — 400 депутатов было 50 — 60 большевиков, в Екатеринодарском Совете из 240—250 депутатов большевиков было до 30 человек, в Николаеве из около 500 депутатов большевиков было человек 15. Во многих, далеко не мелких, Советах большевики-депутаты появляются только в июне-июле (Винница, Калуга, Севастополь, Житомир и др.), а в таких Советах, как Тамбовский, только перед самой Октябрьской революцией появляется оформленная большевистская фракция.

Руководство в Советах в первые дни часто принадлежало случайным людям, иногда без всякой политической и революционной школы. Выборы председателя происходили стихийным путем; избирался чаще всего популярный работник, вне зависимости от его политической ориентации, часто совершенно не отражавший политических настроений большинства в Совете. Так, в Баку, Гельсингфорсе, Самаре, Саратове, Херсоне, Минске, Нижнем председателями Советов избираются большевики. В ряде провинциальных Советов, даже в таких крупных, как Н.-Новгород, Тула, Рязань, Орел, Шуя, Юзово, в Совет допуска-

---

[1]) Ворошилов, Из недавнего, бесконечно далекого, прошлого, сборник «Октябрь 1917 г.», Ростов н/Д., 1921 г. О Луганске, см. еще ст. Каменского в том же сборнике, ст. И. Николаенко в Харьковск. сб. «Октябрьск революция, первое пятилетие».

ются представители от высшей администрации, в Нижнем же даже чуть ли не представители от предпринимателей [1]). В ряде Советов первое время существуют даже кадетские фракции (Херсон, Евпатория; в Харбине в первые дни марта кадет, член Совета от врачей, стоял даже во главе Совета; в Одессе еще в начале мая от кадетов в Совет являлись представители с запросами, почему их не пригласили на совещание Советов и социалистических партий).

Другими признаками «бесформенности» была расплывчатость самой структуры Совета, недиференцированность задач, разнородность функций. Круг деятельности их настолько велик, что Советы выполняют задачи профессиональных организаций, партийных, культурных, продовольственных и очень часто, — даже не разбиваясь на комиссии, либо выделяя одну, две.

Полная неорганизованность работы Совета и Исполкома отражалась на характере их заседаний. Вот как, например, характеризует заседания одного из крупнейших провинциальных Советов П. Лебедев: «Заседания Исполкома, происходившие ежедневно, были довольно беспорядочны. Не было никакого плана работ. Ставилась масса вопросов, но это все были случайные, откуда-то ворвавшиеся вопросы, часто очень мелкие. Было много жалоб, заявлений со стороны массы» [2]). Эту характеристику можно отнести к громадному большинству Советов. Вот, к примеру, вопросы, стоящие в порядке дня заседания Исполнительного комитета Омского Совета раб. и солд. депутатов 5 июня: доклад об отказе некоего Башкирева вступить в исполнение обязанностей заведующего технической частью отдела сенных заготовок; заявление женщин о непорядках в очередях; вопрос о жаловании в 50 рубл. члену Совета; об игре в веер в Коммерческом клубе и Общественном собрании; о командировании представителей в комитет по отсрочкам [3]).

Проявлением той же политической бесформенности был об'единительный угар и нежелание фракционного оформления, которые сравнительно долгое время господствовали в рабочих массах (особенно в провинции, где темп событий был значительно замедленным) и в Советах. Только 9 марта собирается фракция большевиков Петроградского Совета, но на нее являются всего 40 человек (из них, характерно, всего 2 — 3 солдата); в Москве же на первое собрание фракции 13 марта явилось только человек 15, занимавшихся главным образом обсуждением вопроса о целесообразности фракционного обособления.

Первое время, пишет Игнатов, «все вопросы разрешались в Исполнительном комитете без всякого деления по фракционной линии». «Фракции никто не организовывал, да у рабочих было настроение, не особенно благоприятное для фракционной работы. Это настроение было сильно не только среди беспартийных, но и среди партийных товари-

[1]) См. Протоколы пленарного засед. Моск. обл. бюро СР и СД, Владимир, 1917 г.

[2]) П. Лебедев, Февраль-октябрь 1917 г. в Саратове, «Пролет. револ.», № 10, 1922 г.

[3]) АОР Ф. XXX, серия Д. 8, папка № 39, Из протокола Омского исполкома, находящегося в архиве Иногороднего отдела ЦИК.

щей». Такое же положение было у меньшевиков и у эсеров, у которых во фракции было еще меньше членов.

В провинции первое время социал-демократические организации в ряде городов были об'единенными (только в таких центрах, как Харьков, Екатеринослав, Киев, Луганск, Ростов н/Д., Саратов, Самара, Казань, Гельсингфорс, с самого начала существовали самостоятельные большевистские организации). На Урале, например, к концу апреля положение, судя по докладу Свердлова, было такое: «Обособленных организаций на Урале нет, имеются об'единенные организации интернационалистов. Линия об'единения — только на почве Интернационала. Меньшевики на Урале все время шли с нами и работали вместе. Из 63 делегатов, бывших на конференции, 57 было большевиков, 6 меньшевиков, из которых 3 интернационалиста».

В Москве на конференции в середине апреля были представлены 21 провинциальных организации, из них 11 были определенно большевистскими, а в 3 были об'единены большевики и интернационалисты, в 5 об'единение распространялось и на оборонцев, две организации носили неопределенный характер. На Украине еще в середине июня в таких крупных партийных организациях, как в Одессе, Николаеве, Елисаветграде, Полтаве большевики сотрудничали с оборонцами. Даже в таких рабочих центрах, как Екатеринбург, Пермь, Тула, Н.-Новгород, Сормово, Коломна, Юзовка, отделение партийной организации произошло в конце мая; в Баку, Златоусте, Бежецке, Костроме — только к концу июня. В Сибири, в Красноярске, издавна служившем оплотом большевизма, только незначительная часть большевиков отделилась, большинство же предпочитало сотрудничество с меньшевиками. На более далеких окраинах и в более глухих местах совместное сожительство меньшевиков и большевиков затянулось до более поздних времен. В Чите к концу сентября выделилась только интернационалистская организация типа «Новой Жизни». В Омске, Хабаровске, Харбине, Астрахани, Владикавказе самостоятельная большевистская организация выделилась только перед октябрьским переворотом, в Ташкенте — даже после октября: в декабре 1917 г.

Наилучшим же выражением расхлябанности первых дней являлась партия эсеров. Вернее, сама партия эсеров являлась продуктом периода политической бесформенности. Вобравши в себя огромные массы, она тем не менее оставалась, по чьему-то меткому выражению, грандиозным нулем. Сам ЦК эсеров так характеризовал ее состояние в 1917 г.: «Партия была пестрым конгломератом из всех течений, выплывших на поверхность революционной России».

Неопределенность политических принципов и тактической линии эсеровской партии, ее широта, столь же неопределенные и широкие, но многообещающие лозунги, террористическое прошлое, даже самое ее название привлекало массу.

К ней тянулись совершенно разнородные элементы: политически неопытный рабочий, предпочитающий «революционных» социалистов «демократическим», интеллигент-либерал, в дни своей молодости имевший отношение к революции, учащаяся молодежь, искавшая в каждом

эсере Желябова и Перовскую, адвокат, не имевший солидной клиентуры, зажиточный крестьянин, кооператор, приказчик, учитель; особенно много шло в партию офицеров. Вот, например, как один бывший командир полка и повидимому бывший эсер описывал местную эсеровскую организацию: «Другие, более правые партии в Севастополе и вообще в Крыму ничем сколько-нибудь заметным себя не проявили, и офицерство тем внимательнее прислушивалось к эсерам, сознавая, что они зовут не к разрушению, а к созиданию» [1]). Неудивительно, что даже генералы, желавшие жить в мире с солдатами, записывались в эту поистине «интегральную» партию.

Вполне понятно, почему первые голосования на основе четыреххвостки доставляли такой ошеломляющий успех этой партии. Голосование за эсеров освобождало от необходимости точно определить линию своего политического поведения.

Но удельный политический вес эсеровских организаций был весьма мизерен. В Гельсингфорсе, несмотря на то, что в организации насчитывалось до 25 (!) тысяч эсеров и в Совете они имели огромное большинство, политическая линия в большинстве случаев определялась большевистской партией, и даже во главе Совета стоял большевик. Такое же положение было и на ряде заводов. На Треугольнике в Петрограде, где работало 16 тысяч человек, в эсеровской организации насчитывалось от 3 до 5 тысяч членов партии, однако на выборах в Совет большевики из 16 мест получили 11. На Сормовском заводе из 25 тысяч рабочих 5 тысяч было записано членами партии эсеров, но, как и на Треугольнике, эсеры не играли определяющей политической роли [2]).

Прекрасным дополнением к культу эсеров был культ Керенского [3]). «Цветистый адвокат оказался ближе и понятнее всех всероссийской обывательщине. Защитник по политическим делам, «социал-революционер», который стоял во главе трудовиков, радикал без какой бы то ни было социалистической школы, Керенский полнее всего отражал первую эпоху революции» (Троцкий).

---

[1]) Ст. Кришевского, В Крыму, «Архив русск. револ.», т. XIII, стр. 90.

[2]) Как записывали в партию эсеров, очень хорошо описано в «Воспоминаниях матроса» Н. Ховрина: «До июльских дней вся матросская масса, или, вернее, огромное ее большинство, очень мало понимала смысл политических партий, очень легко было приехать какому-нибудь юркому агитатору, в особенности из эсеров, и сейчас же записать в ряды партии десятки тысяч человек новых членов. Конечно, такие члены оказывали для партии очень мало услуг. Они служили лишь ступенью агитатору для получения какого-либо места в общественной организации. Очень часто матросы, именующие себя эсерами, ратовали за большевистскую платформу, не подозревая, что они идут вразрез со своей партией, в которую они записались всего лишь несколько недель тому назад.

Подобное непонимание программ и тактики политических партий создавало неразбериху, так многие, видя как матросы эсеры быстро превращались в большевиков, ошибочно приписывали это легкомыслию и изменчивости народных масс». (Н. Ховрин, В 1917 г. во флоте, «Красная Летопись» № 5/20), 1926 г., стр. 6.

[3]) Культ Керенского наверху опирался на культ маленьких Керенских внизу. В составе московской думы, где 80% было социалистов, на 27 рабочих было 38 адвокатов и судей. Адвокатов же, инженеров, врачей, профессоров,

В основном бесформенность того периода отражала классовое строение страны. То была бесформенность мелко-буржуазных масс, которые в силу своего классового положения вынуждены были колебаться между Сциллой и Харибдой мира, хлеба, земли, национального раскрепощения, что могла принести только пролетарская революция.

Но в атмосфере этой недостаточной определенности классовых отношений, неполного размежевания различных партийных групп, в атмосфере господства мелко-буржуазных иллюзий и партий ни на минуту не приостанавливался процесс революционного творчества масс.

Изумительным являлось не преобладание мелко-буржуазного, соглашательского социализма, «надклассовой» точки зрения, а гигантский размах революции, гигантски-быстрый темп ее развития, гигантски-быстрое развитие заложенных в глубочайших недрах страны противоречий.

Политическая расплывчатость быстрее всего исчезала в пролетарских центрах, в рабочем классе. В отдельных, наиболее передовых слоях пролетариата, наиболее классово воспитанных, в отдельных пролетарских районах чисто классовая большевистская линия была очень четко представлена. Выборгский район, который Петербургская охранка еще в 1915 г. характеризовала, как «особо беспокойный и при нормальной обстановке», наиболее показателен. Полное преобладание большевиков на почти всех без исключения предприятиях делало его настоящей большевистской крепостью. Знамя пролетарской диктатуры развевалось здесь еще с 27 февраля.

* * *

Незачем и говорить, что не только бесформенностью исчерпывалась социально-классовая характеристика Советов. Напротив, бесформенность была тем фоном, той атмосферой, в которой первоначально только и могло проявиться революционное строительство миллионных масс, сразу разбуженных революцией и только постепенно втягиваемых в ее действие. Наиболее ясное и четкое классовое размежевание могло бы произойти только в чисто пролетарской революции. Напротив, чем большая роль принадлежит в революции промежуточным классам и группам, чем они многочисленнее, тем, в первый период, неизбежно более расплывчатый, бесформенный, недостаточно в классовом отношении определенный характер будут иметь события.

литераторов и т. д. было 100 человек; рабочих, торговых служащих, солдат, ремесленников, техников, фельдшеров—40 человек. Но что городская дума! Вот в апреле на всероссийской конференции железнодорожников избрали Исполн. ком. из 15 чел., где было 4 энеса, 3 эсера, 1 украин. самостийник, 4 меньшев., 3 беспартийных (половина — коллег Керенского и ни одного кадета, ни одного большевика!). По профессиям этот Исполн. комит. всероссийских железнодорожников состоял из 4 юристов, 2 инженеров, 2 представителей высшей администрации, 2 бухгалтеров, 1 телеграфиста, 1 машиниста и только 3 рабочих. Что это был за с'езд, можно судить по тому что ⅓ делегатов конференции состояла из представителей высшей администрации, 33% по анкетным данным имели месячный заработок выше 300 рублей. Только в конце мая по инициативе большевиков был организован классовый союз железнодорожников.

Так и было в русской революции 1917 года. И тем не менее Советы уже в этот период выполняли огромную, совершенно исключительную по размерам и об'ему революционную работу.

Огромное большинство Советов было организовано в первые недели марта. В крупных центрах, в фабрично-заводских городах и поселках организация Совета идет параллельно с организацией общеклассовых органов — общественных, гражданских и прочих комитетов. Также и в тех местах, где имелись партийные социалистические организации, немедленно по получении первых сведений о происходящих в Питере событиях давался лозунг организации Советов (в ряде мест, однако, меньшевики выдвигали, в первую голову, организацию общеклассовых учреждений).

В более мелких и менее промышленных центрах первые несколько дней рабочие ограничиваются представительством во всякого рода общественных комитетах и затем лишь создают собственные классовые организации.

Еще позже появляются Советы в глухих уездных городишках, в мелких центрах, местечках, крупных селах. Крестьянские Советы организовывались обычно еще позже, и вообще число их в первые месяцы революции было невелико.

В течение марта месяца почти во всех губернских городах и промышленных центрах, а также в большинстве уездных городов Советы уже существовали. К тому времени, можно считать, Советы представляли огромное большинство рабочего класса. Наиболее полный охват был, естественно, в центре. На московской областной конференции Советов 25 — 27 марта, помимо Москвы, где Совет представлял до 400 тысяч человек, на конференции было представлено 715 фабрик с 1 040 тыс. рабочих из имевшихся в 63 пунктах, по данным анкеты, 760 фабрик с 1 260 тыс. рабочих. Всего было представлено 70 Советов рабочих депутатов и 38 Советов солдатских депутатов. На киевском областном С'езде Советов в апреле месяце было представлено 80 Советов (Полтавская — 21, Подольская — 19, Киевская — 15, Черниговская — 12, Волынская — 12), в Самарской губернии уже к середине марта были образованы Советы рабочих депутатов в уездных городах Новоузенске, Покровске, Балашове, Бузулуке, а также в Тимашеве, Абдулино, на ст. Иващенкова, на Богатовском сахарном заводе [1]). В Донбассе организация Советов шла несколько медленнее — на бахмутской конференции Советов раб. и солд. деп. шести районов Донецкого бассейна 15 — 17 марта было представлено 48 советов с 187 тысячами рабочих, между тем двумя месяцами позже на конференции Советов одного только района — Юзовского — было представлено уже 43 Совета с более чем 200 тыс. рабочих.

Конечно, были отдельные, даже губернские города, где Совет организовался в начале апреля, но зато гораздо больше было мелких городов и даже сел, где рабочие Советы появляются еще в марте месяце (так было, напр., в Кунгуре, Бендерах, Стерлитамаке, Белгороде, Луге, Карсе,

---

[1]) «Известия Самарского С. Р. Д.», № 7 от 18 марта.

Чебоксарах, где по инициативе рабочих мелких предприятий выделяется Совет рабочих депутатов).

Как общее правило, однако, в марте организация Советов захватывает только более крупные и промышленные центры, и только в апреле — мае Советы широко распространяются по периферии.

В этой широкой полосе организации Советов роль партийных организаций ограничивалась проявлением инициативы в создании Советов, в придании Совету более четкого характера классовой организации, в способствовании быстрому оформлению. Но нигде в первое время партийным организациям не удается взять в свои руки целиком руководство Советом, в первое время Совет, в представлении беспартийной массы (да так оно фактически и было) — стоит над партиями, а не руководится ими.

Движение с первых же дней оказалось столь могучим, в него оказались втянутыми столь огромные массы населения, что полуразгромленным и обескровленным партийным организациям было не под силу организационно справиться с этим движением.

Параллельно с пролетариатом организовывалась и буржуазия.

Общей формой организации буржуазных и мещанских групп населения являлись так называемые общественные комитеты, обывательские, гражданские, комитеты общественной безопасности и так далее.

Они обычно составлялись путем присоединения к местным цензовым самоуправлениям представителей различных общественных организаций.

Всюду, где существовали Советы, последние представляли в этих общеклассовых организациях рабочее население. В тех местах, где Советы еще не были организованы, рабочие посылали своих представителей непосредственно в общественные комитеты.

По вопросу о размере рабочего представительства нередко возникали прения, Советы не удовлетворялись предоставленным им количеством мест и требовали его увеличения. Обычно в таких случаях расширение советского представительства происходило без особых затруднений. Но общее количество рабочих представителей не превышало трети мест общеклассовых органов.

Передача Советом власти в Петрограде Временному правительству и «самоограничение» контрольными функциями были восприняты на местах как политическая директива; с различными вариациями эта тактика копировалась и в провинции. Власть принадлежала комитету общественных организаций, либо какому-нибудь другому буржуазному комитету, а Совет видел свои задачи в наблюдении за этими комитетами и толкании их дальше по пути демократических преобразований.

Широко распространилась идея представительства от местных Советов во все существовавшие тогда учреждения, с'езды и т. д. Число представительств иногда бывало очень велико — Московский Совет, например, имел представительство в 34 правительственных и общественных учреждениях. Делегаты Совета являлись: и тогда, когда их никто

не просил, санкционировали постановления, отменяли их, подымали новые вопросы.

В зависимости от силы Советов на местах «наблюдение и толкание» осуществлялось различным образом: кое-где Советы были настолько слабы, что не играли в первые дни вообще никакой роли, не могли даже найти для себя постоянного помещения, в иных местах уже в самом начале революции Совет имел такое значение, что добивался изменения руководящего состава буржуазных комитетов, их большей демократизации, а иногда и завоевывал буржуазный комитет.

В буржуазные комитеты входили обычно представители таких учреждений, как городской думы, городской управы, военных организаций (начальники военных гарнизонов, воинских присутствий, представители штабов — их участие должно было демонстрировать присоединение армии к перевороту), судебных и т. д.; словом, эти комитеты не были даже буржуазно-*демократическими* организациями, а являлись органом цензовой общественности, несколько разжиженным представителями рабочих, кооперативов и т. д.

Хотя все представители цензовой буржуазии в те дни записывались в республиканцы, а очень многие об'являли себя эсерами, но это не мешало им служить тормозом всяких демократических реформ на местах, препятствовать даже буржуазно-демократическим начинаниям. Контрреволюционность русской буржуазии даже в отношении чисто-буржуазной революции сказалась в этот первый период целиком.

В этот период Советы хотя и имели своих представителей в составе буржуазных комитетов, но и внутри и вне этих комитетов вели с ними борьбу. Представительство Советов в этих комитетах первые недели имело скорее характер давления (здесь речь идет, понятно, не о суб'ективных намерениях тогдашних руководителей Совета, а о том об'ективном положении, в которое Советы были поставлены).

Первый период Февральской революции — можно считать, первые две недели (речь идет о городе) — был периодом непрерывного столкновения народных масс с буржуазией, Советов с буржуазными комитетами, и именно поэтому это был период непосредственного, массового и стихийного участия народных масс, периодом проявления народного творчества.

Для местных Советов общими являлись три следующих задачи: 1) организация рабочих масс, 2) ликвидация полиции, жандармерии, установление гражданской либо рабочей милиции, устранение наиболее злостных представителей старого режима и 3) продовольственное дело.

Революция неизбежно должна была направить свои первые удары против старого государственного аппарата. Процесс этого разрушения был потом заторможен, но далеко не приостановлен, большинством Петроградского Совета и Временным правительством. Захватив центральный аппарат, обновив только его верхушку, крупная буржуазия категорически требовала от мелкой сохранения целости и единства «российской государственности», т. е. сохранения в неприкосновенности эксплоататорского аппарата правящих классов.

Столкновения Совета и общественных комитетов всюду происходят вокруг одних и тех же вопросов — вокруг арестов, обысков, разоружений и вооружений, т. е. вокруг вопросов об устранении агентов самодержавия на местах и мер, гарантирующих от реставрации.

Такие столкновения, повидимому, были в большинстве местных Советов. Интересно события первых дней революции проследить по нескольким отдельным Советам.

В Харькове Совет Р. Д., организованный 2 марта, уже на следующий день выпускает свои «Известия». Охрана города, пригородов, заводов перешла в руки немедленно организовавшейся рабочей милиции. В первые же дни Совет изменяет состав старых продовольственных органов. Вся власть первую неделю принадлежит Совету, только 6 марта Совет прекращает всеобщую забастовку в городе.

В Одессе уже 2 марта создается инициативная группа по созданию Совета, на первом же заседании Совета присутствовали и многочисленные представители армии и флота. Помимо представительства в Исполнительном бюро общественного комитета, Совет послал своих представителей в ряд комиссий, причем не только в такие, как продовольственную, следственную комиссию по отсрочкам, комиссию при градоначальстве и при воинском присутствии, но и в такую, как... театральную. По настоянию Совета была произведена замена полиции милицией, а в первые же дни Советом была организована рабочая милиция, насчитывавшая до 1 000 человек. Совет выработал положение, по которому каждый рабочий-милиционер должен был определенное время дежурить, и установил оплату за дежурства. Буржуазия и командный состав всячески препятствовали вооружению рабочей милиции, но после неоднократных настояний Совета ее удалось вооружить.

В Николаеве Совет играл еще большую роль, чем в Одессе, и фактически руководил всей жизнью города. На первом же собрании Совета, организовавшегося до появления буржуазного комитета, было постановлено разоружить полицию, освободить арестованных и т. д. В организовавшийся Общественный комитет вошло 40 представителей С. Р. Д., 15 представителей Сов. военных депутатов и только 30 представителей старой городской думы; таким образом, Совет располагал большинством голосов и в официальном органе власти. Но председателем этого Комитета (и градоначальником) правительством был утвержден старый председатель городской думы. Хотя, говорит в своей статье председатель Совета Я. Ряппо, «оба Исполнительных комитета (т. е. и Совета и Общественного комитета) приняли у нас формулу доверия Врем. правительству и позицию обороны революции от германского империализма, но в то же самое время мы не могли ни представить, ни допустить, чтобы у нас в Николаеве власть осуществлял Общественный комитет с г. Леонтовичем во главе». После недолгой борьбы Совет удалил вышеназванного председателя и фактически, особенно после об'единения с Советом военных депутатов, явился единственным органом власти.

В Н.-Новгороде уже 1 марта был организован обывательский комитет из 53 человек, 12 мест в нем было предоставлено рабочим. По

их настояниям количество рабочих представителей было увеличено до 24. Совет был организован 3 марта. Немедленно по организации Совета представители рабочих предложили обывательскому комитету арестовать активных деятелей старого режима. Из-за саботажа последнего все аресты были произведены самими рабочими (часть арестованных, напр., местного прокурора, пришлось по телефонограмме Керенского освободить). Организацию милиции взял на себя Совет. Настроение обывательского комитета в большинстве было монархическим. Так, на заседании Испълн. комитета представителей общественных организаций и местных предприятий 3 марта посылка телеграммы Временному правительству о том, что настроение против монархии, была принята 44 голосами против 30. Тем не менее Совет принимает на себя ответственность за передачу власти этим элементам, и его представители подписывают вместе с управляющим губернией воззвание, в котором предлагается председателю управы вступить в начальствование уездом и городскому голове в управление городом. Единственная уступка революционным элементам в воззвании — приостановление административных функций земских начальников [1]).

На Урале мы наблюдаем чрезвычайно любопытную картину — если в крупных городах Совет обычно организовывается параллельно с общественным комитетом, то на заводах, рабочих местечках и т. п. Совет сам организовывает общественный, гражданский либо иной комитет. Почти всюду на Урале, за исключением крупных городских центров и раньше всего Перми, Совет не только является фактической властью, но и единственным носителем ее. Деятельность Совета, как и всюду, начинается с разоружения полиции и организации милиции, с организации отделов Совета, комиссий и с вмешательства в продовольственную работу. Интересно заметить, однако, что если в большинстве случаев разоружение полиции и организация милиции протекали уже после организации Совета и его оформления, то здесь разоружение полиции, формирование рабочей милиции и организация Совета идут рука об руку. Весть о перевороте проникла на Урал довольно поздно, в связи с этим и Советы организуются позднее, чем в других районах: в Перми Совет Р. Д. был организован в ночь на 5 марта (на этом собрании, помимо предприятий Перми, были представлены и Мотовилиха, Лысьва, Чусовая, поэтому и избран был там организационный комитет Уральского С. Р. Д.); в Уфе — в ночь на 6 марта, в Екатеринбурге — 6 марта. Одновременно с движением в крупных центрах поднялись и отдельные заводы. В Лысьве еще в ночь на 4 марта был организован Совет Р. Д., 4 марта уже была разоружена полиция и организована милиция, численностью до 200 чел. Совет немедленно разослал своих представителей по окружающим заводам и волостям. В Мотовилихе уже 5 марта начала организовываться милиция, организованный Совет об'единял до 23 тыс. рабочих. На Невьянском артиллерийском заводе разоружение полиции началось еще 4 марта,

---

[1]) «Материалы по истории революц. движения в Н. Новгороде», гл. VI, ст. Драницына, т. II, ст. В. Илларионова.

Совет был созван 6 марта, тогда же была организована милиция, во главе которой были поставлены старые рабочие социал-демократы. К 6 марта на Добрянском заводе была организована милиция и созван Совет. К тому же времени были организованы милиция и Совет в Чусовой. Надеждинский завод 8 марта уже послал телеграмму Петроградскому Совету от имени 5 тыс. рабочих, где сообщал об организации Совета, обезоружении полиции и ингушей, организации своей охраны. На лежащем несколько в стороне Чормозском заводе милиция и Совет были организованы 10 марта, на Ижевском заводе Совет и милиция были созданы 7 марта, причем во главе милиции стали социал-демократы. Советы организовывались и на предприятиях не работавших; так, 15 марта на Кыновском заводе бывшие рабочие постановили организовать Совет и войти в связи с Лысьвенским Советом Р. Д. [1]).

На-ряду с Лысьвенским С. Р. Д. большую роль в организации местных Советов и распространении советского влияния в прилегающих районах играл и Надеждинский Совет; в нем было представлено 12 000 рабочих и 18 000 солдат, но руководящую роль играли рабочие — Исп. комитет Совета состоял из 11 рабочих и 4 солдат. Функции, которые выполнял Совет, лучше всего видны из списка организованных при нем комиссий — техническая, расценочная, ревизионная, по урегулированию вопроса о китайцах и военнопленных, хозяйственная, по проверке отсрочек военнообязанных, культурно-просветительная [2]).

---

[1]) Материалы об Урале — на основании уральских газет, о Надеждинском заводе — телеграмма из АОР ф. XXX, папки № 27 иногородн. отдела ЦИК Советов, о Кыновском заводе — из проток. Надежд. зав. в папке № 100 иногородн. отдела, из этой же папки взяты кое-какие данные о Перми.

[2]) АОР. Ф. XXX. Протоколы Исп. к-та С. Р. Д. и Исп. к-та общ. безопасности Надеждинского завода. Интересно, что из 200 депутатов Надеждинского совета была только одна женщина.

Глава вторая

СОВЕТЫ, ВРЕМЕННОЕ ПРАВИТЕЛЬСТВО, МАССЫ

Программа Временного правительства была изложена в воззвании к гражданам от 6 марта. Суть ее заключалась, с одной стороны, в признании необходимости «довести войну до победного конца» и «свято охранять связывающие нас с другими державами союзы и неуклонно выполнять заключенные с союзниками соглашения», с другой — в ряде обязательств, долженствовавших обеспечить и закрепить победу революции: созыв в наикратчайший срок Учредительного собрания, проведение до этого норм, обеспечивающих гражданскую свободу и равенство, организация законов о местном самоуправлении и проведение всеобщей амнистии. Последний пункт программы имел только декларативное значение, так как амнистия была проведена стихийно, и правительство, если не считать поздравительных телеграмм Керенского, никакого отношения к ее проведению не имело. Что касается первого пункта — о наикратчайшем сроке созыва Учредительного собрания, — здесь правительство стало с самого начала на путь сознательной оттяжки. В переговорах 13 марта с делегатами ИК. С. Р. Д. правительство заявило, что во всяком случае предельным, по его мнению, сроком созыва Учредительного собрания является середина лета. Между тем, по свидетельству Милюкова, у первого состава Врем. правительства сложилось убеждение, что привлечь армию к выборам (а без армии, понятно, не могли быть какие бы то ни было выборы) можно не раньше поздней осени. Созыв комиссии по выборам в Учр. собрание не состоялся до коалиции. Центр тяжести деятельности первого Врем. правительства переносился на установление в стране гражданских свобод и организацию на местах демократических органов самоуправления. Однако здесь-то обнаружилась изумительная медлительность и крохоборчество этого «революционного» правительства даже в отношении простейших буржуазно-демократических реформ. В качестве высшей административной власти на местах, Врем. правительство утвердило председателей губернских и уездных земских управ, в большинстве принадлежавших даже не к кадетам, а к октябристам. Почти все вице-губернаторы были сохранены. Целиком был сохранен — притом «заложником демократии» Керенским — царский состав прокуроров. В их руки, согласно приказа Керенского, передавались архивы жандармских управлений и охранных отделений. Даже царский дом не лишили избирательных прав. Что из себя представляло военное министерство, можно судить по тому, что

даже во время, когда министром был Керенский, туда, как рассказывает Станкевич, обращались все время неизвестные люди с предложением арестовать Совет и т. п. Даже и тогда, когда отдавалось прямое распоряжение Врем. правительства о чистке аппарата, то и здесь назначенные Врем. правительством же представители власти обходили его.

Такую же медлительность, как и в устранении старого государственного аппарата, проявило Врем. правительство и в создании новых норм гражданского общежития. Только 17 апреля были опубликованы Временные правила о производстве выборов в городские думы (и то предварительно была сделана попытка установить более высокий возрастный ценз и ценз оседлости, чему помешал Совет). Наибольшую быстроту проявило Врем. правительство только в деле реформирования акционерного законодательства — оно было проведено уже 17 марта, между тем как даже отмена вероисповедных и национальных ограничений была подписана 20 марта. Другим столь же ранним распоряжением Врем. правительства было предложение устранять всеми законными средствами, не исключая и применения воинских команд, аграрные беспорядки, — это было ответом на единодушно рвавшееся «от земли» требование запрещения земельных сделок.

Разногласия Врем. правительства с Советом сказались уже в первые дни. Однако это были главным образом вопросы, связанные с ликвидацией династии, и здесь Врем. правительство, столкнувшееся с огромным возмущением масс, быстро уступило. Более серьезной была попытка закрепить за собой армию, приведя ее к присяге. Солдатская секция Петроградского Совета приостановила это постановление, а ИК немедленно обратился к Врем. правительству — в результате присяга была задержана, хотя ряд частей уже присягал [1]). Такие разногласия неизбежно должны были всплывать в будущем, и их нужно было согласовывать в контактной комиссии. На заседании контактной комиссии поднимались самые различные вопросы. В большинстве случаев Врем. правительство уступало. Церетели на Всероссийском совещании Советов ставил это в плюс Врем. правительству, но по сути все вопросы, подымаемые делегацией ИК, были ничтожного политического значения, если не считать вопроса о войне и мире, в котором Совет, однако, капитулировал. Социалистам уступали, когда шел вопрос о пропуске эмигрантов, газет, уступали в отношении судьбы Романовых, в вопросе о месте созыва Учредительного собрания и сроке созыва — по крайней мере, словесно, — и явно отделывались словесными уступками в вопросе о чистке командного состава. Однако Совету не уступили в вопросе о 10-миллионной субсидии-пенсии царским министрам, Государственный совет продолжал получать содержание, но Совет — организация, мол,

---

[1]) Еще больше частей не присягало. Отказывались присягать и на местах. Так, Исп. к-т Петроградского Совета получил следующую телеграмму из Гельсингфорса: «Гельсингфорский И. К. в заседании своем 18 марта постановил гельсингфорскому гарнизону и балтийскому флоту, не принимать присяги впредь до получения офицального уведомленя о ней из Сов. раб. и солд. депутатов. Благоволите срочно сообщить редакцию присяги. Председатель к-та Н. Хильяши» (взято из архива иногороднего отдела ВЦИК, папка № 159).

частная, много таких организаций обращаются за субсидиями, да и вообще денег нет (таковы были, по сообщению Стеклова на заседании ИК, мотивы отказа в деньгах).

Как видно, Совет совершенно не поднимал вопроса как об ускорении деятельности Врем. правительства в сфере установления гражданских свобод, так и о радикальных мероприятиях в связи с основными политическими и социальными задачами, поставленными революцией. Исключением являлся только вопрос о мире.

Воззвание 14 марта было встречено в Питере и в провинции с огромным воодушевлением. Но этот мирный документ Совета находился в вопиющем противоречии как с декларацией Врем. правительства от 6 марта, в которой говорилось о войне до победного конца, так и с заявлениями министра иностранных дел на кадетском с'езде и его интервью, опубликованном 23 марта в московских газетах. Между тем общий тон огромного большинства многочисленных митингов, как солдатских, так и рабочих, говорил о необходимости политики, направленной к завоеванию мира, а не к завоеванию Константинополя, не к «освобождению славянских народностей, населяющих Австрию», и не к «слиянию украинских земель Австро-Венгрии с Россией» (формулировка Милюкова в его интервью московским журналистам 13 апреля). Под давлением массовых митингов, левое крыло ИК ставит на обсуждение заседания ИК 21 марта проект кампании за мир. Церетели резко выступил против такой кампании, однако предпочел затем замазать вопрос, перенеся его в плоскость переговоров с Врем. правительством, требуя отказа последнего от всяких завоеваний и контрибуций. На заседании контактной комиссии 24 марта Церетели поднял вопрос о необходимости сделать официальное заявление о том, что война для России — исключительно оборонительная. Сопротивление Милюкова было сломлено примирительной позицией всех не-кадетов (за исключением Гучкова), и на заседании 26 марта контактной комиссии был предложен выработанный правительством документ. Написан он был, однако, так двусмысленно, что даже Церетели не мог к нему присоединиться. 27-го числа обсуждение этого проекта было перенесено на заседание ИК, где большинство также склонялось к признанию проекта неудовлетворительным. Во время заседания, однако, прибыла от кн. Львова к Церетели «уступка» правительства. В текст вставлялись слова: «не насильственный захват чужих территорий». С этой поправкой текст и был принят — это была известная нота от 27 марта. По сути дела это было только частное обращение к гражданам России, да и к тому же весьма двусмысленно составленное. Только воспользовавшись советом Некрасова [1]) — использовать двусмысленность в свою пользу, «Известия» и

[1]) «Представители Совета в контактной комиссии нашли выражения акта, передававшие описательно формулу «без аннексий и контрибуций», двусмысленными и уклончивыми и грозили завтра же начать кампанию против Врем. правительства в газетах. Тогда Н. В. Некрасов указал им, что для них же выгоднее истолковать уклончивые выражения акта в своем смысле, как уступку правительства, и на этом основании поддержать «заявление». Эта тактика и была принята социалистическою печатью». (Милюков, История русской революции, ч. 1, София, 1921 г., стр. 86-87.).

«Рабочая Газета» могли торжественно сообщить о новой, громадной победе демократии. Осторожный Милюков выговорил себе, однако, как сообщает в своей «Истории», право толковать документ в своем смысле, и уже на собрании московских кадетов 9 апреля интерпретировал ноту от 27 марта в духе своей позднейшей ноты от 18 апреля.

По мысли и, во всяком случае, по заявлениям лидера ИК, контактная комиссия должна была быть техническим орудием организованного давления и непрерывного контроля. Таким орудием, однако, она никогда не являлась, и самое представление о контактной комиссии, как об органе давления и контроля, было одной из многочисленных иллюзий мелко-буржуазного советского большинства.

По сути дела контактная комиссия являлась формой связи того оригинальнейшего переплетения полувластной революционно-демократической диктатуры и господства буржуазии, которое было характерным для этого периода революции. Контактная комиссия являлась отдушиной в котле солдатского и рабочего Питера, отводным каналом для избыточной, по мнению Церетели и Дана, энергии революционного Питера.

В самом Исп. К-те несколько раз поднимался вопрос о работе контактной комиссии [1]). Два раза на заседаниях Исполкома 5 апреля и 13 апреля поднимался вопрос об изменении характера ее работ. Больше всего нареканий вызывал установившийся неофициальный, интимный, как его называет Суханов, характер работы. Оппозиция требовала широкой гласности работ Контактной комиссии, ведения официальных протоколов, Чхеидзе даже, неожиданно оказавшийся с левыми, внес предложение: «никаких непосредственных сношений с правительством не иметь. Сноситься только письменно и требовать от правительства письменных же ответов».

Предложения левых были провалены, однако, самым незначительным большинством 21 против 17. Такое настроение в самом Исп. К-те, а в особенности настроение масс толкало контактную комиссию к более решительным требованиям. На заседании 12 апреля Чернов предложил официально довести ноту 27 марта до сведения союзников. Милюков в общем согласился. Контактная комиссия добилась удовлетворения и в некоторых других мелких вопросах, повидимому и в вопросе о пропуске эмигрантов, в частности группы с Троцким во главе, арестованной англичанами. Однако Платтена Милюков отказался пропустить за содействие проезду Ленина. Советские лидеры, как констатирует Суханов, не протестовали. Правительство получило удовлетворение и по поводу напечатанной в «Известиях» без оговорок большевистской резолюции завода «Старый Парвиайнен».

---

[1]) Протоколов и вообще каких-либо официальных записей о работе контактной комиссии не имеется. Освещение ее работ возможно, преимущественно, путем использования и сличеня данных и оценок из мемуаров ее участников. Помимо газет и протоколов Совета, работа контактной комиссии освещена в воспоминаниях Суханова, истории Милюкова, отдельные замечания есть в статье Набокова о Врем. правительстве.

Но все же власть Врем. правительства, которой она de jure целиком располагала, оставалась часто только номинальной, юридически же безвластный Совет пользовался все время и властью фактической, а кое-где, особенно первые полторы-две недели, был даже властью единоличной. Врем. правительство вынуждено было с этим считаться, но и с первых же дней оно стремится устранить это ненормальное положение, отодвинуть Советы от власти. Еще 9 марта Алексеев телеграфировал Гучкову: «Петроград в опасности, а с ним в опасности и вся Россия, и германское ярмо близко, если только мы будем потакать С. Р. Д.». Ответ Гучкова чрезвычайно характерен: «Врем. правительство не располагает какой-либо реальной властью, и его распоряжения осуществляются лишь в тех размерах, кои допускает С. Р. и С. Д., который располагает важнейшими элементами реальной власти, так как войска, железные дороги, почта и телеграф в его руках. Можно прямо сказать, что Врем. правительство существует лишь, пока это допускается С. Р. и С. Д.» [1]). Здесь не только констатация фактов, но и жалоба и нечто большее... Ставка ответила раздутым сообщением о поражении 20—21 марта наших частей на Стоходе. Впервые упоминались разгромленные части, разрисовывались потери. Ставка напоминала о фронте, а Шульгин в «Киевлянине» немедленно делал вывод — опасность в двоевластии. «Пока будет двоевластие, — ждать толку нельзя. Совет. раб. и солд. деп. или должен сделать новый переворот и свергнуть Врем. правительство и стать на его место, или же должен предоставить правительству быть правительством». С этим же требованием, в более завуалированной форме, обращаются министры к делегации Исп. К-ма. «Речь» и кадетская партия становятся организующим центром противосоветских сил. Временный к-т Государственной думы требует от Врем. правительства, чтобы оно либо сложило свои полномочия, либо добилось полноты власти. Антисоветскую кампанию тем легче было проводить под лозунгом борьбы с двоевластием, что последнее упорно отрицалось официальным большинством Совета. Двоевластие отрицалось на Всероссийском совещании Советов, двоевластие отрицал Керенский, заявляя 12 апреля делегатам армии, что между Врем. пр. и С. Р. Д. — полное единение в задачах и целях. Если есть некоторое расхождение, то лишь в тактических вопросах — в вопросах о том, что можно выполнить сегодня и что можно отложить на завтра... Двоевластие отрицали Дан, Церетели. От этого оно не переставало, понятно, быть фактом.

Столкновения между Советом и Врем. правительством, как мы уже упоминали, в огромном большинстве случаев не выходили за рамки буржуазно-демократической революции. Все спорные пункты решались дипломатическим путем, и мелко-буржуазные руководители, имея в своих руках такой мощный аппарат мобилизации масс, как Советы, ни одного разу не пытались, даже за весь период власти чисто буржуазного правительства, мобилизовать массы вокруг спорных вопросов. Верхушка мелкой буржуазии, нашедшая свое политическое выражение в политике

[1]) Текст см. у Шляпникова, 1917 год, ч. 2.

мелко-буржуазного большинства Советов и там же нашедшая себе и политических лидеров, уже с первых дней превращала Советы не в органы борьбы масс, а в органы успокоения масс. Совет в Петрограде уже с первых дней столкнулся не только с Врем. правительством но и с массами. Совету приходилось выбирать между необходимостью опереться на массы и тем самым развязывать их энергию и необходимостью договориться с буржуазным правительством и тем самым итти на максимальнейшие уступки ему.

Буржуазия умела эксплоатировать мещанскую боязнь массового движения руководителей Петроградского Совета. Она уступала в вопросах формы политических актов, всячески отстаивая нужное ей с о д е р ж а н и е. Она делала эти уступки не только потому, что это было менее существенное, но и потому, что сама отлично понимала, что ф о р м а ее политической деятельности должна возможно меньше тревожить массы. Поэтому двусмысленные формулировки и заявления становились необходимым атрибутом всякого правительственного акта.

Совет принимал эти политически двусмысленные формулировки и всегда давал им толкование, позволявшее «Известиям» и Церетели провозглашать новую победу Совета над правительством. Совет не мог ни на одну секунду признаться в поражении, ибо за ним стояли массы, вооруженные и революционно настроенные, ждавшие случая доказать верность Совету и оказать ему поддержку. Им было бы непонятно, почему Совет не обращает к ним, к реальной силе, могущей в течение часа не только изменить соотношение сил между Советом и правительством, но и разогнать самое правительство.

Поэтому все поражения Совета проходят под звон передовиц и речей о победе, а всякая действительная победа Совета является результатом стихийного вмешательства масс, при своеобразном нейтралитете самого Совета. И если все же Советы являлись органами борьбы масс, орудиями, двигавшими революцию вперед, то не благодаря руководству, а несмотря на это руководство.

Несомненно, Совет являлся наилучшим, наиболее гибким и потому в общем наиболее правильным способом представительства рабочих и солдатских масс. Но верно также и то, что далеко не всегда Совет отражал настроение рабочих масс. Он и не мог отражать целиком тех стремлений, которые получили преобладание среди рабочих. Линия Совета должна была определяться равнодействующей между двумя силами, игравшими активную роль в революции, — рабочими и солдатами, а руководители Совета еще сознательно накреняли политику Совета в сторону наиболее отсталых масс. Меньшевистско-эсеровские лидеры, задававшие тон в столичном, Питерском Совете, вынуждены были, ради сохранения единства действий, всячески тормозить решимость и энергию питерских пролетариев. Уже одно это обстоятельство должно было в течение ближайшего же времени вызвать известные трения между Советом и массой. Но линия Петроградского Совета определялась не только необходимостью оглядываться на союзника-солдата, не только необходимостью соразмерять быстроту своих действий со степенью вовлечения в советское русло и подчинения советской линии сол-

датских масс, но и уже не вынужденной, а добровольной необходимостью координировать свои шаги с действиями буржуазного правительства и буржуазных слоев населения вообще. Испытанная тактика «давления» на буржуазию и «не запугивания» ее служила руководящей идеей в деятельности оборончеокого исполкома Петроградского Совета. При таких условиях расхождения между практическими шагами рабочих внизу, на фабриках и заводах, и политической линией Совета наверху становились абсолютно неизбежными даже при общем доверии рабочих к Совету.

Первые столкновения, правда, мелкие, произошли уже в начале марта (1 — 2-го), когда Совет наложил арест на чересчур левую листовку, изданную от имени междурайонцев и левых эсеров Юреневым и Александровичем; тогда же Совет резко высказался против распространения резолюций митингов Выборгского района, где Совет приглашался стать во главе власти. Гораздо более серьезные противоречия выявились между Советом и значительными слоями рабочих на почве вынесенного ИК постановления 5 марта о возобновлении работ. Предложение большевиков обусловить прекращение стачки декретированием 8-часового рабочего дня было отвергнуто, и хотя Чхеидзе и заявил, что не может быть и речи о возобновлении работ на прежних условиях, но ничего точного рабочим не было сообщено, и пока что им предстояло начинать работу на старых условиях. Это постановление Совета вызвало серьезные протесты. В Выборгском районе на ряде заводов и на отдельных митингах выносятся резолюции протеста против возобновления работ, а в Выборгском районном комитете большевиков даже обсуждался вопрос о допустимости демонстрации против Совета.

В Московском районе выносят постановление, в котором говорится, что, считая постановление о возобновлении работ ошибочным, они отсрочивают его на 2 дня, с тем, чтобы внести вопрос на пересмотр Совета. Требование Московского района обсуждается на рабочей секции Совета, и Совет 7 марта огромным большинством против 15 подтверждает свое постановление о возобновлении работ, причем специально вменяется в обязанность выполнить это решение Московскому району. Крупнейшие заводы, однако — Лесснер, Старый Парвиайнен, Динамо, Барановского, Балтийский, Сестрорецкий и др., — попрежнему высказывались против этого решения.

Насколько единодушна была рабочая масса, видно из голосования — единственного, о котором имеются сведения в прессе — на заводе Нов. Лесснер: резолюция против прекращения стачки собрала 7 тысяч голосов против 6 человек. Сопротивление рабочих продолжалось, и после решения Совета от 7 марта ряд заводов не приступал к работам, и Совету пришлось 10 марта еще раз обратиться к рабочим и в самой энергичной форме подтвердить обязательность безотлагательного начала работ. Но еще до этого Совет столкнулся с другим явлением: хотя в большинстве предприятий и начались работы, но почти всюду самочинно развернулась острейшая экономическая борьба; основным требованием рабочих было требование 8 часов. Совет не только не выставлял этот лозунг в качестве практической цели борьбы сегодняшнего

дня, но и высказался решительно против предложения большевиков обусловить введением 8-часового рабочего дня возобновление работ. Больше того, Совет был вообще против борьбы на отдельных предприятиях; он считал это распылением сил и проявлением неорганизованности. Меньшевики же под эти действия Совета подвели и теоретическое обоснование — экономическая борьба, по их мнению, вообще сейчас нецелесообразна, так как основная задача ближайшего периода — укрепить политические позиции.

Однако, вопреки предложениям меньшевиков и вопреки директивам Совета, на местах разыгралась настоящая битва за экономические улучшения и раньше всего за установление 8-часового рабочего дня. К сожалению, нет даже и приблизительного подсчета, какая часть предприятий ввела явочным порядком 8-часовой рабочий день. Несомненно, что в таком порядке он был введен на большинстве крупнейших предприятий Питера (так, например, был введен самочинно 8-часовой рабочий день на Невском судостроительном заводе, Старом Парвиайнене, Максвеле, Русско-балтийском, Розенкранце, Сестрорецком, Ижорском, Франко-русском, Лангезиппене, Адмиралтействе, зав. Лебедева и т. д.) Можно полагать, что 8-часовой рабочий день был введен революционным путем не менее чем на половине предприятий Питера. Основание для такого предположения дает весьма интересный протокол заседания членов Совета рабочих депутатов Петроградского района от 8 марта. Из имеющихся в нем докладов о положении на предприятиях видно, что 7 заводов начали работать при прежних условиях (из них на одном 8-часовой рабочий день был и до революции), одно предприятие вообще не приступило к работе, мотивируя это, между прочим, и тем, что не арестован еще дом Романовых, 9 же предприятий одновременно с возобновлением работ установили у себя 8-часовой рабочий день. А между тем по силе развернувшегося рабочего движения Петроградский район стоял несомненно позади Выборгского и Московского. Более того, из 7 предприятий, отмеченных нами, как ставших на работу при старых условиях, на 6 предприятиях протокол отмечает введение института старост и организацию милиции. Об одном только ничего не упомянуто — ни о попытках ограничить фабричное самодержавие, ни об участии в рабочей милиции. На-ряду с введением 8-часового рабочего дня, организацией заводской милиции, учреждением института старост на предприятиях происходило «освежение» административно-технического персонала; удаление нежелательных лиц из числа последних принимало иногда очень широкие размеры: на заводе Барановского, например, из 150 — 180 служащих технического персонала были удалены 25 человек. Борьба рабочих распространилась так широко и так быстро, что уже 9 марта Исполнительный комитет опубликовал воззвание в «Известиях», в котором высказывается против разрозненных и самочинных выступлений, но именно самочинность заставила предпринимателей пойти на уступки, и того же 9 марта на заседании Исполнительного комитета обсуждается «заявление общества фабрикантов и заводчиков о желании войти в некоторые отношения с С. Р. и С. Д. в связи с возникающими конфликтами с рабочими».

Политика Совета встретила, таким образом, весьма энергичное сопротивление. Тот же Петроградский район уже 8 марта, т. е. после двухкратного постановления о возобновлении работ, признал, «что решение С. Р. и С. Д. о возобновлении работ встретило сильное сопротивление со стороны пролетариата Петроградской стороны и что это решение проводилось в жизнь очень недружно». Это решение Петроградский район об'яснял скороспелостью и игнорированием настроения широких пролетарских масс и предлагал Совету: «1) впредь принимать такие решения только после серьезного и всестороннего обсуждения их и учета настроения на местах, 2) реорганизовать возможно скорее Совет рабочих и солдатских депутатов и его Исполнительный комитет, 3) безотлагательно выработать и провести в жизнь радикальные реформы в экономической области».

Три района — Петроградский, Московский и Выборгский — решительно высказались против линии Совета; мы не имеем данных, чтобы судить о настроениях и поведении в других районах, но вряд ли там было сочувственное отношение к линии Совета.

Стихийное движение заставило и предпринимателей и меньшевистский Совет признать 8-часовой рабочий день. Еще 10 марта, т. е. в день, когда было подписано соглашение Совета с обществом предпринимателей, «Рабочая Газета» в передовице предупреждала о вредности лозунга 8-часового рабочего дня и пугала «1905 годом». Предприниматели оказались дальновиднее официальных лидеров Совета и уступили сами. На этой почве позже возникла сказка о торжественной и великодушной ночи 4 августа, сказка с соответствующими, понятно, для эпохи изменениями. Разговоры о «добровольной» уступке фабрикантами и заводчиками 8-часового рабочего дня — такая же либеральная басня, как и история добровольного отречения французских феодалов от земли. Изгоев прямо писал, что «на несчастье меньшевиков, большевики уже принудили террором общество фабрикантов согласиться на «немедленное введение 8-часового рабочего дня».

Такую же борьбу при завоевании у предпринимателей 8-часового рабочего дня пришлось выдержать и московским рабочим. Постановление о возобновлении работ было принято 6 марта огромным большинством около 2 000 против 60 — 70 членов Совета. Постановление это, опять-таки не оговаривавшее условий, на которых работа возобновляется, вызвало большое неудовольствие рабочих, особенно в Лефортовском и Замоскворецком районах.

В Питере, однако, движение было соглашением Совета и обществом фабрикантов быстро ликвидировано, в Москве же предприниматели заупрямились. С'езд предпринимателей в Москве 14 марта резко высказался против 8-часового рабочего дня, квалифицируя введение его как преступление перед родиной. В то же время уже шли, однако, конференции заводов в отдельных районах, где обсуждался вопрос о введении 8-часового рабочего дня явочным порядком. На пленуме Совета вырисовалась любопытная картина развернувшейся борьбы в массах, помимо Совета, за 8-часовой рабочий день. Из сообщений представителей районов выяснилось, что в Лефортовском, Басманном, Пресненском районах

значительная часть заводов уже ввела 8-часовой рабочий день явочным порядком. То же, повидимому, было и в Замоскворецком районе, так как там еще 14-го состоялось собрание заводов раойна для введения 8-часового рабочего дня явочным порядком. Представители Благушинского, Бутырского, Сокольнического, Хамовнического районов единодушно заявили, что введение 8-часового рабочего дня предрешено и отрицательное решение С. Р. Д. не будет проведено в жизнь. Еще ярче выступления представителей отдельных предприятий. Представитель завода «Густав Лист» заявлял, что «рабочие не могут простить прекращения политической забастовки до введения 8-часового рабочего дня», рабочие завода Михельсон выражались еще определеннее: «С. Р. Д. отстает от событий революции, и мы вводим 8-часовой рабочий день с 17 марта и требуем от С. Р. Д. вынести резолюцию о его введении, а Временное правительство поставит свой штемпель». При таком настроении рабочих Московскому Совету не оставалось ничего делать, как ввести явочным порядком 21 марта 8-часовой рабочий день.

Конец марта и апрель месяц были временем борьбы за 8-часовой рабочий день в провинции. Всюду была такая же картина, как и в столицах, — всюду стихийные выступления рабочих при неодобрительном отношении к ним Советов, затем переговоры Совета и предпринимателей и, наконец, при отказе пойти на соглашение, декретирование Советом 8-часового рабочего дня. Во многих местах предприниматели пошли на уступки (Саратов, Самара, Ярославль, Одесса, Симферополь, Баку), и 8-часовой рабочий день явился следствием соглашения сторон, но очень часто 8-часовой рабочий день устанавливался односторонним актом Совета, вопреки предпринимателям, так было, например, в Казани, Омске, Смоленске, Иваново-Вознесенске, Костроме, Харькове, Череповце и др. местах.

Завоевание 8-часового рабочего дня — это первая большая битва, выигранная пролетариатом у капитала. Она имела огромное значение. По данным ЦСУ, относящимся к 1913 г. («Статистический сборн. 1913—1917 гг.», т. VII, ч. 1-я трудов ЦСУ), из 2 218 тыс. рабочих по предприятиям, подчиненным фабричной и горной инспекции, работало 8 часов (и меньше) только 119 тысяч рабочих, т. е. всего 9% рабочих, а 1 351 тыс. рабочих работали 10 часов и свыше. Но помимо этих групп рабочих еще сотни тысяч других рабочих перешли на 8-часовой рабочий день — достаточно упомянуть о сотнях тысяч железнодорожников. Самые отсталые слои в самых глухих районах оказались втянутыми в «восьмичасовую кампанию» 1917 года. А выигранная кампания не только втянула, но и закрепила миллионные массы за революцией.

Далеко не всюду, однако, введение сокращенного рабочего дня проходило безболезненно. Промышленники заранее себе подготовляли почву для наступления в более благоприятной обстановке и всюду по мере сил и возможности сопротивлялись; в Питере представители Общества фабрикантов и заводчиков через неделю после соглашения заявляют, что оно является лишь временной уступкой. Горнопромышленники Урала в марте же подают докладную записку министерству торговли и промышленности, где указывают, что 8-часовой рабочий день грозит ги-

бельными последствиями. В Москве предприниматели действуют более агрессивно — на Гужоне, вследствие введения явочным порядком 8-часового рабочего дня, делается попытка закрыть завод, такие же попытки имели место и на ряде других заводов. Во многих предприятиях введение 8-часового рабочего дня сопровождалось забастовкой—в Городском районе бастовало 28 предприятий, Замоскворецком — 11. Пленум Московского Совета 28 марта единогласно принимает резолюцию, где говорит о том, что ведется агитация против рабочего класса в связи с введением 8-часового рабочего дня и что многие предприниматели без всякой надобности закрывают заводы, сокращают производство, вносят дезорганизацию. Иваново-вознесенский Совет на пленуме 16 апреля постановляет обратиться с требованием к Обществу фабрикантов и заводчиков о возобновлении работ на всех фабриках к 24 апреля.

В связи с этим находится и рост безработицы, не очень пока еще заметный, но характерный: в Питере по данным министерства торговли и промышлености к середине марта оказалось без работы до 18 тыс. рабочих; увеличивается безработица и в Москве.

Сейчас же вслед за разрешением вопроса о 8-часовом рабочем дне питерские рабочие поставили вопрос и о повышении заработной платы. Борьба здесь также разгоралась стихийно, при отрицательном к ней отношении Советов. Уже в середине марта выборгский районный Совет обратился с призывом об организованном улаживании возникающих конфликтов. 18 марта на заседании рабочей секции меньшевик Богданов жаловался, что, несмотря на заключенный договор с Обществом фабрикантов и заводчиков, происходит непрерывно рост конфликтов. 22 марта Временный комитет общества фабрикантов и заводчиков обратился с письмом в Совет, где жалуется на самоуправство рабочих на предприятиях, насильственные с их стороны действия и т. п. «Число таких выступлений, — писали предприниматели, — растет с каждым днем, и в настоящее время положение заводов и фабрик следует признать безусловно критическим».

Борьба за минимум зарплаты в этот период все же только еще начиналась. Наиболее резко тарифная борьба должна была проявиться, понятно, среди наиболее низкооплачиваемых слоев рабочих и служащих — в текстильной промышленности, где дешевезна труда, благодаря широкому применению женского и детского труда, была изумительной, в горной промышлености, где полукрестьянский состав рабочих и широкое потребление рабочей силы военнопленных (в Донбассе, например, последних было свыше ¼ рабочего состава) и ввезенных инородцев обеспечивали предпринимателям наивысшую степень эксплоатации, на железной дороге и т. д.

Уже в марте и апреле на-ряду с вопросом о 8-часовом рабочем дне Екатеринославский Совет, руководивший работой Донецкого пролетариата, и харьковское совещание представителей Советов Донбасса вынуждены поставить вопрос и об увеличении заработной платы; назревали конфликты в огромном орехово-зуевском текстильном районе, на волжском речном бассейне, в бакинском нефтяном районе, среди железнодорожников и т. д. Совет предупреждал рабочих от разрозненных и

преждевременных выступлений, вступал в переговоры с предпринимательскими организациями, содействовал перенесению спорных вопросов в примирительные камеры, решительно противился развертыванию стачечной борьбы. Стачечное движение этого периода очень невелико и прорывается оно не в основных, решающих отраслях хозяйства, а во второстепенных, часто среди наименее организованных рабочих (прачек, домашних прислуг и т. д.).

Такой же линии сознательной оттяжки стачечной борьбы придерживались и промышленники. Вот что пишет о линии промышленников один из профсоюзных работников того периода: «Промышленники оказались более реальными политиками. Они быстро поняли, что наиболее выгодной для них плоскостью явится общий вопрос о том, как повлияет на состояние промышленности удовлетворение «чрезмерных требований» рабочих, независимо от того, кто владеет промышленностью — частный капитал или государство. Они прекрасно сознавали, что при существующей сверх-голодной заработной плате поддерживать нормальное развитие производства в бассейне невозможно. Они понимали, что уступки с их стороны неизбежны, и пошли бы на них, если бы были уверены, что останутся хозяевами своих предприятий. Делать же затраты на промышленность, которая не сегодня-завтра может быть подвергнута монополизации, принудительному трестированию, им, конечно, не хотелось. Поэтому им важно было прежде всего выиграть время, чтобы выяснить, в какую сторону склонится стрелка революционной судьбы. Для этого нужно было затянуть разрешение вопроса на известное время, и они этого добились» (Е. Осипов, Горнорабочие и горно-промышленники в 1917 году). Такое же положение создавалось, понятно, и в других отраслях. Политика меньшевистско-эсеровских Советов — удерживание рабочих от стачек — совпадала с линией промышленников. Это обусловливало очень быстрое изживание рабочими массами мелко-буржуазных иллюзий. Ленин уже в своем анализе стачечного движения в период первой русской революции (1905—1907 гг.) показал, «какова именно взаимозависимость экономической и политической стадии: без их тесной связи действительно широкое, действительно массовое движение невозможно; конкретной же формой этой связи является, с одной стороны, что в начале движения и при втягивании новых слоев в движение чисто экономическая стачка играет преобладающую роль, а с другой стороны, политическая стачка будит и шевелит отсталых, обобщает и расширяет движение, поднимает его на высшую ступень». Устанавливаемое Лениным для первой революции переплетение борьбы политической и экономической и процесс своеобразного перерастания экономической борьбы в политическую полностью и в значительно более ярком виде проявилось в революции 1917 г. Половинчатость мелко-буржуазного большинства Советов в отношении вопроса экономической борьбы, полное неумение противодействовать стремлениям буржуазии перенести расплату за войну на плечи рабочего класса, — быстро подводило массы к отрицанию и политической линии Советов. В таких районах, как Донбасс и Урал, где Советы выполняли первое время за отсутствием профсоюзов и все функции таковых, особенно наглядно сказался переход в самих

Советах от бесформенного сентиментализма мелкобуржуазной революционности и частных экономических требований к вопросам перехода власти Советам, рабочего контроля и организации производства. Однако развертывание этой работы и столкновение на этой почве с мелкобуржуазной политикой Советов относятся к более позднему периоду коалиции. В этот период недовольство и сопротивление масс против недостаточно активной политики Советов намечается преимущественно в отношении борьбы за 8-часовой рабочий день, но и здесь нет еще противопоставления Совету своей классовой политики.

Глава третья

ВСЕРОССИЙСКОЕ СОВЕЩАНИЕ

Весьма любопытно выяснить политическую физиономию провинциальных Советов до Всероссийского совещания. Основными политическими вопросами того времени являлись вопросы об отношении к правительству и к войне. Мы попытаемся хотя бы по нескольким провинциальным Советам проследить, какова была политическая линия в этих вопросах и насколько остры были разногласия вокруг них.

Наиболее единодушны и однородны резолюции об отношении к Временному правительству. Все крупные Советы, почти в одних и тех же выражениях, выносили постановления об условной поддержке правительства. Такие резолюции вынесли Тульский, Екатеринбургский, Одесский, Саратовский, Красноярский Советы, московская областная конференция и много других. Нужно полагать, что иных, отличных от названных, резолюций в крупных провинциальных Советах не принималось.

Гораздо более интересны резолюции об отношении к войне. Местные Советы обычно и в этом вопросе просоединялись к позиции Петроградского Совета, но присоединение сопровождали своими добавлениями. В них-то и сказываются те политические нюансы, которые имелись в то время в советских кругах. Мы приведем несколько извлечений из резолюций отдельных Советов с тем, чтобы получить представление об этих политических оттенках.

Вот, например, Рыбинский Совет рабочих и солдатских депутатов в резолюции, принятой в двадцатых числах марта, говорит: «Продолжение войны неизбежно, и мы можем заключить мир только с германским народом, после того, как он заставит свое правительство сложить оружие» [1]. Оренбургский С. Р. Д. в это же время в резолюции-наказе на Всероссийское совещание говорит: «Одинаково недопустимы лозунги «долой войну» и «война войне» [2].

На *областной* конференции Советов рабочих и солдатских депутатов в *Саратове* 24 марта в заключительной части принятой резолюции говорится: «Ввиду указанных соображений конференция: 1) до создания условий для заключения мира в международном масштабе считает своим долгом призвать рабочих защищать свободу, отражая как

---

[1]) «Известия Уфимского Сов. раб. и солд. деп., вып. 2, 10 апреля.

[2]) Известия Самарского С. Р. Д., № 10 от 22 марта.

внешнего, так и внутреннего врага, 2) признает необходимым немедленный созыв Интернационала с российскими социалистическими партиями, 3) лозунги «долой войну», так же как и «война до полной победы», признаются одинаково недопустимыми» [1]). Одесский Совет рабочих депутатов на пленуме 19 марта принимает следующую резолюцию по вопросу о войне: «Заслушав доклад Петроградского С. и Р. и С. Д., собрание признает себя солидарным с этой резолюцией и, высказавшись принципиально против всякой войны, как средства порабощения трудящихся масс капитализмом, считает, однако, необходимым продолжать войну, пока центральные державы не откажутся от своих завоевательных тенденций. Мир должен быть заключен без аннексий, при условии предоставления гарантий национального самоопределения каждой народности» [2]). В Казани Исполнительный комитет Совета рабочих и солдатских депутатов выпустил воззвание за подписью председателя прапорщика Поплавского, и секретаря рабочего Дудина о войне до победы [3]). В Костроме на совместном заседании Советов рабочих депутатов и военных по вопросу о войне принята резолюция, где говорится: «Пока воюющие с нами державы не откажутся от своих захватнических стремлений, пока они вооруженной силой будут угрожать завоеванной нами свободе, Совет рабочих депутатов, Совет военных депутатов и Исполком Совета крестьянских депутатов считают, что русский трудовой народ должен продолжать войну с удвоенной энергией, так как ясно сознает, что победа армии Вильгельма грозит нам восстановлением царской власти в России и возвращением старого режима» [4]). Заметим, что в Костромском Совете наиболее сильным было большевистское влияние. Приведем еще, наконец, резолюцию Пермского Совета: «Уральский Совет рабочих депутатов на общем собрании 20 марта присоединился к обращению Петроградского Совета и вынес единогласно следующую резолюцию: «1) Лозунг — требование мира во что бы то ни стало и при каких бы то ни было условиях, признать абсолютно недопустимым, 2) признать необходимым в настоящий момент продолжение войны с удвоенной силой для отражения внешнего врага, угрожающего только что завоеванной народом свободе и могущего восстановить старую власть» [5]).

Как мы видим, всюду Советы, и в большинстве случаев единогласно, принимают оборонческие, либо полуоборонческие резолюции о войне. Еще более ярко выступают оборонческие краски в резолюциях солдатских и крестьянских Советов. Вот, например, две солдатские резолюции — нижегородская и ташкентская. В Нижнем Совет солдатских депутатов принимает следующую резолюцию: «1. Необходима оборони-

[1]) «Социал-демократ», Саратов, № 2.

[2]) «Одесские новости» от 20 марта.

[3]) «Голос Казани» от 19 марта. Выдержка из газеты взята из «Хроники Октябрьской революции в Казани» Грачева.

[4]) «Известия Костромского С. Р. Д.», № 16, от 25 марта.

[5]) «Известия Уральского Совета рабочих и солдатских депутатов, № 2 от 25 марта.

тельная война с напряжением всех народных сил, чтобы не допустить разгрома свободной России. 2. Русский народ не хочет захватов и контрибуций; все народы должны получить право на самоопределение; должны быть восстановлены Польша, Бельгия, Сербия, Черногория, Румыния и Греция, все разоренные страны должны получить братскую помощь всех народов, мирный конгресс должен постановить о всеобщем разоружении» [1]).

Другое постановление — Ташкентское — так выразительно в своих кадетских формулировках и кадетской аргументации и так типично для Советов, во главе которых оказываются адвокаты и прапорщики, что мы решаемся привести его целиком:

НАКАЗ

Ташкентских Советов солд. и раб. деп. делегатам их, посылаемым на совещание представителей Советов солд. и раб. деп., имеющее быть 28 марта с. г. в г. Петрограде.

I. Отношение к войне.

а) Полное согласие с демократией союзных государств и точное соблюдение союзных договоров.

б) Пока мы ведем войну со старой Германией, которая ни в лице своего правительства, ни в лице своего народа ничего не сделала для предотвращения кровавой бойни народов, мы никогда не забудем, что только победоносный конец войны обеспечит нашу самостоятельность, нашу свободу и возможность культурного развития всего человечества, и в этом случае нашим лозунгом будет всегда одно — война до окончательной победы.

в) Ни в каком случае война не должна повлечь за собою порабощения одним народом другого, не должна иметь завоевательных целей. Лозунгом будущего мира, который может быть заключен совместными усилиями трудовых масс воюющих стран и которого мы желаем, но при условии, что он не будет сепаратным, должно поставить право народов на самоопределение. На нашем знамени войны должно, таким образом, стоять: «Победоносная до конца война во имя грядущего братства народов».

Принимая же во внимание:

1) что война ведется на истощение противника, и судьбы народов будут решаться как на полях сражений, так и в глубоком тылу;

2) что для успешного исхода войны необходимы спокойствие и полное единение в тылу, полная обеспеченность армии как продовольствием, так и всем, чего требует военная техника;

3) что прекращение войны, вследствие расстройства жизни и внутренних несогласий, явилось бы бедствием для нашего великого народа и страшной его виной перед потомством и демократией всего мира, —

Ташкентские Советы солд. и раб. деп. призывают всех к организованной спокойной работе, совместно с Временным правительством, а войска к поддержанию всюду строгой дисциплины, основанной на гражданском сознании своего долга перед свободной родиной и ответственности перед народом. Всякие попытки к расстройству нашей боеспособности будут преследоваться самым строжайшим образом.

---

[1]) «Известия Нижегородского Совета рабочих депутатов», № 5 от 1 апреля.

II. Отношение к Временному правительству.

Полная поддержка Временного правительства во всех его мероприятиях, направленных к осуществлению об'явленной им программы. Всякая попытка свержения его или препятствования ему в его работах встретит наше крайнее сопротивление.

III. Подготовка к Учредительному собранию.

Полное подчинение решениям Учредительного собрания. Ускорение работ комиссии по пдоготовке положения о выборах в Учредительное собрание.

IV. Отношение к будущей форме правления.

Демократическая республика.

V. Отношение к земельному вопросу.

Немедленная конфискация удельных, кабинетских и монастырских земель и имуществ — без выкупа. Коренное решение земельного вопроса во всей полноте предоставить будущему законодательному собранию.

VI. Отношение к военным и рабочим организациям.

Это — учреждения совещательные и контролирующие, главная задача коих: поддержка Временного правительства в об'явленной им платформе и крайнее сопротивление стремлениям к захвату власти у Временного правительства как справа, так и слева.

VII. Признается неотложно необходимым:

а) Скорейшая выработка положений о новых отношениях между офицерами и солдатами на службе (строжайшая дисциплина с обеих сторон), а вне ее — полное уравнение в правах всех воинских чинов с предоставлением права всем воинским чинам в свободное от службы время носить штатское платье.

Решение вопроса об отношениях в действующей армии всецело предоставить Временному правительству.

б) Улучшение быта всех воинских чинов.

в) Улучшение экономических условий жизни рабочего класса, не доводя до острой экономической борьбы, могущей повредить делу закрепления позиций, завоеванных революцией.

г) Удовлетворение духовных нужд армии.

д) Образование центрального учреждения для установления связи и взаимоотношений Советов солдатских, крестьянских и рабочих делегатов между собой и с Временным правительством.

Принято собранием Совета солд. деп. 21/III с. г., прочитано и утверждено собранием Сов. солд. деп. ташкентского гарнизона 22/III 1917 г.

Президиум:

Председатель Г. Бройдо.
тов. председателя Е. Анфиров, Н. Жидков.
Казначей А. Ипатьев.
Секретарь Д. Соболевский.

Такие же резолюции, как Ташкентский Совет, выносили и некоторые крестьянские. Так, Симбирский крестьянский с'езд 20—21 марта, заседавший под председательством некоего князя Баратова, «приветствуя Временное правительство, заявляет, что война должна быть

доведена до победного конца и мир должен быть заключен в полном согласии с нашими союзниками» [1]). Такого же характера было и выпущенное приблизительно в этих же числах марта воззвание Нижегородского Губернского Совета крестьянских депутатов [2]).

Политическая установка крупнейших провинциальных Советов перед Всероссийским советским совещанием была, таким образом, по основным вопросам более или менее однообразна. Но если в вопросе об отношении к правительству местные Советы целиком стояли на позиции Петроградского, то в вопросе о войне они несколько уклонялись, и уклонялись обычно вправо. Как правило, чем менее промышленным был центр и чем большую роль играл гарнизон в жизни города, тем более правую, более политически-определенную линию в вопросе о войне занимал Совет.

Другой отличительной чертой политического положения перед советским совещанием, на-ряду с однородностью линии, было и единодушие в ее проведении. Во многих Советах решения принимались единогласно [3]). Даже на Московской областной конференции Советов, перед самым Всероссийским совещанием, по наиболее острому вопросу — о войне — резолюция была принята единогласно. Несколькими днями позже политически-тождественная резолюция Исп. комитета Петроградского Совета на Всероссийском совещании уже вызвала генеральный политический бой. А между тем и в той, и в другой резолюции одинаково призывалось для защиты русской революции и в интересах международной демократии напрячь все силы для обороны, и та и другая резолюция в качестве приемлемых условий мира сходились на формуле «без аннексий и контрибуций, на основе самоопределения народов» и т. д.

Более того, партийная дифференциация была настолько еще слаба, политические разногласия еще так слабо чувствовались, что на Московской областной конференции Советов половина докладов (3 из 6) была поручена большевикам, в том числе и ответственнейший доклад о войне (И. И. Степанову-Скорцову).

Вообще нужно отметить, что не только в вопросах о войне и власти провинциальные большевистские организации недостаточно резко отделялись от советского большинства, но и в формулировке основных задач революции не выходили иногда за пределы «трех китов» — демократической республики, восьмичасового рабочего дня, конфискации земли [4]). Некоторые организации считали, что происходящая револю-

[1]) «Известия Нижегородского Сов. рабочих депутатов», № 5 от 1 апреля.

[2]) Резолюции симбирского с'езда и воззвание Нижегородского Совета взяты из папки листовок 1917 года в «Архиве Октябрьской Революции».

[3]) Большой бой между резко выраженными политическими течениями был только в Красноярске — одном из центров сибирской ссылки. Подробно о нем — в статьях Б. Шумяцкого в сборнике, посвященном Я. М. Свердлову, и в «Хронике гражданской войны в Сибири».

[4]) Речь идет лишь об отделении большевиков от остальных советских партий в области вышеназванных резолюций. В практических вопросах — проведении восьмичасового рабочего дня, вмешательства Совета в экономические конфликты, в организации рабочей милиции, продовольственного

ция будет носить буржуазно-демократический характер, многие другие считали, что буржуазно-демократический этап русской революции будет относительно длительным [1]), и ограничивались лозунгами, пригодными только для первого этапа.

Неопределенная оценка характера русской революции, неясность ее перспектив мешала резкому разграничению между левым, пролетарским крылом Советов и мелко-буржуазным, соглашательским.

Таково было общее положение перед советским совещанием.

Петроград стал центром внимания народных масс. Уже с 28 февраля «революционная демократия» всей страны ориентировалась на Петроградский Совет [2]). Последний с этого же дня стремился это положе-

снабжения, в отношениях со всякими буржуазными общественными комитетами, городскими думами, в арестах царских чиновников и офицеров и т. д. — большевики вели себя достаточно резко, чтобы не спутать их с меньшевиками и эсерами.

[1]) Так, в резолюции, принятой на общем собрании членов Киевской организации большевиков были принята следующая оценка революции: «В России происходит буржуазно-демократический переворот... Реализация лозунгов 1905 года — демократической республики, восьмичасового рабочего дня и конфискации помещичьих земель, — вот задача дальнейшего развития революции... Российская социал-демократия должна стремиться к тому, чтобы демократическая революция в России послужила сигналом пролетарской революции на Западе...» («Социал-демократ», Киев, № 7 от 14 марта). По сообщению И. Кулика (ст. в «Летописи Революции» № 3-4 за 1924 г.) резолюция эта была принята 8/III 70 голосами при всего 8 воздержавшихся.

В программных статьях большевистских органов всюду в качестве основных требований выдвигаются вышеупомянутые «три кита». Такова, например, редакционная статья В. Тихомирова в № 1 казанского органа большевиков, такова программная статья В. Милютина «Наш путь» в № 1 большевистского Саратовского «Социал-демократа», статья «Наша программа» в № 1 Киевского «Социал-демократа», таковы статьи первых номеров Екатеринославской «Звезды».

[2]) Петроград являлся центром не только в силу политической и административной централизации. Война привлекла туда лишних две сотни тысяч рабочих, среди них, вероятно, десятки тысяч квалифицированных рабочих. К 1 января 1913 г. в Петрограде насчитывалось 362 предприятия с числом рабочих свыше 100 человек, а общее количество рабочих составляло 194 тыс. (из них 62 тыс. металлистов). К 1 январю 1917 г. число предприятий, насчитывающих более 100 рабочих, увеличилось до 414, а число рабочих — до 403 тыс. (из них 248 тыс. металлистов) (С. Кол-ов, Изменения в рабочей армии Петрограда, «Статистика труда», №№ 1—4 за 1917 г.) Таким образом, число предприятий увеличилось на 1/7 (14-15%), число рабочих — немного более чем в два раза (108%), а число металлистов — в 4 раза (на 300%). Если в 1913 г. на одно предприятие насчитывалось 537 чел., то в 1917 г. — уже 973 чел. Одних предприятий с числом рабочих свыше 1 000 чел. насчитывалось в 1913 г. в Петроградской губернии 40, с 97 тыс. рабочих, а в октябре 1916 г. в одном Петрограде насчитывалось 78 таких предприятий с 285 тыс. рабочих. О роли питерского пролетариата в политической жизни страны можно судить по тому, что с августа 1914 г. по декабрь 1916 г. Питер дал 55% всех политических забастовок и 74% всех участников политических стачек. 350 тыс. человек участвовало в политических стачках, свыше 500 тыс. бастовало всего и в экономических и политических забастовках. Вряд ли можно переоценивать значение этих цифр для об'яснения исключительной роли Петрограда в 1917 году.

ние легализовать. 15 марта ИК выносит постановление о созыве совещания с представителями крупных городов, и через месяц после ликвидации самодержавия собирается Всероссийское совещание Советов.

Значение совещания в основном свелось к тому, что проводившаяся Церетели и Даном мелко-буржуазная линия революционной демократии получила свидетельство в правомочности от имени всей демократии России.

Самый состав совещания оказался случайным. Большинство оказалось армейским и беспартийным, которое с трудом удалось отговорить от того, чтобы совещание не об'явило себя с'ездом. Всего на совещании было представлено 185 организаций, из них 138 Советов Р. и С. Д., 13 отдельных тыловых частей, 7 армий и 26 отдельных частей фронта. Всероссийский казачий с'езд получил 11 мест, каждая армия получила 8 мест, соответственно — и другие воинские части, между тем как приглашеные места должны были послать по 2 делегата. Из 138 местных Советов были представлены 120 городов, но каждый местный Совет из двух присланных делегатов одно место должен был предоставлять Совету солдатских депутатов. Таким образом, политически бесформенное солдатское большинство Совещания явилось опорой мелко-буржуазной политики соглашательского большинства Петроградского Исполкома.

Важнейшими вопросами совещания явились доклад Церетели о войне и Стеклова — о Временном правительстве. В этих вопросах наметились в основном три крыла — правое, состоявшее из армейских представителей, большею частью офицеров, центр, составлявший огромное большинство совещания и целиком солидаризировавшийся с политикой ИК, и левое — рабочее.

Эти течения особенно остро вскрылись при обсуждении доклада Церетели. Положения его доклада: Временное правительство отказалось от узкой классовой политики. Нота 27 марта — доказательство об отказе от всяких империалистических намерений. Необходимо добиваться общего мира без аннексий и контрибуций и на основе самоопределения национальностей. Пока же война продолжается, необходимо «мобилизовать все живые силы страны во всех отраслях народной жизни для укрепления фронта и тыла». В прениях по докладу наиболее многочисленными были заявления представителей всяких армий и частей о необходимости доведения войны до полной победы над Германией. Этот алармистский тон был поддержан и некоторыми советскими лидерами. Брамсон, ссылаясь на Стоход, заявлял: «Есть один путь, путь разума, который говорит по древней, убеленной сединой поговорке, — если хочешь мира, готовься к войне». Но тон в правом крыле все же задавали не штатские, а так называемые представители армии. Между тем, представительство-то от армии в значительной мере было фальшивым. Настроение солдатской массы хотя и было оборонческим, но оборончество это было добросовестным. Резолюции же о победном конце, о войне до сокрушения прусского милитаризма и династии Гогенцоллернов были продуктом штабного творчества. В то время как представитель «миллионной армии» говорил о пебеде и о доверии Временному правительству, один из делегатов, пришедший непосредственно с окопов, истинный предста-

витель солдатской массы, говорил слова, в которые надлежало вдуматься. Солдаты в окопах, говорил он, потому прислушивались к речам социалистических депутатов в Гос. думе, что они никогда не говорили о войне до победного конца. «Мои товарищи, когда посылали меня на этот с'езд, сказали, чтобы я передал т. Чхеидзе и всем товарищам, что мы готовы жизнь свою положить за эту свободу, но мы все-таки, товарищи, хотим конца войны».

Эпически просто передавал этот делегат, как солдаты восприняли весть о революции: «Когда пришли к нам и сказали о перевороте, все солдаты сказали: слава богу, может быть, теперь мир скоро будет».

Левое крыло — почти исключительно большевики, — настаивая на том, что в резолюции ИК основная мысль не в том, что нужно прекратить войну, а в том, что следует готовиться к обороне, предложили свою резолюцию. Прошла, понятно, резолюция Церетели при 325 за, 57 против и 20 воздержавшихся. Также отвергнуты были и поправки большевиков. Резолюция о войне была единственной, по которой произошло политическое размежевание, и уже тогда выяснилось, что неизбежно будет в дальнейшем не только партийное, но и внутрипартийное размежевание. Вопрос о войне был поставлен на обсуждение фракции. Внутри большевистской фракции оказалась относительно большая группа, бывшая большевистской только по своему историческому прошлому. На заседании фракции, по свидетельству Игнатова, 19 человек настаивали на присоединении к оборонческой резолюции. Такой же процесс, только в обратном направлении, происходил, видно, у эсеров. На с'езде представители, с одной стороны, оборонческой группы бывших большевиков, с другой — представители меньшинства эсеров заявили о голосовании за резолюции противоположных фракций. Группа оборонцев большевиков голосовала за резолюцию Церетели, группа эсеров голосовала за резолюцию Каменева. Меньшевики-интернационалисты воздерживались.

Голосование по вопросу о войне было крупнейшим политическим фактом советского совещания — по существу это был блок полукадетских офицеров, Церетели—Дана и Стеклова—Севрюка, направленный против левого крыла совещания. Церетели, видно, с самого начала и рассчитывал на это — первоначальный текст резолюции был еще более правым, только в комиссии усилиями Суханова и Ларина удалось его несколько причесать.

В менее острой форме эти же разногласия вскрылись и по докладу Стеклова о Временном правительстве. Общее впечатление совещания от доклада хорошо выразил эсер Гендельман в своем выступлении: «Когда я слушал доклад Стеклова, то, конечно, как и все, думал, что вывод один: Временое правительство нужно арестовать и посадить туда, где сидят Протопопов и Щегловитов». Доклад действительно был заострен на внешних эффектных моментах, в нем было собрано много отдельных политических фактов, но в нем не было политической линии и раньше всего не было соответствия между содержанием доклада и предлагавшейся резолюцией. После неудачных поисков среди ИК содоклад-

чика, «линию» пришлось дать Церетели. Суть ее сводилась к тому же— ответственные слои буржуазии отказались от узко-классовой точки зрения, они поддерживали общую демократическую платформу, и постольку демократии необходимо поддерживать буржуазное правительство. С этим, понятно, целиком соглашалось все правое крыло. Представители трудовиков и так называемые представители армии предлагали только выбросить из резолюции характеристику Временного правительства, как «представляющего интересы либеральной и демократической буржуазии». Офицерство, кроме того, подчеркивало, что «не может быть места недоверию Временному правительству», и такие заявления сопровождались примечаниями вроде того, что это «от имени 55 000 гарнизона Екатеринослава», «от имени армии» и т. д. Атмосфера была совершенно подходящей для того, чтобы один из офицеров нашел уместным сделать заявление о том, что «мы верим, что вы откликнитесь на наш призыв и не пойдете за теми господами, что группируются около газеты «Правда», что вы снимете с очереди все узко-партийные и классовые вопросы, способные раз'единить русских граждан, что вы всеми средствами поддержите Временное правительство», и что его возмущает «то, что здесь слишком мало говорят об обороне страны и слишком много об узко-партийных интересах». Характерно, что именно правое крыло поднимает вопрос о коалиции. Тот же самый офицер Усов [1]), который возмущался «узко-партийными интересами» совещания, подчеркивает необходимость вхождения социалистов в министерство. Эту же идею отстаивало вообще большинство представителей армии, и особенно энергично на этом настаивает фракция трудовиков. Их лидер Брамсон даже начал собирать подписи в пользу этого предложения. Большинство коалиционистов хотело связать и формально Советы с буржуазным правительством и империалистической войной. Фракционные лидеры в своих возражениях на предложение коалиции именно потому и отбивались, что коалиция их обяжет «давать наш авторитет», как говорил один из них, «тем мерам, которые носят буржуазный характер». Однако в требованиях коалиции было и нечто другое — здесь проскальзывало глухое недоверие солдатской массы к буржуазному правительству. Один из делегатов прямо заявляет, что он поддерживает коалицию, так как в разных казармах он слыхал о необходимости пополнения министерства такими товарищами, как Чхеидзе, Церетели, Скобелев; другой солдат говорит, что вхождение представителей ИК в состав Временного правительства — это общее желание солдатских масс. Вряд ли приходится сомневаться, что мотивы этих солдат были отнюдь не те же, что у Брамсона.

Левое крыло в прениях по вопросу о Временном правительстве проявилось значительно слабее. В прениях ораторы его указывали на ряд недемократических действий правительства, на невозможность выражать ему доверие, но никто не высказывал положительного лозунга,

---

[1]) Этот офицер, естественно, состоял в эсеровской фракции советского совещания. Он фигурирует в списке делегатов Совещания эсеров, приведенном в «Деле Народа».

никто не предлагах конкретных мер. Зато левые целиком воспользовались докладом Стеклова, чтобы подорвать доверие к Временному правительству.

«Я думаю, — говорил оратор левого крыла Каменев, — что революционная демократия имеет одну позицию, на которой она должна стоять, если хочет дальше развивать революцию. Эта позиция — абсолютное недоверие правительству, вышедшему не из среды самой революционной демократии». Но и Каменев не предлагал закрепить в резолюции позицию недоверия. «Мы в своей резолюции должны сказать не то,—говорил он,—что мы поддерживаем Временное правительство, а то, что представители всей демократии сплотятся вокруг Совета Р. и С. Д., как зачатка революционной власти, которому неизбежно выпадает на долю взять на себя отражение попыток царизма и буржуазной контрреволюции».

Советское большинство было поставлено докладом Стеклова в ложное положение. Принять резолюцию можно было только отвергнув доклад. Итти на такое дезавуирование своего официального докладчика Исполком не решался. Неудобно было, видно, также и пойти после доклада снова на разрыв с левым крылом. Во время прений была созвана комиссия с представителями различных течений, т. е., попросту говоря, с большевиками, так как поддержка правого крыла была обеспечена, и она составила новый проект резолюции, компромиссный и более левый. Это обеспечило единогласное принятие резолюции. Разногласия сказались только в той интерпретации принятой резолюции, которую давали Каменев и Дан. В то время как Каменев подчеркивал тот пункт резолюции, который говорил о необходимости сплочения вокруг Советов, как центра революционных сил, Дан подчеркивал, что «эта клевета, будто Совет Р. и С. Д. хочет принять участие в осуществлении государственной власти», «власть — это Временное правительство, а революционная демократия в лице Советов Р. и С. Д. осуществляет свое влияние на ход политической жизни и деятельности правительства путем непрерывного организованного давления на него и контроля над ним». Таким образом в этом основном вопросе противоречия были затушеваны.

Основное значение советского совещания в том, что в нем начали выкристаллизовываться классовые линии — хотя и слабо, но уже отделилось во всероссийском масштабе пролетарское крыло. Оформился, с другой стороны, мелко-буржуазный советский блок — народники и меньшевики не только шли все время единым фронтом, но и предварительно согласовывали основные резолюции. Российская демократия получила от мелко-буржуазного блока ясные политические директивы — оборона страны, поддержка буржуазного правительства. Мелко-буржуазный блок получил признанный всероссийский центр — в ИК Петроградского совета были делегированы 16 представителей от Всероссийского совещания.

Сейчас же после Всероссийского совещания местные Советы один за другим подтверждают резолюции, принятые на совещании. На минском фронтовом с'езде, финляндском областном, на киевском областном, уральском областном, на с'езде Советов Нижегородской губернии,

на Николаевском, Ставропольском, Иркутском Советах, на армейских с'ездах, — всюду, почти без поправок или с самыми незначительными, принимаются эти резолюции. Их принимали даже тогда, когда они уже явно устарели — после событий 20—21 апреля, перед самой коалицией, иногда даже после коалиции. Большей частью они принимались единогласно, или во всяком случае подавляющим большинством голосов. Даже большевики на местах голосовали иногда за эти резолюции—ложная боязнь политической бестактности удерживала их от отрицательного вотума по решениям, вынесенным от имени всей «революционной демократии». Но и там, где левые выступали, они собирали ничтожное количество голосов: на финляндском областном с'езде Советов из 120 делегатов левые располагали 9 — 13 голосами, на киевском областном с'езде из 90 делегатов имели 7 голосов, на с'езде Советов Нижегородской губернии все основные резолюции принимались при 1 — 3 воздержавшихся (только против резолюции о «Займе свободы» голосовало 61 человек), в Иркутске большевики голосовали за резолюции совещания, но внесенная одним из большевиков поправка о внешней политике правительства собрала 4 голоса из 150. Только на уральском с'езде, который к тому же и происходил очень поздно — в начале мая, — большевики располагали третью голосов всего с'езда.

Почему же именно эсеры, партия, фактически к началу Февральской революции не существовавшая, собирает наибольшее количество голосов, становится наиболее многочисленной в Советах?

Как же произошло, что именно меньшевики — политическая фракция городской мелкой буржуазии и весьма малочисленного верхушечного слоя рабочего класса — оказались политически-руководящей группой в Совете?

В силу чего именно меньшевики, партия, которая менее всего готовилась к революции и более всего искала обходных, окольных, кружных путей к ликвидации самодержавия, именно они, а не большевики, которые из всех партий одни держали курс на революцию и которые еще в 1915 году практически ставили перед передовыми питерскими пролетариями вопрос об организации Советов рабочих депутатов, как органов революционного восстания, стали во главе Советов?

Каков тот социальный механизм, где те социальные пружины, которые вытолкнули наверх именно партии мелко-буржуазного социализма?

Атмосфера политической амфорности, слитности классовых потоков, социальной бесформенности, неясности партийных лозунгов, политическая неопытность масс, отсутствие правильных перспектив развития революции и правильной оценки ее характера у политических партий, — все это дает известное об'яснение господству мелко-буржуазного социализма в первые месяцы революции. Но здесь был и ряд других обстоятельств.

Как уже было упомянуто, огромное большинство Советов было организовано в первые недели марта. К тому времени политическая организация пролетариата только оправлялась. Во многих местах меньшевики получили своеобразную монополию — не ведя почти никакой

революционной работы, они сохранили свои кадры и быстро овладевали стихийно возникавшими рабочими организациями. Так же быстро создавалась эсеровская организация, где ядро старых партийных работников составляли люди, когда-то имевшие отношение к революционному движению, но давно от него отошедшие и ставшие либералами, либо мирными обывателями. Это было одно из обстоятельств, дававших в руки меньшевикам и эсерам преимущество перед пролетарской партией. Большое значение имело изменение состава пролетариата в военные годы, разбавление его многочисленными крестьянскими элементами, городским мещанством и даже буржуазными группами. Были и другие обстоятельства, игравшие, пожалуй, еще более важное значение. Раньше всего необходимо учесть политическое значение концентрации огромных крестьянских масс почти во всех городах России. Война позволила с первых же дней установить связь между революционными силами обоих классов — пролетариата и крестьянства. Солдатские Советы, об'единявшие наиболее энергичное, работоспособное грамотное мужское крестьянское население, представляли с полным правом крестьянство России вообще [1]. Принципиально рабочему ядру революционного блока была обеспечена возможность воздействия на огромные крестьянские массы, но пока солдаты проходили ускоренный курс обучения революционным действиям, до тех пор солдатско-крестьянские массы неизбежно тормозили развитие политического и классового сознания широких пролетарских масс, до тех пор они неизбежно сами влияли на политическую линию Совета.

Насколько велики были солдатские массы по городам, видно из следующих цифр: в Петрограде, Киеве, Гельсингфорсе, Тифлисе находились гарнизоны, по численности своей более похожие на армию: в этих городах находилось по 150 тысяч солдат. В Саратове и Самаре находилось по 80 тысяч солдат, в Томске свыше 70 тысяч, в Тамбове 70 тысяч., в Омске также был расположен 70-тысячный гарнизон (все взрослое население там составляло 50 тыс.), в Ярославле 62 тыс., в Екатеринославе и Екатеринбурге по 60 тыс., в Орле 50 тыс., в Казани и Брянске по 40 тыс., в Перми 30 тыс., в Смоленске, Воронеже, Челябинске по 25 тыс., в Царицыне 20 тыс. и т. д. По сведениям из «Известий Нижегородского С. Р. Д.» (№ 16) в мае месяце в Нижнем-Новгороде было около 40 тыс. солдат, во Владимире около 20 тыс., в Шуе 15 тыс., Иваново-Вознесенске 6 тыс., Покрове — 6-8 тыс., Гороховце 6 тыс., Муроме 4 тыс., Вязниках 4 тыс., всего по Владимирской губернии стояло 70—72 тысячи, в Кинешме Костромской губ. находилось свыше 5 тыс., в Алатыри Симбирской губернии — свыше 10 тысяч. Даже в небольших, чисто промышленных городах, как мы видим, число расположенных там солдат превышало иногда количество рабочих. Если принять во внимание, что в первый период представительство от солдатских элементов находилось в интеллигентско-мещанских руках, в руках

---

[1]) В первый месяц, например, Ленин очень мало говорил о крестьянских Советах — всюду крестьянские советы подменяются солдатскими. (См. «Протоколы апрельской конференции», стр. 116, т. IV «Ленинск. сборн.»)

прапорщиков, врачей, писарей, военных чиновников и т. п., то можно будет понять, какой, на первое время, козырь доставался мелко-буржуазным партиям.

Но не только наличие значительных крестьянских гарнизонов по крупным городам давало известное преимущество мелко-буржуазному крылу. Самое представительство солдатских масс оказывалось явно непропорциональным рабочему правительству, не только значительно большим, чем это соответствовало бы политическому удельному весу крестьянства, но и значительно большим, нежели это соответствовало бы численному соотношению рабочей и солдатской части. Например, в Саратове представительство рабочих было немного меньшим, чем представительство от солдат, — от рабочих избрали по 2 делегата от 300 человек в среднем, а от солдат в среднем по 2 делегата от роты (250 человек). При наличии восьмидесятитысячного гарнизона солдатская часть депутатов играла преобладающую роль. В Туле представительство от рабочих было по 1 депутату на каждые 500 человек (предприятия с числом рабочим от 100 до 500 также посылали по одному депутату), от солдат же каждая рота посылала одного представителя и кроме того по 1 офицеру от каждой воинской части. В Иваново-Вознесенске предприятия с числом рабочих от 500 до 1 000 посылали одного депутата, и от каждой лишней тысячи по одному, от солдат же каждая рота посылала одного депутата, кроме того в Совет включалось по пяти человек от командного состава (в городе стоял всего один полк), политических партий и кооперативов. В Можайском Совете — относительно большом — там было представлено 31,2 тыс. рабочих и 7,3 тыс. солдат — от солдат избиралось по 1 депутату на 300 человек, от рабочих же по одному на тысячу. На происходящем в Перми с 7 по 14 мая уральском областном с'езде советов норма представительства для рабочих была 1 депутат на 3 тысячи, для военных же по 8 на полк, т. е. приблизительно по одному на тысячу, причем четвертая часть представительства была в порядке обязательности закреплена за офицерством. Еще более разительная картина была в Баку. Там, еще в сентябре, во время обсуждения на заседании Сов. раб. и воен. депутатов вопроса о перевыборах председатель Совета Ст. Шаумян говорил: «До сих пор была ненормальность, 75 тыс. рабочих избирали едва ли не меньше депутатов, чем 18 тыс. солдат. Офицеры же пользовались еще большей привилегией: они на каждые 10 человек избирали одного делегата» [1]).

На-ряду с непропорциональным представительством солдат большое значение имела и неравномерность самого рабочего представительства, допущение представительства от таких, тесно связанных в тот период с крупной буржуазией групп, как банковские служащие, врачебный персонал, учителя и т. д. Наиболее отрицательное значение для пролетарского влияния в Совете имело то обстоятельство, что пролетариат, занятый в крупных предприятиях,

---

[1]) «Известия Бакинского Совета рабочих и военных депутатов», № 130 от 8 сентября.

имел меньшее представительство в Совете, чем занятый в более мелких предприятиях. Это общее явление. В Самаре на заседании Совета 12 марта были установлены такие нормы представительства: предприятия с числом рабочих от 20 до 100 человек посылают одного депутата, от 100 до 300 — 2 депутатов, от 300 до 1 000 рабочих — 3 депутатов, от 1 000 до 2 000 — 5 деп., а от Трубочного завода 20 представителей («Известия Самарского Сов. раб. депутатов», № 3 от 14 марта); в Саратове предприятия с числом рабочих от 50 до 100 избирали по одному депутату, с числом от 100 до 200 рабочих по два и от 300 до 1 000 рабочих по 3 депутата; в Нижнем Новгороде (согласно обращению Совета в № 1 «Известий Совета рабочих депутатов»), избирательная норма для предприятий с числом рабочих от 50 до 100 — по 1 представителю, а затем, начиная с предприятий, насчитывающих свыше 1 500 рабочих по 1 депутату на каждую лишнюю тысячу. В Казани мастерская с 5 рабочими посылает столько же, сколько и завод в 1 000 человек, от роты также посылается по одному представителю [1]).

В Киеве нормы представительства в Совет были установлены такие: в предприятиях с числом рабочих от 25 до 100 избирали одного депутата, от 100 до 250 рабочих — двух представителей, от 250 до 500 — трех, затем на каждые лишние 150 чел. — по одному депутату, а в предприятиях, насчитывавших свыше 2 000 рабочих, на каждую следующую тысячу избирался один депутат [2]).

В Николаеве от каждых 200 рабочих избирался один депутат, а у военных — на роту, команду, батарею, эскадрон или сотню по 2 солдата или матроса и кроме того на каждый батальон или другую отдельную часть по 2 офицера [3]).

В Донбассе «Советы в массе небольшевистские, и об'ясняется это неправильным представительством от 10 лавочников, 200 учителей, и даже, как это ни странно, — есть один «товарищ» прокурор. В то же время рабочие посылают одного представителя от 500». (Доклад донецкого делегата на VI с'езде большевиков, Протоколы, стр. 49).

Даже в Москве сохранялась эта неравномерность. По выработанным Московским Советом в первой половине марта нормам представительства предприятия с числом рабочих от 400 до 500 чел. посылают по 1 делегату на каждые 500 чел., но не свыше 3 представителей от предприятия [4]). Таким образом завод Доброва-Набгольц, насчитывающий 1 500 чел., имел в Совете 3 депутатов, а завод «Проводник», где рабочих было почти в 5 раз больше (7 000 чел.), также имел 3 представителей [5]).

---

[1]) Ст. В. Тихомирова в № 20 «Казанского рабочего».

[2]) Рабочие организации г. Киева, сост. Н. Незлобин, Киев, 1918 г.

[3]) АОР. Архив Иногородн. отдела ВЦИК ф. XXX, сер. Д/8, № 113.

[4]) «Извест. Моск. Совета раб. депутатов», № 11 от 15 марта.

[5]) Неудивительно, что на некоторых областных с'ездах Советов рабочие составляли едва четвертую часть с'езда. Так, на с'езде Советов Восточной Сибири в Иркутске 7—13 апреля из 132 делегатов — 51 было от солдат, 49 крестьян и только 32 от рабочих.

В Петрограде, как мы уже отмечали, солдатское представительство было в несколько раз больше рабочего. Несмотря на ряд реорганизаций, относительное и абсолютное преобладание солдатской массы в Совете, повидимому, продолжалось очень долго. Так, например, в протоколе Исполнительного комитета Петроградского Совета от 30 июня можно найти указания на протесты против непропорционально большого представительства армии. Зиновьев еще в сентябре в одной из своих статей жаловался на этот факт.

Ущерб, наносимый избирательными инструкциями представительству крупных предприятий, больше всего отражался на пролетарской партии. Именно на крупных предприятиях были сосредоточены ее кадры, было наибольшим ее влияние, именно здесь черпала партия пополнения. Наиболее сознательный, обучаемый, дисциплинируемый и революционизируемый самим ходом крупного машинного производства отряд пролетариата — был наименьше представлен. Таким образом, совершенно искусственные нормы представительства не только сокращали и без того недостаточное представительство рабочего класса, но и внутри него самого усиливали представительство наименее пролетарских, если можно так сказать, элементов.

Отсутствие избирательной конституции позволяло не только произвольно устанавливать избирательные нормы для различных групп, но и столь же произвольно устанавливать, какие группы могут выбирать, какие организации могут представительствовать в Совете. Как общее правило, в Совет посылали своих представителей три политических партии (большевики, меньшевики, эсеры), но помимо этого представители посылались и профессиональными союзами, иногда кооперативами, больничными кассами, «Рабочими группами» при прежних Военно-промышленных комитетах. В некоторых Советах находило себе место и такое явление, как кооптация в Совет. В Казани, например, была кооптирована вся «Рабочая группа» при Военно-промышленном комитете. В Архангельске она, повидимому, широко развилась: по крайней мере, в утвержденном в начале мая Архангельским Советом плане реорганизации допускается право кооптации, но вводится ограничение — не свыше пяти процентов общего числа членов Совета [1]).

Но перечисленные выше обстоятельства еще не исчерпывают всех внутренних пружин того механизма, который создал господствующее положение соглашательским партиям в Совете. К ним нужно отнести еще преследования и стеснения пролетарской партии в провинции. Притеснения принимали в зависимости об обстоятельств, места и времени самые разнообразные формы. То Совет отказывал большевикам, после их фракционного оформления, в представительстве в Исполнительный комитет (Тула, Чистополь), то Совет запрещает большевистские демонстрации (Смоленск, Юзовка, Екатеринодар), то выносится постановление о недопущении большевиков к солдатам (в Перми, например, где Совет запретил выдавать большевикам пропуска в казармы, в Чисто-

[1]) Приложение к № 10 «Извест. Архангельск. Совета раб. и солд. депутатов».

поле Совет запретил большевикам доступ на пристань в дни, когда прибывают пароходы с солдатами), то Совет ведет борьбу с большевистской прессой [1]). Не брезговали и арестами большевиков по специальным ордерам Совета (Хабаровск, Харбин) [2]). В ряде мест работа большевистской фракции в Совете обставлялась столькими препятствиями, что фракция отказывалась от всякой положительной работы и уходила из Исполкома — такое положение было, например, в Тифлисе, Екатеринодаре, Виннице, Чистополе.

Даже в столицах, где большевистская организация с первых же дней революции была столь крупной величиной, что устранить ее с политической арены даже инсценированием целого клеветнического похода все равно было немыслимо, делались попытки политического убийства партии. Так, Пороховский районный Совет принял резолюцию, в которой требовал от большевиков Пороховского района в кратчайший срок признания и подчинения платформе Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов; а в случае отказа от выполнения такого требования, — предлагал сложить с себя все работы по ведению дел в организациях района.

Томский, представитель Пороховского района большевиков на заседании ПК большевиков сообщил еще дополнительные сведения о том, что «большевики получили жандармские бумажки с вызовом явиться для об'яснений. На заседании Пороховского Совета рабочих и солдатских депутатов, т. Либер приветствовал от имени Исполнительного комитета Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов почин Пороховского С. Р. и С. Д. и рекомендовал другим Советам подражать этому шагу. Либер перенес вопрос из плоскости юмористики на принципиальную плоскость: должен ли всякий входящий в Совет член проводить платформу Совета. При утвердительном решении этого вопроса, становится вопрос об изгнании большевиков из Советов, где их меньшинство» [3]).

В прениях некоторые из выступавших отмечали, что и в других районах (Колпино, Невский) существуют подобные настроения [4]).

---

[1]) В Виннице Исп. комитет запретил и конфисковал большевистскую листовку, запретил, за непредставление в цензуру, второй номер большевистской газеты «Борьба». В Екатеринодаре, после устроенной большевиками 31 мая «незаконной» демонстрации, на Совете оглашается постановление союза печатников об отказе от печатания «Прикубанской правды». В Тифлисе на экстренном заседании Исполкома постановляется конфисковать 40 тыс. экземпляров привезенной «Правды», несколько раз на Исполкоме ставится вопрос о закрытии «Кавказского Рабочего».

[2]) Так, например, председатель Семиреченского областного Совета раб. и солд. деп., после получения сообщений из Ленжинска о беспорядках, вызванных агитацией большевика фельдфебеля Дегтярева, посылает телеграмму с предложением «принять энергичные меры по отправке 40-летних белобилетников, водворить порядок, арестовать и отправить Дегтярева... Выслать нужное количество казаков» (Архив иногороднего отдела ВЦИК, папка № 97, протокол заседания областного Совета от 3 июля).

[3]) Протокольная запись речи Томского на экстренном заседании ПК от 30 мая.

[4]) ПК энергично протестовал против поведения районного Совета и Либера.

Нужно еще добавить, что быстрому отвоеванию массы от мелкобуржуазных социалистов препятствовала помимо общих условий партийной работы, в частности, помимо отсутствия у большевиков в тот период достаточного кадра пропагандистов, еще и слабость партийной печати и ее относительно небольшой тираж. Ежедневных партийных газет, за исключением столичных, почти не было, даже в больших городах газеты выпускались очень поздно, выходили редко — большей частью раз-два в неделю. Еще хуже обстояло с советской прессой. Хотя материальных средств было достаточно и почти все крупные центры имели ежедневные советские официозы, но самая газета велась обыкновенно в архи-правом оборонческом духе. Даже в таких городах, как Одесса, Баку, и даже в то время, когда интернационалистский блок имел около половины мест в Совете, советские «Известия» очень трудно было различить от «приличной» лево-буржуазной газеты.

Тем не менее, наша бельшевистская пролетарская партия в общем очень быстро отрывала пролетарские массы из-под влияния мелко-буржуазного социализма. Но чем более распространялось большевистское влияние, тем более барьеров ставило отстаивавшее свое господство мелко-буржуазное советское большинство праву отзыва, тем более пытались закрепить соглашатели свое преобладание искусственными организационными мероприятиями. Так, в Питере уже в первой половине мая междурайонное совещание Советов выносит постановление о том, что «члены центрального Петроградского Совета рабочих и солдатских Советов участвуют в районном Совете с правом решающего голоса, без получения на это специального мандата от их избирателей» [1]). В связи с этим несмотря на интернационалистическое большинство (большевики и межрайонцы) в 1-м городском районном Совете борьба за власть длилась около 6 недель, то же и в Василеостровском районе [2]). Даже «либеральные» меньшевики в Москве провели в Совете 20 июня «инструкцию о перевыборах» в Совете рабочих депутатов, по которой для производства перевыборов должно подаваться заявление в письменной форме и не менее чем за подписями четверти избирателей. Причем собрание считалось правомочным, если на нем присутствовало не менее $^2/_3$ рабочих [3]). Практически это значило, что солидное меньшинство всегда может сорвать перевыборы. Кроме этого оборонческое большинство Московского Совета провело постановление, что районные Советы не имеют права выносить самостоятельные решения по тем вопросам, по которым Московский Совет уже принял определенную резолюцию [4]).

Не нужно переоценивать всех вышеперечисленных условий. И непропорционально большое солдатское представительство, и неравномерность рабочего представительства, и искусственное увеличение оборонческой части в Совете, и попытка искусственными мерами сохранить

---

[1]) «Правда» № 54 от 11 мая.

[2]) См. Протоколы Петроградского Совета, 222 и 233 стр. и «Правда» № 52.

[3]) «Известия Моск. Совета раб. деп.», № 92.

[4]) Доклад Подбельского на VI с'езде.

соглашательское большинство, и «осадное положение», вводимое кое-где мелко-буржуазными партиями против пролетарской, — все это имело значение лишь постольку, поскольку широкие — пролетарские и полупролетарские — массы доверяли мелко-буржуазным социалистам. Эти меры могли задерживать темп изживания мелко-буржуазных иллюзий массами, тормозить отход масс от соглашателей. Правое большинство в Совете составлялось большей частью присоединением беспартийных к политике мелко-буржуазных партий.

По мере краха политики, не только отходило «болото» — беспартийная масса, — но и усиливалась диференциация среди самих партий. В партии эсеров, которая, как мы уже отмечали, сама являлась воплощением политической бесформенности первого периода, происходило расслоение, намечались левые группы, многие из ее адептов в одиночку, без всякого организационного оформления, голосовали против резолюций своей партии, за предложения пролетарской партии. Последняя отлично сознавала все несовершенства советской системы, но она также хорошо видела, что Советы являются наилучшей формой организации масс и, при данных тогда условиях, наилучшим выразителем их настроений. Она отлично видела также, что самая хорошая организационная политика советского большинства не спасет плохой политической линии.

Глава четвертая

СОВЕТ И АРМИЯ

1. Армия и революция

В Петрограде Совет обеспечил себя со стороны армии. Солдатская масса сбросила с себя власть начальства, вышла из рамок привычной дисциплины, гарантировала себе безнаказанность, установила выборность офицеров. Эта масса, размещенная преимущественно в рабочих районах (в одном Василеостровском районе находилось свыше 50 тысяч военных), вошла в тесное соприкосновение с рабочими, питалась настроениями последних, подхватывала политические идеи и лозунги, распространенные в рабочей массе, и, хотя с своей стороны привносила в рабочую среду крестьянские иллюзии, неопытность и опасливость, все же в гораздо большей мере проникалась мнениями и настроениями рабочих. Это была своего рода диффузия между двумя телами, из которых одно обладало гораздо большей пористостью и потому гораздо скорее и сильнее пропускало в себя элементы другого тела.

Приказ № 1 и постановление о невыводе питерского гарнизона окончательно закрепляли солдатскую массу за Советом и связывали ее с ним. Решение об оставлении солдат в Петрограде было в известном смысле палкой о двух концах. С одной стороны, Совет стал окончательно своим, естественным защитником и представителем, с другой, сама масса стала значительно податливей к шовинистической агитации, более восприимчивой к победным лозунгам. Однако в общем положение Совета в петроградском гарнизоне было весьма твердым: если можно было еще, пользуясь политической примитивностью крестьянина и играя на его предрассудках, натравить солдата на рабочего, то совершенно безнадежными оказались попытки натравить гарнизон на Совет вообще.

Положение Совета в провинции хотя и было менее благоприятным, чем в столице, но не внушало никаких опасений. Солдатская масса примкнула к перевороту, офицерство признало его, в казарме сейчас же сказались реальные завоевания, созданные одним словом «революция». Ожидать с этой стороны каких-либо особенно неприятных сюрпризов не приходилось.

Сложнее всего обстояли дела на фронте. Первое время фронт поистине являлся какой-то «terra incognita». Точное представление о настроении солдат, особенно в действующей армии, отсутствовало, неизвестно было, какой реальной силой располагал командный состав на

фронте, каковы были его намерения. Но отношение большинства фронтового офицерства к революции было несомненно: оно было весьма неприязненным, часто резко враждебным. Значительная часть офицерства, почти все кадровое офицерство, весь высший командный состав, была связана с привилегированными слоями общества, в частности, с крупным землевладением. Уже одно это определяло, в известной мере, их отношение к перевороту. В тылу революция угрожала отнять у них максимальную долю дохода. Здесь на фронте революция отнимала у них максимальную долю власти. И именно здесь они были более всего об'единены, связаны; интересы офицерской корпорации, как и самый корпоративный, вернее, кастовый дух ощущались здесь сильнее. Более того, фронтовое офицерство держало армию в повиновении только палкой, ему угрожала каждую минуту пуля в спину от своего же солдата. Ближе стоявшее к окопной солдатской массе, оно хорошо знало, как воспримет солдат известие о революции, оно яснее видело что революция, если только проникнет в солдатскую массу, раньше или позже сожрет войну. Командный состав на фронте справедливо опасался, что при первых же послаблениях прорвутся накопившиеся в солдатском сердце злоба и ненависть. Офицерство ясно видело, что принять переворот—значит примкнуть к солдатской массе, а примкнуть к солдатам—значит принять требование мира. Мира, за которым еще стоял призрак другой войны, войны революционной.

Таковы в общем были те причины, по которым фронтовое офицерство, «по крайней мере, те слои его, которые играли руководящую роль в его среде и обычно задавали тон», несмотря на оппозиционность в его среде и ненависть к Протопопову — Штюрмеру — Сухомлинову, было решительно против переворота.

Эта враждебность проявилась в первые же дни в попытках создать кордон против революции. Если в тылу, внутри страны, попытки недопустить распространение известий о петроградских событиях оказывались годными самое большее на один—два дня, то иное положение было на фронте. Здесь можно было задерживать сообщения на неделю и не пропускать их, исподволь подготовляя солдат. Так и было сделано на всех фронтах, во всех армиях. В некоторых из них, например, на западном фронте, для недопущения слухов о революции установили тщательный надзор за всеми приезжающими из отпусков, не пропускали писем из петроградского района, изолировали прибывших, устраивая под предлогом санитарной безопасности карантин. Когда оказалось, что дольше скрывать революцию от солдатской массы нельзя, когда известия о ней начали распространяться из вражеских окопов, тогда командный состав решил информирование армии взять в свои руки. На позициях известия о революции почти нигде не пришли ранее 5—6 марта [1]), причем сообщения преподносились в определенном свете — указывалось только на перемену правительства, на назначение верховным главнокомандующим Николая Николаевича, известие об отречении царя

---

[1]) Во многих частях — если не в большинстве — впервые узнали о событиях в Петрограде от немцев.

приходило много позже, и всюду отречение истолковывалось, как акт доброй воли царя, связанный с желанием принести благо родине.

Различные наблюдатели — не только советские люди: правый прогрессист Мансырев, депутаты Государственной думы Янушкевич и священник Филоненко, Верховский, Воронович, — все они констатируют факт враждебного отношения офицерства к перевороту. Большинство кадрового офицерства и высший командный состав заняли прямо контрреволюционную позицию и первое время относились отрицательно даже к Гучкову, Родзянко, Милюкову.

Но очень скоро офицерство «признало» Временное правительство; прикрываясь этим признанием, оно вело тем более решительную борьбу против Петроградского Совета и против распространения революционной бациллы в армии. От имени фронта энергично подчеркивается, что единственная власть — это Временное правительство и Комитет Государственной думы, подчеркивается гибельность двоевластия, от имени фронта фабрикуются резолюции о победной войне, натравливается армия на тыл. Вместе с тем высший командный состав препятствует проведению каких-либо реформ на фронте, не только стремится оградить фронт от революции, но и внутри армии желает оставить все по-старому. Еще в середине марта, а кое-где и в начале апреля, срывают красные значки, демонстративно оставляют в присутственных местах царские портреты, рассматривают демонстрации с красными флагами как бунт. В стране все полицейские уже давно ходили с красными лентами, на фронте красная петличка все еще являлась символом мятежа. Кое-где еще невозбранно царил палочный режим. Так, на Всероссийском совещании Советов докладчик по военному вопросу сообщал, что еще 15—17 марта отдавались приказы о наложении телесных наказаний на солдат. Такая политика быстро преодолевала инерцию безропотности и молчаливой покорности «серой скотинки». Дисциплина вначале сохранялась великолепная, говорил представитель армии на одном из фронтовых с'ездов, но, «когда солдаты увидели, что все осталось по-старому, тот же гнет, рабство и темнота, то же издевательство, — начались волнения».

Первая программа высшего командного состава — «сначала успокоение, потом реформы», под напором солдатских волнений трещала по всем швам. Дисциплина катастрофически падала, армии грозил развал. Тогда на сцену появляется другая программа. Ее суть можно будет лучше понять, выяснив кто был ее проводником. Дело в том, что если главенствующая роль в армии принадлежала кадровому офицерству, то не оно являлось количественно преобладающим. Война влила в состав офицерства десятки тысяч буржуазной, частично мещанской и кулацкой молодежи. Большинство окончивших высшие учебные заведения, студенты и др. превращались в армии в командиров. Значительные группы буржуазной интеллигенции осели в армии в виде военных чиновников, врачей, инженеров. Огромная часть этих элементов стояла за необходимость войны до победы, но отлично понимала всю невозможность даже простого продолжения войны, без того, чтобы известными реформами не внести успокоения в солдатскую среду. Они считали и возможным и нужным притти к солдату, раз'яснить ему смысл происходящих событий,

помочь ему организоваться. Если штабное и отчасти кадровое офицерство, в котором преобладали помещичьи элементы, введение реформ рассматривали как крах армии и войны, то буржуазные элементы офицерства считали, что, наоборот, спасение войны и армии зависит от проведения реформ.

К этим группам «нового» офицерства, офицеров военного времени, присоединилась и незначительная часть кадрового офицерства, отдельные представители высшего командного состава [1]). Здесь были люди, более ясно понимавшие положение вещей, были и просто плывшие по течению, была здесь и группа молодых, энергичных командиров, с известным политическим чутьем и политической жилкой, словом, офицеры несколько младотурецкого пошиба, каждый из которых не прочь был сыграть роль русского Энвер-бея или даже роль более крупную [2]).

Настроение этих элементов офицерства лучше всего было высказано в одной записи дневника Верховского, будущего военного министра: «Что же делать, когда нельзя остановить движения, нужно стать во главе и направить его так, чтобы ребенок-народ причинил себе возможно меньше зла. Нужно нам, офицерам, войти в союз с лучшей частью солдатской массы и направить движение так, чтобы победить нарастающее анархическое начало и сохранить силу наших войск и кораблей». Такова была программа начальника Верховского и инициатора плана захвата солдатского движения в руки командного состава — адмирала Колчака. Ему действительно удалось добиться огромных успехов — в течение почти двух месяцев на севастопольских судах, в гарнизоне и среди рабочих Севастополя царили не только идеи победоносной войны, но и идеи захвата Босфора и Дарданелл. Севастопольская военная организация создает проект устава, основною мыслью которого является усиление военной мощи флота и армии, дабы довести войну до победного конца. В Одессе Совет солд. и офиц. деп. целиком находился в руках местного Колчака — капитана I ранга Зарудного. По его инициативе Совет в конце марта делает визит английскому консулу по случаю побед англичан на фронте. От имени Совета Зарудный заявляет о всеобщем желании довести войну до победного конца.

Такие же настроения были умело созданы и в ряде других военных Советов — в марте месяце в тылу солдатские Советы были в большинстве настроены на полушовинистический лад, но и после марта в отдель-

---

[1]) Какая часть кадрового офицерства — да и вообще офицерства — примкнула к работе по демократическому переустройству армии, трудно судить. Нужно думать, что не очень большая. Н. Воронович (Записки председателя Сов. солд. деп., «Архив революции» передает, что когда по требованию солдат Лужский Сов. солд. и офиц. депутатов переименовали в Совет солдатских депутатов, то из 400 офицеров двадцатипятитысячного лужского гарнизона только 25—30 человек сочли возможным работать вместе с Советом.

[2]) Только совсем уже перед октябрем некоторые не лишенные энергии и практической сметки офицеры сообразили, что гораздо умнее сыграть на «воле к миру», чем на «воле к победе». Если во Франции, не без основания рассуждали они, Бонапарт пришел из войны, то в России он мог бы притти, только принеся мир.

ных Советах, подобно Севастопольской военной организации (напр., Екатеринодарском), господствовали шовинистические лозунги.

Несомненно, в отдельных прослойках были сильны и патриотические настроения, частично революция подогрела патриотизм у таких слоев, у которых он давно остыл, в частности у известных элементов городской буржуазии.

Эти настроения не могли не передаваться в армию. Агитация за победную войну впрыскивала некоторую дозу «патриотической» отравы в армейский организм. Она находила известный отклик в некоторых частях армии — в некоторых казачьих и кавалерийских частях, укомплектованых, как первые, из привилегированных слоев и находившихся в привилегированном положении в отношении материального снабжения. Менее быстро разлагались и артиллерийские части, в которых был большой процент офицеров и интеллигентов.

В основном все же шовинизм являлся в армии наносным явлением и был искусственно привит.

Что солдат, особенно солдат на фронте, страстно хотел мира и приход революции понял как скорое наступление мира, — это совершенно бесспорно. В различных местах различные люди именно так оценивали положение. Палеолог 28 февраля отмечает в своем дневнике о неприятных криках «да здравствует Интернационал», «да здравствует мир», раздававшихся в уличных толпах Петрограда. Верховский 5 марта пишет: «Масса поняла революцию как освобождение от труда, от исполнения долга, как немедленное прекращение войны». Краснов познакомился с мирными стремлениями даже у казаков; на митинге в начале мая у солдат 1 Кубанской казачьей дивизии с ним соглашались, что можно с землей подождать, но решительно отказывались ждать с миром. Набоков цитирует письма от знакомого командира полка, где проводится мысль, что армия стихийно не хочет воевать.

Ныне опубликованные немногочисленные донесения командиров о состоянии подчиненных им частей, опубликованные сообщения командированных Временным комитетом Государственной думы депутатов, служебная переписка отдельных начальников целиком подтверждают факт преобладания антивоенных настроений на фронте.

Уже 17 марта один из командиров полков доносил, что громкие фразы «бороться до полной победы» произносятся только теми, кто в тылу. Еще ярче выражает настроение солдат командующий 5 армией Драгомиров в своем письме к командующему северным фронтом Рузскому. «Все помыслы солдат, — пишет он, — обращены на тыл. Каждый только и думает о том, скоро ли ему очередь итти в резерв, и все мечты сводятся к тому, чтобы быть в Двинске. За последние дни настойчиво живут мыслью, что они достаточно воевали и пора их отвести в далекие тыловые города...» [1]).

Письмо это датировано 29 марта.

Дезертирство не прекращалось ни на минуту. Нельзя судить, усилилось ли оно с первыми днями революции, — скорей всего оно ослабло

[1]) Шляпников, 1917 г., т. III, 122, стр. 337.

в первые две-три недели. Но оно не прекращалось во всяком случае, а после первых недель безусловно усилилось. Алексеев в письме к Гучкову от 16 апреля пишет: «положение в армии с каждым днем ухудшается, поступающие со всех сторон сведения говорят, что армия идет к постепенному разложению». За одну неделю, с 1-го по 7-е, по сообщению Алексеева дезертировало около 8 тысяч солдат с северного и западного фронта. «С большим удивлением, — писал он в этом письме, — читаю отчеты безответственных людей о «прекрасном» настроении армии. Зачем? Немцев не обманем, а для себя — это роковое самообольщение». Под давлением фронта, Временное правительство в одном из своих воззваний с тревогой указывало «русскому обществу» на печальное явление в армии—массовое дезертирство. Штабные же и комитетские оборонцы не уставали лживо уверять, что никакого дезертирства у них, на фронте, нет. Это, мол, все в тылу. Такие речи раздавались не только на Всероссийском совещании Советов, но даже и на с'езде Советов.

Стремление к миру, которое существовало в широчайших крестьянских массах армии, однако, открыто на фронте почти никем не формулировалось; напротив, именно с началом революции во много раз усилилась агитация за войну до победы; буржуазная пресса, проникавшая в армию в миллионах экземплярах, под этим углом зрения освещала и цели переворота. Противодействие этой агитации со стороны организованных пролетарских групп было небольшим; влияние их еще уменьшилось в связи с уходом тысяч рабочих, сосланных на фронт за забастовки.

Буржуазная интеллигенция, захватившая в свои руки солдатские организации, — от имени всей страны, всей армии, от имени его собственной организации — говорила солдату больше о войне, чем о мире. Стремление к миру, естественно, придавлялось, отводилось в другую сторону, на время уступало место другим стремлениям.

Крестьянин смутно соображал, что происходит вокруг него. Еще вчера его пороли, арестовывали, держали на положении захудалой собаки. Еще вчера он был «серой скотинкой». Сегодня к нему приходит офицер. Неудивительно, если с политически-суеверным преклонением перед пришедшим офицером крестьянин его избирает своим представителем. В руки офицера, интеллигента, писаря попадает солдатское представительство.

Большое значение в овладении офицерством армейским представительством имело совершенно непропорциональное представительство командного состава. Очень часто офицеры входят в солдатский Совет из расчета один офицер на двух солдат — так было, например, в Рязанском и Костромском Советах [1]). В большинстве случаев офицеры помимо общего представительства еще имели дополнительное представительство от командного состава. В Челябинске в Совете офицерству предоставили $^1/_5$ всех мест, в Тифлисе офицерство по конституции имело в Испол. комитете одну треть состава солдат членов комитета, в самом же Совете они пользовались пятикратным избирательным правом, по сравнению с

---

[1]) См. доклад Л. Серебрякова от Костромского и Томпа от Рязанского Совета на пленуме Московского областного бюро Советов 13—15 апреля.

солдатами — офицеры гарнизона избирали по 5 депутатов от 100, от солдат же на 100 человек избирался только один депутат.

Местные солдатские Советы заполнялись офицерами, во главе их первое время находились почти исключительно офицеры, правда, очень часто прапорщики. В Екатеринбурге в ИК Совета солд. депутатов было избрано 17 солдат с 10 офицеров, во главе Совета стоял прапорщик; в Херсоне во главе Совета офицер; в Н.-Новгороде в об'единенный Исполком Сов. солд. и офиц. деп. вошло 40 солдат и 20 офицеров; в Лужском Сов. первый комитет почти сплошь из офицеров, в Галиции в гарнизонном Совете г. Черновиц был только один солдат, да и тот разжалованный из офицерских чинов, в гарнизонном Совете Тарнополя, хотя большинство состояло из солдат, но руководил Советом полковник граф Ржевусский; даже в Иркутске, где инициаторами создания солдатского Совета были ссыльные эсеры, в составе Исполнительной военной комиссии было 7 солдат, 8 офицеров и два врача. В Казани в Исполн. комитете временного военного комитета из 15 человек 10 принадлежало к командному составу и только 5 солдат, председателем этого комитета был полковник; в Одессе в президиуме Совета солдатских депутатов было 4 офицера, 2 прапорщика и 8 солдат, председателем Совета был капитан I ранга; в Житомире Совет военных депутатов в большинстве состоял из офицеров, во главе его стоял полковник; в Севастополе, по выработанному и утвержденному Колчаком положению, количество офицеров в комитетах должно было быть не менее ¼ части всех членов. Это положение сохранилось до конца мая—до приезда делегации балтийского флота. Но и матросские представители искусно подбирались офицерством. В Карсе председатель Совета солд. деп. — поручик-меньшевик.

Командный состав и офицерская часть Советов решительно противодействовали слиянию Совета солдатских депутатов и Совета рабочих. В обособленности этих Советов был залог того, что они не будут скоро сагитированы, не уйдут из-под влияния своих начальников. В Екатеринославском, Одесском Советах офицеры ведут борьбу против слияния. В Орле «С. Р. Д. потребовал представителей от войск в свой состав, но встретил в этом противодействие со стороны начальства. Потом позже сопротивление исчезло, и в середине марта войска дали своих представителей» [1]).

Другой стороной преобладания офицерства в солдатских Советах было отсутствие большевиков. Даже в таком Совете, как Московский, из 400 депутатов было только 7 большевиков. В Харькове, например, в июне еще все 4 полка, стоявших там, целиком находились под влиянием оборонцев; в Екатеринославе также только в июле начинают завоевываться большевиками воинские части; в Киеве в Совете солд. деп. не было большевистской фракции, так как во всем Совете был только один большевик (питерский рабочий), только в августе удалось в Совет провести еще 3—4 большевиков; в Самаре фракция большевиков в Совете вначале состояла из 5 — 6 солдат;

---

[1]) Доклад представителя Орловского С. Р. Д. Мусатова на пленуме Московского областного бюро Советов 13—15 апреля.

в Екатеринбурге солдаты послали в первый состав Совета всего 5 большевиков.

Вероятно, известное значение в слабости большевистских элементов в армии имело возвращение из армии всех рабочих, в свое время брошенных туда за стачки и «волнения»; имело значение и проволочное заграждение, устроенное штабом для большевистской прессы и литературы и для большевистских агитаторов.

В силу всех этих условий большей частью солдатских Советов руководило офицерство, именно те более молодые элементы командного состава, о которых мы говорили выше. В их руках находилась связь с солдатской массой, они пользовались большим влиянием в комитетах, и в первый месяц создавалось впечатление, будто армия прочно и на «новых основах» находится у них на привязи.

«Непримиримые» в среде офицерства стушевались, в воинских частях они перестали играть существенную роль. Высший командный состав, после провала попыток недопустить политику в армию, пошел на уступки. Алексеев принял довольно либеральную программу деятельности комитетов, выработанную Колчаком. Самого Колчака, которому удалось наладить добрососедские отношения с «братцами-матросиками», усиленно популяризовали.

Но в чем одинаково согласно было и реакционное и либеральное офицерство, — это в стремлении воевать до победы и в ненависти к советской революции. В армии, в меньшей степени, чем в стране, произошло об'единение буржуазных и помещичье-феодальных элементов, вернее, при фактическом об'единении тех и других и в армии и в стране, в армии все же больше чувствовались разногласия между этими фракциями привилегированных [1]). Но общие задачи все больше выдвигались на первый план. Их разделяли различные взгляды на устройство страны после усмирения революции и разгрома Советов, но их общая цель не приближалась, а отдалялась. Более того — река революции не только не входила в берега, но все более затопляла страну: Советы не только не суживали своей работы, но все более ее расширяли, все более вплотную подходили к армии.

И Совет, и командный состав в равной степени стояли перед необходимостью боя за армию. Инициативу боя взяли на себя люди дела — военные.

2. Борьба за армию

Ко времени Всероссийского совещания Советов определились классовые силы и политическая линия, оформились партийные группы и партийная борьба. Отделение пролетарской линии в мелко-буржуазном блоке было усилено неслыханно резкой для того времени постановкой вопроса в апрельских тезисах и самоопределением партийных организа-

---

[1]) Меньшая слитность помещечье-буржуазного блока в армии, вероятно, об'яснялась тем, что полукрепостнические группы в стране именно в высшем командном составе располагали наиболее сильными позициями. Отсюда их попытки сыграть самостоятельную роль в армии, при вынужденном отказе от своей политики в тылу.

ций в духе этих тезисов. С этого времени Исп. к-т, под руководством Церетели, заостряет борьбу против левых. Уже через два дня после конца апрельского совещания Церетели ставит на Исп. к-те вопрос о политической линии «Известий», подготовляет своего рода маленький переворот в Исп. к-те — выделение политически-однородного Бюро, в котором, правда, вопреки предложению Церетели, не запрещают присутствовать членам Исп. к-та, но обязывают их «не предавать гласности работ Бюро и не использовывать их в своих партийных делах». К середине апреля происходит реорганизация всех отделов, во главе их становятся «официальные» люди, в редакции временно оставляют Стеклова, но в помощь ему посылают Гольденберга, Войтинского и Дана — трех ответственных представителей меньшевиков.

Но на-ряду с этим не забывали и правой опасности. Требования войны до победного конца, раздававшиеся из уст представителей армии на Московском областном совещании Советов и на Всероссийском совещании, были весьма опасными симптомами. Хотя солдатская масса была решительно против всякого жюскобутизма (войны до победного конца) и даже ее оборонческие настроения были не очень сильны (а настроения эти мелко-буржуазное советское большинство учитывало как чрезвычайно положительный фактор), но политическое представительство армии оказывалось в весьма сомнительных руках и ее добросовестное оборончество могло эксплоатироваться и направляться в удобный для реакционеров момент даже против самих Советов.

Руководители Совета, вероятно, понимали, что первая попытка всех антиреволюционных сил справиться с революцией будет связана с предварительными боями за овладение армией; бои наступили быстрее, чем их ожидали.

Со времени сражения на Стоходе буржуазная пресса начинает атаку «разлагающейся солдатчины». Она запугивает страну перспективой предстоящего разгрома, вопит о защите революции от Гогенцоллерна, искусственно создает панику, раздувая слухи о готовящемся походе немцев на Петроград, о беззащитности столицы, о развале во флоте и Кронштадте. В связи с установлением восьмичасового рабочего дня армия усиленно натравливается на рабочих: рабочие — лодыри, рабочие хотят загребать деньги, когда мы проливаем кровь, рабочие оставляют нас без снарядов, хотят работать только 8 часов, когда мы вынуждены 24 часа валяться в окопах.

Почти ни одна буржуазная газета, ни один кадетский агитатор не сообщали, что допущены сверхурочные работы, что сокращение рабочего дня проводится лишь там, где не затрагиваются интересы «оборонной» промышленности.

Зато очень умело играли на собственнической струнке крестьянина. Крестьянин, мол, в страду чуть ли не 20 часов в сутки работает, а рабочие хотят только 8. Пугали крестьян и восьмичасовым рабочим днем для наемных рабочих в сельском хозяйстве. Пугали крестьян и укреплением вместе с поражением позиций помещика.

Первая контр-революционная кампания буржуазии не оставалась безрезультатной. Уже 12 марта в Москве на пленуме Совета при обсу-

ждении вопроса о созыве «мирного» международного социалистического конгресса группа солдатских депутатов чуть было не сорвала заседание, 24 марта происходят столкновения в Петрограде между солдатским и рабочим населением на почве дефектов продовольственного снабжения гарнизона.

Ко времени советского совещания отношения между солдатами и рабочими были подобно туго натянутой струне. Движение принимало широкий и опасный характер, начались натравливания на Совет, который, мол, занимался «самообороной», на рабочих, неправильно будто бы получающих отсрочки, натравливание на тыл вообще, поползли темные слухи об инородцах, шпионаже и т. д. Травили Красную гвардию, препятствовали вооружению рабочих, натравливали на «самоокопавшийся» питерский гарнизон. После приезда Ленина была немедленно пущена в ход легенда о «запломбированном вагоне», немецких деньгах и т. д. В Волынском полку, в какой-то матросской части обсуждается способ ареста Ленина, воинские части выносят резолюции о возвращении Ленина назад в Германию, обвинения в продажности начинают принимать такой характер, что на одном из митингов в Гренадерском полку в начале апреля даже Дейч вынужден энергично защищать Ленина от нападения. Исполнит. комиссия Московского Совета выносит резолюцию, где говорит, что ленинская пропаганда равносильна контрреволюционной. В Крыму ряд местных солдатских Советов выносит резолюции протеста против ожидаемого туда прибытия Ленина и обещают вооруженной силой воспрепятствовать проникновению его в благодатный крымский край.

Пускается в ход и прямая провокация. В цирке Чинизелли 30 марта темные организации созывают митинг, где инициаторы выступают против 8-часового рабочего дня и против вмешательства Совета в деятельности Врем. правительства. Усилиями советских агитаторов предложенная резолюция проваливается. Собрание приняло резолюцию, в которой говорилось: «признавать Врем. правительство до тех пор, пока оно будет считаться с мнением Совета рабочих и солд. депутатов». «Русская воля», однако, печатает проект резолюции инициаторов в качестве резолюции, принятой собранием. В Москве отдел распространения литературы при комитете партии народной свободы расклеивает отвергнутую резолюцию как принятую представителями всего петроградского гарнизона. По всей России пускается лживое сообщение о вооруженной демонстрации Петроградского полка на Путиловском заводе.

Весь огромный аппарат буржуазного общественного мнения, вся буржуазная пресса обрушилась на «войну в ничью», на малую производительность рабочих, на недостаточное внимание тыла к фронту.

На этом фронте у буржуазии, несомненно, были частичные успехи. Обострение отношений доходит кое-где до самого высокого напряжения. Вопрос о 8-часовом рабочем дне, об отношениях рабочего класса к армии и фронту, становится больным по всей России [1]).

---

[1]) Очень хорошо передает тогдашнее положение один провинциальный делегат советского совещания, председатель Нижегородского Совета С. Ште-

Эта попытка буржуазии вбить клин между армией и городом шла, однако, не по линии классовых интересов, а по линии использования политического невежества. Попытка эта сорвалась. Рабочие проявили весьма тактичное отношение к солдатам, на заводах всюду выносятся резолюции с указанием на необоснованность этих заявлений, почти все крупные предприятия, работающие на оборону, приглашают к себе представителей воинских частей, которых знакомят с действительным состоянием производства. Совет, с своей стороны, принимает ряд мер к тому, чтобы возбужденное настроение солдат переломить.

Точно такая же картина в Москве. Здесь Совет для успокоения солдат даже создает комиссию по проверке отсрочек всех рабочих, работающих на оборону.

Полувраждебное, недоверчивое отношение армии в конце концов было сломлено. Но уже самая возможность столь огромного влияния на крестьянскую армию командного состава, подчинение ее давлению буржуазного общественного мнения, ставила перед Советом в качестве важнейшей первоочередной политической задачи борьбу за армию.

С начала апреля в Таврическом дворце происходит непрерывный солдатско-крестьянский митинг, через него в огромном числе проходят представители различных воинских частей со всех уголков фронта, через этих делегатов проникает в армию, часто впервые, представление о политической линии и принципах Совета.

В самом Петрограде к середине апреля настроение солдатской массы окончательно определилось как советское. Предстояло еще завоевание армии во всей России. В этом отношении огромное симптоматическое значение имел Минский с'езд.

Фронтовый с'езд делегатов западного фронта был первым, и его созыв пришелся как раз в дни обостренной борьбы за армию. В такой обстановке Минский фронтовой с'езд был проверкой — за кем все же идет армия. Обе стороны послали на с'езд лучшие силы — от Совета поехали Гвоздев, Скобелев, Чхеидзе, Церетели, от буржуазии — Род-

---

рин: «Своими явно провокационными статьями и заголовками они сеяли рознь и панику в населении Петрограда, с одной стороны, и возбуждали войска против рабочих на фронте и в тылу — с другой. В Петрограде минутами чувствовалось, что должна разразиться гроза. Многие жители (буржуазный элемент) начали покидать Петроград. В аудиториях, домах, трактирах и в трамваях велась травля против рабочего класса». Настроения эти проникли и на советское совещание: «Первое, что бросается резко в глаза, — это подавляющее большинство солдат-делегатов и офицеров. Представители рабочих отдельными точками вкраплены в общую массу серо-зеленых гимнастерок и тужурок... Вышеупомянутые газеты успели уже отравить ядом недоверия наших тт. делегатов-солдат. Это недоверие было столь велико, что минутами казалось, что никакая совместная работа невозможна...». Штерин передает также, как произошел перелом: солдаты, наэлектризованные травлей, начали ходить по заводам в боевом вооружении, но они застали полный порядок на заводах, обслуживающих армию, работа шла полным ходом. «Настроение резко изменилось... солдаты, шедшие со штыками в руках подгонять рабочих на работу, намеревались пойти в редакции газет-провокаторов и разгромить их. С трудом удалось удержать их от такого шага». (С. Штерин, «Впечатления», статья в «Известиях Нижегородск. Совета раб. деп.» № 7 от 14 апреля.)

зянко, Родичев, Масленников. Борьба развернулась уже в вопросе о председателе — последним был намечен председатель Минского Совета Позерн, взамен него штаб, пытаясь сыграть на отношении фронта к тылу и искусственно раздувая это противопоставление, выдвинул солдата с фронта, не называя фамилии; после поисков была найдена затем подходящая фигура солдата Сороколетова, бывшего московского присяжного поверенного, об'явившего себя эсером. Вокруг выборов председателя разыгралась серьезная борьба — здесь оказалась противопоставленной не солдатская масса командному составу, а штаб вместе с эсерами всем соц.-демократам. В результате Позерн получил 382 гол., Сороколетов 323 гол.

После длительных пререканий помирились на том, что избрали Позерна председателем, Сороколетова — товарищем председателя.

В первые дни с'езда сделалась известной другая попытка со стороны буржуазии — овладеть представительством армии, правда, вне стен Минского с'езда. Офицерские круги, поддерживаемые и инспирируемые ставкой, еще во время подготовки Минского с'езда выдвинули вопрос о срочном созыве в Москве всероссийского с'езда фронта и тыла. Гучков немедленно дал согласие, санкционировала затею и ставка. Только вмешательство И. К., протест его в контактной комиссии и предложение местным Советам не посылать делегатов, а также и постановление Минского с'езда о недопустимости обособленной организации революционной армии не дало осуществиться попыткам параллельного с'езда.

На самом же с'езде в Минске выясняется полный провал правого крыла. Резолюция советского совещания об отношении к войне была принята 610 гол. против 8, при 46 воздержавшихся, резолюция об отношении к Врем. правительству — против 5, при 33 воздержавшихся. При обсуждении этих вопросов снова выяснилась, как и на Всероссийском совещании Советов, сильная тяга к коалиции. В конце прений около 250 делегатов внесли требование дополнительного делегирования социалистов во Врем. правительство. Армия требовала коалиции и позже, и вообще иллюзии коалиции, естественно, должны были находить сильную опору не только в политической примитивности солдата— пять Керенских лучше одного, — но и в социальном составе армии. Но если требование коалиции со стороны офицерских слоев, по сути дела, означало попытку страховки от давления солдатских масс, то требования коалиции со стороны солдат вызывались надеждой страховки от неприязненных действий буржуазного правительства, к которому массы чувствовали инстинктивную враждебность.

На Минском с'езде, быть может, впервые в армии заговорили и «солдатики». И они поведали истинную картину того, как проникал переворот в армию, как был прекращен пропуск революционных газет, как скрывали от солдат сведения о перевороте. Некоторые части узнали о перевороте только в конце марта, некоторые получили сведения от немцев. Выяснилось и отношение офицерства к перевороту — только одиночки из среды командного состава присоединились к солдатам. Остальные стали в резко враждебные отношения к новым порядкам. На с'езде прорвалась и жажда солдат-фронтовиков к миру. Выяснилось, что

братанье получило широчайшие размеры: оно происходило вовсе не под влиянием агитации, а чисто стихийно. Низший командный состав, понимая полную невозможность применять репрессивные меры по отношению к братающимся, попросту не доводил до сведения штабов случаи братанья. На некоторых участках фронта немцы обещали не стрелять во время с'езда и, как сообщали даже офицеры, сдержали свое обещание.

С'езд закончился победой демократии. Если на Всероссийском совещании Советов правое крыло отнюдь не имело намерения (и, понятно, какой-либо возможности) сыграть самостоятельную роль, если там происходило размежевание между правым и левым крылом демократии, между мелкобуржуазной демократией и пролетарской, то на Минском с'езде удар должен был быть направленным против правого крыла, здесь именно командный состав пытался отстоять от непрошенных гостей свою армию, пытался вести бой с Советом за армию и был разгромлен.

С'езд воочию показал настроение серой солдатской массы; он показал, что всякие попытки вбить клин между фронтом и тылом, между армией и Советом обречены на неудачу. Но вместе с тем с'езд отразил на себе и смутность политических представлений солдата, неуменье еще самостоятельно разбираться в спорных вопросах и точках зрения, нерешимость высказывать то, что бродило в его мозгу. Солдат знал, чего он хотел, но он не знал путей к его целям, не умел выбирать между предлагавшимися ему путями и, естественно, шел по линии наименьшего сопротивления.

Политическая бесформенность солдатской массы сказалась и в том, как спокойно и чинно выслушивали заключительную речь монархиста, ген. Гурко, призывавшего к победе, она сказалась и на выборах — избранный фронтовый комитет оказался, во-первых, в большинстве из эсерствующих и беспартийных, и, во-вторых, в нем непропорционально большое место занимало офицерство (27 офицеров, 3 врача, 10 рабочих и 35 солдат — т. е. почти поровну офицеров и солдат). Но на Минском с'езде в массы был брошен лозунг мира — мира не немедленного, мира с союзниками, на определенных условиях, но все же мира. Лозунг этот имел огромное значение. При всех разговорах о необходимости обороны, и даже активной обороны, преломление этого лозунга в деклассированной крестьянской массе могло быть только одним.

В Петрограде между тем собеседования с представителями воинских частей вылились в совещания делегатов с фронта. На них уже, однако, не приходилось вести борьбы с командным составом за армию, напротив к концу апреля уже на этих совещаниях появилось левое крыло, количественно не очень сильное, но непрерывно возраставшее. Еще недели две-три, и борьба на фронтовых с'ездах шла уже не между командным составом и революционной демократией, а между командным составом и пока еще имевшими за собой массу мелкобуржуазными партиями против нараставшей большевистской волны; еще немного времени — и не борьба комитетов с офицерами, а борьба офицеров и комитетов вместе против солдат заполнила содержание политической жизни армии.

Глава пятая

КРИЗИС 18 — 21 АПРЕЛЯ

В солдатской массе происходило брожение. Огромная стихийная тяга к миру находила себе очень смутное выражение, особенно в таких районах, куда движение революционной волны только доходило. На фронте солдат только освобождался от власти начальника, в провинции командный состав уже вынужен был приспособляться к солдатской массе и, опираясь на мелкобуржуазные и по своему составу и по своей линии комитеты, пытался удерживать еще руководство над армией. В Петрограде и на Балтийском побережьи, т. е. в районах, где армия и флот уже в первые дни столкнулись с офицерством, как активным противником Февральской революции, влияние командного состава было минимальным. Здесь сильнее всего проявлялось недоверие и к правительству. Армия здесь целиком сдерживалась Советом, и советские идеи и принципы глубоко проникли туда. Если антивоенные настроения захватили, как это показал Минский с'езд, самые глубинные слои армии, и крики от имени армии о войне до победного конца были явно фальсифицированными, то в Питере эти настроения выражались еще резче.

Солдатская масса не удовлетворялась уже тем фактом, что страна находится в состоянии войны, она хотела знать и почему, за что воюют.

Уже с начала апреля в Петрограде начинает формироваться в воинских частях большевистское крыло. Инициаторами партийных групп в частях являлись отдельные партийные товарищи. Вокруг них группировались прежде всего солдаты, бывшие рабочие и, повидимому, вообще горожане. Совершенно неслучайным является тот факт, что большевики получили преобладание впервые в специальных и технических частях. Одним из первых, если не первым полком, принявшим резолюцию о переходе власти к Советам, — был 1-й пулеметный полк, вместе с ним идут такие части, как броневой дивизион, автомобильные мастерские, саперный батальон, электротехнический батальон, воздухоплавательные части, артиллерийские, т. е. части, где процент рабочих, естественно, значительно выше среднего. Именно в этих частях, а не в крестьянских, впервые раздаются требования, обращенные к Временному правительству, о немедленном и официальном отказе от завоевательной программы и сформулировании и об'явлении всем странам мирных условий.

Это же требование активной политики мира, нашедшее могучий отклик на Выборгской стороне уже в самые первые дни переворота, быстро распространяется среди рабочих всего Петрограда. Категорический отказ от завоевательных целей, формулировка условий мира, немедленное предложение мира всем воюющим странам, опубликование тайных договоров, — вот пункты, которые с теми или иными вариациями встречаются почти в каждой резолюции. Такие резолюции выносятся (во второй половине марта и первой апреля) следующими предприятиями и частями: Московский трамвайный парк, Сестрорецкий оружейный завод, завод Барановского, Сименс и Шуккерт, Гвоздильный завод, Старый Парвиайнен, завод Парамонова, завод Нобеля, ряд заводов, расположенных в д. Волково, огромный завод Лесснера, Треугольник, Охтенский пороховой завод, завод Русский Рено, Ижорский завод, рабочие команды паровых и непаровых судов Невского района, завод Гольфстрем и Тунельд, 3 тыс. человек милиции Петроградского района, команда морского полигона, гарнизон воздухоплавательных полков, 1-й Пехотный запасный полк, 1-й пулеметный полк, ряд частей электро-технического батальона, запасные батальоны Литовского и Финляндского полков, команда самокатного батальона, части Московского полка. Это, понятно, только беглый подсчет резолюций, опубликованных в одной-двух газетах.

Настроения, отражавшие взгляд на войну рабочего населения Петрограда, проявились и на одном из заседаний рабочей секции Петроградского Совета. Несмотря на возражения Чхеидзе и других лидеров советского большинства, по предложению большевиков было решено немедленно обсудить вопрос о «Займе свободы». С резкой речью против займа выступила А. Коллонтай, настроение собрания было решительно в ее пользу, резолюция, ею предложенная, собрала бы большинство.

Беспартийные, от голосования которых зависело большинство, в этом вопросе поддерживали большевиков. Только отказ меньшевистской и эсеровской фракции от голосования, мотивированный тем, что вопрос не решался еще во фракциях, заставил большевиков снять свою резолюцию.

Отношение внутри Советов к «Займу свободы» вообще является весьма показательным для роста в массах — и отраженно в Советах — антивоенных настроений. Усилиями буржуазной печати в сознание масс все более проникало понимание того, что успех займа связан не с усилением финансовой мощи государства вообще, а с усилением во имя определенной цели — во имя затягивания войны до победоносного конца. Голая, упрощенная аргументировка оборонческих партий — заем нужно поддержать, потому что вы поддержали правительство — не только не содействовала успеху займа, но, напротив, содействовала разоблачению истинного характера правительства. Массы, следуя призывам советского большинства, поддерживали (по крайней мере, в резолюциях) буржуазное правительство, но они надеялись, что это правительство всерьез предпримет какие-либо шаги по пути к миру. Внешняя политика правительства дала, однако, уже немало доказа-

тельств противного: «Заем свободы» только усиливал быстро выраставшее недоверие.

Впервые вопрос о займе встал перед Исполнительным комитетом Петроградского Совета еще 7 апреля. На этом заседании наметилось три течения: поддерживать заем, не поддерживать, и наконец, третье — не поддерживать, но и не мешать; большинство, — 21 человек — руководимое Даном, Гоцем и Черновым, высказалось за поддержку займа, мотивируя это тем, что средства нужны для поддержки всего государственного хозяйства. Решительно против поддержки высказались большевики и некоторые присоединившиеся к ним интернационалисты, прямо квалифицируя этот заем, как заем военный, как «заем неволи». Всего противников займа, если к голосовавшим против займа присоединить еще 5 чел., высказавшихся за третье предложение, было 19 чел., таким образом первое голосование в ИК дало сторонам почти равное число голосов.

Постановление большинства Исп. комитета оговаривало, однако, обещанную поддержку. «Не отказывая правительству в поддержке, — говорили они, — мы должны эту поддержку обусловить. В безоговорочном займе мы участвовать не должны. Нужно поднять в связи с займом кампанию за изменение всей финансовой системы государства» [1]). «Поднять кампанию» — к этому сводились все условия советского большинства.

Между тем постановление это встретило отпор в массах — уже 10 апреля большевистская фракция Петроградского Совета высказывается против займа. «Пока политическая и экономическая власть пролетариата не перешла в руки пролетариата и беднейшего слоя крестьянства, пока цель войны определяется интересами капитала, до тех пор рабочие отказываются дать свое согласие на новые займы» — так гласил проект большевистской резолюции [2]). Ряд предприятий поддержал большевиков — крупные заводы, как Старый Парвиайнен, Сименс-Шуккерт, Сестрорецкий, Новая бумагопрядильня, Русско-балт. вагонный завод, Невская фабр. механиз. обуви, Сестрорецкий оруж., Русский Рено, Лесснер, Скороход, Нов. Парвиайнен, фабр. Невка, фабр. Кебке и др. вынесли резолюции против займа.

Само советское большинство очень вяло, как бы нехотя, проводило в жизнь свое собственное постановление. «Известия» печатали резолюции предприятий против займа, но не напечатали ни одного слова в защиту. Сама резолюция ИК была опубликована, кажется, только одной газетой — «Единством». Пленум Совета старательно откладывал решение этого вопроса — вероятно, именно потому, что знал настроение питерских рабочих (на некоторых предприятиях не только выносили резолюции против займа, но и переизбирали тех депутатов, которые голосовали за заем). 15 апреля Исп. комитетом Петроградского Совета был принят проект резолюции Церетели о поддержке займа, но 16-го на пленуме вопрос снова был отложен. Такое же положение было и

---

[1]) Протоколы Петрогр. Совета, засед. ИК от 7 апреля.
[2]) «Правда» № 31.

в Москве: ИК Совета еще 10 апреля принял постановление в духе поддержки, но на пленуме 14 апреля по предложению более 100 депутатов вопрос о займе не голосовался. Ряд предприятий — Проводник, Динамо и др. — высказался против займа, делегатское собрание московского союза металлистов, на котором было представлено свыше 27 тысяч членов, 97 голосами приняло резолюцию Моск. комитета большевиков против 28, поданных за резолюцию Московского Совета. Голосование 16 апреля на пленуме Московского Совета хотя и дало большинство — 242 голоса — сторонникам займа, но и противники — левые — собрали исключительно большое количество по тому периоду — 128 голосов.

Сам по себе вопрос об отношении к «Займу свободы» не возбудил бы, конечно, такой остроты, если бы за ним не стоял вопрос об отношении к войне. Сопротивление масс принятию «Займа свободы» было только выражением сопротивления войне; напротив, поддержка займа соглашательским большинством Советов означала поддержку империалистической войны. Эта поддержка сопровождалась смехотворными в своей политической никчемности оговорками, она затушевывалась замалчиванием собственных резолюций, но от этого поддержка займа большинством обоих столичных советов — Петроградским и Московским — и тем самым поддержка политики, затягивавшей войну, не уничтожалась.

Вопрос о «Займе свободы» в целом ряде мест послужил своего рода лакмусовой бумажкой при определении действительного значения единогласно принятых резолюций о войне. Составленные в общих фразах о защите революции от германского милитаризма, эти резолюции кое-где поддерживались и большевиками; так было, как уже указывалось, и на Московском областном совещании Советов в конце марта. Именно вопрос о «Займе свободы» в таких случаях разрывал это единогласие и вскрывал действительные расхождения между революционным и консервативным крылом Совета: за единогласной резолюцией скрывались очень часто д в е политики — политика затягивания войны и активная мирная политика.

Эти две политики вскрывались постепенно; не только широким массам, но и политическим группировкам не ясна была часто глубина расхождений.

«Хитрая механика» соглашательского парламентаризма в Советах — сладенькие резолюции, обещания, лесть, иногда прямой обман задерживали процесс рассеивания тумана, в котором все кошки казались одинаково серыми. Мирные, антивоенные настроения все социалистические партии признавали как будто одинаково законными, спор, казалось, шел только о путях к миру. Вопрос о «Займе свободы» и явился одним из первых, а во многих провинциальных и даже в Московском Советах первым, по которому произошли резкие принципиальные бои в н у т р и Советов, между социалистическими партиями. В революционной же столице, где бой по вопросу о войне между пролетарской и мелко-буржуазными партиями в Совете шел с первых же дней, обсуждение этого вопроса усилило требования питерских пролетариев более решительной мирной политики.

Это требование активной мирной политики, понятно, не только не было сорвано нотой Временного правительства от 27 марта, пущенной для «внутреннего употребления», но еще более усилилось в связи с теми толкованиями этой ноты, которые открыто давались министром иностранных дел Милюковым на собраниях, в печати.

Общее положение в Петрограде, да и во всей стране, точно так же мало могло способствовать той политике замазывания противоречий, которую усвоил Исполнительный комитет. Экономические требования рабочих, в частности одно основное — требование минимума заработной платы — наталкивалось на жестокое сопротивление предпринимателей, сознательно оттягивавших удовлетворение даже и с их точки зрения приемлемых требований. Один конфликт нарастал вслед за другим, все они передавались в «инстанции» для разрешения, а масса находилась в состоянии скрытого кипения.

Ухудшалось и продовольственное положение. Сокращался хлебный рацион, в Петрограде были введены в этот период новые карточки — на крупу. На вольном рынке цены все дорожали. Росло недовольство и в петроградском гарнизоне. Не имея возможности открыто выступить против солдатской «вольницы», установившейся в первые дни, штаб округа постепенно подготовлял обуздание гарнизона, несомненно, по соглашению со Ставкой, выводя части из Петрограда, освежая таким образом революционные запасные полки. Такой частичный вывод вызывал раздражение среди солдат, и незадолго до кризиса на общегарнизонном собрании 17 апреля солдатами был поднят вопрос о прекращении таких выводов.

Усилилось и влияние большевистской организации. Тезисы 4 апреля подвели теоретический фундамент под практический революционизм наиболее передовых пролетариев — Выборгской стороны. Вслед за Выборгским районом к тезисам Ленина присоединяются один за другим районы Петроградской организации, агитация становится острее, ожесточеннее, вся вторая половина апреля сопровождается инцидентами в виде арестов «анархистов» на Невском и ареста «контр-революционеров» на Выборгской стороне. Общее собрание Выборгского района большевиков публикует в № 16 «Правды» от 23 марта от имени представителей заводов следующую резолюцию: «Правда», «если она не хочет потерять веру в рабочих кварталах, должна и будет нести свет революционного сознания, как бы он ни был резок для буржуазных сов». Здесь чувствуется огромная сила движения. Это не только приветствие и поддержка, это предупреждение — «если не хочет потерять веру в рабочих кварталах».

Подготовка к празднованию 1 мая вызвала также разногласия. На рабочей секции было принято постановление, подтвержденное затем Петроградским Советом, отрабатывать вторник 18 апреля в воскресенье 16-го. Это была уступка отсталым солдатским слоям. Большевики и междурайонцы протестовали. Исполнительная комиссия ЦК большевиков опубликовала постановление, где решительно высказывается против работы за первомайский праздник в воскресенье 16 апреля и призывает районные организации Петербурга развить на заводах агита-

цию против «отработки» «нашего пролетарского праздника». Это предложение нашло отклик на местах, и ряд предприятий вынесли резолюции протеста против отработки и, повидимому, не работали [1]). С предложением не работать 16-го большевики выступили и на Петроградском Совете профессиональных союзов. Здесь голоса разбились поровну: за советское предложение — 11, за предложение большевиков — 11.

Праздник 1 мая получился грандиозный; однако классовый характер его был затушеван. Праздник вышел общегражданским. Прошел он спокойно, ничто не предвещало грозы, и только в толпе, на уличных митингах больше всего говорили о мире, о «союзниках», о военных договорах...

Такова была обстановка в Петрограде перед «кризисными» днями 20—21 апреля.

18 апреля, в день интернациональной солидарности, Милюков телеграфно передал союзным правительствам, через агентов министерства иностранных дел, ноту, смысл которой совершенно аннулировал акт 27 марта. Уже после того, как нота была переслана союзникам, она была послана в ИК и в органы печати.

История этой ноты такова: все повышающееся настроение питерского пролетариата и части петроградского гарнизона, их требование активной мирной политики заставляло ИК давить на Временное правительство. От последнего требовалось передать ноту, аналогичную акту 27 марта за границу, взамен этого ИК обязывался провести через Совет голосование за «Заем свободы». Милюков не отказывался и действительно ноту послал, но целиком в духе своей интерпретации заявления 27 марта. Первоначальный текст ее носил еще более агрессивный характер. Керенский на заседании Бюро ИК 24 апреля говорил о том, что в первом проекте «был ряд указаний, придававших ему характер реконструкции старых международных отношений, говорилось, что лишь после победы союзные державы найдут путь к прочному миру». По его заявлению, он «наложил на этот проект свое вето и пригрозил, если текст не будет изменен, отставкой». Требование Керенского нашло поддержку у Некрасова и Терещенко, а затем у большинства членов Временного правительства; в конце концов изменения были внесены, и опубликованный 20 апреля текст ноты был принят единогласно. Керенский являлся, понятно, политически ответственным за ноту в такой же мере, как и Милюков. Станкевич в своих воспоминаниях рассказывает, как после этого боя на заседании Временного правительства «некоторые министры при встрече с членами Комитета утверждали, что Комитет будет поражен, насколько далеко пошло правительство ему на-

---

[1]) Ларин в своем журнале «Интернационал» в статье «Парламент революции и классовое представительство пролетариата» писал: «Рабочие многих заводов, особенно на Васильевском острове и на Выборгской стороне, не подчинились решению и не отрабатывали в воскресенье; это — первый и единственный случай массового неподчинения рабочих Совету». Ларин только ошибается, когда думает, что это был первый случай массового неподчинения рабочих Совету.

встречу». Нужно думать, что здесь за «некоторыми министрами» скрывается партийный единомышленник Станкевича.

Однако Комитет отнесся к ноте совсем не так, как кое-кто ожидал. В экстренном заседании в ночь на 20-е ИК обсуждал ноту и «после первого прочтения», — как рассказывает Станкевич, — «всеми единодушно и без споров было признано, что это совсем не то, чего ожидал Комитет, но надо было вывозить правительство, и «Церетели стал добросовестно расшифровывать ноту и указывать на то, что многие вопросы в ней выражены вполне соответственно общим мирным тенденциям демократии. Скобелев поставил вопрос еще шире, доказывая, что вообще нельзя требовать полного совпадения стремлений демократии и позиции правительства. Решения, однако, ИК не сумел найти. Уже под утро решили разойтись с тем, чтобы через несколько часов сойтись снова. Исполнительный комитет даже не реагировал на то, что он узнал о ноте вместе с журналистами и что о ней ни слова не было сообщено ни Контактной комиссии, ни хотя бы соглашательским лидерам Совета.

На утро 20-го нота появилась во всех газетах. «Речь» комментировала ее, понятно, не в духе Керенского—Некрасова, а в духе первоначального проекта Милюкова. Зато вся без исключения социалистическая печать отнеслась резко отрицательно к ноте. Даже «Рабочая газета» писала, что Временное правительство дает сигнал к гражданской войне, «опубликовывая акт, являющийся издевательством над стремлениями демократии. Это поистине безумный шаг, и нужны немедленные решительные действия со стороны Совета рабочих и солдатских депутатов, чтобы предотвратить его ужасные последствия». В таком же приблизительно духе высказывалась и остальная социалистическая пресса.

Возобновивший свое заседание ИК снова не мог притти к определенному решению. Он постановил, одако, созвать экстренный пленум Совета для информации, а после заседания Совета устроить совместное заседание Временного правительства и целиком всего Исполнительного комитета. После этого, повидимому, было собрано Бюро Исполнительного комитета. На заседании Бюро было получено сведение, — говорит Суханов, — будто со стороны Выборгского района движется манифестация, среди которой есть и вооруженные. Чхеидзе поехал останавливать манифестацию и предложить ей разойтись, в это время сделалось известным, что на улицы выступил Финляндский полк. Мы не нашли, однако, подтверждения этой, весьма важной, сухановской версии, по которой инициатором выступления явился Выборгский район. Весьма возможно, что Суханов спутал дни. Чхеидзе вместе с Войтинским и Станкевичем действительно поехали навстречу демонстрации выборгских рабочих, но только не 20-го, а на следующий день — 21-го. Как бы там ни было, днем 20 апреля совершенно неожиданно «ученым, математиком и философом» Ф. Ф. Линде, революционером, стоявшим вне партий, был выведен Финляндский полк в полном вооружени к Мариинскому дворцу, где заседало Временное правительство.

Вот как описывает биограф Линде этот эпизод. «Не посоветовавшись ни с кем, не доверив никому своего плана, он (Ф. Линде. *М. Ю.)* сразу приступил к действиям. Пока происходили пере-

говоры между Исполнительным комитетом и Временным правительством, Линде направился в Финляндский полк, созвал комитет и предложил немедленно пойти всем полком к Мариинскому дворцу, где обычно заседало правительство, с выражением протеста против политики Милюкова. Предложение Линде было принято, и в 3 часа дня по улицам Петрограда уже направлялась внушительная демонстрация финляндцев с вызывающими плакатами, на которых красовались надписи об отставке Милюкова» [1]). Вслед за Финляндским полком на улицу выступили солдаты 180-го запасного, Московского, Павловского, Кексгольмского, матросы 2-го балтийского флотского экипажа, всего до 25—30 тыс. человек.

Трудно сейчас выяснить намерение руководителей, приведших солдат, и самих солдат, явившихся на площадь. Движение было стихийным, ни одна политическая организация не брала на себя инициативу выступления, вначале лозунги, повидимому, были не столько против Временного правительства, сколько против Милюкова и против завоевательной политики [2]), т. е. была попытка оказать давление на Временное правительство, однако, логика событий, повидимому, не без участия отдельных большевиков в частях, привела к большевистским лозунгам передачи власти Советам, свержения Временного правительства и т. д. Были повидимому и попытки со стороны отдельных групп солдат проникнуть в Мариинский дворец, занять его выходы, арестовать правительство.

В это самое время происходило заседание Временного правительства. Колчак, присутствовавший на этом заседании, передает, что как раз перед концом заседания Временного правительства прибыл Корнилов и сообщил о происходящих вооруженных демонстрациях. Корнилов сообщал Временному правительству, что он располагает достаточными силами, чтобы прекратить это выступление и, в случае надобности, подавить его вооруженной силой. Он просил, чтобы правительство дало ему возможность немедленно начать действовать и санкционировать его мероприятия. В происшедшем обмене мнений, — говорит Колчак, — Керенский и Г. Львов высказались против применения силы. Колчак не сообщил, кто в этих прениях высказывался за предложение Корнилова, но развернувшиеся события не оставляют никакого сомнения, что именно на эти силы и на эту развязку рассчитывал государственно-мыслящий ЦК кадетской партии, предложивши своим сторонникам выйти на улицу.

Между тем все соглашательские лидеры отправились на Мариинскую площадь, и там от имени ИК им удалось заставить солдат уйти с площади и направить их обратно по казармам. Возбуждение, поднятое этим движением, однако, не улеглось. В 7 часов вечера состоялось заседание пленума Совета, и на нем прорвалось настроение передовиков-солдат и рабочих, их представителей. Информировал собрание

---

[1]) Вл. Канторов, Федор Линде, «Былое», № 24, стр. 221—251.

[2]) Резолюция, принятая Финляндским полком, требовала только отставки Милюкова.

Чхеидзе, который и сообщил Совету, что предстоит встреча ИК с Временным правительством. Чернов говорил о надвинувшейся угрозе гражданской войны, Федоров, представитель большевиков, говорил о том, что она уже есть и что нужно, чтобы Советы взяли власть в свои руки. Это заявление было встречено шумной овацией. Станкевич, защищая коалицию, говорил, что незачем выступать, достаточно постановить,чтобы Временное правительство ушло, и оно уйдет. Совет прервал Станкевича неожиданной и не совсем для него приятной овацией. Всякий намек на то, что правительство должно будет уйти, встречался восторженно. Но решения должны были приниматься не здесь: в Мариинском дворце, аппартаментах Временного правительства, должны были встретиться Исп. к-т Петроградского Совета и Временное правительство. От Совета должны были выступить 10 человек: Каменев, Суханов, Зурабов, Красиков от оппозиции и Чхеидзе, Церетели, Чернов, Скобелев, Рамишвили и Станкевич от большинства. В центре города происходили в это время демонстрации как рабочие, самочинно двинувшиеся из окраин, так и кадетские, вызванные на улицу воззванием ЦК кадетов и кадетскими листовками. Временное правительство же решило демонстрировать перед Исп. к-том всю тяжесть того дела, которое оно взяло на себя. Г. Львов, открыв заседание, начал с того, что последнее время определенные социалистические круги подняли поход против Врем. правительства, в результате чего и явилось противодействие. Перед собранием Г. Львов поставил альтернативу — либо решительная поддержка Врем. правит., либо уход его. Далее один за другим выступали Гучков, Шингарев, Некрасов, Терещенко, рисовавшие трудности, стоящие перед страной. Виновник торжества — Милюков — выступал в это время перед кадетскими демонстрациями и указывал на опасность демагогических лозунгов, дискредитации власти и разрыва с союзниками. Только после просьбы Чхеидзе выступил и Милюков. Он подчеркивал, что нота — единогласное решение всего Временного правительства, подчеркивал необходимость соблюдения обязательств перед союзниками, обращал внимание на тяжелое положение, которое произведут происшедшие инциденты на союзников, и, наконец, огласил какую-то пустяковую расшифрованную депешу французского министерства иностранных дел, где выражалось несочувствие созыву межсоциалистической конференции для обсуждения вопроса о целях войны. Но если Врем. правительство имело определенную цель — запугать трудностями власти соглашателей и затем, шантажируя угрозой ухода, добиваться максимальных уступок, то среди советских делегатов царил разнобой и никакого определенного решения у них не было, не было и единства в оценке событий и выводах из них. Чхеидзе, Церетели и Рамишвили требовали новой ноты, Чернов по обыкновению занимался декламацией, но в дополнение к ней предложил еще перевести Милюкова в министерство народного просвещения. Станкевич «просил Правительство лишь не мешать нам постепенно ознакомить массу с действительным международным положением и задачами войны». Каменев говорил о том, что только правительство рабочего класса в состоянии вывести страну из хозяйственного тупика и окончить войну, но вежливо отклонил пред-

ложение с места немедленно брать власть. Зурабов, в ответ на речь Шульгина о необходимости вести войну до конца, говорил, что если союзники не откажутся от аннексий и контрибуций, то из-за них одних воевать Россия не может; Суханов говорил, что затягивание войны грозит полным экономическим развалом и настаивал на решительной политике мира. Но все речи левого крыла Советов были академическими, никаких конкретных предложений они не выдвинули, даже предложения об уходе Милюкова. Официальные советские представители выдвинули предложение о новой ноте, но после отказа Милюков сейчас же согласились на «раз'яснение» старой ноты. Дело снова перешло, таким образом, в стадию дипломатических переговоров и дипломатических поправок.

Но следующее утро отнюдь не принесло успокоения. С Выборгской стороны, а затем и из других рабочих районов начали двигаться по направлению к центру огромные массы рабочих. Заседавший в это время Исп. к-т послал навстречу демонстрации 3 членов ИК во главе с Чхеидзе. Однако движение имело несомненно организованный характер и заранее поставленную цель. Рабочие, — описывает Станкевич демонстрацию, — шли довольно стройными колоннами и впереди каждой из них шел отряд вооруженных красногвардейцев. На предложение Чхеидзе повернуть обратно в район руководители заявили, что знают, что делают. Демонстрация двигалась дальше. Но Исп. к-т столкнулся не только с движением рабочих Выборгского района. В центре города, на улицах, появились грузовики с вооруженными офицерами, юнкерами, студентами. Демонстрировали георгиевские кавалеры. ЦК партии народной свободы выпустил воззвание, в котором писал, что противники правительства хотят немедленного заключения мира и призывал «всех, кому дорога Россия, к твердой решительной поддержке Временного правительства». «Россия, — говорилось в воззвании, — переживает сейчас решительный час своей истории. На всех и каждом лежит великая ответственность за судьбу родины. Все, кто стоит за Россию и ее свободу, должны сплотиться вокруг Временного правительства и поддержать его».

Невский превратился в сплошной кадетский митинг, к Мариинскому дворцу двигалась значительная кадетская демонстрация во главе с членами ЦК Винавером и Герасимовым. Демонстрация, формально выступившая в защиту правительства, явилась первой уличной мобилизацией контр-революционных сил. Кадетская молодежь, оплот государственности, организовала на Невском самочинное судилище, моментально определявшее и ленинцев и «немецких шпионов». Некоторые столкновения уже привели к жертвам. После полудня столкновения усилились, прорывавшиеся частично к центру демонстрации рабочих из различных районов сшибались с кадетскими демонстрациями. Происходила непрерывная перестрелка, большей частью бесцельная, но влекшая за собой жертвы [1]).

---

[1]) Нужно подчеркнуть, что инициатива наступления находилась в руках кадетов. Днем 21 в демонстрации приняли участие рабочие только двух районов — Выборгской и Петроградской стороны. Что рабочие демонстрации

Выяснилась, однако, более серьезная картина — некоторые солдатские части еще утром и днем пытались, по собственной инициативе, пройти к Дворцовой площади, их видно уговорили. Но к той же Дворцовой площади пытался собрать надежные части Корнилов. Такого распоряжения Временное правительство, которое вело переговоры о соглашении с ИК, отдать не могло. Это была инициатива командующего округом. Но весьма возможно, что это было нечто большее, возможно, что это была попытка реализовать политический вексель, выданный ЦК кадетской партии. Трудно предположить, что кадетские лидеры, люди безусловно реальной политики, решились вызвать свои массы на улицу только для демонстрации. Для революционной партии, мобилизующей силы, во всякой демонстрации есть момент воспитательный и организующий массы. Но серьезно предполагать, что эти соображения играли у кадтов хоть какую-нибудь роль, не приходится. Кадетскую демонстрацию нужно сопоставить с предложением Корнилова Врем. правительству подавить движение, с заявлением Корнилова, что у него для этого достаточно сил; с тем, что на заседании Врем. правительства, по свидетельству Колчака, возражали Г. Львов и Керенский; с тем, что лидер кадетов в правительстве либо отмалчивался, либо не возражал. Попытка Корнилова стянуть военные училища на Дворцовую площадь совпала не с необходимостью защищать Мариинский дворец от наседавшей толпы, а с моментом наивысшего под'ема кадетских манифестаций [1]).

не имели никаких агрессивных намерений, это несомненно. Они были организованы, руководство принадлежало районным центрам большевиков — это верно. Но это были выступления рабочих, которых не сумело удержать по домам даже постановление политического центра большевиков, высказавшихся против выступления. Между тем кадетские массы были вызваны специальным листком Центрального комитета. Каково было настроение рабочей демонстрации, видно из впечатлений даже кадетских публицистов. Один из них, Кондурушкин, писал в центральном органе кадетов: «Я видел манифестацию рабочих 20 апреля на Невском. Впереди около сотни вооруженных; за ними стройные ряды невооруженных мужчин и женщин — тысячи человек. Живые цепи по обе стороны. Пение.

Поразили меня их лица. У этих тысяч о д н о лицо, исступление, монашеское лицо первых веков христианства, непримиримое, безжалостно готовое на убийства, инквизицию и смерть». («Речь», № 96 от 26 апреля, ст. «Верующие и одержимые»).

На двух гигантах-заводах — Путиловском и Треугольнике — рабочие 21 апреля после работ созвали митинг и решили не расходиться, ждать решения Совета. Одиночки рабочие приходили с Невского, сообщали о насилиях над рабочими (первое столкновение, как известно, началось с попытки офицеров отобрать у рабочих знамена с лозунгами против правительства). Сообщения эти внесли тревогу, но рабочие оставались на месте. К 6 часам на заводах получилась листовка кадетов, после этого рабочие немедленно направились в город.

[1]) Возможно, что здесь известную роль сыграл Временный комитет Государственной думы. Либер писал после апрельских событий: «После издания милюковской ноты кризис в значительной степени был вызван Временным к-том Госуд. думы. Аджемов прямо заявил, что они пред'явили Врем. правительству требование, чтобы оно добивалось полноты власти, либо сложило полномочия». Не нужно только забывать, что руководящую роль в этот период играли в Гос. д. именно кадеты, и даже если формально действовал

Так или иначе, но попытка Корнилова не удалась. ИК еще в начале своего заседания, до известий о кровавых столкновениях на Невском и попытке Корнилова, отправил телеграмму во все войсковые части и в окрестные пункты с предложением не отправлять, без письменного приглашения Совета, части в Петроград. Когда получилось известие о столкновении на Невском, Исполком поручил солдатской комиссии вернуть все части в казармы и приказал не выводить ни одной части на улицу без постановления и разрешения Исполкома. Запрет был направлен против левых, вернее, против той части левых, которая самочинно вызывала рабоче-солдатское движение. Совет делал все, чтобы движение вошло в русло. Но приказ Корнилова—это был приказ власти, и Совету пришлось пойти наперекор всем своим прежним декларациям и поднять части против своего начальника. ИК принимает ряд энергичных мер против шага Корнилова. ИК поручает Чхеидзе немедленно потребовать от Корнилова отзыва войск. Независимо от исхода переговоров и до всяких переговоров ИК поручает Скобелеву и Филипповскому отозвать все вышедшие войска обратно. ИК отдает распоряжение о том, что, помимо обычного наряда, всякий приказ о выводе войск должен быть отдан на официальном документе Совета и скреплен подписью не менее чем двух лиц из специально назначенной для этого семерки. Самый характер мер, какие выбрал Совет при столкновении с попыткой Корнилова, свидетельствует, как расценивал ИК шаг Корнилова, — это был, несомненно, шаг в сторону гражданской войны.

Попытка Корнилова сорвалась без «героических» мероприятий. Не только воинские части, но и офицерские училища отказались выступить без санкции Совета еще до того, как Совет решил, что делать с попытками вызвать войска.

Перелом произошел. Совету удалось сдержать воинские части, удержать их на той же нейтральной позиции в споре Невского проспекта и Выборгской стороны, на которой стоял и сам Совет. Но нужно было дать и юридическое оформление этого перелома, нужно было притти к какому-либо точному и ясному заключению. На заседании ИК Церетели сделал заявление «о раз'яснениях» к ноте 18 апреля, которые делает Врем. правительство, и ИК большинством 34 против 19 принял постановление считать инцидент с нотой 18 апреля исчер-

---

Врем. к-т, то фактически это было только легальное прикрытие действий партийного центра.

Возможно и то, что Корнилов сговорился не со всем ЦК кадетов, а только с наиболее агрессивно-настроенными членами его, в частности с Милюковым. Милюков все время был на той точке зрения, что левое крыло нужно разгромить вооруженной рукой; сначала он предлагал это сделать М. А. Романову. Эту надежду он не оставлял, повидимому, до дней, когда ему пришлось примкнуть к лево-кадетским «Последним новостям». Еще 29/IV Милюков, по его собственным словам, рекомендовал Г. Львову проводить программу твердой власти, отказаться от идеи коалиции, пожертвовать А. Ф. Керенским и быть готовым на активное противодействие захвату власти со стороны Совета, т. е., другими словами, рекомендовал начать гражданскую войну.

Ведь на что-либо рассчитывал Милюков, предлагая такую программу!

панным, причем в качестве руководства принял следующие положения: во-первых, Исполнительный комитет считает необходимым принять немедленно решительные меры к усилению своего контроля над деятельностью Врем. правительства, и в первую очередь над деятельностью министерства иностранных дел; во-вторых, без предварительного осведомления ИК не должен издаваться ни один крупный политический акт; в третьих, состав дипломатического представительства должен быть радикально изменен. Оппозция не сумела получить от соглашательского большинства даже требования отставки Милюкова, но ИК вынужден был легализовать двоевластие.

В тот же день вечером был созван центр петроградской и всероссийской революции и, как обнаружил кризис, орган, пользующийся фактически всей властью — Петроградский Совет. С докладом о событиях выступил, конечно, Церетели, он заявлял, что дополнительное раз'яснение правительства кладет конец всяким лжетолкованиям ноты 27 марта, и расценивал эти раз'яснения, понятно, как победу демократии. Каменев, от имени большевиков, предлагал образование чисто социалистического министерства. Коллонтай внесла резолюцию, где предлагала: «тотчас устроить народное голосование по всем районам Петрограда и окрестностей по вопросу об отношении к ноте правительства, о поддержке политики той или иной партии, о желательности того или иного Врем. правительства». Огромным большинством против ничтожной группы в 13 человек была принята резолюция ИК. Результаты голосования могут быть понятны, если учесть, что на улице шли непрерывные волнения — рабочие демонстрации происходили весь день, крупнейше заводы были на улице, и вместе с демонстрантами были, понятно, не меньшевики, а большевистское крыло Совета. Часть, и возможно значительная, большевиков членов Совета интересовалась, повидимому, очень мало решениями Совета — они ведь все равно были предопределены. Конечно, совершенно бессмысленно предположение Станкевича, будто большевики хотели сорвать заседание Совета. Обыватель-поручик попал в революционный водоворот, и ему было не до того, чтобы искать политического смысла в действиях своих политических противников. Вот как он описывает заседание Совета: «Настроение собравшегося Совета было до крайности напряженное. Потоки и волны каких-то бурных порывов перекатывались над головами многотысячной толпы, наполнявшей зал кадетского корпуса... Кульминационного пункта возбуждение достигло в момент, когда в зале появился Дан и сообщил, что на улицах началась стрельба и имеются жертвы. Поднялся такой шум и такое движение, что, казалось, еще момент — и перестрелка начнется в зале». Когда наступило успокоение, Скобелев стал диктовать постановление. Совет предлагает воздержаться на два дня от всяких уличных демонстраций. Совет клеймит всякий призыв к устройству вооруженных выступлений и считает его изменой делу революции. Постановление об этом было принято единогласно — была полная уверенность, что войска и рабочие подчинятся этому единогласному решению.

Следующее утро действительно принесло полное успокоение.

Апрельские события не остались только питерскими. Весть о них быстро разнеслась, и возбуждение, подобно электрическому току, передалось и в Москву. Уже 21 начались в различных районах волнения. На площадях устраивались митинги под лозунгами — «долой Временное правительство». Ряд предприятий — завод Бромлей, завод Михельсона, телефонный завод и т. д. — прекратил работу. В Пятницком комиссариате рабочая демонстрация разоружила милицию, заявила ей, что она — ставленница Врем. правительства. Некоторые районные Советы призывали к демонстрациям. Настроение рабочих было в высшей степени приподнятое, и даже большевикам не удавалось иногда сдерживать рабочих своего же завода. 55-й полк, по постановлению своего собрания ротных комитетов, в полной боевой готовности, с плакатами: «единение рабочих и крестьян», «долой Временное правительство», двинулся к Президиуму Совета. Вместе с полком из Замоскворечья двинулись тысячные толпы рабочих различных предприятий. На улицах — непрерывные митинги. Но и здесь это движение было приостановлено. 21 апреля на об'единенном заседании Исполнительных к-тов С. Р. Д. и С. С. Д. предложение меньшевиков о том, чтобы воздержаться от выступлений, собрало 89 голосов, предложение большевиков не препятствовать демонстрациям собрало 15 голосов. 22 апреля пленум Совета принял резолюцию меньшевиков, в которой было сказано, «что Московские Советы раб. и солд. депутатов возлагают всю ответственность на Временное правительство за создавшиеся гражданские неурядицы» и, считая, совместно с Петроградским Советом, инцидент ликвидированным, — Совет требует «усиления активного контроля Совета раб., солд. и крестьянских депутатов над действиями Врем. правительства». Большевистская резолюция о недоверии правительству собрала всего 74 голоса.

Кризис на этот раз был ликвидирован. «Рабочая газета» 22 апреля восторгалась «уступками правительства», «Известия» славословили новую победу демократии».

Такова была картина апрельского кризиса. Прежде чем выяснить классовую суть его, мы должны несколько остановиться на роли партии и ее позиции в эти дни.

Стихийное возбуждение, прорвавшееся в дни 20—21 апреля, безусловно не было никем подготовлено. Больше того — Ленин позже, в своих октябрьских статьях, писал, что партия не улавливала тогда этого стихийного возбуждения, и это было действительно верно. Но стихийное движение революционных масс питалось лозунгами партии. Вся серьезность положения 20/21 апреля в том и заключалась, что неподготовленное партией движение выставило партийные лозунги. Лозунг «долой Временное правительство» был лозунгом партии в доапрельские дни. Еще 15 апреля, менее чем за неделю до событий, Каменев на общегородской партийной конференции вносил к резолюции Ленина — Зиновьева о текущем моменте следующую поправку: «Призывая к самому широкому и решительному раз'яснению истинного классового характера Врем. правительства, конференция вместе с тем предостерегает от дезорганизующего в настоящий момент лозунга

«свержение Правительства», могущего затормозить ту длительную работу просвещения и организации масс, которая является основной задачей партии». Эта поправка было отклонена 20 голосами против 6, при 9 воздержавшихся. Утром 20 апреля, т. е. еще до выступления Финляндского полка, ЦК партии на экстренном заседании принял резолюцию о кризисе, в связи с нотой 18 апреля, где подчеркивал полную правильность резолюции петроградской конференции и говорил: «Только взявши — при поддержке большинства народа — всю государственную власть в свои руки, революционный пролетариат, совместно с революционными солдатами, в лице Советов раб. и солд. депутатов создаст такое правительство, которому поверят рабочие всех стран и которое одно в состоянии закончить войну истинно-демократическим миром» («Правда», № 37, 1917 г.).

Каменев впоследствии обвинял ЦК в том, что он дал чересчур левый лозунг; «если возьмем», — говорил он в своем содокладе 24 апреля на всероссийской конференции, — наш центральный орган за этот период, то вы увидите там прямой призыв к захвату власти пролетариатом», он жаловался, что сначала не приняли во внимание его замечаний о дезорганизующей роли лозунга «долой Временное правительство», а затем «ЦК во вчерашней резолюции принужден был признать, что лозунг немедленного свержения Временного правительства является лозунгом авантюристического характера». В заключительном слове Каменев утверждал, что ошибки были сделаны «в № 19 (здесь, видно, опечатка) «Правды», предложена была сперва резолюция о свержении Врем. правительства, напечатанная до последнего кризиса, а затем этот лозунг был отвергнут, как дезорганизаторский, признан авантюристическим. Это значит, что наши товарищи научились чему-то во время кризиса».

Каменев, однако, бил здесь ЦК вовсе не за его ошибки. Таких ошибок, на которые указывает Каменев, у ЦК не было.

Каково было предложение Каменева на общегородской конференции? Суть его, как нам кажется, состояла в том, чтобы, указывая на истинный характер классовой природы правительства, не давать острого лозунга. Это вытекало из всей тогдашней концепции Каменева. В своей статье «О тезисах Ленина», помещенной в № 30 «Правды» от 12 апреля, Каменев писал, что, по мнению самого Ленина, сейчас у большинства масс доверчиво-бессознательное отношение к правительству капиталистов. Это не случайно, писал Каменев, и не может измениться с сегодня на завтра. В других странах этот период тянется десятилетиями. Здесь Каменев, отрицая ленинские тезисы, исходит не из условий бурной революционной эпохи, а из обстановки мирного легального развития, исходит из другой оценки темпа и времени перерастания демократической революции в пролетарскую, из другой оценки социально-экономических границ революции. Это и заставляло его высказываться и против тезисов, и против лозунга. Но этот лозунг, выставленный Лениным и ЦК, никогда не был бланкистским. Лозунг «долой Временное правительство» никогда не противопоставлялся завоеванию большинства в народе и в Советах, и утром 20 апреля,

еще до массового движения и, следовательно, до того, как кризис мог чему-нибудь научить ЦК и Ленина, в резолюции ясно указывается, что только при **поддержке большинства народа** можно итти на взятие власти.

События развернулись чрезвычайно быстро, хотя партия их не подготовляла и даже не уловила огромной восприимчивости масс, в частности солдатских, к ее лозунгам. «Наша общегородская с.-д. конференция сказала в своей резолюции, что теперь каждый день будет подтверждать правильность **нашей** позиции. **Но такого быстрого хода событий даже мы не ожидали**» (последняя фраза подчеркнута мною. *М. Ю.),* так писал Ленин в «Правде» от 21 апреля.

В этих неожиданно развернувшихся событиях вскрылась не только психологическая готовность рядовой партийной массы превратить лозунг, до известной степени пропагандистский, лозунг организации и мобилизации революционных сил в практическую директиву для сегодняшнего дня, но вскрылись и политические нюансы.

В ПК несомненно была довольно значительная группа товарищей, теоретически целиком стоявшая на почве тезисов Ленина, но очень далеко заходившая в практических мероприятиях. В то время как Ленин предупреждал, что сейчас центр тяжести в пропагандистской и организационной работе, эти «левые» были непрочь, видно, пустить в ход вооруженные части. Чтобы в этом убедиться, — достаточно просмотреть прения по вопросу об отношении к С. Р. Д. на Петроградской общегородской конференции 22 апреля [1]). Уже на этом заседании приходилось предупреждать некоторых т.т., чтобы они не были левее Ленина.

Позиция ЦК была ясна. Ни в каком случае ЦК и Ленин не ставили задачи захвата власти. После манифестаций и митингов 20 апреля ЦК выносит постановление, чтобы партийные агитаторы и ораторы опровергали ложь капиталистов, будто бы большевики грозят гражданской войной.. На заседании И. К. Петроградского Совета от 21 апреля текст телефонограммы и радиограммы во все войсковые части Кронштадта, Ораниенбаума, Красного Села и т. д. поручается составить Эрлиху, Стеклову и Сталину. На пленуме Петроградского Совета 21 апреля решение о запрещении демонстрации принимается единогласно: ни Каменев, ни Коллонтай — представители ЦК б-ков — не возражают. Уже это одно лучше всего показывает, что с самого начала

---

[1]) В протоколе все заседания по вопросу об отношении к С. Р. Д. помечены 19 апреля. Здесь, несомненно, серьезная опечатка. Начиная со второй речи Зиновьева, обсуждаются вопросы, связанные с нотой 18/IV, а затем и с событиями, т. е., повидимому, был перерыв на день и заседание происходило 20 апреля. Все заседание не могло происходить 20, так как ясно, что прения посвящены были бы совершенно другим моментам. По протоколам получается, будто 19 апреля Петроградская конференция получила сообщение о выступлении Финляндского полка, происшедшего 20 апреля, и о совместном заседании Врем. правительства и ИК Совета, назначенного только 20/IV.

кризиса ЦК занял ясную позицию, отрицающую какие бы то ни было попытки захвата власти.

Не то было, однако, в ПК. Уже 29 апреля на Всероссийской апрельской конференции Шмидт, представитель ПК, отвечая на вопрос о поведении ПК, говорил: «Общегородская конференция обсуждала вопрос и пришла к тому убеждению, что для борьбы с Временным правительством нужна длительная работа; резких переходных шагов — как лозунг свержения Временного правительства — не указывалось. Исполнительный комитет заседал всю ночь, настроение было тревожное, и приезжавшие из районов сообщали, что на многих заводах устраиваются митинги, на которых высказывается очень большое недоверие Временному правительству, и что сами рабочие организуются. Под впечатлением этого многие товарищи высказывались за свержене Временного правительства, не принимая, однако, определенных решений. Исполнительный комитет обсуждал создавшееся положение, и одному из товарищей было поручено написать листок, но для окончательного утверждения печатания этого листка никаких решительных мер не было предпринято. Несмотря на это, он был напечатан. Затем решено было устроить грандиозную демонстрацию, но организация была выполнена не совсем удачно: пройти всюду одновременно домонстрация не могла, отсюда и столкновение на Невском».

Здесь неясно, ни какой листок был выпущен, ни то, какие директивы дал все же ПК, ни то, какая цель была поставлена демонстрации. Между тем было больше, чем демонстрация. Часть ПК, во главе с его секретарем Богдатьевым, выбросила лозунг «долой Временное правительство» в качестве практической директивы. Вот что пишет, например, Раскольников: «В апрельские дни некоторые товарищи из питерского комитета нашей партии вывели на улицу рабочих и солдат без ведома ЦК, выбросив чрезвычайно ответственный лозунг: «долой Временное правительство», по существу означавший призыв к совершенно неподготовленному партией свержению Временного правительства». То же, по существу, говорит и Сталин, упоминая о «левых коммунистах», которые звали к восстанию в апреле 1917 г.

Были и попытки отдельных лиц пустить в ход воинские части. На собрании представителей петроградского гарнизона 22 апреля некоторые из делегатов воинских частей указывали, «что к ним в последние два дня обращались с требованиями, чтобы эти части дали бронированные автомобили или воинские части, причем указывалось, что это необходимо для ареста Временного правительства, для стрельбы на улицах и т. д.». «Броневой дивизион вызвал даже целую воинскую часть для охраны своих машин, заявив, что он не предоставит их ни в чье распоряжение иначе, как по приказанию Исполнительного комитета» [1]).

---

[1]) «Известия Петроградского С. Р. и С. Д.», № 49. Левые настроения захватили тогда, видно, отдельные группы большевиков в различных районах. Вот что пишет, например, в своей автобиографии Коллонтай:

«Во время переговоров о коалиционном министерстве 19—21 апреля бюро фракции и сама фракция Совета стояли за выступление, в таком духе

В. Залежский рассказывает, например, о поведении Гельсингфорсской организации. После ноты Милюкова большевики призывали к свержению Временного правительства и передаче власти Советам. На заседании Гельсингфорского Совета 22 апреля депутатская масса в первый раз не пошла за лидерами. Единственно, что меньшевистско-эсеровским лидерам удалось, — это обесцветить большевистскую резолюцию.

«Гельсингфорсский Совет депутатов армии, флота и рабочих, находя, что настало время для ухода империалистического Временного правительства, не исполняющего воли народа, заявляет, что никакие уступки подобному Временному правительству не допустимы, что Гельсингфорсский Совет ждет по этому вопросу только решения Петроградского Совета, обещая в любой момент поддержать в о о р у ж е н н о й с и л о й требования об уходе Временного правительства».

Это уже обесцвеченная резолюция, нетрудно представить, о чем говорила подлинная большевистская резолюция.

На-ряду с этой резолюцией была послана Питерскому Совету телеграмма, что они готовы по первому его указанию свергнуть Временное правительство.

Здесь действительно был а в а н т ю р и з м. И ЦК в своей резолюции 22 апреля его таковым и об'явил.

Ленин подробно об'яснил, в чем состоял авантюризм.

«Была попытка прибегнуть к насильственным мерам. Мы не знали, сильно ли масса в этот тревожный момент колебнулась в нашу сторону, а вопрос стал бы иначе, если бы она колебнулась сильно. Мы дали лозунг мирных демонстраций, а некоторые товарищи из ПК дали лозунг иной, который мы аннулировали, но задержать не успели, — масса пошла за лозунгом ПК. Мы говорим, что лозунг «долой Временное правительство» — авантюристский, что свергать сейчас правительство нельзя, поэтому мы дали лозунг мирных демонстраций. Мы желали произвести только мирную разведку сил неприятеля, но не давать сражения, а ПК взял чуточку левее, что в данном случае есть, конечно, чрезвычайное преступление. Организационный аппарат оказался не крепок: не все проводят наши постановления. Вместе с правильным лозунгом «да здравствует С. Р. и С. Д.» был дан неправильный: «долой Временное правительство». В момент действия брать «чуточку полевее» было неуместно. Мы рассматриваем это как величайшее преступление, как дезорганизацию. Мы не

и составлена была мною резолюция. Но т. Зиновьев, явившийся на заседание, дал настроению фракции другое направвление, и резолюция наша была значительно изменена». (А. К о л л о н т а й, Из моей жизни, Одесса, ГИЗ, стр. 48).

В Харькове большевистский комитет вынес 22 апреля резолюцию, в которой находит: «1) что буржуазное Врем. правительство должно быть немедленно отстранено от власти, и 2) что вся полнота власти должна быть сосредоточена в руках Советов Р. и С. Д., как единственного органа, могущего защищать интересы демократии». (Харьковский «Социал-демократ», № 33 от 24 апреля.)

остались бы ни минуты в ЦК, если бы сознательно допустили этот шаг».

На экстренном заседании ПК от 30 мая, в прениях по вопросу о самостоятельной газете Петербургского комитета партии, Ленин еще энергичнее выражался о действиях отдельных групп большевиков в дни 20—21 апреля. «Здесь говорят: линия поведения ПК должна быть полевее, но это опасно, ибо это значит погибнуть, быть же чуть чуть поправее — значит уцелеть. От колебаний вправо, что были 21—22 апреля, мы спаслись как партия» [1]. В связи с событиями 20—21 апреля Ленин и настаивал на необходимости большей координированности действий ПК и ЦК: «Всякий шаг Петербурга является руководящим примером для всей России». Именно уроки движения 20—21 апреля заставляли Ленина так решительно высказываться против самостоятельного органа ПК. «Независимо от желания орган Петербургского комитета всегда будет руководящим органом партии», а вы «за кем хотите удержать руководящую нить, за Пека или за Цека?».

В чем же, однако, был классовый смысл кризиса? Ленин дал блестящее определение его уже в те дни. Верность его определения сейчас, при свете исторического взгляда на события, еще более поражающая, если сравнить его с оценкой апрельских событий, данной другими.

Для Милюкова движение 20—21 апреля было инсценировано из тех же темных источников, как и другие: «задача устранения обоих министров (Гучкова и Милюкова. *М. Ю.*) прямо была поставлена в Германии». Исторический смысл огромного массового движения крупнейший буржуазный историк сводит к эпизоду полицейской хроники. Станкевич считает, что это было «восстание масс, направленное против правительства и против комитета». Совсем оригинальное об'яснение апрельским дням дает Суханов: «Апрельские дни послужили рубежом и переломным пунктом, они бесконечно углубили трещину в Совете; оторвали мелко-буржуазные группы от пролетарских, они — наоборот — почти уничтожили расщелину между мелкой и крупной буржуазией; они создали между ними доселе невиданный контакт и поставили на прочную почву создание единого буржуазного фронта против пролетариата, Циммервальда и революции». У Суханова получается, либо, что солдатская масса является пролетарской, либо, если он знал, что социальная сущность крестьянина не меняется еще от того, что он надевает серую шинель, получается, что солдатская масса пришла на поклон Милюкову и Гучкову.

«Известия» и «Рабочая газета» ограничивались обывательским плачем о нарушении единства революционного фронта. Каменев расценивал кризис как показатель того, что продолжается еще буржуазно-демократическая революция.

---

[1]) Заключительное слово Ленина. В дополнительном томе (XX) Собрания сочинений помещена только первая речь Ленина на заседании ПК 30 мая и его письма к районам. Заключительную речь цитирую по копии протокола ПК, находящейся в архиве Истпарта ЦК ВКП.

Ленин классовый смысл расценивал иначе. Мелкобуржуазная солдатская масса столкнулась с фактом эксплоатации ее «добросовестного оборончества» в откровенно-империалистических целях. Возмущение, которое охватило массы, означало дальнейший сдвиг мелкой буржуазии в сторону пролетариата, означало шаг по пути изживания добросовестного оборончества. Эти возмущения будут и в дальнейшем, вековое доверие мелкобуржуазной массы к капиталистическому порядку не может быть разрушено одним ударом. Колебания мелкой буржуазии скажутся еще неоднократно, и это обусловливает неизбежное повторение кризисов. Это — «не первое и не последнее колебание мелко-буржуазной и полупролетарской массы».

Но и «урок ясен, товарищи рабочие». «За первым кризисом последуют другие. Все силы отдайте делу просвещения отсталых, массового товарищеского, непосредственного (не только митингового) сближения с каждым полком, с каждой группой еще не прозревших трудящихся слоев. Все силы на собственное сплочение, на организацию рабочих снизу до верху, вплоть до каждого района, до каждого завода, до каждого квартала столицы и ее предместий». «В каждом районе, в каждом квартале, на каждом заводе, в каждой роте должна быть крепкая, дружная организация, способная действовать как один человек. От каждой такой организации должны быть прямые шаги к центру, к ЦК».

20—21 апреля — это первый кризис в истории русской революции. Здесь впервые столкнулись в уличной борьбе два борющихся за власть класса. Здесь впервые была обнаружена неизбежность колебаний мелкобуржуазной массы в дни кризиса, впервые было обнаружено полное банкротство мелко-буржуазных партий, гигантский размах колебаний в основном вопросе всякой революции — в вопросе о власти, здесь обнаружилась полная неспособность соглашательского большинства Советов стоять в голове событий, руководить ими. Здесь обнаружилось и то, что с такой энергией подчеркивал Ленин в предоктябрьские дни: «Сила революционного пролетариата с точки зрения воздействия на массы и увлечения их на борьбу несравненно больше во внепарламентской борьбе, чем в борьбе парламентской».

В дни апрельского кризиса, как и в дни всякого кризиса, скрытое делалось явным, отбрасывалось условное, мелкое, поверхностное, отметался прочь политический сор, вскрывались истинные пружины происходящей классовой борьбы.

В апрельские дни была дана действительная оценка работ «всероссийского центра» революции, было вскрыто действительное значение резолюций советского совещания. Всего за 3 недели до 20—21-го была единогласно принята резолюция об условном доверии Временному правительству. Этот вотум мартовского советского совещания оборонческое крыло превратило в непреложный закон революции. Массовое движение, ход революционной борьбы, экономические конфликты, местное революционное творчество, — все должно было подчиняться политическому законодательству меньшевиков, освященному единодуш-

ным решением «всей революционной демократии». В апрельские дни «события внезапно приняли такую ясную и решительную форму, что в несколько дней совершенно рушились все иллюзии этих ученых законодателей насчет своей действительной силы и значения». (Энгельс о Франкфуртском собрании.)

В апрельские дни обнаружилась полная несостоятельность попыток буржуазных кругов установить единовластие.

Глава шестая

КОАЛИЦИЯ

Кризис 20—21 апреля поставил в упор вопрос о власти. Отовсюду поступали резолюции и сообщения различных организаций, огромное большинство которых полностью становилось на сторону Советов. Ряд Советов, помимо общих положений о присоединении к Петроградскому, выставлял конкретные требования; так, например, Харьковский Совет Р. и С. Д. на собрании 22 апреля единогласно принимает резолюцию-протест «против попыток во имя интересов буржуазии продолжать войну для захватов чужих территорий, против попыток ослабить борьбу международной демократии за мир», ставит на очередь вопрос о пребывании Милюкова в составе Временного правительства». «Харьковский Совет Р. и С. Д. выражает свою полную готовность поддержать всеми силами, имеющимися в его распоряжении, протест Петроградского С. Р. и С. Д. против империалистических выступлений... Вместе с тем Харьковский С. Р. и С. Д. требует, чтобы Временное правительство немедленно опубликовало все международные договоры» [1]).

Нижегородский Исполнительный комитет Совета 21 апреля принимает резолюцию, где «требует от Временного правительства отказа от данного им толкования декларации и подтверждения своей прежней позиции по отношению к войне и миру не только перед лицом русских граждан, но и путем обращений к союзным государствам». «С. Р. Д. требует от Временного правительства пред'явления всех этих (тайных. *М. Ю.*) договоров Исполнительному комитету Петроградского С. Р. и С. Д. и по соглашению с ним опубликовать их». «С. Р. Д. требует от Временного правительства немедленного созыва конференции союзников для выработки условий мира без аннексий и контрибуций». На пленуме Совета 23 апреля принимается резолюция в этом духе, но с более резкой формулировкой и с прямым указанием, что «Совету принадлежит право руководства и контроля над действиями Временного правительства». Поправка, предложенная левыми, с требованием перемирия отклонена относительно маленьким большинством 101 против 66 [2]).

[1]) Харьковский «Социал-демократ», № 32 от 23 апреля и папка № 15 Архива иногороднего отдела.

[2]) «Материалы по истор. революц. движ. в Н.-Новгороде», ст. В. Илларионова, 1917/18 г. в Нижегородской губернии, стр. 160. «Новая жизнь», № 6.

Самарские Советы на об'единенном заседании 22 апреля полагают, что Временное правительство обязано исполнять волю революционной демократии, представителем которой является Петроградский Совет, и обещают поддержать последний во всех мерах, какие он найдет нужным для защиты народных масс; требуют, чтобы Временное правительство ознакомило Советы с тайными договорами [1]). Гельсингфорский Совет 22 апреля выносит резолюцию, в которой высказывается против каких-либо уступок Временному правительству, требует отставки последнего и обещает «в любой момент поддержать вооруженной силой требование об уходе Временного правительства». Екатеринбургский Совет также выносит большевистскую резолюцию. Златоустовский Совет настаивает на провозглашении истинного отношения русского народа к войне. Грозненский Совет в телеграмме Петроградскому 25 апреля «присоединяется к тем, кто требует, чтобы Временное правительство категорически затребовало от союзных держав определенного ответа, осуществления каких задач они преследуют в данной войне [2]). Совет офицерских и солдатских депутатов гор. Ростова Ярославской губернии винит в событиях Врем. правительство, требует немедленного опубликования тайных договоров, подчинения Врем. правительства, как во внешней, так и во внутренней политике, указаниям Петроградского Совета Р. и С. Д. [3]), Проскуровский Совет выносит резолюцию с требованием от Петроградского Совета сформировать коалиционное правительство, требует немедленного опубликования секретных договоров.

Тифлисский Совет «считает необходимым опубликование договоров, заключенных союзными державами и касающихся нынешней войны, и обновление посольств» [4]).

Костромской, Подольский, Мотовилихинский, Брянский, Гомельский, Кунгурский Советы также требуют опубликования тайных договоров.

В самом Петрограде почти все предприятия 20-го и 21-го выносят резолюции, в которых требуют отказа от завоевательной политики, предложения мира и т. п. Такие же резолюции начали поступать с фронта (резолюция, напр., I армейского корпуса, требует от Врем. правительства немедленного заявления о готовности приступить к мирным переговорам в согласии с народами союзных стран; резолюция 38 дивизии требует немедленного об'явления условий заключения мира, требует опубликования тайных договоров).

Конфликт с ген. Корниловым показал, что такое положение, при котором представители власти, формально облеченные всей полнотой

---

1) «Известия Самарского С. Р. и С. Д.», № 34 от 23 апреля. На собрании Совета выступали некоторые члены Совета военных депутатов, защищавшие Милюкова. Резолюция, предложенная всеми социалистическими фракциями прошла 250 гол. против 3 при 19 воздержавшихся.

2) Папка иногороднего отдела № 17.

3) «Известия Московского С. Р. Д.», № 50 от 3 мая.

4) «Протоколы закавказских революционных советских организаций, т. I, засед. С. Р. Д. 29 апреля.

ее, должны предварительно получать в Исполкоме санкцию своих актов, немыслимо.

Кризис власти принял внешне более спокойную, более затяжную форму, но продолжал быть болезненным. Кризис власти в основном был кризисом двоевластия, наиболее радикальный выход из него представлялся в виде немедленного перехода от двоевластия к единовластию. Это предлагал Милюков, предлагая начать гражданскую войну, это предлагал Ленин, подчеркивая гарантированность мирного перехода власти к советскому блоку.

Но мелкобуржуазный Совет имел перед собой другую задачу. 20—21 апреля он потерял власть над массами. Массы вышли на улицу без призыва Совета, демонстрировали под лозунгами, опороченными советским большинством. Между рабочей и солдатской массой Петрограда и соглашательским Советом в дни 20—21 апреля образовалась своего рода пустота, провал. Уже 22 апреля «Известия» жаловались: «Советы не стремились к захвату власти в свои руки. Между тем на многих знаменах сторонников Совета были надписи, требовавшие свержения правительства и перехода всей власти к Совету». Но в манифестации 21 апреля была и другая прискорбная сторона. Мы не знаем, насколько были организованы демонстрации буржуазии, насколько в выступлениях их участвовала единая направляющая воля. Но все пролетарские манифестации 21 апреля происходили помимо Совета Р. и С. Д., который не брал на себя инициативы уличных демонстраций своих сторонников. Но возбуждение в рабочих кварталах было слишком велико. Возмущение против призрака возрождения завоевательной политики царизма вызвало рабочих на улицы»... Но если в № 47 «Известия» меланхолически скорбят, что возбужденные рабочие не удержались по квартирам, то в № 50 «Известия» уже нападают на тех, кто выводил рабочих, а в № 53 от 29 апреля в передовице, выразительно озаглавленной «Анархия — гибель революции», энергично нападают вообще на всех рабочих, выступавших в дни 20—21 апреля. Чтобы удержать массы за собой, надо было принизить их революционную активность и первым делом представить самое выступление 20—21 апреля, как неправомерный и вредный акт [1]).

Мелко-буржуазные партии, которые вначале видели выход в легализации двоевластия, поддаваясь неустойчивости мелко-буржуазных масс населения, искали выхода в коалиции. К этому же склонялась и большая часть буржуазного правительства, ясно видевшая недостаточность реальных сил, чтобы начинать гражданскую войну, либо боявшаяся последней.

Уже в ночь с 20-го на 21-е в партийных социалистических центрах обсуждался вопрос о коалиции, 21-го специально по этому вопросу состоялось собрание народнического блока Петроградского Совета. Ке-

[1]) Как далеко заходили усилия оборонцев, видно из выступления одного из делегатов Петроградского Совета, солдата Котлярова на Уральском областном с'езде Советов. По его словам, «20 и 21 апреля рабочие блузы стреляли в безоружных солдат», «Известия Уральского С. Р. и С. Д.» № ... (до № 13).

ренский уже 24 апреля в своем заявлении Бюро пытается запутать ИК. «Настало время пополнить Врем. правительство, — говорит он. — Правительство сейчас находится в невозможно тяжелом положении; у него, несомненно, было настроение снять с себя ответственность, и слухи об уходе не представляют собой никакой политической игры». С другой стороны, начинается давление буржуазных кругов. По предложению своего городского головы, Астрова, Московская городская дума выносит решение о коалиции. 26 апреля выпускается обращение Врем. правительства к гражданам, где ставится вопрос о привлечении к ответственной государственной работе тех активных творческих сил страны, которые не участвовали в ней.

«Признанное сейчас положение таково: Врем. правительство дало формальное обязательство действовать в контакте с Исп. комитетом и с Советом раб. и солд. деп. Такой строй власти естественно вырос из существующего положения. Неверна та точка зрения, по которой С. Р. и С. Д. является таким же органом общественного контроля над правительством, как всякое «общество», как Пироговское общество, Союз городов и земств, Географическое общество и т. д.... Как юристы будут определять власть Совета Р. и С. Д., это дело школьных учителей. Ответственные политики должны считаться с фактом существования Врем. правительства и С. Р. и С. Д. Эти два органа должны выполнить перед страной взятые на себя обязательства: созвать Учредительное собрание, осуществить демократическую программу и пока продолжается война... до тех пор обеспечить фронт и тыл в военном отношении». Еще замечательнее конец этой статьи: «Каждый шаг и во внутренней и во внешней политике, если он затрагивает существенные интересы страны, должен быть делом двух органов — Врем. правительства и Исп. комитета С. Р. и С. Д. Таковы уроки пережитого кризиса». Эти уроки были учтены и в постановлении Петроградского Совета, который на-ряду с постановлением об исчерпании инцидента принял решение о более действенном и более решительном контроле над правительством.

Точно такие же предложения были опубликованы в «Известиях» за день до помещения только что цитированной статьи в № 49 наказа делегации I армейского корпуса. «Обсудив вопрос о взаимоотношениях между Петроградским С. Р. и С. Д. и Врем. правительством, Совет офицерских и солдатских депутатов I корпуса считает: 2) что в теперешнее переходное время наиболее точным выразителем широких народных мас является С. Р. и С. Д.; 2) считает вполне законным и необходимым с точки зрения интересов народа, чтобы вплоть до созыва Учредительного собрания контроль над деятельностью Врем. правительства был осуществляем Советом Р. и С. Д.; 3) Петроградский Совет Р. и С. Д. обладает и функциями временного законодательства, осуществляя свои решения через Врем. правительство; 4) в руках Врем. правительства исполнительная власть в полном об'еме, однако, в полном согласии с С. Р. и С. Д.; 5) акты, имеющие характер законодательный, издаются Врем. правительством обязательно с согласия Совета Р. и С. Д.».

По сути дела и статья в «Известиях» и опубликованный без всяких сопроводительных от редакции замечаний наказ корпуса — являлись предложением, в виде выхода из кризиса, легализовать двоевластие. 21 апреля Львов официально обращается к Чхеидзе с предложением обсудить в Совете и советских партиях вопрос о коалиции. Опубликовывает и свое заявление Керенский, адресуя его сразу и в свой партийный центр, и во Врем. комитет гос. думы, и в Петроградский Совет, и Врем. правительству, где требует вхождения представителей демократии. Коалиционные настроения, как мы видели выше, сильные в солдатских массах уже ко времени Всероссийского советского совещания, снова вспыхнули еще с большей силой. В Петрограде на заседании батальонных комитетов 22 апреля ряд частей (броневой дивизион, Семеновский полк и др.) высказался за коалиционное правительство. За коалицию высказывалось и много резолюций с мест; повсеместно повидимому преобладали коалиционные настроения у эсеров. Но последние без меньшевиков итти в правительство не могли, а меньшевики решительно возражали.

Однако, настроение против коалиции было достаточно сильно. Главным образом возражали меньшевики. Их опасения очень хорошо выразил Исув на Московском Совете: «Правительство очень скоро было бы скомпрометировано. Стихийные выступления станут неизбежными, но не будет уже иной силы, тех пролетарских организаций, которые были бы в состоянии ввести движение в определенное русло». ОК — меньшевистский партийный центр — высказался 26-го против коалиции, считая ее политически нецелесообразной. Против коалиции высказался Московский совет и ряд крупнейших провинциальных — Тифлисский, Одесский, Екатеринбургский, Нижегородский, Тверской Советы. Высказался против коалиции 28 апреля и ИК Петроградского Совета, правда, большинством всего одного голоса — 23 против 22 при 8 воздержавшихся, да и то перевес противникам коалиции дала делегация Московского Совета. Но отказ от коалиции не ликвидировал кризиса власти. Он углубился еще приказом Гучкова от 20 апреля о смутьянах в армии, который грозил вызвать на фронте осложнения. Кризис власти означал и кризис войны. Гучков, после своего приказа и после отказа подписать «Декларацию прав солдата», 30 апреля ушел в отставку. Кризис осложнялся: как раз в этот период в ИК прибыли делегаты от близлежащих армий и северного фронта и в упор поставили вопрос: «воюем мы или не воюем». Мелкобуржуазные партии именно в вопросе о войне капитулировали, что неизбежно означало и их капитуляцию в вопросе о власти.

Что война прямо и непосредственно привела большинство Совета в лоно буржуазного правительства, об этом откровенно заявил один из видных соглашательских делегатов фронта, Виленкин, в своей речи на Всероссийском с'езде Советов по докладу Дана: «Зиновьев с изумлением сказал о том, как быстро перерешился вопрос о коалиционном министерстве. Для нас — фронтовиков — в этом не было ничего удивительного. Мы думали, что тот стон, который испустила армия, когда узнала, что тт. социалисты не хотят войти в министерство совместно

работать с людьми, которым не верят, в то время, когда вся армия принуждена продолжать умирать с людьми, которым она не верит, — этот стон донесся до Петрограда».

30 апреля, т. е. еще до формального решения о вхождении в правительство, ИК принимает написанное правым меньшевиком Войтинским воззвание к армии. Лейт-мотив этого, по выражению Ленина, «печального документа» — призыв не отказываться от наступательных действий. Путь к миру, говорится в воззвании, не в сепаратном мире и не в сепаратном перемирии — «ваша боевая мощь служит делу мира». Помимо этого воззвания, откровенно призывавшего армию стать на службу делу империалистической войны, ИК принимает воззвание к социалистам всех стран, где заявляет, что Врем. правительство России вполне усвоило платформу революционной демократии — мира без аннексий и контрибуций. В тот же день оба эти воззвания были проведены через пленум Совета. Капитуляция была оформлена на следующий же день — на пленуме ИК в ночь с 1 мая на 2 мая. Керенский, приглашенный на пленум, рисуя картину развала страны, должен был запугать колеблющихся. После фракционных совещаний, большинством 44 против 19 при 2 воздержавшихся коалиция была подтверждена. Вместе с тем ИК принял выработанные меньшевистской фракцией условия. Суть их заключалась в требовании от Врем. правительства признания формулы без аннексий и контрибуций и принятия какой-то каучуковой формулировки в аграрной политике.

За кулисами Церетели при помощи А. Тома с большинством правительства был предрешен вопрос об уходе Милюкова, либо о его переходе на пост министра просвещения.

После того как Петроградский Совет решил послать своих представителей в правительство, только немногие Советы продолжают высказываться против коалиции или даже выражать недовольство. Такие Советы, как Гельсингфорский, при обсуждении вопроса о коалиции принимали резолюцию о необходимости правительства, составленного из рядов демократии. Харьковский Совет и после 1 мая выражал недовольство, да еще Московский Совет устроил своего рода демонстрацию, проведя на пленарном заседании Московского областного бюро Советов раб. и солд. деп. в начале мая резолюцию, где обещал поддержку министрам-социалистам, не входя в обсуждение целесообразности шага, сделанного Петроградским Советом. Большинство местных Советов «целиком и полностью» присоединялись к решению Петроградского; за энергичную поддержку коалиционного правительства высказался Одессий Совет; огромным большинством — при 166 голосах за, 8 воздержавшихся и 9 голосах, поданных за резолюцию Шаумяна против коалиции, — проходит резолюция о полном доверии и поддержке коалиционного правительства в Бакинском Совете; с таким же единодушием проходит резолюция поддержки в Казанском Совете — при 3 против (большевикам не дали высказаться, и они покинули заседание).

Но, как бы в насмешку над действительным смыслом коалиции, Советы не только высказывались за поддержку коалиции, но и выска-

зывали свои пожелания. Все они, в основном, сводились к надеждам на более энергичную политику мира. Одесский Совет выставил еще пункт, где требовал «установление контроля над производством, транспортом, обменом и распределением продуктов», Кольчугинский Совет, помимо требования опубликования тайных договоров, еще признал необходимым составить коалиционное правительство в большинстве из членов социалистических партий.

Выработанные условия ни в малейшей мере не прикрывали капитуляции мелко-буржуазных лидеров. Станкевич в своих воспоминаниях рассказывает о вздохе облегчения, который почувствовался в правительстве по прочтении декларации. Выдвинули свою декларацию и кадеты — они требовали единства власти и полноты ее в руках Врем. правительства и безусловного сохранения единого фронта с союзниками. Капитуляция мелко-буржуазных лидеров перед войной и буржуазией, естественно, предполагала выполнение этих условий. Спор шел только о словесных формулировках.

По вопросу о составе Врем. правительства, разумеется, также велся торг, но эти случайные числовые комбинации ничего не меняли в классовой сущности коалиции. При этом, для сохранения арифметического равновесия, в качестве представителей социалистической демократии входили такие люди, как Переверзев, которого правейший эсер В. Гуревич характеризует, как человека милого, но весьма сомнительного социалиста. «Так как об его административных способностях никто понятия не имел, — говорит о нем Гуревич, — то никто и не возражал» (против включения в правительство. *М. Ю.*).

На пленуме Петроградского Совета 5 мая был утвержден как состав коалиции, так и ее программа. Большевики, возражавшие против коалиции, собрали всего 100 голосов. Солдатской массе и части рабочих Петрограда казалось еще, что коалиция может принести улучшение. На пленуме сказалась и различная оценка коалиции меньшевиками и эсерами. Гоц заявил, «что, вступая в министерство, мы занимаем новые передовые позиции», Чернов обещал, что решать будет Совет, исполнять — правительство. Менее оптимистически была настроена другая мелко-буржуазная партия. Ее лидер Дан заявлял, что «мы идем на тяжелые жертвы». Мелко-буржуазные иллюзии широкого обывателя переплелись с мелко-буржуазной боязнью революции узких слоев городской интеллигенции и ничтожной по своей численности и значению рабочей аристократии.

Двухнедельный период с 22 апреля до начала мая обнаружил полную неспособность мелко-буржуазных политических партий к самостоятельной политической линии. Обнаружилось, что эти партии не только неспособны проводить своей политической линии, но что они ее не имеют; эти партии жили буквально со дня на день и не знали, «что день грядущий им готовит». Особенно беспомощны были, понятно, эсеры. Еще 27 апреля В. Чернов в статье «Коалиционное правительство и война» писал: «Коалиционное правительство... Я не сомневаюсь, что к этому мы идем. Я сомневаюсь, что мы к этому

уже пришли. Коалиционное правительство — это союз всех партий для наивысшего усилия вывести страну из того тяжелого, невыносимого положения, в котором она находится...». Эта либеральная «беллетристика» должна была заменять директивы. Но уже через два дня Авксеньев на III с'езде эсеров защищал идею коалиции. Самая идея коалиции у эсеров связывалась с наполовину мистической верой в уврачевание всех бед России. Пафос парламентского кретинизма, неудержимо вспыхивавший среди вождей партии, как только они втягивались в механизм какой-нибудь министерской комбинации, рисовал им лазурные перспективы. У другой мелко-буржуазной партии, меньшевиков, было все же несколько больше понимания событий. Левое крыло этой партии было против коалиции, за «более совершенные формы контроля над Врем. правительством», как выразился в своей резолюции Исполком Московского Совета. Но всякие формы контроля неизбежно влекли бы новые кризисы между Советом и Врем. правительством, всякий новый конфликт неизбежно бы вызвал в той или иной форме вмешательство масс. Это лучше всего понимали и этого больше всего боялись лидеры меньшевиков — Церетели и Дан. У них-то была политическая линия, линия подчинения Советов буржуазной политике. Министериалисты и до коалиции, они после недолгих колебаний и формально связали себя с правительством.

Истинный смысл коалиции раскрылся в интервью Г. Львова 5 же мая, в первый же день коалиции: армия должна наступать. Сейчас же после коалиции началась свистопляска с войной. На всероссийском крестьянском с'езде Бунаков делает шовинистический доклад о войне, по тону почти ничем не отличающийся от речей командного состава. Представители союзных демократий — А. Тома, Вандервельде — усиленно выступают со своим толкованием русской формулы мира без аннексий и контрибуций. 14 мая Керенский издает приказ по армии, в котором говорит: «Вы пойдете туда, куда поведут вас вожди и правительство, вы понесете на концах штыков ваших мир».

Даже Суханов пишет в своих «Записках»: «За две недели правления Львова—Терещенко—Церетели престиж русской революции пал так низко, как не падал при Гучкове и Милюкове». Это была к о а л и ц и я п р о т и в р е в о л ю ц и и. Ее конечная цель в какие-нибудь 2-3 недели определилась как ликвидация мартовских завоеваний, как буржуазная диктатура.

При Гучкове армию совсем нельзя было двинуть в наступление, при Керенском ее двинули.

При Милюкове трудно было обманывать массы, при Терещенко легко.

При Шингареве оттягивать запрещение земельных сделок и ликвидацию землевладения нельзя было, при Чернове можно — в этом был смысл коалиции.

Милюков и Гучков ушли, чтобы осталась война. Керенский и Церетели мобилизовали революцию в интересах империализма.

Милюков справедливо иронизирует в своей «Истории»: «Став на место свергнутого ими «буржуазного» правительства, они очутились

в необходимости самим защищать буржуазный характер русской революции».

Но коалиция могла быть лишь этапом на пути к разрешению кризиса власти. Коалиция не только не создала сильной власти, но и не уничтожила двоевластия. Надежда, что личная уния устранит двоевластие, была нелепа. Спор между классами даже таким лидерам, как Чернов и Гоц, представлялся спором между учреждениями. А спор между учреждениями они хотели превратить в спор между сторонами внутри одного учреждения. Но ни от какой коалиции два класса еще не становились половинками одного.

Ленин блестяще предвидел это еще 6 мая, когда, определяя классовое значение коалиции, писал: В лучшем (для прочности министерства и для сохранения господства капиталистов) случае верхушки крестьянской буржуазии и мелко-буржуазные «вожди» меньшевистских рабочих обещали капиталистам свое классовое сотрудничество. В худшем для капиталистов случае вся смена имеет только личное или только кружковое значение, никакого классового значения.

Колебания огромных мелко-буржуазных масс остались; пока их прочно не завоюет либо пролетариат, либо буржуазия, до тех пор эти колебания будут порождать кризисы, до тех пор будет существовать двоевластие. Правительство, несмотря на придаток в виде нескольких меньшевиков и эсеров, оставалось правительством капиталистов. Советы, несмотря на капитуляцию вождей, оставались организацией большинства. Их представители вынуждены были с этим считаться. Представители буржуазии все время чувствовали их давление. Правительство в результате было превращено, по выражению Троцкого, в примирительную камеру. Двоевластие отныне заключалось в самом правительстве. В коалиции налицо был переход крестьянской верхушки и мелкобуржуазных лидеров на сторону империализма. Масса же шла на коалицию с прекраснодушными надеждами на демократический мир, «демократическое» хозяйство и «демократическое» общество. Всякий класс учится, в основном, на собственном опыте. Мелко-буржуазные иллюзии коалиционизма массе предстояло изжить на собственном горбу.

Все основные вопросы — ликвидация войны, продовольственная разруха, аграрный вопрос, организация производства — не могли быть разрешены без глубочайшего вторжения в право частной собственности и потому не могли быть разрешены ни буржуазным, ни полубуржуазным правительством. С первых же дней коалиции мелко-буржуазный социализм вынужден был на-ряду с лозунгами наступления выбросить и лозунг «самоограничения масс», т. е. лозунг, последовательное проведение которого означало бы самоуничтожение Советов. В несколько более мягкой форме это признал задним числом и один из лидеров мелко-буржуазного социализма Чернов, когда он писал: «Эпоха господства в Советах меньшевиков и эсеров была эпохой заботливого *самоограничения* Советов».

Глава седьмая

СОВЕТЫ В ПРОВИНЦИИ [1])

Жирондисты русской революции, с момента устранения самодержавия, всячески сужали почин революционного творчества. Для них революционный почин масс был необходим лишь постольку, поскольку необходимо было свалить старый режим и устранить его агентов. Но с того момента, как было организовано Временное правительство, ими призванное и признанное, они считали, что революция может развиваться лишь, употребляя выражение Маркса, «в пределах чистого разума», т. е. в чисто парламентарных формах. Лидер российских жирондистов Церетели это положение декретировал с трибуны Всероссийского советского с'езда, когда, оправдывая аресты царских чиновников и отстранение администрации в первые дни революции, говорил: «но это был момент переворота, когда не была об'единена, сорганизована страна, и переносить те действия, которые тогда диктовались, в обстановку нынешнюю, когда создана организация об'единенной власти для всей России, это значит уподобиться тому народному герою, который на похоронах говорил: «Таскать вам не перетаскать», а на свадьбе пел «Со святыми упокой».

Для Церетели и для всего российского меньшевизма проблема революционного творчества масс, ее использования и направления, существовала только для первых дней. Советы, организации пролетариата, только временное учреждение, леса при стройке буржуазно-демократической государственности. Наша революция буржуазная и с организацией буржуазного правительства по сути дела она закончена; дальше предстоит

---

[1]) Деятельность и положение провинциальных Советов изучить в настоящее время очень трудно. Сводных материалов нет никаких, в центральных архивах эта деятельность доступна изучению только по архиву иногороднего отдела ЦИК и по фонду провинциальной прессы. Но в архиве иногороднего отдела материалы совершенно случайны, протоколы поступали весьма неаккуратно, сохранились, во всяком случае, немногие, ответы на подобные анкеты, разосланные отделом, получились от двух-трех Советов, переписка большей частью телеграфная, относится только к отдельным эпизодам; наиболее полно по телеграммам представлена провинция в период корниловских дней. Что касается провинциальных газет, с ними дела обстоят еще хуже. Полным комплектом не представлен почти ни один провинциальный Совет. Абсолютно полного комплекта нет даже «Известий» Петроградского и Московского Советов ни в библиотеке Центрархива, ни в библиотеке Комакадемии; некоторые газеты имеются в количестве 3-5 экземпляров. Печатных материалов (протоколов и т. д.), за исключением Петроградского и Тифлисского, нет.

огромная работа организационная, агитационная, пропагандистская, избирательная, но работа не революционная, а нормализованная, в рамках обычных классовых организаций, обычными демократическими методами.

Примитивное доктринерство номинального социализма не видало, не хотело и боялось видеть огромную, неисчерпаемую, в миллион раз превосходящую обычную, энергию масс. Другой жирондистский вождь, Либер, например, сейчас же после коалиции говорил: «Главная опасность политического кризиса кроется совсем не в конфликте между Временным правительством и Советом рабочих и солдатских депутатов, а в том непрерывном нарастающем настроении апатии, усталости и реакции, которые все сильнее охватывают широкие круги общества» [1]). Это говорилось о периоде, когда революционные массы только начинали разряжать огромные накопленные запасы революционной энергии. В этом пункте царило гармоническое согласие партий буржуазной и мелко-буржуазной демократии, и те и другие одинаково страдали массобоязнью.

Но Советы, которые об'единяли массы и испытывали на себе их непрерывное давление, которые испытывали, как велика сила апатии и как велика сила революционного кипения, не могли ограничивать свое вмешательство, как органов власти, только первыми днями. Ни политическая бесформенность, ни политически-наивные представления о ходе борьбы, ни соглашательское руководство не могли заставить пролетариат отказаться от продолжения борьбы. «Когда класс, концентрирующий в себе революционные интересы общества, начинает восстание, — говорит Маркс», — он находит содержание и материал своей революционной деятельности непосредственно в своем собственном положении: он должен отражать врагов, принимать меры, диктуемые требованиями борьбы; следствия его собственных поступков толкают его дальше. Он не вдается в теоретические изыскания относительно своих собственных задач».

Даже соглашательские Советы далеко выходили за границы Церетелевской программы. Антонов-Саратовский в своей книге о Саратове в революционной борьбе 1917 г. правильно отмечает, что «Не было в буквальном смысле, ни одного вопроса, волновавшего массу, который не волновал бы и Совет. Даже тогда, когда политическое руководство в нем принадлежало партиям мелко-буржуазного социализма, он все же чуть ли не ежедневно толкался массами на такие действия, какие выходили за пределы политического credo руководителей». Либер, через месяц после того, как открыл главного врага революции — апатию и усталость масс, должен был признать, задним числом, то, что говорили большевики. «Тех комиссаров, которые назначались правительством, оставили сидеть, а создалась единственная властная организация—местный С. Р. Д. Вместо того, чтобы единая революционная власть провела во всей стране единую демократическую реформу местных органов, вме-

[1]) Только сравнить это классическое отражение филистерской боязни революции ее мнимых вождей с тем, что говорил Ленин перед революцией о силе и энергии масс, в частности в речи 9 января 1917 года, перед швейцарской молодежью.

сто этого открылся путь для тех сепаратных переворотов, маленьких республик и анархии, которые мы видим теперь... Целый ряд функций правительственных органов в силу таких обстоятельств переходил в руки Советов раб. и солд. деп. даже тогда, когда они этого не желали» [1]).

Часто бессознательно, еще чаще если не против воли, то против своих теоретических изысканий, но и меньшевистские Советы вмешивались в управление и регулирование административной, политической, хозяйственной жизни, врывались иногда и в сферу частной собственности, отдавали приказы, издавали законы, устраняли «законную» власть и сами становились на ее место. Но, понятно, наиболее ярко этот процесс протекал в тех Советах, где в силу ряда условий во главе находились большевики.

Процесс превращения контролирующего Совета в управляющий особенно проявляется при вмешательстве Совета в экономические конфликты: Совет декретирует 8-часовой раб. день, создает комиссии и посылает их на предприятия, предписывает очередь и характер ремонта, снимает администрацию, добивается оплаты занятых общественной работой пролетариев, иногда даже устанавливает тариф, борется при помощи красногвардейцев с штрейкбрехерами, создает контрольные комиссии и т. д. и т. д.

Совет устраняет утвержденных Временным правительством комиссаров, либо добиваясь утверждения собственных кандидатур (Пермь, Кунгур), либо передавая управление «гражданской частью губернии» (формулировка из постановления Ревельского Совета 26 мая) Испол. комитету; Совет распускает городские думы (Оренбург), отстраняет назначенных Временным правительством командующих войсками и высших военных начальников (Ташкент), производит аресты, обыски (Самара). Совет закрывает буржуазные газеты (Н.-Новгород, Николаев, Сызрань, Тюмень).

Особенно большое участие Советы принимают в продовольственных делах. Они отменяют ограничения ввоза и вывоза хлеба (Н.-Новгород) из губернии, в других местах запрещают вывоз мануфактуры, организуют продовольственные обыски, выделяют летучие контрольные комиссии по обнаружению хлеба, своими специальными постановлениями обязывают торговцев сообщать об имеющихся запасах, организуют контроль над хлебопечением, реквизируют продовольственые запасы, устанавливают таксу на продовольственные товары. В Елисаветграде Совет в конце марта предложил банкам потребовать у клиентов немедленно выкупить все товары, являющиеся предметами первой необходимости.

Не оставлял без внимания Совет и финансовую политику. В Одессе, например, Совет при помощи красногвардейцев содействует распространению «Займа свободы» среди местной крупной буржуазии; в Царицыне Совет добивается «доборовольного» согласия торговцев пожертвовать на улучшение положения местного гарнизона до 2 миллионов руб. В других городах Совет требует от банков сведений о состоянии текущих счетов отдельных лиц, налагает на них запрещения.

---

[1]) Доклад Либера на заседании Всероссийского с'езда Советов 4 июня.

Совет реквизирует помещение [1]), реквизирует и уничтожает частные грузы [2]), об'являет недействительными приказы высших военных начальников (так, Екатеринбургский Совет Р. и С. Д. об'явил недействительной телеграмму командующего Екатеринбургским военным округом ген. Мышлаевского) о сообщении фамилий всех протестантов против войны до победного конца. Резолюция была проведена в Совете 130 голосами против 108 большевистских голосов, предлагавших более резкую резолюцию, в которой подчеркивалась контрреволюционная сущность военного министерства («Новая жизнь», № 45 от 10 июля), приостанавливает отправку маршевых рот, распускает часть гарнизона на полевые работы, присваивает право санкции всех постановлений военных начальников (Томск), отменяет постановления городских самоуправлений (Николаев), избирает временный состав таковых (Рига).

Рабочая масса, беспартийная, совершенно неопытная, впервые приобщенная к действительному влиянию на ход государственной машины, *чувствует* себя властью. Ее избранники, члены Совета — представители рабочей власти, и они должны быть снабжены всеми прерогативами власти. Чрезвычайно характерно, что создается специфическая депутатская неприкосновенность. Во многих местах она проводится специальными постановлениями Советов. В Н.-Новгороде Совет солд. деп. 16 марта постановляет временно считать всех членов Совета неприкосновенными и не приводить в исполнение дисциплинарных взысканий, освободить от командировок, нарядов и т. д. Вот, например, другое постановление Белгородского С. Р. и С. Д. от 9 апреля: «Принимая во

[1]) Ржевский Совет раб., солд. и крестьян. деп. на заседании в начале августа постановляет «принять меры к найму помещения в согласии с владельцами и составлением договоров», но, в случае отказа владельцев сдать помещения на приемлемых условиях, признать необходимым прибегнуть к реквизиции помещения, возложив функци по реквизиции на президиум Совета («Об'единение», № 104). Так же Смоленский Совет насильственно забирает помещения, не говоря уже о таком Совете, как Иваново-Вознесенский.

[2]) Ф. XXX. 6 123. Царицынск. С. Р. Д. уничтожил частные грузы с вином. (Сер. Д/8). Управление жел. дорог МПС 25 апр. 1917 г. отправило в иногородний отдел жалобу на действия Царицынского Совета, где на основании сообщения правления о-ва Владикавказской ж. д. бюро С. Р. и С. Д. 24/V через своего комиссара дороги сообщило управлению дороги что «вино или спирт, как частный груз, в случае провоза через Царицын при обнаружении будет беспощадно уничтожаться, ибо такие грузы являются угрозой общественной безопасности», 26 мая с. г. на ст. Тингута прибыли 3 вагона с вином... и в этот же день прибыл 1 вагон, привезенный специальным паровозом, с которым также прибыли члены С. Р. и С. Д. г. Царицына, которые, переговорив с начальником станции, прицепили к привезенному вагону, тоже с вином, прежде прибывшие 3 вагона, взяли с собой нач-ка упомянутой станции и 4 рабочих, от'ехали за 8 верст от станции, вылили вино... В ночь с 26 на 27/V на ст. Бекетовскую также прибыли члены С. Р. и С. Д. г. Царицына, которые без согласия агентов станции вскрыли вагон, из которого из'яли 10 бочек вина... вылили на землю... «12/VI с. г. на ст. Царицын явились члены контр. комисси С. Р. и С. Д. и, несмотря на протесты агентов дороги, потребовали передачи им находящихся на этой станции 47 вагонов нефтяных грузов. Затем грузы эти Советом были проданы с аукциона в г. Царицыне частным лицам. 13/VI так же было поступлено названными членами С. Р. и С. Д. еще с 9 вагонами нефтяных грузов».

внимание, что Петроградский, Московский, Харьковский, Нижегородский и другие Советы вынесли постановление о неприкосновенности и несменяемости членов Совета, что состав представительных органов демократии является необходимым условием для правильного функционирования их, а, следовательно, и верным залогом организации тыла, Совет единогласно постановил считать с момента этого постановления весь личный состав Совета неприкосновенным и несменяемым» [1]).

В таком же духе выносит постановление и Омский Совет: «Никто из членов Совета Р. и С. Д., не исключая солдат и офицеров, подлежащих отправке на фронт, не может быть откомандирован никуда без согласия Исп. комитета» [2]).

Всюду рабочие депутаты получают отсрочки, во многих местах Совет выносит постановление об оплате постоянно работающих в Совете его членов из государственых средств. Такое постановление, вопреки меньшевикам, за которыми обычно шла беспартийная, депутатская масса, было принято в середине марта в Московском Совете. Но в далеком Иркутском Совете сами меньшевики не только выносят такие постановления, но и угрожают, что, если не получат денег из центра, то воспользуются средствами местного казначейства [3]).

Логика борьбы вынуждала даже меньшевистские Советы превращаться в органы власти. Меньшевистский Совет вынуждался постоянно действовать в виде исключения иначе, чем предписывали правила меньшевистского кодекса о Советах.

Пожалуй, наиболее показателен в этом отношении Тифлисский Совет.

Квалифицированное меньшевистское руководство Советом, председательство такого испытанного меньшевика, как Ной Жордания, казалось бы, должно гарантировать добропорядочность действий Совета. Между тем Совет забирает в свои руки типографию, концентрирует у себя судопроизводство по всем политическим делам, создает свою собственную следственную комиссию, производит аресты; Совет вмешивается и в продовольственное хозяйство города — решает вопрос о хлебном рационе, о таксировании продуктов и предметов первой необходимости, устанавливает таксу. Совет вмешивается и в частно-хозяйственную деятельность: он предписывает местному отделению фирмы Зингер, вопреки приказу от правления из Москвы, выдавать в магазины товары и контрольные марки.

---

[1]) Папка № 19 иногороднего отдела. Выписка из протокола заседания С. Р. и С. Д. от 19/V. Редактировано постановление путанно, пункт о несменяемости вставлен, конечно, по недоразумению, но смысл постановления ясен.

[2]) Протокол засед. ИК Омского С. Р. и С. Д. от 8 июля, папка иногороднего отдела № 93.

[3]) В делах иногороднего отдела (ф. XXX, папка № 155) есть телеграмма от Иркутского Исполнит. комитета в адрес Чхеидзе (от 25 апреля), где, жалуясь на запрещение Щепкина открыть Совету кредиты, на том основании, что Совет преследует партийные цели, и обращаясь с просьбой открыть таковые кредиты, ИК в то же время предупреждает: «Неоткрытие кредитов в кратчайшее время заставит Исполнит. комитет действовать самостоятельно путем приказа казенной палате».

Во время забастовки хлебопеков Совет вмешивается в конфликт, ИК выносит следующее колоритное постановление: «Созвать хозяев хлебопекарен и заявить им, что если они не пойдут на необходимые уступки по удовлетворению справедливых требований рабочих, то будут приняты меры к реквизиции пекарен». Это постановление не осталось только на бумаге; когда один из владельцев отказался подписать условия примирительной камеры, Совет реквизировал его предприятие [1]).

В Саратове, например, Совет должен был «создавать регулирующие органы при Совете, делать внушения предпринимателям с применением ареста и привода, конфисковывать трамвай у бельгийцев, вводить рабочий контроль над хозяйствованием промышленников в их же предприятиях, организовывать производство на брошенных заводах и т. п.» [2]). В Одессе Исполком Совета раб. деп. занимается и организацией народного университета и книжного склада, и сбором денег, и организацией спектаклей, на-ряду с этим Совет запрещает торговлю спиртом, забирает в свое ведение распределение обуви, накладывает и снимает бойкот с промышленных и торговых предприятий, контролирует хлебопечение, разрешает буфетчикам торговать до 1 ч. ночи, организовывает обывательскую милицию для ночной охраны окраин города, принимает резолюцию, что всякие обязательные постановления, касающиеся закрытия и открытия магазинов, предварительно обсуждаются в Исполкоме, выносит постановление об увеличении жалованья солдатам и пенсии их семьям, избирает комиссаров при полицейских участках, разбирает вопрос об'единения больничных касс [3]). Такое же положение в Уфе и на Южном Урале — там Совет сам судит граждан, подчиняет себе милицию, организовывает свою собственную рабочую милицию, выдает пособия рабочим-инвалидам, организовывает рабочий контроль, вырабатывает профессиональные ставки, устанавливает правила надзора за военно-пленными, выдает пропуска на выезд с заводов [4]). Вообще на Урале, на заводах Советам принадлежала фактическая власть, особенно на таких, где большинство было у большевиков, как, например, Алапаевский завод, Каслинский, Верхне-Туринский, где Совет запретил заводоуправлению закрыть завод. На Лысьвенском заводе (одном из крупнейших на Урале), где у большевиков было абсолютное большинство, Совет раб. деп. организовал ряд комиссий, каждая из которых являлась управляющим органом. «Судебная комиссия разбирает вместо волостного суда все недоразумения, комиссия по внутреннему распорядку устанавливает отношения между рабочими и предпринимателями, которые с начала революции в корне изменились». Совет организовал милицию, насчитывавшую до 200 человек, в том числе 24 конных, распространял свое

---

[1]) Все данные о Тифлисском Совете взяты нами из «Протоколов революционных советских организаций», т. I, издания Историч. комиссии ИК СРД, Тифлис, 1920 г.

[2]) В. Антонов-Саратовский, Саратов с февраля по октябрь 1917 г., «Прол. revол.», № 4 (27).

[3]) «Известия Одесского С. Р. Д.», «Южный рабочий», «Одесские новости».

[4]) В. Эльцин, Дни октябрьского переворота на Южном Урале и в Уфе.

влияние на окружающие районы; так, по сообщению газеты, «Лысьвенский завод С. Р. Д. посылал своих комиссаров по окружающим заводам и волостям, комиссары посетили 16 заводов» [1]).

В Костроме «Продовольственное дело находится исключительно в руках рабоч., солдат. и крест. депутатов. Комиссара не приняли, а учредили комиссариат из 3 лиц — представителя крестьян, солдат и рабочих» [2]). В Николаеве Совет организует общественное хлебопечение, выдачу всех продуктов по карточкам, устанавливает твердые цены. Милиция, Общественный комитет, Продовольственный комитет находятся в руках Совета и во главе стоят члены Совета.

Еще до июльских дней в провинции ряд Советов являлся фактически единственным органом власти — во Владивостоке, в Томске, Иваново-Вознесенске, Луганске, Царицыне, Херсоне (Херсонский Совет раб. деп. в начале июня постановил: «ввиду уклонения местной администрации и городских общественных учреждений от работы с революционной демократией, взять власть в свои руки») «Новая жизнь», начало июня).

Особенно ярко процесс овладения власти Советом протекал в Красноярске, где Совет конституировался как настоящее автономное правительство и устранил всякие легальные прикрытия своей власти, в виде комисаров Временного правительства и т. п. Красноярский Совет совершенно самостоятельно ввел карточную систему и не только на предметы питания, но и на мануфактуру и другие предметы первой необходимости, самовольно вводил очередь отпусков для солдат, вопреки запрещения командующего военного округа отпускал солдат на полевые работы, установил контроль над местным пароходным движением (контроль, правда, более походил на попытку национализации флота), организовывал вооруженную силу, вмешивался в экономические конфликты (31 мая, например, Исполком С. Р. Д. постановляет, ввиду затягивания по вине предпринимателей забастовки на лесопильном и мукомольном заводах акционерного общества Абакан, реквизировать их и передать в ведение профессионального союза [3]). Власть Красноярского Совета распространяется и на уезды, в самом Красноярске существует особое бюро, которое возглавляет деятельность всех Советов Средней Сибири. В Канске Совет ликвидирует отделения Сибирского и кредитного банков, сливает их с казначейством и создает единое финансовое управление. В Енисейске Совет при участии комиссара Красноярского Совета вводит осадное положение, предварительную цензуру, создает следственную комиссию, которой разрешает, уже после отмены осадного положения, «вне зависимости от существующих законов», содержать под стражей, арестовывать, производить обыски, пользоваться воинскими нарядами и т. д. [4]).

---

[1]) «Пермская жизнь» № 380 от 22 марта 1917 г.

[2]) Доклад представителя Костромского С. Р. Д. Серебрякова на пленуме Московского областного бюро.

[3]) Это распоряжение Красноярского Совета чуть не повлекло за собой посылки карательного отряда из Иркутска.

[4]) О Красноярске — ряд статей: Шумяцкого в сбор. «Я. М. Свердлов», его доклад на с'езде партии, ст. ст. Фрумкина, Рогова, папка № 155 из архива

Интересная картина наблюдалась и в небольших городах и поселках. В некоторых из них, и таких, понятно, было большинство, Советы существовали только как дополнение к местному комиссару правительства, либо к местным буржуазным общественным организациям. Но в рабочих поселках Совет точно так же превращался в орган власти, как и в крупных центрах. В небольшом поселке Сновске, Городнянского уезда Черниговской губ., насчитывающем до 10 тыс. населения, железнодорожники, рабочие железнодорожного депо, рабочие типографий, лесопильных заводов совместно с расположенными здесь солдатами уже через два дня после создания Комитета общественной безопасности, 7 марта, создали Совет раб. и солд. деп. Совет быстро начал захватывать у буржуазного комитета одну функцию за другой, назначил против воли комитета своего начальника милиции, издал приказ о невыселении рабочих из квартир без ведома жилищной комиссии при Исполкоме Совета, поднял заработную плату, приобрел оружие, захватил типографию, где печатал «Известия Сновского Совета раб. и солд. деп.». В самом Сновске хотя оформленной большевистской организации не было, но настроение Совета было весьма сочувственное к большевикам; так, Совет в середине мая погрузил на адрес одной из большевистских частей два вагона хлеба, за что и получил от командующего Киевским военным округом выговор. Совет столь энергично действовал в этом небольшом городке, что 15 мая Комитет общественной безопасности, в виде протеста, в полном составе подал в отставку, власть перешла к Совету, который об'явил о переходе к нему власти и распустил Комитет общественных организаций [1]). Приблизительно такая же картина была и в Раменском, Бронницкого уезда [2]).

Вопрос о деятельности Советов крестьянских депутатов стоит в стороне от темы. Но и крестьянские Советы, хотя и значительно реже, превращались в самочинные организации народной власти. В этом отношении представляют интерес Самарская и Казанская губернии. В первой из них получили большое распространение так называемые «комитеты народной власти». Формально эти комитеты являлись общегражданским органом; так, во «Временный самарский комитет народной власти» входили представители рабочих организаций, воинских частей, правительственных и общественных учреждений, политических партий, общественных и крестьянских организаций и уездных комитетов. Но две особенности отличали его от обычных общегражданских институтов в губернских центрах: во-первых, в комитете в подавляющем большинстве находились представители демократии и, во-вторых, этими комитетами, однообразными по структуре и функциям, была опоясана вся губерния. Многочисленная сеть «комитетов народной власти» должна была заменить весь прежний аппарат. В резолюции с'езда делегатов «комитетов народной власти» Новоузенского уезда об ор-

---

иногороднего отдела ЦИК, а также Максаков и Турунов, Хроника революции в Сибири.

[1]) Быструков, Городнящина в 1917—1918 гг.; «Летопись революции», № 4, 1925 г.; Х. Николаевский, «Летопись революции», № 1, 1926 г.

[2]) Алекс. Войцехян, Вехи Октября 1917 г. в Бронницком уезде

ганизации местных комитетов прямо так и говорится: «Всеми административными и хозяйственными делами в пределах селения, волости, города и уезда, ведают сельские, волостные, уездные и городские комитеты народной власти. Сельские и волостные правления упраздняются, и все их дела передаются соответствующим местным комитетам народной власти» [1]). Тот же Новоузенский с'езд в принятом на заседании с'езда 19 апреля «Положении об организации комитетов народной власти» декретировал: «Впредь до издания основных законов Учредительным собранием, в качестве власти на местах учреждаются: сельские, волостные и уездные комитеты народной власти. Носителями народной власти на местах являются комитеты народной власти».

Что эту власть устанавливали не большевики и не анархисты, лучше всего показывает пункт четвертый того же положения:

«В целях сохранения порядка до издания новых справедливых законов частная собственность, личные и имущественные интересы частных лиц твердо и властно должны быть ограждены местными комитетами от всякого рода самовольных посягательств».

Мелко-буржуазные партии эсеров и меньшевиков, руководившие «комитетами народной власти», вопреки своим программам, вопреки тактической линии своих партийных центров вынуждены были, отражая на себе давление организованных и более сознательных, чем в других губерниях, крестьянских масс, не только издавать положения об организации волостных судов, милиции, налогового аппарата, но и прямо декретировать возникшие организации, как органы власти.

Новоузенский уезд особенно тем интересен, что здесь рельефно очертились формы власти, созданные народным творчеством, творчеством революционной крестьянской массы; в «комитете народной власти» этого уезда легко разглядеть ту демократическую диктатуру, тот плебейский способ разрешения задач буржуазной революции, о котором говорили большевики в 1905 году.

Такое же положение, как в Новоузенском уезде, было и в губернии. Самарский «комитет народной власти» в подавляющем большинстве состоял из советских элементов — в него входило 15 представителей от Совета крестьянских депутатов, 15 представителей от С. Р. Д., 15 представителей от Совета воинских депутатов и 15 от остальных организаций [2]).

Совет крестьянских депутатов играл в губернии большую роль, один из его руководителей был избран в губернские комиссары. Все земельные дела разрешались Советом. «Все споры разбирались в земельно-конфликтной комиссии при Совете, на основании временных правил пользования землей, выработанных II Крестьянским с'ездом». За два

---

[1]) АОР, ф. XXX, папка иногороднего отдела № 81.

[2]) В докладе председателя Сов. крестьян. деп. на крестьянском с'езде указано, будто крестьяне имели 60 представителей, от рабочих, солдат и от города — по 15. Но в других материалах самарского комитета указывается, что все четыре поименованные категории имели по ¼ всех мест. Повидимому в доклад председателя крестьянских депутатов вкралась опечатка.

месяца Совет рассмотрел 370 дел, из них 119 было возбуждено солдатскими семьями и беднейшим населением об удовлетворении их лугами, лесом и пахотными землями. На основании постановления крестьянского с'езда ходатайства эти были удовлетворены в первую очередь. Затем было заслушано 45 дел между отрубщиками и общинниками, 49 дел между помещиками, частновладельцами, арендаторами и населением и несколько дел между волостями и уездами. Циркуляры министерства внутренних дел (кстати, находившегося в руках партийных коллег руководителей самарского крестьянского с'езда) вызвали сумятицу, с мест потекли запросы, как им быть, когда у них уже использованы земельные угодья «согласно наших постановлений». В этом крестьяне увидели реакцию, возврат к прошлому и готовы были почти на все, только не возвращаться назад». Подобные циркуляры клались под сукно, а крестьянский Совет не только не сокращал сферы своей компетенции, но и расширял: «за последнее время даже руководство земельными комитетами перешло в руки Совета в лице председателя комитета и т. д., всю ответственность за направление земельной политики Совет взял на себя» [1]).

Нужно отметить высокую организованность Самарской губернии — к июлю месяцу в губернии было 32 волостных и сельских Совета крестьянских депутатов (из них в Самарском уезде 2, Новоузенском 14, Николаевском 1, Ставропольском 2, Бузулукском 7, Бугурусланском 6, Бугульминском — ни одного).

В Казанской губернии крестьянское движение также приобрело большие размеры.

Постановлением губернского крестьянского с'езда, прошедшего под руководством левых эсеров, еще 13 мая 1917 г. все помещичьи земли перешли в распоряжение волостного к-та. Постановление это довольно быстро начало проводиться в жизнь в уездах. Особенно быстро и решительно целый ряд «самочинных мер» был проведен в Спасском уезде, где во главе крестьянских революционных организаций стоял большевик. Уже 29 мая на совещании делегатов и уполномоченных волостей, сел и деревень было постановлено произвести бесплатную реквизицию у помещиков с.-х. машин и орудий, немедленно отобрать земли, реквизировать рогатый скот у помещиков и крестьян, имеющих более трех голов, передать помещичий лес в распоряжение волостных продовольственных комитетов, немедленно распродать всех рабочих лошадей у помещиков по реквизиционным ценам последних лет, продавая в первую очередь семействам призванных на войну, потом беднейшим лицам. Постановление это затем было подтверждено уездным крестьянским с'ездом. Пример Спасского уезда оказался заразительным, и «о весьма существенных нарушениях прав земельных собственников», как писала кадетская газета, были получены сведения и из других уездов—Чистопольского, Казанского, Свияжского. По сообщению казанского «Социалиста-революционера

[1]) Брошюра «Протоколы заседаний III губернского крестьянского с'езда», Самара, 1917 г., доклад Г. Соколова о деятельности Совета крестьянских депутатов.

ционера» от 15 июня постановление казанского крестьянского с'езда о передаче земель земельным комитетам было целиком проведено в Спасском уезде, Свияжском (кроме одной волости), частично проведено в Чистопольском, Царевококшайском, в одной волости Мамадышского уезда. В наиболее революционном уезде, Спасском, необходимость обеспечить произведенный захват помещичьих земель вынудила крестьян принять меры к устранению нежелательных им лиц из администрации. Так, отстраняется уездный комиссар и взамен него выбирается свой комиссар из волости, не утверждаемый губернскими властями, «свой» же председатель уездного продовольственного комитета оставляется на месте и т. д. Эти самоуправные действия продолжались вплоть до июльских дней. Только тогда удалось путем арестов, ввода вооруженных команд в деревни, даже возрождением порки — такой факт был в одном из уездов — заставить крестьян на время смириться. В одном Спасском уезде после июля было арестовано 11 человек во главе с большевиком Гордеевым [1]).

Кронштадт и Красноярск, Царицын и Ревель потому и возбуждали такую смертельную ненависть и злобу в буржуазных кругах, что они были олицетворением, символом нового государственного режима, форпостами диктатуры пролетариата. Здесь были попытки юридически закрепить фактическую власть Советов, попытки оформить в писанной конституции те неписанные нормы, которыми руководствовался господствующий пролетариат

Но самую бешеную ненависть, самую дикую злобу вызывал Кронштадт. Черты пролетарской диктатуры были в нем наиболее рельефно выражены. Кронштадт был под боком у буржуазного правительства. Кронштадт был вооружен. И Кронштадт — так или иначе — нужно было сокрушить.

В городе власть полностью принадлежала Совету. Местный комиссар Временного правительства, к.-д. Пепеляев, человек далеко не робкий и инертный (это показала его борьба в Якутии во главе последнего колчаковского отряда с Красной армией), служил лишь ширмой для существовавшего там порядка вещей. Он абсолютно ни во что не вмешивался и абсолютно ничего не мог предотвратить. Но самое существование такого поста являлось для буржуазии настоятельной необходимостью. Ей нужно было сохранить юридическую фикцию, опираясь на которую она при первом подходящем случае оправдала бы применение реальной силы. Вот эту-то фикцию и решил устранить Совет. 16 мая на заседании Совета была принята, по предложению беспартий-

---

[1]) С другой стороны, в глухих обывательских углах, типичных городках Окуровых, отрезанных часто от ж.-д. линий, без всяких предприятий и без пролетариата большевики еще долго оставались «чудище обло, озорно, стозевно и лаяй». В некоторых местах вообще мало что переменилось. Так напр., еще в мае месяце в уездном городе Арске председателем Исполнит. комитета общественной безопасности сделался член «Союза русского народа». Старые полицейские были переименованы в милицию, начальником милиции оставался б. исправник. Именно на такие районы и принуждены были ходом развития революции ориентироваться мелко-буржуазные социалистические партии.

ных, резолюция о переходе власти к Советам. Резолюция была принята поименным голосованием 211 голосов против 41 при 18 воздержавшихся; таким образом, само соотношение голосов показывает, что к большевикам присоединились все беспартийные и большая часть эсеровской фракции (в Кронштадском Совете к тому времени было 112 эсеров, 107 большевиков, 97 беспартийных и 30 меньшевиков [1]). Подлинный текст этой резолюции таков: «Единственной властью в городе Кронштадте является Совет рабочих и солдатских депутатов, который по всем делам государственного порядка входит в непосредственный контакт с Петроградским Советом рабочих и солдатских депутатов» [2]).

Это постановление вызвало колоссальный взрыв страстей. Буржуазная пресса и раньше не оставляла ни на минуту «Кронштадтскую республику» без того, чтобы не обливать ее грязью и клеветой. Но теперь она в отношении Кронштадта устранила всякие намеки на литературную и политическую этику. В миллионах экземпляров по всей стране распространялась от'явленная ложь, выдумка, вымышленные собственные деньги «Кронштадтской республики», декреты, постановления. За попыткой ликвидировать буржуазный порядок им чудился разврат, распущенность, анархия. Страх, больное распаленное воображение, желание унизить «красу и гордость русской революции» порождали ни с чем несообразные фантазии. Буржуазная ложь проникала и в социалистическую среду.

Между тем в Кронштадте сохранялся образцовый революционный порядок. В городе была запрещена карточная игра, выселены все проститутки, велась энергичная борьба с пьянством. В тот же день 16 мая, когда Совет решил взять в свои руки власть, другим постановлением он под угрозою (приводившейся потом несколько раз в исполнение) «конфискации имущества и отсылки на фронт» запрещал появляться в пьяном виде.

Образцовый порядок в городе вынуждены были признать и официальные советские партии. Специальный корреспондент меньшевистской «Рабочей газеты» Ростов отмечает царящий там порядок, исключительно добросовестное обращение с общественной собственностью, делегат Петроградского Совета Анисимов также отмечает, что в Кронштадте сохраняется спокойствие и что ужасы созданы буржуазной прессой. Также и в органе Петроградского Совета «Известиях» в специальном фельетоне «Кронштадтская республика» подтверждается,

---

[1]) Данные приведены в «Извест. Петроград. СРД», № 83, по данным «Правды», № 57 и Суханова (IV т. Записок о революции, стр. 157) в Совете было 93 б-ка, 91 эсер, 70 беспартийных и 46 меньшевиков.

[2]) Эта резолюция еще раньше была принята Испол. комитетом С. Р. и С. Д. В ней, кроме вышеупомянутого пункта, было постановление о занятии административных постов членами ИК, «для чего состав Исп. к-та пополняется соответствующим количеством депутатов из С. Р. и С. Д. Представителей на административные места дают фракции, которые за деятельность их отвечают». «Известия Кронштадского Совета», № 46, статья Флеровского «Кронштадтская республика», «Пролет. революция», № 11 (58) за 1926 г.

что в Кронштадте все в порядке, господствует сознательная революционная дисциплина, заседания Совета проходят с полным единодушием, публично и т. д.

То же самое вынужден признать и эсеровский центральный орган «Дело народа»: «В Кронштадте царит полный порядок, никаких признаков анархии, настроение в высокой степени деловое, серьезное, сознательное, твердое и полное сознания своей ответственности за сохранение свободы. Нет и признаков пьяства».

Но это беспристрастное освещение появилось в печати уже после кронштадтского инцидента. Пока же буржуазная пресса исступленными криками об измене, анархии, отделении Кронштадта создавала благоприятную для буржуазии обстановку для того, чтобы расправиться с большевистским городом.

Немедленно началась военная кампания. Временное правительство обратилось к Совету, Совет сейчас же выделил делегацию для уговоров. Туда поехали Чхеидзе, Гоц, Анисимов, Вербо, Онипко, и сейчас же вслед за этим выехали Церетели и Скобелев, в качестве членов Временного правительства и по его поручению. 22 мая на заседании Петроградского Совета по докладу Анисимова о кронштадтском деле, после горячих прений, в котором приняли участие и представители Кронштадтского Совета, предлагается резолюция, весьма резкая и, по выражению Каменева, «оскорбительная для кронштадтского пролетариата». Принятие резолюции откладывается, но самое предложение ее в такой резкой формулировке от имени центрального штаба революции должно было, повидимому, носить характер морального давления и подготовки к решительному об'яснению с Кронштадтским Советом. 24 мая на заседании Кронштадтского Совета, с участием Церетели и Скобелева, обсуждается фактический ультиматум Петроградского Совета и Временного правительства. Кронштадтский Совет решает уступить, стать на путь лойяльной оппозиции, принципиального признания власти Советов и практического подчинения Временному правительству, покуда власть Советов не достигнута. Совет принимает ряд резолюций — об отношении к центральной власти, о представительстве Временного правительства в Кронштадте, о немедленном введении демократических самоуправлений, об арестованных офицерах и т. д. Наибольшее сопротивление, повидимому со стороны беспартийных, возбудил вопрос об офицерах (по этому вопросу и наибольшее количество голосовавших против, резолюция была принята 160, против — 57, при 16 воздержавшихся, между тем как резолюция об отношении к центральной власти собрала 195 голосов, против — 26, при 22 воздержавшихся), но соглашение все же было достигнуто[1]). В тот же день Церетели и Скобелев делали доклад Временному правительству, а еще через день 25 мая Церетели делал доклад о результатах своей и Скобелева поездки на заседании Исполнительного комитета Петроградского Совета. На закрытом заседании Временное

---

[1]) Резолюции напечатаны в «Речи» от 25 мая и «Рабочей газете» от 26 мая, перепечатаны в приложении к Троцкому, III т., 1 часть, стр. 381-382.

правительство в виде уступки предоставило Кронштадтскому Совету рабочих и солдатских депутатов произвести выборы представителя Временного правительства в Кронштадте; таким образом, правительство, не создавая прецедента, согласовало свое поведение с компромиссной резолюцией Кронштадтского Совета, по которой «по вопросу о представительстве Времен. правительства в Кронштадте Совет раб. и солд. деп. заявляет, что на пост такового он избирает заведующего по делам гражданской части, который подлежит утверждению Временного правительства и перед ним ответственен».

С другой стороны, и Петроградский Совет решил пойти на уступки. На заседании ИК 25 мая, где, в прениях, как отмечает протокол, «из членов Исп. комитета только один т. Троцкий нашел возможным признать правильной позицию, занятую Кронштадтским Советом», Церетели советовал удовлетворить пожелание Кронштадтского Совета и снять резолюцию, предложенную общему собранию Совета 22 мая. Исполком, вместо этой сугубо резкой резолюции, принял постановление, в котором выражал удовлетворение по поводу принятых Кронштадтским Советом решений и выражал надежду, что они будут проведены «при полном содействии со стороны всех сознательных элементов кронштадтской демократии» [1]).

Неистовства, однако, не прекращались. Бесновалась не только пресса, но и «социалистические министры» буржуазного правительства. Один из них, Переверзев, 25 мая выступая на Всероссийском с'езде офицерских депутатов, заявил, что если кронштадтцы не подчинятся, то они «будут об'явлены врагами русской демократии, и тогда правительство не остановится ни перед какими мерами. Мы либо погибнем, либо одержим победу» [2]). Такие речи после состоявшегося соглашения имели явный характер натравливания на революционный город.

Но недовольство выражала не только буржуазная улица. «Сознательные элементы кронштадтской демократии» имели мало охоты становиться под дирижерскую палочку Церетели и в принятии Советом компромиссных резолюций увидели подчинение оборонческой политике. 25 мая на Якорной площади, где неоднократно проходили огромные матросские и солдатские митинги, собралось до 5 тысяч демонстрантов, которые категорически потребовали от Совета аннулирования его вчерашнего постановления. Совет снова собрался, обсудил снова свои вчерашние решения. Результатом этого последнего собрания явилось напечатание в «Известиях Конштадтского Совета раб. и солд. деп.» следующего заявления: «Ввиду того, что во многих сегодняшних русских газетах появились «резолюции» Совета, мы считаем своим долгом заявить следующее: принятые на заседании 24 мая ответы на вопросы, заданные министрами Церетели и Скобелевым Исполн. комитету, являются не резолюциями, а только ответами

---

[1]) Заседание 25 мая в проток. Петроград. С. Р. Д. В протоколах перепутаны даты, вместо 22 мая там указано 21 мая.

[2]) Цитирую по «Новой жизни» № 32 от 26 мая.

на вопросы и ничего более. Мы остаемся на точке зрения резолюции от 16 мая с. г. и раз'яснения от 21 мая 1917 г., признавая, что единственной местной властью в Кронштадте является Совет Р. и С. Д.».

Это постановление еще больше подлило керосина в и без того не унимавшийся огонь. В этот же день, 26 мая, Исполком созывает экстренное заседание Петроградского Совета, на котором Церетели делает подробный доклад и предлагает резолюцию, еще более резкую, чем даже предложенную 22 мая: «Тот, кто присутствовал на историческом заседании С. Р. и С. Д. 26 мая в Мариинском театре, не забудет никогда того языка человека «твердой власти», которым Церетели позволил себе говорить с представителями революционного Кронштадта. Только сознание, что конфликт преднамеренно раздувается в целях, чуждых единству революционной демократии, побудило левую часть русского конвента ответить полным достоинства спокойствием на вызов, брошенный Церетели». Так передает свое впечатление от этого заседания И. Безработный (статья «О вольном городе Кронштадте», «Вперед», № 1). Заседание было очень бурным, в защиту кронштадтцев, помимо представителей от Кронштадтского Совета, выступил с большой речью Троцкий. Половинчатую политическую позицию занял Мартов — он считал поведение кронштадтцев неправильным, но предлагал не спешить с принятием резолюции, а сначала обратиться с воззванием к кронштадтскому гарнизону с указанием на ошибочность его шагов. Но правые были неумолимы — три раза выступал Церетели, выступали Скобелев, Войтинский. Они настаивали на том, чтобы резолюция, об'являвшая об отпадении Кронштадта от революционной демократии, о нанесении удара делу революции, о господстве в Кронштадтском Совете анархических элементов, была немедленно принята. Резолюция и была принята, но большинством 580, против 162, при 74 воздержавшихся. Такое соотношение, пишет Суханов в своих «Записках», было новостью.

Немедленно после принятия этой резолюции начало действовать Временное правительство. На ночном заседании оно потребовало беспрекословного повиновения правительству и предписало немедленно вывести все учебные суда из Кронштадта; по его же распоряжению было прервано телефонное сообщение между Петроградом и Кронштадтом для частных лиц. Днем позже к усилиям Совета и правительства в усмирени бунтовщиков приложил свою руку и Всероссийский Совет крестьянских депутатов. Руководимый правым крылом эсеров, Совет почти единогласно, против 4, при 12 воздержавшихся, «доводит до сведения кронштадтцев, что трудовое крестьянство откажет им в продуктах потребления, если они немедленно не соединят свои революционные силы с общими силами демократии и не признают Временного правительства» [1]).

Опрометчивый шаг Кронштадтского Совета мог вызвать нежелательные последствия. Нужно было найти подходящий путь для выхода

---

[1]) «Новая жизнь», № 35 от 30 мая, текст перепечатан в «Революции 1917 г.», ч. 2, стр. 220.

из создавшегося положения. Именно с этой целью в Кронштадт и поехал Троцкий, где выступил в Совете и написал декларацию, которая и была принята Советом и затем единогласно проведена Троцким на митинге на Якорной площади.

В принятой декларации Кронштадтский Совет отвергал, как злобную клевету, обвинения в анархии, произволе, самосуде, в непризнании Временного правительства, в образовании самостоятельной республики.

Учебные суда из Кронштадта согласно распоряжения правительства ушли, и председатель Кронштадтского Совета телеграфно сообщил об этом Совету. Правительство, с своей стороны, утвердило избранного кронштадтского комиссара. Внешне конфликт был улажен. Но он вскрывал, какие глубокие, непримиримые противоречия скрывались за коалицией. Он обнаружил несокрушимую стойкость передового отряда революции и рост влияния левого крыла.

Не только в Петроградском Совете интернационалисты собрали 30% голосов, но и в Казанском Совете они собрали столько же[1]). Более того, вскоре с разных сторон России направляются в Кронштадт резолюции-приветствия: Иваново-Вознесенский Совет, Гельсингфорский, далекий незаметный Чебоксарский Совет, митинг Тамбовского запасного полка, 176 пехотный полк и др. солидаризовались с Кронштадтом. Но наиболее выразительной была демонстрация в честь кронштадтцев «за их стойкую позицию недоверия Временному правительству» 1-го пулеметного полка. В полном составе вышли на улицу одетые в серые шинели крестьяне в тот самый день, когда зажиточные мужички, собранные эсерами, грозились на крестьянском с'езде не дать хлеба.

Удар по Кронштадту бил, однако, дальше, чем это нужно было самим оборонцам. Как уже упоминалось, большевики в Совете имели только треть (даже меньше) всех депутатских мест. Верхушка Совета находилась в руках беспартийных и эсеров. Большевистские резолюции проходили только о войне, остальные отвергались. Резолюция о ноте Милюкова на пленуме Совета 21 апреля прошла совершенно бесцветная — меньшевистско-эсеровская — 138 голосами против 36 голосов, поданных за большевиков. Также и по вопросу о коалиции была принята 2 мая резолюция одобрения 95 голосами против 78, при 8 воздержавшихся. Преобладающую роль в Совете играли эсеры и шедшие за ними в большинстве беспартийные.

«Предрассудок, будто Кронштадт — цитадель большевизма и притом худшей его части, ни на чем не основан. Товарищи-большевики имеют в Кронштадте очень серьезное влияние, но влияние это ничуть не больше, чем в Петрограде и в остальной России. Организующим началом являются, что я смело и с большой гордостью утверждаю, социалисты-революционеры», — так писал один эсер в «Деле народа» [2])

---

[1]) На совместном заседании Казанского Совета Р. и Кр. Д. с батальонными и заводскими комитетами и представителями партии 4 июня антикронштадтская резолюция меньшевиков собрала 290 голосов против 129, при 2 воздержавшихся (Грачев, Хроника Октября в Казани).

[2]) И. Ильинский, Кронштадт, «Дело народа».

всего за две недели до кронштадтских событий. А через две недели кронштадтские матросы и рабочие были ославлены, при участии руководителей эсеровской партии, анархистами, злостными большевиками, чуть ли не поджигателями.

Победа над Кронштадтом, купленная ценой угроз, террористических резолюций, ложных обвинений, отбрасывала самые примирительно-настроенные элементы кронштадтской демократии далеко влево. За фразы о «единстве революционной власти» и «целости государственного организма» «государственные люди» из меньшевиков разрывали последние нити связи со массами. Это был обычный удел «государственных людей» мелкой буржуазии, они пожертвовали реальными благами в обмен на юридические фикции.

Высшим идеалом для мелко-буржазного советского большинства было повидимому мирное сожительство с Временным правительством. Однако каждый день наносил новый удар по этому блоку. Эти удары шли по двум линиям — стихийного брожения масс, вызванного бездеятельностью правительства, и мобилизацией контрреволюционных сил под знаменем борьбы с двоевластием.

Массы на местах самочинно устраняли представителей царской администрации, арестовывали их, вступая очень часто в конфликты с центром, самочинно организовывали милицию, самочинно разрешали продовольственные затруднения, самочинно устанавливали нормы рабочего законодательства.

Совершенно самотеком создавались организации и комитеты в армии, стихийно, чуть ли не на митингах устанавливались нормы нового солдатского общежития. Солдатская секция Питерского Совета 8 апреля выносит постановление о повышении жалованья нижним чинам и определяет его размеры, немного позже она определяет размеры повышенного пайка солдаткам. На местах кое-где Советы занимаются и отпусками солдат.

Советы на местах вынуждались обстоятельствами, раньше всего неслыханной разрухой, внесенной войной, и неслыханным на этой почве разорением масс, прибегать к таким мерам, которые означали уже не ремонт старого государственного аппарата, а разрушение его и стихийное оформление нового. Советы (понятно, далеко не везде, но почти во всех пролетарских центрах) отнюдь не играли роли «лесов» при строительстве новой свободной русской государственности, как это мерещилось Церетели. Жизнь заставляла их итти значительно дальше. Иногда провинциальные Советы делали только отдельные шаги (да и то часто прикрывали их фирмой комиссаров Врем. правительства), почти всегда избегали юридически оформлять свои действия, но они втягивали в дело государственного управления массы, возбуждали у масс аппетит к власти, создавали прецедент, и в этом их громадное значение. Это разрушение старого и строительство нового проявлялось в сложной, своеобразной, часто половинчатой и, во всяком случае, далеко не «чистой» форме, но именно это заставляло Ленина в тот период очень высоко оценивать значение местных Советов. «В ряде местных центров, — писал Ленин в апреле в своих на

бросках к тезисам резолюции о Советах, — особенно рабочих, роль Советов оказалась особенно большой. Создавалось единовластие, буржуазия разоружена полностью и сведена к полному подчинению, повышена зарплата, сокращен рабочий день при неуменьшенном производстве; обеспечено продовольствие, начат контроль за производством и распределением; смещены все старые власти; поощряется революционная инициатива крестьян и в вопросе о власти и в вопросе о земле. В столице и некоторых крупных центрах наблюдается обратное». В качестве одного из выводов Ленин даже намечал: «сбор опыта с мест для *подталкивания* центра, *места* становятся образцом»[1]). Даже Либер в одной из своих речей того времени писал: «Во всей почти провинции власть находится в руках только Советов рабочих и солдатских депутатов». Для Ленина же, несомненно, деятельность и положение Советов на местах давали значительно больше, чем Питер, для иллюстрации его тезиса о новом типе государства — советском.

---

[1]) См. замечательные наброски к тезисам резолюции о Советах, IV «Ленинский сборник», 284—286.

Глава восьмая

ВСЕРОССИЙСКИЙ С'ЕЗД СОВЕТОВ

1. Первая неделя

Неразрешенные вопросы мира и хлеба, обострявшееся аграрное движение, рост стачечной волны, продовольственная неурядица, развал промышленности, — все это упиралось в вопрос о власти. На этом фоне развертывается основное содержание с'езда Советов — борьба Горы и Жиронды русской революции. Задача Горы — разоблачение коалиции и мобилизация крестьянских — в первую очередь солдатских — масс вокруг пролетариата. Задача Жиронды — изоляция пролетариата и сплочение мелкобуржуазной демократии вокруг либеральной буржуазии.

Начало с'езда — неделя до кризиса 9—10 июня — вскрывает основные классовые линии, борющиеся на с'езде [1]).

Огромным большинством с'езд присоединился к высылке Гримма; и уже здесь в прениях по этому делу вскрылся и самый характер этого большинства — не существо инцидента их интересовало, а возможность правительственного кризиса. «Этого (высылки Гримма. *М. Ю.*) потребовала от них буржуазия, в правительстве которой они сидят, и этому требованию тт. министры подчинились», — справедливо говорил Мартов. Самая мысль, что возможное неподчинение в этом «мелком» для большинства случае может повести к конфликту с буржуазной частью правительства, эта мысль и подсказывала определенные выводы. Сейчас же вслед за голосованием по делу Гримма, в первый же день, с'езд Советов предрешил и вопрос о наступлении. Пока война есть — должна быть армия; пока армия есть — она должна воевать, в стоянии на месте — опасность развала; нужно ее двигать в бой. Наступление создаст базу для постановки вопроса о мире на реальную почву — таковы основные положения советского большинства. На-ряду с защи-

---

[1]) Всего на Всероссийском с'езде Советов было 1 090 делегатов — 820 с решающим голосом и 268 с совещательным. Из 777 делагатов, давших сведения о своей партийной принадлежности, было 285 эсеров, 248 меньшевиков, 105 большевиков, 32 с.-д. интернационалиста, 73 внефракционных социалиста, 10 об'единенных с.-д. интернационалистов (Стеклов, Троцкий, Луначарский), 10 бундовцев, 3 делегата группы «Единство», 3 энеса, 5 трудовиков, 1 анархист, 20 сочувствующих эсерам и 8 сочувствующих меньшевикам. Левое крыло, таким образом, насчитывало 148 человек в своем составе, т. е. всего 19%, зато эсеры и внефракционные социалисты составляли почти половину с'езда.

той наступления, руководящее большинство устами Чернова ставит точку над i и в вопросах своей внешней политики. «Никакого шага, разрывающего союз с правительствами, с которыми мы в настоящее время находимся в союзе, мы предпринимать не можем и предпринимать не будем», — говорил до Чернова Церетели, но, обещал он дальше, «правительство» предлагает в ближайшем будущем... созвать конференцию союзных держав для пересмотра всех старых договоров, исключая договор о сепаратном мире». Но Чернов, в ответ на упреки затягивания давно обещанной конференции и переговоров, прямо заявил, что хорошо, если коференция откладывается, — нет никакой необходимости в дипломатическом порядке итти быстрее, чем мы можем итти в порядке интернационально-демократических действий. Внешняя политика советского большинства получала, следовательно, законченную формулировку — не предпринимать дипломатических шагов в пользу мира до движения демократии на Западе, а с целью усиления интернационально-демократических действий постановили предпринять... наступление.

В области внутренней политики решения большинства с'езда соответствовали шагам, сделанным во внешней политике. Под давлением меньшевиков эсеры исключили из своего проекта резолюции о власти пункт, настаивавший на закрытии Государственной думы и Государственного совета. Это ведь все равно мертвые, несуществующие учреждения, аргументировал Б. Богданов, один из меньшевистских вождей. Ему остроумно отвечал Мартов — «Богданов предлагает признать Думу несуществующей, но не посягать на ее существование». Но для мещанского с'езда предложение Богданова было самым приемлемым. Наряду с отказом декретировать роспуск Государственной думы и Государственного совета, с'езд отказался декретировать установление в законодательном порядке восьмичасового рабочего дня. Наряду с защитой принципа коалиции, с'ездом принята ответственность за работу всего Временного правительства в целом. Зато в качестве высшего закона революции декретируется государственно-надклассовая точка зрения. «Ни в одной стране, ни в одну эпоху, — заявлял Скобелев, — не могли сыграть такой решительной роли для хозяйственной жизни страны примирительные камеры, как сейчас в эпоху русской революции». Вместе с этим официальным утверждением и наряду с ним, официальные докладчики по хозяйственным вопросам признавали, что в промышленных и вообще экономических конфликтах проявляются такие диаметрально-противоположные исходные пункты, что достигнуть соглашения невозможно. Правительство и соглашательский Совет одновременно признавали, устами Скобелева, свое бессилие, указывая, что: «единственное промышленное предприятие за время войны, не сократившее ни интенсивности труда, ни продуктов производства», — это экспедиция заготовления государственных бумаг, и в то же время заявляли: «У Временноего правительства остался единственный источник для своих ресурсов — это экономия». В подкрепление к имеющимся уже ресурсам с'езд Советов прибавляет надежды на то, что «русская промышленность окажется на высоте своего положения»

(Скобелев) и уверение, будто сопротивление капиталистов уже сломлено (Пешехонов).

Уже в первую неделю, еще до 9—10 июня, из правого крыла раздался старый жирондистский клич: «Петроград нужно свести к $^1/_{83}$ России». «Какой-нибудь Новочеркасск, — говорил на заседании 7 июня один из видных меньшевистских делегатов, — гораздо вернее отражает условия жизни во всей России, чем Петроград или Москва, я предлагаю каждый раз при своих резолюциях, при своем поведении исходить... из учета реального соотношения сил именно во всей провинции». «Этой умеренности в порывах, — продолжал Либер, — мы не только не должны бояться — побольше ее нужно для того, чтобы свой шаг соразмерять с шагом всей трудовой демократии». Вслед за ним находились делегаты, которые напоминали, что не только Петроград не Россия, но и Советы не Россия. Советы представляют только незначительную часть демократии, — говорил один из делегатов, — есть еще много несорганизовавшейся демократии — ремесленники, мелкое купечество, часть крестьянства.

Запугивая провинцией и неорганизованной в Советы демократией, Церетели предупреждал пролетарское крыло с'езда против взятия власти. Он даже пытался утверждать, что нет такой партии, которая говорила бы: «дайте нам в руки власть». Дан подчеркивал, что, во всяком случае, не меньшевистские Советы охотники до власти: 20—21 апреля власть падала к нам, как перезрелый плод [1]), мы ее не взяли и вести принципиально какую-то другую политику не собираемся.

Принцип коалиции и войны был утвержден уже в первые дни. Все, кто помешает программе коалиции, — заявил Церетели, будут отброшены.

Удар готовился по левому крылу. 8 июня с'езд опубликовал воззвание к рабочим Выборгского района, где на-ряду с запрещением вооруженных демонстраций имелось и обвинение выборгских рабочих в том, что их движение играет на руку контрреволюции.

8 же июня в своей речи на с'езде Церетели говорил: «В этот критический момент ни одна общественная сила не должна сбрасываться с весов до тех пор, пока ее можно использовать для народного дела». И вот, во имя сомнительной силы цензовой буржуазии, сбрасывали с весов питерский пролетариат.

Вместо удара по Всероссийскому казачьему с'езду, с'езд Советов нанес удар по Выборгской стороне.

В этом был смысл коалиции.

2. Коалиция против революции

(9—10 июня)

«Захочет ли с'езд стать во главе этой растущей волны, первые всплески которой убрали с их постов Гучкова и Милюкова? Или он, по совету «Дня», об'явит своей основной задачей борьбу с этой вол-

[1]) Выражение Дана в докладе на с'езде Советов 5 июня.

ной?», — так спрашивала «Правда» в день открытия с'езда. Первые же дни раскрыли карты. Питерскому пролетариату было не по пути со с'ездом.

На с'езде перед лицом солдатско-крестьянской провинции велась травля Петрограда. А в самом Петрограде настроение масс в июне изо дня в день повышалось — резолюции крупнейших предприятий о переходе власти к Советам, проект разгрузки Петрограда, проект переформирования петроградского гарнизона, «Декларация прав солдата», умалявшая фактически отвоеванные уже права петроградского гарнизона и балтийского флота, поведение Временного правительства в связи с нотами французского, английского, американского правительств, слухи о наступлении, обостренная тарифная борьба, репрессивные меры Временного правительства («атака» дачи Дурново, арест Харитонова, Хаустова и т. д.), черносотенные речи, беспрепятственно раздававшиеся на совещаниях Государственной думы, — все это не могло не создавать такой атмосферы, в которой ружья сами начинают стрелять.

Исключительно нервное настроение царило в петроградском гарнизоне и на Выборгской стороне. Если солдат будоражила введенная Керенским «декларация бесправия», то Выборгская сторона была вздернута на дыбы неумными и бестактными действиями агентов Временного правительства на даче Дурново. История этой министерской дачи весьма несложна: анархисты захватили для себя одно из помещений дачи, другими помещениями воспользовались различные организации — профессиональные союзы, союз эсеров-максималистов, секция народных чтений; огромный сад служил местом гуляния детей рабочих почти всей Выборгской стороны. Собственно сад больше всего и привлекал рабочих.

Между тем в силу каких-то высших соображений, Временное правительство решило очистить дачу Дурново от «насильников», чего бы это ни стоило. Анархисты категорически отказывались уйти с дачи, угрожая вооруженным сопротивлением. На помощь правительству и милиции тогда выступил Исполнительный комитет Петроградского Совета. На заседании Бюро 15 мая было решено предложить анархистам очистить дачу, в случае же их отказа исключить анархистов из состава Совета. Это неумное постановление не было проведено в жизнь; Исполкому пришлось убедиться, что вопрос о даче Дурново — это вопрос не об анаристах, а о всей Выборгской стороне; анархисты с дачи не ушли, и Исполком не исключил их из состава Совета. К началу с'езда положение в районе еще больше обострилось — почти все предприятия находились в состоянии конфликта, предприниматели категорически отклоняли требования об улучшении положения чернорабочих, дороговизна между тем росла, продовольственное положение ухудшалось, беспомощность коалиции обнаруживалась все яснее, как и усиление контрреволюционных элементов.

7 июня прокурор приказал выселить с дачи Дурново анархистов-коммунистов в течение 24 часов. Весть об этом немедленно разнеслась по всей стороне, в тот же день забастовало 4 завода, делегации от

различных предприятий обратились в Бюро Исполнительного комитета, однако ясного ответа не получили. На следующий день на Выборгской стороне уже чуть ли не 28 заводов прекратили работы, анархисты угрожали попрежнему вооруженным отпором и пока что организовали уличную демонстрацию рабочих 3 заводов (Металлического, Розенкранца и Феникса). В этот-то день Исполком Петроградского Совета совместно с президиумом Всероссийского с'езда опубликовал уже упоминавшееся воззвание[1]).

Настроение рабочих Выборгского района переливалось уже за грани партийно-организационного влияния. В других рабочих районах хотя настроение было не такое приподнятое, также было достаточно горючего материала. Но особенно бурлила солдатская масса, в большинстве своем окончательно порвавшая с оборонцами и особенно негодовавшая на своего прежнего кумира — Керенского, подписавшего «Декларацию прав» и приказ о дезертирах. Волнение среди солдат росло тем более, что предстояла отправка ряда частей на фронт или из Петрограда.

Именно из среды Военной организации и было внесено предложение об организации мирной демонстрации, с целью придать нарастающему движению организованный характер. По предложению Военной организации и благодаря поддержке Ленина в ЦК и было решено в начале июня устроить демонстрацию.

Впоследствии Церетели пытался превратить демонстрацию в заговор; эту версию фактически поддержал в своих «Записках» и Суханов. Имеющиеся в нашем распоряжении документы совершенно опровергают эту версию, специально придуманную Церетели для того, чтобы добиться от с'езда Советов права разоружить питерский пролетариат и загнать пролетарскую партию в полулегальные условия существования.

Основной документ, который один, собственно, может доказать полную несостоятельность измышлений Церетели о заговоре, — это протокол Петроградского комитета большевиков 6 июня. Половина заседания Комитета была посвящена вопросу о готовящейся демонстрации; при обсуждении этого вопроса заседание было сделано закрытым; докладчиком по вопросу о демонстрации явился Невский. Мы приводим его речь, как и речи некоторых других видных большевиков, полностью, по протокольной записи.

«Тов. Невский заявляет, что задачей закрытого заседания ПК является вопрос о демонстрации. Отдельные воинские части заявили Военной организации, что на почве недовольства «Декларацией прав солдата», приказами Керенского происходит в войсках брожение, которое надо вылить в виде демонстрации. Брожение это настолько сильно требует выхода, что если Военная организация не возьмет ини-

[1]) Текст его помещен в «Известиях» № 87 от 9 июня; в воззвании Исполком от имени министра юстиции заверяет, что сад останется за рабочими и что, мол, приказ, далее, относится только к анархистам (хотя в начале воззвания говорилось о недопустимости захвата вообще чужих жилых помещений).

циативу демонстрации в свои руки, демонстрация произойдет стихийно. ЦК поставил Военной организации условием — не решать без его санкции вопросов выступления, почему Военная организация, передав рассмотрение вопросов о демонстрации на решение ЦК, не могла дать решительного ответа на поставленный вопрос. Сегодня Павловский полк по своей инициативе назначил собрание представителей петроградского гарнизона для выяснения вопроса о демонстрации. Военная организация думает, что демонстрацию устроить должно, что при хорошей организации демонстрация соберет тысяч 20—30 солдат. На большом собрании членов Военной организации солдатам заявили, что на демонстрацию солдаты пойдут только вооруженными. ЦК же стоит за недопустимость вооруженной демонстрации. Лозунгами демонстрации могут быть лозунги протестов против декларации и приказов. Президиум Военной организации предлагает устроить в пятницу общее собрание ЦК, ПК и Военной организации для практического решения вопроса о демонстрации. А на этом заседании ПК Военная организация предлагает обсудить вопрос, примут ли рабочие участие в солдатской демонстрации. На совещании ЦК, Военной организации и ПК, которое происходило перед заседанием ПК наметилось два течения в отношении к вопросу о демонстрации: 1-е течение исходило из того положения, что нарастает конфликт, и демонстрация может преждевременно разрешить его; 2-е течение находило, что демонстрация может быть пробой наших сил, что в связи с событиями она может стать сильной, и потому лучше если органнизацию демонстрации мы возьмем на себя».

После речи Володарского, который признает только общую демонстрацию солдат и рабочих и утверждает, что в рабочей массе есть перелом в нашу пользу; и вопрос только в том, есть ли у рабочей массы такое настроение, которое толкнет ее на улицу, снова выступает т. Невский.

«Тов. Невский говорит, что Военная организация в течение трех недель возбуждала несколько раз в ЦК вопрос о демонстрации и не получила ответа. Плоха или хороша Военная организация, но у нее имеется связь с ¾ петроградского гарнизона. Если мы не возьмем руководство демонстрацией в свои руки, то демонстрация может выйти разрозненной. Солдат-крестьянин не может так быстро ориентироваться в вопросах, как рабочий. Вот почему важно участие рабочих в демонстрации, чтобы они влили максимум организованности и максимум сознательности в эту демонстрацию...».

В прениях при обсуждении этого вопроса приняло участие очень много товарищей — Володарский, Залуцкий, Стуков, Лацис, Томский, Калинин, Подвойский, Винокуров и др. Мы приведем еще целиком протокольные записи речей двух ораторов — Томского и Сталина, и затем подведем итоги этому собранию, на котором впервые практически стал вопрос о демонстрации.

«Тов. Томский думает, что вопрос не в том: мирная или вооруженная, импозантная или нет выйдет демонстрация, а вопрос в том, во что выльется эта демонстрация. Надо ожидать, что Исп. комитет С. Р. и С. Д. приложит все усилия к тому, чтобы смазать эту демонстрацию,

и прежде всего постарается повлиять на солдат, и не кончилось бы это аплодисментами по адресу министров. Настроение классового антагонизма так высоко — понаблюдайте в трамваях, — что нельзя предполагать, что демонстрация протечет мирно. Представьте себе, что же может выйти при столкновении сотен тысяч людей, может выйти больше чем демонстрация. Надо быть сугубо осторожным к этому шагу. Оперирование с настроением широкой массы есть оперирование с несколькими неизвестными. Петербургский комитет и Центральный комитет без участия районов не смогут всесторонне вырешить этот вопрос. Надо устроить совместное собрание с представителями районов и до этого собрания вопрос огласке не придавать».

«Тов. Сталин видит в создавшемся положении новые условия: имеется Временное правительство, куда делегированы министры и от Совета рабочих и солд. депутатов, и от Государственной думы; министры издали каторжные законы, Дума вынесла резолюцию о наступлении. Если дадим обнаглеть и дальше, то скоро подпишут нам смертный приговор. Брожение среди солдат факт. Среди рабочих такого определенного настроения нет. Мы должны звать массы на борьбу не только тогда, когда настроение кипит, но раз мы организация, пользующаяся влиянием, наша обязанность будировать настроение массы. Демонстрация солдат без рабочих — нуль. Формулировку требований солдат дадут рабочие; когда правительство готовит наступление, мы обязаны дать ему отпор. Будет ли армия разбита, или она победит, результатом того и другого будет разгар шовинизма. У нас сейчас мало данных для суждения о настроении масс. В пятницу назначено собрание из верховых и низовых организаций, которое даст нам такой материал. Наша обязанность сорганизовать эту демонстрацию — она смотр нашим силам. При виде вооруженных солдат буржуазия попрячется».

Таким образом, организация демонстрации на первом заседании ПК не встретила единодушия. Ряд членов комитета высказывался против демонстрации и по самым различным мотивам — возможность неудачи демонстрации; бесцельность чисто-солдатской демонстрации; недостаточная степень революционного настроения рабочих масс; опасения, что демонстрация может не удержаться в мирных рамках; наконец, Калинин выдвинул еще один довод — отсутствие повода: «У солдат есть повод для недовольства, у рабочих такого факта нет. Революционное настроение среди рабочих есть... Но какой же повод для демонстрации? Разгрузка является только говорением. Другого повода нет, потому демонстрация будет только надуманная. Если демонстрация произойдет без нас, мы можем ссылаться на нее перед нашими врагами, если мы устроим демонстрацию, то мы несем ответ за все результаты». (Из речи Калинина на том же заседании П. К.)

Сторонники демонстрации в ее защиту точно так же выдвигали различные соображения. Невский — представитель Военной организации и Лацис — представитель Выборгского района настаивали на демонстрации, организованной партией, так как в противном случае неизбежна стихийная демонстрация «только без нас она будет в тысячу раз хуже». Другие (Володарский, Подвойский) указывали на необходи-

мость поддержания солдат в их конкретных требованиях, так как в противном случае солдаты могут уйти из-под влияния партии; демонстрация была желательной для оформления настроения рабочей массы; удачная демонстрация могла бы явиться противодействием в подготовке наступления. Таковы были мотивы сторонников демонстрации. Но было еще одно соображение, мало фигурировавшее на заседании ПК, но являвшееся общими повидимому для большинства сторонников демонстрации и более важным для ЦК.

Удачная демонстрация явилась бы серьезным аргументом в борьбе левого-большевистского крыла с'езда Советов с его соглашательским большинством: она явилась бы не просто смотром сил, а демонстрацией сил перед лицом враждебного советского большинства. Авторитет петербургских рабочих, сваливших самодержавие, был очень силен среди рабочих и солдат всей России. Показать, что питерский пролетариат, революционные полки столицы резко расходятся с той самой верхушкой, которая до сих пор направляет и определяет политику от имени тех же самых рабочих и солдат Питера, показать, что большинство революционного Петрограда против оборончества и коалиции, — имело важное значение.

Еще на одном вопросе необходимо остановиться, прежде чем покинуть заседание 6 июня, — почему большевики хотели организовать демонстрацию втайне? Тайная демонстрация — рассуждал потом Церетели — лучше всего доказывает, что большевики подготовляли заговор, свержение правительства и захват власти; тайна! — это был всесокрушающий довод в его аргументации. И на этот вопрос протокол закрытого заседания дает совершенно ясный вопрос. «Чтобы не помешали эсеры, С. Р. и С. Д., меньшевики, не надо назначать дня», — говорил Невский. Чему не помешать? Заговору? На это очень ясно отвечает Томский: «надо ожидать, что Исп. ком. С. Р. и С. Д. приложит все усилия к тому, чтобы смазать эту демонстрацию, и прежде всего постараются повлиять на солдат». Еще яснее отвечает Диллэ, представитель латышского района, чуть ли не самый левый на заседании ПК. «Район, — говорил он, — ропщет на все партийные инстанции, что партия ничего не противопоставляет контрреволюционным шагам крупной и мелкой буржуазии». И дальше, этот представитель района, вероятно не отказавшийся бы лично повести демонстрантов и на Мариинский дворец, говорит: «соблюдать конспиративность необходимо, иначе меньшевики и эсеры могут устроить свою демонстрацию, которой нельзя дать сорганизоваться вместе с нашей». Вот где были причины конспиративной подготовки.

На заседании 6 июня решение не было вынесено. Оно было отложено до совещания ЦК, ПК, районных комитетов партии, военки, представителей профсоюзов и фабзавкомов. 8 июня на этом совещании, в присутствии Ленина и Зиновьева, снова обсуждался вопрос о демонстрации. По записям Лациса в его «Дневнике агитатора» на голосование было поставлено 3 вопроса: 1) есть ли в массах такое настроение, что они рвутся на улицу: за — 58, против — 37, воздержалось — 52; 2) выйдут ли на улицу, несмотря на отговаривания С. Р. Д.: за — 47, против — 24, воз-

держалось — 80; 3) устроить ли демонстрацию: за — 131, против — 6 и воздержалось — 22 [1]).

Во время обсуждения вопроса о демонстрации обнаружилось левое крыло в организации, отражавшее нетерпение некоторых слоев пролетариата и армии. При выяснении цели демонстрации и ее направления возникли разногласия [2]).

Подавляющим большинством была определена цель демонстрации как максимальное давление организованного пролетариата и гарнизона Петрограда на решения с'езда, и в соответствии с целью было определено направление демонстрации — к помещению заседаний с'езда Советов; был подчеркнут мирный и организованный характер демонстрации; лозунгами демонстрации были: «Долой десять министров-капиталистов», «Вся власть Советам», «Пересмотреть декларацию прав солдата», «Да здравствует контроль и организация производства и распределения», «Против политики наступления», «Пора кончить войну», «Пусть Совет депутатов об'явит справедливые условия мира», «Ни сепаратного мира, ни тайных договоров», «Хлеба, мира, свободы». Конечно, на совещании раздавались и отдельные, более энергичные голоса. Конечно, была возможность того, что, в случае демонстрации, ПК и военка возьмут «чуточку левее». На заседании ЦК и Исполнит. комиссии Петроградского к-та Смилга, по сообщению Лациса, предлагал не отказываться от захваты почты, телеграфа и арсенала, если события развернутся до столкновения. Предложение это было отклонено, но возможность самочинных действий, понятно, не исключалась. Настроение Выборгского района было настолько повышенно-нервным, что именно здесь мог быть дан толчок и к попыткам вооруженного воздействия на правительство. Ряд воинских частей, преимущественно расположенных в Выборгском районе, вынес решение выйти с оружием. Эти настроения могли быть поддержаны и Выборгским райкомом большевиков. Вот, по крайней мере, что писал Лацис, один из руководителей района и представитель от него в ИК ПК, в своем дневнике 9/VI: «Я с этим (отклонением предложения Смилги) примириться не могу... Сговорюсь с т. Семашко (1-й пулеметный полк) и Рахья, чтобы в случае необходимости быть во всеоружии и захватить вокзалы, арсенал, банки, почту и телеграф, опираясь на пулеметный полк». Такого же характера были, повидимому, и

[1]) У Раскольникова приведено по вопросу об устройстве демонстрации другое соотношение: за—147, против—23, воздержалось—90. Проверка возможна только по архивам ПК или ЦК, но цифры, приводимые Раскольниковым, возбуждают сомнение. На совещании присутствовало всего около 150 челов. (см. речь Зиновьева на заседании Петроградского комитета 11 июня), по голосованиям, приводимым Лацисом, число присутствовавших колеблется между 147 и 159, между тем у Раскольникова получается 260 человек. В докладе Сталина на VI с'езде указана цифра участников совещания—2 000, это явная опечатка (к сожалению, повторенная и в сборнике статей Сталина за 1917 год «На путях к октябрю»), нужно читать — 200.

[2]) «Эта демонстрация и особенно направление ее к зданию, где заседал I с'езд Советов, вызвала споры между большевиками, но решено было проводить ее по намеченному маршруту». (Л. Менжинская, Я. М. Свердлов в период февральской революции, статья в сборн. Истпарта «Я. М. Свердлов», стр. 89).

разногласия с Кронштадтской большевистской организацией по вопросу о поездке в Петроград.

Но все это предположения отдельных лиц, настроения отдельных групп, но ни в каком случае не решения партийных центров. Уже на заседании ПК 11 июня в своей речи Ленин подчеркивал, что после 10 июня не может быть речи о мирных демонстрациях: «мирные манифестации — дело прошлого», и вместе с тем отмечал и подчеркивал мирный характер готовившейся демонстрации 10 июня. Протокол ПК от 6 июня, решения совещания от 8-го, опубликованные речи Ленина и Зиновьева на заседании ПК 11 июня не оставляют камня на камне от каких бы то ни было версий «о заговоре, версий, по которым ударным пунктом манифестации, назначенной на 10 июня, был Мариинский дворец» (Суханов). Да и смешно говорить о заговоре, который в четверг 8 июня назначается на субботу 10 июня. Но именно эта версия была создана Церетели и подхвачена оборонцами. Но об этом несколько ниже.

К решению организовать демонстрацию присоединились уже на совещании 8 июня Центральный совет фабрично-заводских комитетов. 9 июня вопрос о демонстрации стоял на комитете у межрайонцев; под давлением Троцкого, против возражавшего Луначарского, и комитет межрайонцев решил присоединиться к демонстрации[1]).

9 же июня о решении организовать демонстрацию узнает и президиум Всероссийского с'езда. Бюро Исп. к-та Петроградского Совета ставит перед Центральным комитетом большевиков ультиматум — отменить демонстрацию. Это запрещение мобилизовать революционные силы вокруг самостоятельной от Советов политической линии пролетариата вызвало отпор на заседании ЦК и Исполнит. комиссии ПК партии — большинством решено было демонстрацию не откладывать, но подчеркнуть ее мирный характер.

Соглашательское крыло решает тогда удар по пролетарской партии произвести от имени всей революционной демократии России, от имени Всероссийского с'езда Советов. На вечернем заседании 9 июня Чхеидзе просил делегатов не расходиться. Завтрашний день может быть очень роковым, — говорил он, — придется заседать всю ночь. С докладом о «заговоре» выступил Гегечкори. Формальное основание для запрещения он находил в том, что 8 июня с'езд Советов в принятом воззвании «К рабочему населению Выборгской стороны» признал совершенно недопустимым и крайне опасным организацию вооруженных манифестаций без прямого постановления с'езда Советов. Большевики нарушают это постановление. Гегечкори сообщил о решении президиума «организовать или создать бюро, которое поведет дело решительной борьбы с выступлениями тех, которые служат темным силам»; закончил же он свою речь истерической угрозой по адресу большевиков: «Прочь ваши грязные руки от великого дела».

Выступавший еще до Гегечкори Церетели декларировал: «Здесь, на этом фланге открываются те ворота, через которые может ворваться

---

[1]) См. «Вперед» № 4 от 17 июня и речь Зиновьева на заседании ПК 11 июня.

контрреволюция», и требовал «поставить вопрос», может ли в цепи революции оставаться это слабое звено».

Фракция большевиков просила отложить обсуждение вопроса, чтобы иметь возможность предварительно вырешить вопрос во фракционном порядке; президиум отказал, и фракции пришлось воздержаться при решении с'езда запретить на 3 дня всякие демонстрации.

В заявлении Гегечкори в ночь на 10 июня уже видны зародыши той версии о заговоре, которую днем позже сообщал, как точно установленный и проверенный факт, Церетели.

Между тем за несколько часов до этого лидеры советского большинства совершенно иначе аргументировали необходимость запрещения демонстрации. На частном совещании Исп. комитета Либер приватно сообщал, под великим секретом, что получены точные сведения, будто контрреволюционные организации во главе с генералами решили использовать большевистскую демонстрацию и назначили на 10 июня свою демонстрацию. То же сообщал 9 июня при обсуждении вопроса в президиуме и Гегечкори: «Члены Исп. комитета предупредили организаторов этой демонстрации, что имеются в окрестностях Петрограда контрреволюционные казачьи полки, о которых не знает Керенский, и что известно лицо очень высокое, которое намечено контрреволюционерами в диктаторы. Кроме того, в этом контрреволюционном движении замешана одна очень высокая дипломатическая особа». Содержание этих меньшевистских разоблачений передавал Зиновьев рабочей секции Петроградского Совета в своей речи 3 июля [1]).

В ответ на сообщения о черносотенных организациях представители ЦК большевиков ответили, что тем более считают себя обязанными провести революционную рабочую демонстрацию. Тогда заговор черносотенцев превратился в заговор большевиков.

После постановления с'езда о запрещении демонстрации, после усиленно распускавшихся слухов о черносотенцах, о заговоре против Мариинского дворца, после слухов о предстоящем вооруженном выступлении, после речей, полных угроз и намеков, на с'езде создалось паническое настроение. Растерялась и большевистская фракция с'езда Советов. Под давлением фракции состоялось ночное заседание ЦК. Мы приведем здесь более подробное описание совещания фракции и ночного решения ЦК по воспоминаниям одного из участников этих заседаний. На совещании фракции, пишет этот участник, «выяснилось, что значительная часть фракции, допуская в будущем возможность разрыва с тогдашним советским большинством, в данный момент считала такой разрыв преждевременным, опасным для нашей партии, так как этим разрывом партия отрывалась от беспартийных масс». Кроме того, вы-

---

[1]) Речь Зиновьева передаем по подробному отчету «Известий». В собр. статей Зиновьева за 1917 г. (VII том) речь перепечатана в очень куцом виде. Фамилию высокой дипломатической особы расшифровывает Лацис в своем дневнике — Бьюкенен. Генералов Либер потом превратил в отставного подполковника Гаврилова, который будто бы стоял во главе темной организации на даче Дурново, долженствовавшей руководить демонстрацией 10 июня (доклад Либера на заседании Петроградского Совета 14 июня).

сказывались опасения, что если демонстрация вызовет в Ленинграде серьезные столкновения, то мы с мест не в состоянии будем оказать серьезной поддержки, так как еще не чувствуем себя достаточно сильными.

Прения во фракции затянулись. Говоря о том, что теперь уже нельзя отменить демонстрацию просто потому, что для оповещения об этой отмене у нас нехватит времени и сил, Ленин, между прочим, сослался на то, что в этот момент уже печатается «Правда» с призывом к рабочим и солдатам итти на демонстрацию и что мы не успеем вынуть весь этот материал из номера «Правды».

Возражая Ленину, т. Данилов указал, по его словам, что достаточно иметь в своем распоряжении 1½ наборщика, чтобы проделать в «Правде» все необходимые изменения.

Через некоторое время Ленин предложил прекратить прения, добавив, что ЦК соберется тут же, в нашей фракционной комнате, и вынесет окончательное решение.

Минут через 15—20 в углу комнаты кончилось заседание ЦК и Ленин сообщил нам его решение: 1) демонстрацию отменить, 2) всем членам фракции отправиться по районам и казармам, 3) т. Данилову отправиться в типографию, где печаталась «Правда» и сделать все изменения» [1]).

В «Правде» из стереотипа вырезали призыв к демонстрации. «Солдатскую правду» пришлось всю задержать. Точно так же и ночное заседание Бюро Исп. комитета Совета крестьянских депутатов по докладу Авксентьева присоединилось к воззванию с'езда и выделило до 70 человек, которые группами по 2-3 человека присоединялись к меньшевистско-эсеровским десяткам, направленным на заводы и в казармы. В рабочих районах, на окраинах делегаты с'езда Советов могли познакомиться с действительным настроением масс, их отношением к демонстрации и большевикам. В «Новой жизни» на следующий день 11 июня были напечатаны донесения делегатов: в большинстве районов, на большинстве предприятий и в воинских частях настроение оказалось определенно большевистским. Это сообщала не только интернационалистская «Новая жизнь». В донесениях начальников агитационных меньшевистско-эсеровских десятков, бывших в нашем распоряжении, точно такие же сведения [2]). Вот, например, донесение начальника 14-го десятка — Сухова, Выборгская сторона. Заводы: Парвиайнен, Кенига, Лесснера, Барановского, О-ва Соединенных механических заводов и др. — демонстраций никаких не будет. К меньшевикам и социал-революционерам отношение враждебное. Верят только «Правде». Кое-где кричат: «Мы вам не товарищи». Протесты против сегодняшнего заявления Врем. правительства о подавлении беспорядков. Кое-где заметно влияние анархистов». В большинстве и сообщения других начальников носят такой же характер. Точно такое же настроение отмечает в своих корреспон-

---

[1]) С. Данилов, Владимир Ильич, воспоминания, статья в сборн. «О Ленине», кн. III.

[2]) Донесения эти имеются в остатках дел меньшевистской фракции I с'езда Советов в архиве Истпарта ЦК ВКП.

денциях о с'езде в «Известиях Московского Совета», делегат с'езда, меньшевик Е. И.:

«Целую ночь напролет большинство с'езда, свыше 500 членов его, не смыкали глаз, разбившись на десятки, расходились по фабрикам и заводам и воинским частям Петрограда, призывая к воздержанию от демонстраций... С'езд в значительной части фабрик и заводов, а также некоторой части гарнизона авторитетом не пользуется... членов с'езда встречали очень часто далеко не-дружески, порой враждебно и нередко провожали злобно. С пристрастием иногда допрашивали, к какой организации принадлежит, и небрежно пропускали «гастролера», «посетителя с налету». («Известия Московского С. Р. Д.» № 83 от 11 июня, Е. И., Впечатления.)

Массы подчинялись не с'езду Советов, а ЦК большевиков. На Путиловском заводе, по сообщению начальника десятка, разрешили расклеить и распространить воззвания с'езда Советов лишь после сличения с получившейся утром «Правдой». 1-й пулеметный полк, 3-й пехотный запасный полк, гренадерский полк согласились отсрочить выступление только на 3 дня.

Самую отмену Центральным комитетом партии демонстрации массы восприняли очень остро — на ряде предприятий господствовало сильное возмущение, на некоторых выносились резолюции порицания ЦК, на некоторых отдельные члены партии рвали даже партийные билеты. Эти настроения рабочей массы передавались и в партийные организации — на совещании, созванном Центральным комитетом 10 июня, и на заседании ПК 11 июня было течение, резко высказывавшееся против поведения ЦК в этом вопросе.

Самое назначение демонстрации вызвало пароксизм ненависти среди мелко-буржуазной верхушки. Вот как, например, официальная советская пресса и пресса партий советского большинства отзывались о большевиках: «До революции, как мы знаем из документов по делу Малиновского, деятельность ленинцев, раскалывавших рабочее движение, фактически шла на пользу реакции и потому вполне одобрялась охранкой и департаментом полиции. И пора нам заговорить с ними открыто и смело. Пора всенародно, пока не поздно, пока революция не захлебнулась в крови той братоубийственной войны, которую сознательно подготовляют ленинцы и которой с затаенным злорадством поджидает вся реакционная клика, пора, наконец, пригвоздить к позорному столбу тех, кто ведет эту темную игру, пора заклеймить ленинцев изменниками и предателями революции» (из передовицы «Рабочей газеты», 10 июня). «Ни для кого не может быть сомнения, что демонстрации, назначенные на 10/VI, были задуманы как удар для низвержения Врем. правительства. Ни для кого не может быть сомнения в том, что ту же цель свержения Врем. правительства должны были преследовать и встречные манифестации, которыми контрреволюционеры собирались ответить на уличные выступления большевиков. Удар был задуман слева и справа одинаково верно» («Известия», № 89 от 11/VI). «Всякий, кто посетил полки в ночь на 10 июня, мог почувствовать, что против революции ополчились все темные силы и что революция у края гибели» (из речи Войтинского

на совещании батальонных и полковых комитетов петроград. гарнизона). «Коварные трусы, втайне оттачивавшие нож, чтобы всадить его в спину русской демократии» («День»). «И только во всеоружии такой организации всероссийская демократия Советов сумела бы — буде нужно — управиться и с Кирсановскими республиками и с кронштадтцами, она смогла бы и Петроград поставить на свое место, если бы, паче чаяния, Петроград, упоенный своей февральской победой, попытался пойти против воли России, посмел поднять на нее свою руку, вообразив себя новым Парижем. Во всероссийской организации демократии на него нашлась бы управа. Россия и с Петроградом бы справилась» (статья Потресова в «Дне», № 84).

Истерические выпады соглашательской прессы не были просто руганью. Это была подготовка определенного плана. Уже 10 июня на заседании Исполнительного комитета Петроградского Совета Богданов предлагает «раз навсегда отмежеваться от элементов, которые ведут дезорганизаторскую работу и выносят разлад... Мы поколеблем свой авторитет в массах, если будем продолжать в этом вопросе политику половинчатости и нерешительности».

На заседании ИК Петроградского Совета совместно с президиумом с'езда Советов, с бюро всех фракций, с ИК Всероссийского крестьянского союза Даном вносится предложение об'явить «закон против большевиков». Церетели идет дальше — в своей исторической речи он вносит предложение разоружить питерский пролетариат.

Речь его заслуживает того, чтобы быть приведенной целиком.

«На главный вопрос ответ уже дан. Главный вопрос: «был заговор или не было?» Если не было заговора, то нами была совершена ошибка. Почему было скрыто от с'езда? Разве не обязаны были сообщить с'езду? Они хотели захватить с'езд врасплох, поставить перед лицом факта. Неудивительно, что они потом приняли средства, когда заговор был раскрыт. Им ничего другого не пришлось, как тушить, и мы запрещали не демонстрацию, а возможность повторения заговоров. Мы дошли до грани, за которой начинается уже кровопролитие. Контрреволюция подняла голову. Она идет от анархии — единственный путь, которым к нам придет контрреволюция. Ударяя по анархии, мы убьем контрреволюцию. Мы должны принять неизбежно решительные меры. Физическая сила на стороне большинства демократии. Мы должны весь авторитет употребить, чтобы оружие выбить» [1]).

После этой речи Каменев, как отмечает протокол, сделал заявление в том смысле, что если господин министр не бросает слов на ветер,

---

[1]) Речь цитирую по протоколу засед. Исп. к-та от 11 июня. Ее кавеньяковская яркость там сильно потускнела. Вот как Суханов передает ее содержание: «У тех революционеров, которые не умеют достойно держать в своих руках оружие, нужно это оружие отнять. Большевиков надо обезоружить. Нельза оставить в их руках те слишком большие технические средства, которые они до сих пор имели. Нельзя оставить в их руках пулеметы и оружие. Заговоры мы не допустим». Не менее ярка эта речь и в описании этого заседания Каменевым. См. статью (без подписи) «Историческое заседание, «Правда» № 80 от 13/VI.

то обязан не ограничиваться речью, а арестовать его и судить за заговор против революции. В виде протеста против кавеньяковского предложения Церетели большевики, огласив заявление, ушли.

Предложение Церетели хотя и встречает энергичную поддержку Алексинского, Керенского, Авксентьева, Либера, но натыкается на сопротивление провинции. Большевики вовсе не пожелали в этой сцене играть роль унтер-офицерской вдовы. Бюро фракции большевиков удалилось, огласив заявление, в котором принципиально отказывалось обсуждать вопрос о запрещении партии пролетариата собирать массы вокруг своих лозунгов.

Предложение не только Церетели, но и Дана не прошло на заседании политически более квалифицированной части советского руководства. Как сообщил Никольский, на заседании более резкая формулировка получила всего на 1 голос меньше, и правое крыло согласилось принять компромиссную, более мягкую, но все же обвинительную резолюцию. Но приэтом оно полагало, что на заседании будет единодушие всех фракций, исключая большевистской, при вынесении обвинительного вотума.

К сожалению, ни в стенографическом отчете, ни в тогдашней столичной печати, ни в ныне выходящих мемуарах и литературе не освещено с достаточной подробностью это заседание с'езда. Мы приводим поэтому интересное описание этого заседания, сделанное одним из меньшевиков-интернационалистов и помещенное в харьковском «Социал-демократе»:

«Настроение лидеров руководящих партий с'езда было самое непримиримое — они хотели итти здесь «до конца», чтобы раз навсегда разделаться с той тактикой анархо-ленинизма, заставить большевиков подчиниться или поставить себя вне пределов революционной демократии. Это было форменное об'явление войны, быть может, начало той гражданской войны, избежать которой хочет вся революционная демократия и опасность которой особенно настойчиво подчеркивают именно представители большинства. Понятно, поэтому, что такая постановка вопроса встретила решительный отпор со стороны оппозиции.

«Позиция т. Мартова, его аргументации и, главное, опасность того пути, который предлагали Дан, Гоц и др. руководители с'езда, привлекли в этом вопросе на сторону оппозиции и многих сторонников большинства. И, несмотря на то, что из оппозиции в предварительных обсуждениях вопроса участвовали только меньшевики-интернационалисты и группа Троцкого—Луначарского, все же точка зрения Дана и Гоца потерпела поражение, и резолюция, предложенная и принятая потом с'ездом, несмотря на все свои недостатки, очень далека от того, что хотели предложить вожди большинства. Эта резолюция, которой оппозиция осталась все-таки недовольной, была очень не по душе вождям большинства, которые пошли на нее скрепя сердце из-за боязни провала. И нужно сказать, что непримиримее всех оказались в этом вопросе главным образом социалисты-революционеры; некоторые из них собирались даже на общем собрании противопоставить этой резолюции пре-

жнюю резолюцию Дана — Гоца и только после больших споров отказались от своего намерения» [1]).

Но на самом с'езде крайне правому крылу не удалось добиться единодушного решения. Более того, предложение Гегечкори принять резолюцию Либера без прений провалилось, также провалилось его предложение дать слово только официальным представителям фракций. Мартов внес ряд поправок, еще более смягчавших и без того «мягкую» (с точки зрения Либера-Церетели) резолюцию. Поведение Мартова и интернационалистов встретило резкий отпор со стороны представителей официальной церетелевской линии. Никольский выступил с заявлением, где говорил, что резолюция, предлагаемая ныне с'езду, была единогласно принята комиссией, в которой был и Мартов. «Меньшинство почти равное большинству — разница была в одном голосе, — сознательно отказалось от внесения здесь на с'езде своей, более, яркой, резкой и определенной, резолюции»... Но меньшинство на совещании 11 июня представляет несомненное большинство с'езда, — напоминал Никольский. Это была угроза сторонников разоружения питерского пролетариата использовать мещанское большинство с'езда для того, чтобы превести свою более «яркую, резкую и определенную» резолюцию. Как бы в доказательство того, на какую определенность способны их делегаты, выступил некий Калинин, который в своей речи прямо заявил по адресу большевиков, что «неизвестно, где кончается агент определенной противной нам стороны» [2]). Единогласие так и не было достигнуто. Одна делегация — полтавская — заявила, что будет воздерживаться, восемь человек голосовало против, количество же воздержавшихся, во имя единодушия, не было подсчитано.

Поведение рководителей мелко-буржуазного блока (Церетели — Дан — Либер — Гоц — Чернов) 9, 10 и 11 июня, сорвавшегося только благодаря нерешительности провинции, предрешало поведение мелкобуржуазного совета в дни 3—5 июля. Речь Церетели и его предложение, явно инспирированное в аппартаментах Мариинского дворца и продиктованное интересами капиталистического порядка, было глубоко симптоматичным, и не в личном, а именно в классовом смысле. «Сегодня Церетели сказал свою историческую речь, говорил Ленин на заседании ПК 11/VI. Сегодня революция вступила в новую фазу своего развития (речь Ленина помещена в сборн. «Ленинградские рабочие за власть Советов»).

Обвинительный акт петроградскому пролетариату, пред'явленный Всероссийским с'ездом советов постановлением 12 июня, только усилил тревожное настроение и волнение в массах. Самочинно образованный «Революционный центр» развил энергичную деятельность, на Выборгской стороне растет влияние анархистов, играющих главную роль в этом революционном комитете. 12 июня на даче Дурново состоялось заседание, где ставился вопрос о выступлении против Временного

[1]) «Со с'езда» (4 письмо) 10—18 июня, с. г. Б. Гуревича (И. Бэра), Харьков, «Социал-демократ», № 88 от 1 июля.

[2]) Справедливость требует отметить, что председатель признал несвоевременным распространение шпионских наветов и лишил делегата слова.

правительства в ближайшие же дни. «Правда» вынуждена была опубликовать предупреждение о деятельности этого революционного комитета. Опубликовал воззвание и Центральный совет фабрично-заводских комитетов об отрицательном отношении к новому центру заводских комитетов, образованному представителями некоторых заводов и воинских частей на даче Дурново. Было опубликовано постановление: принять все меры к тому, чтобы до воскресенья никаких уличных выступлений рабочих и солдат не состоялось.

ПК предлагает районам добиться ухода рабочих, членов нашей партии и сочувствующих ей (если таковые там окажутся) из так называемого «Временного революционного комитета», заседающего на даче Дурново и действующего под руководством анархистов («Правда», № 4).

Классовый смысл кризиса 9-10 июня в основном заключался во вполне определившимся повороте мелко-буржуазных партий (опирающихся только на известные слои мелкой буржуазии) к союзу с контрреволюционной буржуазией. Кризис 9-10 июня ясно обнаружил и то, что меньшевистско-эсеровская часть Петроградского Совета теряла под ногами почву. Если в апрельские дни нейтральная позиция Совета, его отрицательное отношение к политике Милюкова, почти не изжитые еще иллюзии добросовестного оборончества в петроградском гарнизоне, подверженность известных слоев питерского пролетариата мелко-буржуазному влиянию создали еще очень большую социальную базу в самом Петрограде, то в июньские дни социальная опора верхушки Совета в Петрограде была ничтожной, что раз'яснилось целиком и полностью еще в ночь на 10 июня. Социальная база верхушки Совета все более перемещалась от Петрограда в сторону всероссийского Пошехонья. Инстинкт самосохранения подсказывал здесь старую жирондистскую тактику: как жирондисты, потеряв Париж, запугивали Францией, так меньшевики, потеряв Петроград, взывали к «революционной демократии всей России».

Кризис 9-10 июня обнаружил и прямую готовность некоторой очень влиятельной, части руководителей Совета (Церетели) итти на вооруженное подавление пролетариата. Попытка разоружить пролетариат могла вызвать, и в некоторых районах и вызвала бы наверняка, вооруженное сопротивление.

20-21 апреля Совет занял в кризисе нейтральную позицию, в событиях 9-10 июня Совет стал на сторону буржуазии. 9-10 июня выяснился заговор Временного правительства и части мелко-буржуазных лидеров против революционных масс Петрограда. За день до того, как в Петрограде, «министр русской революции», по его собственной аттестации, Церетели предлагал разоружить пролетариат, в Нью-Йорке посол, тоже, вероятно, русской революции, г-н Бахметьев говорил: «Власть и значение Временного правительства растут с каждым днем... чем дальше, тем больше оно становится способным противодействовать всем тем вносящим разруху элементам, которые проистекают или из попыток реакции или из агитации крайних левых. В настоящее время Временное правительство постановило принять самые решительные меры в этом направлении, прибегнуть даже, в случае надобности, к силе».

Война требовала расплаты, представитель Временного правительства в одном месте, «министр русской революции» в другом — выдавали векселя.

3. 18 июня (демонстрация и наступление)

а) Демонстрация

18 июня произошел крах двух мелко-буржуазных иллюзий — иллюзий мелко-буржуазных политиков, будто на почве смягченного проведения той же самой политической линии Совету удается восстановить единство революционной демократии, и иллюзии миллионных масс, будто политика Советов хоть в какой-нибудь степени приближает Россию к миру.

Для устранения чересчур далеко зашедшего раскола между пролетаратом и мелко-буржуазными, по своему преобладающему составу и по своей политике, Советами на 18 июня была назначена демонстрация. Официальными лозунгами были: «Демократическая республика», «Всеобщий мир», «Скорейший созыв Учредительного собрания». Как видим, Совет отказался от лозунга поддержки Временного правительства, т. е. не посмел пригласить демонстрировать за свои же основные решения. Для большого успеха была предпринята и политическая подготовка демонстрации — вопреки признанию особого совещания по созыву Учредительного собрания, что его нельзя созвать ранее 1 декабря, Временное правительство назначило срок выборов на 17 сентября и срок созыва Учредительного собрания на 30 сентября.

С'езд советов, его правящая группа, делали все возможное, чтобы добиться успеха. Но колебания лидеров советского большинства в их опасениях и надеждах на ход демонстрации были так же велики, как и во всей их политике. Церетели — слепой доктринер соглашательства — был уверен в победе и за день до демонстрации иронически говорил Каменеву о предстоящем «честном бое». В это же самое время Либер предлагал для предупреждения выхода рабочих и солдат вооруженными поставить для разоружения их по отряду у ненадежных фабрик и заводов.

«Честный бой» 18 июня превзошел все опасения правых. Демонстрация, в которой участвовало от 300 до 400 тыс. человек, имела чисто большевистский характер. Из подсчитанной нами 51 группы, упоминающейся в сообщениях «Известий», только 9 не имели большевистских лозунгов, в числе их такие группы, как инвалиды и казачий полк, 3 воинских части, вынесших эсеровские лозунги, и два маленьких завода. Два больших завода, по заметке «Известий», «Айваз» и Обуховский, вышли с нейтральным лозунгом, вроде «доверие Совету» [1]).

---

[1]) Выборгский район и здесь выделяется из всех остальных районов. Вот что писал сейчас же после демонстрации наблюдатель «Известий», человек вряд ли особенно расположенный к передовому отряду Петроградского пролетариата:

«Руководителя шествия из толпы спрашивают, какой район? Разве вы не видите? — Образцовый порядок, значит Выборгский, — гордо отве-

«Судя по плакатам, — писала «Новая жизнь» в передовице после демонстрации, — и лозунгам манифестантов, воскресная демонстрация обнаружила полное торжество «большевизма» в среде петербургского пролетариата и гарнизона». Также вполне правильно отмечала газета, что «манифестация 18 июня не была торжеством... это был политический акт». Этим политическим актом погашались все вопли и обвинения в путшизме и заговоре; в нем вскрывалось взаимное положение классов, их соотношение в борьбе друг с другом.

«18 июня было первой политической демонстрацией действия, раз'яснением — не в книжке или газете, а на улице, не через вождей, а через массы, — раз'яснением того, как разные классы действуют, хотят и будут действовать, чтобы вести революцию дальше» (Ленин).

Демонстрация 18 июня была не только демонстрацией силы и политики пролетариата, но и демонстрацией его готовности к действию: «Колонна за колонной шли демонстранты, но на лицах рабочих и солдат чувствовалась затаенная подозрительность, недоверие и озлобленность» («Известия», № 36 от 20 июня).

Вместе с тем демонстрация 18 июня, перед лицом всей России, и раньше всего перед лицом представителей меньшевистско-эсеровской России, наглядно показала, что мелко-буржуазные социалисты из Совета абсолютно не в состоянии управлять событиями. Нельзя направлять событий, не имея за собой Петрограда, тем более нельзя было управлять ими, имея его против себя.

Но мелко-буржуазные партии не только в Питере потеряли почву под ногами. В провинции ряд происшедших 18 июня (и в следующее воскресенье 25 июня) демонстраций так же, как и в столице, обнаружил огромный рост большевистского влияния. В Москве, Киеве, Харькове, Екатеринославе, Иваново-Вознесенске, Выборге, Чусовой, Мотовилихе, на Верхне-Туринских заводах, на Коломенском заводе, в Канавине, Сормове, Гусе-Хрустальном, — всюду демонстрации либо носили чисто большевистский характер, либо преобладали большевистские настроения.

Какие же выводы делала пролетарская партия из своего успеха? Через два часа после окончания демонстрации на квартире у Ленина «собрались члены ЦК и некоторые активные работники. Оценивая значение демонстрации, некоторые высказывали, что воля пролетариата к власти настолько ярко и возбужденно выражена только что окончившийся демонстрацией, что соглашательскому правительству ничего не остается другого, кроме передачи власти в руки пролетариата. Владимир Ильич дал иную оценку июньской демонстрации, ставшую програм-

---

чает он. Действительно, идут стройно, широкими рядами. Катившийся до сих пор поток превратился в полноводную широкую реку, которая вот-вот выльется из берегов». («Известия», № 86, 20/VI).

И на этот район больше всего обрушивалась злоба мелко-буржуазных партий. Пролетарскую гвардию выставляли перед лицом всей страны как анархический, «дезорганизаторский» отряд, играющий на руку контр-революционерам, уничтожающий единство пролетариата и остальной революционной демократии.

мой для дальнейшего хода революции. Он сказал: «Власть не передают, ее берут с оружием в руках» [1]). Таков был вывод пролетарской партии, и его правильность была подтверждена в ту же ночь.

В ночь на 19 июня, в согласии с полученным предписанием правительства, один из его министров, эсер Переверзев, вместе с судебными властями и во главе воинских нарядов занял уже упоминавшуюся дачу Дурново. При занятии 60 человек было арестовано, один убит, помещения же рабочих организаций были разгромлены. Временное правительство, повидимому, ожидало большего столкновения, на всякий случай, военные власти решили к этой военно-карательной экспедиции приложить и печать Совета — ночью, до похода на дачу Дурново, командующий военным округом Половцев звонил в Исполком и сообщил обо всех предполагающихся действиях.

Ночной налет Временного правительства на Выборгскую сторону поднял на ноги рабочих. Делегация рабочих завода Розенкранц рано утром отправились в Исполком и к Чхеидзе. Ничего не добившись, делегация вернулась обратно в район, здесь к тому времени уже прекратили работу заводы Розенкранц, металлический «Феникс», Ст. Промет. По инициативе металлического завода в Таврическом дворце пытаются созвать совещание заводских представителей. В одно и то же время в район стекаются представители предприятий других районов, а от Выборгской стороны отправляются делегации предприятий на заседание с'езда Советов. После встречи Всероссийского с'езда Советов с питерским пролетариатом последовала встреча представителей питерского пролетариата со с'ездом, еще ярче только обнаружились два языка, две классовые линии.

в) Совет и наступление

В то самое время, когда в Берлине победила точка зрения канцлера (Бетман-Гольвета) и решено было из боязни волнений в Германии и Австрии и национального под'ема в России не наступать, в это самое время, вопреки очевидной стратегической и политической неподготовленности страны, подчиняясь указке союзников, Временное правительство положительно решает вопрос о наступлении на Германию.

Подготовка наступления велась втайне Керенским и Церетели. Первое время, до коалиции, не было вообще разговоров о наступлении. Совет говорил только о сохранении оборонительной способности войск, но постепенно все больше и чаще советские лидеры, особенно истинный вдохновитель политики большинства, Церетели, переводили вопрос в плоскость готовности к активным операциям. Оборона страны не исключает необходимости наступательных действий, напротив, именно для обороны иногда необходимо наступать. Под этим прикрытием Совет защищал наступление, заказанное «союзниками» к определенному

---

[1]) «Правда» 23 апреля 1920 г., статья Подвойского «Как Ленин оценивал революционные события».

сроку. Нельзя, конечно, отрицать того, что не все, понимавшие политику советского большинства, понимали, что за «стратегическим наступлением в целях обороны» скрывалась не только внешняя связь с империалистическими союзниками, но и глубокое внутреннее политическое подчинение. Так, например, «Известия» в середине мая (уже после удаления интернационалистов из редакции) писали, что «на очереди не наступление, а создание возможности наступления». А «подготовка возможности наступления диктует правительству целую программу мероприятий, относящихся к различным областям политики». В основном эта программа, по мнению «Известий», сводилась к тому, чтобы наладить снабжение армии, организовать сознательную дисциплину в переустроенной армии и, наконец, такая «деятельная внешняя политика, которая устранила бы всякую возможность сомнений в целях и характере нынешней войны».

Трудно решить, как политически квалифицировать такую официальную статью официальных «Известий» и притом специально написанную в опровержение впечатления, «будто смена правительства главной целью имела переход наших армий от обороны к наступлению». Что это — мелко-буржуазный самообман или буржуазный обман? [1]). Даже если это и был мелкобуржуазный самообман, то он безраздельно служил буржуазному обману.

Параллельно со статьями в «Известиях», содержание которых как бы определялось заранее поставленной целью обманывать народные массы, некоторые руководящие советские лидеры говорили более откровенно. На II областном с'езде Советов в Финляндии, во второй половине мая, Войтинский, докладывавший о войне, устранил из своих доказательств всякое различие между стратегическим и политическим наступлением (этим особенно охотно аргументировал Церетели). «Теперешнее состояние нашего фронта, — говорил он, — грозит разгромом англо-французским армиям, после чего неизбежным станет также разгром нашей армии. Лучшим средством предотвращения такого разгрома является наступление нашей армии. Приказ о наступлении должно дать Врем. правительство, в согласии с волей Петроградского С. Р. и С. Д. и

---

[1]) Почти без колебаний можно было б квалифицировать подобные статьи как сознательный обман, если б не авторитетное свидетельство Н. А. Рожкова. В последнем томе своей истории он пишет: «О плане наступления знали и ему сочувствовали и содействовали только Керенский и Церетели; о нем не были осведомлены ни президиум Совета рабочих депутатов, ни даже то руководившее политикой революционной демократии собрание лидеров меньшевиков и эсеров, которое ежедневно заседало в квартире Церетели и Скобелева». (Рожков, т. XII, стр. 283.) Конечно, скрывать можно было только чисто военную, даже уже, чисто стратегическую подготовку наступления; трудно представить себе, что «собрание лидеров» ничего об этом не знало, во всяком случае, оно не могло не знать и не видеть глубокой политической, финансовой, военной зависимости правительства от Англии и Франции и подготовки наступления в этой обстановке увеличивающейся зависимости от союзников. Неведение о той роли политических обманщиков, которая была предназначена некоторым лидерам в своеобразно установившемся разделении труда, не освобождало их от политической ответственности за наступление.

Всероссийского крестьянского Совета. Этот приказ должен быть выполнен свято, без всяких колебаний и сомнений, так как Временное правительство одновременно с заботами о восстановлении боеспособности армии осуществляет внешнюю демократическую политику, которая дает каждому солдату полную уверенность в том, что армия сражается не за осуществление чьих бы то ни было захватных целей, но для защиты революции. Долг всех революционных организаций оказать деятельную поддержку Временному правительству во всех его шагах, направленных к подготовке наступления» [1]).

В этом же шовинистическом духе и была принята большинством с'езда резолюция.

Но не только политическая линия советского большинства связывала его с наступлением, но и самые сроки, установленные с его согласия. Уже в конце апреля — начале мая русское командование решает подчиниться требованию союзных правительств и начать наступление. Сейчас же после завершения всех подготовительных операций Брусилов просит Керенского отдать приказ о наступлении. Керенский обращается в Исполком Петроградского Совета. На заседании последнего 6 июня было решено «довести до сведения т. Керенского мнение Исполнительного комитета, что всякие приказы о наступлении он считал бы до решения с'ездом вопроса о наступлении нецелесообразным» [2]). Принципиальное решение с'езда Советов, проведенное Церетели, явилось, таким образом, прямым приказанием начать наступление. Фракция большевиков еще в самом начале заседания обратилась к с'езду Советов с особым заявлением. «С'езд, — говорила фракция, — должен дать немедленный отпор контрреволюционному натиску, путь к которому должно расчистить наступление, или взять на себя ответственность за эту политику целиком и открыто».

Известие о наступлении и первых успехах на фронте получилось в Петрограде 19 июня, в тот самый день, когда сделались известными успехи казаков на внутреннем фронте, на даче Дурново. На Невском проспекте происходили патриотические манифестации, точно такая же манифестация происходила и в залах заседания с'езда. Вот что говорил, например, выступавший с сообщением о наступлении на Всероссийском с'езде Советов И. Церетели: «Тт.! Наша революционная армия перешла в наступление... тт., открывается новая страница в истории великой русской революции с переходом нашей революционной армии в наступление... Успехи нашей революционной армии должны приветствоваться не только русской демократией, но и... всеми теми, кто стоит под знаменем международной демократии, кто действительно стремится бороться с империализмом. Открывается новая эра нашей революции. Теперь, тт., поворотный момент нашей революции. Революционная демократия должна помнить, что в лице ее армии решаются судьбы дальнейшего развития и укрепления революции».

---

[1]) Цитирую по протоколу заседания II областного Финдлянского с'езда. АОР, ф. XXX, архив иногороднего отдела, папка № 102.

[2]) Пункт этот отмечен в протоколе, как секретный и не подлежащий оглашению.

Во имя чего была предпринята авантюра, стоившая десятки тысяч жизней, повлекшая разгром армии, подорвавшая международный авторитет русской революции? Во имя каких целей Исполнительный комитет санкционировал подготовки наступления и окончательный разрыв свой с рабочими массами? Что толкнуло руководителей российский жирондистов на это преступление — незнание ли обстановки, политическая ли недальновидность, мелко-буржуазная бесхарактерность?

Несомненно, все эти причины имели свое значение для советского большинства. Несомненно, что их обманывали, а они охотно обманывались насчет политического характера и значения наступления. Несомненно, что большинство из рядовых членов ИК, большинство членов Совета — меньшевиков и эсеров, абсолютное большинство масс, которые шли за этими партиями — не были ни в малейшей мере заинтересованы в наступлении. Но «мелкий буржуа, подобно историку Раумеру, состоит из «с одной стороны» и «с другой стороны». Таков он в своих экономических интересах и потому таков в своей политике, в своих религиозных, научных и художественных взглядах, таков он в своей морали, таков во всем. Он — живое противоречие». Так характеризовал мелкого буржуа Маркс. Этот мелкий буржуа не был заинтересован в наступлении, но он еще менее мог противодействовать наступлению. В борьбе двух сторон мелкий буржуа неизменно находил, что сказать по адресу как одной, так и другой стороны и неизменно шел по линии наименьшего сопротивления, не понимая, что эта линия есть линия наибольших трудностей для революции в России.

Нельзя, однако, того же сказать и о вождях жирондистского блока — Церетели, Дане, Керенском, Гоце. Эти знали, куда идут, отчетливо видели безуспешность всех своих попыток вести особую, среднюю, не буржуазную и не пролетарскую линию, и откровенно готовили капитуляцию перед буржуазией.

Церетели в середине мая на Московском Совете, отвечая на вопросы, заявлял: нельзя требовать опубликования тайных договоров, так как это был бы разрыв с союзниками. Там не только правительства, но и демократия поддерживает тайные договоры. Единственно, что возможно — это просить о пересмотре договоров. «Мы поставили вопрос о пересмотре договоров в день вступления в министерство. В официальной декларации Временного правительства мы поставили вопрос о пересмотре договоров и о новом соглашении в соответствии с основными принципами. Только при этих условиях поехал т. Керенский на фронт». То-есть, только за разрешение включить в декларацию правительства просьбу о пересмотре договоров Церетели и Керенский взялись выполнять приказ англо-французского командования. Не было ничего удивительного, что в коалиционном правительстве существовало полное единомыслие. «На вопросы членов Совета, насколько «мы» можем давить на буржуазных министров, Церетели с полной откровенностью отвечал: «Мы убедились, что сейчас и давить не на кого». Вернее — незачем, у правительства в целом была одна и та же программа. Политика Керенского и Церетели вызывалась сознательным расчетом услужить союзникам, войти в лоно правительственных союзных демократий. Это была

политика, ставившая ставку на победу «союзных демократий» в войне, это был расчет, основанный на надежде урвать клочья добычи при дележе.

Об этом откровенно заявил Керенский, через 1½ года после наступления, во время дипломатической подготовки Версальского договора. Обиженный тем, что его, Керенского, не приглашали в качестве представителя великой союзной России к версальскому дележу, Керенский раскрывает действительные пружины наступления. «Временное правительство с первого до последнего дня своего существования, несмотря на всю безнадежность внутреннего состояния России и неотложную потребность страны в мире, решительно сопротивлялось всем попыткам, — иногда диктуемым здоровой, но близорукой любовью к родине, — толкнуть Россию на путь сепаратного мира», «и нужно сказать прямо, что в первое время для узких национально-государственных интересов России такой мир был бы выгоден». Но «Временное правительство знало, что во имя общих целей всей антигерманской коалиции, России необходимо во что бы то ни стало держаться только до фактического вмешательства Америки в войну, т. е. до появления весной 1918 г. американских войск на западном фронте». Эта задача была выполнена Россией, подчеркивает Керенский, в полной мере. Наступление, несмотря на полную техническую неподготовленность (Керенский приводит только одно сравнение — для отражения немецкой атаки на одном из американских участков фронта вылетела эскадрилья в 350 аэропланов, во время же наступательных операций во всех армиях юго-западного фронта не было и 25 действующих аэропланов), сделало свое дело. «Русская революция, уничтожив возможность сепаратного выхода России из войны до вступления в войну Америки, сделала неизбежной победу». Вот вывод, к которому приходит Керенский. Больше того, он подчеркивает, что Россия могла затягивать войну только за счет своих национально-государственных интересов. Он приводит великолепное сравнение: «В коммерческой жизни, когда какой-нибудь синдикат решает уничтожить своих конкурентов, некоторым из его участников приходится выбрасывать на рынок товар (человеческую кровь и мясо. *М. Ю.*) по цене иногда далеко ниже себестоимости. Конечно, эти члены синдиката несут убытки и могут даже совершенно разориться. Но на такой акт самопожертвования каждая отдельная торговая фирма пойдет только в том случае, если она совершенно уверена, что синдикат в его целом возместит все ее убытки... Что бы сказал торговый мир, если бы узнал, что такой-то синдикат вышвырнул из своего состава фирму, содействовавшую, может быть, в большей степени, чем все остальные победы над конкурентами и растратившую весь свой капитал на эту операцию» [1]). С циничной откровенностью Керенский рассказывает, как он втягивал страну в чудовищный синдикат крови, как во имя интересов антигерманской коалиции он распродавал капитал страны и революции «ниже себестоимости».

---

[1]) «Мир союзников и Россия», статья, написанная в ноябре—декабре 1918 г. и перепечатанная в сборнике статей Керенского «Издалека».

Наступление являлось сделкой, в которой нарушались не только интересы революции, но и жизненные интересы «национально-государственного» развития. Эта сделка, кровавая, преступная и бессмысленная, освещалась теперь на заседании с'езда Советов.

Были заседания меньшевистского «конвента», где пустопорожний пафос меньшевистского большинства переплетался с мелкой трусливостью, были заседания, как, например, в дни кризиса 20-21 апреля, которые можно назвать заседаниями растерянности, были заседания, как, например, 9 июня, контрреволюционной исступленности, но вряд ли было более жалкое заседание, чем это. Такой свистопляски в советских сферах еще не было. Когда, начиная наступление, говорили об «отпоре» зарвавшимся империалистам» (фраза из речи Церетели), то не только политика была единой, но и аргументы становились почти одинаковыми.

Большинство с'езда взяло на себя огромную ответственность. Наступление сейчас же показало, как тесно с ним связаны были все упования контрреволюционных групп. «Совершилось долгожданное событие, — писала «Речь», — которое сразу вернуло русскую революцию к ее лучшим дням, к ее светлому, всенародному будущему». Вокруг лозунга наступления происходит мобилизация контрреволюционных сил, оживляется деятельность всякого рода военных организаций, выводятся на улицу «патриоты».

Наступление действительно оказалось переломом [1]). Расстановка классовых сил после наступления в основном определилась. Наступление окажется самой «краткой главой» в истории иллюзии русских народных масс — говорил Троцкий. Она оказалась столь короткой, как никто не предполагал.

Солдатскую массу можно было двинуть в бой только впрыскивая ей наркоз. Этим наркозом явились уверения, будто одним ударом можно добиться мира. Еще 1 июня на заседании с'езда Советов выяснились те средства, которые пускали в ход одинаково и командный состав, и армейские комитеты, и Совет, и Брусилов, и Керенский, и Церетели. Вот выступление Никанорова, делегата одной из армий юго-западного фронта. «Нужно сказать, — говорит он, — что в сердцах и умах солдат, когда возбуждается вопрос о войне, он всегда претворяется в вопрос о мире. Как только докатилась первая волна революции до окопов, то солдатской массой прямолинейно и примитивно был поставлен вопрос о мире. Здесь, тт., меньше всего, мне думается, сыграли роль какие-либо идейные течения слева или справа. Было просто-на-просто инстинктивное стремление к миру, которого каким бы то ни было путем хотели все, кто был в это время в окопах». И, продолжал Никаноров свой бес-

---

[1]) «На страницах истории нашей революции, — писали «Известия» 20 июня, — день 18/VI будет отмечен, как день великого перелома. В этот день наша армия перешла в наступление. Началось наступление революционных полков. Этим наступлением армия ответила на все обвинения, которые сыпались против нее в течение последних месяцев». Этот алармистский тон преобладал почти во всей официальной советской прессе и в речах руководителей советского большинства.

хитростный рассказ, после того, как ни братанье, ни сиденье в окопах не принесли мира, у солдат возникла другая мысль: «мы все-таки хотим мира, каким бы то ни было путем» [1]).

«Независимо от идейных построений, сейчас перед нами разрозненный немецкий фронт, сейчас перед нами нет пушек, и если мы пойдем и опрокинем врага, то приблизимся к желанному миру».

Вот другое выступление на том же заседании, выступление видного эсеровского военного работника, председателя одного из армейских комитетов, капитана Малевского. Он подробно перечислял, сколько батарей, пулеметов, легких и тяжелых орудий убрали немцы с их фронта, и снова тот же вывод: «И вот солдаты увидели, что наступает такой момент, когда сила и мощь германской армии несколько поколеблена, когда сложилась обстановка, что у нас никогда не было столько тяжелой и легкой артиллерии, сколько теперь, то солдаты думают, что единственный конкретный выход, сейчас начать наступать».

В тылу шла такая же агитация. На Московском Совете 11 июня Верховский говорил: «Мы никогда не были так близки к миру, как этой весной, так как мы почти втрое сильнее наших врагов на нашем фронте. И вот вместо того, чтобы одним усилием окончить войну, мы занялись внутренними ссорами...». «В Казани на митинге 28 мая в 240 полку прибывшими с фронта делегатами велась при горячей поддержке офицерства агитация за немедленную отправку на фронт, где нужно, по их словам, дружным натиском принудить немцев через две недели к миру» [2]).

Уже после наступления выяснилось, что оно было не только политической авантюрой, но и военной. Ряд военных авторитетов высказывались против наступления, значительная часть высшего командного состава с самого начала считало, что наступление вызывается исключительно политическими мотивами. Изгоев в статье в «Архиве революции» сообщает, что в начале наступления в Цека кадетской партии явилась группа офицеров, в том числе и председатель офицерского союза Новосильцев, и заявила, что наступление обречено на неудачу, будут только перебиты лучшие части.

Только впрыскивая в полки такое сильнодействующее средство, как обещание скорейшего мира, можно было двинуть солдат в бой. Но как только оказалось, что немцы не все пушки и пулеметы перевезли на западный фронт, как только сказалась сила сопротивления немецкой армии, наступление должно было кончиться крахом.

Результатом наступления явилось уничтожение того буфера между армией и командным составом, который с такими большими усилиями был создан Советом в форме комитетов. Комитеты являлись пробкой, которой закупоривали антивоенные настроения солдатской массы. Наступление вышибло эту пробку. Расплатой за авантюру, предпринятую мелкобуржуазным Советом, была потеря им армии.

---

[1]) «Известия Петр. Сов. Раб. и Солд. Деп.»-13/VI, № 90.

[2]) Речь Верховского цитирую по его книжке «Россия на Голгофе». Заметка о Казани взята из хроники революции «1917 год в Казани» Грачева.

Наступление вместе с тем так выдвинуло вперед на авансцену контрреволюцию, что сразу резко отбрасывало в сторону пролетарской партии всех нерешительных, всех колеблющихся. Результаты голосования предложения лидеров Советов послать приветствие наступающей армии дали неожиданные, невиданные еще результаты. В Петроградском Совете резолюция принимается 472 против 271, при 39 воздержавшихся, в Московском Совете 391 против 232, при 15 воздержавшихся.

Глава девятая

ПЕРЕД 3—5 ИЮЛЯ

После 18 июня происходит стремительное стихийное нарастание двух крыльев — пролетарского и крупнобуржуазного, вернее, контрреволюционного вообще, так как на правом фланге неменьшую роль, чем крупная буржуазия, играли социальные слои и круги, тесно связанные с крупным землевладением, — офицерский корпус, зажиточное казачество и т. д. В центре контрреволюционных сил были две организации — Главный комитет союза офицеров при ставке и Всероссийский совет казачьих войск, по своему социальному составу также отражавшие в большей степени интересы помещичьих слоев.

План всех этих, довольно многочисленных, контрреволюционных организаций заключался в том, чтобы: 1) консолидировать вокруг наступления и ставки все антисоветские силы, 2) возможно скорее разгромить левое крыло Советов, попытавшись для этого спровоцировать его на несвоевременное выступление, вызвать, другими словами, мятеж пролетариев и разгромить пролетарскую революцию, 3) организовать собственные силы для подготовки военного переворота. В эти планы, несомненно, были посвящены и некоторые из отдельных посольств — Либер, например, в своей секретной информации 9 июня, на-ряду с сведениями о наличии в окрестностях Петрограда каких-то таинственных казачьих полков, неизвестных даже Керенскому, сообщал и о причастности к этому темному движению и Бьюкенена.

В рабочих кварталах между тем почва была столь горячей, что ежеминутно можно было ожидать взрыва. На митингах отдельных частей (1-й и 2-й пулеметный полки, Московский, Павловский, Гренадерский) выносились резолюции о выступлении против Временного правительства. 20 июня было критическим днем — и для буржуазного правительства, и для пролетарской партии. Делегация рабочих завода Розенкранц по собственной инициативе является к Московскому полку с запросом от рабочих, пойдут ли они за ними на улицу? С трудом полк поддается на уговоры членов партии — пойдут только по вызову ЦК и Военной организации большевиков. В это же самое время пулеметный полк посылает представителей в другие части с призывом выступить против правительства. В Гренадерский полк делегация пулеметного полка приходит уже с сообщением, что Павловский, Московский полки и 40 тысяч путиловцев завтра выступают. В связи с агитацией пулемет-

чиков Исп. комитет Совета обращается с предупредительными телеграммами во все части. Положение спасают не телеграммы, а большевики. В каждую часть, на все крупные предприятия посылаются агитаторы, партийные организации дают решительную директиву противодействовать выступлениям. К заводским комитетам посылаются специальные эмиссары. «Должны служить пожарной кишкой», — жалуется один из популярнейших и энергичнейших работников Выборгского района. Приблизительно такими же были и последующие дни, вплоть до 3—5 июля.

Установилась самочинная — вне инициативы либо воздействия Совета, профсоюзов, центра фабзавкомов, политических партий — связь между предприятиями и воинскими частями. Росли влияние и деятельность анархистов. Сильно ухудшилось продовольственое снабжение населения, уже начинались самочинные обыски толпы, разгром отдельных заподозренных лавочников. В предотвращение продовольственных волнений, Центральная продовольственная управа вынуждена была предпринять огромные массовые обыски. Аресты, репрессии нервировали рабочую и солдатскую массу; арест Железнякова, например, поднял на дыбы весь матросский Кронштадт. Огромные экономические конфликты, особенно в металлообрабатывающей промышленности, из-за вопросов тарифа, потрясали весь Петроград. Непрерывно бурлил гигант — Путиловский завод с 36 тысячами рабочих; созванная специально для обсуждения дел на заводе конференция фабзавкомов с представителями ЦИК и ЦБ профсоюзов об'явила дело путиловцев делом всего Питерского пролетариата и вынесла резолюцию о переходе власти к Советам. Столь же острое положение было и на других предприятиях. В одном Центральном правлении союза металлистов было свыше 160 рабочих требований. Положение становилось настолько напряженным, что на делегатском совещании союза металлистов 30 июня и 1 июля только благодаря настояниям партии постановили не об'являть всеобщей стачки. Тактика партийного центра сводилась к следующему: против демонстраций, так как они, во-первых, бесцельны, распыляют силы и энергию масс и, во-вторых, их нельзя будет сдержать в рамках мирных выступлений, против вооруженных выступлений. Поскольку еще нет большинства пролетариата и армии за партией, постольку демонстрации являются еще преждевременными. Но перелом как в провинции, так и на фронте определился очень скоро.

В Петрограде завоевание рабочих и солдатских масс под влиянием демонстрации и наступления идет вперед огромными шагами. Повсеместно происходят перевыборы, вместо соглашателей всюду избираются большевики. На заводе Барановского, где работало 6 тысяч человек, в середине мая на выборах в Совет прошли 3 большевика и 3 эсера. Еще 18 июня завод выходит с большевистскими и с эсеровскими лозунгами, 23 же июня по требованию рабочих происходят новые перевыборы, вместо 3 эсеров избираются 2 большевика и 1 максималист. В партию непрерывно притекают новые группы, на Франко-русском заводе после 18 июня в один день записываются в партию 200 рабочих. Вот небольшая табличка роста партийной организации, взятая нами

из № 3 бюллетеня Центрального комитета РСДРП(б), вышедшего 24 июня 1917 года.

Районы	К 1 июня	К 24 июня
Выборский	ок. 5 000	ок. 7 000
Нарвский	» 4 000	св. 5 000
Василеостровский	» 3 900	» 4 500
Петроградский	» 2 150	» 2 400
Невский	» 1 200	» 1 500
2-й Городской	» 1 000	» 1 500
Военн. организация	» 1 100	» 1 641

В конце апреля партийная большевистская организация насчитывала 15—20 тыс. членов, в конце июня—уже свыше 32 тыс. К концу же июня в пользу большевиков переломилось настроение в Волынском, Егерском, Литовском полках. Рабочая секция окончательно превратилась в большевистскую. Задача партии заключалась в том, чтобы помочь массам возможно скорее изжить последний этап увлечения мелко-буржуазными иллюзиями, окончательно оторвать мелко-буржуазные массы от мелко-буржуазных партий и вождей. Эта линия очень ясно сказывается у Ленина в его докладе на всероссийской конференции военной организации большевиков. «Но мелкая буржуазия, — говорил Ленин, — будучи социалистической, может оказаться действительно демократически настроенной... Но об их вождях этого (что они демократичны. — *М. Ю.*) нельзя сказать, и поэтому мы наблюдаем, что между эсеровскими и меньшевистскими массами, с одной стороны, и их вождями — с другой, открывается глубокая пропасть. Вожди этих масс постепенно освобождаются не только от социализма, но и от демократизма. Это видно в отношении министров-социалистов к трем жизненным вопросам момента: «к вопросам о земле, об отношении к местному самоуправлению и о наступлении». (В Собрании сочинений этого доклада нет, цитирую по изложению «Новой жизни».)

Правильность этой тактики великолепно подтвердилась работой «верховного органа революции» — Всероссийского с'езда Советов и ВЦИК. Их поведение в эти дни лучше всего вскрывает их классовую сущность.

Вся работа с'езда Советов оказалась «танцем на месте». Мелко-буржуазное большинство с'езда терялось в вихре гигантски-быстро развивающихся событий. С'езд пытался, и в этом была логика классового положения его большинства, остановить движение, удержать события, затормозить революцию. Но классовые противоречия были чересчур остры, сила классов чересчур ясно определялась, размежевание в основном уже произошло и уже оформило классовые грани. В такой обстановке «танец на месте» означал лишь то, что большинство с'езда Советов оказалось отброшенным к «Русской воле».

В передовице № 134 эта газета писала:

«Все значение настоящего с'езда заключается именно в том, чтобы дать Врем. правительству реальную власть, основание которой — в поддержке этой власти всеми слоями населения, кто дорожит завоеваниями революции».

. . . .

Но вот что писали в день окончания с'езда — 24 июня «Известия»:

«Правда, на с'езде обнаружилось, с небывалой дотоле резкостью, и расхождение между меньшинством с'езда и его громадным большинством. Обнаружилось, в частности, расхождение между известной частью петроградского пролетариата и армии и провинциальною рабоче-солдатскою громадою». Но суть, понятно, для «Известий» была не в том. Суть была в том, что с'езд одобрил линию, выразил полное доверие министрам-социалистам, обещал самую энергичную поддержку Врем. правительству, заглянул во все уголки, — это все, что сумели насчитать «Известия», но и этого за глаза было достаточно, чтобы вынести «приговор» — «с'езд выполнил громадную политическую работу». В сущности, расхождения в оценке работ с'езда между «Известиями» и «Русской волей» были только словесными: основным результатом работ с'езда была энергичная поддержка Врем. правительства против революционных масс.

Подлинная же суть работы всего с'езда заключалась не в резолюциях, а в отношении к массовому движению. За массы или против них — вот на что должен был ответить с'езд Советов, вот вопрос, разрешения которого требовало от с'езда развитие революции.

С'езд свой ответ дал. Неразрешенные вопросы о власти, мире, хлебе, земле [1]) остались неразрешенными. Действия власти попрежнему заострялись налево и вызывали естественный отпор масс.

Мира не было и не было видно конца войне. Мир саботировался, вместо него санкционировалось наступление. Хлеб дорожал, ухудшался в качестве, уменьшался в количестве, вообще исчезал. В качестве всеспасающей панацеи — пустой пафос коалиции, бургфридена, соглашательства и — в виде подпорки к ней — «самоограничение рабочих». В качестве универсального метода, разрешающего сложнейшие мировые и отечественные социально-политические вопросы, — обывательская трезвенность.

---

[1]) К этому времени в деревне проявляются первые всплески крестьянского восстания. Всего через месяц после с'езда Советов в докладе аграрного отдела о своей работе называются 17 губерний, где «положение в большинстве довольно серьезно и требует напряжения всех сил». В Бессарабской (Хотинский, Измаильский, Оргеевский уезды), Курской (Старо-Оскольский, Лысовский, Суджайский уезды), Псковской (Порховский, Островский, Новоржевский, Холмский, Торопецкий уезды) и Подольской (Балтский, Новоушицкий уезды) губерниях положение было еще более острым, чем в вышеупомянутых 17 губерниях. О них отчет говорит: «Положение в этих губерниях надо признать угрожающим ввиду разрастания конфликтов между крестьянами и землевладельцами, недостаточно успешной борьбы нарождающихся выборных органов в деревне с самочинными выступлениями крестьян, приводящим часто к столкновению с агентами революционной власти и сопровождающиеся кое-где разгромами имений, уничтожением инвентаря и убийствами». Любопытная параллель — как и французские, так и русские жирондисты, обращаясь к провинции, во всяком случае не имели в виду крестьян. Французские жирондисты обращались к провинциальной буржуазии, русские жирондисты — к тем слоям городской мелкой буржуазии, которая целиком подчинена крупной буржуазии. «Не забывайте о десятках тысяч, даже миллионах лавочников», — говорил один из них на с'езде Советов.

С'езд дал свой окончательный ответ еще 9 июня. Он отрезал себя от петроградского пролетариата и обратился к провинции — не к Луганску, Иваново, Красноярску, а к Тамбову, Вологде, Чистополю.

Трудно не вспомнить при подведении итогов с'езда Советов блестящей марксовой характеристики мелкой буржуазии: «Борьба, основной принцип которой — недоведение до конца, яростная, бесодержательная агитация во имя спокойствия, торжественая проповедь спокойствия во имя революции, фальшивые страсти и вялые бесстрастные истины». Все это преподносилось в те революционные дни, о героической страстности которых только слабое отражение дает исключительный по своей исторической ценности дневник Лациса.

Достаточно прочесть его короткие записи в дни между 18 июня и 3 июля, чтобы ясно почувствовать, что, несмотря на постановления партии, вопреки им, массы не удается сдержать. Изо дня в день «Правда», «Солдатская правда», «ЦК», Военная организация ЦК предостерегали «против нелепых надежд на разрозненные, дезорганизованные выступления» (из статьи Ленина в «Правде» 21/VI). На общегородской конференции 16 июля 1917 г. Подвойский отмечал, что «после 18 июня не было ни одного номера «Солдатской правды», где не было бы призыва к организации и выдержке против провокационных вызовов».

Напор петроградского пролетариата и гарнизона был, однако, столь мощен, что его не удалось сдерживать не только Совету, продолжавшему и в решающую неделю перед июльскими днями свой «танец на месте», но и партии. ИК Петроград. Совета в эти дни был занят срочной разработкой проекта воззвания о «Займе свободы». Разработкой этого проекта занимался самый крупный политик советских мелкобуржуазных партий — Дан. 28 июня, наконец, воззвание появляется, занимая всю первую страницу «Известий». Подписывайтесь на «Заем свободы» — призывает в эти дни официальный орган Петроградского Совета. Вслед за этим призывом и другой «печальный документ» министерства труда— воззвание с призывом не забываться...

Не этими испуганными ламентациями можно было задержать движение. Настроение питерского пролетариата было настолько напряженным, состояние настолько повышенно нервным, что и ЦК и ВО принимают меры к овладению демонстрацией, если таковая случится...

А в рабочих районах все чаще, громче, грознее звучал лозунг, с которым вышел 18 июня на улицу один из заводов Выборгской стороны: «Право на жизнь выше права частной собственности». Неотвратимо надвигались суровые и тревожные июльские дни.

О. ЛИДАК

ИЮЛЬСКИЕ СОБЫТИЯ 1917 ГОДА

«Лозунг перехода всей власти к советам был лозунгом мирного развития революции, возможного в апреле, мае, июне, до 5-9 июля, т.-е. до перехода фактической власти в руки военной диктатуры. Теперь этот лозунг уже неверен, ибо не считается с этим состоявшимся переходом и с полной изменой эсеров и меньшевиков революции на деле».

Ленин.

ГЛАВА ПЕРВАЯ

ЭКОНОМИЧЕСКОЕ И ПОЛИТИЧЕСКОЕ ПОЛОЖЕНИЕ В СТРАНЕ НАКАНУНЕ ИЮЛЬСКИХ СОБЫТИЙ

После свержения самодержавия в России создалась чрезвычайно сложная политическая обстановка. Власть из рук помещиков перешла в руки капиталистической буржуазии, с согласия и при содействии партий эсеров и меньшевиков. Оригинальность положения — в двоевластии. Рядом с Временным правительством, выражающим интересы империалистической буржуазии, создалось новое правительство — Совет рабочих и солдатских депутатов.

Чтобы понять, почему Совет добровольно уступил власть буржуазии, мы должны помнить, что в Советах тогда имели большинство соглашательские партии: с.-д. меньшевики и социалисты-революционеры. Эти партии считали тогда революцию буржуазной, движущей силой революции считали буржуазию, доверяли ей и соглашались с ней. Такая политика партии эсеров и меньшевиков не случайность, а результат экономического положения мелких хозяйств, мелкой буржуазии. Как в экономике, так и в политике мелкая буржуазия «тянется за буржуазией особенно в лице ее вождей. Вожди мелкобуржуазной демократии утешают свои массы обещаниями и уверениями на возможность соглашения с крупными капиталистами» [1]).

Какова же была позиция революционного пролетариата, почему же он допустил такую позорную сделку. Что делала партия пролетариата— большевики?

Царское самодержавие считало своим самым опасным врагом пролетариат и всей силой административных, судебных и других репрессий военного времени обрушилось на партию большевиков. На апрельской конференции большевиков тов. Шмидт докладывал, что к началу революции «организации совершенно не было. Были отдельные ячейки, глав-

---

[1]) Ленин, Собр. соч., т. XIV, ч. II, стр. 42.

ным образом на Выборгской стороне, так как остальные были разгромлены самым основательным образом. Накануне революции, 27 февраля, были только остатки ПК, и когда солдаты пришли освобождать заключенных из тюрем, то они, в сущности, освободили ПК, все члены которого бросились в районы посмотреть, как обстоят дела, а меньшевики кинулись в Государственную думу, чувствуя, что их там будет преобладающее большинство, и сумели избрать свой Исполнительный комитет и тем самым положить начало своему преобладающему положению» [1]).

Только что цитированные слова об'ясняют нам, как происходил захват Совета меньшевиками, но не об'ясняют, почему в первые месяцы революции большинство солдат и меньшинство рабочих поддерживали меньшевиков и эсеров. Это явление об'ясняется, прежде всего, тем, что во время войны, в связи с расширением промышленности, произошел значительный наплыв новых рабочих из деревни, которые принесли с собой массу мелкобуржуазных взглядов и предрассудков, и что с мобилизацией старых вываренных в фабричном котле рабочих, а также с арестом партийцев, получилось частичное снижение уровня классовой сознательности пролетариата. Потребовалось некоторое время партийной работы среди рабочих, чтобы восстановить нарушенное войной равновесие. В июне месяце пролетариат Петрограда уже твердо стоял на классовой почве, а за ним подтягивалась и провинция. Что касается поддержки солдатской массой меньшевиков и эсеров, то среди них количественно преобладали крестьяне, рабочие были в меньшинстве. Для разрыва крестьян с колеблющимися мелкобуржуазными партиями нужна была длительная полоса систематической упорной работы по раз'яснению их ошибок и их предательской политики. Нужно было время для того, чтобы они на деле увидели, что кончить войну и получить землю возможно, только порвав с буржуазией и организуя власть Советов Р. С. и Кр. депутатов.

Какой же этап революции переживала Россия в 1917 г.? Что у нас, революция буржуазная или социалистическая? Так ставила вопрос часть старых большевиков до апрельской и на апрельской партийной конференции. Предстоит ли еще особая полоса революционно-демократической диктатуры пролетариата и крестьянства или мы перейдем прямо к диктатуре пролетариата?

Меньшевики считали, что мы переживаем полосу буржуазно-демократической революции, и отсюда сделали соответствующие тактические выводы. Товарищи Каменев, Рыков, Ногин и др. считали, что мы должны еще пережить особую полосу революционно-демократической диктатуры пролетариата и крестьянства, отсюда и их колеблющаяся позиция летом и в октябре 1917 г. Тов. Ленин считал такую постановку вопроса неправильной, недиалектической, говорил, что тот, кто так ставит вопрос, «тот отстал от жизни, тот в силу этого п е р е ш е л на деле к мелкой буржуазии против пролетарской классовой борьбы, того

---

[1]) Петроградская общегородская и всероссийская конференция РСДРП (больш.) в апреле 1917 г., стр. 124.

надо сдать в архив «большевистских» дореволюционных редкостей (можно назвать: архив «старых большевиков») [1]).

По определению тов. Ленина положение создалось «оригинальнее, своеобразнее, пестрее», чем ожидали. «Действительность показывает нам и переход власти к буржуазии («законченная» буржуазно-демократическая революция обычного типа), и существование рядом с настоящим правительством побочного, которое представляет из себя «революционно-демократическую диктатуру пролетариата и крестьянства». Это последнее «тоже правительство» само уступило власть буржуазии, само привязало себя к буржуазному правительству» [2]).

Товарищ Ленин, а за ним и громадное большинство партии считали, что ограничить революцию «революционно-демократической диктатурой пролетариата и крестьянства» есть измена социализму. Вопрос стоял не об *ограничении*, а о *перерастании* революционно-демократической диктатуры в диктатуру пролетариата, опирающегося на беднейшее крестьянство. При этом партия отнюдь не исключала возможность создания на пути этого *перерождения* особой революционно-демократической диктатуры пролетариата и крестьянства. Это был бы тот путь мирного развития к советской власти, стать на который наша партия тогда рекомендовала идущим за меньшевиками и эсерами массам.

Осуществление лозунга «Вся власть советам» в период до июльских дней означало бы временное осуществление революционно-демократической диктатуры пролетариата и крестьянства и перерастания последней в диктатуру пролетариата, опирающегося на беднейшее крестьянство. Тов. Ленин особенно подчеркивает момент перерастания, он цитирует из своей статьи «Две тактики», написанной в 1905 г., следующие слова: «У революционно-демократической диктатуры пролетариата и крестьянства есть, как и у всего на свете, прошлое и будущее. Ее прошлое — самодержавие, крепостничество, монархия, привилегии... Ее будущее — борьба против частной собственности, борьба наемного рабочего с хозяином, борьба за социализм». Процитировав эти слова, тов. Ленин продолжает. «Ошибка тов. Каменева в том, что он и в 1917 г. смотрит только на прошлое революционно-демократической диктатуры и пр. и пр... А для нее *на деле* уже началось *будущее* [3]).

Вся буржуазия и мелкобуржуазные социалисты шумели о том, что будто бы большевики хотят немедленно ввести социализм. Это неверно. Лозунг вся власть советам тогда означал лишь разрыв блока меньшевиков и эсеров с буржуазией и образование советского правительства из этих мелкобуржуазных партий, право свободной агитации для большевиков «и свободную борьбу внутри советов в расчете, что путем такой борьбы удастся большевикам завоевать советы и изменить состав советского правительства в порядке мирного развития революции.

---

[1]) *Ленин*, Собр. соч., т. XIV, ч. 1, стр. 29.
[2]) *Там же*, стр. 33.
[3]) *Там же*, стр. 34.

Этот план не означал, конечно, диктатуры пролетариата. Но он несомненно облегчал подготовку условий, необходимых для обеспечения диктатуры, ибо он, ставя у власти меньшевиков и эсеров и вынуждая их провести на деле свою антиреволюционную платформу, ускорял разоблачение подлинной природы этих партий, ускоряя их изоляцию, их отрыв от масс» [1]).

Партия в период до июльских дней этот путь мирного развития считала наиболее желательным, возможность этого пути, при желании меньшевиков и эсеров, тоже была обеспечена, ибо фактическая власть на местах была в руках советов, насилия над массами не было. Россия, по выражению Ленина, была тогда самая свободная страна в мире. Хотя этот путь партия признавала наиболее желательным, но, зная природу мелкобуржуазных партий, считала такую перспективу маловероятной (неизвестно, может ли теперь быть еще в России о с о б а я «революционно-демократическая диктатура пролетариата и крестьянства», о т о р в а н н а я от буржуазного правительства» [2])) и ставила своей главной задачей немедленное, решительное отделение пролетарских элементов от мелкобуржуазных, сплачивая и организуя все коммунистические элементы в большевистскую партию, вводя в массах усиленную агитационно-пропагандистскую работу по раз'яснению всех вопросов, выдвинутых революцией и по разоблачению гибельной для широких трудящихся масс политики мелкобуржуазных социалистов — меньшевиков и эсеров.

Эта тактика организации и внедрения классового сознания в массы рабочих и солдат, разоблачения меньшевиков и эсеров правильно выражала интересы движения на оба возможные случая: и на случай, что Россия переживет еще особую полосу революционно-демократической диктатуры пролетариата и крестьянства, и на случай, что мелкая буржуазия не сможет оторваться от буржуазии и будет до социалистической революции колебаться между буржуазией и пролетариатом. И в том и в другом случае для партии большевиков главная задача была раскрыть перед широкими массами трудящихся предательскую политику мелкобуржуазных партий и перетянуть массы на свою сторону.

Свергнуть власть империалистической буржуазии, вырваться из когтей войны без изоляции меньшевиков и эсеров и без завоевания большинства рабочих и беднейших крестьян, партия, конечно, не могла, поэтому она всегда предостерегала от преждевременного, неорганизованного выступления на улицу, с целью захвата власти, до завоевания партией прочного большинства в наиважнейших пролетарских центрах.

Эта тактика отнюдь не означала, что партия будет замыкаться в себе и сторониться от нарастающего стихийного движения, напротив, партия, участвуя, организуя и направляя в мирное русло стихийное движение в дни 20—21 апреля, 10 июня, 18 июня и в дни 3—5 июля,

---

[1]) С т а л и н, На путях к Октябрю, стр. XLIV.
[2]) Л е н и н, Собр. соч., т. XIV, ч. 1, стр. 33.

завоевала доверие рабочих и солдатских масс, связалась и спаялась с массами и создала такую боевую армию, которая в дни Октября свергла правительство буржуазии. Многие тогда не понимали этой тактики большевиков, хныкали, смеялись, издевались и т. д., даже самый левый из мелкобуржуазных социалистов известный Н. Суханов в своих записках о революции повторяет сплетню, будто бы большевики хотели уже 10 июня взять власть, будто бы особенно на этом настаивал тов. Сталин, что, конечно, является чистейшей чепухой и полнейшим непониманием тактики большевиков летом 1917 г.

До сентября месяца партия большевиков сдерживала массы от выступления с целью захвата власти. Накануне июльских событий тов. Ленин писал: «Мы понимаем горечь, мы понимаем возбуждение питерских рабочих. Но мы говорим им: товарищи, выступление сейчас было бы нецелесообразным. Нам приходится теперь изжить целый новый этап в нашей революции. Ближайшее время принесет крах политике правящих партий меньшевиков и эсеров, которым верит еще большинство народа. Необходимо суметь выждать это время» [1].

После апрельского выступления петроградского пролетариата и гарнизона, вызвавшего кризис Временного правительства и уход Милюкова и Гучкова, образовалось коалиционное правительство. Но это не изменило характера правительства. От того, что Церетели и Скобелев из Контактной комиссии пересели к столу Временного правительства, по существу дела никаких изменений не произошло. К концу апреля стало ясно, что Временное правительство в стране авторитета не имеет. Буржуазия русская и стоящие за ее спиной англо-французские империалисты поняли, что продолжать империалистическую политику старым методом уже нельзя: власть должна получить хоть видимость революционности, чего они хотели достигнуть, организуя коалиционное правительство. Надежды на коалиционное правительство у империалистов были большие. Милюков писал: «Она (коалиция. *О. Л.*) во всяком случае дает возможность надеяться на достижение двух главных целей настоящего момента — усиления власти и перелома настроения в армии» [2]. Что коалиционное правительство было создано с ведома и одобрения союзных империалистов, с целью погнать русскую армию в наступление, свидетельствует английский посол в России Дж. Бьюкенен. Он пишет: «Коалиционное правительство представляет для нас последнюю и почти единственную надежду на спасение военного положения на этом фронте. Керенский, принявший на себя обязанность военного и морского министра, не есть идеальный военный министр, но он надеется, что, отправившись на фронт и обратившись со страстным призывом к патриотизму солдат, он сможет гальванизировать армию и вдохнуть в нее новую жизнь. Это — единственный человек, который может сделать это, если это вообще возможно» [3].

---

[1]) Ленин, Собр. соч., т. XIV, ч. 1, стр. 277.
[2]) П. Милюков, Россия в плену у Циммервальда, стр. 10.
[3]) Дж. Бьюкенен, Мемуары дипломата, стр. 233.

Между министрами-«социалистами» коалиционного правительства имелось некоторое разделение труда. Керенский раз'езжал по фронту, произносил истеричные речи в пользу наступления, громил большевиков, смешивая последних в одну кучу с черносотенцами и германскими шпионами. Церетели «смирял» Кронштадт и непокорный петроградский пролетариат, громил партию большевиков, требовал разоружения рабочих, доказывал, что коалиция с буржуазией прямо-таки неизбежна, «ибо вся российская демократия вступила в революцию неподготовленной для немедленного осуществления творческой работы» [1]. В этих словах Церетели ясно чувствуется преклонение мелкого буржуа перед политическим могуществом и организованностью буржуазии.

Министр земледелия Чернов кормил крестьян обещаниями на счет получения земли. Министр труда Скобелев только тем и занимался, что ликвидировал постоянно возникавшие забастовки, он, несмотря на падение реальной зарплаты, упрекал рабочих в получении слишком высокой зарплаты и призывал рабочих к «самоограничению». «Помните не только о своих правах, — говорил он, — но и об обязанностях, не только о желаниях, но и о возможности их удовлетворения, не только о своем благе, но и о жертвах».

Несмотря на желание «социалистических» министров создать крепкую власть, положение двоевластия в стране не прекратилось с образованием коалиционного правительства. Рядом с коалиционным правительством продолжало существовать второе правительство — советы, что лишало коалиционное правительство устойчивости и показало, что вопрос власти находится в неопределенном, явно переходном состоянии. Коалиционное правительство обнаружило свою полную неспособность во всех областях экономической и политической жизни страны. Политика наступления на фронте и растущая экономическая разруха ясно показывали, что такое положение долго продолжаться не может. «Либо назад, к всевластию капиталистов, либо вперед, к демократии на деле, к решению по большинству. Теперешнее двоевластие долго держаться не может» [2].

В области экономики страны расстройство транспорта, закрытие фабрик и заводов, продовольственная разруха к концу июня принимали угрожающие размеры. Временное правительство оказалось неспособным выполнить задачу оздоровления экономической жизни. Более того, оно еще более запутало дело, начав наступление на фронте и затянув тем самым войну, главную причину общего кризиса в стране.

Производство было обескровлено. Почти все силы высасывала война. Область производительного труда сокращалась до минимума. Нет сырья, нет топлива, нет необходимейших предметов потребления. Деградация производительных сил по всему фронту. Процветают лишь заводы, работающие на оборону.

---

[1] Церетели, Речи, стр. 99.
[2] Н. Ленин, Собр. соч., т. XIV, ч. 1, стр. 206.

Закрытие заводов, из месяца в месяц, представляет следующую картину [1]):

В	марте	закрыто	74	завода	с	6 646	раб.
„	апреле	„	55	„	„	2 816	„
„	мае	„	108	„	„	8 701	„
„	июне	„	125	„	„	38 455	„
„	июле	„	206	„	„	47 754	„

Буржуазия пользовалась своими предприятиями как политическим орудием, закрывая их в целях борьбы с рабочими.

Вопрос о закрытии предприятий стал наиболее жгучим. С разных концов страны поступали сведения о том, что промышленники под предлогом неумеренных требований рабочих закрывают предприятия. Когда предприниматели закрыли завод Лангензипена, фабрично-заводский комитет выяснил умышленный локаут, и завод вновь был открыт. Промышленники шантажируют правительство, требуют больших денежных субсидий, в случае отказа угрожая закрытием предприятий.

Катастрофическое положение промышленности должны были признать и представители правящего блока. «Известия» от 24 июня писали: «Русская промышленность — накануне кризиса... Говорят о предстоящем в самом ближайшем будущем закрытии целого ряда заводов. Называют здесь, в Петрограде, заводы Лангензипена, Семенова, «Промет», Франко-русский. По словам М. Н. Скобелева, в отдел рынка труда приезжают рабочие из глухой и неглухой провинции. Они заявляют, что их предприятия закрываются, потому что у предприятий нет средств, и они остаются без работы. Другие говорят, что они пред'явили требования, но хозяин, в виде открытого локаута, на это отвечает закрытием предприятия».

Что предприятия закрывались не только по злой воле заводчиков, но были и глубокие экономические причины, например, отсутствие топлива, сырья, расстройство транспорта и т. д., отрицать не приходится, но желание промышленников дезорганизовать производство безусловно было, о чем свидетельствует случай с заводом Лангензипена и следующее постановление Московского совета от 6 июня:

«СРД отмечает: 1) несомненный факт разрастающейся экономической борьбы, который стоит в тесной связи с политикой капиталистов, стремящихся к остановке предприятий и локаутам, 2) возможность в самом ближайшем времени остановки производства на целом ряде предприятий вследствие крайней дезорганизации хозяйственной жизни, вызванной империалистической войной и обостряемой локаутной политикой предпринимателей, грозящей рабочим массам безработицей, — и, принимая все это во внимание, предлагает ИК в срочном порядке обсудить все вопросы, связанные с создавшимся положением, и внести на ближайшее заседание совета проект плана мероприятий по борьбе с экономической разрухой и надвигающейся массовой безработицей» [2]).

---

[1]) Милютин, Современное экономическое развитие России и диктатура пролетариата, стр. 16.

[2]) В. Владимирова, Революция 1917 г., т. III, стр. 35.

В Москве 29—30 июня на с'езде представителей 64 фабрично-заводских комитетов текстильной промышленности Центрального района, охватывающих свыше 200 000 рабочих, выяснилось, что надвигается полоса локаутов и что уже на 25 предприятиях об'явлено о предстоящем расчете. Для борьбы с разрухой была принята резолюция, предложенная большевиками.

В области металлургии дело обстояло не лучше: и там предстояло закрытие целого ряда заводов. Для предотвращения этого экономический отдел снабжения Московского совета РД совместно с представителями завода Гужон постановил:

«Довести до сведения Временного правительства следующее: Металлическая промышленность Московского района (15 губ.) находится в остро критическом состоянии для всего народного хозяйства и для политической устойчивости государства. Заводом Гужона, снабжающим 85% металла весь Центральный район, вывешено об'явление об остановке завода с 1 июля.

Угрожает остановка заводов Бари, Динамо, Бромлей и др. Государство не может допустить остановки этих заводов ни при каких условиях» [1]).

Дальше указывается, что заводоуправление Гужона явно дезорганизует производство, поэтому государству надо взять завод в свои руки. В связи с этим постановлением т. Ленин писал: «Совещание... обращает внимание Временного правительства (бедное, невинное, детски-несведущее Временное правительство. Оно этого не знало. Оно неповинно. Оно узнает, его уговорят, его усовестят Даны и Череванины, Авксентьевы и Черновы!) на то, что московскому заводскому совещанию и временному бюро комитета снабжения Московского района уже пришлось воспрепятствовать приостановке паровозостроительного Коломенского завода, а также заводов Сормовского и Брянского в Бежецке. Тем не менее Сормовский завод сейчас не работает вследствие забастовки рабочих, и каждый день могут приостановиться остальные заводы».

«Катастрофа не ждет. Она надвигается с ужасающей быстротой. Гужоны и прочие капиталисты при содействии Пальчинских «сознательно» (это слово принадлежит Экономическому отделу) ведут к остановке предприятий. Правительство на их стороне, Церетели и Черновы — простое украшение или простые пешки» [2]).

Транспорт был расстроен до последней степени. По всем дорогам заторы. Число больных паровозов местами доходило до 50%. Нехватка продуктов из-за недопроизводства обострялась развалом транспорта. Вместе с тем усиливалась и без того невыносимая дороговизна. Отношение роста заработной платы металлистов Москвы и роста цен на продукты питания было следующее [3]):

---

[1]) И. Колычевский, Журнал «Пролетарская революция» № 8, 1926 года.

[2]) Н. Ленин, Собр. соч., т. XIV, ч. 1, стр. 297.

[3]) «Статистика труда» № 1, 1918 г., стр. 12.

Периоды	Цена на продовольствие	Заработная плата		
		Чернораб. металлисты	Квалифиц. металлисты	Среднее
Июнь 1916 г.	100,0	100,0	100,0	100,0
Январь 1917 г.	163,5	130,0	152,0	141,0
Июнь 1917 г.	262,9	218,0	190,0	204,0

Рост зарплаты отстает от роста цен на продукты питания. В связи с закрытием предприятий растет безработица. Рабочий класс лихорадочно ищет выхода из тяжелого положения. Большевистский лозунг о рабочем контроле становится среди рабочих самым популярным и жизненным лозунгом.

С ростом экономической разрухи, локаутов предпринимателей и с усилением рабочих организаций стачечное движение имеет тенденцию из месяца в месяц повышаться. Параллельно с ростом стачечного движения идет рост влияния партии большевиков. Даже те рабочие, которые себя большевиками не считали, в области классовой борьбы действовали как большевики, и таким образом установился единый фронт между партией большевиков и идущими за мелкобуржуазными партиями меньшевиков и эсеров рабочими. Окончательный разрыв этих рабочих с партиями меньшевиков и эсеров был вопрос ближайшего будущего.

В июне стачечное движение приняло широкие размеры. В начале июня 6 московских заводов принимают резолюцию с требованием перехода власти к советам и установления контроля над производством. «Правда» от 8 июня сообщает, что механический завод и Шлиссельбургский пороховой завод фактически управляются фабрично-заводскими комитетами. В Донбассе происходят непрерывные конфликты между рабочими и предпринимателями. В Москве 21 июня забастовали 8 000 рабочих биржевых артелей. В Нижнем-Новгороде забастовали 20 000 рабочих Сормовских заводов, 22 июня союз кожевников пред'явил обществу заводчиков и фабрикантов проект нового тарифного договора. Фабриканты отказались принять проекты, и дело перешло в примирительную камеру. 27 июня состоялось первое заседание примирительной камеры, не давшее никаких положительных результатов. Конфликт затянулся, и союз вынужден был на 16 августа об'явить забастовку [1]).

Московский союз металлистов 21 июня пред'явил предпринимателям требования о повышении зарплаты. Ответ должен был быть получен 24 июня. Предприниматели отказались уступить рабочим, и 5 июля на всех металлообрабатывающих заводах Москвы и ее окрестностей была об'явлена забастовка рабочих. Бастовало всего 80—85 тыс. рабочих. В забастовку вмешался Московский совет, и она кончилась соглашением [2]).

---

[1]) «Рабочее движение в 1917 г.», стр. 180.
[2]) Там же, стр. 209.

Борьба за восьмичасовой рабочий день встречала противодействие не только капиталистов, но и Временного правительства. Циркуляр министра путей сообщения Некрасова от 27 июня, отменяющий явочным порядком введенный 8-часовой рабочий день на ст. Москва-товарная Николаевской ж. д., вызвал среди рабочих и служащих волнение. «Собрание служащих, мастеровых и рабочих Московского узла Николаевской ж. д. в количестве 4 000 чел. нашло, что начальник дорог и министр путей сообщения говорят с революционной ж.-д. демократией на разных языках, идут путем контрреволюционным, вследствие этого единственной исполнительной властью на дороге они признают лишь избранный ими ИК и Совет Р. и С. Д.» [1]).

Министр Церетели на с'езде советов 6 июня говорил, что Временное правительство в принципе признает 8-часовой рабочий день, но только при нормальных условиях; теперь, по мнению Церетели, говорить о 8-часовом рабочем дне нельзя, и, воображая, что он выражает мнение рабочего класса, заявил: «Никто (? *О. Л.)* из рабочих при настоящих условиях не говорит: осуществляйте 8-часовой рабочий день. Все понимают, что — тревожная пора, опасная пора. Надо спасать страну, и они готовы работать свыше 8 часов» [2]). Ясно, что после таких речей министра, в то же время представителя «революционной демократии», капиталисты и не думали в этом вопросе уступать рабочим.

Экономическая и политическая борьба в Петрограде с начала июня принимает резкий характер. О размахе стачечного движения в июне мы можем судить по сведениям, напечатанным в газете «Правда». Например: 1 июня стачка прачек и красильщиков; 3-го стачка бондарей и торгово-промышленных служащих; 4-го конфликт у строительных рабочих, стачка рабочих золотосеребряников и бронзовщиков; 6-го забастовка маляров, стачка чернорабочих завода Парвиайнен; 8-го забастовка мануфактуристов; 9-го забастовка на Охтенской бумагопрядильной мануфактуре; 13-го в мастерской обуви Маркевич об'явлена забастовка; 14-го забастовка картонажников, стачка 34 колбасных мастерских; 16-го забастовка на постройке районной электростанции; 18-го забастовка приказчиков мебельных, кроватных и зеркальных магазинов; 25-го железные дороги Петроградского узла накануне остановки; 27-го забастовала Финляндская железная дорога.

О революционном настроении петроградского пролетариата говорят следующие данные [3]): 2 июня общее собрание рабочих фабрики «Скороход» вынесло резолюцию с требованием перехода власти в руки советов раб., солдатских и батрацких депутатов; 10-го — завод Старый Парвиайнен в количестве 2 000 человек постановил считать единственным выходом из кризиса переход власти в руки советов; петроградский трамвайный парк протестует против политики правительства (расформирование воинских частей, нападение на дачу Дурново и т. д.); общее

---

[1]) В. Колычевский, «Пролетарская революция» № 8, 1926 г., стр. 84.
[2]) Церетели, Речи, стр. 113.
[3]) Из газеты «Правда».

собрание фабрики механической обуви высказывает солидарность революционному Кронштадту; 11-го — обувная фабрика Вейса протестует против «Рабочей газеты» за статью «Преступная провокация», направленную против большевиков, Обуховский сталелитейный завод на общем собрании 8 июня выносит постановление, гласящее, что выход из тяжелого положения экономической разрухи заключается в регулировании контроля всего производства государственной властью, находящейся в руках СР и СД; 13-го — резолюция 19 представителей заводских коллективов и 3 войсковых частей, одобряющих деятельность большевиков по вопросу о демонстрации 10 июня; 17-го — завод Эриксон на собрании рабочих (2 750 человек), обсуждая вопрос о перевыборах делегатов в совет, стал на точку зрения большевиков; общее собрание рабочих завода П. Б. Барановского утвердило выдвинутые большевиками лозунги к предстоящей демонстрации 18 июня; 18-го — на общем собрании рабочих зав. Старый Парвиайнен единогласно принята резолюция, требующая передачи всей власти в руки советов; 22-го — завод Новый Лесснер на общем собрании принимает резолюцию, одобряющую политику большевиков и осуждающую анархистов с дачи Дурново; 23-го — на общем собрании рабочих завода Эриксон выносится резолюция против наступления на фронте и за передачу власти советам; 24-го — общее собрание рабочих завода «Айваз» протестует против наступления на фронте и против бездеятельности правительства; 29-го — общее собрание рабочих завода «Русский Рено» принимает большевистскую резолюцию; 30-го — рабочие завода «Вулкан» на просьбу меньшевиков-интернационалистов поддерживать их газету «Искру» решили: отказать и предложить им порвать с оборонцами; 2 июля — Охтенский пороховой завод постановил бойкотировать буржуазные газеты из-за травли т. Ленина и других большевиков.

На Путиловском заводе в течение всего июня месяца шла борьба рабочих с правлением завода за повышение зарплаты, эта борьба к концу июня крайне обострилась. 23-го июня на заводе было устроено совещание с участием представителей от 73 заводов и ряда рабочих организаций (Центр. совет фабр.-заводских комитетов, Центр. бюро профсоюзов и т. д.). На этом совещании была принята резолюция, в которой говорится:

«1) что дело путиловских рабочих считается делом всего петроградского пролетариата;

2) что однородные требования пред'явлены всеми рабочими металлистами через свой профессиональный союз к союзу заводчиков и фабрикантов, а также ведомствам;

3) что частичное экономическое выступление при данных условиях может повести за собой неорганизованную политическую борьбу петроградских рабочих, а потому предлагает путиловским рабочим сдержать свое законное негодование против поведения министров, всеми мерами затянувших разрешение конфликта, и считает необходимым готовить силы для скорого общего выступления».

«Причем совещание фабрично-заводских комитетов Петрограда и цеховых комитетов Путиловского завода полагает, что если бы даже

добились повышения заработной платы, то беспрерывный рост цен на продукты и квартиры сейчас же свел бы на-нет это завоевание, потому необходима решительная борьба за установление рабочего контроля над производством и распределением, что в свою очередь требует перехода власти в руки советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов» [1]).

Начатые союзом металлистов переговоры с обществом заводчиков и фабрикантов были прерваны. На заседании делегатского совета союза металлистов была принята резолюция, в которой говорилось, «что предприниматели в явно контрреволюционных целях ведут прямой саботаж производства»... и что необходимым условием правильного хода производства является переход власти в стране в руки советов» [2]).

Надвигалась всеобщая стачка металлистов Петрограда. 1 июля было созвано совещание всех районных правлений, а также представителей совета, ВЦИК и политических партий. Вопрос о всеобщей стачке был решен отрицательно; против стачки в данный момент высказывались и представители РСДРП (большевиков).

«Наши руководящие органы (ЦК, ПК) считали всеобщую стачку металлистов за экономические требования, в условиях того времени, слишком сильным средством и предлагали беречь силы для общей борьбы за власть. При этом все ораторы, в том числе и докладчик центрального правления союза металлистов, пишущий эти строки (А. Шляпников. *О. Л.)*, предупреждали рабочих о несвоевременности выступления и предостерегали всех представителей от заводов о том вреде для пролетариата, который может произойти в случае неорганизованного выступления и при этом только в одном Петрограде, без поддержки рабочих и солдат в крупных центрах провинции» [3]).

Из выше приведенных данных, далеко не полных, мы видим, что стачки в мелких предприятиях, например у колбасников, приказчиков, маляров и т. д., в большинстве случаев носили экономический характер, напротив, на крупных предприятиях экономическая борьба совпадала с политической, с явным преобладанием последней, что вполне понятно, ибо передовым, наиболее сознательным слоем пролетариата являются рабочие крупной машинной индустрии, они задают тон революции, а за ними тянутся более отсталые слои пролетариата, которые, проходя полосу экономической борьбы, получают необходимую классовую закалку для того, чтобы стать в ряды авангарда... «Только экономическая борьба, только борьба за немедленное, непосредственное улучшение своего положения, способна встряхнуть отсталые слои эксплоатируемой массы, дает им действительное воспитание и превращает их — в революционную эпоху, — в течение немногих месяцев в армию политических борцов» [4]).

---

[1]) А. Шляпников, Июльские дни в Петрограде, «Пролетарская революция», № 4, 1926 г., стр. 64.

[2]) Там же, стр. 65.

[3]) Там же, стр. 66.

[4]) Н. Ленин, «Ленинский сборник», V, стр. 29.

В конце июня на почве недовольства рабочих политикой Временного правительства, на почве острой борьбы рабочих с предпринимателями создалось крайне повышенное политическое настроение, и были опасения, что партии не удастся овладеть стихийно нарастающим движением. В заявлении большевистской фракции ЦИК настроение рабочих характеризовалось следующими словами: «Сорокатысячная масса Путиловского завода, пользующаяся огромным влиянием среди рабочих и солдат, отказом правительства удовлетворить ее законные экономические требования доведена до отчаяния. Она может каждый день забастовать и выступить на улицу. Она уже выступила бы, если бы ее не сдерживала наша партия, причем нет гарантий, что и впредь удастся ее удержать. А выступление путиловцев — в этом не может быть сомнений — неизбежно повлечет за собой выступление большинства рабочих и солдат» (из заявления фракции большевиков в ЦИК 22 июня).

Партия большевиков уже в начале июня имела большинство в фабрично-заводских комитетах и профсоюзах, но в рабочей секции совета — только $^{1}/_{3}$. В июне происходили перевыборы представителей в совет, рабочие почти всех крупных предприятий вместо меньшевиков и эсеров посылали в совет большевиков, таким образом, в конце июня в рабочей секции Петроградского совета большевики уже имели большинство.

Подготовка наступления на фронте, начало активной деятельности кадетов и думцев, восстановление знаменитой 129 статьи царского уголовного уложения, направленной против свободы печати и собраний, выселение анархистов и других рабочих организаций из дачи Дурново [1]) все это уже в начале июня сильно нервировало рабочую и солдатскую массу, готовую выйти на улицу. Чтобы ввести это нарастающее движение в организованные рамки, ЦК партии большевиков назначил на 7 июня совещание из представителей районов, фабрик, заводов, полков. На совещании выяснилось, что массу удержать нет возможности, и оно громадным большинством голосов решило вопрос в пользу выступления. Тогда ЦК большевиков постановил назначить мирную демонстрацию на 10 июня. ЦК партии высказывался за мирную невооруженную демонстрацию, хотя представители солдат возражали, что это невозможно,

---

[1]) «Седьмого июня министр юстиции распорядился о выселении анархистов-коммунистов из дачи Дурново. Срок был дан — 24 часа. С утра 8-го на Выборгской стороне забастовало 28 заводов, и к даче Дурново потянулись толпы, манифестации, вооруженные отряды рабочих. Собрался огромный митинг, отправили делегатов в Исполнительный комитет с просьбой принять меры против выселения и закрепить дачу за трудовым народом. В Исполнительном комитете депутацию встретили совсем недружелюбно и выпроводили ни с чем». (Н. Суханов, Записки о революции, кн. IV, стр. 286).

После того была послана вторая делегация, которая заявила, что в случае выселения будет оказано вооруженное сопротивление. Ввиду того, что кроме анархистов на даче находились: профессиональный союз булочников, секция народных лекций, организация народной милиции и др. организации, выселение которых могло иметь большие осложнения, министерство юстиции уступило, и дача осталась за рабочими организациями.

что оружие — единственная гарантия против эксцессов и нападений черносотенцев.

С'езд советов, в ночь с 9 на 10 июня, запретил демонстрацию, назначенную на следующий день. Не желая в тот момент обострять взаимоотношения со с'ездом советов, ЦК большевиков постановил демонстрацию отменить. Для оповещения рабочих и солдат ЦК послал по заводам и казармам агитаторов. В целях агитации и с'езд советов послал своих делегатов по заводам и казармам. В результате этой ночной поверки выяснилось, что с'езд советов в массах пролетариата и солдат никаким авторитетом не пользуется. Утром 10 июня вернулись делегаты с'езда и докладывали о настроении рабочей и солдатской массы. «И все они говорили приблизительно одно и то же: делегатов повсюду встречали крайне недружелюбно и пропускали после долгих пререканий. На Выборгской стороне — сплошь большевики и анархисты. Ни с'езд, ни Петербургский совет не пользуются ни малейшим авторитетом. О них говорят так же, как и о Временном правительстве: меньшевистско-эсеровское большинство продалось буржуям и империалистам: Временное правительство — контрреволюционная шайка... «Выступление» среди рабочих крайне популярно. С ним связываются самые реальные надежды на изменение кон'юнктуры... В полках — пулеметном, Московском, 180-м об'явили с'езд сборищем помещиков и капиталистов или подкупленных ими людей: ликвидация коалиционного правительства считается неотложной. Верят только большевикам... Сведений противоположного характера почти не было в докладах. Одно-два исключения подтверждали правило» [1]).

Несмотря на очевидный, самим с'ездом установленный факт революционного настроения рабочих и солдатских масс столицы, вожди меньшевиков Дан и Церетели обрушились на партию большевиков, обвиняя последнюю в заговоре, восстании и т. д., угрожая исключить их из среды «революционной демократии», угрожая разоружить революционных рабочих и солдат. «Пусть же извинят нас большевики, — говорил Церетели, — теперь мы перейдем к другим мерам борьбы... Большевиков надо обезоружить» [2]).

Позднее т. Ленин, оценивая значение событий 10 июня, писал, что значение их состоит в том, что тогда меньшевики и эсеры колебнулись в сторону буржуазии.

Партии большевиков с большим трудом удалось остановить назначенную на 10 июня демонстрацию. Положение все время оставалось напряженным. На даче Дурново образовался из представителей заводов Выборгской стороны самочинный «Временный революционный комитет», руководимый анархистами. Петроградский комитет РСДРП (большевиков) 14 июня выпускает обращение к рабочим, где он предлагает воздержаться от выступления до воскресенья 18 июня и вместе с тем предлагает рабочим, членам партии и сочувствующим, покинуть так называемый «Временный революционный комитет». В тот же день он публи-

---

[1]) Н. Суханов, Записки о революции, кн. IV, стр. 300.
[2]) Там же, стр. 306.

кует постановление следующего содержания: «Петербургский комитет призывает всех членов партии, все районные коллективы приложить все усилия, чтобы ни один завод ни под каким предлогом, ни в какой форме не выступал без призыва ЦК, ПК и ВО. Секретарь Петербургского комитета Г. Бокий» [1]).

После усиленной агитационной подготовки 18 июня русская армия перешла в наступление. Наступление началось под сильным давлением союзников, которые для того, чтобы отвлечь силы германцев от западного фронта, из кожи лезли вон, чтобы заставить русскую армию перейти в наступление. Английский посол Дж. Бьюкенен в своих мемуарах пишет о коллективной угрозе прекратить доставку снаряжения, чтобы заставить русских перейти в наступление. Имелся также план японской интервенции на случай самостоятельных шагов русского правительства. О влиянии англо-французских империалистов говорит и Деникин в своих «Очерках русской смуты». Там, на стр. 178 I тома, Деникин пишет, что союзники настаивали начать наступление и что даже одно только решение о наступлении оказало союзникам большую услугу приковывая немецкие силы к восточному фронту. Получилась интересная картина братания мелкобуржуазных социалистов, как наших, так и заграничных, с империалистами. Союзные генералы орудовали в ставке, а «социалисты» Тома, Гендерсон и Вандервельде совместно с Керенским и Станкевичем обрабатывали солдат.

В этом наступлении контрреволюционная буржуазия и генералитет имели свои определенные цели. Военные круги надеялись использовать наступление для восстановления смертной казни и старой дисциплины в армии. Деникин, в выше указанной книге, пишет, что после удачного наступления создалось бы такое настроение, при котором могли бы разрушить интернациональные догмы и заразить страну взрывом патриотизма [2]).

Для буржуазии было крайне важно нарушить с начала войны создавшееся на фронтах фактическое перемирие, которое, продолжаясь дальше, могло привести к сепаратному миру; она рассчитывала выиграть на оба случая: — и на случай успехов, и на случай поражения. В первом случае она надеялась возбудить шовинизм и подчинить разбушевавшуюся стихию военной силе, на случай поражения — она думала всю вину свалить на большевиков, направить против них малосознательные массы и, об'явив военную диктатуру, расправиться не только с большевиками, но и вообще со всеми левыми элементами в стране. Милюков настаивал: «Надо продолжать воевать, наступательные действия не исключаются... Для данного момента это самое важное, чего мы можем достигнуть, если армия останется бездеятельной, это будет фактической изменой нашему обязательству» [3]).

Что наступление является чистейшей авантюрой и может кончиться очень плохо, кажется, не понимали лишь одни соглашатели. У армии не

---

[1]) «Правда», 1917 г. № 81, от 14 июня.
[2]) Деникин, Очерки русской смуты, т. I, ч. 1, стр. 178.
[3]) Милюков, Россия в плену у Циммервальда, стр. 10.

было достаточных ни психологических, ни организационных, ни технических возможностей успешно наступать; об этом напоминала партия большевиков еще до наступления. В заявлении на с'езде советов 4 июня, подписанном бюро фракции большевиков и бюро об'единенных интернационалистов, говорится:

«...По существу всех условий переживаемого момента наступление на фронте продиктовано магнатами союзного империализма.

«Поставив народ и армию, которая не знает, во имя каких международных целей она в данных условиях призвана проливать свою кровь, пред фактом наступления со всеми его последствиями, контрреволюционные други России рассчитывают и на то, что наступление вызовет сосредоточение власти в руках военно-дипломатических и капиталистическх групп, связанных с английским, французским и американским империализмом...

Закулисные контрреволюционые инициаторы наступления, не останавливающиеся... перед военной авантюрой, сознательно пытаются сыграть на разложении армии, вызываемом всем внутренним и международным положением страны, и в этих целях внушают отчаявшимся элементам демократии ту в корне ошибочную мысль, будто самый факт наступления способен «возродить» армию и таким механическим путем возместить отсутствие определенной действенной программы ликвидации войны. Между тем ясно, что такое наступление может лишь окончательно дезорганизовать армию, противопоставляя одни части другим [1]).

Об оздоровлении армии посредством наступления очень много распространялся Церетели. Он считал, что состояние спокойствия на фронте и братание есть не только измена союзным империалистам, которых он называет «союзной демократией», но и международному социализму. Он считает, что наступление русской армии должно «приветствоваться не только в союзных с нами странах, но и в странах, воюющих с нами, всеми теми, кто стоит действительно под знаменем международной демократии, кто действительно стремится бороться с империализмом» [2]). Итак, наступление, начатое по указке англо-французских империалистов, против воли русских рабочих и солдат, вождь мелкобуржуазных социалистов Церетели квалифицировал как борьбу против империализма, как борьбу за демократизм. Такое чудовищное извращение интернационализма показывало лишь, как глубоко пали вожди мелкобуржуазной массы, защищая не за страх, а за совесть дело империализма.

С наступлением на фронте неизбежно было связано усиление шовинизма, переход власти в руки военной шайки и применение насилия над массами. На глазах происходила перегруппировка сил, усилились крайние фланги — большевики и кадеты. Фронт наводнялся черносотенной литературой, пресса большевиков и интернационалистов на фронт не допускалась, на фронте происходили стычки при расформировании отказавшихся итти в наступление частей войск.

---

[1]) В. Владимирова, Революция 1917 г., т. III, стр. 258.
[2]) Церетели, Речи, стр. 137.

В тылу начинали усиленно действовать разные контрреволюционные организации. В Петрограде были созданы следующие контрреволюционные союзы: Военная лига, Республиканский центр, Союз георгиевских кавалеров, Союз воинского долга, Союз чести родины, Союз добровольцев народной обороны, Добровольческая дивизия, Батальон свободы, Союз спасения родины, Общество 1914 года, Организация духа, Общество государственной карты, Экономический клуб и другие. Некоторые из этих обществ получили правительственную субсидию [1]).

Буржуазные контрреволюционные круги, видя, что влияние мелкобуржуазных социалистов в массах падает, начали помышлять о перевороте. Некоторые из вышеупомянутых обществ тайно готовили переворот, искали диктатора, вождя. В начале июня они облюбовали Колчака, черносотенные и кадетские газеты начали писать, что только такой человек, как Колчак, может твердой рукой подавить анархию и восстановить порядок. Но Керенский пронюхал про кадетские интриги и отправил Колчака с военной миссией в Америку.

В связи с наступлением на фронте началось усиленное отправление маршевых рот на фронт, что вызвало большое озлобление в тыловых частях. Особенно сильно волновались 40-летние и белобилетники. 40-летние приказом Гучкова были отпущены на полевые работы, а Керенский отдал приказ о возвращении их обратно в армию. В целом ряде городов происходили бунты 40-летних и маршевых рот, отправляемых на фронт. Офицерство и военные школы в честь наступления устраивали патриотические манифестации, солдаты устраивали контрдемонстрации, происходили столкновения, в результате которых бывали жертвы.

В Петергофе 21 июня произошло столкновение манифестации юнкеров с солдатами 4-го батальона Национального полка. Юнкера несли портреты Керенского, имели знамена с надписями «Долой шпионов», «Да здравствуют Керенский и Брусилов» и другие. Солдаты были сильно озлоблены, особенно против Керенского, и избили юнкеров, два юнкера были сброшены с моста в овраг. Демонстрация была рассеяна. На фронте были избиты за агитацию в пользу наступления Н. Д. Соколов и другие делегаты меньшевистского совета. Об антинаступленческом настроении на фронте пишет В. Б. Станкевич в своих «воспоминаниях». Он рассказывает не только об отрицательном психологическом состоянии армии, но и о том, что и в смысле техническом наступление было подготовлено очень плохо. Об «ужасающем» антинаступательном настроении фронта пишет участник наступления одного из лучших полков Н. Кальницкий в книге «От Февраля к Октябрю». В этой книге он сообщает, что после занятия, под ураганным огнем неприятеля, передовой линии неприятельских окопов, в ротах осталось около 15 человек, еле волочащих ноги. Смены не было, все тыловые части, к которым они обратились с просьбой сменить их, ответили: «Чего наступали? Кто вам велел? Кончать надо войну, а не наступать» (стр. 61).

---

[1]) В. Владимирова, Корниловщина, стр. 38.

Недовольство солдат, отправляемых на фронт, принимало следующие формы: «В Астрахани 20 июня произошли беспорядки 40-летних. На улицах происходила стрельба, жертв не оказалось. Организован комитет общественной безопасности, решено ходатайствовать у военного министра об отсрочке призыва 40-летних» [1]). На этом солдаты не успокоились. «1 июня в гор. Астрахани двухтысячная толпа 40-летних солдат, устроив митинг в помещении офицерского собрания, требовала освобождения виновника беспорядков, вольноопределяющегося Шварцкофа» [2]). Далее в донесении говорится, что ночью 3 роты солдат окружили 40-летних и арестовали 5 подстрекателей. «2 июля 40-летние делали попытки собрать митинг: цель их — уклониться от службы».

«В ночь на 2-е в гор. Оренбурге вооруженные солдаты местного гарнизона, не предупреждая общественные организации и комиссариат, приступили к обыску и задерживанию в общественных и частных домах граждан мужского пола, с целью выяснения отношения их к воинской повинности» [3]).

«В Ельце призванные белобилетники и ратники старше 40-летнего возраста, к которым примкнули все остальные солдаты гарнизона, по своему почину производили обыски во всем городе... Местные власти бессильны... Во время беспорядков избит и доставлен в тюрьму воинский начальник ген. Семенский». Дальше говорится, что 4 июля на об'единенном заседании общественных организаций и социалистических партий избран новый комендант города и организована следственная комиссия, арестованы подстрекатели. «Этими мерами и отпуском белобилетников старше сорока лет удалось 5 июля успокоить город» [4]).

«В гор. Орлове, Вятской губ., 15 июня солдаты 40-43 лет и белобилетники отказались отправиться на фронт и послали делегатов в Петроград» [5]).

В Москве 27 июня происходила демонстрация эвакуированных с фронта больных и раненых солдат, которые требовали отправки всех окопавшихся в тылу на фронт. Эвакуированные солдаты создали свой комитет и не хотели признать Московского совета солдатских депутатов [6]).

В Вязьме эвакуированные захватили город, начались аресты жителей с намерением отправить на фронт. Совет солдатских депутатов бессилен [7]).

Тула. «23 июня некоторые лица из солдат призывали к явно абсурдно-анархическим выступлениям: снять всех рабочих с заводов гор. Тулы, отправить их в окопы; арестовать членов губернского исполнительного комитета и реквизировать (!) город Тулу» [8]).

---

[1]) «Новая жизнь», № 56.

[2]) АОР дела Главн. управл. по делам милиции. О выдающихся происшествиях 1917 г., № 32, т. I.

[3]) Там же.

[4]) Там же.

[5]) Там же.

[6]) «Известия Московского Совета рабочих депутатов», № 96.

[7]) Там же, № 97.

[8]) Там же, № 103.

Беспорядки солдат были еще в Ярославле, в Нижнем-Новгороде, Киеве и других городах.

Одновременно с солдатскими бунтами происходили беспорядки крестьян. По сведениям, поступившим в министерство внутренних дел, аграрные беспорядки из месяца в месяц расширялись и к 17 июня охватили уже 43 губернии.

Сильное большевистское настроение было в Риге. 4 мая Рижский совет рабочих депутатов принимает резолюцию против наступления на фронте и считает единственным выходом из империалистической войны братание на фронте, которое надо всесторонне поддерживать. 17 мая на с'езде представителей 8 латышских стрелковых полков почти единогласно (один против, два воздержавшихся) была принята резолюция, в которой говорится следующее: «...Мы убеждены, что коалиционное правительство, как защитник интересов буржуазии неспособно ни ликвидировать войну, ни принять решительные и необходимые меры для борьбы с хозяйственной разрухой и контрреволюцией... Нашим лозунгом остается лозунг революционной демократии: «Вся власть советам рабочих, крестьянских и солдатских депутатов» [1]).

Хотя в Гельсингфорском совете эсеры и меньшевики были в большинстве, но под давлением масс они принуждены были вести более левую политику, чем их петроградские друзья; так, например, по вопросу о коалиционном правительстве 5 мая была принята резолюция, в которой говорится, что правительство должно быть создано из рядов революционной демократии, что на языке тех времен означало правительство без буржуазии, из представителей советских партий. Когда вся контрреволюционная пресса подняла кампанию против Кронштадта, принявшего 17 мая резолюцию о том, что вся власть в Кронштадте переходит в руки совета, гельсингфорсский исполком совета принял резолюцию, в которой признает действия Кронштадта правильными и обещает ему свою поддержку. Центральный комитет балтийского флота был на стороне большевиков, и почти на всех крупных кораблях флота было настроение большевистское; меньшевики и эсеры имели влияние только на мелких судах.

В Кронштадтском совете формально большевики не имели большинства, но влияние их было огромно. Кронштадтская беспартийная рабочая и матросская масса была настроена очень революционно. 17 мая без инициативы партии совет принял постановление о переходе всей власти в руки совета.

Таково было положение в балтийском флоте и в Кронштадте накануне июльских событий.

Демонстрация 18 июня показала, что коалиционное правительство не пользуется никаким авторитетом среди рабочих и солдатских масс. 500-тысячная масса демонстрантов шла под лозунгом большевиков. В этот день, когда по приказу Керенского началось наступление на фронте, рабочие и солдаты громогласно заявили:

«Долой десять министров-капиталистов!».

---

[1]) Т. Драудинь, Октябрь и рижский фронт, стр. 59.

«Вся власть советам рабочих, солдатских и крестьянских депутатов!».

«Долой анархию в промышленности и локаутчиков-капиталистов!».

«Да здравствуют контроль и организация производства и распределения!».

«Против политики наступления!».

«Пора кончать войну! Пусть совет депутатов об'являет справедливые условия мира!».

Массы требовали контроля над производством, а Временное правительство поддерживало и субсидировало капиталистов-локаутчиков. Массы требовали скорейшего прекращения войны, а Временное правительство, начиная наступление, затягивало войну. Массы требовали разрыва союза с капиталистами, а мелкобуржуазные вожди совета считали абсолютно невозможным обойтись без союза с буржуазией. Демонстрация 18 июня ясно показала, что вожди мелкобуржуазных партий, по всем важнейшим вопросам экономической и политической жизни, находятся в союзе не с трудящимися, а с их врагами и что полнейший крах существующей политики меньшевиков и эсеров есть вопрос ближайшего будущего.

Во время демонстрации 18 июня анархисты из Выборгской тюрьмы освободили арестованных. В связи с этим ночью власти сделали налет на дачу Дурново, анархисты сопротивлялись, произошла стрельба, в результате которой был убит анархист Аснин и дача была разгромлена. По этому поводу на следующий день 18 июня поднялась тревога в рабочих кварталах. На Выборгской стороне остановились 4 завода, стали поступать тревожные сведения с Петроградской стороны и из-за Нарвской заставы.

В Петрограде 20 и 21 июня происходили манифестации солдат 40 лет и старше, в манифестации участвовало около 10 тысяч солдат. Целью манифестации был протест против отправки солдат на фронт. На плакатах были надписи: «Просили засеять хлеба побольше, так дайте же его убрать».

Временное правительство хотело использовать создавшуюся с наступлением ситуацию и разделаться с наиболее революционными полками. С этой целью давались усиленные наряды для отправки на фронт маршевых рот. Особенно усиленные требования на отправку поступали в 1-й пулеметный полк, настроенный наиболее революционно. Можно полагать, что правительство именно этим способом хотело избавиться от неприятного ему полка.

21 июня полк устроил собрание, на котором обсуждалось создавшееся положение. На этом собрании была принята резолюция, в которой говорится, что вместо 30 команд, согласно требованиям, на фронт посылается только 10 команд, и «что в дальнейшем мы будем посылать команды на фронт только тогда, когда война будет носить революционный характер...

«Если СР и СД будет угрожать нашему и другим революционным полкам раскассированием, т. е. расформированием, даже путем применения вооруженной силы, то в ответ на это мы не остановимся также

перед раскассированием вооруженной силой Временного правительства и других организаций, его поддерживающих» [1]).

Настроение пулеметчиков было в пользу немедленного выступления против Временного правительства, с этой целью они уже разослали делегатов в другие полки. Не только у солдат, но также среди некоторых слоев рабочих настроение было таково, что они были готовы немедленно выйти на улицу. Об этом свидетельствует также т. Лацис, который в своем дневнике записал: «Тревожный день (20 июня). Рабочие завода Розенкранц обходят Московский и пулеметный полки и приглашают к выступлению. Приходится приложить много усилий, чтобы унять разбушевавшиеся страсти. Создается такое впечатление, что не удастся удержать ни рабочих, ни солдат» [2]).

К концу июня усиленную деятельность развернули анархисты, встречающие сочувствие в разгоряченной нервной атмосфере рабочих и солдат. Среди некоторых кругов рабочих и солдат было мнение, что наша партия недостаточно революционна. Об этом свидетельствует поддержка некоторыми заводами с Выборгской стороны анархистов на даче Дурново, а также образование рабочими совместно с анархистами известного Временного революционного комитета. О недовольстве «умеренностью» политики ЦК свидетельствует и т. Лацис, который, касаясь отмененной 10 июня демонстрации, пишет: «Все негодуют по поводу постановления ЦК. Не знаю, чем это кончится. В Старом Парвиайнене некоторые члены в возмущении разорвали свои членские билеты. Старый Промет вынес резолюцию, порицающую деятельность Центрального комитета» [3]).

О революционном настроении солдат во второй половине июня говорит также один из руководителей Военной организации большевиков, т. Подвойский, который на июльской Петроградской конференции докладывал: «Конференция Военной организации, начавшаяся 16 июня, протекла в страшно тяжелой атмосфере, потому что назревало выступление, в связи с событиями на фронте в Гренадерском и пулеметном полках. Половину своей работы конференты употребили на то, чтобы внести успокоение в умы солдат петроградского гарнизона и доказать, что без стройной организации выступление будет равносильно преступлению. Но мы не могли скрывать от себя, что движение в ближайшие дни выльется» [4]).

Чтобы парализовать агитацию анархистов и революционно-настроенных беспартийных рабочих и солдат, часто выдающих себя за большевиков и агитирующих за немедленное выступление, ВО издает следующее обращение, напечатанное в «Солдатской правде» от 22 июня:

«От Военной организации при ПК и при ЦК РСДРП. Военная организация обращается к товарищам солдатам и рабочим с просьбой не

---

[1]) Шляпников, «Пролетарская революция» № 4, стр. 60.

[2]) Лацис, Из дневника агитатора, «Пролетарская революция», № 5, 1923 г., стр. 110.

[3]) Там же, стр. 105.

[4]) «Красная летопись», № 7, 1923 г., стр. 100.

верить никаким призывам к выступлению на улицу от имени Военной организации. К выступлению Военная организация не призывает. Военная организация в случае необходимост призывает к выступлению в согласии с руководящими учреждениями нашей партии: Центральным комитетом и Петербургским комитетом. Товарищи! Требуйте от каждого агитатора или оратора, призывающего к выступлению от имени Военной организации, удостоверение за подписью председателя и секретаря Военной организации и за печатью ВО.

ЦК нашей партии, а равно и ПК всецело поддерживает это обращение».

На следующий день в «Солдатской правде» была помещена статья с заголовком: «Организация прежде всего». В этой статье, так же как и в вышеприведенном документе от ВО, говорится, чтобы не слушали лиц, призывающих немедленно с оружием в руках выйти на улицу и что такой шаг в данных условиях был бы лишь на пользу нашим врагам.

Итак, к концу июня мы имеем следующую политическую кон'юнктуру: по всей стране идут стачки за повышение зарплаты и за сокращение рабочего дня в связи с локаутами и саботажем промышленников; в более передовых слоях пролетариата назревает настойчивая мысль, что выходом из экономического кризиса является установление рабочего контроля над производством и распределением и принятие действительных шагов к скорейшему прекращению войны, что в свою очередь связано с разрывом блока с буржуазией и передачей всей власти в руки совета. На основе этих положений повсеместно происходит отрыв широких рабочих масс от партий меньшевиков и эсеров и переход их к большевикам.

По всей стране идут аграрные волнения, к концу июня охватывающие 43 губернии. Коалиционное правительство с эсеровским министром земледелия Черновым защищает интересы помещиков: даже закон, запрещающий земельные сделки, не был издан, и происходила усиленная продажа помещичьих земель, главным образом иностранцам.

Под давлением англо-французских империалистов коалиционное правительство погнало армию в наступление и таким образом нарушило создавшееся, с начала революции, фактическое перемирие на фронте. С началом наступления зашевелились все контрреволюционные элементы. Казачий, офицерский и другие контрреволюционные с'езды кричали об анархии, ругали советы, доказывали, что для спасения страны нужен диктатор и т. д. Оживилась и заговорила загробным голосом царская IV Государственная дума, возникло множество контрреволюционных организаций, начавших открытую и подпольную контрреволюционную работу по подготовлению заговора. Происходили патриотические контрреволюционные манифестации с избиениями и убийствами левых элементов. Правительство не принимало никаких мер против таких явлений и против этих организаций; наоборот, оно оказывало некоторым из них материальную помощь и разрешало им формировать ударные добровольческие войсковые части. В то же время правительство всю силу государственной власти направило против революцион-

ных солдат; начинается усиленная отправка их на фронт, расформирование непокорных полков на фронте и в тылу.

Совокупность всех вышеизложенных условий создала крайне революционную обстановку, вся страна накануне июльских дней была охвачена революционным порывом, который, так или иначе, должен был вырваться наружу.

Учитывая всю сложность создавшегося положения, фракция большевиков 22 июня обратилась в ЦИК со следующим заявлением: «...Весть о расформировании» облетает все полки и заводы, вызывая общее возмущение. Во многих полках солдаты спят с оружием в руках в ожидании нападения со стороны, как говорят, контрреволюционных сил. Вооруженные манифестации, избиения и аресты со стороны участников последних, нервирующие рабочих и солдат, создают желание вооруженного отпора. Положение делается угрожающим» [1]).

Таково было положение накануне июльских событий.

---

[1]) В. Владимирова, Хроника, т. III, стр. 294.

Глава вторая

ДНИ 3—5 ИЮЛЯ

2 июля, после заседания Временного правительства, 4 министра кадетской партии вышли из правительства. Поводом к этому шагу послужило разногласие по украинскому вопросу (к.-д. не хотели признать заключенного в Киеве с Украинской радой министрами Керенским, Терещенко и Церетели соглашения). Причины, вызвавшие кризис правительства, были гораздо глубже, коренились во всех выдвинутых революцией экономических и политических вопросах. Кризис обнаружил лишь несостоятельность и полнейший крах политики соглашения.

Уход кадетов только подчеркнул то положение, что буржуазия недовольна политикой Временного правительства. Если в начале мая буржуазия встретила образование коалиционного правительства с надеждой, что это правительство восстановит «порядок» в армии и в тылу, то после двухмесячной работы у буржуазии этих надежд уже не было, она искала других путей для спасения своего кошелька. Буржуазия ясно видела, что своей политикой колебаний правительство топчется на месте, страна левеет, недовольство растет и что возможны только два пути — или уступить требованиям трудовых масс, или путем репрессий и военной диктатуры заставить рабочих, крестьян и солдат молча исполнять волю буржуазии. Для буржуазии коалиционное правительство было вынужденной необходимостью. Соглашательским советам, желающим посредством бумажных резолюций и красивых речей заставить массу служить интересам капиталистов, буржуазия тоже верила до поры до времени. Касаясь кризиса правительства, Милюков писал: «Повод, по которому этот кризис, наконец, разрешается, является уже в сущности второстепенным обстоятельством сравнительно с основной причиной, фактическим переходом власти от министерства к совету, причем в то же время **совет оказывается бессильным применять свою власть к единственной грозящей ему серьезной опасности слева**» [1]) (подчеркнуто мною. *О. Л.*).

Вместе с ростом революционного движения в стране растет и недовольство буржуазии коалиционным правительством. Мы уже раньше упомянули о поисках диктатора; таковым был намечен Колчак, потом взоры были обращены на Керенского; он сам в показаниях по делу

---

[1]) Милюков, История второй русской революции, т. I, стр. 203.

Корнилова признался, что к нему поступило много проектов об об'явлении диктатуры Керенского, о том же свидетельствует и Станкевич. Как видно, разгон коалиционного правительства и провозглашение личной диктатуры ни Керенский, ни Станкевич заговором не считали, этих лиц не арестовали, а вели с ними приятные беседы, между тем агитацию за мирный переход власти к большинству народа — к советам — они считали заговором, требовавшим самых суровых репрессивных мер.

О недовольстве буржуазии свидетельствуют речи на совещаниях к.-д. партии, на совещаниях членов Государственной думы, на с'ездах промышленников и землевладельцев и т. д. В этом отношении характерна резолюция Московского общества фабрикантов и заводчиков, опубликованная 22 июня. За неимением самой резолюции приводим сущность ее в изложении И. Т.: «В резолюции указывается, что Временное правительство не имело почти никакого влияния на ход жизни, который мало-по-малу стал направляться исключительно невежественными массами населения. Временное правительство в области международной сделало уступку германофильским течениям безответственных или подкупленных элементов» [1]).

О недовольстве крупной буржуазии Временным правительством свидетельствует также речь Рябушинского на II Всероссийском торгово-промышленном с'езде 3 августа. Касаясь деятельности правительства предшествующих месяцев, он говорил: «У Временного правительства была лишь видимость власти, посторонние ей люди давили на него, и фактически воцарилась шайка политических шарлатанов. Советские лжевожди народа направили его на путь гибели... Вместо подлинного правительства, мы видим только какой-то политический ералаш» [2]). В одной из петроградских типографий 12 июля была заказана прокламация, в которой говорилось, что власть захватили каторжники и что «правительство в России — это разбойники» [3]).

Выход кадетов из Временного правительства был ускорен также тревожными сведениями, поступавшими с фронта, о провале начатого наступления. Содержание сводки штаба верховного главнокомандующего, ген. Брусилова, за время с 25 по 1 июля, рисующей развал армии, безусловно было известно членам Временного правительства; провал на фронте создал в стране чрезвычайно нервное настроение и большие трудности для правительства. Кадеты этот момент хотели использовать в своих интересах и из правительства ушли.

Чего хотели добиться кадеты, выходя из правительства? Они, чувствуя за своей спиной силу российской буржуазии и международного капитала, ставили мелкобуржуазному блоку меньшевиков и эсеров ультиматум: порвать с существующей политикой колебаний и твердо стать на точку зрения буржуазии, порвать с политикой обещаний и уговариваний, стать на платформу решительных действий против «анар-

---

[1]) И. Т., «Пролетарская революция», № 10, 1926 г., стр. 231.
[2]) В. Владимирова, Хроника, т. III, стр. 248.
[3]) В. Владимирова, Корниловщина, стр. 44.

хии» слева. Кадеты верно рассчитывали, что мелкобуржуазные вожди не в состоянии будут порвать с буржуазией и стать на сторону пролетариата. Они уже заранее рассчитывали, что, пугая отнятием финансовой поддержки и разрывом с союзниками, они заставят мелкобуржуазных вождей капитулировать. Игра была начата обдуманно, а потому наверняка: кадеты поставили соглашателей на колени и заставили их принять свои условия.

В начале правительственного кризиса Ленин был не в Петрограде, а в Финляндии, в деревне Нейвола, около станции Мустамяки Финляндской ж. д. Сведения о кризисе правительства он раньше 3 июля не мог получить, и в тот же день он написал статью, которая, однако, напечатана не была. В этой статье с поразительной проницательностью т. Ленин разоблачает все «ходы» кадетов; он пишет: «Уход кадетов может быть понят лишь как результат расчета. В чем суть этого расчета? В том, что для управления страной, совершившей большую революцию и не могущей успокоиться, притом во время империалистической войны всемирных размеров, необходим гигантско смелый, исторически великий, полный беззаветного энтузиазма почин и размах действительно-революционного класса. Либо подавлять такой класс насилием — это кадеты давно проповедуют, с самого 6 мая, либо довериться его руководству. Либо в союзе с империалистским капиталом — тогда надо наступать, надо быть послушным слугой капитала, надо итти в кабалу к нему... — либо против империалистского капитала...

И кадеты рассчитывают, с точки зрения своего класса, с точки зрения класса империалистов-эксплоататоров, правильно: уходя мы, де, ставим ультиматум. Мы знаем, что Церетели и Черновы сейчас не доверяют истинно-революционному классу, сейчас не хотят вести истино-революционной политики. Мы-де их попугаем. Без кадетов это, де, значит без «помощи» всемирного англо-американского капитала, это значт итти революцией и на него. Не пойдут-де Церетели и Черновы, не решатся. Они-де нам уступят.

А если нет, то-де революция против капитала, буде даже она начнется, не удастся, и мы вернемся» [1]).

Мы выше уже говорили, как нервировали солдат сведения о расформировании полков и другие репрессивные меры правительства и командования. В запасный батальон гвардейского Гренадерского полка 25 июня прибыли делегаты этого же полка с фронта и на батальонном собрании доложили, что на фронте к полку применяют насилия, что позади полка поставили вооруженных пленных чехов и погнали полк в наступление. Далее делегаты говорили, что полк на фронте считает, что министры-социалисты перешли на сторону буржуазии.

30 июня 2-й пулеметный полк вынес резолюцию против наступления и за передачу власти советам, в то же время полковой совет 3-го пехотного полка принял резолюцию, в которой полк отказывается выделить 14 маршевых рот.

---

[1]) Ленин, «Ленинский сборник», IV, стр. 316.

1-й пулеметный полк устроил в воскресенье 2 июля в Народном доме прощальный митинг-концерт отправляемой им на фронт маршевой роте. На митинге выступили тт. Луначарский и Троцкий, которые в своих речах доказывали, что единственный выход из войны есть переход власти к СР и СД. После них выступили от имени полка тт. Жилин и Лашевич, которые заявили, что в наступление полк не пойдет, а если сложит свои головы, то только за дело революции. На митинге выступил также солдат расформированного Гренадерского полка т. Рутковский и передавал, «как были пущены в ход казаки с нагайками для убеждения гренадер итти в наступление, в результате чего было много тяжело раненых. А сколько гнусных издевательств они претерпели... По требованию всех (собрания) была вынесена резолюция: «Митинг 2 июля в Народном доме в количестве свыше 5 000 человек протестует против политики грубейшего насилия Временного правительства и военного министра Керенского над революционными войсками, воскрешающих старые приемы Николая Кровавого» [1]).

После этого бурного митинга солдаты в сильно возбужденном состоянии разошлись по казармам, а на утро начался исторический день 3 июля.

Выступление 3 июля развернулось в следующем порядке: 3 июля утром в 1-м пулеметном полку было назначено собрание ротных и полковых комитетов по текущим вопросам. По показаниям Головина «на собрании должен был обсуждаться вопрос о посылке делегатов в Исполнительный комитет СР и СД, что должно было произойти 3 июля, но во время собрания было получено извещение от Исполкома о том, что посылка делегатов откладывается до 5 июля, вследствие чего председатель полкового комитета предложил указать, что именно необходимо поставить на повестку дня. Раздались голоса, что надо обсудить вопрос о вооруженном выступлении. Председатель предложил избрать нового председателя, которым был избран я. Настроение было очень возбужденное, раздавались голоса: «надо выступать». Я указал, что выступать не надо, но не встретил сочувствия. Потом выступил какой-то солдат из 12-й армии и призывал выступать. Собрание было крайне возбуждено. Вопрос был поставлен на голосование, и большинством голосов было решено выступить в 5 час. дня. Я решил закрыть собрание, раздались крики: «Нужно послать связь в другие части» [2]). В окончательном итоге было решено для связи с другими полками выбрать по два человека от каждой роты. Выборы производились поротно. Потом были избраны представители от рот в ревком, для руководства движением. Этот комитет был избран после собрания по предложению т. Семашко, который в полк прибыл только по окончании митинга.

Солдат 9-й роты Ильинский показал [3]), что в числе других ораторов с призывом к немедленному выступлению выступили какие-то неизвест-

---

[1]) Г. Петровский, «Правда», 3 июля 1917 г.

[2]) АОР, Фонд III, инв. № 42, «Предварит. следствие о вооруж. выступлении», т. IX, лл. 108, 109. В дальнейшем при сносках мы не будем полностью писать весь заголовок, а просто будем писать «Июльское дело».

[3]) Там же, л. 110.

ные, заявившие, что они представители федерации анархистов; эти ораторы произносили зажигательные речи, указывая, что выступать надо немедленно; когда их запрашивали о цели выступления, то получили ответ, что «улица укажет цель». Ильинский (большевик) высказался против выступления, но солдаты его не слушали.

Из показаний т. Спеца, представителя батальона 1-го пулеметного полка, расквартированного в Ораниенбауме, мы узнаем, что была отправлена делегация от батальона в ВО большевиков; там им было заявлено, что выступать не следует. Когда делегация с такой директивой ВО вернулась в полк, то нашла в полку большое оживление, автомобили были уже нагружены пулеметами и были отряжены делегаты для связи с другими полками. Директив ВО о невыступлении солдаты не хотели и слушать. «Солдаты потребовали от меня, чтобы я отвез к себе в батальон в Ораниенбаум бумагу с требованием, чтобы батальон присоединился к их выступлению» [1]). Дальше т. Спец рассказывает, что он приехал в Ораниенбаум и доложил о положении в Петрограде, что батальон вторично его послал в ВО, и только ночью, после решения партии о выступлении, батальону была послана телефонограмма о выступлении 4 июля.

В докладе на петроградской конференции большевиков т. Подвойский говорил, что 3 июля в 10 час. утра в ВО стало известно, что пулеметный полк решил выступить:

«До 5 час. в пулеметном полку побывали 23 товарища, командированные Военной организацией для умиротворения полка. За каждой делегацией пулеметчиков в полки мы по пятам посылали своих товарищей, всюду старались ликвидировать начавшееся выступление. Во всех полках, кроме Павловского, наши товарищи имели успех, и к 5 часам выяснилось, что только Павловский полк ненадежен и что даже пулеметчики заколебались... Через 1½ часа после ухода наших товарищей из пулеметного полка мы получили уведомление, что пулеметный полк выступил и идет по направлению к дворцу Кшесинской.

Все усилия ВО оказались тщетными, повидимому, были какие-то другие силы» [2]).

У дворца Кшесинской была сделана еще одна попытка остановить выступление, но безрезультатно. Говоривших против выступления тт. Невского, Свердлова, Кураева, Ильинского, Лашевича и других пулеметчики встретили враждебно.

К 8½ ч. стало известно, что выступили также Гренадерский, Московский и 180-й полки. О выступлении Московского полка старший унтер-офицер Гицель показал следующее: «3 июля вечером, часу в седьмом, к казармам полка стали под'езжать автомобили с пулеметами и с вооруженными винтовками солдатами, которые призывали к немедленному выступлению. Потом состоялся митинг, на котором, однако, никакого решения принято не было, но солдаты все-таки, разобрав винтовки, выстроились на плацу поротно, и полк выступил» [3]).

---

[1]) «Июльское дело», т. III, л. 84.
[2]) «Красная летопись», № 7, 1923 г., стр. 100.
[3]) АОР, «Июльское дело», т. IX, л. 93.

Во всех полках картина почти одинаковая. Сначала появляется автомобиль с пулеметами, в автомобиле, кроме солдат, находятся также штатские люди. В полку начинается митинг. Офицеры большевики и меньшевики агитируют против выступления, но, несмотря на это, полк все-таки выступает. Кроме петроградских полков, 4 июля прибыли еще кронштадтцы, 3-й пехотный запасный полк из Нового Петергофа, 175-й пехотный запасный полк из Красного села, команда форта «Красная горка» и другие части из окрестностей Петрограда. Все эти иногородние части явились в полном порядке, с оркестром музыки, вооруженные и во главе с офицерами.

Выступление Кронштадта рисуется в следующем виде:

3 июля около 2 час. дня в Кронштадт приехала группа анархистов и делегатов 1-го пулеметного полка. Они заявили, что приехали с целью организовать несколько публичных лекций и обещали не бросать в массы никаких конкретных призывов и уверили т. Раскольникова, что они далеки от желания внести дезорганизацию в жизнь красного Кронштадта. Тов. Раскольников позвонил по телефону в Питер и вызвал Каменева, который предупредил, что от прибывших анархистов можно ожидать провокации, что выступил 1-й пулеметный полк, раз'езжают по городу вооруженные автомобили и что партия этот безответственный шаг не поддерживает.

Но приезжие анархисты не думали держать обещание, данное т. Раскольникову. Они самочинно, без ведома местного совета, созвали митинг на Якорной площади. Первым говорил один из вновь приехавших. Истеричным голосом он описывал преследования анархистов Временным правительством. Но центральным моментом его выступления был призыв к выступлению. «Товарищи, — со слезливым под'емом говорил анархист, — сейчас в Петрограде, может быть, уже льется братская кровь. Неужели же вы откажетесь поддержать своих товарищей, неужели вы не выступите на защиту революции?». На впечатлительную, по преимуществу, морскую аудиторию такие речи оказывали сильнейшие впечатление» [1]. Последним выступил лучший, любимый матросами оратор, т. Рошаль, но, когда он стал возражать против наступления, поднялся такой шум и крики «долой», что ему пришлось оставить трибуну, даже не закончив свою речь. Такая же участь постигла и оратора левых эсеров — Брушвита. После него выступил целый ряд ораторов с горячим призывом поехать в Петроград для поддержки своих товарищей, кровь которых, по мнению выступающих, сию минуту проливается на улицах Петрограда.

После них выступил т. Раскольников и в осторожных выражениях старался раз'яснить массе, что под впечатлением горячих речей, не выяснив обстановки, нельзя принимать ответственных решений; даже если и будет необходимость выступить, — это надо сделать организованно. В конце митинга было решено: 1) избрать комиссию, поручить ей выяснение петроградских событий, учет оружия и пловучих средств; 2) обязать комиссию в кратчайший срок телефонограммой сообщить ее

---

[1]) Раскольников, «Прол. рев.» № 5, 1923 г., стр. 55.

решение по частям. В комиссию были избраны Раскольников, Рошаль и еще несколько человек.

По окончании митинга т. Раскольников связался с Петроградом и, вызвав Зиновьева, «информировал его о кронштадтских настроениях и подчеркнул, что вопрос стоит не так: выступать или нет, а в другой плоскости: будет ли выступление проведено под нашим руководством, или оно разыграется без участия нашей партии — стихийно и неорганизованно... Через несколько минут т. Зиновьев ответил, что ЦК решил принять участие в завтрашнем выступлении и превратить его в мирную и организованную вооруженную демонстрацию» [1]).

Ночью, на заседании кронштадтского исполкома, было единогласно решено выступить 4 июля, даже комиссар Временного правительства Парчевский голосовал за выступление. Ночью были сделаны нужные распоряжения, и на утро погрузились на пароходы и отправились в Петроград. В Кронштадте ночью из Биорке и Транзунда были вызваны учебные суда.

Выступление 3 июля не обошлось без жертв. «Когда солдаты 180-го пехотного полка проходили мимо Аничкова моста, а гренадеры подошли к Садовой улице, в направлении от Аничкова моста, раздалась стрельба из пулеметов, — неизвестно откуда, по солдатам-демонстрантам. Поднялась суматоха, части принялись стрелять друг в друга, и лишь присутствие офицеров внесло порядок». (Из докладной записки полкового комитета Гренадерского полка.)

Необходимо отметить, что инициатива выступления исходила от полков, расположенных на более пролетарской Выборгской стороне (1-й пулеметный, Гренадерский, Московский, 180-й пехотный и другие). Здесь безусловно чувствуется революционное влияние рабочих на одетых в солдатский мундир крестьян. О влиянии рабочих на солдат Выборгской стороны пишет и полковой комитет Гренадерского полка; например: «и днем и ночью мимо батальона проходили тысячи рабочих, из которых значительная часть были постоянными и, нужно им отдать справедливость, неутомимыми агитаторами большевиков, благодаря которым около батальона всегда был ряд большевистских летучих митингов». («Июльское дело», т. XII, ч. I.)

Выступление рабочих Путиловского завода произошло при следующих обстоятельствах. 3 июля в 4 часа дня появилось несколько солдат 1-го пулеметного полка, заявивших, что в 5 час. предполагается демонстрация с лозунгами 18 июня. Было собрано общее собрание, где выступили многие ораторы с призывом к выступлению. Когда секретарь завкома Богдатьев (большевик) предложил не выносить скоропалительных решений, а сперва запросить партийные организации, то рабочие запротестовали, послышались крики: «Долой, опять желаете затянуть дело, дальше так жить невозможно». Председатель завкома сходил на конференцию большевиков и, вернувшись, сказал, что партия о предстоящем выступлении не осведомлена. Часам к шести на завод прибыли представители ВЦИК Саакиан, Каплан и другие, они возражали против

---

[1]) Раскольников, «Прол. рев.» № 5, 1923 г., стр. 58.

неорганизованных выступлений, но убедить массу не удалось. Потом на завод прибыла делегация с Выборгской стороны, которая заявила, что рабочие Выборгской стороны уже двинулись к Таврическому дворцу, после чего было решено выступить. Шествие тронулось с завода в 11 час. ночи. В шествии участвовала милиция — человек 150 — 200, вооруженных винтовками, все остальные рабочие, около 30 000, вооружены не были. В пути к ним примкнули рабочие других заводов. К Таврическому дворцу подошли часам к 3 утра, делегация из 10 чел. вошла на заседание ВЦИК; получив ответ от ВЦИК, рабочие разошлись по домам [1]).

Таково было положение 3 июля. Что же делала тогда большевистская партия, какова была позиция ЦК, ПК и ВО? Прежде чем дать на эти вопросы ответ, необходимо сказать несколько слов о деятельности ВО.

«Военная организация направила свои силы на обработку наиболее активных и сознательных представителей солдат в целях приготовления из них уже не рядовых, а более или менее ответственных солдатских руководителей, более глубоко и последовательно вводя их в идеологию большевизма. Обработка их велась по преимуществу путем бесед в тех же казармах, а в особенности в открытом ВО солдатском клубе «Правда» и в районных военных и общепролетарских клубах и через печатное слово. С этой целью была создана газета «Солдатская правда», которая связала организацию уже с далекой фронтовой массой. Тираж этой газеты сразу же определился в 50 000 экз.

ВО разбила Петроград, Москву и другие города с большими гарнизонами на военные районы, в которых были организованы районные комитеты. Работа шла медленно, но чрезвычайно успешно, особенно в Петрограде. В Петрограде появились одна за другой наши ячейки в Павловском полку, Преображенском, Егерском, Измайловском, Петроградском, 180-м запасном, Финляндском, Московском, 1-м пулеметном, Гренадерском. Опираясь на эти ячейки, газета «Солдатская правда» становилась важнейшим революционизирующим солдат фактором на фронте и в тылу... Небольшой кадр работников ВО нес грандиозную работу, руководя всей агитационной и организационной работой в армии, составляя и редактируя для нее «Солдатскую правду», ставя и держа на уровне интересов масс популярное издательство «Солдатская и крестьянская библиотека», систематически ведя лекции в клубах для солдатских масс, проводя агитационные курсы для работников в армии... Посещая петербургскую Военную организацию, приезжие знакомились с содержанием, характером и методами работы среди войск в самом очаге военной работы большевиков» [2]).

Влияние Военной организации среди солдат росло прямо пропорционально росту нажима на солдат со стороны Временного правительства. В ответ на притеснения и насилия, солдатская масса инстинктивно

---

[1]) «Июльское дело», т. XIX, л. 27.

[2]) Н. Подвойский, «Красная летопись», № 6, 1923 г., стр. 71, 73, 74.

искала защиты и не могла ее найти нигде, кроме организации большевиков.

16 июня открылась всероссийская конференция ВО. На конференцию с'ехались делегаты от 43 фронтовых и 17 тыловых организаций. Всего присутствовало 160 делегатов, представлявших около 26 000 организованных в коммунистические ячейки солдат. Представлено было около 500 полков от 30 городов и 4 фронтов.

На конференции выяснилось, что солдатская масса настроена очень революционно, «а часть петербургского гарнизона готова была видеть в конференции же и тот орган, который должен стать во главе восстания, и усиленно агитировала в этом смысле на конференции. Руководители конференции, будучи убежденными в неподготовленности масс к восстанию, усиленно боролись с такими настроениями» [1]). Среди солдатских масс петроградского гарнизона было сильно убеждение в том, что необходим лишь крепкий нажим — и власть мирно перейдет в руки советов.

О таких же настроениях и в Кронштадте свидетельствует т. Флеровский. Он пишет:

«При всех своих революционных достоинствах (энтузиазм, единодушие, революционный темперамент и готовность к бою) кронштадтцы обладали одним серьезным недостатком: они наивно думали, убеждены были в том, что достаточно напора их энтузиазма, чтобы власть советов осуществилась на всей земле российской» [2]).

Факт такого, существовавшего в массах до июльских дней взгляда об'ясняется еще неизжитостью доверчивого отношения масс к мелкобуржуазным партиям в лице меньшевиков и эсеров. Об'ективные условия были таковы, что эти партии могли мирно взять власть, власть тогда еше не была в руках военной контрреволюционной шайки, и эта об'ективная возможность сплелась с надеждой, что соглашатели возьмут власть, если на них нажмут. Массы тогда еще не поняли, что эти партии уже сгнили, что они уже находятся в тесном союзе с буржуазией. Нужен был июльский политический урок, чтобы массы освободились от иллюзий и от веры в добросовестность и революционность партий меньшевиков и эсеров.

Теперь вернемся к выяснению позиции партии и Военной организации 3 июля. Об отрицательном отношении к выступлению мы можем судить из вышеприведенных официальных документов ПК и ВО, подтвержденных ЦК. Об усилиях ВО 3 июля удержать пулеметчиков и другие полки от выступления, мы уже упоминали. Теперь вкратце рассмотрим позицию ЦК и ПК большевиков.

3 июля происходило заседание 2-й общегородской конференции большевиков. На конференции после доклада т. Володарского с сообщением выступил т. Томский, который довел до сведения делегатов о правительственном кризисе и передал директивы ЦК: «Наш ЦК приглашает, — говорил т. Томский, — членов и сочувствующих у д е р-

---

[1]) Н. Подвойский, «Красная летопись», № 6, 1923 г., стр. 77.
[2]) И. Флеровский, «Пролетарская революция», № 7, 1926 г., стр. 58.

жать массу от дальнейших выступлений... выступившие полки поступили не по-товарищески, не пригласив на обсуждение вопроса о выступлении комитет нашей партии, и что потому партия не может брать на себя ответственность за это выступление. ЦК предлагает конференции: 1) выпустить воззвание, чтобы удержать массу; 2) выработать обращение к ЦИК взять власть в свои руки. Говорить сейчас о выступлении без желания новой революции нельзя. Всех «если» настоящего положения мы учесть не можем. Брать почин в свои руки рискованно. Как выльется движение, мы увидим. Мы должны подчиниться решению ЦК, но не нужно бросаться по заводам и тушить пожар, так как пожар зажжен не нами, и за всеми тушить мы не можем. Мы должны выразить наше отношение к событиям и ждать их развития» [1]).

Из этого выступления ясно одно, что ЦК в тот момент не хотел санкционировать стихийно вспыхнувшего движения.

После сообщения т. Томского с сообщениями выступили тт. Женя, Бокий, Скрябин, Вейнберг, Слуцкая. Все выступавшие товарищи сообщили, что настроение на заводах и в воинских частях напряженное, все готовятся к выступлению, чувствуется недовольство Центральным комитетом партии, запретившим выступление. Товарищи говорили, что в Московском полку нашему товарищу не дали говорить, называли его ликвидатором. «Заслушав все доклады из районов, конференция вынесла решение одной части разойтись по районам, а другой —остаться и, подчиняясь решению Центрального комитета, созвать для выяснения отношения к событиям представителей заводов и воинских частей» [2]).

Эти решения конференции были приняты до выступления путиловцев и до получения сообщения из Кронштадта о том, что матросскую массу удержать от выступления невозможно. Около десяти часов вечера во дворце Кшесинской собираются на заседание делегаты общегородской конференции и представители от заводов и воинских частей, и в 11 ч. 40 минут принимается следующая резолюция: «Обсудив происходящие сейчас в Петербурге события, заседание находит: создавшийся кризис власти не будет разрешен в интересах народа, если революционный пролетариат и гарнизон твердо и определенно немедленно не заявит о том, что он за переход власти к С. Р., С. и Кр. Д.

С этой целью рекомендуется немедленное выступление рабочих и солдат на улицу для того, чтобы продемонстрировать выявление своей воли» [3]).

Поздно ночью в Таврическом дворце происходило совещание членов ЦК, ПК, ВО и Междурайонного комитета. Обсуждался вопрос, как отнестись к происходящим событиям. Об этом совещании пишет т. Флеровский, сообщая, что т. Каменев выступал за то, чтобы «избежать повторения демонстрации». «Он (Каменев. *О. Л.*) предлагал ограничить выступление митингами в районах. Предложение это не полу-

[1]) Протоколы 2-й общегородской конференции РСДРП(б) 1—3 июля, стр. 72.

[2]) Там же, стр. 74.

[3]) АОР, «Июльское дело», т. III, л. 63.

чило ни малейшей поддержки... Тов. Троцкий защищал свое предложение — настаивать на том, чтобы массы выходили без оружия» [1]).

В результате прений, когда выяснилось, что удержать массы от выступления — это утопия, и что массы выйдут обязательно вооруженными, тогда партия решила вмешаться в движение с целью «придать ему мирный и организованный характер, не задаваясь целью вооруженного захвата власти» [2]). Таким образом было отменено прежнее решение ЦК о невыступлении, совещание выработало и опубликовало на утро отдельной листовкой следующее воззвание [3]):

«Товарищи рабочие и солдаты Петрограда! После того как контрреволюционная буржуазия явно выступила против революции, пусть Всероссийский совет рабочих, солдатских и крестьянских депутатов возьмет всю власть в свои руки.

Такова воля революционного населения Петрограда, который имеет право довести эту свою волю путем мирной и организованной демонстрации до сведения заседающих сейчас Исполнительных комитетов Всероссийского совета раб., солд. и крестьянских депутатов.

...Вчера революционный гарнизон Петрограда и рабочие выступили, чтобы провозгласить этот лозунг: вся власть совету. Это движение, вспыхнувшее в полках и на заводах, мы зовем превратить в мирное, организованное выявление воли всего рабочего, солдатского и крестьянского Петрограда» [4]).

Итак, стихийно вспыхнувшее, против воли партии, движение было легализовано, и начался второй период июльской демонстрации, но уже при участии и активном руководстве партии. События 3 июля совершенно ясно показали, что для того, чтобы избежать кровопролития, чтобы парализовать провокаторские выходки штаба и попрятавшихся на крышах и чердаках контрреволюционеров, нужно было принять ряд предупредительных мер. С этой целью руководство движением берет в свои руки ВО. При ВО на скорую руку был составлен штаб из 7 отделов, общее руководство перешло в руки товарища Подвойского.

ВО была разослана по всем воинским частям следующая «Инструкция»:

«1. Организовать руководящий комитет для командования батальоном.

2. В каждой роте должны быть руководители.

3. Устроить ротные собрания и на них прочесть наше об'явление.

4. Установить связь с ВО, назначив для этого немедленно двух товарищей к ней.

5. Поддерживать связь с соседними частями.

---

[1]) И. Флеровский, «Пролетарская революция» № 7, 1926 г., стр. 75.

[2]) Сталин, «Красная летопись» № 7, 1923 г., стр. 96.

[3]) Листовка за поздним временем не могла попасть в «Правду». Прежняя заметка о невыступлении вырезывается, и «Правда» 4 июля выходит с белой полосой на первой странице.

[4]) «Пролетарская революция» № 4, 1926 г., стр. 72.

6. Проверять, куда и кто отправляет команды из частей. Командам давать наши инструкции.

7. Быть на-готове и не выходить из казарм без призыва Военной организации» [1]).

Еще днем по инициативе пулеметчиков для усиления гарнизона в Петропавловскую крепость была введена одна рота пулеметчиков. В целях охраны демонстрантов были выставлены броневые машины на мостах между дворцом Кшесинской и Петропавловской крепостью, около Николаевского вокзала, Литейного проспекта, Главного штаба и т. д. В Петропавловскую крепость и арсенал были даны соответствующие директивы. Директивы ВО были посланы также в окрестные гарнизоны: Ораниенбаум, Петергоф, Красное Село и другие. ВО имела живую связь почти со всеми полками гарнизонов Петрограда и окрестностей.

Вечером 3 июля происходило заседание рабочей секции Петроградского совета. На этом заседании выяснилось, что большевики вследствие перевыборов оказались в большинстве, на заседании, вопреки настояниям меньшевиков, была принята предложенная большевиками повестка заседания. По вопросу об отношении к начавшемуся выступлению происходили горячие прения, меньшевики и эсеры, видя, что они в меньшинстве, в количестве 90 — 100 человек покинули заседание. Оставшиеся приняли резолюцию о передаче власти в руки советов, избрали комиссию из 15 человек, которой поручили ввести начавшееся движение в организованное мирное русло.

На выступление рабочих и солдат 3 июля ЦИК реагировал следующим образом. В ночь с 3 на 4 июля на совместном заседании бюро ВЦИК и ИК В. С. Кр. Д. было принято и опубликовано следующее постановление: «...Выступление в защиту расформированных полков есть выступление против наших братьев, проливающих свою кровь на фронте. Напоминаем товарищам солдатам: ни одна воинская часть не имеет права выходить с оружием без призыва главнокомандующего, действующего в полном согласии с нами. Всех, кто нарушит это постановление в тревожные дни, переживаемые Россией, мы об'явим изменниками и врагами революции».

Не дремал и главнокомандующий войсками ген. Половцев, и он к утру 4 июля опубликовал следующий приказ: «Исполняя приказ Временного правительства очистить Петроград от людей с оружием в руках, нарушающих порядок и угрожающих личной и имущественной безопасности граждан, предлагаю жителям столицы не выходить без крайней надобности на улицы, запереть ворота домов и принять меры против возможного проникновения в дома неизвестных лиц. Воинским частям предлагаю приступить немедленно к восстановлению порядка на улицах. Половцев».

Несмотря на эти категорические запрещения, демонстрация 4 июля носила грандиозный характер. В ней участвовало около 500 000 чел. О настроении петроградских рабочих в июльские дни есть масса ценных

[1]) АОР, «Июльское дело», т. III, л. 64.

воспоминаний, всех их использовать не позволяют размеры нашей работы, поэтому в целях иллюстрации ограничимся лишь приведением нескольких отдельных, наиболее характерных моментов.

Тов. Борисов, рабочий Франко-русского завода, пишет: когда началось выступление 3 июля, ему удалось уговорить рабочих не выступить, но 4-го, несмотря ни на какие усилия, удержать рабочих не удалось. Утром 4-го он распустил рабочих по домам до 11 часов и сам пошел домой, но в 10 ч. 30 м., выйдя из дому, он уже застал рабочих самочинно организовавшихся и уже демонстрировавших на Мясной улице. Тогда он с целью задержать демонстрацию на Покровской площади устроил митинг. Несмотря на все эти ухищрения, рабочие все-таки пошли к Таврическому дворцу [1]).

Тов. Лиздин, рабочий Балтийского завода, рассказывает, как несмотря на меньшевистско-эсеровское засилье рабочие решили выступить, и из 5 300 рабочих вышли на улицу 4 300 человек [2]).

Тов. А. Конькова, работница фабрики «Скороход», пишет, что 3 июля удалось ограничиться митингом против Временного правительства, а 4-го массы уже не слушали их и вышли на улицу вопреки агитации большевиков [3]).

Тов. И. Мойсеев пишет, что настроение на заводе Лесснер было очень революционное, и как только рабочие узнали, что выступили пулеметчики, «рабочих больше удержать не удалось, рабочие сами достали 3-4 грузовика, вооружились и поехали по городу» [4]).

Тов. Ю. Кокко — завод «Айваз»: «4 июля на заводе никто за работу не принимался, и все настойчиво требовали выступления». Рабочие забрали имеющееся оружие и выступили [5]).

Тов. Николаев — Трубочный завод: «Несмотря на принятые нами меры и агитацию меньшевиков и эсеров, 3 июля массы удержать не удалось; рабочие, дневная смена, пошли сами с плакатами на улицу, ночная же смена приступила частью к работе. В 4 часа дня кучка рабочих, человек в 20, ворвалась в заводский комитет и силой заставила дежурного члена комитета давать гудок для прекращения работ» [6]).

А. Озолин — Сестрорецкий оружейный завод: 4 июля рабочие, все как один человек, вышли на улицу с лозунгами: «Вся власть советам». Была послана делегация в Петроград с наказом в Совет рабочих и крестьянских депутатов разогнать коалиционное правительство и взять власть в свои руки. «Характерно для Сестрорецка то, что в движении 4-5 июля активное участие принимали все рядовые члены рабочих из местных организаций партий социал-революционеров и меньшевиков» [7]).

---

[1]) Архив Ленинградского истпарта, папка «Воспоминания рабочего о революции 1917 г.».

[2]) Там же.

[3]) «Ленинградская правда» 16 июля 1925 г.

[4]) Там же.

[5]) «Ленинградские рабочие в борьбе за власть советов 1917 г.», стр. 6ъ.

[6]) Там же, стр. 70.

[7]) Там же, стр. 63.

Тов. Коротков — завод «Галерный островок»: «Утром 4 июля рабочие заявили, что они сегодня работать не будут. Ему совместно с т. Пахомовым удается уговорить рабочих приступить к работе, об'ясняя рабочим, что партия большевиков против выступления. Вдруг «в 10 часов влетает несколько рабочих в заводский комитет за знаменами. Говорят, что кронштадтские моряки приехали». «На улицу!».

«Мы тронулись с Покровской площади, за нами «Треугольник». Дошли до Сенной. Тут с колокольни нас стал поливать пулемет. Нам здесь опять попало:

«Зачем пошли без оружия — не знали, что в нас будут стрелять?» Здесь отряд красногвардейцев заставил замолчать пулемет» [1]).

Тов. Свиленко — завод «Русский Рено»: 3 июля в завод пришли пулеметчики и попросили дать грузовиков. Несмотря на протесты коллектива большевиков, грузовики были даны. «Мы считали это выступление преждевременным, удерживали своих, а когда пришли пулеметчики, удержать рабочих стало невозможно. Все, в чем работали, прямо в передниках, от станков, вышли на двор. Состоялось собрание, и сразу все направились ко дворцу Кшесинской» [2]).

Тов. Бурсин — завод «Эриксон»: «Эриксоновцы одни из первых примкнули к восставшим воинским частям, и на другой день, 4 июля было условлено дружно выступить заводской ячейке с пулеметчиками и самокатчиками против Временного правительства» [3]).

Путиловский завод: 4 июля к путиловцам присоединился 2-й пулеметный полк, «несколько пулеметов было установлено на грузовике. Из домов на углу Садовой и Апраксина переулка производилась по демонстрантам стрельба, мы из грузовика отвечали на стрельбу. Стрельба началась после сигнала с колокольни церкви Спаса на Сенной» [4]).

Тов. Ефимов в своих воспоминаниях подтверждает факт обстрела демонстрации на Садовой и пишет, что у Гостиного двора на демонстрантов налетела компания юнкеров и студентов и отняла у рабочих плакат. Рабочие сопротивлялись, получилась давка.

Утром 4 июля по всем заводам и фабрикам, по распоряжению ЦК большевиков было разослано обращение выбрать от каждой тысячи (500—1 000) по одному делегату, с целью явиться в ЦИК и пред'явить требования о взятии власти в свои руки.

На заседании ЦИК явилось 90 представителей от 54 заводов. Для заявления слово дается 4 представителям Петрограда и 1 представителю Петергофского совета. Все эти 5 представителей заявляют, что 1) странно читать воззвание ЦИК, где рабочие и солдаты называются контрреволюционерами, 2) наше требование: власть советам, 3) земля должна перейти немедленно к крестьянам, 4) нужна действительная борьба с локаутчиками, 5) необходимо установить контроль над производством, 6) рабочие считают, пока соглашательская политика будет продолжаться, не может быть успокоения в стране.

---

[1]) «Ленинградские рабочие в борьбе за власть советов 1917 г.», стр. 61.
[2]) Там же, стр. 55.
[3]) Там же, стр. 53.
[4]) АОР, «Июльское дело», т. XIX, л. 27.

После оглашения заявлений, делегация, по предложению председателя ЦИК, покинула заседание.

Эти воспоминания можно продолжить дальше, но мы полагаем, что из приведенных фактов уже можно судить о той накаленной революционной атмосфере, которая существовала среди петроградского пролетариата и войска. Почти все участники говорят о том, что, несмотря на агитацию против выступления и большевиков и соглашателей, рабочие все-таки на улицу вышли. Таким образом является неопровержимо доказанным факт сильного недовольства рабочих политикой Временного правительства и стихийность движения 3 июля.

Необходимо отметить, что рабоче-солдатская масса, накануне июльских дней, горела нетерпением выйти на улицу и продемонстрировать в пользу перехода власти к советам. Партии, которая, учитывая общеполитическое положение в стране, считала такое выступление преждевременным, все время приходилось сдерживать напор масс, вследствие чего в некоторых кругах рабочих и солдат нарождалось недовольство партийным курсом. Эти настроения революционных, но менее выдержанных рабочих и солдат нашли отражения и среди некоторых руководителей. Нашлись члены ПК, которые чисто анархическим путем, минуя официальные партийные учреждения и ВО, мыслили захват власти. Подобные настроения среди ответственных партийных работников были в общем случайны. Но среди рабочих и солдат, особенно беспартийных, мнение, считающее официальный курс партии оппортунистическим», было развито сильнее.

Есть данные, говорящие о том, что целый ряд заводских партийных коллективов, увидя, что массы удержать нельзя, без санкции руководящих органов вышел вместе с массой на улицу.

Однако к характеристике «левых» необходимо отметить, что они были проникнуты верой в легкость взятия власти, им казалось, что стоит лишь с оружием в руках выйти на улицу продемонстрировать, и власть окажется в руках совета.

Как это всегда бывает, крайние «левые» были лишь прекрасными мечтателями, считающими возможным посредством звонких фраз и хлестких резолюций преодолеть все трудности, стоящие на пути революции. Несмотря на некоторую недооценку революционного настроения масс, руководство массами со стороны партии от этого не пострадало, и официальный партийный курс был единственно правильным.

Деятельность штаба Петроградского военного округа в дни 3-4 июля носила явно провокационный характер. В самом Петрограде у Временного правительства сил было мало, но штаб надеялся на вызванные с фронта войска. «ВЦИК прежде всего позаботился уже 3 июля послать телеграмму на фронт в действующую 5-ю армию с просьбой выслать в Петроград дивизию кавалерии, бригаду пехоты и броневики» [1]). В ожидании прибытия свежих войск ген. Половцев хочет создать обстановку «мятежа и анархии», которую он с помощью пришедших войск собирался «усмирить». С этой целью посылались небольшие

[1]) «Пролетарская революция» № 5, 1923 г., стр. 12.

отряды казаков и юнкеров, которые нападали на демонстрантов, отнимали оружие, срывали знамена, рассеивали демонстрации и т. д. Эта политика 4 июля привела к кровавому столкновению казаков с 1-м запасным полком на Литейной улице.

Для характеристики этой провокационной деятельности штаба приведем один эпизод в описании участника событий В. М. Аверина, хорунжего 1-го Донского полка. Он показывает:

«4 числа утром... было приказано разоружать проходящие мимо небольшие группы людей, из кого бы то они ни состояли, а также вооруженные автомобили. Исполняя это приказание, мы время от времени выбегали в пешем строю у дворца (Зимнего дворца) и занимались разоружением, причем нам пришлось разоружать исключительно солдат и рабочих, вооруженных винтовками... В восьмом часу вечера мы получили приказание от ген. Половцева выступить в составе двух сотен при двух скорострельных орудиях к Таврическому дворцу... Дозор шел впереди шагов на сто; так мы проследовали до Марсова поля, разоружая по дороге встречные автомобили и отдельных вооруженных матросов, которых попадалось в общем довольно много... На Марсовом поле мы увидели большую толпу, состоявшую частью из вооруженных, частью невооруженных солдат, матросов и рабочих... я приказал командуемому мною головному отряду разогнать толпу, что и было исполнено, причем многие из толпы побросали винтовки... Так мы дошли до Литейного моста, на котором я увидел вооруженных рабочих, солдат и матросов, запрудивших мост. Со своим головным отрядом я под'ехал к ним и попросил их отдать оружие, но просьба моя исполнена не была, и вся эта банда бросилась бежать по мосту на Выборгскую сторону. Не успел я последовать за ними, как какой-то небольшого роста солдат без погон повернулся лицом ко мне и выстрелил в меня, но промахнулся. Этот выстрел послужил как бы сигналом, и отовсюду по нас был открыт беспорядочный ружейный огонь» [1]). Со стороны толпы раздались крики: «Казаки по нас стреляют». В действительности так и было, казаки слезли с лошадей и начали стрелять, были даже попытки открыть огонь из орудий, но солдаты открыли такой ураганный огонь, что казаки принуждены были отступить и рассеялись по городу.

Газета «Известия» немного иначе передает этот инцидент. Там определенно говорится, что казаки, не доезжая Литейного моста, были обстреляны пулеметным огнем из одного каменного дома. Потом казаки «выстроились и бросились на Литейный проспект с шашками наголо с целью разогнать толпу» [2]). В этой же статье «Известий» говорится о том, что казаки дали три залпа из орудий. О стрельбе из орудий пишет в своих воспоминаниях также т. Метелев, он подтверждает сообщение «Известий» о том, что по казакам стреляли из какого-то дома, и указывает, что потом, когда солдаты обыскали этот дом, в квартире генерала нашли два пулемета с патронами и запасы огнестрельного оружия.

---

[1]) АОР, «Июльское дело», т. V, л. 22.

[2]) «Известия», 7 июля 1917 г.

Днем 4 июля провокаторски были обстреляны прибывшие и мирно демонстрировавшие в количестве около 10 000 человек кронштадтские матросы. В газете «Известия» от 7 июля меньшевик Канторович поместил статью, в которой обстрел рабочей демонстрации описывает следующими словами: «На Садовой улице шла 60-тысячная толпа рабочих многих заводов. Во время того как они проходили мимо церкви, раздался звон с колокольни, и как бы по сигналу с крыши домов началась стрельба оружейная и пулеметная. Когда толпа рабочих бросилась на другую сторону улицы, то с крыш противоположной стороны также раздались выстрелы».

О провокационной стрельбе по демонстрантам и по войскам с чердаков и крыш домов пишут также газеты «Новая жизнь», «Рабочая газета» и другие. Таким образом факт обстрела демонстрации можно считать установленным. Возникает только вопрос, в чьих интересах и кто стрелял?

Что штаб действовал провокаторски, в этом не может быть ни малейшего сомнения. Мы уже видели деятельность казачьего отряда, которую иначе как провокаторской назвать нельзя; ибо послать две сотни казаков с двумя орудиями разогнать и обезоружить вооруженные войска, это чистейшая провокация, на деле приведшая к кровавым результатам. На чердаках и крышах с пулеметами действовали не кто иные, как члены многочисленных контрреволюционных офицерских организаций, которые усиленно организовались, были хорошо вооружены и готовились произвести государственный переворот с целью установления военной диктатуры.

При обнаружении и при обысках домов, из которых стреляли, находили виновных только в лице офицеров, генералов и студентов. Вот эти контрреволюционные круги, начав провокаторский обстрел демонстрации, а также прибывающих частей с фронта, хотели создать в столице хаос, сумятицу, еще больше подлить масла в уже и так ярко горевший костер, хотели вызвать кровавую бойню и с помощью вызванных с фронта войск потопить в крови революционных рабочих и солдат. Малейшая невыдержанность и оплошность со стороны руководителей демонстрации могла иметь роковые последствия.

По нашему убеждению, тактика ВО в июльские дни была правильна. Демонстрация двух полков пулеметчиков с запасом патронов, в полном боевом порядке, занятие Петропавловской крепости и выставление броневых машин в некоторых стратегических пунктах, выступление вооруженных кронштадтцев имели положительное значение с двух сторон: с одной стороны, для того, чтобы показать массам, что путем демонстрации, хотя бы и вооруженной, власть получить нельзя; необходимо было вооруженную демонстрацию довести до крайнего предела; с другой стороны, для того, чтобы отбить охоту на погромы и нападения отдельных контрреволюционных групп и казаков, нужно было им показать нашу силу, с которой шутить нельзя и открытый конфликт с которой может кончиться очень печально для тех, кто начал нападение (случай с казаками). Именно потому, что ВО приняла ряд мер, контрреволюционным генералам не удалось окончательно раз-

громить большевиков, которые из архи-трудного положения вышли с сравнительно небольшими потерями.

4 июля совещание активных работников партии большевиков решает демонстрацию считать законченной, солдатам рекомендуется вернуться в свои казармы, а кронштадтцев временно, на всякий случай, оставить в Петрограде. Кронштадтцев размещают в доме Кшесинской, в Петропавловской крепости, в Морском корпусе и в Дерябинских казармах.

Ночью с 4 на 5 были разгромлены газета «Правда» и типография «Труд». Утром 5 июля по городу раз'езжали казачьи патрули и арестовывали отдельных рабочих и матросов; по городу циркулировали тревожные слухи о готовящемся нападении на большевиков. В рабочих кварталах настроение тревожное, фабрики и заводы не работают. На Выборгской стороне рабочие готовятся к обороне района от нападений казаков. Газета «Новая жизнь» 7 июля писала, что прибывшие с фронта войска были так зверски настроены, что рвались броситься на заводы и фабрики с целью расправиться с бунтовщиками.

В целях самообороны были приняты меры по укреплению дворца Кшесинской, комендантом дворца был назначен т. Раскольников, который при осмотре дома нашел средства обороны недостаточными и послал требования о присылке орудий в Морской полигон и в Кронштадт. Днем 5 июля ВО готовилась в случае нападения на партию дать вооруженный отпор, с этой же целью т. Раскольников послал бумажку в Гельсингфорс о присылке в устье Невы небольшого военного корабля.

Этот свой шаг т. Раскольников об'ясняет следующим образом: «Конечно, с моей стороны были сделаны военные приготовления, но только на случай самообороны, так как в воздухе пахло не только порохом, но и погромами...

...Я, полагаю не без основания, считал, что достаточно ввести в устье Невы один хороший корабль, чтобы решимость Временного правительства значительно пала. Конечно, в боевом отношении это было ничто, но здесь шла игра на психологию» [1]).

К вечеру ЦК издал постановление, об'являвшее демонстрацию законченной и призывавшее всех участников к ее прекращению. Пришлось отказаться от активной самообороны и отправить кронштадтцев домой. Тов. Раскольников пишет, что это вызвало среди кронштадтцев большое недоумение: «Как это можно вернуться в Кронштадт, не утвердив в Петрограде советскую власть?» В конце концов кронштадтцы согласились вернуться обратно в Кронштадт при условии освобождения арестованных товарищей и при оружии.

Днем 5 июля на совещании во дворце Кшесинской, состоявшемся при участии присланных ВЦИК членов президиума во главе с Либером и членов ЦК партии большевиков и ВО, произошло соглашение: ВЦИК и правительство обязались: 1) не допускать каких бы то ни было погромов и репрессий в отношении партии большевиков, 2) выпустить всех арестованных, за исключением совершивших уголовное деяние.

---

[1]) «Пролетарская революция» № 5, 1923 г., стр. 78.

ЦК партии большевиков в свою очередь обязался: 1) увести матросов в Кронштадт, 2) снять роту пулеметчиков, поставленную для усиления гарнизона в Петропавловской крепости, 3) снять с постов броневики и караулы. Мосты, разведенные штабом еще 3 июля, немедленно свести вновь [1]).

Но к вечеру, в связи с прибытием войск с фронта, положение изменилось. Делегация кронштадтцев по нескольку раз подряд вызывалась в Военную комиссию ЦИК, которая каждый раз увеличивала требования и, наконец, пред'явила ультиматум: дать немедленное согласие на разоружение кронштадтцев. Делегация ультиматума не приняла и уехала. «Быстро менявшиеся решения, — говорит т. Раскольников, — производили такое впечатление, словно приговоры выносились под диктовку каких-то закулисных комбинаций». Позднее Либер писал об этом эпизоде, что действительно они имели связь с штабом, и ультиматум они пред'явили после того, как узнали, «что через несколько часов дом Кшесинской будет окружен войсками, и, не считая себя вправе их об этом предупредить, так как у нас были опасения, что и это может привести к кровавым столкновениям, мы заявили им, что всякие дальнейшие переговоры мы считаем невозможными» [2]).

Когда днем 5 июля ВО принимала целый ряд военных мероприятий, тогда, наверное, кроме соображений самозащиты и самообороны, были еще и другие соображения. Мы склонны полагать, что ВО тогда в полной мере не уяснила себе изменившуюся политическую ситуацию, она, вероятно, полагала, что удастся сохранить существовавшее до 3 июля соотношение сил [3]).

Вероятно поэтому и не были приняты меры для спасения партийных архивов и других документов ВО, которые потом, после занятия самокатчиками дома Кшесинской, частью были уничтожены, частью попали в руки контрразведки и были использованы в качестве обвинительного материала против Военной организации. Скорейшему изживанию доиюльских иллюзий мешало то обстоятельство, что днем 5 июля Половцев и соглашатели из ЦИК держали себя по отношению к большевикам довольно прилично. Половцев, например, делегации от ВО говорил, что разгром «Правды» был произведен без его ведома и что против ВО он не примет никаких репрессивных мер. Ясно, что Половцев только лукавил, намерения у него уже тогда были совершенно определенные, об этом говорит следующая записка министра председателя Львова:

«Ген. Половцеву, 4 июля. Предлагаю вам от Временного правительства в развитие данного вам поручения об очистке Петрограда от вооруженных людей, нарушающих тишину и порядок, и отобрании от них оружия и пулеметов, сегодня же отобрать пулеметы у пулеметного полка, арестовать всех виновных в пользовании пулеметами и участвовавших в нарушении порядка на улицах Петрограда. Вместе с тем по-

---

[1]) «Красная летопись» № 6, 1923 г., стр. 81.

[2]) АОР, «Июльское дело», т. XII, ч. 1, л. 121.

[3]) Редакция считает, что характеристика позиции ВО недостаточно обоснована. *Ред*

ручается вам арестовать, как участников беспорядков, большевиков, занимающих дом Кшесинской, очистить его и занять войсками. Министр-председатель» [1]).

Таким образом провокационная деятельность штаба — подготовка к разгрому дворца Кшесинской и разоружение революционных полков — по распоряжению Временного правительства начата была уже 4 июля. К выполнению этих директив Половцев не приступил лишь потому, что до прихода войск с фронта у него не было достаточного количества войск, поэтому он в дни 3—5 июля ограничился лишь партизанским выступлением, генеральный план наступления откладывался до момента прихода с фронта вызванных войск.

С прибытием фронтовых частей начинается полоса контрреволюции. Разгромлены редакция «Правды», типография «Труд». 6-го утром самокатчики занимают дворец Кшесинской и Петропавловскую крепость. Несмотря на заключенное соглашение, а так же и на то, что по директивам Военной организации ни дворец Кшесинской, ни Петропавловская крепость никакого сопротивления не оказали, все же кронштадтцы были разоружены. 6 июля Врем. правительством был издан приказ об аресте тт. Ленина, Зиновьева и Каменева. Происходит разгром партийных помещений не только большевиков, но и меньшевиков. 6 июля происходит позорная сцена разоружения пулеметчиков. На Невском требуют ареста не только Ленина и Зиновьева, но и Чернова и Церетели. 12 июля восстанавливается смертная казнь на фронте. В связи с поражением на фронте и с наступающей реакцией лидеры меньшевиков и эсеров совершенно растерялись и вручили власть авантюристу Керенскому, об'явив эту власть «правительством спасения революции».

---

[1]) АОР, дело № 42 канцелярии Временного правительства.

Глава третья

МЕНЬШЕВИКИ И ЭСЕРЫ В ИЮЛЬСКИЕ ДНИ

Несмотря на очевидный распад коалиции и на рост влияния крайних полюсов — большевиков и кадетов — вожди советского большинства как будто ничего не замечали. Недовольство рабочих и солдат об'яснили результатом зловредной агитации большевиков. Мы уже писали, как бесновался Церетели после отмененной 10 июня демонстрации, он угрожал рабочим и требовал их разоружения.

Антиправительственной демонстрацией 18 июня крах политики соглашения был доказан с неопровержимой очевидностью. Но не видели и не поняли или не хотели понять этого только вожди мелкобуржуазных партий — меньшевики и эсеры. «Известия» от 18 июня писали: «...она (демонстрация 18 июня. *О. Л.*) показала, что на очень многих знаменах и плакатах были написаны лозунги, выставленные ленинцами. Значит ли, что за этими лозунгами, вразрез с громадным большинством революционной России, идет большинство рабочих и солдат Петрограда? Мы думаем, что жестоко ошибся бы тот, кто стал бы это утверждать». Приведенная цитата подтверждает, что грандиозная демонстрация 18 июня, очень ярко выразившая антикоалиционные настроения масс, на психологию вождей мелкобуржуазных партий не подействовала, и они продолжали считать себя единственными представителями рабочих и солдатских масс.

Каково было отношение меньшевиков и эсеров к демонстрации 3—5 июля? Для выяснения этого вопроса мы рассмотрим деятельность ВЦИК советов рабочих и солдатских депутатов и ИК крестьянских депутатов. Вышеуказанные партии в этих учреждениях были в большинстве и определяли политику советов.

Около 4 часов дня 3 июля на заседании ВЦИК во время обсуждения доклада Церетели о распределении министерских портфелей, в связи с уходом к.-д., было получено сообщение, что 1-й пулеметный полк выступил. По словам Суханова, заседание мгновенно переменило весь свой облик. От чинности, приподнятости и живого интереса депутатов не осталось и следа, «на физиономиях большинства были скорее гнев, досада и скука», ибо это выступление помешало руководителям совета заниматься привычными для них политиканством и всякими министерскими комбинациями. Заседание скоро окончилось опубликованием воззвания к населению, в котором строго воспрещались всякие выступления, а неповиновавшиеся об'являлись изменниками и врагами революции.

Об'единенное заседание ВЦИК СР и СД и ИК ВС Кр. Д. открывается в 11 ч. 40 м. вечера.

По предложению Дана выносится постановление, что на собрании остаются лишь те, кто согласен подчиниться постановлениям собрания. После того из собрания удалились межрайонцы; вождей большевиков на этом собрании совсем не было. На заседании Дан произнес речь, в которой он квалифицировал выступление солдат и рабочих как контрреволюцию. Там же выступили представители от 1-го пулеметного полка и от рабочих Путиловского завода, которые заявили, что они не разойдутся, пока десять министров-капиталистов не будут арестованы и совет не возьмет власть в свои руки. В результате прений собрание принимает всеми голосами против 11 резолюцию, которая говорит, что выступление является предательством, ударом в спину революционной армии, и требует раз навсегда прекращения подобных позорящих революционный Петроград выступлений. Заседание закрывается в 5 ч. утра 4 июля.

Как только соглашательские лидеры совета — меньшевики и эсеры — увидели, что солдаты и рабочие Петрограда выступили на улицу с лозунгами за власть советов, то первой их мыслью было стянуть к Таврическому дворцу войска. В номере 18-м журнала «Красный архив» напечатаны документы, рисующие деятельность вождей советского большинства в дни 3-4 июля. Из этих документов видно, что с надлежащими подписями были посланы требования в нижеследующие войсковые части: за подписью члена Бюро Исполнительного комитета Сомова — в Михайловский манеж запасного автомобильного дивизиона о присылке двух броневых машин в распоряжение коменданта Таврического дворца; за подписью члена Бюро Исполкома Бройдо была послана бумага полковнику Трестеру в автомобильную школу с просьбой немедленно мобилизовать все машины и выслать в Таврический дворец; за подписью Н. Чхеидзе было послано требование броневому отделу 1-й запасной автомобильной роты выслать 4 броневые машины; без адреса и подписей — копия требования от ЦИК выслать броневые машины в Государственную думу; за подписью Чхеидзе — требование в орудийный завод выслать 3-дюймовое орудие со снарядами. Есть предписания за подписями Чхеидзе, Скалова, Бройдо, Сомова и других в полки: Преображенский, Волынский, Измайловский, Семеновский, 2-й пулеметный, в гвардейский флотский экипаж и ораниенбаумскую стрелковую школу, с требованием присылки вооруженных отрядов для защиты Таврического дворца от демонстрантов [1]).

Как известно, эти призывы, за небольшим исключением, успеха не имели. Настроение войск в дни 3-4 июля, до момента опубликования грязной клеветы на т. Ленина, Войтинский обрисовал следующими словами: «Мы разослали комиссаров по всем полкам с просьбой дать нам солдат для несения караула, чтобы охранять от нападения со стороны манифестантов и дать возможность спокойно вести заседание.

---

[1]) «Красный архив», т. XVIII, стр. 16, 17, 18.

Но каждый полк озирался на другой полк, как тот поступит. Первая часть, которая смело пришла к нам, был броневой дивизион» [1]).

«Мы вызвали их, — продолжает Войтинский, — не демонстрировать броневики, а как боевую силу. У нас было твердое решение в случае насилия со стороны вооруженной банды — открыть огонь. К вечеру к нам стали приходить вести от фронтовых армий. Они предлагали нам свою помощь. Мы колебались их вызвать, боясь рисковать ослаблением фронта, но, видя всю опасность, грозящую революции, мы дали приказ (подчеркнуто мною. *О. Л.*) некоторым частям грузиться и направляться сюда [2]).

В этот же день 3 июля в Гельсингфорс был послан знаменитый приказ о потоплении революционных кораблей. Все эти действия военных властей были согласованы с представителями ЦИК Авксентьевым и Гоцем, и на заседании 5 июля пленум ЦИК полностью их одобрил. «Собрание признает, что меры, принятые в эти дни Временным правительством и военной комиссией, выделенной бюро обоих Исполнительных комитетов, соответствовали интересам революции».

Для подавления «мятежа» и водворения порядка, для руководства при разоружении революционных полков и отобрания оружия у рабочих, постановлением Временного правительства от 6 июля при главнокомандующем Петроградским военным округом была создана комиссия [3]) в составе Авксентьева и Гоца от ЦИК, Скобелева и Чернова от Временного правительства и есаула А. И. Аникиева от Совета союза казачьих войск.

Таким образом за деятельность войск, за разгром «Правды», за разгром типографии «Труд» и дома Кшесинской, за разоружение кронштадтцев, пулеметчиков, гренадер, Петропавловской крепости и другие бесчинства полную, в 100%, ответственность несут меньшевики и эсеры. Больше того, они не только одобряли, но и непосредственно руководили всеми этими действиями, и таким образом контрреволюция так умело повела дело и так околпачила соглашателей, что они собственными руками, на радость буржуазии, душили революцию.

Злорадству взбесившихся мелких буржуа после прекращения демонстрации не было конца. В соглашательских газетах писались прямо погромные статьи. В официальных партийных прокламациях смешивали большевиков и революционных рабочих с провокаторами, контрреволюционерами и германскими шпионами. Демонстрация 3-4 июля перед зданием заседаний ЦИК изображалась как вооруженное нападение контрреволюционных банд на революционную демократию.

Для иллюстрации вышесказанного приведем несколько отрывков из произведений меньшевиков и эсеров в июльские и послеиюльские дни.

В прокламации от ЦИК советов Р. и С. Д. и ИК совета крестьянских депутатов говорится: «...Вооруженные толпы взбунтовавшихся солдат

---

[1]) «Известия» № 11, 1917 г.

[2]) «Пролетарская революция» № 5, 1926 г., стр. 43.

[3]) Комиссия работала уже с 3 июля, но так как в дни 3—5 июля официальных заседаний правительства не было, то юридическое оформление ее произошло 6 июля.

вместе с тайными черносотенцами и изменниками в течение нескольких дней расстреливали безоружных мужчин, женщин и детей. Они оскорбляли министров-социалистов, производили вооруженное нападение на заседание совета рабочих, солдатских и крестьянских депутатов и силой оружия пытались навязать свою волю избранным вами представителям».

В центральном органе партии меньшевиков, «Рабочей газете», 4 июля была помещена погромная статья против партии пролетариата—большевиков. Нежелание солдат на фронте из-за интересов империалистов проливать свою кровь названная газета шельмует следующими словами: «преступные личности, всякие проходимцы, освобожденные уголовные, бывшие городовые и жандармы, немецкие шпионы» и т. д.

«...Эта преступная банда прикрывается «Правдой» и «Солдатской правдой», которые тоже изо дня в день натравливают солдат против правительства и советов, против социалистических партий, против всех выборных органов демократии. Опираясь на «Правду», новоявленные «большевики» из агентов контрреволюции делают свое темное предательское дело».

На следующий день после разгрома «Правды», помещений ПК и ВО, после разоружения кронштадтцев и убийства т. Воинова, распространявшего «Листок Правды», «Известия» от 7 июля торжественно писали: «Казалось, уже приблизился страшный роковой час, когда русская революция, такая победная, такая мощная, вот-вот захлестнется мутными волнами анархии, и под ее развалинами будет злорадно справлять свою кровавую тризну притаившаяся реакция... Вместо гибели революции мы теперь являемся свидетелями ее нового торжества... Опасность миновала. Революция спасена, но она была на краю гибели».

Итак, начало полосы контрреволюции, разгрома рабочих газет и организаций, убийств, избиения и арестов революционных рабочих и солдат соглашательские «Известия» провозгласили как победу революции. А демонстрацию рабочих и солдат за власть советов квалифицировали как контрреволюцию, направленную против этих же советов. Таким образом уже июльские дни показали, что меньшевики и эсеры говорят на разных языках с рабочими и что на фронте борьбы труда с капиталом они стоят вместе с капиталистами против рабочих.

Кроме такой, чисто откровенной контрреволюционной работы, соглашатели вели также и другую, скрытую работу по обработке общественного мнения в пользу контрреволюции. Известно, какое сильное впечатление произвело на политически малоразвитую часть солдатской массы состряпанное Временным правительством в штабе и опубликованное Алексинским и Панкратовым известное гнусное, клеветническое обвинение партии большевиков и т. Ленина в шпионаже.

Один из инициаторов этого гнусного обвинения, Бессарабов, об'ясняет, чем было вызвано опубликование этого «документа». Он говорит, что, когда выяснилось, что у Временного правительства нет в Петрограде вооруженной силы, и для того, чтобы создать в полках психологический перелом, решили опубликовать известный документ.

«Представителям Преображенского полка, ближайшего к штабу, была сообщена сущность документов; присутствующие убедились, какое потрясающее впечатление произвело это сообщение. С этого момента стало ясно, каким могучим орудием располагает правительство... Тогда были поставлены в известность некоторые члены Временного правительства, в том числе министр юстиции П. Н. Переверзев, об инициативе частных лиц. Министр юстиции, после переговоров со своими товарищами по кабинету, заявил, что официального сообщения сделано быть не может, но со стороны присутствующих членов Временного правительства не будет чиниться препятствий частной инициативе... Не находя свои имена достаточно авторитетными, составители этого протокола сообщили эти данные... народовольцу-шлиссельбуржцу В. С. Панкратову... Эти общественные деятели немедленно согласились с нашим мнением и предложили свои имена... При содействии одного из членов кабинета сообщение было сдано в бюро печати при Временном правительстве» [1]).

Далее, в том же документе Бессарабов собщает, что шли разговоры между членами Временного правительства об аресте большевиков и об обысках в доме Кшесинской и что за обыски и аресты высказался министр земледелия Чернов.

Тов. Шляпников в статье «Июльские дни в Петрограде», помещенной в номере 4-м журнала «Пролетарская революция» за 1926 г., приводит телеграмму, посланную в дни 4-5 июля Керенским с фронта; в этой телеграмме Керенский требует «прекращения всех дальнейших выступлений и военных мятежей вооруженной силой... Необходимо ускорить опубликование сведений, имеющихся в руках. Керенский». К сожалению, т. Шляпников не указывает даты посылки телеграммы, и таким образом невозможно установить, послана ли телеграмма 4 или 5 июля. Если телеграмма послана 4-го, тогда инициатива опубликования «документа» принадлежит Керенскому, а если 5-го, то — Переверзеву. Но это существенного значения не имеет, так как оба они числились в рядах партии эсеров.

В результате ночной совместной «работы» «социалистов» с сотрудниками Щегловитова и с царскими генералами на утро 5 июля в маленькой желтой газете «Живое слово» появился весьма странный документ, в котором было напечатано: «...Офицеры германского генерального штаба Шидицкий и Люберс ему (Ермоленко) сообщили, что агитацию в пользу скорейшего заключения мира в России ведут агенты германского штаба Скоропись-Иолтуховский и Ленин. Ленину германским штабом поручено стремиться всеми силами к подорванию престижа Врем. правительства в народе. Деньги на агитацию получаются через Свентсона, служащего в Стокгольме при германском посольстве. Деньги и инструкции пересылаются через доверенных лиц. Согласно только что поступившим сведениям, таковыми доверенными лицами являются в Стокгольме большевик Яков Фюрстенберг, известный более под фамилий Ганецкого, и Парвус, доктор Гольбер, присяжный пове-

[1]) «Пролетарская революция» № 5, 1926 г., стр. 26.

ренный Козловский. Козловский является главным получателем немецких денег, переводимых из Берлина через Гезельман на Стокгольм «Виа-Бага», а оттуда на Сибирский банк в Петрограде. Военной цензурой установлен непрерывный обмен телеграммами политического и денежного характера между германскими агентами и большевистскими лидерами» [1]).

Нелепость и чудовищность этого «документа» была так очевидна, что даже министры Некрасов и Терещенко протестовали против его опубликования, вследствие чего министр Переверзев принужден был подать в отставку. Итак, даже некоторые буржуазные министры оказались честнее эсеров, которые непосредственно участвовали в составлении «документа», и меньшевиков, которые, хотя и не верили (заявление Дана и Либера) этому документу, но ради спасения коалиции и дискредитации зловредных большевиков не принимали (за исключением Чхеидзе, который просил редакцию газет не печатать «документа») никаких мер против распространения этой чудовищной клеветы.

Можно считать документально установленным участие в этом чудовищном деле клеветы на партию большевиков следующих членов партии эсеров: Керенского, Переверзева, Чернова, Лебедева, Гоца и Авксентьева. Меньшевики в этом деле играли более пассивную роль.

С уходом кадетов из Временного правительства в дни 3-4 июля власть фактически находилась в руках меньшевиков и эсеров, нужно было это положение только оформить. Но они решительно отказались это сделать, выдумывая всяческие аргументы и доказывая, что с уходом кадетов и с открытым возмущением народных масс ничего не изменилось, что коалиция неизбежна и необходима, что вместо кадетов нужно найти такую фракцию буржуазии, которая стоит на одной платформе с ними.

Коалицию особенно настойчиво защищал Церетели. Он говорил: «Коалиция — это союз спасения... Не может быть, чтобы цензовые элементы все целиком отошли в сторону и заняли ту безответственную позицию, которая равносильна отказу от родины... Во имя демократической революции, во имя буржуазной республики, которую должна была совершить буржуазия, которая главную тяжесть этой борьбы свалила на плечи трудящихся, во имя этого нецензовая демократия призывает эти цензовые имущие элементы теперь, в этот критический момент бороться не на словах, а на деле за осуществление демократической программы... об'единение сил всей революции не во имя угождения тому или другому классу, не во имя каких-либо корыстных интересов, а во имя общих интересов, во имя спасения всей страны» [2]).

В этих словах Церетели, по его мнению, правильно изображающих принципиальную линию «марксистов», начиная с Плеханова и кончая «левыми» Мартовым и Сухановым, нет ни грана марксизма. Полнейшее

---

[1]) Цитировано по «Красной летописи» № 6, 1923 г.
[2]) Церетели, Речи, стр. 159, 178, 179.

забвение классовой борьбы, классовой природы государства, желание в эпоху революции, когда классовая борьба особенно остра, всех примирить, всех осчастливить. Полнейшее непонимание диалектики истории, применение к революции готовой схемы и так далее, — все это характеризует меньшевиков как типичных представителей мещанства.

Маркс, характеризуя позицию мелкой буржуазии в 1848 году во Франции, писал, что мелкая буржуазия ничего так страстно не желает, как того, чтобы классовая борьба разразилась в облаках. Церетели, а с ним и все остальные меньшевики, включая и интернационалистов из газеты «Новая жизнь», считали, что Февральским переворотом революция закончена, что эта революция — буржуазная и из этих рамок выходить она не имеет права, частная собственность должна оставаться неприкосновенной. Россия, прежде чем перейти к революции социалистической, должна еще пережить эру буржуазного государства.

О мелкобуржуазных социалистах в эпоху французской революции 1848 года Маркс писал: «Так как этот класс мечтает о мирном проведении своего социализма, не ставя в счет какую-нибудь краткую вторую февральскую революцию, то, естественно, что грядущий исторический процесс представляется ему приложением систем. Таким образом здесь вырабатываются эклектики или адепты существующих социалистических систем, доктринерского социализма, который был теоретическим выражением пролетариата, пока последний еще не доразвился до самостоятельного исторического движения... И вот, в то время как этот социализм отступает от пролетариата к мелкой буржуазии... в это время пролетариат все решительнее группируется вокруг революционного социализма, вокруг коммунизма... Этот социализм есть провозглашение непрерывной революции, провозглашение классовой диктатуры пролетариата» [1]).

Сказанное Марксом о мелкобуржуазном социализме во Франции полностью относится и к революции 1917 года в России. Как во Франции, так же и в России меньшевики представляли не передовые, а отсталые слои пролетариата и мелкую буржуазию. В области теории они защищали идеологию недоразвитого пролетариата и мелкой буржуазии. На практике они мечтали не только о приложении системы, а активно боролись против пролетариата и помогали буржуазии «систему» применить на деле.

Колебания и трусость мелкой буржуазии в эпоху пролетарской революции неизбежны, в революции 1917 года эти колебания проявились особенно ярко: 10 июня она шарахнулась в сторону буржуазии, 18 июня отступила и сделала шаг в сторону пролетариата, в дни 3—5 июля она опять бросилась в об'ятия буржуазии. «Она постоянно колеблется между жаждой подняться до положения зажиточного класса и страхом быть сброшенной в ряды пролетариев» (Ф. Энгельс).

---

[1]) К. Маркс и Ф. Энгельс, Собр. соч., т. III, стр. 109, изд. 1921 г.

Связавшись с буржуазией, она не видит никакого другого выхода, как поддержать буржуазию решительно по всем важнейшим вопросам революции. По вопросу о войне и взятии власти советами Дан говорил: «У нас нет чудодейственного средства окончить войну... Для нас в данный момент война неизбежна в той или иной комбинации, — мы не можем, не в силах заключить мир. Дав такое обещание, мы обманули бы страну. Раз война продолжается, то мы не можем обещать чудодейственных рецептов и в области экономической жизни: мы немногим больше можем дать, чем то, что в этой области уже дано коалиционным правительством... если штыки, стоящие вокруг нас, привели к взгляду, что пришел час, когда Совету раб. и солд. депутатов пора брать власть в свои руки, то мы, ответственные представители, власти этой взять не можем и ответственность с себя снимаем» [1]).

Вожди советского большинства, меньшевики и эсеры, считали, что разрыв с англо-французским империализмом недопустим, что разрыв есть измена и предательство. После июльских дней, под давлением империалистов, они от имени Временного правительства издали закон, в котором говорится, что агитация против наступления на фронте карается как государственная измена. По вопросам о власти, о земле, о контроле над производством — по всем этим вопросам они были против кардинального, в интересах трудящихся, решения этих вопросов; они хотели все эти вопросы решить по соглашению с буржуазией и помещиками. «Партии эсеров и меньшевиков могли бы дать России немало реформ по соглашению с буржуазией. Но об'ективное положение в мировой политике революционно, из него реформами не выйдешь» [2]).

Вожди мелкобуржуазных партий, меньшевики и эсеры, в июльские дни окончательно и бесповоротно перешли в лагерь буржуазии. Меньшевики-интернационалисты продолжали колебаться, Мартов на заседании ЦИК 4 июля требовал передачи власти Советам, немного позднее на петроградской конференции меньшевиков (в одной семье с Даном и Церетели) он уже примирился с коалицией, но только с теми буржуазными группами, которые готовы проводить программу советов (?). Новожизненцы считали выступление рабочих и солдат возмутительным легкомыслием. Суханов считал разоружение солдат и разгром большевиков вполне справедливыми; он требовал явки Ленина и Зиновьева на суд и т. д. Единственно левые эсеры в июльские дни порвали с политикой эсеровского ЦК и приблизились к большевикам, хотя организационно остались еще в рядах партии эсеров. Распад партии эсеров начинается после июльских дней. «Как только пролетариат был удален со сцены и буржуазная диктатура получила официальное признание, промежуточные слои буржуазного общества, мелкая буржуазия и крестьянство, стали все более примыкать к пролетариату по мере того, как их положение становилось все невыносимее и противо-

---

[1]) «Пролетарская революция № 5, 1926 г., стр. 14

[2]) Н. Ленин, Собр. соч., т. XIV, ч. 1, стр. 295.

положность их интересов с интересами буржуазии все более обострялась» [1]).

Эти слова Маркса, сказанные по поводу французской революции 1848 года, можно отнести и к русской революции 1917 года лишь с добавлением, что у нас на сторону пролетариата после июльских дней стали переходить не мелкобуржуазные слои вообще, а главным образом те группы, которые отражали интересы бедняцких и середняцких слоев деревни.

---

[1]) К. Маркс и Ф. Энгельс, Собр. соч., т. III, стр. 51.

Глава четвертая

ИЮЛЬ В ПРОВИНЦИИ

Мы уже видели, что не только столица, но и вся провинция к концу июня была охвачена стихийными бунтами. Недовольство масс политикой коалиционного правительства было сильно во всей стране. Одновременно с демонстрацией в Петрограде произошли «беспорядки» в Нижнем-Новгороде, Иваново-Вознесенске, Киеве, Астрахани и др. городах, только там движение, за исключением Иваново-Вознесенска, в котором движение приняло характер восстания рабочих, носило несколько своеобразный характер солдатских бунтов и не имело такой силы, как в Петрограде. События 3—5 июля в Петрограде эхом прокатились по всей стране и имели, смотря по соотношению классовых сил в том или ином городе, то революционный, то контрреволюционный характер.

Наш краткий обзор революционного движения провинции мы начнем с обзора о революционном настроении в эти дни в Балтфлоте и в Гельсингфорсе.

Когда в Гельсингфорсе были получены первые известия о начавшемся движении в Петрограде, Гельсингфорс сразу был охвачен революционным настроением. Особенно сильное возмущение охватило матросскую массу тогда, когда стали известны полученные на имя командующего флотом адмирала Вердеревского две юзограммы от помощника военного министра кап. Дударова. Первая юзограмма, отправленная 4 июня, гласит: «Временное правительство по соглашению с Исп. ком. приказывает немедленно прислать «Победитель», «Забияка», «Гром» и «Орфей» в Петроград, где им войти в Неву. Итти полным ходом. Посылку их покуда держать в секрете... Временно возлагает... и если потребуется противодействия прибывшим кронштадтцам» [1]).

Вслед за первой была получена вторая юзограмма: «Временное правительство по соглашению с Исполнительным комитетом приказало принять меры, чтобы ни один корабль без вашего на то приказания не мог итти в Кронштадт. Предлагаю не останавливаться даже перед потоплением такового корабля подводной лодкой, для чего полагаю необходимым подводным лодкам заблаговременно занять позицию. № 8295 Дударов» [2]).

---

[1]) «Пролетарская революция № 5, 1923 г., стр. 169.

[2]) **Там же.**

Как известно, революционные настроения были особенно сильны на крупных кораблях, мелкие же суда были настроены соглашательски, а подводные лодки даже совсем не были захвачены революционной агитацией. Используя эти обстоятельства, Временное правительство с согласия ЦИК решило пойти даже на потопление этих крупных боевых гигантов, если они захотят протянуть руку помощи революционному Петрограду.

Однако командующий флотом, учитывая революционные настроения во флоте и опасаясь, как бы такой шаг Временного правительства не привел к обратным результатам, не решился выполнить этих приказов и сообщил Временному правительству, что выполнить приказ он не может. Комиссар Временного правительства Онипко требовал выполнения приказа, за что ЦК Балтфлота был арестован, а на всех кораблях и командах Центробалтом были назначены контролеры-комиссары.

На заседании Гельсингфорсского совета после принятия резолюции, осуждающей выступление рабочих и солдат в Петрограде, выступил представитель моряков и от имени Центробалта огласил резолюцию, в которой говорится: «немедленно послать корабли на поддержку Петрограду и Кронштадту с требованием передачи власти в руки совета рабочих, солдатских и флотских депутатов» [1]). Эта резолюция произвела большое впечатление на совет. Было решено вопрос о власти перенести на совместное заседание Центробалта с другими политическими организациями.

На этом собрании общественных и партийных организаций была принята резолюция, в которой говорится: «...мы находим своевременно неотложным переход всей государственной власти в руки Всероссийского центрального исполнительного комитета советов солдатских, рабочих и крестьянских депутатов и образование исполнительного органа однородного демократического состава.

Мы решительно указываем Центральному комитету стать на этот путь и обещаем ему в этом поддержку всеми мерами.

Шлем свой братский привет революционному пролетариату и армии Петрограда» [2]).

Таким образом все организации и партии Гельсингфорса, включая меньшевиков и эсеров, потребовали от ЦИК взять власть в свои руки. Взрыв возмущения разразился так неожиданно и с такой силой, что в первое время соглашатели растерялись и поддались натиску революционных масс. Несколько дней позднее, после усмирения рабочих в Петрограде и ареста Центробалта, они опять обнаглели и начали опять действовать по указке из Петрограда.

Для выполнения принятых решений 5 июля на миноносце «Орфей» была послана в Петроград делегация, которая должна была довести до сведения ЦИК постановление Гельсингфорса по вопросу о власти и арестовать Лебедева и Дударова. На другой день на миноносце «Заветный» поехал в Петроград председатель Центробалта т. Дыбенко. По прибытии

---

[1]) Дыбенко, Мятежники, стр. 58.

[2]) «Пролетарская революция» № 5, 1923 г., стр. 168.

в Петроград обе делегации были арестованы и посажены в «Кресты». За невыполнение «б о е в о г о» приказа также был вызван в Петроград и арестован командующий флотом адмирал Вердеревский.

После расправы над революционными рабочими и солдатами в Петрограде и после арестов делегации Балтфлота и роспуска Центробалта началась в балтийском флоте после реакции. В Гельсингфорс приехали эсеровские лидеры Авксентьев и Бунаков, которые громили большевиков и натравливали малосознательную солдатскую массу на партию большевиков. Не растерялись лишь матросы на больших кораблях. На требование Временного правительства выдать зачинщиков моряки отвечали: «Мы все зачинщики», и никого не выдали.

Должно отметить, что полоса реакции в Гельсингфорсе продолжалась недолго, особенно сильное полевение началось во флоте с момента выступления ген. Корнилова.

После получения сведений о событиях в Петрограде в Риге в ночь с 5 на 6 июля произошло столкновение латышских стрелков с «батальоном смерти», в результате столкновения смертники потерпели полное поражение и отступили. В эту же ночь Рижский совет рабочих депутатов принял резолюцию, в которой говорится, что единственный выход из создавшегося экономического и политического положения есть передача всей власти в руки советов.

Июльские дни застали армию в чрезвычайно сложном положении; с одной стороны, крах затеянного наступления и разгром нашей армии, с другой стороны, борьба командного состава при помощи кавалерийских частей и специальных формирований с частями, нежелающими итти в наступление. По всему фронту шла внутренняя борьба по разоружению и расформированию взбунтовавшихся частей.

По делу о «массовом неисполнении боевых приказаний» только в V армии было привлечено 87 офицеров и 12 725 солдат. Расформированию и переброске в другие части было подвергнуто 3 офицера и 10 390 солдат» [1]).

Господствующее в армии настроение в начале июля правильно обрисовал меньшевик Н. Накоряков на заседании фронтовой комиссии ЦИК 12 июля. Он говорил: «Наступление воспринималось как массовое убийство, затеянное в угоду Англии... Критика методов борьбы за мир, — как отказ от такой борьбы во имя захватных интересов Англии. Но за всем этим стояло, как можно видеть, живя с масссами в блиндажах и окопах, о д н о н е д о в о л ь с т в о п р о д о л ж е н и е м в о й н ы, ж а ж д а к а к о г о у г о д н о м и р а, жажда уйти домой. Открытые призывы «уйдем домой в середине июля» раздавались еще в середине июня... Развал, распад в XII армии за последний месяц сделал громадные шаги вперед. У руководящих учреждений нет уверенности, что он не охватит всю армию, исключая незначительные группы кавалерии, артиллерии и специальных команд» [2]).

---

[1]) Ш л я п н и к о в, Июль на фронте, «Пролетарская революция» № 6 1926 г., стр. 36.

[2]) Т а м ж е, стр. 53.

Ясно, что, находясь в таком угнетенном моральном состоянии, армия выступление петроградских рабочих и солдат за советскую власть и за мир встретила с сочувствием. Тов. Шляпников пишет, что «далеко не единичны были случаи выражения готовности воинских частей фронта ехать в Петроград на помощь выступившим рабочим и солдатам» [1].

Июльские события в Москве развернулись в следующем порядке. 4 июля, когда были получены известия о выступлении в Петрограде, было созвано об'единенное заседание президиумов советов рабочих и солдатских и крестьянских депутатов, которое решило: «Поручить т. Шеру привести к дому генерал-губернатора в распоряжение совета одну роту самокатчиков на велосипедах для охраны совета, его учреждений в гостинице «Дрезден» и партийных организаций, помещающихся в Капцовском училище.

«По вопросу о подвижном органе постановили: избрать таковой в составе тт. Хинчука, Шубникова и Олейника — а также тт. Никитина и Шера.

«По вопросу о демонстрациях постановили: всякие демонстрации, как вооруженные, так и мирные и уличные митинги, запретить в течение трех дней» [2].

После заседания президиумов было созвано экстренное пленарное заседание советов рабочих и солдатских депутатов. После нескольких часов горячих прений пленум утвердил постановление президиумов о воспрещении демонстраций. Однако, несмотря на эти запрещения, по инициативе партии большевиков демонстрация состоялась.

«С окраин потянулись к Скобелевской площади громадные толпы рабочих с красными знаменами и плакатами о переходе всей власти в руки СР и СД. К рабочим примкнули отдельные части московского гарнизона, причем одна часть вышла в полном вооружении. На Скобелевской площади состоялся грандиозный митинг, на котором выступали, главным образом, большевики» [3].

В этот же день были попытки со стороны контрреволюционеров избить демонстрантов и разгромить большевистскую газету «Социал-демократ», но безуспешно.

После июльских дней в Москве началась полоса бешеной травли большевиков, в которой принимали участие меньшевики и эсеры. Но рабочие Москвы держались стойко, и партия большевиков в борьбе против керенщины твердо опиралась на рабочих Москвы.

Более интересны, чем в Москве, события 4—6 июля в Иваново-Вознесенске. Из акта дознания, составленного владимирским комиссаром Временного правительства, события там развернулись следующим образом: 4 июля «около 9 часов вечера была получена телеграмма из областного бюро РСДРП с приглашением к выступлению под лозунгом «в с я в л а с т ь с о в е т а м». В связи с получением этой телеграммы был созван комитет РСДРП около 10-11 часов вечера, который никаких

---

[1]) Ш л я п н и к о в, Июль на фронте, «Пролетарская революция» № 6, 1926 г., стр. 32.

[2]) АОР, Ф. XXX, № 69, Иногородний отдел ВЦИК.

[3]) «Новая жизнь» от 5 июля 1917 г.

решений не вынес, и после неудавшейся попытки созвать общее собрание совета состоялось соединенное совещание Исполнительного комитета совета, Центрального бюро фабрично-заводских комитетов и комитета РСДРП. На этом об'единенном совещании была оглашена указанная телеграмма следующего содержания: «Москва, 4 июля. В Петрограде решительные выступления фабрик, полков. Областное бюро призывает немедленно к демонстрациям и забастовкам. Лозунг: «Вся власть советам». Срочно телеграфируйте получение. Организуйтесь вокруг Кинешмы».

«После обсуждения телеграммы признано было желательным устройство демонстрации, но окончательное решение вопроса было отложено до утра, когда предполагалось общее собрание совета» [1]).

Еще во время совещания произошел инцидент с партией эсеров. На совещание явился лидер местных эсеров Салов и заявил, что совет не имеет права устраивать демонстрации и что они в нужный момент прибегнут к оружию. Это заявление значительно повысило и без того напряженное настроение. После к членам Исполнительного комитета стали поступать сведения, что состоялось собрание партии эсеров, и это последнее ведет какие-то переговоры со штабом полка и с другими городами.

В связи с тревожным положением в городе и циркулирующим слухом о свержении Временного правительства и о приготовлениях эсеров в 1 час ночи состоялось заседание Исполнительного комитета совета. На этом заседании было постановлено: «в целях предотвращения боевых и провокационных выступлений, установить контроль над телефоном и телеграфом». Еще до окончания совещания было получено известие о тревожных сигналах, поданных из местного отделения Государственного банка.

«Во время контроля около 3 часов ночи был перехвачен разговор Майорова (эсер) с Шуей: «Пусть едут из Шуи Нырков и К°, большевики берут власть в свои руки, приезжайте к 9 часам». Контроль с телефона и телеграфа был снят 5 июля в 1 час дня.

«6 июля с 11 часов дня на всех фабриках и заводах прекращены были работы, и с часу дня началась после митинга перед помещением совета демонстрация, охранявшаяся шедшей впереди вооруженной ротой солдат и сзади конными милиционерами. Участники демонстрации, кроме охраны, были вооружены, в ней принимали участие рабочие почти всех фабрик» [2]).

Далее в этом же «акте» говорится, что в демонстрации участвовало около 30-40 тысяч человек и что демонстрация закончилась мирно. Этой демонстрацией закончились тревожные дни в Иванове-Вознесенске, и жизнь вошла опять в нормальную колею.

События в Нижнем-Новгороде развертывались в следующем порядке. К концу июня начались трения между эвакуированными и военными властями г. Нижнего-Новгорода, на почве отправления эвакуированных на

---

[1]) «Рабочее движение в 1917 г.», стр. 148.
[2]) Там же, стр. 149.

фронт. Для того, чтобы силой принудить эвакуированных отправиться на фронт, по требованию нижегородского комиссара и ССД помощник командующего МВО подпоручик Шер с согласия президиумов московских советов послал из Москвы в Нижний роту юнкеров Алексеевского военного училища и учебную команду 56-го пехотного запасного полка. Вместе с отрядом отправились представители СРД — Буровцев, ССД — Калмыков и С. Кр. д. — Глушков.

«Около 3 часов ночи 5 июля, прибывшие из Москвы юнкера и части учебной команды, окружив спящих эвакуированных, начали, чуть ли не прикладами, будить их и, арестовав, в одном белье стали отправлять на станцию. Случайно проходившие солдаты 183-го и 185-го полков, увидев пулеметы, известили своих товарищей, которые с ружьями выбежали на улицу. По словам солдат, юнкера открыли по ним огонь» [1]). Началась стрельба, в результате которой оказались 2 убитых и один раненый.

Конвой юнкеров на вокзале был обезоружен. Вслед за этим были окружены казармы, где помещалась вторая полурота юнкеров, которая вынуждена была сдаться. Весь город очутился в руках солдат.

«Город наполнялся вооруженными массами. В этот момент исчезли представители совета. Исполнительный комитет фактически уже не существовал. Комиссар был бессилен. Однако среди толпы, среди темной массы солдат оказались сознательные элементы. Они стали агитировать за устройство собрания и выборы какого-либо комитета [2]). Комитет был избран в количестве 15 чел., из которых человек 6 были представители совета солдатских депутатов и человек 5 от эвакуированных. Организованное ядро пригласило в качестве полноправных членов от совета солдатских депутатов 5 ч., от совета крестьянских депутатов 5 ч., от совета профсоюзов 5 человек. Кроме того, в комитет были приглашены с правом решающего голоса представители трех политических партий.

«Таким образом комитет состоял из 36 человек, из них 27 человек были из состава старых советов и партий и только 9 человек новых... Из них по политическим воззрениям было с.-д. большевиков и с.-д. меньшевиков 10 человек, эсеров 10—12» [3]).

Комитетом были приняты меры поддержания порядка в городе до выборов нового совета. Никаких беспорядков и бесчинств в городе не произошло. Были также приняты меры, чтобы не допустить кровопролития с прибывшим из Москвы вторым карательным отрядом. «Были убраны войска с вокзалов, пулеметы привезены и сложены в комнатах дворца, увезены а арсенал 2 вагона патронов с вокзала и осмотрены другие во избежание опасности от взрыва боевых снарядов» [4]).

Несмотря на полное успокоение в городе, из Москвы была снаряжена вторая карательная экспедиция из трех родов войск — пехоты,

[1]) «Социал-демократ» № 103, 1917 г.
[2]) Там же, № 110 от 18 июля.
[3]) Там же.
[4]) Там же.

артиллерии и кавалерии. Во главе экспедиции стояли: командующий МВО Верховский и председатель Московского совета Хинчук.

В № 107 московских «Известий» есть подробное описание «боевых» подвигов этих войск на внутреннем фронте. Прибыв в Нижний, войска из всех родов оружия в сопровождении броневых машин «Корнилов», «Лев» и «Революционер» 7 июля окружили казармы 133-го и 185-го полков и приступили к разоружению и отправлению на фронт непокорных частей. Прибывшие войска вели себя явно провокационно, хотели создать обстановку, при которой смогли бы отомстить за неудачу юнкеров. Так, без всякой причины был по окруженным казармам открыт пулеметный и орудийный огонь, но солдаты на провокацию не отозвались, и, таким образом, от кровопускания пришлось отказаться.

Как видно из изложенного, посылка карательных экспедиций и действия их были согласованы с меньшевистско-эсеровским советом и происходили при участии представителей этих партий.

В ночь на 5 июля в Киеве происходили следующие события: на почве нежелания отправиться на фронт взбунтовались солдаты полка имени гетмана Полуботько, захватили склад оружия и гараж и в количестве 5 000 человек двинулись на крепость. «Первый гетмана Богдана Хмельницкого полк пытался остановить их, но безуспешно. Бунтовщики заняли крепость, захватили штаб округа, управление начальника милиции, дом командующего войсками, арестовали коменданта города и начальника милиции. Благодаря совместным действиям воинских властей Исполнительного комитета общественных организаций, советов рабочих и солдатских депутатов, Генерального секретариата и украинской Центральной рады к 7 часам утра арестованные были освобождены и большая часть мятежников разоружена» [1]).

Здесь так же, как и в Нижнем, против восставших солдат выступили об'единенные силы контрреволюционного командования и меньшевистско-эсеровских советов. Силы восставших были сломлены.

Известия о петроградских событиях до Красноярска дошли 8 июля. С целью поддержки петроградских товарищей, несмотря на отчаянное противодействие эсеров, на воскресенье 9 июля была назначена демонстрация, в которой участвовало 10-11 тыс. человек. Демонстрация была почти исключительно солдатско-рабочей. После демонстрации состоялись митинги, на которых были приняты резолюции, осуждающие поведение соглашателей.

Июльские события в провинции имели не везде одинаковый характер. В Нижнем-Новгороде события созрели самостоятельно, независимо от Петрограда, но благодаря событиям в Петрограде приняли более упорный характер, ибо, не подлежит никакому сомнению, что без известий о выступлении петроградского гарнизона и рабочих вряд ли солдаты в Нижнем взялись бы за оружие. Вероятно, подавление вооруженной демонстрации в Петрограде подействовало и на настроение нижегородцев, и, таким образом, конфликт удалось ликвидировать без кровопролития.

---

[1]) АОР, Главное управление по делам милиции № 32, т. I.

Восстание солдат в Киеве тоже совпадает с моментом получения известий о выступлении в Петрограде.

Характерно, что там, где большевистское влияние сильно, там эти события носят более организованный характер и не доходят до столкновений; яркий пример этому события в Иванове-Вознесенске, где власть фактически перешла в руки совета, и только после выяснения положения о несвоевременности взятия власти в отдельном городе эта же власть опять мирно перешла к Временному правительству.

После июльских событий волна репрессий и контрреволюционных выступлений против большевиков прокатилась по всей стране. На местах, где большевистские организации были сильны, противобольшевистская агитация успеха не имела. Там же, где влияние партии было слабо, там на время восторжествовали меньшевики и эсеры. Пущенная клевета о связи т. Ленина с германским штабом кое-где имела успех, но не среди рабочих, а главным образом среди солдат.

В июльские дни в Таганроге были большие волнения. Вечером 6 июля толпа рабочих Русско-балтийского завода чуть было не убила начальника милиции эсера Никольского за то, что он назвал большевиков изменниками. Прибывшая на завод сотня казаков потребовала выдачи большевиков для самосуда. С трудом удалось успокоить казаков и заставить их отказаться от дикой мысли расправиться с рабочими. В город было введено еще 3 сотни казаков, после чего началось успокоение.

Попытки устроить большевистские погромы имели место в Грозном. Тов. Анисимов на VI с'езде партии большевиков говорил, что с этой целью была организована тайная лига — «Общество борьбы с большевиками». «Провокация была на каждом шагу: стоило показаться на улицу, — и тебя стремились вызвать на спор, причем обыкновенно в таких случаях дело заканчивалось насилием... В нападении на город, которое произвели чеченцы, обвиняли тоже большевиков. Мы опасались созывать общие собрания» [1]).

Тов. Кавпарадзе на VI с'езде партии говорил, что большевистское влияние было сильно среди войск тифлисского гарнизона. Но меньшевики совместно с командованием вывели эти войска из города и заменили совсем дикими полками. «Грузинские рабочие массы отравлены оппортунизмом, они идут за Костровым, патриархом оборончества. Травля против нас началась прежде всего в Тифлисе, честь ее открытия принадлежала Тифлисскому исполнительному комитету. Когда из Петрограда привезли «Правду», Исполнительный комитет на экстренном заседании решил ее конфисковать... Таким образом нам приходилось работать в невероятных условиях. Ежедневно на каждом заседании Исполнительного комитета ставится вопрос о закрытии «Кавказского рабочего» [2]).

После июльских событий в Поволжье «первое время была растерянность и даже некоторый отлив рабочих из наших организаций...

---

[1]) «Протоколы VI с'езда РСДРП (большевиков)», стр. 84.

[2]) *Там же*, стр. 85.

Клевета, пущенная Алексинским, произвела сильное впечатление на мелкобуржуазную массу» [1]), и она качнулась вправо. Для усмирения красного Царицына из Саратова была отправлена школа прапорщиков, которая по прибытии в Царицын закрыла большевистскую газету и арестовала большевистских лидеров.

На Урале события 3—5 июля «отрицательного действия не имели и даже послужили некоторым фильтром» [2]). По сведениям газеты «Новая жизнь» № 70, в Екатеринбурге 8 июля на экстренном заседании совета Р и СД была вынесена резолюция о передаче власти советам.

Рабочие и солдаты известие о выступлении Петрограда всюду принимали с энтузиазмом, а если кое-где соглашателям удалось обманным порядком, среди менее сознательных рабочих, проводить резолюции, формально осуждающие большевиков, то по существу эти резолюции были чисто большевистские. Доказательством этому служит интересная телеграмма из Донбасса, которую мы считаем нужным привести полностью.

«Харьков, 7/VII. 2 июля на общем собрании 2 000 углекопов, в присутствии 5 000 человек и члена с.-д. рабочей партии меньшевиков гор. Петрограда М. Н. Дубровского, совместно с которым председатель местного комитета рабочих депутатов И. А. Конопляный говорили речи о министре Керенском как о социалисте-революционере и о других социалистических министрах Скобелеве, Чернове и Церетели, определяя их как необходимых народных вождей в переживаемый момент в движении социализма вперед [3]). Ими же были сказаны речи о настоящем моменте жизни свободной России, после которых с коленопреклонением и обнаженными головами, с поднятием правой руки мы все и 5 000 человек совершаем величайший акт клятвы, мы клянемся своими детьми, богом, небом и землею и всем святым, что есть для нас на земле, что мы никогда не упустим добытую 28 февраля 1917 года кровью свободу, веря в соц.-рев. и соц.-дем. меньшевиков, клянемся никогда не слушать ленинцев, потому что они, большевики ленинцы, ведут своей агитацией Россию к гибели, тогда как соц.-рев. и соц.-дем. меньшевики совместно в одном союзе говорят, «земля народу, земля без выкупа, капиталистический строй после войны должен рухнуть, а вместо капитализма должен быть строй социалистический. Приветствуя блок соц.-дем. и соц.-рев., мы даем клятву следовать вперед за этими партиями, не останавливаясь перед смертью» [4]).

Итак, рабочие готовы были биться до смерти за землю и за социализм. В июле они еще наивно верили красивым словам меньшевиков и эсеров. Они искренно думали, что эти партии действительно борются за землю и за социализм. Но когда после июльских дней, особенно после корниловщины, рабочие на деле убедились в измене рабочему

---

[1]) «Протоколы VI с'езда РСДРП (большевиков)», стр. 81.
[2]) Там же, стр. 73.
[3]) Слова телеграммы подчеркнуты мною. *О. Л.*
[4]) АОР, дело канцелярии Временного правительства, № 42.

классу этих партий, тогда они прогнали их и с такой же горячностью, как в июльские дни, клялись поддержать большевиков, настоящих борцов за землю и за социализм.

Командный состав на фронте требовал принятия самых суровых мер для подавления демонстрации. На имя кн. Львова от ген. Крымова была получена телеграмма следующего содержания: «Прочтена общему собранию комитетов Уссурийской конной дивизии телеграмма о событиях в Петрограде. В ответ на эту телеграмму раздался один клик — пора переходить от слов к делу» [1]). Коротко и ясно. От Савинкова была получена телеграмма, в которой он, по уполномочию всех комиссаров южфронта, предлагает войска, без ущерба для фронта, для подавления Петрограда.

На события в Петрограде отозвалось и духовенство. Временное правительство из города Верного получило следующую телеграмму: «Первый свободный епархиальный с'езд Семиреченского духовенства и мирян Туркестана радостно приветствует Временное правительство. Сообщает, что политика Временного правительства вполне отвечает евангельскому учению о любви к ближнему. Протоиерей Удальцев» [2]).

Из многочисленных приветственных телеграмм, полученных Временным правительством по случаю подавления петроградских рабочих и солдат, есть только одна телеграмма от рабочих акционерного общества Российских химических заводов. Все остальные телеграммы получены от буржуазных организаций и то мелкобуржуазных по составу. Для примера назовем некоторые из них: общее собрание мукомолов Ставропольского уезда; Амурский водный комитет; собрание граждан гор. Березина; Новороссийская городская дума; общее собрание граждан города Имана и его окрестностей и т. д. и т. п. Как видно, крупная буржуазия была не очень-то склонна приветствовать Временное правительство.

Итак, июльские события в Петрограде вызвали живой отклик решительно во всех слоях населения. Симпатии большинства рабочих были на стороне петроградцев. Кое-где, как мы видели, произошли попытки с оружием в руках поддержать Петроград. Мелкобуржуазные партии меньшевики и эсеры совместно с буржуазией и командным составом всюду участвовали в выступлениях против рабочих и солдат, усмиряли их, разоружали и распространяли гнусную клевету про партию большевиков. На все эти действия они получили благословение духовенства, которое считало, что политика Временного правительства соответствует «евангельскому учению о любви к ближнему».

Единственно партия большевиков, несмотря на бешеную травлю и обливание грязью ее вождей, продолжала стойко защищать интересы даже против ее воли вышедших на улицу рабочих и солдат. Поэтому-то она заслужила безграничное доверие трудящихся масс страны.

---

[1]) АОР, дело канцелярии Временного правительства, № 42.
[2]) Там же.

Глава пятая

ПОЛОСА КОНТРРЕВОЛЮЦИИ

После прекращения вооруженной демонстрации Временное правительство приступило к расправе над демонстрантами. На заседании Временного правительства от 6 июля был принят целый ряд постановлений. Из этих постановлений самое характерное гласит:

...«2) Виновные в публичном призыве к неисполнению законных распоряжений власти наказываются заключением в крепость на срок не свыше трех лет или заключением в тюрьму.

3) Виновные в призыве во время войны офицеров, солдат и прочих воинских чинов к неисполнению действующих при новом демократическом строе армии законов и согласных с ними распоряжений военной власти наказываются как за государственную измену» [1]).

Эти постановления в комментариях не нуждаются, они полностью направлены против солдат и рабочих, недовольных политикой Временного правительства.

На заседании Временного правительства от 7 июля было принято постановление:

«Все воинские части, принимавшие участие в вооруженном мятеже 3, 4 и 5 июля 1917 г. в Петрограде и его окрестностях, расформировать и личный состав их распределить по усмотрению военного и морского министра.

Все дело расследования организации вооруженного выступления в Петрограде 3—5 июля... сосредоточить в руках прокурора петроградской судебной палаты, в его распоряжение ассигновать 50 000 руб.» [2]).

Во исполнение этого постановления были расформированы пулеметчики, гренадеры, 176-й полк, гарнизон Петропавловской крепости и другие части.

7 июля вышел в отставку министр председатель кн. Львов [3]), и министром председателем был назначен Керенский, который начал энергично действовать в контрреволюционном направлении. В телеграмме «Всем» от 8 июля он извещает: «С несомненностью выяснилось, что беспорядки в Петрограде были организованы при участии германских правительственных агентов... Руководители и лица, запятнавшие себя

---

[1]) АОР, журнал заседаний Временного правительства, № 124.

[2]) Там же, № 125.

[3]) Вернее, не ушел, а его «ушли», ибо надо было освободить место для Керенского.

братской кровью и преступлением против родины и революции, — арестуются». В приказе по армии и флоту Керенский ругает солдат, называет их изменниками и предателями, а о контрреволюционном офицерстве говорит словами: «...неизменно доблестное поведение лиц командного и офицерского состава, свидетельствующее о преданности их свободе, революции и беззаветной любви к родине» [1]).

Таковы первые шаги правительства после июльских дней. Несмотря на то, что деятельность Временного правительства и Керенского носила явно контрреволюционный характер, соглашательский ЦИК 9 июля об'явил это правительство «Правительством спасения революции» и наделил его неограниченными полномочиями.

Первым делом этого правительства «Спасения» было, по требованию генерала Корнилова, восстановление смертной казни на фронте. В этом постановлении перечислены все пункты царского закона против нарушения дисциплины в армии.

Введение смертной казни на фронте и создание военно-революционных судов широко было использовано контрреволюционным командным составом против солдат. В сводке комиссара западного фронта Ямандта говорится: «Введение военно-революционных судов было принято командным составом как первый шаг к возвращению некоторых старых порядков в жизнь армии. Начались повальные аресты, и отношение к организациям еще более ухудшилось»... «Были случаи применения военно-революционных судов за заочный неуважительный отзыв о начальстве, за отказ учредить дисциплинарные суды, наконец, за сорванное яблоко в помещичьем саду и даже за подстрекательство к этому»... «Все это внесло большое озлобление в ряды армии, отразилось на значении комитетов в частях, ослабило это значение, что в свою очередь усиливает дезорганизованность этих частей» [2]).

Показания Ямандта характерны тем, что это пишет сторонник политики Временного правительства, человек, который в той же сводке говорит о вреде большевистской агитации и обещает не допустить до линии фронта большевистскую газету «Звезда». И если даже он принужден был констатировать безобразия командного состава, то в действительности они практиковались в гораздо более широких размерах и безусловно носили характер помещичьей контрреволюции.

Следующие постановления этого правительства «Спасения» были: постановление о праве министров, — военного и внутренних дел, — закрывать газеты, постановление о введении предварительной военной цензуры и об отобрании оружия у рабочих (срок сдачи оружия был назначен на 14, 15 и 16 июля).

Все эти контрреволюционные мероприятия правительства одобрялись соглашательским ЦИК, который особенно после получения сведений о поражении на фронте совершенно растерялся и полностью перешел в лагерь буржуазии. ЦИК считал нужным поддержать решительно все мероприятия правительства, независимо от их содержания. Так, в

---

[1]) В. Владимирова, Хроника, т. III, стр. 165.
[2]) «Разложение армии в 1917 г.», стр. 112, 113.

циркуляре ко всем армейским и фронтовым комитетам, ко всем солдатским секциям советов, Военный отдел ЦИК писал: «Так как мы хотим создать сильное демократическое правительство, то мы, хотя бы против своей воли, должны поддерживать авторитет Временного правительства, поддержать все его мероприятия, даже те, с которыми не согласны».

Контрреволюционная сущность мероприятий Временного правительства проявилась так ярко, что заслужила одобрение агента английского империализма Бьюкенена, который в своих мемуарах пишет: «Однако, как ни плохи были перспективы, тем не менее я был склонен смотреть на вещи более оптимистически. Правительство подавило большевистское восстание и, казалось, решилось, наконец, действовать с твердостью. Когда я зашел через несколько дней к Терещенко, то последний заверил меня, что правительство теперь является в полной мере господином положения и будет действовать независимо от совета» [1]).

У Бьюкенена было полное основание смотреть на правительство «Спасения» с надеждой, ибо по самому основному вопросу для англо-французского империализма — по вопросу о войне, правительство в своей декларации и многочисленных выступлениях министров Церетели, Керенского и других заявило, что оно считает своей основной задачей создание боеспособной армии, продолжение войны до конца и об'явило ненарушимость соглашения с союзниками. Вместо лозунга мира, в дни после событий 3—5 июля соглашатели заговорили о доведении войны до конца совместно с доблестными союзниками.

Итак, правительство «Спасения», на все 100% поддерживаемое меньшевиками и эсерами, заслужило одобрение со стороны английского империализма; казалось бы, для буржуазии лучшего правительства и желать нечего, но, видя растерянность и уступчивость соглашателей, она потребовала полного разрыва правительства с советами, полного, безоговорочного подчинения правительства буржуазии. П. Н. Милюков в «Истории второй русской революции» пишет, что «в первой половине июля была получена телеграмма от союза офицеров, который требовал от Временного правительства выполнения программы ген. Корнилова, добавляя, что в случае неутверждения мер... все члены Временного правительства отвечают за это головой» («История», выпуск II, стр. 59).

12 июля Временный комитет Государственной думы вынес резолюцию против правительства «Спасения». Под давлением этого как будто мертвого учреждения и других контрреволюционных организаций правительство «диктатуры» и «Спасения» подало в отставку. Начались длительные переговоры с торгово-промышленниками и кадетами о вхождении в правительство, которые кончились 21 июля вступлением кадетов в правительство.

Главными условиями кадетов для вступления в правительство были: 1) ответственность членов правительства исключительно перед своей совестью, невмешательство в дело государственного управления каких бы то ни было организаций или комитетов; 2) никаких мероприятий в области социальных реформ до Учредительного собрания; 3) полное

---

[1]) Дж. Бьюкенен, Мемуары дипломата, стр. 250, 251.

единение с союзниками; 4) восстановление дисциплины в армии; 5) уничтожение на местах многовластия и анархии и т. д. Для окончательного решения вопроса о власти 21 июля было созвано совещание в Зимнем дворце из представителей ЦИК, Государственной думы и всех политических партий, за исключением большевиков. На этом совещании буржуазия требовала передачи власти в руки Керенского, на что, наконец, согласились и соглашатели. Дан и Гоц огласили следующее заявление: «Доверяя вполне т. Керенскому образование Временного правительства, эти партии будут поддерживать его, если оно будет стоять на платформе декларации Временного правительства 8 июля» [1]).

После этого совещания Временное правительство подало в отставку, и Керенскому было поручено сформировать новое правительство по своему усмотрению. Кадетский ЦК принял постановление, в котором говорится: «...принимая во внимание заявление министра-председателя о его намерении положить в основу создания сильной власти суровую необходимость вести войну, поддерживать боеспособность армии и восстановить хозяйственную мощь государства, ЦК партии кадетов предоставляет своим товарищам, по личному выбору Керенского, войти в состав правительства и занять предложенные им посты» [2]).

Новое правительство было составлено из кадетов и кадетствующих «социалистов» (Керенский, Пешехонов, Прокопович, Зарудный и Никитин). Церетели не вошел в новое правительство ставленников биржи.

В момент составления нового коалиционного правительства Керенский воображал, что он почти диктатор, что он русский Бонапарт. В декларации, опубликованной лично от своего имени, он писал: «Я полагаю.., что дело спасения родины и республики требует забвения партийных распрей и самоотверженной работы всех граждан российских... Вместе с тем я, как глава правительства, нахожу неизбежным ввести изменение в порядок и распределение работы правительства, не считая себя в праве останавливаться перед тем, что изменения эти, давая возможность выполнить в полной мере задачу, перед Временным правительством стоящую, увеличат мою ответственность в делах верховного управления» [3]). (Подчеркнуто мною. *О. Л.*).

Министерство Керенского безусловно заключало в себе некоторые элементы бонапартизма. Тов. Ленин об этом писал следующее:

«Министерство Керенского несомненно есть министерство первых шагов бонапартизма.

Перед нами налицо основной исторический признак бонапартизма: лавирование, опирающееся на военщину (на худшие элементы войска), государственной власти между двумя враждебными классами и силами, более или менее уравновешивающими друг друга» [4]).

Тов. Ленин считал, что начало бонапартизма есть неоспоримый факт, но для окончательного укрепления его у нас в России нет об'ек-

---

[1]) В. Владимирова, Хроника, т. III, стр. 205.
[2]) Там же, стр. 214.
[3]) «Пролетарская революция» № 8, 1926 г., стр. 14.
[4]) Н. Ленин, Собр. соч., т. XIV, ч. 2, стр. 53.

тивных условий, так как в отличие от возникновения бонапартизма во Франции в революцию 1789 г. и в 1849 г., у нас ни одна коренная задача революции не решена. Борьба за решение земельного и национального вопросов только еще начинает разгораться.

Соотношение классовых сил после июльских дней было таково, что ни буржуазия в союзе с помещиками, ни пролетариат в союзе с крестьянством не были еще готовы для решительной схватки. Фактическая власть, за небольшим исключением, находилась в руках Кавеньяков, буржуазия бешено готовилась эту фактическую власть Кавеньяков-корниловцев официально оформить — сделать властью де-юре.

Мы считаем нужным отличить диктатуру Кавеньяков от диктатуры бонапартистов. Маркс считал, что «Кавеньяк не был диктатурой сабли над буржуазным обществом; он был диктатурой буржуазии, осуществляемой посредством сабли» (Маркс, Борьба классов во Франции). Бонапартизм, наоборот, есть в известной мере диктатура над буржуазией, хотя результаты этой диктатуры идут в пользу буржуазии. О бонапартизме Энгельс писал: «Луи Бонапарт, под предлогом защиты буржуазии от рабочих и рабочих от буржуазии, лишил капиталистов политической власти; но его господству способствовала спекуляция, промышленное развитие, вообще невиданный до тех пор расцвет и обогащение всей буржуазии в целом» (Энгельс, Введение к гражданской войне во Франции К. Маркса). Керенский и его министры ежедневно болтали о примирении классов, о внеклассовой сущности своей власти, о борьбе как слева, так и справа, они безусловно выражали одну сторону сущности бонапартизма, но это только внешняя сторона бонапартизма. По существу бонапартизм во Франции в 1849 г. возник благодаря колебаниям мелкой буржуазии, при активной поддержке консервативной части крестьянства. В России в 1917 г. колебания мелкой буржуазии были большие, но в отличие от французской революции, не было консервативного крестьянства. При возникновении бонапартизма во Франции крестьянская революция 1789 г. была уже позади, тогда как в России она была еще впереди. Своими колебаниями мелкая буржуазия в России создавала почву не для бонапартизма, а для открытой буржуазной диктатуры Кавеньяков-корниловцев. Только бдительность пролетарской партии большевиков и правильная тактика ее помешали этому осуществиться и привели в Октябре к крушению буржуазии и к торжеству диктатуры пролетариата в союзе с беднейшим крестьянством.

Керенского же буржуазия терпела как наименьшее зло. Керенский был выдвинут именно не благодаря своим достоинствам, а благодаря своей ничтожности.

Маркс, анализируя причины победы Луи Бонапарта на президентских выборах в 1848 г., писал: «Так случилось, что, по выражению «Neue Rheinische Zeitung», незначительный человек Франции выступил как самый многозначительный символ. Именно потому, что он был ничто, он мог означать все, но только не самого себя» [1]).

---

[1]) К. Маркс и Ф. Энгельс, Собр. соч., т. III, стр. 62, изд. 1921 г.

Слова Маркса, сказанные о Луи Бонапарте, полностью можно применить к Керенскому. Сам Керенский и его друзья из соглашательского ЦИК, конечно, не понимали той жалкой временной роли, какую они играли по замыслам буржуазии; они со всей серьезностью полагали, что делают дело спасения страны и революции. «Они одурачивали себя с той серьезностью, с какой она (мелкая буржуазия. *О. Л.)* вообще торжественно одурачивать себя» [1])

Несмотря на то, что буржуазия как-будто согласилась поддержать правительство Керенского, она в действительности никакой поддержки ему не оказала, стремясь использовать его в максимальных размерах для своих контрреволюционных целей. Через генералов и через буржуазные классовые организации она нажимала на правительство, требовала усиления репрессий против пролетариата и крестьянства, в то же время всячески дискредитировала это же правительство и подготовляла силы для его свержения.

Мы уже упоминали о характеристике правительства Рябушинским. В прокламации к казакам контрреволюционная буржуазия писала: «Сейчас нет власти, она кем-то украдена. Кто этот вор, который предал и разрушает Россию? Власть захватили Центральный комитет и совет рабочих и солдатских депутатов. Они назначают министров. Кто же министры? Большая часть их приехала с каторги... Главным своим распорядителем они выбрали Керенского. Керенский хорошо говорит, он человек храбрый, но помните, что он главный среди каторжан... Но правительство в России — это разбойники» [2]).

На общем собрании офицеров и военных чиновников Петрограда 12 июля одни говорили, что они знают только Временное правительство, другие требовали смертной казни не только на фронте, но и в тылу, третьи говорили, что в стране анархия и что Временное правительство — «это комбинация из трех пальцев». В общем настроение было явно контрреволюционное. Даже «усмиритель» рабочих 3-5 июля, Войтинский, был для них слишком левым и они не хотели его слушать.

На совещании членов Государственной думы 18 июля Масленников говорил, что: «...к революции примазалась куча сумасшедших фанатиков, проходимцев и предателей, назвавших себя Исполнительным комитетом совета рабочих и солдатских депутатов» [3]). Дальше Масленников требует, чтобы было созвано не частное совещание членов Государственной думы, а настоящее, которое указало бы правительству, «что делать, как и кем это правительство пополнить и заменить». Масленникова поддерживали также и другие ораторы, в том числе и Родзянко, который, однако, считал, «что еще психологический момент ее активного выступления не наступил».

Милюков пишет, что на кадетском с'езде 24 июля раздались голоса за свержение правительства Керенского, но что он выступил против, считая необходимым пока ограничиться давлением. «Роль советов

---

[1]) К. Маркс и Ф. Энгельс, Собр. соч., т. III, стр. 68.
[2]) В. Владимирова, Корниловщина, стр. 44.
[3]) В. Владимирова, Хроника, ч. III, стр. 194.

постепенно, — аргументировал Милюков, — будет падать, о чем так усердно старались соглашатели, но если большевики опять появятся на улицах Петрограда, то речь будет другая». Как известно, прогноз Милюкова не оправдался, влияние большевиков с конца июля опять начало сильно возрастать, и тогда буржуазия решила выпустить на сцену Корнилова.

После капитуляции соглашателей перед буржуазией последняя уже не ограничивалась травлей большевиков, но и взялась за изничтожение и самих советов. На собрании правлений: Главного совета Военной лиги, Петроградского отдела союза офицеров, Республиканского центра и др. организаций 31 июля в прениях некоторые ораторы указывали, что советы рабочих и солдатских депутатов даже больше повинны, чем Ленин. Там же принята приветственная телеграмма Корнилову.

После ухода из правительства Львов о своих бывших союзниках слева отозвался весьма непочтительно. Так, за его подписью в газетах 13 июля было напечатано следующее заявление: «Советы не могут вести русскую демократию по пути государственности, ибо они ниже уровня общегосударственной морали и не очистились от ленинцев — этих агентов немцев... Честные социалисты — я не знаю, сколько вас в советах, — все равно, сколько бы вас ни было, хотя бы один человек, очиститесь от анархической грязи, которой вы очернели, если хотите руководить жизнью русской демократии» [1]).

Итак, политика буржуазии по отношению к Временному правительству выразилась в максимальном использовании этого правительства в своих классовых интересах как в области экономической — увеличение цен, казенные субсидии и т. д., так и в области политической — разгром рабочих организаций, дискредитация и аресты вождей пролетариата, продолжение войны, роспуск финляндского сейма и т. д. В то же самое время буржуазия, дискредитируя это правительство, исподтишка подготовляла почву для контрреволюционной буржуазной диктатуры Корнилова.

Возникает вопрос, почему ген. Корнилов, этот вовсе не талантливый генерал, сделался кумиром буржуазии и приобрел почти неограниченное влияние на Временное правительство?

При рассмотрении этого вопроса мы должны вспомнить общеполитическое положение в стране и остроту классовой борьбы, порою доходящей до гражданской войны. В этот момент для буржуазии наиболее важным было найти решительного человека, который проявил бы твердость и решительность при усмирении бунта, т. е. революции. Дела на фронте и так были неважны, буржуазия мыслила, что оздоровление на фронте достижимо лишь после «успокоения» тыла. В первую очередь нужен был герой для наведения «порядка» в стране.

В поисках «диктатора» уже в середине июня буржуазия обратила взоры на адмирала Колчака, началось паломничество к Колчаку, этому будущему палачу рабочих и крестьян. После того, как дела с Колчаком расстроились, буржуазия обратила взоры на Корнилова, кстати и Керен-

---

[1]) «Рабочая газета» № 105, 1917 г.

ский в этом ей помог, назначив Корнилова главнокомандующим юго-западного фронта.

Корнилов, вступив в командование юго-западным фронтом, установил такой зверский режим, что буржуазия сразу почувствовала в нем именно того человека, который ей был нужен.

Прямо пропорционально с увеличением провокационно-черносотенной деятельности ген. Корнилова растет его авторитет в глазах буржуазии. Начав с требования введения смертной казни, в дальнейшем он издает приказ о воспрещении митингов, которые он считал незаконным сборищем, и требовал их рассеивать оружием. Он издает приказы о применении пулеметов против отступающей армии, о возвращении в свою часть всех выборных лиц в армии, что было равносильно ликвидации солдатских комитетов. По свидетельству Деникина, Корнилов казненных солдат выставлял напоказ в людных местах. Началось поголовное увольнение более либерально-настроенных и вообще по-человечески относящихся к солдатам офицеров, и на их место назначались самые от'явленные мракобесы. И все это было проделано с согласия и с ведома «социалистических» комиссаров Савинкова и Филоненко. В результате всех этих безобразий Корнилов был назначен верховным главнокомандующим.

С этого момента начинается усиленная подготовка и собирание сил Корниловым для предстоящего государственного переворота.

При вступлении на пост верховного главнокомандующего Корнилов потребовал неограниченных полномочий и единоначалия при ведении операций на фронте и при назначении командного состава. Правительство Керенского и в этом вопросе уступило Корнилову, несмотря на то, что он открыто выступал против правительства и имел свою явно контрреволюционную программу, опубликованную на совещании 16 июля в ставке [1]).

На этом совещании генералитет во главе с Деникиным повел наступление на Временное правительство, ставя в вину последнему распад армии. Выступления министров Керенского и Терещенко носили самооправдательный характер. Керенский, например, доказывал, что он хотя и моложе Гучкова, но все-таки 120 генералов не уволил, хвастался перед генералами, что первая кровь при усмирении революционных полков была пролита по его инициативе. Дальше он говорил, что принципиально он не возражает против контрреволюционной программы генералов, но он считает при настоящих условиях эту программу невыполнимой.

Терещенко говорил, что правительство полностью стоит на точке зрения генералов, но что все эти мероприятия можно провести не сразу, а постепенно и что правительство идет еще дальше генералов, оно подготовляет законы против оппозиционных Временному правительству общественных организаций.

---

[1]) В 9 пункте программы Корнилова сказано, что правительство должно сознать свою вину в деле разложения армии и всенародно заявить, что почти одно офицерство доблестно защищает родину, свободу и революцию.

Временное правительство, заключив союз с буржуазией, оказалось в плену у последней и ее генералов, за спиной которых стоял англо-французский империализм. Бьюкенен в своих «Мемуарах» пишет, что союзники требовали наделения Корнилова неограниченными полномочиями, угрожая в противном случае прекратить доставку снабжения и вооружения. Временное правительство и ВЦИК, ставши на платформу продолжения войны в союзе с англо-французами, логикой вещей должны были подчиниться влиянию союзников, ибо находились в полнейшей финансовой и экономической зависимости от последних. Одним словом, буржуазная Россия в 1917 г. была прямым придатком союзнического империализма. Единственным выходом из этого зависимого положения был разрыв с политикой империализма, но на этот шаг мелкобуржуазные вожди были неспособны.

В то время как соглашатели на заседаниях ЦИК и на разных собраниях говорили о недопустимости классовой борьбы, генералитет и черносотенные организации громили рабочие организации (меньшевики) и эсеры это классовой борьбой не считали). После разгрома «Правды», типогр. «Труд», Петрайкома и Союза металлистов, приступили к разгрому советов. 11 июля была разгромлена типография Василеостровского совета. 10 была разгромлена квартира меньшевистского районного комитета на Петроградской стороне, чем меньшевики были очень возмущены, и в «Рабочей газете» от 11 июля писали, что разгром большевиков все-таки можно оправдать, ибо их обвиняют в организации выступления 3-4 июля, но применение таких же действий против меньшевиков, это, по их мнению, прямо возмутительно.

Временное правительство с согласия ЦИК поставило во главе отрядов, прибывших с фронта, поручика Мазуренко который, прежде чем приступить к разоружению рабочих и солдат, выпустил воззвание, в котором говорилось, что рабочие и солдаты Петрограда по отношению к действующей армии «в момент исполнения революционного долга на фронте ей всаживали нож в спину. Анархические вооруженные выступления безымянных кучек, самоокапывание в тылу трусов и дезертиров, соединенное с позорным удержанием у себя несоразмерно громадного количества пулеметов и прочего оружия — есть тот занесенный острый нож, который не позволит всадить себе в спину действующая армия» [1]).

После разоружения солдат сводный отряд Мазуренко приступил к отобранию оружия у рабочей красной гвардии. Войсками окружались заводы, производились обыски, арестовывались должностные лица рабочей милиции и рабочей красной гвардии, требовалась сдача оружия. Но результаты оказались совсем плачевными: рабочие совсем не были склонны отдавать оружие, хорошее оружие было попрятано и выдавался большей частью всякий негодный хлам.

Когда на собрании представителей районных советов представители сводного отряда потребовали содействия отряду при сдаче оружия, рабочие с заводов резонно заявляли, «что рабочие считают своей обязанностью защищать революцию, у них нет гарантий, что не придет кто-то

---

[1]) «Пролетарская революция», № 5, 1926 г., стр. 39.

и не воспользуется тем, что безоружные рабочие никакого сопротивления оказать не смогут. Известно, что целые склады оружия находятся у черносотенных банд и их до сих пор не разоружают. Если от рабочих потребуют оружие под угрозой репрессии, то это ни к чему не приведет» [1]).

Дружнее всего держались рабочие Выборгской стороны. Туда отряд Мазуренко и вовсе не сунул носа и ограничился разоружением заводов, расположенных отдельно, на окраинах города. Особенно внушительное нападение было сорганизовано на Сестрорецкий оружейный завод, при нападении на который участвовал, кроме пехоты и кавалерии, также отряд броневиков. Но и здесь результаты получились неважные. По словам т. Глинского, «при энергичной помощи товарищей из партийной районной организации сознательных рабочих Сестрорецкого оружейного завода (милиционеров), оружие было в большом количестве увезено на рыбацких лодках за «Разлив» [2]).

Настроение рабочих масс за небольшим исключением было вовсе не упадочное. 7 июля ЦБ профсоюзов вынесло резкую резолюцию, осуждающую политику соглашателей. Такого же рода резолюция была принята Выборгским районным советом Р и СД. Большевистские резолюции были приняты и на заводах: Барановского, Сестрорецком оружейном, Старом Парвиайнене, Лангензипена, Нобель, Феникс, Франко-русском, Новый Лесснер, Перун, Путиловском и других. 22 июля на совместном совещании делегатов с фронта и рабочих Петрограда была принята большевистская резолюция. В истории этого собрания характерно то, что на этом собрании, в котором участвовали, кроме большевиков и беспартийных рабочих и солдат, также рядовые члены партии эсеров и меньшевиков, резолюция была принята единогласно при 4 воздержавшихся. На совещании участвовали: «делегаты с фронта — 29 полков; делегаты 90 петроградских заводов и фабрик; делегаты Кронштадта и его фортов и окрестностей Петрограда. Мандаты участников были проверены особой комиссией, выдвинутой самим совещанием» [3]).

Несмотря на то, что VI с'езд РСДРП(б) происходил полулегально, рабочие Петрограда все-таки о нем узнали. С'ездом были получены приветствия от 13 петроградских заводов, от двух районных советов и других общественных пролетарских организаций.

Настроение солдат Петрограда, после расформирования более революционных полков и после начатой травли против Ленина и партии большевиков, было упадочное; большевистские настроения солдат на фронте, наоборот, усилились.

Только среди некоторой части рабочих Петрограда, особенно среди железнодорожников, в ближайшие дни после 3—5 июля было некоторое колебание, кое-где на отдельных предприятиях удалось протащить соглашательские резолюции, но это продолжалось недолго, основной

---

[1]) В. Владимирова, Хроника, т. III, стр. 197.
[2]) «Ленинградские рабочие в борьбе за власть советов», стр. 66.
[3]) В. Владимирова, Хроника, т. III, стр. 346.

массив рабочих держался стойко. К концу июля было полностью восстановлено и даже превзойдено доиюльское равновесие сил. Послеиюльская контрреволюционная политика ЦИК и Временного правительства открыла глаза многим рабочим, крестьянам и солдатам, до июля веровавшим в революционность этих партий. Начинается массовый отход пролетарских и полупролетарских элементов от партии меньшевиков и эсеров и окончательный разрыв последних с трудящимися массами страны.

Глава шестая

ЛЕНИН В ИЮЛЕ

В начале июльских событий т. Ленина в Петрограде не было, он находился в Финляндии в деревне Нейвола на даче Бонч-Бруевича. В Петроград он приехал только 4 июля утром. Решение ЦК и ПК в ночь на 4 июля об участии партии в вооруженной демонстрации, принятое без его участия, т. Ленин считал правильным. В статье, написанной вскоре после июльских дней, т. Ленин писал: «Наша партия исполнила свой безусловный долг, идя вместе с справедливо возмущенными массами 4 июля и стараясь внести в их движение, в их выступление возможно более мирный и организованный характер» [1]).

Абсолютно выдуманным и несоответствующим действительности является утверждение Н. Суханова о мучениях и колебаниях Ленина 3-4 июля. Решение партии, поздно вечером 3 июля, участвовать в демонстрации Суханов об'ясняет совершенно наоборот. Он пишет, что вечером будто бы решили возглавить восстание, но потом это свое решение отменили. Он пишет: «Но позднее настроение изменилось. Затишье на улицах и в районах, в связи с твердым курсом звездной палаты, склонило чашу весов в противоположную сторону, нерешительность одержала верх... Они отказывались продолжать движение и стоять во главе его... «Правда» вышла 4 июля с зияющей на первой странице белой полосой... Ни Троцкий, ни Луначарский, видимо, не участвовали в ночном бдении большевистского ЦК и не разделяли мучений Ленина» (подчеркнуто мною. *О. Л.*) [2]).

С приездом кронштадтцев «шансы восстания и переворота вновь поднялись чрезвычайно высоко. Ленин должен был очень жалеть, что призыв к петербургскому пролетариату и гарнизону был отменен в результате ночных колебаний. Сейчас движение было бы вполне возможно довести до любой точки... И произвести желанный переворот... Во всяком случае Ленину приходилось начать колебаться снова» [3]).

В этих словах о колебаниях и мучениях Ленина, о его желании произвести переворот 4 июля ничего другого, кроме обывательской сплетни нет. Ленин, как мы выше констатировали, в ночь на 4 июля был вне Петрограда, ему о начавшемся движении было сообщено только

---

1) Н. Ленин, Собр. соч., т. XIV, ч. 2, стр. 46.
2) Н. Суханов, Записки о революции, т. IV, стр. 410—411.
3) Там же, стр. 413—414.

4 июля утром. Об отношении т. Ленина к демонстрации 3—5 июля, по получении первых известий, т. Бонч-Бруевич пишет следующее: «Савельев повторил свой рассказ и высказал предположение — не начало ли это серьезных действий. — Это было бы совершенно несвоевременно... — сказал Владимир Ильич» [1]).

Тов. Бонч-Бруевич в упомянутой книге пишет, что т. Ленин в вагоне поезда внимательно просматривал утрение газеты и говорил: «Это очередная вспышка недовольных масс населения, результат двойной игры и половинчатой, соглашательской политики совета и систематического прохвостничества Временного правительства. Этим движением надо немедленно овладеть и, может быть, немедленно остановить его. Гораздо хуже и серьезней та травля, которая решительно во всех газетах предпринята сейчас против большевиков. Это прямая контрреволюция, которая нам верно может сильно повредить» [2]).

Вследствие болезни т. Ленин днем 4 июля перед массами выступил всего один раз, с балкона дома Кшесинской, с коротенькой речью перед матросами Кронштадта. В этой речи он говорил: «1) извинение, что по случаю болезни я ограничиваюсь несколькими словами; 2) привет революционным кронштадтцам от имени питерских рабочих; 3) выражение уверенности, что наш лозунг «Вся власть Советам» должен победить и победит, несмотря на все зигзаги исторического пути; 4) призыв к выдержке, стойкости и бдительности» [3]).

Совершенно невероятным и чудовищным является рассказ Суханова о том, будто бы, по словам т. Луначарского, «Ленин в ночь на 4 июля, посылая в «Правду» плакат с призывом к мирной манифестации, имел определенный план государственного переворота... Пока что было намечено три министра: Ленин, Троцкий и Луначарский» [4]).

Суханов в своих «Записках», по нескольку раз приводя версию о том, будто бы Ленин хотел 4 июля захватить власть, повторяет сплетню бульварных газет, которые, с целью натравить мещан на Ленина, на все лады об этом писали. В этом вопросе Суханов находился (по крайней мере, в момент писания «Записок») в полнейшем плену у черносотенной бульварной прессы, поднявшей кампанию травли против т. Ленина. Тов. Ленин в ночь на 4 июля даже не знал о начавшемся выступлении. Никаких плакатов в «Правду» о захвате власти не посылал. Приехав 4 июля, он полностью одобрил взятый партией курс на руководство мирной демонстрацией. Рассказ о намерении захвата власти и о составлении большевистского министерства — это плод досужей фантазии г. Суханова.

В июльские дни т. Ленин действительно высказывался за захват власти, только — не в июле, а осенью, и призывал партию приступить к подготовке к вооруженному восстанию. Тов. Бонч-Бруевич передает разговор с Владимиром Ильичем днем 4 июля по вопросу о создавшемся положении следующими словами:

---

[1]) Вл. Бонч-Бруевич, В. И. Ленин в России, стр. 86.
[2]) Там же, стр. 88.
[3]) Н. Ленин, Собр. соч., т. XIV, ч. 2, стр. 45.
[4]) Суханов, Записки о революции, т. IV, стр. 511.

— Что же дальше? — спросил я у Владимира Ильича.

— Вооруженное восстание, — другого выхода нет.

— Когда?

— Это покажут обстоятельства, но не позднее осени [1]).

О том, что у т. Ленина в июльские дни сложилось твердое убеждение, что вооруженное восстание неизбежно не позднее осени, пишет также т. Орджоникидзе. Он передает разговор с Владимиром Ильичем, происшедший в ближайшие дни после 3 — 5 июля. По словам т. Орджоникидзе, т. Ленин говорил: «Власть можно взять теперь только путем вооруженного восстания, оно не заставит ждать себя долго. Восстание будет не позже сентября — октября. Нам надо перенести центр тяжести на фабзавкомы. Органами восстания должны стать фабзавкомы» [2]).

Из рассказа т. Орджоникидзе видно, что Владимир Ильич, несмотря на временное торжество реакции, смотрел на будущее оптимистически. Он учитывал неизбежность вооруженного восстания, он понимал также и то обстоятельство, что соглашательские советы органами восстания не будут; он тогда думал, что эта роль падет на фабзавкомы. В действительности в октябрьские дни эту роль выполняли не фабзавкомы, а военно-революционные комитеты, ошибка т. Ленина в этом вопросе небольшая. Этот эпизод ценен еще потому, что он показывает, как т. Ленин обращался с тем или другим лозунгом. У него не было для всех условий и для всех обстоятельств раз навсегда готовых штампованных лозунгов (как это мы теперь наблюдаем у троцкистско-зиновьевской оппозиции), а он, как истинный диалектик, даже по вопросу о советах, исходил из конкретных условий возможности и целесообразности, в интересах революции, применения того или другого лозунга.

В связи с поднятой в печати травлей т. Ленина и других большевиков остро стоял вопрос о явке т. Ленина на суд, вернее — отдаться ли в плен раз'яренным контрразведчикам. Мы уже выше приводили выдержки из состряпанного в штабе и 5 июля опубликованного документа. Весь этот «документ» построен на основании показания прапорщика Ермоленко, который будто бы был «переброшен» германцами 25 апреля к нам через фронт с целью агитации в пользу заключения сепаратного мира с Германией.

О личности этого героя необходимо сказать несколько слов. В «Июльском деле» помещен послужной список Ермоленко, из которого видно, что он в период от Японской войны до 1913 г. служил в контрразведке. Уволен был со службы в 1913 г. и награжден чином зауряд-прапорщика. В 1914 г. Ермоленко поступил на военную службу и, находясь в плену, вел полицейскую слежку за военнопленными в концентрационных лагерях. Потом этот суб'ект, «по настоянию товарищей», поступил на службу к германцам. Этот интернациональный шпион был главным свидетелем против большевиков.

Главный пункт показания Ермоленко гласит: «3 апреля 1917 г. нового стиля я выехал с обер-лейтенантом (оба в штатском платье)

[1]) Вл. Бонч-Бруевич, В. И. Ленин в России, стр. 92.

[2]) «О Ленине». Сборник воспоминаний, ГИЗ, Москва, стр. 102.

в Берлин. Прибыли 3-го вечером. На следующий день мы отправились в главный штаб. Явились в генеральный штаб к капитанам генерального штаба Шидицкому и Люберсу» [1]). Дальше идут показания о подписании договора с генеральным штабом о работе его (Ермоленко) в России в пользу германцев, ему назначено было 8 000 р. в месяц жалованья и 30% от суммы причиненного России ущерба (от взрыва складов, мостов и т. д.). Когда Ермоленко поставил вопрос: «что же я один буду работать в этом направлении, и потому от такой работы много пользы ждать нельзя, на это мне сказали, что напрасно я так думаю, что у Германии достаточное количество работает в России агентов-шпионов, работающих для Германии, причем упомянули фамилию Ленина, как лица, работающего от Германии и для Германии, и что дела у него идут великолепно. Приэтом они упоминали тогда о том, что Ленин работает во дворце Кшесинской» [2]). Там же далее, на листе 21 Ермоленко показывает, что кроме Иолтуховского и Ленина других лиц, работающих в пользу Германии, названо не было.

Из этих показаний видно, что, несмотря на то, что т. Ленин прибыл в Россию только 4 апреля по старому стилю, Ермоленко хотел посадить его во дворце Кшесинской на две недели раньше. Вообще видно, что Ермоленко был шпионом мелким. Иолтуховского он знал по слежке за украинскими националистами в плену. Из большевиков, кроме Ленина, как самого популярного, о котором трубили все газеты, никого другого назвать не мог. Видно, что и германцы ценили его очень низко (сомнительно, был ли он вообще в штабе германцев), по его показаниям, германцы дали ему на дорогу всего 1 500 руб. [3]). Зато он на себя сразу обратил внимание русского генерального штаба, который хотел использовать этого суб'екта с целью скомпрометировать т. Ленина.

17 мая русским генеральным штабом было выдано Ермоленко на руки 50 000 руб. Об этом он сам рассказывает следующее: «...живя в Могилеве, 17 мая на улице ко мне подошли два незнакомых лица и, осведомившись у меня, я ли Ермоленко, вручили мне конверт со словами, что в нем жалованье вперед за два месяца и остальное на расходы. В конверте оказалось 50 000 руб. крупными русскими деньгами» [4]).

Хотя Ермоленко и говорит, что эти деньги были получены от германцев, но не может быть никакого сомнения в том, что они были выданы именно русской, а не германской контрразведкой. Не стали бы германцы выдавать авансы человеку, который по приезде в Россию явился в русский штаб и ежедневно в течение месяца в этот штаб захаживал. Если эти деньги были бы от германцев, то контрразведка их отняла бы у Ермоленко, а, как видно из дел архива, эти деньги были оставлены у Ермоленко на руках и сам он продолжал разгуливать на свободе. Зато контрразведка при обыске в квартире т. Ленина 7 июля отобрала у т. Крупской 2 000 руб., принадлежавших редакции печат-

---

[1]) АОР, «Июльское дело», т. I, л. 5.
[2]) Там же, л. 13.
[3]) Там же, л. 19.
[4]) Там же.

ного органа секции работниц, и при разгроме партрайкома похищено было около 4 000 руб. партийных членских взносов.

Малоценность и вздорность всех показаний Ермоленко была так очевидна, что Временное правительство не посмело ими пользоваться. Допрос Ермоленко был доставлен Керенскому еще 16 мая, но лежал без движения, о самом герое тоже временно забыли; он уехал в Благовещенск в надежде с полученными деньгами хорошо пожить. Но тут подошли июльские дни, и сразу вспомнили об Ермоленко, были использованы его показания, сам он срочно был вызван из Благовещенска в Петроград. Но и на этот раз он ничего нового к тому, что говорил раньше, прибавить не мог.

Юстиция Керенского видела, что на малограмотных показаниях Ермоленко никакого дела против большевиков не состряпать, и отправилась в поиски новых свидетелей.

Была допрошена масса лиц, офицеров, генералов, охранников, коммерсантов и других. Но никто ничего такого, подтверждающего связь т. Ленина с германским штабом, показать не мог. Интересны показания двух крупных деятелей царской охранки. Так, бывший начальник петроградского охранного отделения, ген.-майор Глобачев показал: «Такими сведениями, чтобы Ленин работал в России во вред ей и на германские деньги, охранное отделение, по крайней мере, за время моего служения, не располагало» [1]).

Другой охранник, В. М. Якубов, бывший начальник контрразведывательного отделения штаба Петроградского военного округа, до этого начальник контрразведки штаба Одесского военного округа, показал следующее: «Мне ничего не известно о связи Ленина и его единомышленников с германским генеральным штабом, а равно я ничего не знаю о тех средствах, на которые работает Ленин» [2]).

После неудачи связать т. Ленина прямо с германским штабом юристы Керенского (фактически те же старые царские слуги) решили переменить фронт и попробовать связать т. Ленина с германским штабом через третьих лиц. С этой целью был разыскан купец Бурштейн, который показал, что в Стокгольме существует германская шпионская организация, возглавляемая Парвусом, и что с Парвусом держат связь большевики Ганецкий и Козловский. Буржуазное правосудие ликовало: раз Парвус — германский агент, а с ним поддерживают какие-то сношения большевики Ганецкий и Козловский, то можно к ним присоединить также и большевика Ленина. Но со «свидетелем» Бурштейном случилось несчастье: оказывается, что и этот свидетель мало надежен. Начальник контрразведывательного отделения генерального штаба кн. Туркестанов доводит до сведения следователя Александрова, что «З. Бурштейн является лицом, не заслуживающим никакого доверия. Бурштейн представляет собою тип темного дельца, не брезгающего никакими занятиями» [3]).

---

[1]) АОР, «Июльское дело», т. XIII, л. 12.
[2]) Там же, т. V, л. 49.
[3]) Там же, т. VI, л. 7.

Кроме Бурштейна, была еще свидетельница, сестра милосердия Шеляховская, которая, конечно, сама ничего не видела и не знала, но которой будто бы на Финляндском вокзале неизвестная сестра говорила, что большевики в дни 3—5 июля платили по 40 руб. каждому солдату, выступающему против Временного правительства. На основании этих «фактов» она «самым решительным образом» утверждает, что Ленин и Зиновьев германские шпионы [1]).

Кроме Ермоленко, Бурштейна и Шеляховской, против большевиков и т. Ленина дают показания бывшие социалисты Бурцев и Алексинский. Они, конечно, никаких фактов не имеют, но зато они убеждены в том, что Ленин хочет поражения России и победы Германии, что Ленин фанатик и в интересах своей партии «он неразборчив по отношению к источникам денежных средств» (Алексинский). Бурцев говорил: «Ленин не мог не знать, что его партия пользуется материальной поддержкой со стороны Германии и германских друзей» [2]). Для подтверждения своих слов ни Бурцев, ни Алексинский никаких доказательств не приводят.

На основании вышеизложенных «фактов» 21 июля, за подписью следователя по особо важным делам Александрова и прокурора петроградской судебной палаты Н. Карынского, было опубликовано в газетах постановление о привлечении к суду по 51, 100 и 106 ст. уг. уложения в качестве обвиняемых в государственной измене и организации вооруженного восстания следующих товарищей: Ленина, Зиновьева, Коллонтай, Ганецкого, Козловского, Семашко, Сахарова, Раскольникова, Рошаля, гр. Гельфанда (Парвус) и гражданки Суменсон.

В заключении этого постановления говорится, что выше названные лица, «являясь русскими гражданами, по предварительному между собою и другими лицами уговору, в целях способствования находящимся с Россией государствам во враждебных против нее действиях, вошли с агентами названных государств в соглашение содействовать дезорганизации русской армии и тыла для ослабления боевой способности армии. Для чего на полученные от этих государств денежные средства организовали пропаганду среди населения и войск с призывом к немедленному отказу от военных против неприятеля действий, а также в тех же целях в период времени с 3—5 июля 1917 г. организовали в Петрограде вооруженное восстание» [3]).

Несмотря на отсутствие фактических данных, на основании намеков и инсинуации было создано это чудовищное дело, дело Бейлиса № 2.

Дальнейшая судьба этого дела такова. Были арестованы т. Козловский и гр-ка Суменсон (необходимо отметить, что Суменсон совместно с Ганецким торговали медикаментами, при них юрисконсультом состоял тов. Козловский), взята была вся корреспонденция Козловского и Суменсон, были из'яты счета из банков, из почтово-телеграфных контор были затребованы копии телеграмм, фактуры из экспортных

---

1) АОР, «Июльское дело», т. III, л. 108.
2) Там же, т. VI, л. 27.
3) Там же, т. IV, лл. 18—34.

контор и т. д. Все эти документы, так же как и торговые книги Суменсон, показывали лишь то, что она, как и сотни других лиц, вела успешную торговлю недостающими в России товарами. Несмотря на старания юристов Керенского найти измену, ничего компрометирующего обнаружено не было, и из-за отсутствия улик гражданка Суменсон и т. Козловский под залог были выпущены из тюрьмы. Оказалось, что все это дело сшито белыми нитками и осталось для истории лишь памятником, иллюстрирующим ложь о независимости и справедливости буржуазного суда.

Необходимо отметить, что, несмотря на отсутствие фактов, если бы только буржуазии удалось победить нас, она не побрезговала бы судить нас на основании тех же «фактов», на которых был построен обвинительный акт.

Если судебное следствие, из-за отсутствия других материалов, должно было все обвинение построить на показаниях Ермоленко, на показаниях Алексинского, которого, как клеветника и бесчестного человека, даже меньшевики и эсеры не допускали в ИК совета, которого и Дан называл «бесчестным клеветником», обещая «вывести этих суб'ектов за ушко на солнышко»; на показаниях Бурштейна, о котором даже контрразведка писала, как о темном суб'екте, незаслуживающем никакого доверия, — то говорить о правильном судебном разбирательстве дела могли лишь люди, насквозь пропитанные конституционными иллюзиями.

К суду тт. Ленина и Зиновьева требовала вся буржуазная свора, в том числе меньшевики и эсеры, а за ними и новожизненец Суханов, который в своих «Записках» пишет, что имелись все гарантии для беспристрастного разбирательства, по крайней мере, он считал, что жизнь и здоровье т. Ленина, в случае явки перед Александровым, находятся в абсолютной безопасности. «Ни о самосуде ни о каторге не могло быть и речи» [1]).

К сожалению, такие же настроения существовали и среди некоторых членов большевистской партии. Тов. Орджоникидзе, например, пишет, что т. Ногин и другие московские товарищи высказывались за явку на суд. Решительно против явки к властям выступил т. Сталин, который считал, что «юнкера до тюрьмы не доведут, убьют по дороге» [2]). По этому вопросу велись переговоры с членом президиума ЦИК Анисимовым, от которого потребовали гарантии безопасности для Ленина, но Анисимов никаких гарантий дать не мог, потому что не было известно, в чьих руках на завтра будет сам Анисимов, ибо контрреволюционное офицерство действовало во-всю. После выяснения всех обстоятельств дела, т. Ногин согласился с тем, что невозможно в данных условиях явиться на суд.

Необходимо отметить, что даже на VI с'езде партии некоторые товарищи из межрайонной организации требовали явки тт. Ленина и Зиновьева на суд. Они развивали такую мысль: мы, мол, на этом про-

---

[1]) Н. Суханов, Записки, т. IV, стр. 481.
[2]) С. Орджоникидзе, Сборн. «О Ленине», стр. 101.

цессе, на этом деле Дрейфуса, развернем такую кампанию, что на скамью подсудимых вместо обвиняемых посадим самих обвинителей. Но эти взгляды на с'езде поддержки не встретили, и с'ездом единогласно была принята предложенная т. Бухариным резолюция, признающая поступок товарищей, ушедших в подполье и неявившихся на милость победителей, правильным.

На какой точке зрения по вопросу о явке на суд стоял т. Ленин? Тов. Орджоникидзе пишет, что т. Ленин был против явки на суд, хотя его, как человека кристалльной нравственной чистоты, смущало поведение т. Ногина и пущенный провокаторами слух о причастии Ленина к охранке. Правильность слов т. Орджоникидзе подтверждает статья самого т. Ленина. В этой статье тов. Ленин пишет:

«Суд есть орган власти. Это забывают иногда либералы. Марксисту грех забывать это.

А где власть? Кто власть?

Правительства нет. Оно меняется ежедневно. Оно бездействует.

Действует военная диктатура. О «суде» тут смешно и говорить. Дело не в «суде», а в эпизоде гражданской войны. Вот чего напрасно не хотят понять сторонники явки...

Я не сделал ничего противозаконного. Суд справедлив. Суд разберет. Суд будет гласный. Народ поймет. Я явлюсь.

Это рассуждение наивно до ребячества. Не суд, а травля интернационалистов, вот что нужно власти. Засадить их и держать — вот что надо гг. Керенскому и К°. Так было (в Англии и Франции), так будет (в России)» [1]).

Ясность мысли т. Ленина по этому вопросу так поразительна, что комментариями ее можно лишь затемнить. Последние слова Владимира Ильича «так будет (в России)» сбылись полностью. После ареста т. Каменева и сотни других партийных работников, Временное правительство засадило в тюрьму еще Троцкого, Луначарского и Коллонтай. Если бы не было нарастающей революционной волны и Октябрьской революции, то всех арестованных Временное правительство наверное сослало бы на каторгу и в ссылку.

Для того, чтобы точно представить отношение т. Ленина к вопросу о явке на суд, необходимо еще добавить, что т. Ленин был против явки к властям Временного правительства, вернее, он не хотел отдаваться для расправы в руки контрреволюционерам из контрразведки, но к комиссии, созданной президиумом ЦИК в составе Гендельмана, Гоца, Дана, Либера и Крохмаля, он отнесся со вниманием.

Тов. Каменев договорился с Гоцем, что в 12 ч. дня 7 июля тт. Ленин, Зиновьев и Каменев явятся в комиссию для дачи показаний, но соглашатели, под давлением буржуазии, отказались от своей комиссии, не явились для снятия допроса, распустили комиссию и требовали явки тт. Ленина и Зиновьева на суд Временного правительства.

---

[1]) «Пролетарская революция», № 1, 1925 г., стр. 37.

От этого эпизода имеется документ — заявление тт. Ленина и Зиновьева в комиссию ЦИК; в этом документе товарищи пишут:

«Утром (в пятницу 7 июля) Каменеву было сообщено из Думы, что комиссия приедет на условленную квартиру сегодня в 12 ч. дня. Мы пишем эти строки в 6½ ч. вечера 7 июля и констатируем, что до сих пор комиссия не явилась и ничего не дала о себе знать... Ответственность за замедление допроса падает не на нас [1]).

В. Ленин, Г. Зиновьев».

---

[1]) Зиновьев, Собр. соч., т. VII, ч. 1, стр. 190.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Подводя итог разбору событий 3—5 июля, необходимо отметить следующие особенности момента.

Первая особенность до дней 3—5 июля заключалась в той своеобразной обстановке двоевластия, когда официальная государственная власть находилась в руках буржуазного Временного правительства и рядом с этим правительством существовали советы Р., С. и К. Д., имеющие в своих руках фактическую власть и уступающие эту власть Временному правительству. В результате этого получился своеобразный переплет власти буржуазии с революционно-демократической диктатурой пролетариата и крестьянства. В связи с началом наступления на фронте и переходом вождей мелкобуржуазных социалистов в лагерь буржуазии, власть из рук советов постепенно переходила в руки буржуазии и контрреволюционного командного состава.

Вторая особенность заключалась в том, что Россия после Февральской революции стала самой свободной из воюющих стран в мире. Вооруженные и организованные в советы громадные массы рабочих и солдат, отсутствие насилия над ним — вот вторая особенность момента.

Выше охарактеризованное положение в обстановке войны не могло долго продержаться и, таким образом, имело лишь переходный характер. Перед страной стала дилемма: или продолжение войны — в таком случае отказ от существующих свобод неизбежен, гегемония империалистической буржуазии явно неизбежна, или разрыв с политикой империализма, принятие действительных мер к прекращению войны, что, в свою очередь, возможно было лишь при утверждении революционно-демократической диктатуры против буржуазии.

Меньшевики и эсеры колебались, хотели создать что-то среднее, хотели сочетать существующие свободы с ведением империалистической войны. На деле эта политика показала свою полную несостоятельность, толкнула широкие рабочие и солдатские массы в сторону противников политики соглашения, а сами меньшевики и эсеры, шаг за шагом уступая давлению империалистов, скатились в лагерь контрреволюционной буржуазии.

В этот период революции партия большевиков выдвинула лозунг перехода всей власти в руки С. Р., С. и К. Д. Означал ли этот лозунг тогда диктатуру пролетариата? Отнюдь нет. Это означало лишь то, что власть должна окончательно перейти в руки пролетариата и кре-

стьянства. Это означало осуществление в чистом виде революционно-демократической диктатуры пролетариата и крестьянства.

Думали ли большевики, что с переходом власти в руки доиюльских советов революция будет закончена? Отнюдь нет. Процесс перерастания буржуазно-демократической революции в революцию пролетарскую должен был продолжаться. Но это означало, что, в случае взятия власти в свои руки, мелкобуржуазные доиюльские советы должны были бы порвать с буржуазией и стать на платформу соглашения с пролетариатом. Учитывая природу мелкой буржуазии, ее нерешительность и колебания, можно было полагать, что, взявши власть, она дискредитирует себя перед рабочими, солдатскими и крестьянскими массами, требующими решительных действий власти. Под влиянием хозяйственной разрухи, нерешительности политики соглашателей и агитации партии большевиков, массы должны были бы постепенно перейти в лагерь большевиков, и завоевание советов большевиками произошло бы мирным путем. Тов. Сталин на VI с'езде РСДРП (б) говорил: «Мы говорили, что у нас открыта возможность путем перевыборов согласовать характер деятельности советов с выступлением широких масс. Нам было ясно, что достаточно перевеса в один голос в СР и СД, и власть должна будет пойти иным путем» [1]).

Завоевав мирным путем советы, партия большевиков довела бы буржуазно-демократическую революцию до конца и приступила бы к социалистическому строительству. Эти шаги новой власти вызвали бы вооруженное сопротивление буржуазии и верхов мелкой буржуазии. Для подавления его и для обеспечения возможности социалистического строительства, пролетариат, под руководством партии большевиков, использовал бы им же созданную новую государственную власть — диктатуру пролетариата, опирающуюся на беднейшее крестьянство.

Партия была права, выставив лозунг мирного перехода власти к Советам. Но ошибка была допущена в смысле недооценки революционного настроения масс. Ленин писал: «Действительной ошибкой нашей партии в дни 3-4 июля, обнаруженной теперь событиями, было только то, что партия считала общенародное положение менее революционным, чем оно казалось, что партия считала еще возможным мирное развитие политических преобразований путем перемены политики советами, тогда как на самом деле меньшевики и эсеры настолько уже запутали и связали себя соглашательством с буржуазией, а буржуазия настолько стала контрреволюционна, что ни о каком мирном развитии не могло уже быть и речи. Но этого ошибочного взгляда, который подкреплялся только надеждой на то, что события не будут развиваться слишком быстро, этого ошибочного взгляда партия не могла изжить иначе как участием в народном движении 3-4 июля с лозунгом «Вся власть советам» и с задачей придать движению мирный и организованный характер» [2]).

---

[1]) «Протоколы VI с'езда РСДРП (б)», стр. 16.
[2]) «Ленинский сборник», № 4, стр. 324-325.

Тов. Ленин считал, что мирный период развития революции кончился с момента наступления на фронте; что подготовка наступления и само наступление привязало соглашателей к колеснице империализма, превратило их в игрушку в руках империалистической буржуазии. Но изжить иллюзии мирного развития, которые были в массах очень сильны, можно было только путем получения наглядных уроков, доказывающих предательство меньшевиков и эсеров и невозможностью без вооруженной борьбы взятия власти в руки советов.

С поражением демонстрации 3—5 июля лозунг «Вся власть советам» был снят. Соглашательские советы, участвуя в карательной политике буржуазии против рабочих и солдат, окончательно скомпрометировали себя. Авторитет советов мог подняться лишь после завоевания в советах большевиками большинства. После июльских дней был выдвинут лозунг диктатуры рабочего класса, опирающегося на беднейшее крестьянство.

При смене лозунгов и определении ближайших перспектив революции в партии большевиков были некоторые разногласия. На экстренной июльской Петроградской конференции (16 июля) часть товарищей, особенно сторонников т. Троцкого из межрайонной организации, проявила непонимание характера переживаемой революции, и взаимоотношения революций буржуазной и пролетарской. Они не понимали того, что между этими двумя революциями не может быть китайской стены, не понимали того, что они обе переплетаются, и одновременно, с доведением до конца буржуазно-демократической революции, происходит перерастание последней в революцию пролетарскую. Тов. Володарский считал, что без поддержки западно-европейского пролетариата русский пролетариат не может брать власть. Он считал, что еще возможна победа мелкой буржуазии, и поэтому признавал необходимым сохранение старого лозунга; тт. Иванов и Прохоров возражали против лозунга диктатуры пролетариата и беднейшего крестьянства; тт. Ровинский и Харитонов считали, что никаких изменений в результате июльской демонстрации в экономике России не произошло, и поэтому они за сохранение старого лозунга. В своем докладе и заключительном слове т. Сталин развивал мысль, что мирный период революции кончился, власть с согласия соглашательских советов перешла в руки военной клики, взять эту власть сейчас можно только путем вооруженного восстания, к которому нужно всесторонне готовиться.

На VI с'езде (26 июля—3 августа) вопрос о лозунге «Вся власть советам» вызвал оживленные прения, которые обнаружили, что и тогда часть даже очень ответственных большевиков не понимала диалектики революции. После доклада т. Сталина, изложившего основные положения и перспективы революции, выступил с возражениями ряд товарищей. Тов. Ангарский считал, что условия для социалистической революции не созрели и что т. Сталин рекомендует партии тактику отчаяния; т. Преображенский защищал старый лозунг и допускал возможность соглашения крестьянства с буржуазией; т. Юренев защищал

старый лозунг и доказывал, что тактика партии, рекомендуемая т. Сталиным, привела бы к изоляции пролетариата; т. Володарский считал, что революция — не социалистическая, и защищал старый лозунг; т. Ногин защищал старый лозунг и говорил, что мы не подготовлены к революции социалистической; т. Мануильский защищал старый лозунг; т. Бухарин высказал ту мысль, что предстоящая революция будет иметь два фазиса: «первый фазис с участием крестьянства, стремящегося получить землю, второй фазис — после отпадения насыщенного крестьянства, фазис пролетарской революции, когда российский пролетариат поддержат только пролетарские элементы и пролетариат Западной Европы» [1]).

Возражали выступающим тт. Бубнов, Молотов, Милютин, Смилга, Сокольников и др. В заключительном слове т. Сталин говорил, что выступавшие против его тезисов товарищи отстали от жизни на 3 месяца, что уже на апрельской конференции было решено начать делать шаги в сторону социализма, что товарищи, возражающие против диктатуры пролетариата и беднейшего крестьянства, требующие ограничивать свою деятельность рамками, приемлемыми и для мелкой буржуазии, глубоко ошибаются, и что это на практике было бы «полным переходом на сторону буржуазии».

Снятие лозунга «Вся власть советам» не означало того, что партия против советов, наоборот, в резолюции с'езда подчеркивалось, что партия должна защищать и укреплять советы, превращать их из соглашательских в советы большевистские, но при этом не забывать, что главное уже не в советах, а в вооруженном восстании. Тт. Ленин и Сталин подчеркивали ту мысль, что, даже в случае если Советы путем перевыборов перешли бы в руки большевиков, все-таки власти они не имели бы и вооруженное восстание было бы абсолютно неизбежно. В то же время т. Ленин доказывал, что советы как новая форма пролетарского государства покажут себя в будущем, что после победы над буржуазией пролетариат свое государство построит именно по типу советов.

Итак, послеиюльская смена партийных лозунгов означала перенесение центра тяжести на подготовку вооруженного восстания. В то же время партия ставила своей задачей не забрасывать советы, а защищать их от поползновения контрреволюционеров, одновременно разоблачая политику соглашательских советов и ведя борьбу за большевизацию их. История показала, что одновременно с большевизацией Советов вырастал их авторитет, и лозунг «Вся власть советам» был восстановлен снова, но не как лозунг мирного развития, не как лозунг власти мелкой буржуазии, а как лозунг диктатуры пролетариата и беднейшего крестьянства.

Выступление 3—5 июля мы об'ясняли как связанный с наступлением на фронте стихийный взрыв возмущения солдатских и рабочих масс против соглашательской политики меньшевиков и эсеров. Участие партии в движении 3—5 июля мы считаем единственно правильным

[1]) «Протоколы VI с'езда РСДРП (б)», стр. 122.

шагом для партии. В связи с этим вопросом возникает другой вопрос, вопрос о провокации, вопрос о роли Временного правительства и военных кругов при возникновении движения 3—5 июля.

О провокации пишут почти все участники событий 3—5 июля. О провокации говорит также в своем докладе на VI с'езде и т. Сталин, который не утверждает категорически, но считает возможным, что, кроме общих причин, были также и элементы провокации. В более резкой форме версию провокации отстаивает т. Подвойский, который выступление пулеметного полка об'ясняет следующим образом:

«Не считая возможным предпринять что-либо репрессионное открытым образом по отношению к строптивому полку, правительство решило прибегнуть к провокации, и поэтому с некоторого времени в полку появились какие-то подозрительные личности, подбивавшие солдат на выступление, доказывавшие, что большевистская партия не стоит на высоте требования революции... Уловить этих подстрекателей было невозможно: солдаты их не выдавали, и это не давало возможности выяснить, что это за элемент. Но свою черную работу они делали успешно» [1].

В другом месте той же статьи т. Подвойский пишет, будто бы т. Ленин после демонстрации 18 июня говорил, что буржуазия, для того чтобы разрушить нашу организацию, «употребит все усилия, чтобы спровоцировать эти массы на такое выступление, которое, вызвав репрессии, разобьет и разделит их [2]. Факты, приводимые т. Подвойским, якобы доказывающие наличность провокации, для нас неубедительны; приводимые т. Подвойским «подозрительные личности» мы склонны рассматривать не как агентов правительства, а как недовольных, доведенных до отчаяния политикой наступления солдат, сотнями приезжавших в те дни с фронта в Петроград жаловаться и искать защиты против репрессий, творимых генералами и комиссарами Временного правительства над солдатами.

Если даже допустить возможность работы отдельных провокаторов, то все-таки не они вызвали выступление масс. В связи с началом наступления на фронте, атмосфера была так накалена, что для взрыва возмущения ни в каких провокаторах не нуждались. Товарищи, об'ясняющие взрыв деятельностью провокаторов, недостаточно оценивают остроту недовольства масс, повторяют именно ту ошибку партии в июльские дни, о которой писал т. Ленин.

Отрицая версию, об'ясняющую июльский взрыв как результат деятельности правительственной провокации, участие провокаторов и черносотенцев в самые дни 3—9 июля мы считаем бесспорным. Обстрел демонстраций с крыш и из буржуазных квартир, а также провокаторский обстрел прибывающих с фронта войсковых частей, — все это документально доказано. Кто стрелял? Стреляли черносотенные буржуазные и офицерские организации, имевшие большие запасы ору-

---

[1]) «Красная летопись» № 6, 1923 г., стр. 78.

[2]) Там же, стр. 76.

жия. Они хотели создать подходящую обстановку и дать прибывающим в большом количестве с фронта войскам «работу».

Только выдержка и стойкость петроградских рабочих и правильная тактика партии большевиков, призывавшая рабочих и солдат к спокойствию, расстроили планы контрреволюционеров.

Были ли в партии большевиков разногласия и отдельные течения в июльские дни? Да, были, но небольшие. Среди членов ПК и ЦК была группа товарищей, в частности, тт. Лацис, Богдатьев, Смилга и другие, которая требовала использования вооруженных демонстраций с целью захвата власти и считали проводимый партией курс оппортунистическим. В ближайшие дни после 3—5 июля эти товарищи настаивали на об'явлении всеобщей стачки, и на Выборгской стороне принимались кое-какие меры военного характера. Только вмешательство т. Ленина прекратило это ребячество.

В ЦК партии безусловно был правый уклон, проводимый тт. Каменевым, Зиновьевым и Ногиным. Хотя ЦК днем 3 июля высказался против движения, но не случайно, что именно тт. Зиновьев и Каменев написали соответствующее воззвание против выступления и отослали в «Правду». Поздно вечером, когда для всех было совершенно очевидным, что массу удержать невозможно, даже тогда еще т. Каменев высказался против участия партии в демонстрации. Если бы тогда партия согласилась с т. Каменевым, то сделала бы крупную ошибку, которая помогла бы штабу осуществить свой провокаторский план. Без руководства нашей партии движение 4 июля приняло бы анархический характер; вооруженные столкновения приняли бы громадные размеры и, таким образом, была бы создана почва для «усмирения» со стороны Временного правительства.

Массовое движение в дни 3-4 июля по инициативе солдат возникло вопреки желанию нашей партии. Большевистская партия считала выступление преждевременным и хотела удержать массы от выступления, потому что опасалась, как бы буржуазия и соглашатели ответственность за неизбежный разгром начатого наступления на фронте не свалили на пролетариат и нашу партию. Тов. Сталин на экстренной июльской петроградской партийной конференции говорил, что тактика партии состояла в том, чтобы удержать массы от преждевременного выступления, выждать пока полностью обнаружится провал начатого преступного наступления на фронте. Но недовольство в массах было так сильно, что оно через нашу голову перелилось в стихийное массовое движение против Временного правительства.

В дни 3—5 июля создалась чрезвычайно сложная обстановка. Массы боролись за полновластие советов, но благодаря тому, что в советах господствовали меньшевики и эсеры, советы отказались взять власть, и, таким образом, массы оказались в положении вооруженных противников советов. Партия призывала к мирной демонстрации, а на улицах происходил бой. Партия выдвинула лозунг мирного перехода власти к советам, а Военная организация принимала целый ряд чисто военных мер. Таким образом движение приняло характер полувосста-

ния, и стоило только партии выбросить лозунг захвата власти, как власть безусловно была бы взята, ибо в дни 3—5 июля у Временного правительства в Петрограде сил не было, что должен был констатировать даже Милюков в «Истории второй русской революции». Но, сделав такой шаг, партия тогда совершила бы роковую ошибку, ибо, как писал т. Ленин, в июле 1917 г. в массах не было еще той отчаянной решимости бороться за власть советов, и Временное правительство с помощью отсталой провинции и верных войск с фронта задушило бы власть Петроградского совета.

Партия под умелым руководством своего гениального вождя Ленина во-время отступила, не приняла боя в момент для этого невыгодный и, таким образом, сохранила революционные кадры для предстоящей решительной схватки.

Сравнивая характер движения 3—5 июля с апрельским и июньским движениями, т. Ленин писал: «По форме движение в течение всех трех кризисов было демонстрацией. Противоправительственная демонстрация — таково было бы формально наиболее точное описание событий. Но в том-то и дело, что это не обычная демонстрация, это нечто значительно большее, чем демонстрация, и меньшее, чем революция. Это — взрыв революции и контрреволюции вместе, это — резкое, иногда почти внезапное «вымывание» средних элементов, в связи с бурным обнаружением пролетарских и буржуазных» [1]).

Только при наличии такого положения, когда официальная государственная власть не имела реальной силы, когда колебания мелкой буржуазии были очень сильны и когда существовали хорошо организованные и вооруженные крайние политические партии, именно при таком положении были возможны события 3—5 июля.

В процессе перерастания буржуазно-демократической революции в революцию пролетарскую июльские дни играли большую роль. Июльские события показали широким рабочим и солдатским массам, кто с ними и кто против них; июльские события раскрыли предательскую политику вождей партии меньшевиков и эсеров и зависимость их от буржуазии; в то же время эти тяжелые дни показали массам преданность партии большевиков революции.

В июльские дни массы сделали последнюю попытку для мирного перехода власти к советам. Были исчерпаны все легальные возможности для перехода власти в руки советов. Но вместо этого, благодаря измене партии соглашателей, фактическая власть из рук советов перешла в руки контрреволюционного генералитета, поддержанного главной буржуазной партией — кадетами.

Пролетариат в апрельские дни не был разгромлен Корниловым потому, что меньшевики и эсеры тогда еще не перешли в лагерь буржуазии, поражение революции в дни 3—5 июля можно об'яснить предательством мелкобуржуазных соглашательских вождей, перешедших на сторону буржуазии.

---

[1]) Н. Ленин, Собр. соч., т. XX, ч. 2, стр. 138.

Урок июльской демонстрации состоит в том, что широкие пролетарские и солдатские массы увидели, что выйти из проклятой бойни, прогнать помещиков, обуздать буржуазию, установить рабочий контроль над производством, принять действительные меры борьбы против экономической разрухи и генеральской контрреволюции возможно только путем победоносного восстания революционного пролетариата в союзе с беднейшим крестьянством или полупролетариями, который под руководством партии большевиков должен взять всю государственную власть в свои руки.

Н. РУБИНШТЕЙН

ВНЕШНЯЯ ПОЛИТИКА КЕРЕНЩИНЫ

Глава первая

ЦАРИЗМ И БУРЖУАЗИЯ В ВОПРОСАХ ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКИ

Период марта-октября 1917 г. лежит на грани двух эпох. Это — перегон, пройденный историей от последней остановки самодержавной России до советской республики. Именно поэтому керенщину — с какой бы стороны ее ни брать — нельзя рассматривать изолированно, не выясняя ее связи с предшествующим периодом. И в настоящей статье, задачей которой является анализ в н е ш н е й п о л и т и к и керенщины, нельзя обойтись без беглого очерка внешней политики царизма последних дней его существования.

Вряд ли в какой-нибудь другой области интересы русской буржуазии, ставшей у власти после февраля, так сочетались с интересами торгового капитала и его агентуры — правительства Николая II, как это имело место в вопросах внешней политики. Фокус, в котором сосредоточивались еще с конца XVIII века стремления русского купца и помещика, находился на Ближнем Востоке. Этим фокусом было обладание Дарданеллами. Чем сильнее развивался в России промышленный капитализм, тем скорее захват Дарданелл становился желательным и прямо необходимым также и для фабриканта. Важность проливов для торгового капитала давно уже выяснена в нашей литературе, главным образом, в работах М. Н. Покровского. «Ключ от собственного дома» был прежде всего ключом от хлебного амбара — экспорт зерна через Черное море непрерывно рос, в особенности с конца 90-х гг., и поднялся в 1913 г. до 7,9 миллионов тонн, т. е. до 80 процентов всего экспортируемого зерна. Но через проливы шел не только хлеб, а и продукция российской промышленности — в первую очередь сахар, керосин и т. д.

То обстоятельство, что ч е р е з проливы шли товары из России, еще не являлось мотивом для з а х в а т а этих проливов. Как в свое время указал М. Н. Покровский, проход через Дарданеллы был с в о б о д е н для кубанского хлеба так же, как и для киевского сахара. Правда, в 1912 г., в связи с итало-турецкой войной, Турция временно закрыла проливы — мера, которая сильно, хотя и на короткий срок, ударила по русскому экспорту. Даже обладание Дарданеллами не избавило бы Россию от угрозы закрытия проливов — Турция, в союзе с каким-либо государством, располагающим флотом, могла превратить принадлежность Дарданелл России в простую фикцию.

И однако русские империалисты настаивали именно на з а х в а т е проливов, всячески открещиваясь от проектов нейтрализации. Оче-

видно, речь шла не только, а быть может, и не столько о транзите через Дарданеллы — для такого транзита нейтрализация, гарантированная союзниками, была бы вполне достаточна.

Некоторые из авторов склонны об'яснять стремление русского империализма завладеть Дарданеллами чисто стратегическими мотивами.

«...обусловливать стремление к захвату их (т. е. проливов. *Н. Р.*) экономической необходимостью является заведомым искажением фактов, несмотря на все огромное значение, которое имели проливы для ее (России. *Н. Р.*) экспортной торговли», — пишет Гурко-Кряжин. «Об'яснить поэтому ее заветное стремление чисто локальными причинами, связанными с Константинополем и проливами, не представляется возможным. Они расценивались ею не с точки зрения экономической, а стратегической, вытекающей из той международной ситуации, которая сложилась незадолго до мировой войны на Ближнем Востоке» [1]. Своеобразие международной ситуации, по мнению Гурко-Кряжина, заключается в том, что через проливы протянулись нити, связывавшие Турцию с Германией. Располагая Дарданеллами, Россия смогла бы укрепить свое влияние в Средиземном море и на Балканах. Нам думается, что помимо причин, выдвигаемых Гурко-Кряжиным, имелись еще и другие факторы. Нельзя, конечно, отрицать важность Дарданелл в балканском вопросе — тем более, что карта будущих Балкан, очертания которой снились Милюкову, отрезала в пользу России сравнительно большой кусок Балканского полуострова. Но, зарясь на Дарданеллы, русские империалисты, пожалуй, больше посматривали на Восток, чем на Запад. Цитируемый нами автор, в понятном желании посрамить империалистов, склонен недооценивать значение, которое представляли для русских промышленников ближневосточные рынки, в частности Турция. Об'ективные данные, которыми мы располагаем, дают иную картину.

В 1912 г. министерство торговли и промышленности направило специальную экспедицию для изучения ближневосточных рынков сбыта. В этой экспедиции, помимо назначенных чиновников, участвовали представители виднейших промышленных фирм и синдикатов. Результаты работ экспедиции обнаружили, что русский ввоз в Турцию стоит на шестом месте (в следующем году он занял уже пятое место [1]) и подает большие надежды. С особенной яркостью это вскрывается при рассмотрении экспорта по определенным видам товаров. Оказывается, что по сбыту в Турцию керосина Россия стояла на первом месте, вывозя в 1910/11 гг. 70% всего импортируемого в Турцию керосина. Сахару в том же году было ввезено из России почти 50% общего привоза в Турцию, спирта — 80% [2]). Если обратиться к общим данным русского экспорта в Турцию, то мы увидим, что цифра его неуклонно

---

[1]) Гурко-Кряжин, Ближний Восток и проливы, М., 1924, стр. 50.

[2]) «Ближний Восток, как рынок сбыта русских товаров», Отчет об экспедиции, организованной в 1912 г. министерством торговли и промышленности для изучения рынков Ближнего Востока, составил Лисенко, СПБ., 1913, стр. 213.

повышается с 22,7 млн. рублей в 1908 г. до 34,4 млн. руб. в 1913 г. [1]).

Итак, надежды русских промышленников далеко не были такими беспочвенными, как это кажется на первый взгляд. Недаром отчет экспедиции министерства торговли и промышленности отмечал, что наш «экспорт на Ближний Восток является по преимуществу экспортом промышленным. Ближневосточные рынки, говорилось в отчете, по своим географическим условиям являются как бы нашими естественными рынками, завоевание которых вызвало бы впоследствии под'ем и всей нашей экономической жизни» [2]).

Но пусть руский экспорт в Турцию и был невелик. Все же нельзя согласиться с Гурко-Кряжиным, который считает, что «предпринимать, отправляясь от этих незначительных цифр (русского экспорта. — *Н. Р.*), экономическое завоевание Оттоманской империи, — являлось бы, конечно, неосуществимой задачей для русского империализма» [3]). Дело обстояло как раз наоборот. Завоевание проливов, а следовательно, Ближнего Востока — и экономическое и политическое — предпринималось как раз с той целью, чтобы превратить «незначительные» цифры русского экспорта в «значительные». Именно потому, что России противостояли на Ближнем Востоке такие сильные конкуренты, как Австрия и Германия, русские империалисты не могли сочувствовать идее «нейтрализации» проливов, открытых дверей и т. п. Приспособить свою промышленность к интересам и вкусам турецкого крестьянина, допускать роскошь «дэмпинга» — бросового экспорта, словом, бить конкурентов рублем, — оказывалось не под силу сахарозаводчикам и нефтяным фабрикантам, а до проливов, Константинополя и Hinterland'а было «рукой подать». Чем труднее удавалась организация русского банка на берегах Мраморного моря, тем соблазнительней была мысль о постройке там военного форта.

Международная обстановка первых лет войны позволяла рассчитывать на реализацию заветных целей. Англия — на протяжении всей истории противившаяся русской экспансии на Ближнем Востоке — вынуждена была для обеспечения участия России в войне согласиться в 1915 г. на предоставление России Дарданелл. Политику царского правительства в вопросе о соглашении 1915 г. М. Н. Покровский метко назвал политикой шантажа. Русское правительство шантажировало союзников, и в первую очередь, Англию, проектами сепаратного мира с Германией. Нельзя, конечно, думать, что идея сепаратного мира имела только лишь внешне-политическую мотивировку — здесь играли роль причины иного порядка: боязнь революции, заставлявшая царское правительство с опаской смотреть на продолжение войны. Можно не без основания предполагать, что мысль о сепаратном мире вызывала сочувственное отношение в помещичьих кругах. Помещичье хозяйство на втором году войны вступило в полосу сильнейшего кризиса — посевная

---

[1]) «Статист. ежегодник» на 1914 г., СПБ., 1914, стр. 590, см. таблицу CCXI.
[2]) «Бл. Восток», как рынок сбыта и т. д., стр. 15.
[3]) Гурко-Кряжин, цит. соч., 48.

площадь уменьшалась, урожайность падала, в то время, как соответствующие цифры по крестьянским хозяйствам показывали повышение. Никакие мероприятия правительства, как, например, установление принудительного наемного труда для помещиков, не могли приостановить этот процесс [1]).

Вот на этой почве и обнаружились расхождения в вопросах внешней политики между самодержавием, с одной стороны, буржуазией и капиталистическим дворянством — с другой. Раньше, как мы уже говорили, буржуазия поддерживала иностранную политику царского правительства. Милюков рассказывал, что, когда Сазонов был назначен министром иностранных дел, существовали опасения, что он, как правый националист, поведет линию против Антанты, но эти опасения оказались неосновательными. «В общем он (Сазонов. *Н. Р.)* продолжал политику Извольского, которая состояла в сближении нашем с Францией и Англией для защиты от германских аппетитов. Когда это обстоятельство выяснилось, я стал сторонником Сазонова». Упреки, которые делал министерству иностранных дел вождь кадетской партии, относились только к недостаточной смелости выступлений царского правительства на арене международной политики. «Общее направление Сазоновской политики, — говорил Милюков, — я поддерживал, а не одобрял лишь его политику излишних уступок» [2]).

Положение дел изменилось к 1915, в особенности к 1916 г. Несмотря на то, что Англия подписала соглашение о проливах, руководители правительства не могли отделаться от мысли, что «коварный Альбион» не выполнит своих обязательств.

Такие предположения высказывали Распутин и — вероятно, с его слов — Александра Федоровна. «Я предвижу, — писала она, — страшные осложнения, когда кончится война и придется разрешать вопрос о балканских государствах — тогда я боюсь, что эгоистическая политика Англии резко столкнется с нашей, только надо все хорошенько заранее подготовить, чтобы не иметь неприятных сюрпризов» [3]).

В этой связи и надо расценивать переговоры Протопопова с Варбургом, переписку Александры Федоровны с ее братом герцогом Эрнестом и, наконец, замену Сазонова Штюрмером. Отставка Сазонова в нашей литературе обычно мотивируется его близостью к кадетам и несогласием министра иностранных дел с внутренней политикой правительства. Можно с уверенностью сказать, что Николай, подписывая

---

[1]) См. «Народное хозяйство» в 1916 г., изд. министерства финансов, ст. Книповича, стр. 26; К о н д р а т ь е в, Рынок хлебов и его регулирование во время войны и революции, М., 1922, стр. 39.

Автор недавно вышедшей работы «Политика Романовых накануне революции», Семенников, зачисляет в пацифистский лагерь часть русских банков и металлургическую промышленность на том основании, что некоторые русские банки были связаны с германскими. Семенников забывает, что русский банковский капитал был в основном подчинен англо-французскому контролю.

[2]) «Падение царского режима», т. VI, ГИЗ, 1926, стр. 365, 367.

[3]) Переписка Александры Федоровны и Николая II. ГИЗ, письмо от 2/XI 1915 г.

указ об отставке министра иностранных дел, руководился и иными мотивами. При обсуждении вопроса о преемнике Сазонова Александра Федоровна четко наметила директивы для будущего министра иностранных дел. «Нужно, — писала она Николаю, — чтобы он мог теперь же взяться за дело и принять меры для того, чтобы позже на нас не насела Англия и чтобы мы были тверды, когда поставлен будет вопрос о конечном мире» [1]).

Итак, министр иностранных дел должен был заботиться не об укреплении дружественных отношений с союзником, но о твердости против Англии. Известный своими англофильскими симпатиями, Сазонов конечно не годился для этой цели.

Русская буржуазия не могла остаться безучастной к колебаниям правительственного курса. Внутренняя политика царизма омрачала надежды на успехи политики внешней. Развал в стране, неумение вести войну вызывали оппозицию в рядах промышленников и капиталистических помещиков.

Но тревожные симптомы обнаружились и непосредственно во внешней политике. Так было воспринято назначение Штюрмера министром иностранных дел. «Впечатление было удручающее, — рассказывал впоследствии Милюков, находившийся в 1916 г. в Англии,—...я наглядно видел, стоя близко к нашему лондонскому и парижскому посольству, насколько гибельно отразилось появление Штюрмера на наших отношениях с союзниками... Бенкендорф... (русский посол в Англии. *Н. Р.*) рассказывал, что появление Штюрмера испортило все его отношения», ему не показывали бумаг, говоря, что они станут известны немцам [2]).

Рисковать охлаждением с союзниками русская буржуазия, тесно связанная с англо-французским капиталом, не собиралась. Получить проливы она считала возможным только из рук Англии. Недооценивая или скорее умалчивая, по тактическим соображениям, о нежелании союзников отдать проливы России, выразившемся в борьбе по поводу соглашения 1915 г. и в попытке английского флота захватить Дарданеллы, Милюков настаивал на том, что Англии выгодно предоставить проливы России.

«Россия на Персидском заливе, — писал Милюков, — это было бы германское решение, расчет которого ясен: сделать из России опасного соперника Англии в Индии и тем вовлечь Россию в орбиту германской «мировой политики». Россия в Константинополе — таков неизбежный английский ответ» [3]).

Милюков утешал себя и своих читателей слишком рано. Не прошло и нескольких месяцев, как он убедился в том, что Россия на берегах Черного моря представляет собой для Англии перспективу, желательную не более, чем Германия в Малой Азии с ее проектами железной дороги Берлин—Багдад. Царизм завещал Временному правительству недоверчивое отношение к обещаниям союзников. Всего за несколько дней до

---

[1]) Там же, том II, письмо от 17/III 1916, стр. 53.

[2]) «Падение царского режима», т. VI, стр. 343.

[3]) Константинополь и проливы, ст Милюкова в «Вестнике Европы», 1917 год, кн. 1, стр. 365.

революции министр иностранных дел Покровский, предвидя могущие возникнуть вокруг вопроса о Дарданеллах затруднения, обращал внимание на реальное обеспечение соглашения 1915 г. «Нисколько не преуменьшая политического значения этих документов (т. е. соглашения 1915 г. *Н. Р.),*— писал он во всеподданнейшей записке 21 февраля 1917 г., — тем не менее было бы ошибочно думать, что мы только ими осуществим наши главные стремления и при каких бы то ни было обстоятельствах получим все, что в них предусмотрено. Надо иметь в виду, что важное для нас соглашение о Константинополе и проливах является в сущности лишь векселем, выданным нам Великобританией, Францией и Италией, но платеж по нему должен быть произведен третьим лицом—Турцией. Несомненно, что состояние географической карты войны к моменту открытия мирных переговоров будет иметь решающее значение для проведения в жизнь политических проектов. Отсюда для нас вытекает необходимость ко времени заключения мира овладеть проливами или же, во всяком случае, настолько к ним приблизиться, чтобы при решении этого вопроса быть в силах оказывать должное давление на Турцию. Без этого мы едва ли когда-нибудь получим Константинополь и проливы, и самое соглашение о них превратится в простой клочок бумаги [1]).

Но наглядными уроками Милюков сумел воспользоваться лишь весной 1917 г. До революции к обесценению «векселя» вело царское правительство, неспособное успешно продолжать войну и склонявшееся к заключению сепаратного мира. Колебаниям, немецким уклонам правительства Николая II буржуазия хотела противопоставить боевую внешнюю политику, направленную в первую очередь к обладанию Дарданеллами, к победоносному окончанию войны в тесном союзе с Англией и Францией.

Февральская революция как-будто открывала для такой политики широкие возможности, тем более, что еще накануне ее, в своей оппозиции к царизму русская буржуазия имела на своей стороне английских империалистов. Союзники несомненно не были захвачены врасплох русской революций. Ее ждали задолго до марта 1917 г., и информация Палеолога и Бьюкенена, становившаяся все тревожнее с каждым днем, особенно начиная с зимы 1916 г., вероятно, не оставляла у лондонского и парижского кабинетов никаких сомнений в том, что та или иная развязка неминуема. Поэтому в Лондоне и Париже не только знали о том, что делается в Петербурге, но — по крайней мере, в Лондоне — сочувствовали и, вернее всего, — содействовали, хотя бы моральной поддержкой, работе оппозиционных кружков, где кадеты и офицеры подготовляли военный переворот. Такая развязка была бы вероятно наиболее приемлемой для союзников. Иначе — им пришлось бы считаться с перспективой революции или сепаратного мира, заключаемого Николаем с немцами (об этом, кстати сказать, говорили в связи с заменой Сазонова Штюрмером).

---

[1]) «Вестник НКИД», 1919, № 1, стр. 42.

И в том и в другом случае Россию, как военную силу, пришлось бы скинуть со счетов.

В январе 1917 г. Бьюкенен просил у своего правительства разрешения предупредить Николая II об опасностях, которые, по мнению английского посла, неминуемо реализовались бы в серьезный кризис в случае продолжения прежней политики царского правительства. В качестве одного из мотивов своего намерения Бьюконен выдвигал именно английские интересы—«мы обязаны, наконец,—говорил он,—сделать это (т. е. предупредить Николая. *Н. Р.)* ради себя самих, столь заинтересованных в том, чтобы предотвратить такие опасности». В разговоре с Николаем — разрешение на этот разговор Бьюкенен получил под свою личную ответственность — английский посол скептически высказался о перспективах предстоящей петроградской союзнической конференции. Стоит лишь вспомнить военные планы союзников, как они сложились к концу 1916 г., чтобы убедиться в резонности замечаний Бьюкенена.

В ноябре 1916 г. на союзнической конференции в Шантильи было принято решение об об'единенном наступлении, которое предполагалось предпринять весною 1917 г. «Кризис», к которому шла Россия, т. е. революция, совершенно правильно отождествлялся Бьюкененом с возможным выходом России из войны. Это ставило под угрозу весь план кампании 1917 г. и сулило неисчислимые бедствия Антанте. Именно поэтому Бьюкенен — вдобавок еще убежденный монархист — предупреждал Николая о том, что его автомобиль несется под кручу. Но царственный собеседник английского дипломата не внял самым элементарным доводам своего советчика. В конце концов Бьюкенен и, очевидно, лондонский кабинет примирились с мыслью о том, что на Николая будет оказано внешнее воздействие или он вовсе будет сменен. ...«Один мой русский друг, который был впоследствии членом Временного правительства, — вспоминает Бьюкенен, — известил меня... что перед Пасхой должна произойти революция, но что мне нечего беспокоиться, так как она продлится не больше двух недель» [1]). Под революцией подразумевался «военный переворот, не с целью низложить императора, а с целью вынудить его даровать конституцию».

Получив столь успокоительные заверения—один срок чего стоит!—можно было не тревожиться. Но информаторы Бьюкенена считали без хозяина. В конце февраля разразилась революция, и союзническим кабинетам пришлось считаться с тем фактом, что движение упорно не желает укладываться в те скромные сроки и масштабы, которые были ему уготовлены предусмотрительными друзьями английского посла.

---

[1]) Бьюкенен, Мемуары дипломата, Гиз, М., 1924, стр. 175.

Глава вторая

ПЕРВЫЙ ЭТАП ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКИ ВРЕМЕННОГО ПРАВИТЕЛЬСТВА

3 (16) марта появился список членов кабинета. Руководство внешней политикой было передано Милюкову. Для захватившего власть кадетско-октябристского блока новый министр иностраных дел был, без сомнения, «нужным человеком на нужном месте».

Лидер кадетов еще с 1908 года специализировался на вопросах внешней политики и неустанно защищал в максимально широкой трактовке интересы русской буржуазии, критикуя неумелость царских дипломатов. Недаром задолго до революции имя Милюкова привычно связывалось с вопросом о назначении министра иностранных дел.

В 1905 г. его намечали на этот пост в связи с переговорами Шипова—Витте. В 1915 г., когда в Москве циркулировал список предполагаемого ответственного правительства, Милюкова вновь называли преемником Сазонова. Не менее важным было и то, что среди членов правительства Милюков был единственным, которого «знала Европа». Действительно, многочисленные путешествия — Милюков не раз был на Балканах, в Англии, Америке — создали новому министру большую известность за границей, главным образом в парламентских и правительственных кругах; война присоединила к этой известности почетный ореол вождя патриотической «оппозиции его величества».

В изобретении какой-либо оригинальной программы внешней политики министр не нуждался. Кадеты еще в 1914—1915 гг. четко и определенно заявили о том, чего буржуазная Россия «ждет от войны». «Ждали» австрийской Галиции, части Пруссии и, самое главное,—п р о л и в о в и Константинополя с хинтерландом. В первые дни революции мечтать вслух не рискнули. Оглашая в Таврическом дворце список Временного правительства и излагая его программу, Милюков с большой осторожностью обошел вопросы внешней политики и ограничился обещанием строго, не в пример царским министрам, сохранять дипломатическую тайну. Очевидно, опытный политик учуял «верхним чутьем», что говорить среди вооруженных солдат и рабочих о Дарданеллах и даже только о «победном конце» — по меньшей мере неудобно.

Но прошло несколько дней; солдаты из Таврического дворца разошлись по казармам, рабочие вернулись на фабрики; Временное правительство почувствовало себя прочно сидящим в седле. Милюкову не было надобности стесняться, тем более, что единственная организация, которая могла бы ему угрожать, не думала и подымать вопроса о войне.

Суханов в своих воспоминаниях сохранил интересный момент совещания представителей Совета рабочих депутатов и Временного комитета Государственной думы. Члены Совета говорили обо всем, кроме... мира. «Милюков несомненно ждал требований во внешней политике; он опасался, что его захотят связать обязательствами политики мира. Этого не случилось, и это не только крайне облегчило положение тогдашнего лидера цензовой России, уже познавшего вкус власти, но доставило ему минуту душевного удовлетворения, ощущения торжества» [1]). Если оставить в стороне душевные переживания Милюкова, то все же не может быть никаких сомнений в том, что в вопросах внешней политики Временное правительство имело свободные руки.

4 марта Милюков в циркуляре русским дипломатическим представителям за границей указывал, что кабинет «будет относиться с неизменным уважением к международным обязательствам, принятым павшим режимом», и добиваться «окончательного торжества возрожденной России и ее доблестных союзников» [2]). 9 марта министр в беседе с представителями печати заявил, что «в области внешней политики и в деятельности дипломатии переворот, подобный только что происшедшему в нашей стране, — вещь совершенно невозможная».

Решительность Милюкова возрастала с каждым днем. Уже 11 марта он об'ясняет французским журналистам смысл происходящих событий: «Русская революция произведена была для того, чтобы отстранить препятствия, стоявшие на пути России к победе». Но, помимо деклараций, прежде всего надо было обеспечить те дипломатические завоевания, которые были в свое время сделаны царским правительством. И, обязываясь перед союзниками поддерживать ранее заключенные соглашения, Милюков настаивал на том, чтобы правительства Антанты дали расписки идентичного содержания... «Было бы желательно, — сообщал он послам, — чтобы союзники в ответах своих на наше извещение равным образом подтвердили обязательность для них всех ранее заключенных с Россией соглашений» [3]).

Речь шла о всех соглашениях, но, несомненно, в качестве основного фигурировало Дарданелльское соглашение 1915 года. Нетрудно об'яснить, почему Дарданеллы с начала Февральской революции стали главным об'ектом внешней политики Временного правительства. «Первый приз войны» и ранее нелегко давался в руки — история соглашения 1915 г. дает яркую картину тех затруднений, с которыми пришлось столкнуться Сазонову. Таким образом для закрепления проливов за Россией — хотя бы на бумаге — понадобилось потратить много сил, и уж, конечно, не Временное правительство стало бы отказываться от важнейшего пункта в будущем мирном договоре. В вопросе о призах,

---

[1]) Суханов, Записки о революции, кн. 1, Петроград, 1919, стр. 206.

[2]) «Архив революции и внешней политики», 2-е отделение Госархива, секретн. архив министра иностранн. дел, 1917 г., дело № 140.

Все в дальнейшем изложении цитируемые документы м-ва индел находятся в этом архиве; некоторые опубликованы в изданиях НКИД.

[3]) А. Р. и В. П., дело № 529, телеграмма № 1009, 8/21 III.

так сказать, второго и третьего сорта — Галиции, Немецкой Пруссии, полунезависимой Польше, дипломатия оказывалась не у дел. Торговаться с союзниками по поводу Немецкой Пруссии в то время, когда значительная часть русской территории была занята неприятелем, договариваться о разделе Галиции под угрозой фаланг Макензена — было невозможно. Пальма первенства здесь должна была принадлежать не орудию чернильной критики дипломатов, а взаимной критике австро-германского и русского оружия. Таким образом захват Дарданелл, на обладании которыми сосредоточивались все надежды русской буржуазии, стал основной задачей внешней политики Временого правительства.

Вскоре ряд происшедших событий должен был внушить Милюкову, что успокоиться на соглашении 1915 года и даже на подтверждении этого соглашения в 1917 г. — значит оставаться в состоянии самообмана. Дипломаты хорошо знали, что за каждым «клочком бумаги», какие бы подписи на нем ни значились, должен стоять реальный фундамент.

В данном случае таким фундаментом было междусоюзническое соотношение сил и в частности удельный вес России в антантовском концерте. А в этом смысле с 1915 г. многое изменилось и изменилось в сторону, далеко не благоприятную для русских империалистов.

Пока размах революции и ее действительные лозунги не стали ясны за границей, союзники восприняли мартовские события в общем благожелательно. «Первым побуждением при получении известий об образовании Временного правительства были симпатии и радость», — писал русский поверенный в делах в Англии В. Набоков. «Все без исключения — печать, общество и правительство, — телеграфировал он из Лондона, — приветствуют происшедшие в Петрограде великие события и видят в них проявление духовной мощи и гения России, вернейший залог полной победы над врагом, закрепление тесной связи с Англией и светлого будущего»[1]). Аналогичные сообщения были получены и из других стран. Всюду революцию расценивали как важный фактор усиления боеспособности России. Свержение Николая послужило неплохим агитационным орудием в руках англо-французской буржуазии — союзническая пресса, раньше стеснявшаяся обидеть царя, теперь стала изображать войну как священную борьбу демократий против австро-германского деспотизма. Настроение социал-патриотических кругов, по адресу которых не раз направлялись упреки в поддержке ими союза с Николаем, выразил Ренодель, сказав: «Теперь мы можем не краснея говорить о войне за право».

Но вскоре обстановка изменилась. На следующий день после отправления цитированной выше телеграммы Набоков сообщал о своей беседе с английским премьером Бальфуром, которого русский дипломат нашел «очень встревоженным известиями об опасности возобладания крайних элементов, высказываю-

[1]) К. Набоков, Испытания дипломата, Стокгольм, 1921, стр. 63.

щихся за окончание войны»[1]). «Ответственные представители английского министерства иностранных дел, — пишет в своих мемуарах тот же Набоков, — с первых же шагов русского Временного правительства отнеслись к нему скептически. Они исходили из убеждения, что внутреннее потрясение неминуемо повлечет за собой ослабление России как воюющей державы»[2]).

Тревожились и во Франции. «Здесь, — передавал из Парижа Извольский, — очень обеспокоены известиями из Петрограда о радикальном настроении Совета рабочих и солдат и в особенности о его тенденциях в пользу прекращения войны. Вчера представитель социалистов в кабинете, г. Альберт Тома, сказал мне, что он телеграфировал Керенскому, чтобы предостеречь его партию от подобного направления»[3]).

Несмотря на тревогу, которую внушали события в России союзным дипломатам, союзнические правительства признали Временное правительство. Первой признала Временное правительство Америка, — шаг которым, по словам Бьюкенена, очень гордился американский посол Френсис. Бьюкенен, узнав об отречении Николая, спросил Сазонова, какую позицию, по его мнению, должны занять союзные правительства. Сазонов сказал, что они должны признать всякое правительство, которое решит довести войну до победного конца, но только получив определенные заявления по этому поводу. Английский посол соблюдал преемственность и не желал иметь дело с Милюковым без благословения признанного «друга Англии».

Признание обошлось без особых инцидентов, не считая некоторого запоздания со стороны Франции, об'ясняемого, вероятнее всего, происходившей в то время сменой кабинета. Вскоре были получены ответы по вопросу о соблюдении заключеных соглашений — все обязательства были подтверждены союзниками. Но действительные трудности для Временного правительства только здесь и начинались. Скачка на «дарданелльский приз» обещала много препятствий.

9 (22) марта Набоков сообщал о том, что в одной из лондонских газет появилось интервью корреспондента газеты с Керенским, в котором Керенскому приписывалась мысль об «интернационализации» Константинополя. Редакция газеты запросила по этому поводу Набокова, и тот отвечал, что «Керенский высказал лишь свое личное мнение и вряд ли говорил в настоящем случае от имени нового правительства». Через несколько дней английская печать вновь заговорила о том, что Милюков якобы сократил притязания России к Турции. Приводя сообщения прессы, Набоков добавлял, что в Англии это известие послужило поводом для агитации за отказ России от проливов.

Милюков пробовал парализовать эти опасные для планов Временного правительства тенденции. В своих инструкциях русским послам в союзнических странах он, подчеркивая двусторонний характер межсоюзнических обязательств, в том числе и соглашения 1915 г., категори-

[1]) А. Р. и В. П., секретная телеграмма от 17/III № 167, дело № 511.
[2]) К. Набоков, Испытания дипломата, стр. 70.
[3]) Секретная телеграмма посла в Париже 8/21 III № 193, дело № 77.

чески заявлял о том, что «мы отнюдь не отказываемся от обеспечения жизненных интересов России, выговоренных в соответствующих соглашениях» [1]). Заявления Милюкова подкреплялись ссылкой на то обстоятельство, что широкие общественные круги и армия поддерживают его точку зрения, агитация же левых с.-д. не играет большой роли. Что касается выступления Керенского, то Милюков солидаризировался с Набоковым, об'явившим, что Керенский выразил только свое личное мнение.

Кампания, поднятая английской печатью, сигнализировала опасность, угрожавшую планам Временного правительства. Вскоре на Дарданелльском горизонте показались еще более серьезные тучи. На дипломатическую сцену вновь выплыл малоазиатский вопрос. Италия еще осенью 1916 г. выдвинула требование о том, чтобы ее участие в войне было компенсировано территориальными приобретениями в Малой Азии, причем итальянцы зарились главным образом на Смирну, — большой порт и крупный торговый центр малоазиатского побережья. Требования Италии были тогда более чем холодно встречены союзниками. Франция и в особенности Англия имели в Смирне значительные торговые интересы. В 1913/14 г. доля Франции в обороте смирнского порта, по сравнению с другими государствами, равнялась 15,6%, Англия располагала в районе Смирны железными дорогами и концессиями. Россия была заинтересована в Смирне косвенно. Обстоятельства складывались таким образом, что Россия должна была протестовать против чьих бы то ни было посягательств на турецкие владения. Раздел всей Турции повлек бы за собой неприятное для России соседство английских, французских, итальянских колоний. Прочное же владение проливами было обеспечено лишь в том случае, если вблизи от Дарданелл не находились бы владения какого-либо сильного государства; и когда русские дипломаты рисовали себе будущую карту Ближнего Востока, они предполагали, что к русскому Константинополю и хинтерланду будет «тянуть» «жизнеспособная», то есть, в переводе на простой язык, — находящаяся в полной зависимости от России Турция.

Поэтому русское правительство протестовало против ампутаций у «больного человека». «В случае присоединения к Италии Смирны, — писал еще в ноябре 1916 г. временно-управляющий министерством иностранных дел Нератов русским послам в Лондоне и Париже, — будущая Турция останется без прекрасно оборудованного и совершенно готового порта, что не может не отразиться на ее способности вести вполне самостоятельную экономическую жизнь. Оставшись без выхода к морю, Турция будет обречена на захирение, и в таком случае мы не могли бы остаться равнодушными к судьбам этого умирающего государства и должны были бы пред'явить наши пожелания относительно пересмотра всей схемы

[1]) Секретн. телегр. 1/14 IV, № 1447, дело № 529—533. См. также «Вестник НКИД» 1920 г., № 4-5 ст. Сторожева, Дипломатия и революция, стр. 85; секретн. телегр. 9/22 III, № 184, дело № 511 и секретн. телегр. № 196, 14/27 III, дело 511.

устройства Малой Азии, — чего бы мы всемерно хотели избежать... Расширение итальянских владений в сторону Смирны и севернее ее для нас было бы весьма нежелательно, так как приблизило бы их к проливам и области наших владений»[1]). Министр иностранных дел Покровский в декабре подтвердил эти соображения, добавив, что для России необходима экномически и политически к ней тяготеющая Турция.

В начале 1917 г. отрицательное отношение Англии к итальянским притязаниям изменилось. Переговоры по малоазиатскому вопросу, начавшиеся в январе-феврале 1917 г., ни к чему не привели вследствие непримиримой позиции Италии, несмотря на то, что Англия шла на уступки. В вопросе о Смирне Милюков целиком присоединился к точке зрения царского правительства. В начале апреля малоазиатский вопрос вновь обсуждался на совещании английского, французского и итальянского премьеров — русский представитель не был приглашен. На совещании Рибо и Ллойд-Джордж высказались за предоставление Смирны Италии. Нетрудно нащупать истинные причины перемены англо-французского фронта в вопросе о Смирне. Как раз в дни конференции в Савойе развивалось апрельское наступление на западном фронте, наступление, на которое Англия и Франция возлагали все свои надежды; и хотя в Лондоне и в Париже знали о том, что Италия, боясь австрийских операций на Трентино, не примет участия в общей оффензиве, все же рисковать в такой острый момент охлаждением, а может быть и разрывом с итальянцами не решались.

Выбор в сторону Италии имел еще и другие мотивы, о которых, судя по дипломатической переписке, не догадывался ни Милюков ни его сотрудники. Как раз в апреле месяце Англия и Франция получили через принца Сикста Пармского австрийское мирное предложение. В числе условий, предлагавшихся австрийским правительством, было сохранение его адриатических владений. Отдавая Италии Смирну, Ллойд-Джордж и Рибо рассчитывали убедить Соннино отказаться от Триеста — это значило бы согласиться с одним из важнейших пунктов австрийского мирного предложения. Но Соннино не желал выпускать из рук Триеста. Его отказ привел к тому, что в Сен-Жане была принята нота, в которой союзные премьеры заявляли, что «переговоры в данное время являются несвоевременными, так как они могли бы подвергнуть опасности ослабления союз, более чем когда-либо необходимый между Англией, Францией и Италией»[2]). Относительно Смирны Рибо и Ллойд-Джордж сделали ряд оговорок, поставив, между прочим, окончательное решение этого вопроса в зависимость от согласия русского правительства. Кусок был слишком лакомым, чтобы его можно было отдать «за ничто»; гораздо более выгодным представлялось сохранить «приманку» для нужного случая. С русскими церемонились меньше. На русском

[1]) «Раздел Азиатской Турции», М. 1924, изд. НКИД, стр. 263; см. также стр. 16, 17.

[2]) A. Ribot, Lettres à un ami, Paris, 1924, p. 278.

фронте с начала революции установилось фактическое перемирие, и при всех стараниях нарушить это состояние и вызвать русских на наступление английское и французское правительства не могли противостоять решению Временного правительства начать наступление лишь в середине июня. Милюкова успокаивали, «сожалели» о его вынужденном отсутствии на междусоюзнических совещаниях, заверяли в том, что решения совещаний не окончательны. Никто, конечно, не сомневался, что запоздалые уверения английского и французского премьеров продиктованы исключительно одними требованиями дипломатической вежливости. «Милюков, — вспоминает Рибо, — обнаружил несколько плохое настроение и, как я и ожидал, высказал мало сочувствия уступке Смирны Италии» [1]). Милюков скромно протестовал, выражая «крайнее недоумение по поводу того обстоятельства, что русское правительство не было предупреждено ни о предстоявшем с'езде (в Фолькстоне и в Сен-Жане. *Н. Р.*), ни о предмете совещания и только лишь впоследствии было поставлено в известность о состоявшихся уже решениях». «Наше неучастие и даже неосведомленность о предмете предстоящих совещаний в этих переговорах, — писал он, ссылаясь на известия о готовящихся англо-франко-американских совещаниях, — могут произвести у нас крайне неблагоприятное впечатление и даже подать повод к нежелательным толкам о трениях и несогласиях между союзниками» [2]).

Слабые протесты Милюкова не изменили, конечно, сложившейся обстановки. А притти в плохое настроение руководителю русской внешней политики было от чего. Помимо малоазиатских осложнений, греческие дела составляли немалую угрозу для будущих владельцев «Константинопольской губернии».

К началу 1917 г. державы-покровительницы Греции обнаружили исключительную активность по отношению к «покровительствуемому» государству. Русский посол в Афинах Демидов еще осенью 1916 г. предупреждал о том, что «события ведут... к будущему политическому и экономическому закабалению Греции Францией» [3]). В феврале и марте 1917 г. он обращал внимание Милюкова на исключительную настойчивость французов в деле блокады Греции, несмотря на то, что последняя в чрезвычайно унизительной для нее форме принесла союзникам свои извинения по поводу событий 18 ноября [4]). Разбирая сложившуюся в Греции обстановку, Демидов приходил к выводу, что давление Франции, которая «как бы даже установила некоторое наблюдение за действиями остальных союзников», направлено к достижению определенной цели. Цель эта, по мнению Демидова, заключается в «создании из страны под своей эгидой крупного противовеса итальянскому влиянию». Франция торопилась обеспечить себе преобладание в Греции путем государственного переворота и замены короля Константина Венизелюсом.

---

[1]) A. Ribot, Lettres'a un ami, Paris, 1924.
[2]) Секр. телегр. 13/26 IV, № 1638.
[3]) Политархив 1917 г., депеша от 5/18 VI 1917 г. № 623, дело № 17 А.
[4]) День, когда население Афин, возмущенное насильственными действиями и террором «держав-покровительниц», напало на союзные войска.

«Преследование... Францией водворения ускоренным темпом Венизелоса в Афинах... настолько на мой взгляд мало нам выгодно, — писал Демидов, — что наше беспрекословное следование по греческому вопросу за Францией представляется уступкой союзнице, дающей право на существенную компенсацию» [1]).

В греческом вопросе Временное правительство должно было занять определенную позицию. Для русской буржуазии Греция не имела самодовлеющего значения — она интересовала русское министерство иностранных дел как важнейший фактор дарданелльской и общебалканской политики. С этой точки зрения гегемония Франции в Греции нарушила бы равновесие на Балканах, а успех венизелистского движения уже прямо угрожал Константинополю — городу, на обладание которым греки имели, пожалуй, больше оснований, нежели кто бы то ни было другой (не считая, конечно, Турции), так что по численности населения города греки занимают второе место. Но Милюков лишен был возможности открыто выступить против Франции и против венизелистов, несмотря на отчетливое сознание ситуации. «Оказание при настоящих обстоятельствах какой-либо поддержки королю и его правительству не может входить в задачу нашей политики, точно так же, как и заботы об ограждении территории королевства от посягательств Венизелоса, — отвечал он Демидову. — Мы не можем противодействовать распространению либерального венизелистского движения, встречающего широкое содействие Франции и отвечающего во многих местах Старой Греции желаниям самого населения. Мы считаем необходимым действовать в полном единении с Францией в греческом вопросе. При этом нельзя, конечно, упускать из виду, что окончательный переход власти к либеральной партии во главе с Венизелосом может создать некоторые осложнения, в особенности если национальная партия поставит своей задачей осуществление «великогреческой» программы, с широкими территориальными захватами, что может оказаться в полном противоречии с интересами России и необходимостью умиротворения Балкан» [1]). Но, несмотря на то, что победа Венизелоса, помимо ее «константинопольских» последствий, означала переворот, может быть, революцию, до которой министр иностранных дел был небольшой охотник, открыто выступать против Венизелоса было невозможно. Милюков вероятно не забыл о 1 марта, когда собравшиеся в Таврическом дворце рабочие и солдаты далеко не сочувственно встретили выступление кадетского лидера в защиту монархии в России.

В апреле события зашли еще дальше, и для Милюкова было бы не совсем безопасно защищать монархический режим даже на берегах Средиземного моря. 20 апреля, то есть за 2 дня до апрельской демонстрации, он вновь предупреждал Демидова — ярого сто-

[1]) Политархив 1917 г., депеша № 303 от 16/III, дело № 17 А и депеша от 12/25 II 1917 без номера; секретн. архив министра. 1917, секретн. телегр. 16/29 IV 1917, № 223, дело № 513.

ронника Константина (farouche royaliste, как называл Демидова французский генерал Саррайль) — о невозможности поддерживать короля, «против которого резко высказывается наше общественное мнение, с чем мы в настоящее время не можем не считаться».

Все же действительные причины бессилия Милюкова лежали не здесь. Соглашаясь едва ли не со всеми доводами Демидова, он напоминал последнему, что «союзнические отношения к Франции не могут быть поставлены в зависимость от сравнительно второстепенного греческого вопроса» [1]). Франция была одним из хозяев, и поэтому Милюков при всем желании не мог говорить твердым тоном. Желая хоть как-нибудь повлиять на союзников, Милюков от просьб «умеряющего содействия» переходил к... защите греческой демократии. Если, по выражению Генриха IV, Париж стоил обедни, то проливы тем более заслуживали того, чтобы Милюков выступил в качестве защитника демократических формул. Русское министерство иностранных дел узнало, что на совещаниях в Фолькстоне и С.-Жане было решено предоставить Франции известную свободу в деле низложения короля Константина. Ввиду протестов со стороны Италии союзники согласились не устанавливать в Греции республиканский образ правления, а заменить Константина каким-либо другим представителем династии. «Я полагаю, — писал по этому поводу Милюков, — что в случае отречения короля решение такого важного вопроса, как установление нового образа правления в Греции, должно быть предоставлено самому греческому народу, и предрешать его было бы нежелательно, так как это противоречило бы провозглашенным нашим правительством демократическим принципам «самоопределения народов». В этой же телеграмме для личного сведения посла сообщались и мотивы демократической фразеологии: «Мне кажется, — продолжал Милюков, — что такая постановка вопроса вполне отвечает нашим интересам в Греции: во-первых, она избавит нас от нареканий в случае возникновения каких-либо осложнений, во-вторых, она устранит неудобства появления во главе Греции лица, угодного или выгодного какой-либо державе» [2]).

Роль веского аргумента должны были играть и военные соображения. Министерство иностранных дел указывало на то, что подготовляемый союзниками переворот в Греции потребует отвлечения известной части союзнических военных сил с солунского фронта, ослабление которого отразилось бы на состоянии русско-румынских армий.

В греческом вопросе министерство иностранных дел пробовало опереться на Англию. Лондонский кабинет занимал наблюдательную позицию

---

[1]) Политархив 1917 г., секретн. телегр. 20/IV—3/V, № 1751.
[2]) 20/IV—3/V, секретн. телегр. № 1750, д. № 529—33.

по отношению к событиям в Греции, держась в стороне и предоставляя Франции организацию «отречения» Константина и победы Венизелоса. В апреле наметилось соприкосновение русской и английской точек зрения в вопросе о государственном устройстве Греции после переворота. 23 апреля Извольский передавал Милюкову содержание своей беседы с английским премьером. «Ллойд-Джордж, — телеграфировал Извольский, — самым категорическим образом выразил, что он вполне разделяет ваш взгляд, что в случае отречения короля решение вопроса об установлении нового образа правления в Греции должно быть предоставлено самому греческому народу» [1]).

Неправильно, однако, было бы предполагать, что позиция Англии пришла в противоречие с французской политикой в Греции. Действия французского кабинета молчаливо одобрялись Лондоном, заранее предоставившим Франции свободу действий. Экономически Греция была тесно связана с Англией. «Банковский, торговый и промышленный греческий капитал главным образом питается и приносит дивиденды в конторах Сити» [2]). Англии было выгодно выдвигать Грецию против России на Ближнем Востоке. Причину английской показной умеренности приходится искать за пределами англо-французских отношений. Непосредственный руководитель союзнического предприятия в Греции, генерал Саррайль, вспоминает в своих мемуарах беседу, происходившую между ними и Ллойд-Джорджем на Римской междусоюзнической конференции в январе 1917 г. По словам Саррайля, Ллойд-Джордж, возражавший, очевидно, против грубой наступательной тактики командующего салоникским фронтом, «изложил в конце концов, что, если я атакую Грецию, Соединенные Штаты могут этим воспользоваться, чтобы нам ничего больше не дать, и что это был бы конец войны» [3]). Правда, в январе 1917 г. Америка еще продолжала сохранять нейтралитет, но можно с уверенностью сказать, что положение дел в апреле, когда Соединенные Штаты активно участвовали в войне, не изменилось. Америка выдвигала принцип равновесия на Балканах и, не желая допускать усиления Англии или Франции, недружелюбно отнеслась бы к прямому насилию над греческим народом. Англии было выгоднее несколько умерять воинственный пыл французского кабинета, которому в случае осложнений пришлось бы держать ответ перед «дядей Самом». Дело таким образом шло лишь о методах и о темпе интервенции в Греции. Если демократизм и необычная любовь Милюкова к греческому народу были на дарданелльской подкладке, то тактика Ллойд-Джорджа носила явно американские цвета. В действительности и в греческом вопросе Россия оказалась изолированной.

Таким образом дарданелльские планы русских империалистов грозили повиснуть в воздухе. Обладать проливами при развитии велико-

---

[1]) Секретн. телегр. Извольского, 23/V—6/V. № 370 и 371, дело 529—533.
[2]) «Новый восток», № 2, 1922 г., ст. Адамова, стр. 177.
[3]) Sarrail, Mon commandement en Orient. Paris, 1920, p. 1917.

греческой программы, при усилении англо-французского влияния на Балканах, итальянского в Малой Азии — значило навязать себе такие ограничения, при которых под сомнение ставилась самая выгода захвата проливов. События весны 1917 г. показали, что наихудшие предположения, которые высказывались многими государственными деятелями царской России, начиная с Распутина и кончая министром иностранных дел Покровским, рискуют оправдаться. «Неприятные сюрпризы», — их ожидала еще Александра Федоровна, — пришлись на долю Временного правительства.

Союзники, и главным образом Англия, стремились свести на-нет соглашение 1915 г. о проливах. Захват проливов и Константинополя Россией был далеко не в интересах Англии, так как подчинял всю черноморскую торговлю Великобритании русскому контролю. Россия в роли владельца Константинополя и хинтерланда, в роли протектора Турции была несимпатична еще и потому, что в этом случае на Средиземном море Англия имела бы сильного соперника, угрожающего британским интересам непосредственно в Персии и в Малой Азии (интересно, что именно во время войны Англия всячески старалась укрепить свои позиции в Персии), а косвенно — всей британской гегемонии на Востоке. Замена германской опасности русской далеко не улыбалась Англии. И недаром Бьюкенен в разговорах с Терещенко — тогда еще министром финансов — недвусмысленно выражал свое сочувствие идее отказа России от Константинополя, а позднее весьма хладнокровно отнесся к уходу Милюкова: жалеть о том, что главный защитник захвата проливов покидает пост руководителя русской внешней политики, у Бьюкенена не было ровно никаких оснований. Кроме того отказ России от Константинополя сразу изменил бы соотношение сил Антанты и центральных держав к невыгоде последних, выдвигая перспективу сепаратного мира Турции с союзниками. А эта соблазнительная перспектива довольно определенно рисовалась перед союзными дипломатами. «Рано или поздно более или менее полный паралич русского усилия заставит нас изменить решения, к которым мы пришли по восточным вопросам, — писал Палеолог в своих тезисах об отношении к России, разработанных им перед от'ездом из Петрограда, — чем раньше, тем лучше, ибо всякое продолжение войны грозит Франции ужасными жертвами, которые Россия давно уже больше не компенсирует в своей стране. Итак, нам приходится, не откладывая дальше, очень конспиративно искать способа склонить Турцию к тому, чтобы она предложила нам мир» [1]). В этом вопросе с Палеологом был согласен и заменивший его на посту французского представителя в России Альбер Тома.

Наконец, если бы Россия перестала настаивать на обладании проливами, это произвело бы благоприятное впечатление на общественное мнение союзнических государств. Рибо и Ллойд-Джордж располагали бы в этом случае лишней — и притом на чужой

[1]) Палеолог, Царская Россия накануне революции, стр. 460.

счет — иллюстрацией «демократических» целей войны и отсутствия у правительств Антанты каких бы то ни было империалистических стремлений.

Итак, ждать от союзников выполнения договора 1915 г. не приходилось. В малоазиатском и в греческом вопросах русскому министру иностранных дел не удались, как мы видели, даже протесты. Не лучше обстояло дело и с фактическим приближением русских войск к Дарданеллам.

Выше мы приводили мнение последнего министра иностранных дел царского правительства Покровского, который, обнаруживая ясное сознание международной обстановки и даже способность политического предвидения, говорил о необходимости захвата проливов, не дожидаясь выполнения соглашения. Но ему было легче сказать то, что следовало претворить в жизнь его преемнику. Англия с умелой настойчивостью заботилась о том, чтобы «вексель», выданный ею в 1915 г., не получил реального обеспечения. Англия первая постаралась начать наступление на дарданелльском фронте, она сосредоточила свои войска в Малой Азии и деликатно отстраняла в нужных случаях наступательные попытки русских войск. В салоникской армии русские части составляли ничтожное меньшинство по сравнению с англичанами, французами и итальянцами. Россия пыталась изменить военные планы в благоприятном для себя смысле. Еще в 1916 г. русское командование перед началом выступления Румынии предлагало обрушиться соединенными силами русской, румынской и салоникской армии на Болгарию. В ноябре 1916 г. подобного же рода предложение в Шантильи было выдвинуто генералом Жоффром, но в обоих случаях союзники отказались от этих планов [1]). Форсировать разгром Болгарии и, следовательно, приближение русских войск к проливам — вовсе не входило в задачу союзнических правительств.

Слова Покровского оправдывались полностью. Не подымая вопроса о формальном аннулировании соглашения 1915 г., английский и французский кабинеты путем стратегического и дипломатического «окружения» действительно превратили договор в клочок бумаги.

На-ряду с опасностями извне, дарданелльским планам угрожали и невзгоды внутри. Уже 1 марта, когда с крыш домов Петрограда еще шла стрельба из хабаловских пулеметов, Палеолог заметил, что к крикам приветствовавшей его толпы «неприятно примешивались» возгласы «Да здравствует Интернационал», «Да здравствует мир». В манифесте правительство должно было ограничиться указанием на то, что новая власть будет соблюдать союзы и сделает все, чтобы довести войну до победного конца. Эта скромность возмутила Палеолога. «Не заявлена даже решимость продолжать борьбу до конца, до полной победы, — говорил он Милюкову. — Германия даже не названа. Ни малейшего намека на прусский милитаризм. Ни малейшей ссылки на наши цели войны» [2]).

[1]) Зайончковский, Мировая война, М, 1924, стр. 302, 303.
[2]) Палеолог, цит. соч., стр. 380.

«Смущенный Милюков обещал «исправиться», но все же не рискнул подражать Дантону и Гамбетте, образы которых рисовал перед ним Палеолог. Осторожность не покидала его даже тогда, когда пассивность Совета в вопросах внешней политики позволила ему высказываться несколько более откровенно.

Таким образом международная и внутренняя обстановка толкала Милюкова на путь решительных мероприятий. Для достижения проливов приходилось прибегнуть к «пожарным» мерам, с тем, чтобы поставить союзников, с одной стороны, и трудящиеся массы России — с другой, перед совершившимся фактом. Добиться изменения политики Антанты Милюков не мог. Удельный вес России, как фактора международной политики, значительно понизился со времени первых лет войны и особенно с начала революции. Зависимость России от союзников увеличивалась с каждым днем войны, которая подрывала и обессиливала народное хозяйство страны. Это кабальное положение было фиксировано еще на петроградской союзнической конференции в январе 1917 г. «Россия, — пишет К. Набоков, — стала в материальную зависимость от Англии... Россия всегда п р о с и л а, Англия — д а в а л а» [1].

Зависимость особенно сильно увеличилась со времени революции. Торговый капитал, которому принадлежала гегемония в царской России, имел в своих руках средства воздействия на союзников, средства, так сказать, отрицательного порядка — угрозу сепаратного мира, немедленного выхода из войны. Для империалистической буржуазии, тесно переплетенной именно с антантовским банковским капиталом, эта перспектива была исключена. Таким образом действия Временного правительства в области закрепления Дарданелл могли ограничиться, не считая протестов, лишь некоторыми дипломатическими и военными ходами.

К разряду этих мероприятий относится п о п ы т к а п р и в л е ч ь Б о л г а р и ю н а с т о р о н у с о ю з н и к о в. Мы уже говорили о том, что в этом случае русские войска оказались бы в непосредственной близости к Дарданеллам, и, пользуясь наличием своих вооруженных сил, Россия могла бы оказывать большее влияние на балканские дела. Но привлечение Болгарии возможно было лишь в случае компенсации ее Македонией.

Вопрос о привлечении Болгарии подымался и раньше, в 1916 г., но тогда Сазонов признал невозможным входить в переговоры с болгарским правительством, «так как это рассматривалось бы как измена по отношению к Сербии» [2]. Политику Сазонова в болгарском вопросе Милюков считал крупной ошибкой, считая, что чрезмерными уступками Сербии русское правительство толкнуло Болгарию в австро-германский лагерь. «Даже когда началась война, — говорил он, — у нас были шансы вернуть Болгарию в свою орбиту, но мы этим пренебрегли, и Болгария осталась в лагере противников. С Б о л г а р и е й, к а к

---

[1]) К. Н а б о к о в, Испытания дипломата, стр. 50, 51.

[2]) Секретн. телегр. послу в Лондоне 17/30 1916, дело № 68 (мир), секретн. архив.

нашей союзницей, мы покончили бы с Турцией очень легко... и, конечно, мы имели бы давно в наших руках проливы» [1]).

Милюков смотрел гораздо более трезво на положение вещей и не увлекался всерьез славянофильской фразеологией, нашедшей столь широкое применение в начале войны. Еще 16 марта он заверял сербское правительство в том, что «и при новом строе политические симпатии России к Сербии остаются неизменными» и что «Сербия может рассчитывать на мощную поддержку России в осуществлении ее национальных стремлений». А всего через 4 дня Милюков знакомил Набокова и Извольского со своими предположениями по поводу Болгарии. «В беседах с французским и английским послами, — писал Милюков, — я неоднократно выражал мысль, что происшедший в России переворот создает весьма благоприятную обстановку для перехода Болгарии на сторону союзников. По моему мнению, для достижения этого не должно щадить никаких усилий, так как осуществление этого плана знаменовало бы решительный перелом войны. Сейчас, конечно, трудно было бы определить условия этого перехода, так как они будут зависеть от того, удастся ли заставить Болгарию просто прекратить войну или же, что самое важное, — убедить ее принять в ней активное участие против центральных империй. Великобританский посол разделяет мою точку зрения. Французский же, как свое личное мнение, высказывает, что такая резкая перемена политики союзников по отношению к Болгарии будет во Франции и непопулярна из-за сербского вопроса и может вызвать неприятное возбуждение общественного мнения в связи с нападками на Солунскую экспедицию. Я продолжаю настаивать на необходимости отказаться в этом вопросе от сантиментальных соображений и смотреть на положение вещей с практической точки зрения» [2]).

Милюков категорически отвергал мысль о возможности переговоров по поводу заключения сепаратного мира с Германией — дело шло исключительно о Болгарии. В этом смысле министерством иностранных дел были даны соответствующие директивы русской контрразведке в Швейцарии и русскому посланнику в Христиании, который еще ранее встречался с болгарским деятелем Ризовым, нащупывавшим — не без согласия германского генерального штаба — почву для сепаратных мирных переговоров. К предложениям Милюкова недоброжелательно отнеслось французское правительство — Рибо заявлял, что соглашение с Болгарией нанесет ущерб интересам Сербии и венизелистской Греции, «к судьбам коих французское общественное мнение относится с горячим участием». Он не исключал возможности потребовать в случае необходимости от Греции и Сербии «разумных уступок» и, не возражая против попыток завязать сношения с болгарами, оставлял за собой право дальнейших решений этого вопроса. Интересно, что полное со-

[1]) «Падение царского режима», т. VI, Гиз, М. 1926, показание П. Н. Милюкова, 7/VIII 1917 г., стр. 366, 367.

[2]) Секретн. телегр. министерства иностранных дел 20/III 2 IV, № 1245, дело 529—533.

чувствие планам Милюкова высказал Соннино: мир с Болгарией значительно улучшил бы положение Италии, ослабив австрийский фронт в Трансильвании; с другой стороны, всякий ущерб французской агентуре — венизелистам — был бы как нельзя более на-руку итальянцам.

Практическим результатом планов Милюкова была разведка, произведенная русском консулом в Салониках (характерно, что Милюков предлагал этому консулу произвести эту разведку без ведома командующего салоникским фронтом генерала Саррайля). Уже позднее, после ухода Милюкова, генеральный консул в Салониках Каль в согласии с Саррайлем переправил через фронт пленных болгарских офицеров с письмами болгарским деятелям, известным своими руссофильскими тенденциями. В письмах говорилось, что Временное правительство, «под влиянием хорошо известного профессора М. (то есть Милюкова. *Н. Р.),* готово к примирению с Болгарией и к признанию «разумных притязаний последней к Македонии». Этими попытками дело и ограничилось. План Милюкова не принес результатов. Настроение болгар было верно охарактеризовано русским посланником в Христиании, который предрекал неудачу попыток привлечения Болгарии на сторону союзников.

«Перехода болгар, — писал он, — мы можем дождаться только тогда, когда военное положение Германии будет скомпрометировано. Они не двинутся, если немцы сохранят настоящее свое положение, не говоря уже о том, чего, боже, избави, если бы дела союзников пошли хуже» [1]).

Если болгарские ходы Милюкова все же имели под собою некоторое основание, то совершенно авантюрным представляется его п р о е к т з а х в а т а Д а р д а н е л л р у с с к и м д е с а н т о м. Казалось бы, провал многочисленных планов подобного рода должен был побудить министра иностранных дел к большей осторожности, но обстоятельства оказались сильней. «Главный приз» войны уплывал из рук, и вождь кадетской партии делал последние усилия, чтобы не допустить этой утери.

Проект десанта возник в то время, когда под министром заколебалась почва, — надвигались апрельские дни. Милюков, по словам Деникина, «вдохновленный молодыми пылкими моряками, вел многократные переговоры с генералом Алексеевым, убеждая его предпринять эту операцию, которая, по его мнению, могла кончиться успехом и поставить протестующую против аннексий революционную демократию перед совершившимся фактом [2]). Но сил для десанта — хотя нужно было не так много — 200—250 тысяч войска, — не оказалось, и, когда генерал Алексеев намеревался организовать пробную, в небольшом масштабе, экспедицию к малоазиатским берегам, дело сорвалось из-за нежелания

---

[1]) Письмо к А. А. Нератову, 30/III — 12/IV 1917, дело № 212, архив Нератова; см. также телегр. посла в Париже 22/III — 4/IV 1917, № 244, дело № 68 и телегр. генерального консула в Салониках 25/V — 7/VI 1917, № 11, дело № 142.

[2]) Д е н и к и н, Очерки русской смуты, т. I, вып. I, Париж, изд. Поволоцкого, стр. 182; см. также «Константинополь и проливы», т. II, изд. НКИД, 1926.

солдат. Факты были против Милюкова. Он пытался еще обеспечить участие России в решении малоазиатского вопроса, добиваясь включения русского отряда в состав экспедиции, направленной для захвата Иерусалима, но и это выступление оказалось безрезультатным. Дарданелльские демарши Милюкова потерпели полную неудачу.

На менее важных театрах внешней политики Временное правительство проводило ту же империалистическую линию, с той только разницей, что эта линия не нуждалась в маскировке. Так было в Китае, где Февральская революция вызвала надежды на изменение кабальных договоров, заключенных Китаем с царской Россией. Русский посол в Пекине Кудашев предупреждал министерство иностранных дел о том, что «в своем стремлении добиться временной отмены всех тех постановлений трактатов, коими ограничиваются державные права Китая, но которые еще долгое время будут необходимы для ограждения самых элементарных прав европейцев, китайцы несомненно будут ссылаться на то, что трактаты были заключены режимом манджуров (свергнутым во время революции 1912 г. *Н. Р.*), и стараться указанием на это обстоятельство приобрести сочувствие нового русского правительства к осуществлению их желаний» [1]). В частности китайцы еще раньше поднимали вопрос об отсрочке уплаты боксерского вознаграждения. Эта просьба встретила в министерстве иностранных дел резкий отпор. Непримиримая позиция, занятая Милюковым, станет понятной, когда мы узнаем, что контрагентом русского правительства в Китае был Русско-азиатский банк. Банк вел в большом масштабе операции по скупке русских рублей в Китае, причем эти операции были связаны с выплатой китайским правительством боксерского вознаграждения России и приносили значительные выгоды банку. Отсрочка уплаты боксерского вознаграждения лишала банк четырех пятых дохода и, кроме того, могла вызвать у китайцев опасные «иллюзии» о возможности полного отказа от денежных обязательств. Таким образом Милюков имел все основания ревностно отстаивать прежний порядок регулярных уплат боксерского вознаграждения.

Еще больший интерес представляет политика Временного правительства в Персии. Русская революция вызвала в Персии, подчиненной русскому и английскому влияниям, не одни только надежды, но и мощную волну национально-демократического движения. Был поднят вопрос об устранении англофильского кабинета Восуг-уд-Доуле; велась деятельная агитация за созыв меджлиса. «В городе только и речи, что об «Эстефаде», то есть об использовании момента, — телеграфировал русский поверенный в делах в Тегеране. — Говорят об отозвании из Петрограда Исаак-Хана (персидского посла в России. *Н. Р.*), о необходимости требования от нас вывода русских войск, о посылке в Петроград делегации для установления сношений с новым правительством» [2]).

---

[1]) Секретн. телегр. посла в Пекине 8/III № 173, дело 536. По вопросу о боксерском вознаграждении см. в том же деле телегр. от 18/II 1917 г. № 118.

[2]) Секретн. телегр. поверенного в делах в Тегеране 14/III № 186, 20/III № 203, дела №№ 534, 535. Далее цитируются: секретн. телегр. 20/IV

Для России, т. е. для Временного правительства, представлялся случай пойти навстречу хотя бы некоторым требованиям демократов и укрепить таким образом свое влияние в Персии в противовес английскому. Интересно, что англичане сознавали возможность повышения русских акций в Персии в связи с Февральской революцией. Некий персидский общественный деятель передавал русскому дипломату, что «англичане не хотят меджлиса, опасаясь прилива популярности России». «Думаю, — писал русский представитель в Тегеране, — англо-русская политика неизбежно сделает либеральный поворот, и, так как он явится результатом русских событий, то естественно будет нам принять на себя более активную и передовую роль в нашей неизменно об'единенной англо-русской политике».

Но если русский «дипломат» на месте мечтал об англо-русской политике, то в «центре» держались английского курса. И, несмотря на то, что положение дел в Персии диктовало перемену фронта, Милюков дал совершенно четкую директиву. «Считаем при таких условиях полезным, — телеграфировал он в Тегеран, получив оттуда первые донесения, — довести до сведения шахского правительства, что Россия попрежнему будет придерживаться полного взаимодействия с Англией в персидских делах и что, при неизменно благожелательном и дружественном отношении к Персии, политика России не потерпит никакого изменения. Какой-либо кризис в правительственной организации Персии (то есть смена англофильского кабинета. *Н. Р.)* был бы крайне несвоевременным при наличии наших вооруженных сил и военных действий в этой стране... Имейте, однако, ввиду, что при новом нашем строе нам нельзя открыто выступать против либеральных веяний в Персии. Поэтому желательно, чтобы в подобных вопросах вы предоставляли инициативу английскому посланнику, оказывая ему со своей стороны поддержку в его начинаниях».

Цитируемая телеграмма подала повод к любопытному инциденту, ярко рисующему соотношение факторов, определявших внешнюю политику Временного правительства. Предписывая русскому представителю в Тегеране отказать либералам в поддержке, Милюков рекомендовал ему сговориться с английским посланником Марлингом на предмет совместной, в духе инструкций Милюкова, декларации персидскому правительству. Но оказалось, что Милюков успел заранее изложить принципы своей политики Бьюкенену, который незамедлительно информировал об этом Марлинга. «Бьюкенен сообщил Марлингу, — жаловался русский поверенный в делах, — что, помимо подтверждения совместной англо-русской политики в Персии, ваше высокопревосходительство подтвердило ему отсутствие у России поводов симпатизиро-

№ 333, 3/V № 322 в делах №№ 534, 535; секретн. телегр. мин-ва иностранных дел 17/III № 1215, дело 529—533; секретн. телегр. поверенного в делах в Тегеране 17/III № 197, 19/III № 200, дело № 534-535 и секретн. телегр. министерства иностранных дел 16/IV № 1693, дело 529—533. (Курсив всюду мой. *Н. Р.*)

вать персидским демократам. Прежде чем мне это передать, Марлинг, по его словам, уже сообщил это персам. Думаю, что лучше и правильнее было бы, в интересах престижа русской миссии, предоставить ей, по получении инструкций, осведомить персов о взглядах русского правительства».

Итак, русский министр иностранных дел «докладывал» о своей политике прежде всего английскому послу. Что интересы русской буржуазии могут от этого пострадать, Милюкову вероятно было известно: противоречия русских и английских интересов в Персии ни для кого не составляли секрета, но Бьюкенен был хозяином, которому приходилось подчиняться.

Результаты поведения Милюкова не замедлили сказаться. «Сегодня слышу, что всеми в городе наше заявление приписывается настояниям англичан», — сообщал поверенный в делах в Тегеране.

Идя в английском фарватере[1]), политика Временного правительства в Персии ставила своей задачей подавление национального движения. Но от определения задачи до ее решения было далеко. Движение нарастало, и в персидских общественных кругах все настойчивей требовали созыва меджлиса. Памятуя инструкцию Милюкова о «разделении труда» (в борьбе с демократами на авансцену должна была выступить Англия), русский представитель не протестовал открыто против меджлиса, стараясь оттянуть срок его созыва. Министерство иностранных дел все же должно было считаться с возможностью избрания меджлиса. Приходилось, следовательно, менять методы работы, рекомендуя русскому посольству обеспечить желательный состав меджлиса путем «использования» всеобщего избирательного права. «Всеобщее право голосования, — говорилось в инструкциях русскому представителю в Тегеране, — казалось бы, скорее выгодно для нас, так как при умелом руководстве оно может способствовать проведению в меджлис умеренных людей и наших сторонников. Например, в Исфагане Ахбер Мирза через своих 40 тыс. райетов (полукрепостных крестьян. *Н. Р.*) может добиться выбора кого угодно; тоже Сердар Мансур в Гиляне, Сепехсалар в Мазандеране и Астрабаде и т. д. Конечно, нам нельзя будет, как при прежних выборах, оставаться совершенно пассивными, хотя, с другой стороны, открытое вмешательство наших агентов тоже было бы опасно. Нужно влиять через наших сторонников и преданных нам властей».

Подавление национальной революции было программой не только для Персии. Так, например, было в Хиве, где национально-демократическое движение оживилось под влиянием русской революции. Хивинский хан принужден был созвать меджлис. Но, пользуясь защитой генерала Куропаткина, который и при Временном правительстве остался полновластным диктатором Туркестана, ханскому правительству удалось из-

---

[1]) Странным кажется утверждение столь видного историка, как Е. Тарле, что Россия, очень слабая и зависящая от чужой воли в вопросе о Константинополе и проливах, была очень сильна и мало от кого зависела в вопросе о Персии, об Армении, о Курдистане» (журнал «Борьба классов», № 1-2, Ленинград, 1924, ст. Е. Тарле, Вопрос о Константинополе и разделе Турции в эпоху мировой войны).

бежать революции. Русский казачий отряд разогнал меджлис; активисты младохивинцы были арестованы; некоторые из них казнены [1]).

Давление союзников на Временное правительство, давление, которое мы сейчас иллюстрировали на примере Персии, продолжало усиливаться. И действительно, союзники имели основание беспокоиться по поводу событий, развертывавшихся в России. Германия держала курс на заключение сепаратного мира с Россией; внутри страны лозунг немедленного окончания войны приобретал все больше сторонников. 29 марта (н. с.) рейхсканцлер в рейхстаге заявил, что Германия не предполагает вмешиваться во внутренние дела России, что она желает лишь как можно скорее установить с русским народом такие мирные отношения, которые покоились бы на почетных для обеих сторон основаниях. В официозных заявлениях германское и австро-венгерское правительства подчеркивали свою солидарность с целями войны, выраженными в декларации временного правительства от 27 марта.

Но в отношениях к русским событиям, в выводах, которые приходилось делать, австро-германские правящие круги далеко не были едины. Немецкое командование восприняло Февральскую революцию как симптом разложении русской армии. И если революция не вызвала у Гинденбурга «чувства политического удовлетворения», то в вопросе о перспективах войны она принесла ему «большое облегчение» [2]). Действительно, военное положение центральных держав ранней весной 1917 г. несколько улучшилось. На западном фронте, после пятимесячных боев на Сомме, наступило затишье. Атаковать англо-французские войска немцы, несмотря на ряд благоприятных условий (возможность охвата противника), не решались — их армия была чересчур изнурена.

На востоке после революции прекратились активные действия русских войск. С начавшейся подводной войной связывались большие надежды. Но перспективы всё же рисовались не в розовых тонах. Немецкое командование знало о готовящемся на апрель об'единенном союзническом наступлении; наконец, к числу противников Германии должна была присоединиться Америка. Словом, передышка не обещала быть продолжительной. Гинденбург и Людендорф стояли перед дилеммой: продолжать войну на истощение, в которой шансы успеха были на стороне союзников, располагавших бо́льшими материальными и людскими ресурсами, или мощным ударом сокрушить разлагавшуюся русскую армию с тем, чтобы, захватив богатые источники снабжения, с развязанными руками встретить оффензиву Антанты. «Нам, — пишет Людендорф, — было необходимо, по крайней мере с военной точки зрения, использовать благоприятное положение, чтобы положить для политики побольше железа в огонь... Немецкое наступление должно было быть направлено только на восточный фронт» [3]).

Противоположной точки зрения держался канцлер. Политическую опасность наступления он ставил выше его стратегических выгод. Дело в том, что боеспособность центральных держав к весне 1917 года, не-

[1]) Скалов, Хивинская революция 1920 г. («Новый восток», 1923, № 3).
[2]) Hindenburg, Aus meinem Leben. Leipzig, 1920, S. 246.
[3]) Ludendorff, Kriegsführung und Politik, Berlin, 1922, S. 197.

смотря на облегчение, доставленное русской революцией, уменьшилась. Сказывались результаты трехлетнего изнурения и усталости широких масс населения. Росло революционное движение. Даже Людендорф отмечает, что «элементы разложения разгадали опасения правительства и стали требовательнее» [1]). В апреле правительство вынуждено было расширить избирательное право. Беспокойство, причиняемое событиями внутри страны, было еще с полбеды. Но угрожающие сигналы доносились извне. Австрия стояла накануне полного истощения сил, и германское правительство столкнулось с перспективой скорого выхода союзника из войны. В марте между Австрией и Францией при посредстве принца Сикста Пармского, родственника императора Карла, завязались сепаратные переговоры, причем Карл просил Сикста заверить Пуанкаре в том, что он, Карл, питает глубокие симпатии к Франции (!) и всеми силами поддержит справедливые (!!!) французские требования в эльзаслотарингском вопросе.

Это уж была прямая измена Германии. Несколько позднее австрийский премьер Чернин передал Карлу и Вильгельму доклад, в котором черными красками рисовал положение Австрии и перспективы, ожидающие ее и Германию в случае продолжения войны. «Поразительная легкость, — писал Чернин, — с какой теперь пала сильнейшая в мире монархия, должна навести на размышление и напомнить поговорку о заразительности примеров» [2]).

Для успокоения австрийцев с ними заключили соглашение (так называемый «Венский документ»). Договор ограничивал цели войны установлением status quo как на востоке, так и на западе. Разрыва между Берлином и Веной не произошло, но, учтя все обстоятельства, наступать на Россию не решались. Боялись осложнений в Германии, боялись, что Австрия «не вытянет», боялись, наконец, вызвать оффензивой национальный под'ем в революционной России и — как его результат — отпор немецкому наступлению.

Верх взяла точка зрения канцлера. Бетман-Гольвег рассчитывал на то, что Россия, предоставленная самой себе, скорей заключит сепаратный мир. Развитие событий в России все больше и больше наталкивает борьбу русских партий на вопросы мира, — писал он в ответ на меморандум Чернина; — это развитие мы должны внимательно наблюдать и благоприятствовать ему; будущие попытки русских нащупать почву (Sondierversuche) должны трактоваться, хотя и без видимо вынужденной готовности (zwar ohne zu Schau getragenes Empressement), но таким образом, чтобы они привели к действительным мирным переговорам» [3]).

Так или иначе, с марта 1917 г. на русском фронте установилось фактическое перемирие. Это чрезвычайно тревожило англичан и фран-

---

[1]) Людендорф, Мои воспомиания о войне, т. I, ГВИЗ, 1923, стр. 31, 38.

[2]) «Вестник НКИД», 1919 г., № 2, стр. 59.

[3]) Karl Helferich, Der Weltkrieg, Band III, Vom Eingreifen Amerikas bis zum Zusammenbruch, 1919, S. 72; см. также Ludendorff, Kriegsführung und Politik, S. 269.

цузов, тем более, что и политическое положение России не внушало союзникам достаточного доверия.

Что революция, вопреки утешениям Милюкова, была сделана не для скорейшей победы над Германией, — русские империалисты скоро увидели невооруженным глазом. Под влиянием роста мирных настроений лидеры Совета вынуждены были обратиться к Временному правительству с просьбой обнародовать заявление об отказе от завоевательных целей. Милюков, которого французский посол Палеолог «настраивал как мог», отказался наотрез. С министром иностранных дел были несогласны некоторые министры; они и выработали проект обращения к народу о целях войны. Проект этот носил настолько империалистический характер, что даже Церетели признал невозможным для Совета вести агитацию за такой документ. Милюков, согласившийся на издание декларации, заявлял, что от аннексий отказаться нельзя, так как для обращения к союзникам с целью пересмотра договоров еще не наступил благоприятный момент.

Все же делегация Совета отвергла предложенный текст обращения. Исполнительный комитет согласился с мнением делегации.

В конце концов был найден компромисс. По предложению В. Набокова, в декларацию были вставлены слова о том, что «цель «свободной» России — не господство над другими народами, не отнятие у них национального достояния, не насильственный захват чужих территорий, но утверждение прочного мира на основе самоопределения народов».

Набоков считал, что его формулировки «допускают очень широкое и очень суб'ективное толкование» и не свяжут русских делегатов на будущей мирной конференции. По мнению находчивого члена центрального комитета кадетской партии, «превращение Дарданелл и Босфора в русский канал, разумеется, трудно было бы совместить со строгим толкованием слов декларации. Но, если наступили бы те обстоятельства, при которых стало бы возможным такое превращение, кто бы помнил слова этой декларации и кто бы решился ими аргументировать против России» [1]).

Все же безоговорочно с Набоковым не согласились и кадеты. Кокошкин поторопился присоединить к его формуле фразу, гласившую, что «русский народ не допустит, чтобы родина его вышла из войны униженной и подорванной в жизненных своих силах». Применяя «суб'ективное истолкование» по методу Набокова, это заявление можно было сочетать с требованиями Константинополя и проливов.

Однако Совет, ввиду уступки, сделанной правительством, согласился принять декларацию с обеими поправками (Набокова и Кокошкина), как бы не замечая, что вторая аннулирует первую.

Но и помимо этих поправок, вся установка декларации была выдержана в империалистическом духе. В ней подчеркивалось «тесное

---

[1]) Ст. В. Набокова, Временное правительство, «Архив русской революции», изд. Гессеном, Берлин, 1922, т. I; того же автора — «Временное правительство», М, 1923, стр. 103.

единение с союзниками во всех вопросах, связанных с войной; народ призывался к обороне, как к выполнению «первой насущной и жизненной задачи»; слово «мир» даже не упоминалось. Наконец, — и это было очень важно, — декларация предназначалась только для «внутреннего потребления».

Как бы ни было, империалистический документ 27 марта был признан Советом крупной победой демократии. Авторы декларации из среды Временного правительства расценивали его несколько иначе. Милюков отмечает, что декларация была составлена «в таких выражениях, которые не исключали возможности его прежнего понимания задач внешней политики и не требовали от него никаких перемен в курсе этой политики... Первая победа над министром иностранных дел оказалась неполной и мнимой» [1]).

Конфликт, который возник среди членов Временного правительства в связи с декларацией 27 марта, показал, что среди кадетских кругов есть течение, стоявшее в оппозиции к Милюкову. Ошибочно было бы предполагать, что Милюков вел самостоятельную внешнюю политику, отличную от политики правительства. Это утверждение было выдвинуто меньшевиками и эсерами после отставки Милюкова с целью реабилитации лозунга поддержки Временного правительства и для рекламы Керенского. На самом деле министры во главе с князем Львовым солидаризировались с Милюковым. Согласовалась политика министра иностранных дел и с резолюцией кадетского с'езда, происходившего в конце марта и выразившего доверие внешней политике Временного правительства.

Но известные оттенки в мнениях, выраставшие с течением времени в более крупные разногласия, в вопросах иностранной политики, имели место.

Если Милюков проводил политику прямолинейного империализма с широкой программой территориальных захватов, то Керенский, Терещенко, Некрасов из опасения внутренне-политических осложнений стояли за более оппортунистический курс, за некоторое сокращение «перспективных планов» аннексий, при непременном продолжении войны «до победного конца».

Эти противоречия во взглядах выплывали наружу.

Когда Милюков в интервью высказался за захват Константинополя, Некрасов заявил о том, что Милюков говорил «не по поручению Временного правительства». Керенский, в свою очередь, прокламировал нейтрализацию проливов, а Милюков сообщал послам, что министр юстиции высказывает свое личное мнение.

Но вопрос о том, какое течение в правительстве возьмет верх, решался не в Петрограде, а в Лондоне и Париже, и решен был не в пользу Милюкова.

Бьюкенен, едва ли не с начала революции холодно относившийся к министру иностранных дел, еще 10 апреля вел беседы с Керенским и

---

[1]) Милюков, История второй русской революции, София, 1921 г., стр. 87.

Терещенко. Вопрос о проливах, правда, не входил в компетенцию министров юстиции и финансов, но Бьюкенен хорошо знал о разногласиях в кабинете, о растущей популярности «заложника демократии» в правительстве и предусмотрительно нащупывал почву.

Почва оказалась весьма благоприятной. Керенский, гарантируя продолжение войны, недвусмысленно заявил о своем несочувствии идее захвата Константинополя. Терещенко, сторонник Керенского, к которому он, по словам Бьюкенена, относился с «безграничным доверием», откровенно из'яснял английскому послу, что он, Терещенко, «никогда не был сторонником постоянной оккупации Константинополя Россией, потому что это было бы чистым проигрышем и потребовало бы большого гарнизона. Он хотел бы, чтобы Константинополь был превращен в вольную гавань, над которой Россия пользовалась бы некоторой распорядительной властью. Он сказал... мне (то есть Бьюкенену. *Н. Р.*), что я ошибаюсь, предполагая, что князь Львов, подобно Милюкову, сочувствует аннексии Константинополя»... Обрадованный посол не удержался от искушения заметить, что «раз России не нужен Константинополь, то, чем скорее она об этом заявит, тем будет лучше» [1]). Ответ был вполне благожелателен — Терещенко сослался на необходимость удостовериться сначала в желаниях народа.

Слова Керенского и Терещенко должны были звучать для Бьюкенена лучшей музыкой. Будущий конкурент на Ближнем Востоке готовился тихо и мирно очистить место для Англии, подарив ей обратно соглашение 1915 года.

Керенский пользовался сочувствием и поддержкой Англии не только потому, что его позиция в вопросе о проливах была наиболее близка к позиции Foreign Office. Во всех отношениях министр юстиции был гораздо симпатичнее в глазах англичан, нежели Милюков. Откровенная империалистическая политика Милюкова вела к усилению революционных настроений в стране и грозила обострением отношений между Временным правительством и Советом. В Лондоне хорошо понимали, что на этом пути наступления русской армии не добьешься. Милюков, не делая достаточных уступок, шел на разрыв с Советом. Керенский заверял Бьюкенена в том, что «Совет умрет естественной смертью». Милюков, дискредитированный дарданелльской политикой, по словам того же Бьюкенена, был «плачевно слаб» в борьбе против пропаганды мира на фронте. Керенский пользовался огромным влиянием. Он обещал продолжать войну до тех пор, пока «Германия не уступит воле Европы, и не отрицал необходимости наступления в оборонительной войне.

Принадлежность Керенского к партии социалистов-революционеров не могла поколебать доверия к нему англичан. Правительства Антанты имели большой опыт в деле «приручений» социалистов и утилизации социалистических вождей для целей войны. Бальфур недаром заявлял, что агитация посланных в Россию союзных «социалистов» «направлена к ослаблению социалистических тенденций». И если в Лондоне, в роли

---

[1]) Бьюкенен, Мемуары дипломата, стр. 214, 215.

члена военного кабинета, успешно подвизался Гендерсон, если в Париже Альбер Тома исполнял обязанности министра снабжения, то почему было не содействовать занятию Керенским поста военного министра? Ставка на Керенского была в этом смысле проекцией внутренней политики союзников. По словам Бьюкенена, «Керенский был единственным человеком, от которого мы могли ожидать, что он сумеет удержать Россию в войне» [1]. Социалистические «убеждения» и оборончество лишь помогали ему выполнять возлагавшиеся на него задачи. «Хоть волком вой, да песни пой», — говорит пословица. А Керенский обещал, что, несмотря на социалистический рефрен, он не будет отклоняться от лондонского лейтмотива.

Мы говорим лондонского, так как в Париже вначале держались иной точки зрения. В том, чтобы лишить Россию проливов, французская буржуазия заинтересована не была. На первом плане у французского правительства стояло желание видеть Россию боеспособной и ликвидировавшей те последствия Февральской революции, которые мешали продолжению войны. С другой стороны, отзвуки русских событий сильнее всего чувствовались во Франции и не без основания заставляли французские правящие круги опасаться уступок, на которые англичане рекомендовали пойти Временному правительству. Именно поэтому Париж поддерживал Милюкова, внушая ему через Палеолога необходимость решительной политики по отношению к Совету.

Что Франция изменила свою позицию под давлением Англии, не подлежит никакому сомнению. Рибо сообщает, что, когда Совет потребовал у Временного правительства признания формулы «без аннексий» и когда почти одновременно германское правительство опубликовало заявление о желании установить мирные отношения с Россией, он телеграфировал в Лондон и Рим, спрашивая у союзников, «не считают ли они необходимым призвать Временное правительство к тому, чтобы оно как можно раньше положило конец всякой двусмысленности (équivoque)... Соннино было готов послать инструкции в этом духе, но Форейн-Оффис полагало, что будет более политичным воздержаться от этого. По его мнению, следовало предоставить французским и английским социалистам, посланным в Россию, время воздействовать на своих единомышленников» [2].

В Париже подчинились. Персонально это выразилось в замене Палеолога Альбером Тома. В беседе союзнических послов и прибывшего в Петроград Тома наметилась ясная картина. Палеолог (уже получивший приказ возвратиться в Париж) и итальянский посол Карлотти стояли за Милюкова. «Поддерживаемый Бьюкененом, Тома решительно высказывается за Керенского».

Новый курс, продиктованный из Лондона и в конце концов поддержанный в Париже, скоро сказался на русских отношениях. Спустя

---

[1]) Бьюкенен, Мемуары дипломата, стр. 209.
[2]) A. Ribot, Lettres à un ami, p. 230.

всего лишь два дня после беседы послов, Милюков рассказывал Палеологу, что союзные социалисты «не облегчают» его задачи. «Керенский в Совете хвастается, что обратил их всех в свою веру, даже Альбера Тома, и уже считает себя единственным хозяином внешней политики» [1]).

Компромиссная декларация 27 марта не разрешила конфликта в правительстве. Наоборот, она подала повод к новым осложнениям. Союзники продолжали упрекать Временное правительство в слабости. Из Лондона сообщали, что, пока правительство не сможет «парализовать вредное влияние крайних партий и их органа (то есть Совета. *Н. Р.),* нельзя ожидать от английского общества полной уверенности в боевой мощности России». Палеолог пенял Милюкову на «робость и неопределенность» декларации 27 марта. Но выводы, которые были сделаны из декларации в Лондоне и Париже, относились к вопросам не только внутренней, но и внешней политики. «Последняя декларация Временного правительства, — доносил Набоков, — не вполне рассеяла опасения здешнего правительства и печати в том, что совершившийся в России переворот, идейно сблизивший ее с союзниками, в то же время вызвал различия во взглядах на практические последствия победы, которая будет одержана общими силами». На-ряду с заявлением о «полном соблюдении обязательств», декларация содержит указание на то, что Россия «не лишит народы их национального достояния и не займет силою иностранной территории. В этом заявлении правительство и печать усматривают отказ от права на Константинополь и иные территориальные приобретения, выговоренные соглашением, и указание на готовность России заключить мир без аннексий... только вполне определенное заявление правительства о том, что Россия твердо намерена в согласии с союзниками обеспечить безопасность Черного моря и свободный выход через проливы, — сможет вселить уверенность, что принцип «мира без аннексий» принимается нами не безусловно, поскольку не противоречит нашим жизненным интересам» [2]). Итак, обвиняя Временное правительство в недостатке твердости в вопросе о войне, Англия не упустила случая использовать декларацию 27 марта как документ, аннулирующий соглашение о проливах 1915 года. Набоков прямо подсказывал, что декларацию нужно «раз'яснить», то есть дать понять союзникам, что документ 27 марта — результат «домашних» затруднений и вовсе не предназначен для экспорта.

«Раз'яснительная» нота 18 апреля и оказалась той апельсинной коркой, на которой суждено было поскользнуться Милюкову. Корка эта — идейно и практически — была подложена союзниками.

Как раз в то время, когда во Временном правительстве обсуждался вопрос о том, следует ли превратить декларацию 27 марта в дипломати-

---

[1]) Палеолог, Царская Россия накануне революции, стр. 436, 438. По словам В. Набокова, Тома отзывался о Милюкове «пренебрежительно и враждебно».

[2]) Секретн. телегр. 4/17 IV № 259, дело № 511.

ческий документ, который бы стал исходной точкой для переговоров о пересмотре целей войны, в Петроград приехал Альбер Тома. В беседе с Керенским и Черновым Тома заметил, что декларация официально в Париже неизвестна. Милюков, в свою очередь, конфиденциально об'яснил Тома, что воззвание является результатом компромисса двух правительственных течений и что в случае официальной передачи декларации за границу возникает опасность истолкования ее в смысле предложения союзникам об отказе от аннексий и контрибуций. Тома сказал, что французское правительство не считает возможным пересматривать цели войны, и обещал переговорить с Керенским. «Между тем, — передавал Милюков Извольскому, — Палеолог, осведомившись стороной о происходящих трениях, сообщил своему правительству, как он сам мне сказал при свидании, о желательности сделать немедленно формальное заявление о невозможности пересмотра союзных соглашений. Сделанное во-время, такое заявление могло бы принести пользу в смысле выяснения положения, но в настоящее время оно опоздало. В виде компромисса Тома несколько дней тому назад предложил мне передать воззвание правительства союзным государствам. Я ответил, что сделаю это лишь в том случае, если буду уверен, что содержание воззвания не вызовет никаких недоразумений, в частности, относительно нашего согласия будто бы отказаться от проливов. Вчера я вновь видел Тома и с своей стороны указал ему на возможность передачи воззвания союзникам с моей препроводительной бумагой, которая устранит возможность истолкования во вред нам».

Милюков знал, откуда дует противный ветер, и обращал внимание Извольского на то, что «беседы Тома с нашими левыми элементами здесь и сделанные последними выводы во всяком случае уже изменили фактически положение, за каковое изменение часть ответственности падает на Тома» [1]).

Извольский передал жалобу Милюкова Рибо. Французский премьер уверял, что Тома «искренне стремится» поддерживать точку зрения Милюкова в вопросе о целях войны, но, быть может, не сумел оказать должного отпора настояниям Совета. Рибо обещал инструктировать Тома в смысле оказания большей поддержки Милюкову и действительно предостерегал его от увлечения, напоминая, что созыв конференции для пересмотра целей войны может дать Германии средство раз'единить союзников [2]).

Предложенный Милюковым проект сопроводительной ноты, в котором говорилось, что лишь после победы союзные державы найдут путь к прочному миру, был забракован большинством кабинета. В конце концов был выработан компромиссный текст.

Нота 18 апреля, отводя в сторону «вздорные сообщения о готовящемся будто бы заключении сепаратного мира с Германией, подчерки-

---

[1]) Секретн. телегр. министерства иностранных дел послу в Париже, 17/30 IV № 1703, дело № 529—533.

[2]) Секретн. телегр. Извольского 19/IV—2/V № 349, дело № 510, см. также: Ribot, Lettres à un ami, p. 235.

вала, что переворот, происшедший в России, не только не ослабил роль России в «освободительной войне», но усилил «всенародное стремление довести мировую войну до решительной победы». Подтверждая решимость соблюдать все обязательства, принятые в отношении союзников, нота выражала твердую уверенность в том, что «...передовые демократии найдут способ добиться тех гарантий и санкций, которые необходимы для предупреждения новых кровавых столкновений в будущем».

Слова о «гарантиях» и «санкциях» были, — как передает Милюков, — вставлены по совету Тома — очевидно, он успел познакомиться с директивами Рибо.

Международное право и дипломатия вкладывают в эти термины совершенно определенный смысл. Приняв их, Временное правительство, в том числе и Керенский (который, по его словам, считал, что, добившись уступок по существу, не стоит создавать конфликта из-за «словесности») [1], оставляло просторную лазейку для аннексий и контрибуций, если о последних зашел бы разговор.

Но казуистика Милюкова — Тома — Керенского встретила отпор со стороны той силы, которая с начала революции оказывала давление на Временное правительство, впервые же открыто выступила в апрельские дни.

Стихийный взрыв возмущения питерского пролетариата и солдат империалистической политикой Милюкова выразился в грандиозных демонстрациях, участников которых об'единял один лозунг: «Долой Милюкова».

Издать новую ноту Милюков отказался. Тогда правительство и Совет в специальном раз'яснении ноты 18 апреля заявили, что под «гарантиями» и «санкциями» понимались столь невинные вещи, как международные трибуналы, ограничение вооружений и т. п. Исчерпать кризис раз'яснением, которое отразило испуг советских кругов перед событиями, оказалось невозможным. Возник вопрос о *коалиции*. В программу нового правительства была внесена формула о мире без аннексий и контрибуций на основе самоопределения народов и обязательство начать подготовку переговоров с союзниками о пересмотре соглашений. Программа эта означала *изменение* внешней политики марта — апреля 1917 г. Милюков, отказавшись принять в новом правительстве пост министра просвещения, подал в отставку.

Апрельские события и подвели итог первому этапу внешней политики Временного правительства.

* * *

Рассматривая внешнюю политику первых двух месяцев Февральской революции, мы убеждаемся в том, что эта политика отвечала об'ективному соотношению сил как внутри страны, так и на арене международных отношений.

---

[1]) Петроградский совет рабочих и солдатских депутатов 1917 г., протоколы заседаний, Гиз, 1925, стр. 216, 217.

Русская буржуазия вступила в весну 1917 года с самыми радужными надеждами. В прошлое отошли опасения, вызванные назначением Штюрмера, переговорами Протопопова — Варбурга, фактами, которые сигнализировали колебание царского правительства в вопросах войны. Став у власти, буржуазия могла вести войну с развязанными руками. Этому способствовал ряд факторов.

Благоприятное стратегическое положение России обеспечивало Временному правительству — по крайней мере на первое время — поддержку со стороны союзников: успехи, завоеванные царской армией в 1916 году, взятие Эрзерума и Трапезунда, Луцкий прорыв Брусилова — все это по наследству перешло в актив Временного правительства.

Более чем удовлетворительно было и положение остальных союзников. «В общем, — замечает историк мировой войны, — 1916 г. был годом перелома, подорвавшим в корне военную мощь держав Тройственного союза и, наоборот, доведшим силы Антанты до кульминационного развития. Это был год, определивший победу Антанты в будущем» [1].

Успехи, которые принесла весна 1917 года — отступление Гиденбурга на позиции Зигфрида, взятие англичанами Багдада, наконец, вступление Америки в число воюющих на стороне Антанты, — открывали перспективы достижения победы в 1917 году. А в планах весенней кампании России отводилось значительное место.

Наконец, Временное правительство действовало в сравнительно благоприятной внутренней обстановке. «Добросовестное оборончество», почти безраздельно господствовавшие в массах в начале революции, позволяло вести аннексионистскую политику. Армию рассчитывали оздоровить и, после некоторой заминки (которую даже англичане относили к неизбежным накладным расходам революции), двинуть в наступление.

Влияние революции на внешнюю политику уменьшалось еще и своеобразным тормозом — роль этого тормоза играли традиции секретной дипломатии, позволявшие не только с к р ы в а т ь работу министерства иностранных дел, но и извращать те факты из области внешней политики, которые так или иначе вошли в сферу обращения. Министерство иностранных дел и его органы за границей сохранили целиком свой старый аппарат. Крупнейшие чиновники, сотрудники Сазонова остались на прежних постах: посольский и консульский штат не претерпел никакого изменения.

Советские же организации почти не вмешивались в иностранную политику правительства. Отдел международных сношений Совета, сконструированный только в апреле месяце, выполнял лишь функции информационного бюро; Контактная комиссия не затрагивала вопросов, входящих в сферу деятельности Милюкова.

На этом фоне Милюков мог вычеркивать планы «Константинопольской губернии». Он не скрывал, что проливы были стержнем его политики. «Я признаю совершенно откровенно и со всей твердостью, — за-

[1] А. З а й о н ч к о в с к и й, Мировая война, ГВИЗ, М., 1924, стр. 316.

являл он на с'езде кадетов спустя несколько дней после отставки, — что вопрос о проливах и о приобретении их в суверенное обладание Россией был моей руководящей нитью при всех попытках моей, к сожалению бесплодной, борьбы со сторонниками того мнения, которое имело в виду, проводя новую формулу, прежде всего — отказ России именно от обязательства союзников поддержать нас в приобретении русского суверенитета над проливами» [1]. С уходом Милюкова русская буржуазия не только потеряла своего боевого представителя, она прощалась с надеждой стать самостоятельным распорядителем своей внешней политики.

---

[1]) Губский, Революция и внешняя политика России (собрание материалов), М. 1917, стр. 51.

Глава третья

ОБОРОНЧЕСКИЙ ИМПЕРИАЛИЗМ

Программа «обновленного» правительства в области внешней политики представляла собой замечательный образец маскировки основной цели — продолжения империалистической войны — демократической фразеологией.

Правительство ставило целью «скорейшее достижение всеобщего мира, не имеющего своей задачей ни господства над другими народами, ни отнятия у них национального их достояния, ни насильственного захвата чужих территорий, — мира без аннексий и контрибуций — на началах самоопределения народов, мира, добытого в тесном и неразрывном единении с союзными демократиями Запада».

Мы уже видели, что признание одиозной формулы мира без аннексий и контрибуций далеко не означало «победы Циммервальда». По компетентному заявлению князя Львова и В. Набокова, эти формулы обладали весьма резиновыми свойствами, и признание их обязывало правительство лишь в том случае, если бы в программе были указаны, во-первых, т о ч н ы е о п р е д е л е н и я понятий аннексии и контрибуции и, во-вторых, с п о с о б ы достижения мира на этих основаниях. Но как раз там, где речь заходила о способах, программа скорей выдвигала способы отсрочки, оттяжки мира. «Тесное и неразрывное» единение с союзниками ставило в порядок дня вопрос о мерах, которые предполагает правительство предпринять в случае, если «союзные демократии» не пожелают согласиться с положением программы.

Такой пробой союзников и лучшим подтверждением серьезности обещаний программы явилось бы немедленное опубликование секретных договоров. Но и в этом пункте правительство было непоколебимо: «Немедленное опубликование договоров, заявлялось в программе, будет равносильно разрыву с союзниками, изоляции России... подобный шаг... будет преддверием сепаратного мира». Если к этому прибавить указание на необходимость восстановления боевой мощи армии, то общий смысл программы вырисовывается достаточно ясно.

Отклики союзников на декларацию 6 мая показали, что в Париже, Лондоне и Риме не протестуют против формулы мира без аннексий и контрибуций, «входя в положение» Временного правительства, но вкладывают в эти формулы сугубо империалистское содержание.

Асквит в своей речи в палате общин различал четыре цели, которые может преследовать аннексия: 1) освобождение народностей,

2) об'единение искусственно разделенных народов, 3) занятие стратегических позиций, нужных в будущем для самообороны, и 4) завоевание ради территориальных приобретений. От последнего вида аннексий Асквит благородно отказывался, признавая необходимость аннексий первых трех категорий.

Не стоило большого труда подставить под алгебраические определения Асквита соответствующие отрезки географической карты, чтобы Эльзас-Лотарингия, правый берег Рейна, германские колонии и ряд менее важных пунктов оказались в числе «законных» аннексий. Так и расшифровал слова Асквита Ллойд-Джордж, предлагая Рибо принять формулу русского правительства в том случае, если выражения — мир без аннексий и контрибуций на основе самоопределения народностей — «не означают, что французы и англичане будут обязаны возвратить турецко-германской эксплоатации население Африки и Месопотамии» [1]).

Рибо, в свою очередь, был твердо убежден в том, что русское правительство присоединится к французскому толкованию формулы мира декларации 6 мая, по которому «возвращение Франции отторгнутых от нее областей не является аннексией, а возмещение произведенных немцами беспримерных опустошений не будет контрибуцией» [2]).

Не менее откровенно выразил свои настроения итальянский премьер. При открытии парламента он заявил, что формула «ни аннексий, ни контрибуций» имеет чисто отрицательный оттенок и может «маскировать (.....цель), означающую на практике оздоровление и увековечение всех несправедливостей и насилий прошлого с простым возвращением к statu quo ante bellum» [3]).

Подобные же истолкования — правда, в смягченном виде — шли из Америки.

Откровенные заявления союзников (ответная на декларацию 27 марта нота английского правительства указывала, что никто не может желать возврата арабских племен и армян — Турции; германских колоний, занятых британскими войсками, — Германии) доставили не мало беспокойства коалиционному правительству. Новый министр иностранных дел Терещенко вынужден был задержать на две недели опубликование союзнических ответов на декларацию 27 марта. За это время он исхлопотал у союзников некоторые изменения текста нот с той целью, чтобы в них нельзя было усмотреть возражений против декларации и программы коалиционного кабинета.

Но, пожалуй, наибольшие возражения исходили не от союзников, а непосредственно от министра иностранных дел Терещенко.

Преемник Милюкова, крупный сахарозаводчик и миллионер, показался на политическом горизонте довольно неожиданно и, главным образом, в связи с близостью, а может быть и участием в тех кадетских и военных кружках, которые подготовляли свержение Николая.

---

1) Ribot, Lettres à un ami, p. 258.
2) Секретн. телегр. Извольского 9/22 V, № 427, дело № 510.
3) Секретн. телегр. Гирса 7/20 VI № 430; письмо Соннино 8/21 VI № 431, дело № 541.

Еще в бытность свою министром финансов он стоял в оппозиции к Милюкову (интересно, что Терещенко убеждал Милюкова согласиться с Советом и издать документ об отказе от завоевательных целей), и можно с уверенностью сказать, что его кандидатура на пост министра иностранных дел всплыла не случайно. Недаром Бьюкенен еще задолго до падения Милюкова вел именно с Терещенко разговор о Константинополе — тема, которая по своему характеру выходила за пределы компетенции министра финансов.

Имело ли дипломатическое искусство что-либо общего с балетным (Терещенко считался большим балетоманом), или причиной тому были врожденные способности, словом, новый министр пришелся ко двору. В. Набоков отмечает, что «его (Терещенко. *Н. Р.)* souplesse (гибкость. *Н. Р.*), самая его светскость, отсутствие у него твердых убеждений, продуманного плана, полный его дилетантизм в вопросах внешней политики — все это делало из него при данных обстоятельствах человека, чрезвычайно удобного для разговоров. А за все время существования Временного правительства вся наша международная политика ограничивалась разговорами» [1]).

Действительно, покладистый министр, заверяя «демократию» в своей искренней преданности делу достижения мира без аннексий и контрибуций, в то же время успокаивал иностранных дипломатов. «Первая статья декларации коалиционного кабинета, — раз'яснял он японскому послу, — ни в коем случае не имеет смысла предложения о немедленном общем мире. Вопрос о всеобщем мире возникнет только после окончания войны. Война ни в коем случае не прекратится и, конечно, будет продолжаться».

Терещенко воспользовался случаем, чтобы осведомить посла о своих личных настроениях. Он рассказал, что «его участие в революции было вызвано неутешительным ходом войны с Германией и его желанием внести улучшение в это дело. Он принял должность министра иностранных дел, чтобы оказать поддержку военному и морскому министру Керенскому и чтобы сделать действия против неприятеля более энергичными».

В заключение Терещенко сообщил о своей ненависти к Германии и развил перед собеседником перспективы мира. «Окончательный мир должен быть прочным, и после войны в бюджетах держав вообще не должно быть статьи о расходах на военные приготовления» [2]) — министр усваивал вильсоновскую фразеологию.

Пацифистский стиль американского президента оказался весьма удобным для министерства иностранных дел. Он прикрывал сокращенное издание империалистической программы, которую проводило правительство Керенского, и как нельзя лучше использовался в разговорах с советскими кругами, (в подлинниках телеграмм министерства иностран-

---

1) В. Набоков, Временное правительство, стр. 79.

2) Дешифрант секретн. телегр. Уцида-Мотоно (Петроград) в Токио, 7/20 V, № 470, дело № 77.

ных дел часто встречаются исправления, внесенные рукой Терещенко, в текст, составленный сазоновско-милюковской канцелярией. Вместо слов «притязания» министр писал «требования справедливости», вместо «обеспечения интересов», — «благо народов»).

Что же касается мира без аннексий и контрибуций, то Терещенко предлагал послам, «не конкретизируя положительную часть нашей формулы, особенно настаивать на отрицательной части, имеющей в виду недопущение явных и скрытых аннексий Германии» [1]).

«Положительная часть» говорила о самоопределении народов, а министр иностранных дел хорошо понимал, что в этом вопросе не все обстоит ладно — и не только, например, в Ирландии и Марокко, но и у себя дома — в Финляндии и на Украине.

Мелкобуржуазной демократии поражение Милюкова казалось началом новой эры демократической внешней политики. «Фронт империализма прорван у нас окончательно», — торжествовал меньшевик Розанов на следующий день после отставки Милюкова.

Правительство Керенского позаботилось о том, чтобы лишить эту наивную радость всякого основания.

Все его усилия были направлены к выполнению задачи, возложенной на коалиционное правительство союзниками — сохранить во что бы то ни стало империалистический фронт.

Едва ли не на следующий день после принятия декларации, 6 мая, Терещенко стал саботировать тот пункт программы, где говорилось, о предстоящем обсуждении совместно с союзниками целей войны.

Английское правительство выразило на обсуждение свое принципиальное согласие. Как же отнеслось к этому правительство Керенского? Сообщение из Лондона сильно встревожило Терещенко. Он телеграфировал Набокову, предлагая указать английскому правительству на несвоевременность обмена взглядов по поводу целей войны. «Такой момент, — говорилось в телеграмме, — наступит после того, как увенчаются успехом... нынешние усилия Временного правительства восстановить положение на нашем фронте» [2]).

Мотивы, которые побуждали правительство вести политику оттяжек и отговорок в вопросе о целях войны, становятся, таким образом, совершенно ясны. Временное правительство хотело сначала изменить географическую карту в благоприятном для русской буржуазии направлении и лишь потом пересматривать цели войны.

Но при росте антивоенных настроений среди широких рабоче-крестьянских масс как в тылу, так и на фронте, двурушническая политика коалиции приводила к порочному кругу и была заранее обречена на неудачу.

В самом деле, если пересмотр целей войны был возможен для правительства только при доста-

---

[1]) Секретн. телегр. знининдела послу в Париже и посланнику в Стокгольме 19/V, № 2308, дело № 77.

[2]) Секретн. телегр. мин-ва индел 24/V—6/VI, № 2366, дело № 529—533.

точном накоплении военных успехов, то-есть при дальнейшем продолжении войны, то, с другой стороны, нельзя было вести народ на войну без того, чтобы не пересмотреть ее цели.

Вскоре разговоры о будущих межсоюзных переговорах замолкли. В порядке дня стоял вопрос, ничего общего с заключением мира не имеющий, вопрос о наступлении.

Причины июньского наступления и его подготовка должны быть рассматриваемы в аспекте и внешней и внутренней политики. Остановимся сначала на первом и обратимся к военной и международно-политической ситуации мая—июня 1917 года.

План кампании 1917 года был выработан в ноябре 1916 года на междусоюзнической конференции в Шантильи. Союзнические правительства решили предпринять ближайшей весной решительное наступление на всех фронтах. «Чтобы воспрепятствовать врагу взять в свои руки инициативу операции, — гласило решение конференции, — армии союзников будут готовы предпринять совместное наступление в первую половину февраля всеми средствами, которыми они будут располагать. Если обстоятельства не помешают этому, то совместное наступление на всех фронтах состоится (sera declanché) как скоро оно сможет быть согласовано» [1]). Позднее наступление было отсрочено на два месяца.

Решение это диктовалось общей военной обстановкой. Несмотря на то, что к началу 1917 года перевес в войне определился на стороне Антанты, австро-германцы держались еще довольно крепко, а перспектива дальнейшей затяжки войны обещала и уже сигнализировала союзным правительствам ряд серьезных затруднений внутри их стран. «Мы переживали полный моральный кризис», — пишет об этом времени Рибо [2]).

Против весенней оффензивы выдвигалось много веских доводов. Французскому и английскому правительствам было известно, что русская армия не сможет начать наступление в назначенный срок и, следовательно, выбывает из состава участников общей операции.

Неблагоприятны были сведения и об итальянском фронте — итальянцы боялись наступления австрийцев у Трентино, а, кроме того, не были снабжены тяжелой артиллерией.

Все же решения конференции в Шантильи были подтверждены. На западном фронте наступление должно было начаться быстрым ударом. Этот тактический план также вызывал серьезные возражения со стороны значительной части французского и английского генералитета.

От «верденского» метода решительного удара предостерегал и генерал Алексеев, рекомендуя вместо использования всех сил французской армии «медленное, осмотрительное движение за отходящим противником, занятие новой сильной оборонительной позиции». «Это исключает, по моему мнению, — писал Алексеев, — желательность общей решитель-

---

[1]) Paul Painlévé, Comment j'ai nommé Foch et Pétain., Paris, 1924, p. 5.

[2]) Ribot, Lettres à un ami, p. 261.

ной атаки англо-французами противника, отходящего несомненно на сильно укрепленную позицию и, может быть, задумывающего выполнить обширный маневр в открытом поле, где свободное маневрирование резервов даст той или другой стороне счастливые случайности. Но в этой операции противник, опираясь на подготовленную укрепленную позицию, будет иметь несомненные преимущества» [1]).

Эти предупреждения не были приняты во внимание. Тактику решительного натиска выбрали не потому, что (как это заявляет Пенлеве) желали скорей улучшить шансы на победу, пока не уступила Россия.

Гораздо более реальной опасностью была подводная война, при помощи которой немцы успешно блокировали Англию, а главное, — растущая усталость и недовольство войной. На продолжительную оффензиву могло нехватить пороха. И недаром приказ союзного командования требовал «прекратить наступление, если в течение 48 часов не будет достигнут прорыв фронта» [2]).

Предостережения Алексеева оправдались полностью. Из приказа, захваченного во время одной из атак в Шампани, немцы знали о готовящейся оффензиве за два месяца до ее начала. Пользуясь такой отсрочкой, немецкое командование окончательно подготовило хорошо укрепленные позиции (так называемые «позиции Гинденбурга»), на которых и расположило свои войска, отведя их на 25—30 километров в глубину. Сокращение фронта в ширину дало немцам возможность нейтрализовать три четверти фронта англо-французской атаки.

Апрельское наступление встретило ожесточенное сопротивление немцев и стоило союзникам 61 000 убитых и 9 000 взятых в плен.

На поражение французская армия реагировала стихийными волнениями, вспыхнувшими в войсках в мае. Размах движения и формы, которые оно приняло, настолько живо напоминали русский образец, что для французских правящих кругов вопрос о ликвидации волнений был буквально вопросом жизни и смерти.

Солдаты отказывались занимать позиции и организовывали митинги, на которых требовали мира, ссылаясь на пример русских солдат. Случаи неповиновения командному составу приняли массовый характер. В некоторых частях возникли Советы солдатских депутатов.

Движение создало непосредственную угрозу фронту. Ввиду солдатских волнений французское командование вынуждено было отсрочить операции целой армии и в такое время, когда не исключалась угроза контрнаступления немецкой армии. Таким образом для союзников в тот момент, когда французская армия, по словам генерала Петена, «сгибалась в руках», наступление на русском фронте представляло собой вопрос исключительной важности.

Не могло быть и речи о том, что наступление русских войск, хотя бы частично, должно разрешить задачи, поставленнные в Шантильи. Апрельское поражение не оставляло места для розовых надежд о молниеносной расправе с немцами. «Война на истощение» (Ermattungskrieg)

---

[1]) Телегр. главковерха Жаннену, 13/III, № 2194, дело № 144.
[2]) Зайончковский, Мировая война, стр. 329.

вновь вступила в свои права. Стратегическая установка русского наступления сохранялась, но в гораздо более узком контексте.

Немцы, со столь большим успехом отбившие натиск французских войск, внушали, повидимому, сильные опасения союзникам. Правда, теперь стало известно, что немецкая армия не могла перейти в контрнаступление на западном фронте. По авторитетному заявлению Людендорфа, немецкие войска сильно устали, противник же, в особенности английские части, далеко не был сломлен [1]).

Но в мае 1917 г. Людендорф еще не собирался писать своих мемуаров, и союзное командование должно было искать страховки от немецких контр-атак тем более, что у французов, по словам Пенлеве, «между Суассоном и Парижем было не больше двух дивизий, на которые можно было рассчитывать целиком и полностью».

В наступлении русской армии и хотели найти горчичник, который бы гарантировал союзников от повышения температуры на западном фронте.

Наконец, восстановление боеспособности русской армии было бы первым шагом к подавлению русской революции, отзвуки которой начинали слышаться уже на Западе.

Нужно сказать, что необходимость русского наступления не была аксиоматичной для союзников. Больше того, наступление это казалось рискованным предприятием. «Русская армия — всего лишь фасад, — утверждал генерал Петен, — нужно ожидать, что она разрушится в том случае, если тронется с места». О том же самом предупреждала Временное правительство американская миссия Рута.

И все же союзники рискнули. Рискнули потому, что в русском наступлении видели преграду дальнейшему развитию революции. «По всем сведениям, — пишет Пенлеве, — германо-русское братание производило такие повреждения (faisait des tels ravages), что оставить русскую армию неподвижной, значило рисковать, что она быстро растворится. Лучше стоило сделать максимальные усилия» [2]).

Организуя нажим на Временное правительство с целью ускорить наступление, союзники использовали весь ассортимент средств, начиная от уговариваний и застращиваний и кончая приостановкой снабжения русской армии боевыми припасами. В мае итальянский генеральный консул в Москве заявил в интервью, что в случае, если Россия заключит сепаратный мир, союзники предоставят Японии свободу действий в Сибири. Из других источников, подтверждавших это интервью, сообщалось, что интервенция будет применена даже тогда, если Россия, отвергнув

---

[1]) Ludendorff, Kriegsführung und Politik, S. 197.

[2]) Painlevé, Comment j'ai nommé Foch et Pétain, p. 194, 195.

«Лучшим решением в интересах коалиции и, в частности, принимая во внимание духовное состояние русской армии, был бы возможно скорый переход этой армии к наступательным действиям», — писал французский командующий Нивель. См. телегр. русского военпреда во Франции ген. Палицына, от 15/III. Дело № 144.

сепаратный мир, все же не сможет начать наступление. Указывалось, что главный интервент — Япония — пошлет на западные фронты миллион своих солдат и будет за это вознаграждена уступкой всей Манчжурии и Уссурийского края [1]).

Эти откровенные угрозы, выполненные год спустя, дополнялись более мягкими убеждениями.

В Россию, в качестве пропагандистских групп союзнических правительств, были направлены Вандервельде, Гендерсон и другие социалисты. «Мы отправлялись на фронт как проповедники священной войны» [2]), — вспоминал Вандервельде.

В это же время русский посол в Риме сообщал о том, что Соннино «в мягкой форме» настаивал на наступлении русской армии. Набоков буквально забрасывал министерство телеграммами, в которых с небольшими вариациями проводилась мысль о необходимости немедленного наступления.

Содержание наблюдений Набокова показывало, что к «моральной подготовке» союзники присоединили гораздо более сильно действующие средства. «Здесь, — писал Набоков, — утратили веру в то, что Россия способна оказать содействие... Ни заявления Временного правительства ни знаменательные слова нашего главнокомандующего в телеграмме к английскому фельдмаршалу этого безверия не устранили. Вот причина того, что никакие представления о необходимости для нас новых многомиллионных кредитов не в силах убедить здешнее правительство... И пока Россия не явит на деле доказательства того, что наша армия попрежнему способна на подвиг и победу и к ним стремится, до тех пор никакие слова не восстановят поколебленной веры в боевую мощь России и в прочность нового строя» [3]).

Итак, русской армии отказывали в необходимых средствах. Зажим делался чем дальше, тем больше. Сообщения того же Набокова, отправленные спустя пять недель после цитированной телеграммы, т. е. за два дня до наступления, носят прямо ультимативный характер. «Наши морской и финансовый агенты и другие работники в Правительственном комитете свидетельствуют, что из сношений по специальности каждого из них с английским правительством определенно выясняется следующее: пока русская армия не тронется, до тех пор никакие обещания, никакие призывы с нашей стороны не окажут воздействия на выжидательное настроение Англии» [4]).

---

[1]) Дешифрант секретн. телегр. Соннино Карлотти, Рим. 2/15 V, № 657, дело 545, секретн. телегр. поверенного в делах в Стокгольме 25/IV—8/V. № 347 и 27/IV—10/V № 350 дело № 519.

[2]) Vandervelde, Trois aspects sur la révolution russe, p. 85.

[3]) Секретная телеграмма Набокова 24/IV—7/V, номер не указан, дело № 511.

[4]) Секретн. телегр. Набокова 3/VI, № 439, дело № 511. «Правительственный комитет» — русская государственная организация, ведавшая вопросами

Насколько бесцеремонно действовали союзники, показывает следующий случай.

Узнав о том, что англичане предполагают снять часть своих войск с македонского фронта и отправить в Египет, Терещенко, по соглашению с генералом Алексеевым, предлагал русским послам в Париже и Лондоне указать на нежелательность такой переброски, которая ослабила бы наш юго-западный фронт, позволяя немцам сконцентрировать там освободившиеся части. В этом же смысле Алексеев сделал заявление английскому и французскому военным представителям в ставке.

Французский военный представитель Жаннен дружески посоветовал верховному главнокомандующему не протестовать против решений английского штаба, так как, принимая во внимание бездействие русской армии, он может получить «о т п о р, н е с к а з а т ь о т п о в е д ь». Алексееву оставалось только согласиться с предостережением Жаннена [1]).

Представители русского командования за границей возмущались поведением союзников. «С англичанами надо меньше стесняться, тогда они будут заискивать, — писал в главный штаб русский военный представитель в Лондоне, генерал Дессино. — Очень вредно, что мы слишком любезны с их представителями в России, они далеко не так любезны с нами... Надо, чтобы и наши агенты здесь были тверже. Англии доверять нельзя, она хороша, пока у нас хорошо, а если у нас плохо, то на помощь ее рассчитывать нельзя. Поэтому с ней стесняться не стоит. Политика теперь должна быть слишком твердой, основанная на полном сознании нашего национального достоинства» [2]).

Наивный генерал, только в мае 1917 года понявший, что «Англия хороша, пока у нас хорошо», напрасно рекомендовал твердую политику.

«Национальное достоинство» России давно стало анахронизмом, а к весне 1917 г. и вовсе превратилось в нуль. Поведение союзников было результатом подчинения русской буржуазии и Временного правительства Лондону и Парижу.

Русское командование понимало невозможность выполнить задания, поставленные конференцией в Шантильи. Вначале оно пыталось просить у союзников отсрочки, об'ясняя, что наступать в назначенный срок нельзя, вследствие «организационных работ, расстройства транспорта и запасов».

Основной мотив отсрочки — разложение армии, нежелание солдат воевать — в официальной переписке с союзниками не упоминалось, но «у себя дома» об этом говорили с полной откровенностью. Наступление отложили на май, потом на июнь, а в глубине души предпочитали и вовсе от него отказаться.

снабжения. В это же время Терещенко заявил, что со стороны союзников «никаких попыток воздействия не было... и нет», — см. «Торг.-пром. газета» 1917 г., 7/20 VI.

[1]) Секретн. телегр. mининдел 19/V—I/VI, № 2282, секретн. телегр. директора дипломат. канцелярии Ставки м-ву индел 21/V № 144 дело № 76.

[2]) Телеграмма ген. Дессино наштаверху 9/V, № 364, дело № 75.

«Мы приняли, — писал еще в марте генерал Алексеев военному министру Гучкову, — известные обязательства, и теперь дело сводится к тому, чтобы с меньшей потерей нашего достоинства перед союзниками или отсрочить принятые обязательства или совсем уклониться от исполнения их». Алексеев соглашался «исхлопотать» у союзников отсрочку до июля, но отказывался нести ответственность за несвоевременное исполнение союзнических требований, предлагая Временному правительству добиться соглашения.

Но верховный главнокомандующий сознавал, что отвертеться от наступления нельзя. «Мы, — писал он, — находимся в столь большой зависимости от союзников в материальном и денежном отношении, что отказ союзников от помощи поставит нас в еще более тяжелое положение, чем мы находимся ныне» [1]).

Но ошибочно было бы трактовать Керенского и его коллег по кабинету как «жертв насилия» союзников [2]). Помимо того, что Временное правительство, находившееся в полной зависимости от английских кредитов и поставок, было вынуждено следовать приказам из Лондона, его желания согласовались с этими приказами

Правящие круги русской буржуазии были заинтересованы в преодолении фактического перемирия на фронте. Мы уже говорили, что внешне-политической задачей наступления было такое изменение карты войны, которое обеспечило бы максимальные выгоды русской буржуазии в предстоящих мирных переговорах. Не менее важную роль должно было сыграть наступление в области укрепления позиций буржуазии внутри страны.

Положение в армии представляло собой фотографический снимок с того, что делалось в тылу. Если Советы часто не подчинялись требованиям правительства, то так же поступали солдатские комитеты по отношению к командованию. Рабочие явочным порядком вводили восьмичасовой рабочий день; солдаты — самовольно покидали окопы. С точки зрения буржуазии и правительства начать ликвидацию революционного движения нужно было с армии, тем более, что армия представляла собой вооруженную силу, потеря которой лишила бы Временное правительство всякого авторитета. В случае наступления правительство могло рассчитывать на ликвидацию стачечной волны, прокатившейся в стране, и развивавшейся аграрной революции. Недаром еще до июня практика натравливания «героев»-солдат на «фабричных лодырей» и на крестьян, которые «собираются делить землю без фронтовиков», получила права гражданства.

---

[1]) Письмо врид. главнокомандующего ген. Алексеева военному министру Гучкову 12/III 1917 г., № 2188; «Разложение армии в 1917 г.», Центрархив, ГИЗ, 1925 г., стр. 28, 29.

[2]) Такая точка зрения проглядывает у некоторых авторов военно-исторических исследований. Рисуя красками «неблагодарность» союзников, они «забывают» выяснить позицию Временного правительства. См., напр., работы А. Зайончковского.

Некоторые представители буржуазии понимали, что продолжение войны приведет к дальнейшему развертыванию революции, и предпочитали скорый, хотя бы и невыгодный мир назревающей гражданской войне. Такие голоса раздавались даже в Центральном комитете кадетской партии.

Но в мае—июне большевизм еще не казался могущественным противником, с ним надеялись скоро покончить. Предостережение не могло быть услышано и потому, что русская буржуазия не была хозяином в своем доме.

В подготовке наступления полную поддержку Временному правительству оказало большинство Совета. Суб'ективно деятели Совета исходили при этом из желания придать больший вес той позиции, которую занимала русская «демократия». «Громом пушек, — об'ясняет Станкевич, — надо было заставить иностранное общественное мнение прислушаться к России, к голосу ее демократии... Это казалось легче, чем убедить международную дипломатию и демократию вступить на путь манифеста 14 марта» [1].

«Путь к миру лежит через окопы противника», — такой лозунг выбросили сторонники советского большинства.

Отвечая на критику большевиков, меньшевики и эсеры оправдывали свою позицию тем обстоятельством, что наступление продиктовано требованиями стратегии, а не политики. Но задачи, которые ставила наступлению буржуазия, нажим союзников доказывали обратное. Наступление, связанное, по словам Ленина, «*с вопросом о власти, с вопросом о революции*», имело прямое отношение к политике.

Взятое в своих внутреннем и внешне-политическом планах, наступление 18 июня было наступлением международной и «отечественной» буржуазии на русскую революцию.

Июньское наступление опрокинуло все расчеты союзников и Временного правительства. Как ни взывал Керенский к «революционной совести» «солдат освобожденной России», как ни доказывал красноречивый Вандервельде тульским и рязанским крестьянам, что они «несут своим врагам свободу на конце штыков», стихийная тяга к миру, отчеканенная большевистской агитацией, взяла верх. «Наступление на западном фронте фактически не состоялось. После невиданной со стороны русских, по своей мощности и силе, артиллерийской подготовки войска заняли почти без потерь неприятельскую позицию и не захотели итти дальше. Началось сплошное дезертирство и уход с позиций целых частей. Командованию приходилось более заботиться о принятии мер в тылу, чтобы не разбежалась вся армия, чем думать о противнике. Всякие активные действия на обоих фронтах к северу от Полесья прекратились» [2].

На юго-западном фронте русские дивизии лишь частью перешли в наступление (некоторые полки пришлось «подгонять» своей же артил-

---

[1]) *Станкевич*, Воспоминания 1914—1919 гг., стр. 120, 121.

[2]) А. *Зайончковский*, Мировая война, стр. 345.

лерией), имели значительный успех, но затем откатились назад и продолжали отход под натиском немецких войск до 28 июля нов. стиля.

Июньское наступление и проводит водораздел во внешней политике и в международном положении России времен керенщины.

Тарнополь и Калущ обнаружили просчет в союзнических планах. Лошадь, на которую ставили в Лондоне и Париже, не смогла взять барьер. Поддержка правительства Керенского, оказывавшаяся в надежде на то, что оно с'организует наступление, прекращается. Если тяжелый кулак английского империализма, определявший политику коалиционного кабинета, был одет в элегантную перчатку, если с Россией считались хотя бы для видимости, то после июня на сцену выступает неприкрытый цинизм раздраженных неудачей хозяев.

Но почему союзники не порвали с Временным правительством, не закрыли кредитов и — пусть в ничтожном размере — продолжали снабжение русской армии? М. Н. Покровский об'ясняет «возню с Керенским» необходимостью для союзников дождаться помощи американской армии, которая должна была появиться на западном фронте весной и летом 1918 года. «Вот вам и секрет одновременно и гальванизации трупа войны в России и тех бракованных пушек, которые посылала Англия в 1917 году, — пишет М. Н. Покровский, — пускай Россия уходит. Когда на сцене будут американцы, тогда восточный фронт нам не так важен, но до тех пор нужно продержаться во что бы то ни стало» [1]).

Разрыв союзников с Россией и возможный в этом случае сепаратный мир России и Германии несомненно усилили бы Германию. Не говоря уже о чисто военной стороне дела (к 29 августа русские армии, не считая кавказского фронта, отвлекали 159½ неприятельских дивизий; не лишним будет заметить, что в марте 1918 г. на западном фронте было всего 4 американских дивизии) [2]), Германия, в случае мира с Россией, могла рассчитывать на улучшение своего материального, в частности продовольственного положения. Планомерно организованное и вполне успешное по результатам «использование» немцами Украины в 1918 году как нельзя лучше подтверждает это предположение.

Наконец, союзники были кредитором России и уж по этой одной причине не могли порвать с должником, тем более, что по отношению к этому должнику в Лондоне и Париже имелись широкие планы будущих экономических взаимоотношений.

---

[1]) М. Н. Покровский, Внешняя политика России в XX веке, М., 1926, стр. 67.

[2]) «Кто должник», сборник, М., 1926, ст. А. Базаревского, Влияние русского фронта на распределение сил центральных держав во время мировой войны, стр. 211 и 212; А. Зайончковский, Мировая война, стр. 391. — Таким образом русские удерживали приблизительно до 1 300 000 неприятельских войск, то есть столько же, сколько к 1 марта 1918 г. было в Америке в лагерях (Зайончковский, Мировая война, стр. 381). Численный перевес на западном форнте весной 1918 г. был на стороне немцев. То есть, если к лету 1918 г. 1 300 000 американцев оказались бы на французском театре войны, то и тогда участие России в войне было бы важно для союзников.

Нельзя забывать и о том, что Россия представляла для союзников мишень, отвлекавшую внимание народных масс от «домашних» виновников продолжения войны. Сваливать все неудачи на Россию союзники стали еще до июньского наступления. «Неуспех апрельского англо-французского наступления, — сообщал русский военный агент в Париже, — принудил французское правительство [к] особо резкому проявлению суждения [о] положении дел [в] России даже с парламентской трибуны, дабы в чем найти оправдание перед страной в неудаче. С тех пор французское правительство с большой последовательностью преуменьшает положительную роль России, находя в таковой политике выход на случай явного переутомления страны войной» [1].

Разорвать с Россией, поставить общественное мнение перед фактом формального выхода ее из войны — значило бы рисковать ухудшением настроения масс. «Если бы мы тогда сказали стране, — вспоминает Рибо, — что на Россию больше нельзя рассчитывать, каково было бы ее удивление и каковы были бы последствия таких речей? В этот момент не было никого, кто бы не надеялся всеми силами на то, что Россия спохватится и, раз ввязавшись в бой, поведет его со всей своей энергией ценой величайших жертв» [2].

Но если союзники продолжали поддерживать связь с Временным правительством, то с интересами последнего они не считались. Еще в июне Керенский жаловался на то, что союзники присылают бракованную артиллерию — 35% орудий, полученных из-за границы, не выдержали двухдневной умеренной стрельбы. В июле английское правительство продолжало сокращать самые насущные требования России [3].

Второго июля в Лондоне состоялась очередная междусоюзническая конференция. Как об этом с горечью рассказывает Набоков, он получил приглашение участвовать на конференции за 10 минут до открытия заседания. «Приглашение», впрочем, было послано лишь после того, как Набоков сам напомнил о необходимости присутствия на конференции представителя России. На заседании для Набокова не оказалось места, и он должен был втиснуться в углу между французами.

Открывая конференцию, Ллойд-Джордж предложил обратиться к Временному правительству «с решительным протестом против усиливающихся в России анархии и разложения». Интересно, что Ллойд-Джорджу возражал французский делегат Тома, который заявлял, что такого рода обращение произведет в России отрицательное впечатление. Ситуация изменилась. Строгим хозяином являлась Англия;

---

[1]) Секретная телеграмма военагента в Париже, генерала Занкевича военмину 14/VIII н. с., № 728, дело № 142.

[2]) Ribot, Lettres à un ami, p. 239.

[3]) Телеграмма Керенского Терещенко 20/VI, № 285, Сборн. секретн. документов б. министра иностранных дел, 1917 г., № 2-3, стр. 113; секретн. телегр. Набокова 3/VI—13/VII, № 540, АР и ВП, дело № 75.

Франция же придерживалась более мягких методов. Как мы увидим дальше, эта перемена декораций не была случайной и стояла в связи со всей международно-политической обстановкой.

Доводы Тома были поддержаны Набоковым, который, кстати сказать, впоследствии приписывал достигнутый успех (предложение Ллойд-Джорджа было отклонено) убедительности своих возражений. Нет никакого сомнения, что если участники конференции и прислушивались к чьему-нибудь голосу, то, конечно, не к голосу русского делегата.

Как бы то ни было, Ллойд-Джорджу пришлось извиниться за допущенную резкость, и телеграмма, все же отправленная Временному правительству от имени конференции, содержала приветствие и мягкое напоминание о том, что «достижение общих для всех союзников целей невозможно без укрепления дисциплины в русской армии» [1]).

В конце июля вновь собралась междусоюзническая конференция, где русским делегатам вновь пришлось выслушать ряд упреков — и опять со стороны англичан. Ллойд-Джордж, защищая английское предложение об отсрочке салоникской оффензивы и об усилении месопотамского фронта за счет салоникского, мотивировал его теми трудностями, которые причинило «мгновенное затмение» (éclipse momentanée) России. Русские, — говорил он, — раньше хорошо вели войну на Кавказе, «облегчая, если даже не подготовляя успех англичан у Багдада... Теперь русская армия недвижима, и войска генерала Мода могут быть в опасности, если турки сосредоточат против них все свои усилия» [2]).

И на этой конференции делегаты России выступали вместе с французами — русские, имея в виду угрозу, возникающую для юго-западного фронта в случае ослабления салоникской армии; французы — опасаясь нападения немцев на «покровительствуемую» Грецию.

То новое, что выяснилось на междусоюзнических совещаниях летом 1917 года, заключалось, конечно, не в упреках по поводу неудачи июньского наступления.

Новым фактором было завершение тех операций на дипломатическом фронте, которые союзники предприняли против России, точнее, против соглашений 1915 и 1916 гг. еще весной. Что союзники воспользуются русскими неудачами, не составляло секрета для министерства иностранных дел. И недаром задача русских делегатов на междусоюзнических конференциях состояла в том, чтобы ограничить, — поскольку это представится возможным, — темы, подлежавшие обсуждению, одними лишь военными — в тесном смысле этого слова — вопросами. «В настоящую минуту, — писал Терещенко русскому представителю в Париже, — военно-политическое положение, а равно условия конференции побуждают нас избегать

---

[1]) К. Набоков, Испытания дипломата, стр. 108, 111; секретн. телегр. Набокова 25/VII—7/VIII, № 620, дело № 511.

[2]) Proceedings of an Inter-Ally conference held at the foreign office. Paris, First session, July 25. 1917. С французского текста, стр. 11, 14 (АР и ВП).

принятия на конференции каких-либо кардинальных политических решений, которые могли бы в будущем связать нашу свободу действий, хотя бы эти решения и были формулированы в более мягкой форме «пожеланий» [1]).

Цель внешней политики Временного правительства после краха июньского наступления — переждать то время, пока Россия вышиблена из седла, и не позволить союзникам аннулировать соглашения 1915 и 1916 г. — не была достигнута.

Первое поражение правительство потерпело в малоазиатском вопросе, точней — в вопросе о Смирне.

Раньше притязания Италии на Смирну недружелюбно встречались Англией (следует вспомнить, что англичане располагали крупными концессиями в Смирнском вилайете). Но с разгромом русского фронта значение Италии, как фактора войны, повысилось, тем более, что австрийские авансы по отношению к Италии вызывали опасения сепаратного мира между Австрией и Италией. Само собой разумеется, что Италия не пропустила удобного случая использовать новую кон'юнктуру и вновь возобновила свои требования, на этот раз с бо̀льшим успехом. В августе союзники согласились передать Смирну Италии. Соглашение признавалось действительным при условии согласия российского правительства [2]). Но эта оговорка была в руках Франции и Англии лишь орудием на тот случай, если бы по каким-либо причинам они признали нежелательным выполнение соглашения.

Понимая, что с малоазиатскими проектами надо распрощаться, Терещенко делал последнее усилие, стремясь использовать малоазиатскую карту, по крайней мере как подсобную, в дипломатической игре. Инструктируя поверенного в делах в Париже, он указывал на связь малоазиатского вопроса с вопросом о Дарданеллах, подчеркивая, что «выполнение его (малоазиатского соглашения. *Н. Р.)* зависит от выполнения соглашения о проливах» [3]). В доказательство Терещенко приводил меморандум Сазонова, 4 марта 1916 года.

Ссылаться в сентябре 1917 года на документ, относившийся к началу 1916 года, было по меньшей мере нелепо. Меморандум 1916 года опирался на современную ему военную ситуацию, основными моментами которой было критическое положение союзнических войск в результате немецких атак под Верденом, с другой стороны, взятие русскими войсками Эрзерума и готовившееся наступление русских на северо-западном фронте. В дни, когда Терещенко цитировал этот меморандум, русский фронт проходил к северу от Риги.

Министерство иностранных дел должно было примириться с тем, что его планы относительно Турции, располагающей Смирнским портом, потерпели крушение. В перспективе вместо «жизнеспособной» Турции

---

[1]) Секретн. телегр. мин-ва индел 8/VII, № 3097, дело № 75.

[2]) «Раздел Азиатской Турции», М., 1924, стр. 348.

[3]) Секретн. телегр. министерства иностранных дел, 12/25 IX, № 4239, дело № 529—533.

под русским протекторатом вырисовывалась жизнеспособная — без кавычек — Италия в непосредственном соседстве с Дарданеллами. Если внешняя политика Временного правительства натолкнулась на непреодолимые препятствия в Малой Азии, то не лучше складывались обстоятельства и на запад от Дарданелл.

Италия аннексировала Албанию, провозгласив — это стало традиционным обрядом каждой аннексии — ее «независимость». Этот шаг должен был беспокоить русское министерство иностранных дел по двум причинам. Во-первых, аннексия Албании означала невыгодное для России усиление Италии на Балканах и, следовательно, дальнейший шаг в сторону нарушения балканского равновесия. С другой стороны, аннексия ярко иллюстрировала намерения союзников, которые, судя по их официальным заявлениям, являлись извечными врагами империализма. Такое разоблачение могло повредить политике единения с союзниками, политике, так беззаветно проводимой Керенским и Терещенко. Доводы от «внутренней опасности» по вполне понятным причинам и в данном случае были лейт-мотивом в протестах министра иностранных дел. «Не могу скрыть опасения, — писал он русским послам в Лондоне и Париже, — как бы этот шаг итальянского правительства ни вызвал у нас в печати и политических кругах сильного возбуждения и снова не поставил бы резко вопроса об аннексиях, обнародовании секретных договоров и пересмотре их» [1]).

В беседе с Тома и Бьюкененом Терещенко настаивал на отправке итальянскому правительству коллективного протеста союзников. Было решено, что такой протест передаст французский посол в Риме, по соглашению с другими союзными послами. Терещенко предложил русскому послу присоединиться к протесту, отметив необязательность для союзников шага итальянского правительства, нарушившего право самоопределения народностей.

Но вскоре первоначальная встревоженность министерства иностранных дел и его желание как можно скорей «принять меры» уступили место более спокойному отношению к событиям. Всего через несколько дней после требования протеста русский посол в Риме получил инструкцию воздержаться от представления итальянскому правительству в том случае, если так же сделают представители Англии и Франции. Официальным мотивом такой инструкции послужил министерский кризис в Италии, вызванный выступлением Соннино по албанскому вопросу. Но действительная причина успокоения русского министерства иностранных дел лежала несколько глубже. Итальянский посол в Петрограде Карлотти беседовал с Терещенко по вопросу об Албании как раз в те дни, когда обнаружилась «перемена настроения» министерства иностранных дел. Карлотти говорил о военной необходимости захвата Албании; Терещенко выражал желание ознакомиться с той интерпретацией, которую даст аннексии итальянское правительство. «Как я мог понять, — сообщал Карлотти в Рим об этой беседе, — он (то есть Те-

---

[1]) Секретн. телегр. министерства иностранных дел 23/V, № 2354, Политархив, 1917 г., подлинники исходящих за май.

рещенко. *Н. Р.)* хотел, чтобы акт «en question» был утвержден с согласия Лондона» [1]).

Английское правительство очевидно не желало подымать шума из-за Албании, и Терещенко оставалось только повиноваться.

Наконец, последнее поражение потерпела внешняя политика правительства Керенского в греческом вопросе. Угроза венизелистского государства, осуществляющего «велико-греческую» программу, возникла еще во времена Милюкова, но только летом 1917 года она превратилась в реальную опасность.

Узнав еще до наступления 18 июня о том, что союзники подготовляют «отречение» Константина, Терещенко, подобно Милюкову, протестовал против переворота. Терещенко ссылался на ухудшение настроения русских армий на юге, которое последует, если союзники ослабят македонский фронт, отвлекая с него силы для греческой операции. Он упрекал союзников в том, что они игнорируют Россию, которая является одной из «держав-покровительниц» Греции.

Сведения, доходившие из Афин, становились все тревожнее. Демидов вновь напоминал о том, что события ведут к будущему политическому и экономическому закабалению Греции Францией, и, отмечая ухудшившееся положение России на Балканах, выражал надежду, что «Россия себя не забудет» [2]).

Если Временное правительство старалось, чтобы «Россия себя не забыла», то ее, во всяком случае, забыли. В июне соединенные отряды «держав-покровительниц», в том числе русский полк, произвели переворот, заставив Константина отречься.

Расчеты на привлечение Англии к точке зрения Временного правительства в греческом вопросе не оправдались. Как отмечалось выше, Англия, если не считать «американского» оттенка в ее греческой политике, действовала заодно с Францией. «Все хорошо, что хорошо кончается», — сказал французскому посланнику английский министр иностранных дел Сесиль, узнав об успехе переворота в Афинах [3]).

События в Греции доставили много неприятностей Временному правительству. Не говоря уже об опасности, возникшей для положения России на Ближнем Востоке, участие русского отряда в перевороте и заявление, сделанное от имени всех держав-покровительниц, в том числе и России, являлись поводом и для внутренних осложнений. Перед самым наступлением на русском фронте, когда вся буржуазная и эсеровско-меньшевистская печать во все трубы трубила о необходимости

---

[1]) Дешифрант телеграммы Карлотти — Соннино. 29/V—II/VI, № 243, дело № 113, с французского текста.

Конечно, действительное отношение Временного правительства к захвату Италией Албании осталось неизвестным за пределами дипломатических канцелярий. В печати Терещенко заявлял, что аннексия Албании вызвана военными соображениями и что в будущем албанский вопрос будет решен на основе самоопределения народностей («Торг.-пром. газета» от 7/20 VI 1917 г.).

[2]) Депеша Демидова 5/18 VI, вх. № 623, политархив, депеши из Афин за 1917 год.

[3]) Ribot, Lettres à un ami, p. 279.

покончить с последними представителями империализма — с немцами, — в этом самый момент оказывалось, что Россия принимает активное участие в грубо-империалистическом насилии над Грецией.

Русские войска были отозваны из Греции. В официальном заявлении Временное правительство, очевидно, следуя принципу «лучше поздно, чем никогда», высказалось за предоставление греческому народу возможности самому решить вопрос о своей судьбе. «Для публики» переворот об'яснили, как результат личной политики короля Константина, заинтересованного в противодействии союзникам, а участие в нем России, как «недоразумение», вызванное запозданием директив [1].

Неприятные последствия греческого переворота не замедлили сказаться. Временное правительство с большой опаской смотрело на попытки союзников вывести Грецию из состояния нейтралитета и поставить ее в ряды активных противников Германии.

Позиция, занятая Временным правительством в этом вопросе, интересна, между прочим, как иллюстрация действительных мотивов его внешней политики и подсобной стратегической аргументации, применявшейся министерством иностранных дел. Выше мы говорили о том значении, которое придавал Терещенко македонскому фронту, когда он протестовал против отвлечения с него сил для выполнения греческого переворота. Казалось бы, что русское министерство иностранных дел должно всячески поддержать проект вовлечения Греции в войну, то-есть усиление македонского фронта союзников. Но обстоятельства складывались иначе. Воевать «задаром» Греция вероятно не согласилась бы, а в качестве платы Венизелос мог потребовать территориальных уступок на Балканах или даже Констатинополя. Терещенко поэтому предпочел *забыть* о важности македонского фронта и *протестовал против участия Греции в войне*. «Что касается возможного выступления Греции, — телеграфировал он в Париж, — то мы безусловно против насильственного втягивания ее в войну... мы считаем, что польза от греческого военного содействия... весьма сомнительна, а между тем в случае возможного разгрома Греции вся тяжесть нравственной и материальной ответственности падает на держав-покровительниц».

Пессимизм Терещенко и его боязнь ответственности имели специфические основания, и недаром он предусмотрительно напоминал о том, что «ни в коем *случае мы не можем связывать себя какими-либо обещаниями Греции относительно территориальных или иных вознаграждений за ее участие в войне*. Мы полагаем, что это обстоятельство весьма затруднило бы в будущем разрешение балканского кризиса» [2].

Великогреческие аппетиты существовали не только в воображении русского министра иностранных дел. Осенью 1917 года в греческой прессе появились статьи, в которых указывалось, что возвращение Гре-

---

[1]) «Торгово-промышленная газета» от 7/20 VI 1917 г.

[2]) Секретн. телегр. министра иностранных дел 16/29 VI, № 2785, дело № 529—533.

ции земель, населенных греками и принадлежавших ранее Византийской империи, в том числе Константинополя, не может считаться аннексией.

Статьи чрезвычайно встревожили русское министерство иностранных дел, тем более, что условия их появления были довольно пикантны — газеты, опубликовавшие статьи, субсидировались русской миссией. Демидову был сделан выговор и указано, что взгляды, противоречащие видам Временного правительства, не должны защищаться, по крайней мере, в тех газетах, которые находятся у него на содержании [1]).

Подытоживая результаты внешней политики правительства Керенского в малоазиатском, албанском и греческом вопросах, мы приходим к тому выводу, что союзникам, главным образом Англии, удалось успешно завершить подкоп против соглашения о проливах 1915 года. Всем решениям союзников правительство Керенского должно было подчиниться; его контрмарши потерпели поражение. С Керенским не считались, как с реальной силой, особенно после неудачи июньского наступления. «Изо всех видов ведения войны — дипломатизирующий вид безусловно является наименее удачным», говорил в свое время немецкий стратег фон-Шерф. Это изречение полностью оправдывалось на примере политики Керенского. Дополнить дипломатическую войну войной настоящей Керенский не смог, и его внешняя политика была обречена на неуспех.

После неудачи июньского наступления союзники вряд ли могли сомневаться в том, что Керенскому не удастся восстановить боеспособность армии. Бессилие премьера было на-лицо. «Керенский выдохся», — сказал один английский генерал на Московском совещании. Убедившись в том, что «демократия» до финиша не дойдет, союзники подумывали о других методах ликвидации русской революции и обратили внимание на человека, который появился на политической арене вскоре после Московского совещания, — на генерала Корнилова. Толки о преемнике Керенского шли с разных сторон. Уже в начале августа начальник английского морского штаба генерал Холль говорил Колчаку, что Россию может спасти только военная диктатура [2]). Еще интересней были донесения комиссара Временного правительства за границей Сватикова. Оказывалось, что во время прощальной аудиенции Сватикова у французского министра иностранных дел и президента — Рибо «чрезвычайно жадно интересовался, кто из окружающих Керенского людей является твердым и энергичным человеком», а Пуанкаре «много расспрашивал о... Корнилове» [3]).

Сочувствие «энергичному человеку» дошло до такой степени, что русский представитель в Париже должен был увещевать французских журналистов на предмет сокращения восторгов перед храбрым генералом. Севастопуло беседовал по этому поводу с директорами газет

[1]) Секретн. телегр. министра иностранных дел 7/20 IX, № 4176, дело № 529—533.

[2]) «Допрос Колчака», ГИЗ, Ленинград, 1925, стр. 94.

[3]) Телеграмма Сватикова 23/VIII—5/IX, № 889, дело № 143.

«Виктуар» и «Фигаро» Эрве и Капюсом. Он доказывал им, что «своими резкими статьями за генерала Корнилова и против Совета они не только не достигают преследуемой ими цели, но, наоборот, дают оружие кругам, недружелюбно настроенным к союзникам». «Эрве,—сообщал Севастопуло,—об'яснил мне, что пожеланиями в пользу Корнилова он желал дать понять нашим крайним кругам, что здешние, даже самые передовые и демократические круги, при их революционном опыте и несмотря на их традиционную ненависть к диктатуре, готовы примириться с нею при исключительных переживаемых ныне обстоятельствах» [1]).

Платоническим сочувствием дело не ограничилось. Союзнические представители в ставке в дни корниловского выступления уверяли Корнилова в своих чувствах и желали ему успеха. «В особенности, — вспоминает Деникин, — в трогательной форме делал это британский представитель» [2]). Можно предполагать, что сочувствие союзников перешло и в прямое содействие. Уже после провала корниловского выступления глава английской военной миссии в России генерал Нокс упрекал представителя американского Красного креста полковника Робинса в том, что последний не поддержал Корнилова. «Вы были вместе с ним (то-есть с Корниловым. *Н. Р.),* — сказал Робинс. Генерал покраснел. — Да, — сказал он, — быть может, эта попытка была преждевременна, но я не заинтересован в правительстве Керенского. Оно слишком слабо; необходима военная диктатура, необходимы казаки, этот народ нуждается в кнуте! Диктатура — это как раз то, что нужно» [3]).

Союзнические послы не могли действовать с такой же откровенностью, как их сотоварищи в ставке. Но и они фактически стали на сторону Корнилова, недвусмысленно вмешавшись в конфликт непокорного генерала с Временным правительством. В декларации, которую послы вручили через Бьюкенена Терещенко, говорилось о необходимости поддержать единство всех сил России в целях победоносного продолжения войны и предлагались посреднические услуги. Предложение посредничества между признанным союзниками правительством и бунтовщиком (каким формально был Корнилов), вооруженно выступающим против этого правительства, являлось на деле выражением сочувствия Корнилову. Предусмотрительно вставленные в декларацию слова о «чувстве гуманности», побудившем-де союзников предложить посредничество, были простой оговоркой на случай отступления. В качестве таковой они и пригодились. Когда военное министерство официально заявило о своей уверенности в том, что мятежный генерал не может рассчитывать на поддержку союзников, «послы, по инициативе амери-

---

[1]) Секретн. телегр. поверенного в делах в Париже 4/16 IX, № 923, дело № 77.

[2]) Деникин, Очерки русской смуты, т. II, Париж, стр. 63.

[3]) Цит. по книге Левидова, К истории союзнической интервенции в России, Ленинград, 1925, стр. 9.

канского посла Френсиса, потребовали опубликования своей декларации» [1]).

Тот факт, что союзники весьма доброжелательно относятся к Корнилову, был учтен Временным правительством. Терещенко пришлось изобретать различные оправдания позиции Временного правительства и выражать от его имени «крайнее удивление» по поводу выступления Корнилова в то время, как большая часть внесенных им предложений, имевших целью укрепить армию, была правительством принята. «Во всяком случае, — уверял Терещенко союзников, — временное замешательство в жизни армии, как следствие событий последних дней, не помешает правительству осуществить все те меры по поднятию ее боеспособности, необходимость коих была признана до выступления генерала Корнилова» [2]).

Вмешательство союзников во внутренние дела России не ограничивалось содействием Корнилову. В Лондоне и Париже, в Токио и Вашингтоне Россию оценивали не только как военную силу, но и как об'ект экономической эксплоатации.

Еще в июне английская «Financial Times» рисовала перед своими читателями радужные перспективы деятельности английских промышленников в России после устранения немецкого конкурента [3]).

Колонизаторские аппетиты союзников дошли до такой степени, что они уже начали коситься друг на друга — кому достанется лучший кусок. Японский министр иностранных дел был чрезвычайно встревожен слухами о состоявшейся якобы передаче Временным правительством американцам концессий в Приморской области и на Сахалине. В беседе с русским послом в Токио Крупенским министр сказал, что «если бы сказанное известие соответствовало действительности, то это произвело бы в Японии самое тяжелое впечатление. Признавая, конечно, наше право распоряжаться по нашему усмотрению нашими горными богатствами, министр отметил, однако, что японские капиталисты давно стремились к участию в их эксплоатации и ныне еще готовы образовать с этой целью японские и смешанные русско-японские общества... Министр добавил, что если подобные переговоры и начались, то японское правительство оценило бы их оставление без последствий».

Если оставить в стороне обычную дипломатическую вежливость и вспомнить, что в это время Временное правительство вело с Японией переговоры о займе и вынуждено было уступить ей некоторые участки Китайско-Восточной железной дороги, то смысл речи японского министра не оставляет никаких сомнений. Россию рассматривали как об'ект империалистической политики. Недаром Крупенский, комментируя переданную беседу, с тревогой замечал, что «подобные притязания японцев могут в будущем... привести к весьма опасным для нас последствиям,

---

[1]) Милюков, История второй русской революции, т. I, вып. II, София, 1921, стр. 254, 255.

[2]) Секретн. телегр. министерства иностранных дел 2/15 IX, № 4079, дело № 533.

[3]) «Торгово-промышленная газета», 15/28 VI 1917 г.

создавая как бы притязания на японскую сферу влияния в наших пределах» [1]).

Предоставление займа, заказы, размещенные в стране, которая является кредитором (не лишнее добавить, что русским военным заказам Япония была обязана возникновением новых отраслей промышленности, постройкой крупных заводов), территориальные уступки, концессии, получаемые кредитором у должника, и, наконец, конкуренция кредиторов, — перед нами развертывается цепь фактов. Ими можно было возмущаться, но нельзя было не понять, куда они ведут.

Но реализация экономических планов союзников по отношению к России была все же в значительной степени «музыкой будущего». Эксплоатация «союзницы» в широких размерах могла начаться после окончания войны. А осенью 1917 года именно вопросы войны стояли на первом плане.

После того как для союзников стало ясным, что Россия, если и продержится, то, во, всяком случае, не будет больше играть активной роли в войне, перед ними возник вопрос о возможности заключить мир с Австрией и Германией за счет России.

В августе Временное правительство было взволновано мирным предложением папы, направленным ко всем воюющим странам. Существо этих предложений сводилось к закреплению существующей карты войны с исправлениями в пользу Франции и Бельгии на Западном фронте. Относительно русских границ глава католической церкви не упоминал, но по точному смыслу его предложений выходило, что Польша, Волынь и Прибалтика, занятые немцами, остаются в распоряжении Германии.

Теперь мы знаем, что Ватикан был ширмой, за которой действовали Англия и Франция. 30 августа мюнхенский нунций папского правительства Пачелли послал германскому имперскому канцлеру Михаэлису письмо, в котором сообщал, что английское правительство с согласия французского передало Ватикану о своем желании выяснить намерения Германии в вопросе о полной независимости Бельгии и возмещении нанесенных убытков. Предложение папы и было, очевидно, разведкой Лондона и Парижа.

Что в этом предложении скрыта опасность для России, в Петрограде понимали. «Острие мирного предложения (папы. *Н. Р.*), — писал Терещенко русским послам за границей, — явным образом направлено против России... Только превратным представлением о слабости России мы можем себе об'яснить тот факт, что на всем протяжении ватиканской ноты даже самое имя России ни разу не упомянуто» [2]).

---

[1]) Секретн. телегр. посла в Токио 7/VII, № 312, дело С без номера, Япония; секретные телеграммы 1917 г.; см. также АОР, дело канцелярии Временного правительства об уступке Японии части южного участка Китайско-Восточн. железной дороги (дела Временного правительства).

[2]) Секретн. телегр. мин-ва иностранных дел 13/26 VIII, № 3809, дело № 529—533. Первоначальный текст цитируемой телеграммы еще яснее выражал мысль министра. Мирное предложение папы, — говорилось в проекте телеграммы, — вызывает «подозрение, не является ли данный шаг внушенным

Папское предложение, как известно, не имело успеха. Оно было отвергнуто Англией и Францией, так же как и Америкой.

Но вне зависимости от его результатов Временное правительство не могло противопоставить какой-либо преграды сговору союзников с Германией за счет России. Таким предохранителем могла бы послужить только контр-угроза заключения Россией сепаратного мира.

В этом вопросе, однако, Временное правительство держалось непоколебимо. Когда распространились слухи о намерении австро-германцев обратиться к мирному посредничеству Испании, министерство иностранных дел предупреждало русского посла в Мадриде о том, что «решительность России продолжать войну остается непоколебимой».

Относительно позиции Временного правительства в вопросе о мире мы располагаем интересным свидетельством Френсиса. Американский посол рассказывает в своих мемуарах, что в 1918 году он встретился в Архангельске с Терещенко, который под чужой фамилией пробирался к Колчаку. Бывший министр иностранных дел уверял Френсиса, что «около 1 августа 1917 года он получил от Германии выгодное предложение мира и доверил его Керенскому, об'единившись с ним против сепаратного мира; он был очень горд своей позицией и этим исходом дела и претендовал поэтому на доверие, правильно говоря, что, если бы Россия заключила мир в это время, четыре месяца спустя после вступления Америки в войну, центральные державы были бы способны сконцентрировать свои силы против союзных армий, прежде чем Америка могла бы перебросить свои войска во Францию» [1]). Не доверять сообщению Френсиса нет оснований, тем более, что тогдашняя обстановка была благоприятна для такого предложения. В июле была принята мирная резолюция рейхстага; на русском фронте немцы заканчивали успешное контр-наступление и могли надеяться склонить Россию к сепаратному миру. Но перспектива разрыва с союзниками продолжала пугать Временное правительство. Керенский, даже лишившись доверия союзников, не изменял хозяевам.

Можно думать, что Временное правительство было связано специальным обязательством не заключать сепаратного мира. О таком обязательстве Временного правительства Бальфур говорил еще в апреле [2]). Может быть, как раз в этом договоре и содержались угрозы союзнической интервенции в России, которые распространялись весной и летом 1917 года.

Международно-политическая обстановка лета 1917 года показывала, таким образом, что Англия и Франция вычеркнули правительство

нашими врагами и не рассчитан ли он на желание пробить брешь в единении союзников, побудив западные державы заключить мир за счет их восточной союзницы». В окончательной редакции подчеркнутые слова были устранены. См. дело № 63, проект секретн. телегр. 13/26 VIII, № 3809.

[1]) Russia from the American Ambassy by David K. Francis, New-York, 1921, p. 292.

[2]) Дешифрант телегр. Цинда (Лондон) японскому представителю в России Уцида 16/29 IV, № 116—117, дело № 77.

Керенского из своих расчетов и не задумаются «прижать» Россию при окончании войны.

Неудачи внешней политики Временного правительства в малоазиатском, албанском и греческом вопросах, позиция, занятая союзниками во время выступления корниловщины, и, наконец, перспектива заключения союзниками мира за счет России в достаточной степени ярко иллюстрировали положение. Выходом из него могло быть восстановление армии и успехи на фронтах, но после июня об этом трудно было думать. Укрепить свою позицию игрой на заключение сепаратного мира с Германией Керенский и К° не решались. Все же Временное правительство пыталось вырваться из замыкавшегося круга.

Такой попыткой и было наметившееся летом 1917 года изменение ориентации русской внешней политики — от Англии к Америке.

Начало русско-американского сближения относится к последним дням существования правительства Николая. Как раз в конце 1916 года роль Америки если не как будущего гегемона международной политики, то во всяком случае как «третьего радующегося» в мировой войне стала вырисовываться яснее и яснее. Дружбе с главным кредитором и поставщиком союзников стали придавать большой вес.

В декабре 1916 года в министерстве иностранных дел была подана записка товарища председателя русско-американской торговой палаты А. В. Бера, автор которой указывал на тот факт, что накопление масс золота в Америке создало беспокойство по поводу рынков. Так как одним из об'ектов стремлений американских капиталистов станет Россия, то важно немедля поставить перед собой задачу русско-американского сближения. Записка Бера встретила в министерстве иностранных дел благожелательный прием. «Мысль, положенная в основу этой записки, — написал министр Покровский, — заслуживает очень большого внимания...». Практическим результатом предложений Бера была телеграмма Покровского в Вашингтон, в которой министр рекомендовал посольству «всеми доступными средствами поддерживать в американских заинтересованных кругах обнаруживающиеся стремления вкладывать американские капиталы в русские ценности и предприятия» [1]).

Но при царском правительстве русско-американское сближение должно было остаться платоническим пожеланием. Америка, например, сочувственно относилась к независимости Польши и к равноправию евреев — решение, с которым не могло согласиться правительство Николая II. С другой стороны, самодержавная Россия неодобрительно смотрела на демократизм и главное на формальный нейтралитет, который соблюдался вашингтонским кабинетом.

Конечно, все эти препятствия не играли сколько-нибудь значительной роли, — если бы в основном интересы царской России и Америки на международной политической арене не противоречили друг другу, то, конечно, польский и еврейский вопросы отошли бы на по-

---

[1]) Папка «Сближение России с С.-А. С. Ш.», записка А. В. Бера; секретн. телегр. министер. иностранн. дел 2/I 1917, № 16, дело № 529.

следний план. Февральская революция уничтожила препятствия этого порядка.

В России была ниспровергнута монархия. Милюков, если не дал, то по крайней мере формально обещал дать Польше независимость. Наконец, в марте Америка начала военные действия против Германии.

Но во время первого этапа внешней политики керенщины сохранилось противоречие гораздо более глубокое. На географическую карту мира, какой она должна быть после войны, американские и русские империалисты смотрели неодинаково. Это отметил царский дипломат Коростовец, еще в январе защищавший необходимость установления тесной связи с Америкой «ввиду решающей роли, которую правительство Соединенных Штатов несомненно призвано сыграть при ликвидации войны». Коростовец считал, что Америка, стоя на точке зрения союзников в вопросах «уничтожения милитаризма, укрепления международного правопорядка и справедливости», в ряде других вопросов поддержит такие требования — Коростовец называл их германскими,—как, например, свободу морей, право наций на самоопределение, снятие международно-экономических ограничений, «в краеугольном для России вопросе о проливах (если только нам до конца войны не удастся ими овладеть) американская дипломатия едва ли захочет стать на точку зрения, которую она усвоила себе при установлении статуса Панамского канала. В вопросе этом американцы вернее всего выскажутся за нейтрализацию Босфора и Дарданелл» [1]).

Коростовец был прав. До тех пор, пока Временное правительство проводило открытую империалистическую политику, до тех пор трудно было найти точки соприкосновения русской и американской политики; последняя, пользуясь могуществом Соединенных Штатов, проводила лозунг «открытых дверей».

Положение изменилось с мая — июня 1917 года. Мы уже убедились в том, что Временное правительство, не покидая империалистических планов, все же вынуждено было несколько сократить свои притязания. Чем сильней испытывало Временное правительство тяжесть союзнической опеки, чем безуспешней и многочисленней становились протесты Терещенко, тем очевиднее вырисовывался тот неоспоримый факт, что аннексионистские планы союзников обращались против русской империалистической буржуазии.

Выше мы выясняли вопрос о том, почему Временное правительство столь отрицательно относилось к союзнической интервенции в Греции, к захвату Италией Албании и, наконец, притязаниям тех же итальянцев в Малой Азии.

Не будучи в состоянии противопоставить союзническим аннексиям контр-аннексионистские планы, подкрепленные вооруженной силой или успехами на других фронтах, Временное правительство об'ективной

---

[1]) Записка Коростовца 26/I 1927 г. Дело № 356, политархив 1917, канц. о. д., С.-А. С. Штаты (U.S.A.).

логикой событий склонялось к мысли, что нейтрализация проливов, отказ союзников от территориальных захватов, главным образом на Востоке, могут оказаться благоприятными для России, по крайней мере впредь до изменения военной обстановки в желательном для русской буржуазии смысле. Анти-аннексионистская декламация как нельзя лучше прикрывала империалистические стремления дипломатии.

Эта политическая линия совпадала с направлением внешней политики Соединенных Штатов. Для Америки, достигшей высокой ступени экономического могущества, наиболее выгодной целью являлось достижение европейского равновесия, то-есть такого положения, при котором американские капиталисты могли бы не бояться конкуренции какого-нибудь европейского государства, выросшего и усилившегося за счет малых государств. Американский же капитализм в своей экспансии мог ограничиться применением методов экономического принуждения.

Тенденция к сближению с Америкой об'яснялась еще и тем обстоятельством, что к 1917 году Америка становится главным снабженческим центром России, оттесняя Англию на второй план. Лондон, правда, все время сохранял за собою функции посредника между Петроградом и Нью-Йорком. Но что Временное правительство с большой охотой освободилось бы от стеснительного английского контроля, не подлежит никакому сомнению. Наконец, Временное правительство рассчитывало на то, что русско-американское сближение могло бы явиться противовесом японским захватническим планам на Дальнем Востоке и в Китае. Угроза японской интервенции была в достаточной степени реальной, чтобы ослабить самые дружелюбные чувства к Японии. Расчет этот, как показали последующие события, был не совсем верен (правительство Керенского недооценило японо-американского сближения), но в планах Терещенко он играл известную роль.

С точки зрения внутренней политики курс на Америку представлялся также целесообразным. В глазах общественного мнения Америка была наименее скомпрометированной страной. Страна «свобод» и «демократии» вплоть до весны 1917 года соблюдала нейтралитет и вступила в войну, — так, по крайней мере, казалось, — исключительно в силу возмущения «безнравственной» подводной войной, начатой немцами в 1916 г. Никаких аннексионистских целей в своей программе правительство С.-А. С. Ш. не выставляло и, таким образом, с виду было чисто от каких бы то ни было империалистических скверн.

Даже стиль внешней политики Соединенных Штатов послужил образцом для Временного правительства. Терещенко с успехом подменял социалистические формулы пацифистскими фразами, маскируя в защитный цвет империализм керенщины. При необходимости сохранять блок с правыми социалистами и говорить от имени русской демократии — это было далеко не бесполезно. Тяготение Временного правительства к Соединенным Штатам встретило в Америке благоприятную почву. Америка видела в России прежде всего рынок, слабо использованный и представляющий огромные возможности для эксплоатации. Именно поэтому для русской буржуазии Соединенные Штаты могли стать наиболее «добрым» хозяином. То, что для Англии и Франции

играло первостепенную роль — то-есть военная мощь России, ее прямое содействие союзнической армии, — для Америки было важным, но не решающим обстоятельством. Война, которая для Англии и Франции была игрой ва-банк, для Америки представляла почти что беспроигрышную лотерею. Временные неуспехи на фронтах, слабость союзников, затяжка войны, боязнь внутренних осложнений — все эти опасности, угрожая Англии и Франции, лишь чрезвычайно слабо задевали Америку — страну, которая всего лишь несколько месяцев участвовала в войне, являлась банкиром и поставщиком союзников и, отделенная Атлантическим океаном от театра военных действий, могла не страшиться ни гинденбурговской артиллерии ни дирижаблей Цеппелина.

Отсюда вытекала и разница в отношениях к России Англии, с одной стороны, Америки — с другой. Желая сохранить Россию главным образом в качестве военной силы, Англия должна была проводить политику стеснительной опеки, выраставшей в прямое командование. Америка, держа курс на экономическую гегемонию, имела полную возможность играть роль щедрого друга (тем более, что эту гегемонию уже приходилось отвоевывать у англичан). Недаром Френсис от имени правительства Соединенных Штатов первый признал Временное правительство, в то время как послы Англии и Франции наводили справки о благонадежности новой власти в вопросе о продолжении войны.

Реальные шаги русско-американского сближения ведут свое начало с мая 1917 года. В этом месяце Временное правительство отправило в Соединенные Штаты чрезвычайную миссию во главе с товарищем министра торговли и промышленности Б. А. Бахметевым. Тогда же правительство Соединенных Штатов в свою очередь командировало в Россию миссию Рута с целью оказать материальную поддержку России в деле ведения войны и рассмотрения вопроса об экономическом сближении обоих государств.

В связи с отправкой миссии Рута Вильсоном было передано Временному правительству специальное обращение. В этом обращении Вильсон высказался о целях войны и о принципах будущего мира. Возражая против установления status quo и предлагая сотрудничество наций, президент заявлял: «Ни один народ не должен быть насильно подчинен владычеству, под коим он не желает жить. Ни одна территория не должна быть передана из одних рук в другие иначе, как с целью доставления тем, кто ее населяет, справедливой возможности жизни и свободы. Не должно настаивать на вознаграждениях, кроме таких, которые стремились бы обеспечить будущий мир мира и будущее благосостояние и счастье народов» [1]). Такого рода программа с предусмотрительными оговорками целиком отвечала интересам Временного правительства. Отказ от аннексий и контрибуций на словах и протаскивание их на деле, уже практиковавшиеся Терещенко, получили авторитетное утверждение американского президента.

---

[1]) Обращение президента Вильсона, переданное 12/V 1927 г., дело № 75.

Даже состав миссии Рута показывал широту планов американского правительства. В числе членов этой миссии, направлявшейся в революционную Россию, был, во-первых, ее председатель сенатор Элия Рут, лидер правого крыла республиканской партии, неоднократно бывший кандидатом на пост президента (впрочем, как это отмечала справка министерства иностранных дел, кандидатура Рута «неизменно встречала противодействие со стороны рабочих и социалистов. Это об'ясняется главным образом тем, что, будучи по профессии адвокатом, он не раз выступал в различных процессах в защиту интересов крупных предприятий»). Дальше следовали богослов Мотти, социалист Руссель, вице-президент Американского рабочего союза — правой профессиональной организации — Дункан, генерал-майор Скотт, участник нескольких экспедиций, подавлявших восстание на о. Кубе. Список заключался двумя крупными промышленниками и банкиром [1]). На-ряду с миссией Рута, приехала и техническая миссия Стивенса [2]), главнейшей целью которой было упорядочение железнодорожного сообщения в Сибири. Это посольство чрезвычайно живо напоминает разведочную экспедицию в колониальные страны — банкиры и промышленники, предшествуемые миссионером, ручным «социалистом», военным «карателем» и техником, — миссия Рута обнаружила довольно выдержанный подбор.

Американцы отметили, что у русских нет организационного таланта, недоброжелательно отозвались о работе правительственных учреждений и убедились в необходимости помощи. Общий язык, очевидно, был найден. «Американцы, — сообщал Терещенко о миссии Рута, — вынесли в общем весьма благоприятное впечатление, считают, что России надо дать известный срок для преобразования, после чего в войне обнаружится вся ее сила [3]). Через Рута удалось разместить спешные железнодорожные заказы и добиться получения аванса в счет предоставленных Америкой кредитов. Щедрые американцы вывели Временное правительство из серьезного затруднения: для платежей, в связи с конфликтом Временного правительства с Финляндией, нужны были средства (финляндский сейм отказал Временному правительству в валютном займе, Англия же давала деньги исключительно на военные нужды), американский дядюшка помог и здесь, — предоставив Временному правительству без ведома Англии кредит в 75 миллионов.

В своих сношениях с Америкой Временному правительству приходилось итти против Англии, зорко смотревшей за своим опекаемым. По словам Терещенко, английский финансовый представитель в Америке Левер чинил препятствия русско-американским переговорам. Стремления Временного правительства были направлены к тому, чтобы в своих финансово-экономических сношениях с Америкой Россия была бы независима от английского контроля. Очевидно, в этом смысле Бахметеву удалось добиться кое-каких результатов. Передавая в Петроград о своей беседе с секретарем по иностранным делам (министром иностранных

[1]) Сведения о миссии Рута, папка «Приезд Рута», дело № 83.

[2]) Интересно, что после Октября Стивенс стал главой междусоюзнического комитета Китайско-Восточной ж. д.

[3]) Секретн. телегр. м-ва иностранных дел 17/VI, № 2799, дело № 529—533.

дел) Лансингом, Бахметев сообщил, что «он (Лансинг. *Н. Р.)* согласился с моим мнением, что при установлении соглашения Америки с Россией Америка не поставит предмет решения в зависимость от прежних, связывающих нас с Англией финансовых соглашений» [1]).

Кратковременными финансовыми соглашениями дело не ограничивалось — курс на Америку ставил перед собой более широкие перспективы. «Получение в будущем широкой финансовой помощи возможно лишь исключительно при принятии Россией совершенно определенного политического курса с вовлечением Америки в политические взаимоотношения такого характера, естественным последствием которых явится необходимость финансовой нам помощи, — писал Бахметев, набрасывая программу русско-американских взаимоотношений. — Политический курс этот представляется мне в виде привлечения Америки к активному участию в международных делах на почве совместного с Россией проведения в жизнь новых начал, установляемых русской демократией и близких к задачам, провозглашенным Вильсоном. Америка должна быть нами поощряема к почетной инициативной роли, причем у Америки должно слагаться убеждение, что поддержка со стороны сильной демократической России является непременным условием приобретения Америкой веского положения в европейском концерте. Такая политическая связь с Америкой выгодна России, открывая ей ресурсы для ее внутреннего устроения»... Неиспользование Америки и пассивное к ней отношение ведет Америку, по мнению Бахметева, «в русло великобританской политики, подчиняя ее постепенно английскому руководству в процессе непосредственного военного сотрудничества» [2]).

В планах Бахметева нельзя не заметить большой доли прожектерства и фантазии, увлекавшей новоиспеченного дипломата. Соблазнительная перспектива—Россия «выводит в свет» богатого провинциала—страдала переоценкой значения России и преуменьшением той роли, которую Америка играла еще до 1917 года. Министерство иностранных дел взглянуло на положение вещей гораздо более трезво и, не претендуя на невозможное, форсировало сближение с Америкой. «Вполне разделяю ваш взгляд о возможности привлечь Америку к тесному сотрудничеству в общих вопросах внешней политики и, в частности, в предстоящей межсоюзнической конференции для выяснения целей войны» [3]),— писал Бахметеву Терещенко.

В то же время он отклонил мысль Бахметева о вовлечении Америки в число союзных держав, связанных договорами. Для Временного правительства было удобнее завязать дружественные отношения со страной, по отношению к которой у него не имелось бы никаких обязательств. Отсутствие таких же обязательств к союзникам у Америки

---

[1]) Секретн. телегр. Бахметева 17/30 VI, № 364, дело № 512; см. также секретн. телегр. м-ва ин. дел 1/VI, № 2522, дело № 77.

[2]) Секретн. телегр. Бахметева Терещенко 4/17 VII 1917 г., № 614, дело № 512.

[3]) Секретн. телегр. Терещенко в Вашингтон 15/VII 1917 г., № 3181, дело № 356.

позволяло вашингтонскому правительству вести независимую русскую политику. В этом случае России, не имея перед собой англо-франко-американского фронта в русском вопросе, легче было противопоставлять Америку Англии.

Вскоре обнаружилась прямая необходимость заручиться содействием Вашингтона по одному из важнейших вопросов международной политики — именно, в малоазиатском вопросе. Выше мы говорили о тревоге, которую вызвали во Временном правительстве притязания Италии в Малой Азии. Когда выяснилось, что Англия и Франция в общем благожелательно относятся к этим притязаниям, Временное правительство обратилось за поддержкой к Америке. «Итальянское правительство, — телеграфировал Терещенко Бахметеву, — обнаруживает за последнее время настойчивое стремление добиться от нас признания за Италией, в случае успешного окончания войны, прав на некоторые области Малой Азии... Однако, как я имел случай раз'яснить это Руту, я нахожу при нынешних политических обстоятельствах совершенно несвоевременным и нецелесообразным входить в какие бы то ни было обсуждения этого вопроса, с чьей бы стороны ни исходила к тому инициатива... Благоволите доверительно об'ясниться с министром иностранных дел и склонить его к усвоению нашей точки зрения на случай, если бы итальянцами или кем-нибудь другим из союзников были предприняты какие-либо переговоры о предполагаемых территориальных приобретениях в связи с настоящей войной. Имея основание предполагать, что общее направление политики Соединенных Штатов в вопросе о Турции и ее будущем приближается к принципам, положенным нами ныне в основу международного общения, мы придаем большое значение при решении упомянутого вопроса голосу Америки, пользующейся притом несомненным авторитетом в Турции. Ввиду этого мы находим своевременным, чтобы вы вошли в доверительный обмен мнений с вашингтонским кабинетом по турецким делам, держа нас в курсе, в целях достижения возможной согласованности действий России и Америки при ликвидации войны» [1]).

Почва для предложений Терещенко оказалась благоприятной. Бахметев установил, что итальянские стремления не встречают сочувствия в Америке, так же как и вообще завоевательные планы союзников в Турции. «...У американских государственных людей, — сообщал он, — ...возникает мысль о возможности известного давления на союзников, дабы побудить их отказаться от завоевательных стремлений в Турции, что могло бы послужить к выпадению Турции из войны... Такая же мысль зарождается, повидимому, и по отношению к Балканам, в частности Болгарии» [2]).

---

[1]) Секретн. телегр. мин-ва иностранных дел 5/18 VIII, № 3571, дело № 113, Италия (особое).

[2]) Секретн. телегр. Бахметева 18/31 VIII, № 501, дело № 512.

Соприкосновение с Америкой намечалось и по другим вопросам внешней политики, волновавшим министерство иностранных дел. Так, например, Временное правительство, встревоженное папской нотой о мире, нашло поддержку не у Англии и Франции, а у Соединенных Штатов. «Временное правительство, — писал Терещенко, — с искренним удовольствием констатирует полное совпадение принципов, на которых основан ответ президента, с началами, провозглашенными в области внешней политики революционной Россией. Мы усматриваем в этом единомыслии нашем с великой американской республикой ценный залог дружного нашего взаимодействия как в деле выяснения целей войны, так и установления общего политического курса» [1]). Интересно, что итальянский премьер Соннино, осведомленный об этой телеграмме русским послом в Риме Гирсом, отнесся к ней весьма прохладно [2]). Америка пользовалась каждым случаем, чтобы доказать Временному правительству свою дружбу. Так, например, когда союзники требовали в июне немедленного наступления во что бы то ни стало, Рут, по словам Терещенко, от имени американского правительства «высказался в том смысле, что России надо дать некоторый срок, чтобы оправиться от внутренних потрясений и завершить реорганизацию. В этих видах Рут высказывался против нашего наступления» [3]). Политика осторожного невмешательства Америки в русские дела отразилась и в отношении ее к корниловскому выступлению. В то время как представители Антанты стали фактически на сторону Корнилова, американский посол, хотя и подписавший двусмысленное обращение о посредничестве, первый настоял на опубликовании этого заявления, из которого непосвященная публика могла бы убедиться в том, что союзные послы занимали во время конфликта нейтральную позицию.

Позднее, в сентябре, когда английский, французский и итальянский послы предложили Керенскому, едва ли не ультимативно, принять решительные меры по укреплению армии и тыла, представитель Америки не присоединился к этому заявлению. «Прошу вас, — писал по этому поводу Терещенко Бахметеву, — строго доверительно передать Лансингу, как высоко Временное правительство оценило воздержание американского посла от участия в упомянутом коллективном шаге» [4]). Такую же тактику занял вашингтонский кабинет в вопросе о Польше. В то время как Англия и Франция признали официально парижский Польский комитет — организацию, оппозиционную Временному правительству, Вашингтон, несмотря на настойчивые убеждения английского правительства, отказывал комитету в признании до согласования своей позиции с Петроградом [5]). Ошибочно было бы думать, что американские авторы

---

[1]) Секретн. телегр. м-ва иностр. дел 21/VIII, № 3938, дело № 63, папка «Мир», I.

[2]) Дешифрант секретн. телегр. Соннино и Карлотти 24/VIII—6/IX, дело № 63, папка «Мир», I.

[3]) Секретн. телегр. м-ва иностр. дел 7/IX, №№ 4173 и 4175, дело № 529—533.

[4]) То же 26/IX—9/X, № 4559, дело № 529—533.

[5]) Секретн. телегр. посла в Вашингтоне 2/15 X, № 606, дело № 257.

сближения России и Соединенных Штатов действовали по каким-либо платоническим соображениям. Оказывая России финансовую помощь независимо от Англии, Америка усиливала свой контроль над использованием этой помощи, угрожая в случае неисполнения ее требований лишением кредитов. Когда вашингтонским кабинетом был выдвинут проект централизации операций по снабжению союзников, то Бахметеву, по его словам, «совершенно определенно дали понять..., что наше отношение может иметь решающее значение в смысле предоставления нам кредита даже на текущие потребности» [1]). За расходованием 75-миллионного кредита был установлен строгий американский контроль. В то же время Америка отстраняюще действовала по отношению к Англии. Интересно, что именно американская печать распространяла сведения об англо-японском соглашении по поводу нападения на Россию, в случае, если последняя бы прекратила по какой бы то ни было причине войну с Германией [2]). На-ряду с этим развивалось и экономическое проникновение Америки в Россию. Пугая Россию опасностью японской интервенции на берегах Тихого океана, Америка вела переговоры по поводу уступки ей концессий на Приамурье и на Сахалине [3]).

Американцы уже приучали общественное мнение России смотреть на Соединенные Штаты как на богатого покровителя. «Вот что Америка может сделать для России», — говорилось в воззвании к русским солдатам, выпущенном франко-американским комитетом в Румынии:

«...Второй по силе флот в мире, уступающий в силе только Великобритании, первая по промышленности и земледелию страна в мире, Америка может вырабатывать больше боевых припасов, чем Германия, Англия и Франция вместе взятые. Америка имеет больше половины золота, вообще существующего. Америка может послать России столько пушек и боевых припасов, сколько России понадобится; задержка может произойти только благодаря слабой провозоспособности железных дорог в России, но американцы уже работают, исправляя это... Америка уже доказала свое расположение к России, дав ей 500 000 000 рублей» [4]).

Этот пафос государства-гегемона отражал если не действительное положение вещей, то, во всяком случае, — тенденцию развития. В России укреплялся звездный флаг Уолл-Стрита, и под красивой вывеской союза двух демократий происходило закабаление народного хозяйства страны американскими биржевиками.

В связи с усилением Америки несколько ослабел единый фронт Англии и Франции в русском вопросе. Если Англия недоброжелательно

---

[1]) Секретн. телегр. посла в Вашингтоне 14/27 VII, № 416, дело № 75 и 4/17 VIII, № 467.

[2]) Нью-Йорк Американ, 29/V 1917. Переводы, присланные генштабом в мин-во иностр. дел. 27/VII 1917, № 52880, дело № 356.

[3]) Секретн. телегр. посла в Токио 7/VII, № 312, дело С без номера, «Япония», 1917: секретн. телегр.; см. также Göetzsch, Der Krieg und die grosse Politik, S. 491.

[4]) Дело № 91, «Румыния», папка «Противодействие герман. пропаганде среди наших войск в Румынии».

относилась к русско-американскому сближению и усиливала давление на правительство Керенского, то Франция, блокируясь с Соединенными Штатами, усваивала (как это мы показали выше) по отношению к России более «мягкую» «дипломатию доллара».

* * *

Второй этап внешней политики керенщины закончился к сентябрю 1917 года. Этот второй этап не был, конечно, эпохой политики всеобщего мира. После всего сказанного империалистические устремления Временного правительства не нуждаются в особых доказательствах. Но империализм Терещенко кое-в-чем отличается от империализма Милюкова. Прежде всего изменилась международно-политическая ситуация. Если воинствующий империализм Милюкова расцветал на базе накопленных до революции 1917 г. военных успехов, если давление союзников на русскую буржуазию парализовалось надеждами на поднятие боеспособности России, свергнувшей Николая II, на успешное наступление, если, наконец, внутри страны еще не пришли в действие все ферменты революции, то империализм Временного правительства второго состава не имел под собой столь устойчивого фундамента.

Расчеты союзников на Керенского, как на человека, который введет революцию в русло и использует ее силы для повышения удельного веса России в войне, не оправдались. Победы 1916 года были растрачены под Тарнополем и Калущем. Надежды сменились разочарованием, и бессилие буржуазной России отразилось на отношении к ней союзников, быть может, еще скорей, чем на полях сражений. Внешняя политика Керенского потеряла всякие остатки самостоятельности.

Может возникнуть вопрос, почему же союзники, убедившись в бессилии Керенского, все же не разорвали с Временным правительством? Дело в том, что разорвать с Россией союзники не могли. Как ни разложена была русская армия, как далеко она ни отступала, все же она сохраняла в большой степени свою живую силу и, даже находясь в пассивном состоянии, отвлекала значительную часть сил неприятеля. Оставить Россию вовсе на произвол судьбы — значило увеличить силы австро-германцев и, в случае, если последние заняли бы юго-западные области России, предоставить в их распоряжение богатейшие материальные ресурсы для продолжения войны. Кроме того союзники вложили в «русское предприятие» солидные капиталы; передать эти капиталы немцам, что случилось бы в результате разрыва России с союзниками,— не было никакого расчета. В интересах кредитора и хозяина было не допустить смерть должника. Наконец, в перспективе было широкое использование богатств должника — концессии, эксплоатация рынков сбыта и т. п. Именно так рассуждали союзные дипломаты. «*Я не думаю, чтобы Америка, не говоря уже об Англии и Франции, бросила бы Россию и предоставила ее собственной судьбе*, — писал японский военный агент в России своему начальнику генштаба. — Во-первых, ради достижения целей войны, а во-вторых, *ради своей русской политики после войны* они устранят различные затруднения и приложат все

старания, чтобы ей помочь. Однако возможно, что они поставят известные условия, гарантирующие их на время войны или даже после войны. Если эти условия будут состоять в вмешательстве во внутреннюю политику или в уступке натуральных богатств, Япония также должна рассмотреть способы вмешательства» [1]. Солдатская откровенность японского представителя отражала действительное положение вещей. России поэтому и продолжали еще «помогать», с чрезвычайной неохотой и в минимальных дозах отпуская бракованные снаряды и орудия. А правительство Керенского, «без лести преданное» английскому хозяину, связанное тысячью нитей с банковским капиталом Антанты, продолжало войну, прикрывая свои несколько уменьшенные империалистические планы вильсоновской вуалью. Сокращению притязаний Временного правительства и соответствовал наметившийся поворот в сторону Америки. Но русско-американскому сближению суждено было остаться попыткой. Не говоря о том, что история отпустила правительству Керенского сравнительно небольшой срок, для этого имелись и более серьезные причины. Англия, хотя и отстранявшаяся на второй план, не потеряла для России значения снабжающей фирмы и кредитора; не были разорваны и связи, подчинявшие русскую буржуазию английской; в случае благоприятного поворота военных действий и подавления большевизма, к чему стремился Керенский, Временное правительство могло надеяться на то, что английские хозяева возвратят ему свое благоволение и осуществят ранее заключенные договоры, предоставив России Дарданеллы и т. п. Таким образом наметившаяся американская ориентация не изменила основного курса направления внешней политики правительства Керенского, направленного к продолжению войны до победного конца в согласии с союзниками и в подчинении всем указаниям лондонского кабинета.

---

[1] Дешифрант телегр. г. Исидзака г. нач-ку генштаба в Токио, Петроград 31/V—13/VI, № 75, перев. с япон., дело № 77.

Глава четвертая

ВНЕШНЯЯ ПОЛИТИКА СОВЕТА

Начало деятельности Совета в вопросах внешней политики датируется днем 14 марта, когда Петроградский Совет рабочих депутатов издал манифест «К народам всего мира». Прежде всего мы должны констатировать значительное з а п о з д а н и е, с которым Совет выразил свое отношение к войне. Две недели прошло с начала революции, — за это время правительство уже успело заявить о продолжении войны «до победного конца» и о «святости» междусоюзнических договоров.

Так или иначе, 14 марта вышел документ, определявший задачи пролетариата в войне. Обращаясь «ко всем народам, истребляемым в чудовищной войне», манифест заявлял, «что наступила пора начать решительную борьбу с захватными стремлениями правительств всех стран. Наступила пора народам взять в свои руки решение вопроса о войне и мире». От имени российской демократии манифест обещал противодействие захватной политике своих господствующих классов и призывал народы Европы к «совместным решительным выступлениям в пользу мира». Особо обращался манифест к австро-германскому пролетариату. Указывая на то, что самодержавия, против которого, быть может, боролись германские рабочие, не стало, манифест заявлял, что «демократическая Россия не может быть угрозой свободе и цивилизации». На-ряду с этим говорилось о том, что «русская революция не отступит перед штыками завоевателей и не позволит раздавить себя внешней военной силе». Австро-германские рабочие призывались «сбросить с себя иго полусамодержавного порядка и отказаться служить орудием захвата и насилия в руках королей, помещиков и банкиров». Манифест заканчивался призывом к восстановлению и укреплению международного единства.

Мотивы, которыми руководствовались советские круги при составлении манифеста, вскрывает в своих записках автор его, Суханов. По его словам, он старался «соблюсти Циммервальд» и тщательно избежать всякого «оборончества»; с другой стороны, надо было «подойти к солдату, мыслящему о немце по-старому, и надо было парализовать всякую игру на «открытие фронта» Советом, на «Вильгельма, который слопает революцию... Эта двойственность задачи, эта противоречивость требований заставляла танцовать на лезвие, под страхом сковырнуться в ту, либо в другую сторону». В манифесте Суханов не на-

ходит «ни противоречия, ни утопии», так как «обороне придается классовый характер»... Это — «оборона постольку, поскольку». По мнению Суханова, противоречие обнаружилось бы лишь в том случае, когда была бы нарушена параллельность двух тезисов: «обязательство во время войны вести классовую борьбу за мир» и «обязательство демократии дать вооруженный отпор завоевателю и насильнику» [1]).

Запоздалые оправдания Суханова не могут все же скрыть того факта, что, танцуя на лезвие, он «сковырнулся» к оборончеству. Сама формулировка сухановских тезисов была оборонческой. В самом деле, разделяя две задачи демократии, Суханов молчаливо предполагал, что «завоевателем и насильником» являются Германия и Австрия. В действительности же отпор «завоевателям» на деле означал отпор англичанам, французам, немцам, отпор Временному правительству. Манифест же особо обращался только к австро-германскому пролетариату. Почему? Суханов об'ясняет это обращение тем, что австро-германский пролетариат якобы играл роль «исключительно важного фактора войны и мира». Эта увертка не дает ничего для решения вопроса и лишь подтверждает оборончество нашего «циммервальдца». Таким же важным фактором войны и мира были не только немецкие, но и английские, французские и русские рабочие. Почему же только немецкие рабочие призывались «сбросить иго полусамодержавного порядка»? Разве такой порядок не существовал в странах Антанты? Истинный интернационалист не делал бы различий между Вильгельмом II и Георгом V, между Карлом Габсбургом и Альбертом бельгийским.

«Подобно тому, как русский народ стряхнул с себя царское самовластие, откажитесь служить орудием захвата и насилия в руках королей, помещиков и банкиров», — призывал манифест немецких рабочих. Эти слова могли иметь только одно значение: — по мнению авторов манифеста, русский пролетариат после свержения самодержавия перестал быть «орудием захвата в руках банкиров», т.-е. война со стороны России, очевидно, не носила уже захватнический характер. Но ведь в этом-то и заключалась вся философия оборончества. Недаром даже Мартов находил позицию Суханова «слишком правой и компромиссной». «Милюков, — по словам Суханова, — прочтя воззвание, сказал, что оно выражает точку зрения социалистических меньшинств Европы». Манифест был, конечно, не по душе министру иностранных дел, но все же Милюков мог не особенно беспокоиться по поводу этого документа.

Оборонческий смысл манифеста, отсутствие указаний на конкретные способы борьбы за мир, отсутствие противопоставления Совета правительству — все это делало манифест не только безобидным агитационным листком, но даже известной опорой для оборонцев. Чхеидзе, по словам Суханова, комментировал манифест в оборонческом духе, что приветствовалось буржуазией. Аксельрод-Ортодокс, прославляя манифест как великий акт, основанный на «принципах гуманности», от-

---

[1]) Суханов, Записки, кн. II, изд. Гржебина, Берлин — Птргр. — М., 1922, стр. 148, 200, 201.

мечала, что «обращение только тогда может оказать должное действие, когда на стороне обращающихся есть сила». Дальнейшее истолкование развивалось скачками. Вслед за невинным комментарием о силе шел призыв к наступлению. «...Революционная армия, — писала Ортодокс — должна встать дружно на защиту молодой русской республики и отразить угрожающую ей опасность со стороны внешнего врага, который, судя по всем доходящим до нас сведениям и признакам, нисколько не смущен происшедшими в России событиями и отнюдь не намерен складывать оружия... Широкие слои населения стремятся к победе и самым решительным образом отвергают заключение почетного мира» [1]).

С первых же дней революции Совет капитулировал в вопросе о войне перед Временным правительством. Суханов и Церетели, просившие у совета министров документ об отказе от завоевательных целей, встретили решительный отпор со стороны Милюкова. Когда в обращение правительства были вставлены ничего не значащие слова о том, что целью войны не является «насильственный захват чужих территорий»,— слова, противоречившие заявлению, сделанному в этом же документе и многозначительно напоминавшему о «недопустимости подрыва жизненных сил России» в результате войны, призывавшему к продолжению войны, ни слова не говорившему о путях к миру, — обращение было признано «крупной победой демократии» [2]). Вопрос о допущении комиссаров Исполнительного комитета в министерство иностранных дел был впервые поднят 24 апреля. Керенский уклонился от ответа, сказав, что этот вопрос является частью более широкой проблемы о взаимоотношении власти и демократии. Этим дело и кончилось. Позиция, занятая право-социалистическими партиями, показывала, что мелкая буржуазия идет на всех парах к блоку с правящими кругами. Интересно, что даже мысль о Дарданеллах не встречала всеобщего осуждения в среде меньшевиков и эсеров. Чайковский, например, называл захват проливов «маленьким округлением» [3]), а, если верить Колчаку, то в этом же смысле высказывался и сам... Плеханов. «Плеханов, — показывал Колчак на допросе, — в разговоре со мной (во время апрельских событий. *Н. Р.)* сказал такую фразу: «Отказаться от Дарданелл и Босфора — все равно, что жить с горлом, зажатым чужими руками. Я считаю, что без этого Россия никогда не в состоянии будет жить так, как она хотела бы» [4]). Такие же мотивы приводил в своей речи один из делегатов III с'езда партии эсеров. Эсеры вообще держались последовательно. На III же с'езде докладчик по вопросу о войне Гоц указывал на то, что войну нельзя лишить ее империалистического характера и что поэтому нецелесообразно ультимативно требовать от союзников отказа от захватных целей. Чернов старался обелить русскую буржуазию. «Россия по существу своему страна неимпериали-

---

[1]) Журнал «Дело», 1917 г., №№ 3—6, ст. Ортодокс, Революция и догматизм, стр. 22, 23.

[2]) Суханов, Записки о революции, II, стр. 380.

[3]) Там же, стр. 343.

[4]) «Допрос Колчака», стр. 60.

стическая, — говорил он. — При теперешнем положении индустрии в России рассчитывать ей на мировое влияние, на распространение своих товаров нельзя... Поэтому, когда русская буржуазия пытается быть империалистической, она влезает на ходули и скорее с этих ходуль слезает, чем многие доктринеры». Приблизительно то же самое доказывал на меньшевистской конференции Дан.

Революционно-интернационалистскую программу внешней политики выставила одна партия большевиков. Отказываясь от оправданий, как своей и союзной, так и германской буржуазии, большевики в своей оценке войны исходили из ее империалистического характера. Ответственность за войну они возлагали на империалистов всех стран. Перестала ли война — со стороны России — быть империалистической? Большевики отрицательно отвечали на этот вопрос. Война «и при новом правительстве Львова и К-о безусловно остается грабительской империалистской войной в силу капиталистического характера этого правительства». Это доказано внешней политикой Временного правительства, которое подтвердило тайные договоры, заключенные царским правительством, и не предложило воюющим народам перемирия.

В вопросе об отношении к внешней политике Временного правительства большевики резко выступили против тактики меньшевиков и эсеров. Войну ведет класс, возможность продолжения войны обусловлена данным соотношением классовых сил. Следовательно, и закончить войну возможно только при радикальном изменении этого соотношения. «Пред'являть ему (т. е. Временному правительству. *Н. Р.)* дальше требование о том, чтобы оно возвестило волю народов России к миру, о том, чтобы оно отказалось от аннексий и т. д. и т. д., является на деле лишь обманом народа, внушением ему неосуществимых надежд, оттяжкой прояснения его сознания, косвенным примирением его с продолжением войны, истинный социальный характер которой определяется не добрыми пожеланиями, а классовым характером ведущего войну правительства, связью представленного данным правительством класса с империалистским финансовым капиталом России, Англии, Франции и пр., той реальной действительной политикой, которую ведет этот класс» [1]).

Апрельская конференция отметила необходимость «строго отличать отказ от аннексий на словах и отказ от аннексий на деле, т. е. немедленное опубликование и отмену всех тайных грабительских договоров и немедленное предоставление всем народностям права свободным голосованием решить вопрос, желают ли они быть свободными государствами или входят в состав какого-угодно государства».

Каким же путем предлагали большевики закончить войну? Партия большевиков отвергала возможность закончить войну «втыканием штыков в землю» или заключением сепаратного мира с немцами. Такое решение вопроса противоречило бы интернационализму пролетарской партии, которая не делала различия между империалистами разных стран. «Такой же сепаратный мир есть соглашение с русским капиталом в русском Временном правительстве», — писал Ле-

---

[1]) Н. Ленин, Собр. соч., т. XIV, ч. 2, стр. 48, изд. 1-е.

нин [1]). Нельзя также кончить войну и «соглашением» социалистов разных стран. Единственный путь окончания войны — это «прорыв фронта» капитала. «Нельзя выскочить из империалистической войны, нельзя добиться демократического, ненасильнического мира без свержения власти капитала, без перехода государственной власти к другому классу, к пролетариату» [2]).

Таким образом вопрос об окончании войны связывался большевиками с необходимостью перехода власти к Советам. До того времени, пока этот лозунг из политической перспективы не стал лозунгом дня, тактика большевистской партии в вопросах внешней политики была подчинена одной задаче — разоблачению империалистического характера войны и преодолению революционного оборончества. Одновременно с началом подготовки июньского наступления «Правда» выступила против наступления, защищая необходимость распространить «фактическое перемирие» на все фронты и призывая солдат к организованному братанию.

Внешняя политика Совета вызвала резкий отпор со стороны большевиков. Воззвание к «социалистам всех стран» Ленин квалифицировал как «защиту империализма, прикрытую добренькими фразами». И, как бы меньшевики и эсеры ни затушевывали об'ективный смысл своей политики, Ленин, а с ним вся большевистская партия разоблачали идеологов революционного оборончества. В начале революции меньшевики и эсеры пытались изобразить дело таким образом, будто единственным империалистом во Временном правительстве является Милюков. Ленин, приводя примеры Албании, Греции, Персии, доказывал, что империалистический характер войны не изменился и после того, как Милюкова заменил Терещенко.

Резко отрицательно отнеслась партия к предложению датского с.-д. Боргбьерга, за спиной которого стояли шейдемановцы, организовать конференцию социалистов для поддержки мира. Апрельская конференция, характеризуя Боргбьерга как агента немецкого империалистического правительства, отказалась от участия на конференции. Вместе с тем апрельская конференция отметила, что отказ англо-французских социалистов большинства участвовать в конференции Боргбьерга «показывает ясно, что англо-французская империалистическая буржуазия, агентами которой эти якобы социалисты являются, хочет продолжать дальше, хочет затягивать эту империалистическую войну, не желая даже обсуждать вопросов о тех уступках, которые принуждена обещать через посредство Боргбьерга немецкая империалистическая буржуазия под влиянием растущего истощения, голода, разрухи и, главное, надвигающейся рабочей революции в Германии» [3]).

По вопросу о международной конференции социалистов в партии были некоторые колебания. На апрельской конференции т. Ногин пред-

---

[1]) Н. Ленин, Собр. соч., т. XIV, стр. 311.

[2]) Там же, стр. 46.

[3]) Петроградск. общегор. и Всеросс. конференция РСДРП (б) в апреле 1917 года, Гиз, 1925, стр. 162.

лагал принять предложение Бортбьерга, но с тем условием, чтобы на конференцию допущены были представители меньшинства. Еще большую ошибку допустил т. Каменев в августе, когда он на заседании ЦИК, вопреки решению ЦК, высказавшегося против Стокгольмской конференции, выступил в пользу Стокгольма. «Над Стокгольмом, — говорил Каменев, — начинает развеваться широкое революционное знамя, под которым мобилизуются силы пролетариата» [1]).

Речь т. Каменева встретила резкий отпор со стороны Ленина. «Не революционное знамя, а знамя сделок, соглашений, амнистий социал-империалистов, переговоров банкиров о дележе аннексий — вот какое знамя на деле начинает развеваться над Стокгольмом. Нельзя терпеть, чтобы партия интернационалистов, перед всем миром ответственная за революционный интернационализм, компрометировала себя кокетничанием с проделками социал-империалистов русских и немецких, с проделками министров буржуазного империалистического правительства Черновых, Скобелевых и К°» [2]).

Участие в Стокгольме означало бы соглашение с оборонцами, соглашение с защитниками Burgfrieden'a. Новожизненцы упрекали большевиков в том, что их позиция по отношению к Стокгольму совпадает с позицией Плеханова. Но Плеханов был против Стокгольма потому, что он не желал сидеть за одним столом с одними лишь немецкими социал-шовинистами, в то время как большевики стояли за разрыв с социал-шовинистами всех стран. Никаких уступок революционному оборончеству — таков был лозунг большевистской партии.

Программа внешней политики партии после взятия власти Советами была определена. Немедленное предложение мира и перемирия всем воюющим народам, отказ от аннексий — «в том единственно правильном смысле, что каждая народность без единого исключения, и в Европе и в колониях, получает свободу и возможность решить сама, образует ли она отдельное государство или входит в состав любого государства», немедленное опубликование и расторжение тайных договоров и предоставление полного самоопределения всем народностям России, — вот что должно было провести будущее советское правительство. Если бы предложение о перемирии не было бы принято, то только в этом случае, только после взятия власти большевики должны были бы стать оборонцами. Тогда война потеряла бы свой империалистический характер, она стала бы не на словах, а на деле «войной в союзе с угнетенными классами всех стран, войной в союзе с угнетенными народами всего мира». В этой войне позиция рабочих и крестьян России была бы укреплена противоречиями между империалистическими державами и неспособностью их создать об'единенный фронт против России и, главное, растущей социалистической революцией.

Нет сомнения в том, что т. Ленин не знал о закулисных переговорах, которые велись в Париже и Лондоне осенью 1917 г., но острое

---

[1]) Н. Ленин, Собр. соч., т. XIV, ч. 2, 57.
[2]) Там же.

чутье политика подсказало ему, что империалисты воюющих стран вынуждены всей создавшейся обстановкой к подготовке сделки между собой. Такая сделка помешала бы революционному выходу из войны. И недаром Ленин в известном письме «Большевики должны взять власть» настойчиво подчеркивал то обстоятельство, что «сепаратному миру между английскими и немецкими империалистами помешать должно и можно, только действуя быстро... Международное положение именно теперь, накануне сепаратного мира англичан с немцами, за нас. Именно теперь предложить мир народам — значит победить» [1]).

Коалиционное правительство и его внешняя политика не изменили этой оценки большевиков. Большевики допускали, что пролетариат может и должен участвовать в революционной войне, но лишь в том случае, когда власть переходит к пролетариату и беднейшему крестьянству, когда на деле есть разрыв со всеми интересами капитала и отказ от всех аннексий. Они отвергали такие методы прекращения войны, как втыкание штыков в землю — сепаратный мир, который бы явился соглашением с капиталистами, — меньшевистско-эсеровские проекты Стокгольма и пр. «Войну нельзя кончить «соглашением» социалистов разных стран, «выступлением» пролетариата всех стран, «волей» народов и т. п., — писал Ленин... Все это луиблановщина, сладенькие мечты, игра в «политические кампании, а на деле повторение басни с котом-Васькой». Без разрыва с империалистами нельзя добиться демократического мира, — утверждали большевики, — всякое иное решение будет обманом «революционного» оборончества.

...«Войну можно окончить демократическим миром только посредством перехода всей государственной власти, по крайней мере нескольких воюющих стран, в руки класса пролетариев и полупролетариев, который действительно способен положить конец гнету капитала», — говорилось в резолюции апрельской конференции.

Политика Совета в вопросах внешней политики сводилась едва ли не к «опровержениям», которые Скобелев от имени отдела международных сношений Совета передавал в заграничную прессу. За каждым «дарданелльским» интервью Милюкова следовало заявление Скобелева о том, «что российская демократия не имеет ничего общего с целями, возвещенными Милюковым».

«Опровергая» в прессе империалистическую политику Милюкова, непротиводействуя этой политике на деле, Совет развязывал руки правительству. Усилия советского большинства были направлены к тому, чтобы несколько «исправить» Милюкова и уничтожить все несогласия в вопросах внешней политики. Тот же Скобелев, который заявлял о нежелании российской демократии захватить Дарданеллы, в Исполнительном комитете фактически оправдывал апрельскую ноту Милюкова, доказывая, что «русская революция, попадая за границу, должна сходить со своих широко-

---

[1]) Н. Ленин, Собр. соч., т. XIV, ч. 2, стр. 135.

колейных рельс и приспосабливаться к узкой иностранной колее»[1]).

Несравненно успешнее шло давление правительства на Совет. В этом смысле большую роль сыграли союзные социалисты, приехавшие в Россию. Предложение о посылке в Россию союзных социалистов, внесенное русским генштабом, было встречено одобрительно антантовскими правительствами. «Мы рассчитывали на него, — писал Рибо об Альбере Тома, — чтобы дать некоторую твердость решениям Временного правительства»[2]).

Сами союзные социалисты отдавали себе ясный отчет о цели своей поездки. «Отправляясь в Россию, — пишет Вандервельде, — мы имели... цель, во-первых, приложить наши усилия к усилиям Тома, Гендерсона и других социалистов стран Антанты, направленным против тенденции... заключить сепаратный мир или оказать давление на союзников в пользу заключения мира какой бы то ни было ценой... Наконец, занять позицию по поводу конференции или, точнее, конференций, проектированных в Стокгольме»[3]).

Союзные социалисты побывали на фронтах «в качестве проповедников священной войны». «Генерал Алексеев, — пишет тот же Вандервельде — желал, чтобы наши усилия были приложены к тем, которые были предприняты несколько ранее делегациями моряков Черного моря, Керенским, Альбером Тома, для того, чтобы довершить то, что он называл «моральной подготовкой наступления»[4]). Посланцы союзных демократий призывали русских солдат к борьбе против оставшихся чудовищ деспотизма — Габсбургов и Гогенцоллернов, заявляя, что «русская армия принесет свободу врагам на конце своих штыков». Тома в то же время защищал румынского короля от революционного движения русских солдат в Румынии, протестуя перед Временным правительством «против всякого покушения русской демократии против суверена, который лойялен к России и который много раз доказал свое полное доверие к ней и к Антанте»[5]).

Моральная подготовка наступления шла и в Совете, где Тома, Вандервельде и Гендерсон истощали свое красноречие, убеждая русских социалистов в необходимости продолжать войну. Тома отводил упреки в приверженности французских социалистов к империализму. Он доказывал, что французская демократия не желает аннексий, но, «когда началась война, было затрачено столько жертв, Франция не может отказаться от своих отторженных провинций, французская демократия стоит за самоопределение наций, но... она не может быть спокойна, пока такие пункты, как, например, Мец, находятся в руках Германии». Контрибуции также не нужны, если под ними не понимать «возмеще-

---

[1]) Станкевич, Воспоминания, 1914—1919, Берлин, 1920, стр. 113.

[2]) Ribot, цит. соч., 232; см. также письмо ген. Алексеева мин.-през. Львову 10/III. Дело: переписка по мин-ву индел, № 14. АОР.

[3]) Vandervelde, Trois aspects sur la révolution russe, p. 62.

[4]) Там же.

[5]) Донесение итальянского посла в Яссах Фашотти Соннино 19/V—1/VI 1917 г., № 223, дело 75.

ние потерь, понесенных народами не по своей вине». «Конечно, — заключал министр-социалист, — нужно заставить союзную демократию стать на точку зрения русской революции, но нужно и, с другой стороны, показать, что русские не потеряли ни способности ни желания бороться за общее дело» [1]). Союзные социалисты заняли также определенную позицию в вопросе о Стокгольмской конференции, возражая против ее созыва до окончания переговоров между Исполнительным комитетом и французской, английской и бельгийской делегациями: Тома, Гендерсон и Вандервельде считали нужным «раз'яснить» советскую формулу мира таким образом, «чтобы под понятие аннексии не могло быть подведено освобождение территории, если это освобождение территории согласно с волею населения, а под контрибуцией не подразумевалось возмещение убытков, причиненных в захваченных странах самим фактом нашествия». Кроме того, они предлагали выработать от имени союзных социалистов совместные условия мира. Исполком высказался против предварительного принятия каких-либо обязательных решений, чтобы на конференции не была создана «видимость непримиримых противоречий».

С разоблачениями посланцев союзной демократии выступили только большевики. Представитель их в Совете, Шляпников, в первой же беседе англо-французских социалистов с членами Исполнительного комитета доказывал, что союзные социалисты действуют под диктовку своих правительств. «Для иллюстрации демократических побед во Франции, — вспоминает Шляпников, — я продемонстрировал перед делегатами и членами Исполнительного комитета несколько номеров издававшейся в Париже газеты «Наше слово», интернационалистского направления, которые имели ¾ пустых, из'ятых цензурою мест. Эта демонстрация произвела на членов Исполнительного комитета большое впечатление и смутила всех представителей западной цивилизации» [2]).

Советские руководители поспешили замять неприятный инцидент — переговоры между Исполнительным комитетом и союзными социалистами не были опубликованы в печати.

Несмотря на некоторую холодность, с которой были встречены выступления союзных социалистов в Совете, их миссия увенчалась успехом — с созывом конференции особенно не торопились, а в советских кругах наблюдался еще больший перелом в сторону политики продолжения войны. Даже Вандервельде — посторонний наблюдатель — уловил тот факт, что питерский Совет, с крепким пацифистским меньшинством, отступил на второй план перед оборонческим с'ездом Советов рабочих и крестьянских депутатов. Действительно, оборонцы на с'езде выступали рука об руку с некоторыми циммервальдцами. Левые фразы и фигуры умолчания по щекотливым вопросам, так часто практиковавшиеся в первые два месяца революции, сменились ничем не прикрытой откровенностью.

---

[1]) Петрогр. Совет. Протоколы, стр. 344, 345.

[2]) Шляпников, Февральская революция и международные социалисты («Красный архив», т. XV, 1926, стр. 66).

Уже первый вопрос, коснувшийся проблем войны, — вопрос о деле Гримма, обнаружил полное подчинение Совета Временному правительству. Инцидент Гримма заключался в следующем: швейцарский социалист Гримм, один из участников Циммервальда, направился из Швейцарии в Россию. При Милюкове ему не было дано разрешение на в'езд. Терещенко такое разрешение дал под поручительство Скобелева и Церетели. Во время пребывания Гримма в России Временное правительство опубликовало телеграмму советника швейцарского правительства Гофмана швейцарскому посланнику в Петрограде. В этой телеграмме последнему поручалось передать Гримму предлагаемые Германией России мирные условия. На вопросы, предложенные Скобелевым и Церетели, Гримм отвечал уклончиво, не отрицая самый инкриминируемый факт получения германских условий, а лишь протестуя против использования своего имени германским правительством. Ответ этот был сочтен недостаточным, и с согласия Скобелева и Церетели Гримм был выслан из России по приказу Временного правительства. В дебатах по делу Гримма на с'езде Советов меньшевики и эсеры оправдывали позицию Скобелева и Церетели: это предложение мотивировалось «обстановкой войны». Большевики, считая поведение Гримма неинтернационалистским, предлагали осудить меры, принятые Временным правительством, и отметить самовластие Скобелева и Церетели, не осведомивших о положении вещей ни Исполнительный комитет ни представителей партии. «Существует английская поговорка, — говорил на с'езде Зиновьев, выступавший от имени большевистской фракции, — прежде всего подмети перед своим собственным домом, — и мы обращаемся к министрам-социалистам — почему они не позаботились о том, чтобы подмести прежде всего перед своим собственным домом... Если Гримм обвиняется в том, что он плохой интернационалист, что он не решается выступить против всякого империализма, то мы позволим себе спросить министров-социалистов: а как они относятся к английским и французским империалистам?». Зиновьев считал, что дело Гримма отражает все положение вещей. «Пока мы находимся в блоке, в союзе со своими империалистами, всякая наша критика, направленная в защиту интернационала и социализма, будет поневоле звучать фальшиво» [1]).

С'езд принял подавляющим (640 против 120) большинством резолюцию Либера и Гоца, одобрявшую образ действий Скобелева и Церетели. Значение этого решения с'езда станет ясно в том случае, если мы вспомним, что опубликование телеграммы Гофмана и высылка Гримма имели в глазах Временного правительства одну решающую цель: дискредитацию «Циммервальда». «В целях разоблачения истинной роли Гримма, пользующегося в наших социалистических кругах широкой популярностью, — писал Терещенко поверенному в делах в Швейцарии, — я, по соглашению с Альбером Тома, признал полезным, чтобы телеграмма Гофмана была предана гласности» [2]).

[1]) С'езд Советов, Центрархив, стенограммы, стр. 27, 28.

[2]) Секретн. телегр. поверенному в делах в Париже 31/V 1917 г. 2496, дело 360, папка «Социалисты».

Что для Временного правительства в деле Гримма было важно не его внешне-политическое значение, видно хотя бы из того, что, несмотря на доказательство связи швейцарского правительства с германским, русскому представителю в Берне предлагалось «не брать на себя почина в об'яснениях с швейцарским правительством» [1]). А Терещенко писал в Париж и Стокгольм: «В общем можно рассчитывать, что разоблачение Гримма нанесло сильный удар Циммервальду. Не кто иной, как Гримм, вел переговоры о переправке русских эмигрантов в Германию».

Доказать, что Гримм связан с германским правительством, и сделать отсюда выводы относительно Циммервальда вообще и в частности относительно русских большевиков — представлялось весьма заманчивой задачей. Одобряя Скобелева и Церетели, с'езд выступал вместе с Временным правительством против Циммервальда. Впрочем, Временное правительство могло быть спокойным. В вопросе о войне с'езд занял ярко оборонческую позицию. Церетели, требуя разрыва с прошлой империалистической политикой, — империалистом считали Милюкова (в противовес Терещенко), — вводил одно «ограничение»: «мы, — говорил он, — считаем, что, в пределах наших усилий и возможностей, мы не должны предпринимать таких шагов, результатом которых мог бы явиться разрыв с союзниками... Никакого шага, разрывающего союз с правительствами, с которыми мы в настоящее время находимся в союзе, мы предпринимать не можем и предпринимать не будем» [2]).

Даже Чернов иронически предлагал Луначарскому справиться у Британской социалистической партии, у Независимой рабочей партии и французского социалистического меньшинства, согласны они или нет на пред'явление Россией союзникам ультимативных требований о мире [3]). «Скобелев и Чернов, — писал Вандервельде, — энергично протестуют против всякой идеи о скороспелом (prematurée) мире». Большевики протестовали на с'езде против готовящегося наступления. «Тайные договора остаются тайными, Россия воюет за проливы, за то, чтобы продолжать ляховскую политику в Персии», — говорил Ленин; резолюция совещания, борьба за мир, по словам Суханова, «была сравнительно смазана» [4]).

И недаром Терещенко, информируя русских послов за границей о положении дел, облегченно заявлял, что «по вопросам внешней политики все яснее сказывается разумное и практическое отношение наших социалистов к тем об'ективным фактам, с которыми нужно считаться при осуществлении революционных лозунгов» [5]).

Таким образом даже слабые попытки борьбы, впрочем, скорей не борьбы, а разговоров о мире, были оставлены. В вопросе о наступлении

---

[1]) Секретн. телегр. поверенному в Берне 3/VI 1917 г., № 2597, дело 360, папка «Социалисты».

[2]) С'езд, стр. 59—60.

[3]) Там же, стр. 123.

[4]) Суханов, Записки о революции, стр. 380, кн. 2.

[5]) Секретн. телегр. министра иностр. дел 7/VI № 2650, дело 529—533.

Совет шел рядом с Временным правительством и с союзническим кабинетами. Решениями Совещания завершалась моральная подготовка наступления; в важнейшем вопросе — вопросе о войне — национальный блок был налицо. «Они еще говорят о мире, — записал в своем блокноте один из членов делегации союзных социалистов, — но приготовляют наступление. Завтра они будут наступать с целью завоевать мир» [1]).

25 апреля Совет решил созвать международную социалистическую конференцию в Стокгольме. Против Стокгольма высказались лишь большевики, считавшие конференцию попыткой сговора социал-патриотов. Только к 14 мая было издано приглашение социалистическим партиям на конференцию. Вначале предполагали пригласить только те группы, которые разорвут Burgfrieden, но потом, вероятнее всего под давлением союзных социалистов, Тома и К°, решили пригласить все партии и фракции Интернационала, стоящие на платформе воззвания Совета к народам всего мира. Союзные социалисты усиленно протестовали против Стокгольма, защищая идею национального союза всех классов против агрессивного немецкого империализма, доказывая необходимость разрешить сначала спорные вопросы на конференции союзных социалистов и раз'яснить советскую формулу мира так, чтобы под понятие аннексии не могло быть подведено освобождение территории, если это освобождение согласно с волею населения; а под контрибуцией не подразумевалось возмещение убытков, причиненных в захваченных странах самим фактом нашествия.

Совет отклонил предложения Тома, Вандервельде и Гендерсона, но с конференцией не торопился. Вскоре подоспела подготовка наступления, затем наступление. О мире забыли. Здесь обнаружилась гнилость советской формулы одновременной подготовки обороны, включавшей наступление, и мирной деятельности.

Обеспечив за собой поддержку Совета в области действенной подготовки наступления, правительство не мешало разговорам о Стокгольме. Керенский и Церетели уговаривали Вандервельде и других согласиться на созыв Стокгольма: «Вы нам сильно затрудняете пропаганду, которую мы ведем, чтобы приготовить предстоящее наступление», — жаловался Церетели. Когда Вандервельде, выразив сомнение в том, что для наступления надо говорить о мире, рассказал об этом Терещенко, последний отвечал: «быть может это парадоксально, но Керенский прав; сейчас наши солдаты предпочитают драться не за что, чем за что-нибудь» [2]).

Совет принял 20 июля резолюцию о созыве Стокгольмской конференции. В новом воззвании к народам говорилось о необходимости добиться от своих правительств признания формулы мира, провозглашенной Временным правительством, но Стокгольм отцветал, не успевши расцвесть. Делегаты, посланные за границу, горько жаловались на «со-

---

[1]) Vandervelde, цит. соч., стр. 165.
[2]) Vandervelde, p. 185.

стояние вынужденного бездействия... которому конца краю не видать» и «с глубоким волнением и тоской» ожидали конференции [1]). Из заграничного «далека» делегаты, прямой обязанностью которых была подготовка мира, призывали всех исполнить свой «гражданский долг» как в тылу, так и на фронте, отмечая, что поражение русской армии повергло демократию в уныние и ободрило западно-европейскую реакцию. На мирных переговорах теперь не особенно настаивал и Совет, облегчая Временному правительству и союзникам борьбу с созывом конференции. Церетели, по словам Суханова, «советовал министрам-социалистам не торопиться с конференцией, пока союзные демократии не привыкнут к мысли о ней» [2]).

Истинная политика правительства в вопросе о мире вскрылась таким образом: Альбер Тома показал однажды делегатам Совета телеграмму французского посла в Петрограде Нуланса. Нуланс сообщал, что Терещенко в беседе с ним заявил об отсрочке союзной конференции для пересмотра договоров, причем мотивировал эту отсрочку тем, что «Временное правительство считает нежелательным волновать вопросом о мире общественное мнение России, которое должно быть сосредоточено всецело на войне» [3]).

Делегаты послали запрос в Петроград. Им было отвечено, что сообщение Тома не соответствует действительности и что Терещенко говорит только, что «теперь менее, чем до нашего поражения, приходится думать о скором заключениии мира, и необходимо готовиться к дальнейшей кампании» [4]). Делегатов, очевидно, эта отписка успокоила, но в действительности дело обстояло не так. Тома сказал правду и так же правильно Нуланс понял Терещенко. Тома извинялся за откровенность, оправдываясь тем, что «во время своего пребывания в Петрограде привык к тому, что вопрос об этой конференции обсуждался при участии Совраблепа».

Так же обстояло дело и со Стокгольмом, срыва которого в тесном единении добивались союзники и Временное правительство. Бонар-Лоу выражал надежду на то, что английская Рабочая партия не пошлет своих представителей в Стокгольм, и предупреждал, что паспорта желающим участвовать на конференции выданы не будут. В конце концов в выдаче паспортов было отказано и английским и французским правительствами. Чем об'яснялась позиция союзнических кабинетов?

В Лондоне и Париже некоторая часть членов правительства соглашалась на созыв Стокгольмской конференции. Так, например, думали Ллойд-Джордж, Тома. Мотивом этой части было нежелание открыто противодействовать мирным тенденциям. Но Ллойд-Джордж и Тома оказались в меньшинстве. По мнению большинства, выгоднее было на-

---

[1]) Из писем Вейнеберга, 15/VI н. с., дело 13; из письма Эрлиха 21/VIII, дело № 14. Международн. отдел СРД АОР.

[2]) Суханов, Записки, кн. IV, стр. 214.

[3]) Секретн. телегр. поверенного в делах в Париже мининделу 25/VII—7/VIII, № 743, дело 510.

[4]) Секретн. мин. иностр. дел поверенному в делах в Лондоне 29/VII, № 3441.

влечь на себя еще раз упреки в империализме, чем допустить конференцию. «Мы находились в состоянии полного морального кризиса, — пишет Рибо об этом времени, — и одного только извещения о конференции, где немцы, англичане, французы и русские встретились бы с целью обсуждения условий мира, достаточно было бы для того, чтобы породить опаснейшие иллюзии» [1]. Итак, боялись даже известия о конференции. Чем сильнее народные массы проявляли стихийную тягу к миру, тем скорее нужно было уничтожить самую мысль о мире. Но если в Лондоне и Париже могли выступать против конференции без особого стеснения, то иначе дело обстояло в Петрограде. Здесь приходилось было противодействовать конференции исподволь, не протестуя против нее открыто.

Терещенко остроумно вел линию, и только излишнее усердие некоторых представителей министерства иностранных дел за границей грозило разоблачением политики Временного правительства. В этом смысле характерен инцидент, происшедший в Лондоне. Когда в Англии между социалистами и правительством шла полемика по вопросу о Стокгольме, Набоков попросил у Терещенко разрешение заявить, что «Российское правительство, так же как и английское, считает это дело (т. е. конференцию. *Н. Р.*) партийным, а не государственным, и решения конференции, если таковая состоится, — отнюдь не связывающими дальнейшего хода русской политики и отношений России к союзникам. Цель такого заявления, по мнению Набокова, состояла в ограждении прочности наших союзнических отношений с Англией» [2]. Этот ход должен был оказать услугу английскому правительству, и облегчить ему отказ в выдаче паспортов, т. е. содействовать срыву Стокгольмской конференции. Терещенко дал свое согласие. Набоков отправил английскому правительству соответственное заявление, приложив к нему добавление, в котором он указывал, что сообщение препровождается из опасения, что «до сих пор преобладало впечатление, будто Россия горячо желает, чтобы Стокгольмская конференция состоялась, и с той целью, чтобы этот аргумент не был использован для воздействия на английское общественное мнение в пользу участия трудовой и социалистической английских партий в конференции» [3].

Но Набоков, видевший, по его словам, у Ллойд-Джорджа телеграмму Тома со словами «Керенский не желает конференции», «перестарался», разрешив Ллойд-Джорджу опубликовать свой комментарий. Ллойд-Джордж благодарил русского представителя за одолжение: «Вы оказали России и Англии, — сказал он Набокову, — услугу, значение которой трудно оценить».

Несколько иной прием нашло это добавление в России, где инцидент стал известен. Желание Ллойд-Джорджа видеть конец ноты в прессе имело свои основания. В это время происходил конгресс Рабочей партии, на котором обсуждался вопрос о Стокгольме. Гендерсон, выступивший

---

[1] Ribot, 261.
[2] Секретн. телегр. Набокова 21/VII—3/VIII, № 610, дело 511.
[3] Телеграммы ПТА, секретн. архив мининдел.

на конгрессе, но показал членам его телеграмму, в которой Временное правительство об'являло конференцию партийным делом и которую Ллойд-Джордж дал Гендерсону для сообщения на конгрессе. Ллойд-Джордж обвинил Гендерсона в нелойяльном отношении к правительству, членом которого Гендерсон состоял, и последний был принужден выйти в отставку.

Набоков получил от Терещенко выговор — ему было указано на необходимость точной передачи правительственных заявлений ввиду чуткости общественного мнения к вопросу о целях войны [1]). Набоков мог с полным правом обижаться на несправедливость выговора. Если вся внешняя политика России руководилась интересам Антанты, то вполне естественно, что в повседневной своей деятельности русский дипломат старался выслужиться перед лондонским кабинетом. Впрочем беспокойство Терещенко по поводу чуткости общественного мнения оказалось необоснованным. ЦИК отверг предложение Мартова потребовать у Временного правительства об'яснений в связи с инцидентом Ллойд-Джорджа — Гендерсона — Набокова и ограничился резолюцией, в которой заявлял о солидарности Советов с европейскими рабочими, борющимися за Стокгольм [2]).

Отказываясь от давления на Временное правительство, Совет отказывался от Стокгольма. Терещенко не скрывал от союзников своего отрицательного отношения к конференции. Правда, считаясь с возможностью ее созыва, он принимал некоторые предохранительные меры. Так, например, он предлагал послу в Вашингтоне склонить к участию в конференции Американский трудовой союз, хотя последний и не являлся социалистической организацией [3]). Такую же двуличную позицию занимал и Керенский. Когда консервативная английская печать использовала его имя в качестве орудия против конференции, он, «удивляясь» поведению прессы, заявлял о партийном характере конференции и лишь позволял себе «несколько более пессимистически» относиться к ее созыву после поражений на фронте [4]). На самом же деле он был далек от того, чтобы питать какие-либо симпатии к конференции, сходясь во мнениях с Рибо. «Результаты конференции, — говорил он французскому послу, — ни к чему не обяжут Временное правительство, но в действительности для него окажется невозможным избегнуть в своей политике влияния решений, принятых этой конференцией. Прежде всего желательно, чтобы конференция вовсе не состоялась, но если она состоится, то было бы предпочтительным, чтобы английские, французские и итальянские социалисты в ней не присутствовали потому, что в этом случае русские социалисты не смогут утверждать, что выводы конференции представляют единодушную волю интернационального

---

[1]) Секретн. телегр. Терещенко Набокову 2/15 VIII, № 3484, дело № 529—539.

[2]) Суханов, кн. V.

[3]) Секретн. телегр. в Вашингтон 5/VIII, № 3570, дело 529—533.

[4]) Секретн. телегр. Набокова 30/VII—12/VIII, № 642, дело 360 (социал. конферен.) и секретн. телегр. МИД в Лондон 5/VIII № 3569, там же.

социализма. В этом случае для Керенского было бы более легким сопротивляться давлению, которое русские социалисты не преминут наверно оказать на его личность и на его «политику» [1]).

Таким образом деятельность «представителя Совета» была направлена к срыву Стокгольма. Необходимость оказать давление на правительство сознавалась некоторыми представителями советского большинства. Делегат Совета и заведующий международным отделом Розанов по возвращении из-за границы сделал доклад, в котором указывал, что «требование активности внешней политики диктуется не только необходимостью окончить как можно скорее войну, но и опасностью, что западно-европейские правительства при заключении мира придут к соглашению за счет России». Розанов предлагал выпрямить внешнюю политику Временного правительства, ориентируясь на международную демократию и на созывы союзнической и Стокгольмской конференций, согласовать политику правительства и демократии и установить контроль демократии над важнейшими дипломатическими назначениями» [2]).

Тезисы эти повисли в воздухе. В порядке дня стояла борьба с большевизмом, и о выпрямлении политики Временного правительства говорить не приходилось. Правительству же удалось «выпрямить» политику Совета в вопросе о Стокгольме. Об'единенные усилия Временного и союзных правительств принесли свои результаты — против Стокгольма высказались тред-юнионы; собравшаяся конференция союзных социалистов ограничилась решением обсудить на Стокгольмской конференции вопрос об ответственности за войну. Общие условия мира выработаны не были. «Среди устроителей Стокгольмской конференции заметно большое уныние, теряют веру в возможность того, чтобы она состоялась», — доносил Терещенко русский посланник в Швейцарии [3]).

В начале сентября заграничная делегация делала в Бюро ЦИК доклад, который Суханов называет «историей неудач».

Официально Стокгольмская конференция была отложена, в действительности она тихо скончалась.

Провал Стокгольма поставил меньшевиков и эсеров в затруднительное положение. Успехи, которые делал большевизм, диктовали меньшевистско-эсеровским кругам необходимость всяческой поддержки Временного правительства. Но ослабить влияние большевиков на массы можно было в том случае, если бы у большевиков была отнята монополия борьбы за мир. Во время Стокгольмской канители сохранялась, по крайней мере, иллюзия мирной политики меньшевиков и эсеров. Чем быстрее исчезали иллюзии, тем рельефнее вырисовывалось противоречие политики мелкобуржуазных социалистов. Активно бороться за

---

[1]) Дешифрант секретн. телегр. Карлотти к Сонино, с французск. текста, 17/30 VIII, дело 360, папка «Социал. конфер.» в Стокгольме и др. местах.

[2]) Тезисы доклада Розанова. АОР дела, папка № 3 ЦИК «Петросовета»,

[3]) Секретн. телегр. посланника в Швеции Гулькевича 7/20 VIII, № 454, дело 360.

мир — значило бы итти на разрыв с буржуазией; отказаться от мирной политики — ускорить разрыв с массами рабочих и крестьян.

Иллюстрацией этого противоречия и был наказ делегату Совета на предполагавшейся союзнической конференции в Париже. Наказ заявлял о необходимости мира без аннексий и контрибуций на основе самоопределения народностей. Практически этот принцип должен был быть проведен по отношению к Эльзас-Лотарингии, Польше. Латвии, Литве и Турецкой Армении. Предполагалось восстановление Греции, Персии, Сербии, Черногории и Бельгии; Германии возвращались обратно ее колонии. Большую часть пунктов наказа авторы последнего заимствовали у Вильсона. Наказ выставлял требование нейтрализации всех проливов, также Суэцкого и Панамского каналов, отмены тайной дипломатии, постепенного разоружения и вступления в проектированную американским президентом «Лигу мира».

Наказ был встречен ожесточенными возражениями. Плеханов говорил, что он представляет программу-минимум немецкого империализма. Но наиболее меткой критикой были отзывы о наказе кадетской печати. Чувствуя себя победителями, кадеты сразу нащупали больное место наказа — его декларативный характер. «Интересно было бы знать, какими санкциями располагает г. Скобелев для обеспечения этого условия мира нашего Центрального комитета, — писала «Речь» по поводу параграфов наказа, настаивавших на нейтрализации Панамского и Суэцкого каналов. А что если Англия и Соединенные Штаты отвергнут это условие «без прений»? На что в этом, более чем вероятном, случае уполномочен г. Скобелев? Пригрозит ли он новым воззванием к народам всего мира?» [1]).

Действительно, наказ только прибавлял лишний экземпляр к прежним декларациям. Обращение к союзным правительствам лишало наказ какого бы то ни было практического значения. Союзников наказ испугал, как пропагандистский документ. Наказ был запрещен к опубликованию во Францию и перепечатан из лондонских газет. «Temps» возражал против назначения Советом делегата с особой платформой. Рибо заявил, что условия мира, выставленные Советом, безусловно неприемлемы. Согласие Временного правительства на посылку делегата Совета трактовалось как признак двоевластия. Терещенко требовал изменения наказа. Одновременно он успокаивал союзников, уверяя их, что на конференции от имени всей делегации будет говорить лишь мининдел [2]).

---

[1]) «Речь», 10/X, передовая.
[2]) Секретн. телегр. в Лондон, Париж, Рим 16/29, № 4797, дело 533.

Глава пятая

КЕРЕНЩИНА НА УЩЕРБЕ

После поражений русской армии в августе и начале сентября положение на фронте несколько стабилизировалось — не столько благодаря контр-атакам русских, сколько в силу климатических условий. Те же климатические условия, исключающие возможность активных операций на фронте в продолжение осени и зимы, обещали продолжение стабилизации на 4-5 месяцев, до весны 1918 г. Внутри страны события развивались по двум полярным направлениям. В рабочих и крестьянских массах стихийно росла тяга к миру, в стране развивалось аграрное движение — большевизм охватывал все более широкие слои рабочих, крестьян и солдат. В сентябре большевистскими стали Советы обеих столиц; тот же перелом наблюдался и в провинции.

На верху, в правящих кругах буржуазии, меньшевиков и эсеров укреплялось сознание необходимости об'единенной борьбы с большевизмом. Демократическое совещание подготовляло национальный блок буржуазии и демократии. «Последние события, — писал Терещенко послам за границей, — вызвали в левых кругах новые настроения по отношению к войне, в особенности ввиду германских шагов в пользу мира. Социалисты опасаются, что наши неудачи дадут возможность германцам осуществить свои планы за счет России. Особенное впечатление произвел доклад вернувшихся из-за границы Русанова, Эрлиха и других, заявивших, что все их выступления потерпели неудачу вследствие наших поражений. В социалистических кругах считают, что единственное средство поправить положение — поднять боеспособность армии» [1]).

Все же Временное правительство желало конференции для обсуждения перспектив войны и зимней кампании. Консолидация право-социалистических и буржуазных группировок, связанная с перспективами ликвидации большевизма, — обещала и внутреннюю стабилизацию. Возможность укрепления позиции правительства, а следовательно, возможность более независимого от советского влияния курса внешней политики, превратилась в настоятельную необходимость под давлением союзников. Давление это с конца сентября стало особенно настойчивым. Угрожающее положение на русском фронте создавало опасность скорого выхода России из войны. Этот выход во много

---

[1]) Секретн. телегр. мининдела 11/24 IX, № 4245, дело 533.

раз ухудшил бы положение союзнических армий. К концу августа русские армии (не считая кавказского фронта) удерживали 159½ неприятельских дивизий, в то время как на французском фронте было 143 германских дивизии. Как раз в эти недели за спиной Временного правительства Бриан вел в Швейцарии секретные переговоры о мире с бароном фон-дер-Линкен (переговоры, оборванные в последнюю минуту Рибо)[1]. Стать лицом к лицу с перспективой увеличения германских армий войсками, освободившимися на русском фронте, в случае выхода России из войны, — не предвещало для союзников ничего хорошего, тем более, что положение их, несмотря на успех небольшого августовского наступления, было далеко не благоприятным. Подводная война заставила ограничить и без того уже сокращенное потребление Англии, истощение и усталость от войны усилились и уже прорвались в Италии беспорядками в Турине и волнениями в действующей армии, отступившей к тому же после прорыва на Капоретто и Изонцо.

Союзники перестали возлагать свои надежды на Временное правительство, «The russian collaps» — «изнеможение России» — уже сделалось, по словам К. Набокова, обычным выражением, все чаще мелькавшим в газетах. «Ясно, что Керенский выдохся»[2] — эта истина, высказанная В. Набокову одним из английских государственных людей еще во время Московского совещания, в сентябре была еще более несомненна, нежели в июле. С «живым трупом» и вовсе перестали считаться, не считая нужным скрывать свое отношение. На завтраке, устроенном в Лондоне русским Правительственным комитетом в честь военного министра, виновник торжества Мильнер откровенно из'яснил положение дел: «Вы должны понять, господа, — сказал он, — что каждый патрон, каждый снаряд, каждая пушка нам самим «до зареза» нужны и что с нашей стороны было бы преступно отдавать то, чем наши собственные войска наверное смогут воспользоваться для борьбы, русской армии, если у нас возникает основательное сомнение в том, что она сумеет использовать наше снабжение»[3].

Сокращая снабжение, союзники одновременно усиливали нажим на правительство Керенского, рассчитывая на то, что если Временное правительство и не сможет поднять боеспособность русской армии на большую высоту, то все же оно приложит все усилия, чтобы подольше продержаться и, поскольку возможно, отсрочить час окончательного разгрома и выхода России из войны.

В начале октября французский, английский и итальянский послы (американский посол не принимал участия в этом шаге, за что Временное правительство специально благодарило Вашингтон) потребовали у Керенского аудиенции, в которой высказали свои опасения по поводу возможности для России продолжать войну. Официальным мотивом вы-

---

[1] Th. von Bettmann-Hollweg, Betrachtungen zum Weltkriege, Teil II, S. 203.

[2] К. Набоков, Испытания дипломата, 139, 140.

[3] Там же, 151.

ступления было предположение, что «общественное мнение в союзных странах может потребовать от своих правительств отчета за материальную помощь, оказанную ими России». После этих предисловий следовали выводы: «Русскому правительству, — заявляли послы, — надлежит доказать на деле свою решимость применить все средства в целях восстановления дисциплины и истинного воинского духа в армии, а равно обеспечить правильное функционирование правительственного аппарата как на фронте, так и в тылу. Союзные правительства выражают в заключение надежду, что русское правительство выполнит эту задачу, обеспечив себе таким путем полную поддержку союзников».

Недвусмысленное хозяйское приказание, заканчивавшееся прямой угрозой, покоробило даже «на все готового» приказчика. Керенский отвечал, что сохранит выступление послов в секрете, так как этот шаг может вызвать в стране раздражение против союзников; он указывал на жертвы, принесенные русским народом, на выраженное им твердое желание дальнейшей борьбы, отмечал меры, принятые Временным правительством для поднятия боеспособности армии, и в заключение заявил, что «Россия все же является великой державой» [1]. Министр-председатель вряд ли понимал, сколько иронии скрывалось в его собственных словах, как в капле воды отразивших международное положение России. Полное отсутствие собственной линии, полное подчинение Лондону и Парижу, абсолютное бессилие, — все это вылилось в этом замечательном «все же». «Выступление послов, — сообщал Терещенко, уже раньше отмечавший, что общее мнение союзников как бы отказывает Временному правительству в доверии, — произвело на нас тягостное впечатление как по существу, так и по форме, в которую оно было облечено... Мы решительно недоумеваем, какие мотивы могли побудить наших союзников к означенному выступлению и каких реальных результатов они от него ожидают» [2].

Однако высказав в мягкой форме свое недовольство хозяйским окриком, Временное правительство должно было поторопиться с выполнением приказаний, тем более, что охлаждение между Россией и союзниками представляло серьезную опасность — Временное правительство находилось на краю финансового кризиса. Государственный долг, составлявший на 1 января 1917 г. 33½ миллиардов рублей, вырос к 1 июля почти до 43 миллиардов и, предположительно, к 1 января 1918 г. должен был достигнуть 60 миллиардов. Пассивный торговый баланс составлял за первые 3 месяца 1917 г. 400 миллионов руб., против 262 миллионов руб. за тот же срок в 1916 г. Пассив этот сильно обесценил русский рубль за границей. Уже в августе Временное правительство пришло к выводу о необходимости заключения нового крупного внешнего займа, предназначавшегося не только для платежей по заграничным заказам, но и для расходования внутри страны [3].

---

[1] Секретн. телегр. МИД представителям в Париже, Лондоне, Риме 26/IX—9/X, № 4460, 4461, № 1 и 2.

[2] Там же, № 3.

[3] Секретн. циркуляр МИД российским представителям за границей 18/VIII, № 3931, дело № 142.

Керенский сделал последние усилия для того, чтобы расположить в свою пользу союзные правительства. 12 октября н. с. он отправил Ллойд-Джорджу письмо. Письмо это, которое М. Н. Покровский называет «лебединой песнью» Керенского, действительно подводит итоги 5-месячной политики Временного правительства. В нем оправдания чередуются с упреками по адресу союзников, жалобы — с обещаниями. Керенский просил продлить кредит, в котором — это стало совершенно очевидно после выступления послов — ему отказывали правительства Антанты. «Положение на фронте и наши последние неудачи вызвали известное беспокойство в общественном мнении союзных стран,— писал Керенский, — между тем, несмотря на некоторую затруднительность, которая есть в положении России, мы можем утверждать, что, с точки зрения общего дела, оно в лучшем положении, чем было прошлой весной». Апеллируя к прежним заслугам, обращаясь к истории, Керенский отмечал, что положение перемирия, которое установилось на нашем фронте вследствие пропаганды гражданской войны и упадка военной дисциплины, положение, которым предполагают воспользоваться немцы, в расчете перебросить свои войска на западный фронт, было устранено стараниями Временного правительства. Июньское наступление, хотя и неудачное, вывело армию из состояния перемирия и, ценой огромных жертв, оказало посильную помощь союзникам, отвлекая неприятельские силы. Галицийская катастрофа, причины которой Керенский усматривал в «максималистской» пропаганде, и корниловщина поколебали организацию армии. Но Керенский отводил всякое упоминание о мире; «вопрос, который ставится сейчас, — писал он, — следующий: в нынешней ситуации как продолжать войну?». Дальше, раз'ясняя мероприятия, намеченные Временным правительством, Керенский убеждал Ллойд-Джорджа в непригодности репрессивных методов оздоровления армии, применявшихся Корниловым, и в необходимости реорганизовать армию на началах, отвечающих революционной ситуации. Говоря о невозможности обойтись без солдатских комитетов, министр-председатель успокаивал английского премьера, заверяя его в том, что осенью и зимой русская армия удержит на своем фронте все находящиеся там силы неприятеля. Письмо заканчивалось уверенностью в восстановлении армии, вывод, к которому, по словам Керенского, приходит общественное мнение, иногда под влиянием усталости склоняющееся к мысли о приближении мира путем дипломатии [1]). С надрывом написанное письмо было буквально «криком души». Правительство старалось сделать все, что было в его силах, а хозяева гневались. Поставив перед собою задачу продолжения войны во что бы то ни стало, Временное правительство должно было взять соответствующий п р а в ы й к у р с. Следует сказать, что в сердце буржуазии намечались группировки, которые, учитывая растущий развал и укрепление большевизма, считали, что из двух зол — большевистской революции и немедленного выхода из войны — нужно выбрать последнее.

---

[1]) Письмо Керенского к Ллойд-Джорджу 12/25 X, французский текст, дело № 75.

«Когда Набоков, Аджемов, Винавер и я, — вспоминает Нольде, — в первый раз попытались доказывать в недрах кадетского центрального комитета, что надо свернуть с путей нашего классического империализма, мы столкнулись с самым упорным сопротивлением. Милюков, со свойственной ему холодной отчетливостью, доказывал, что цели войны должны быть достигнуты, что нельзя говорить о мире, пока не будет создана Югославия и т. д... После наших совещаний... мы составили для собиравшегося тогда предпарламента проект перехода к очередным делам, осторожно говоривший о мире по общему решению союзников. Но нас... провалили огромным большинством голосов» [1]).

В сентябре, когда образовался последний кабинет керенщины, собралось частное совещание кадетов — в большинстве членов кадетского ЦК. Там присутствовали Нератов, барон Нольде, Родзянко, Савич, Маклаков, М. Стахович, Третьяков, Коновалов, Струве, В. Д. Набоков и др. Набоков, Коновалов и Нольде высказались за всеобщий мир. «Ни разу раньше и ни разу позже Набоковым, Коноваловым и другими не была так ясно и просто формулирована та дилемма, к которой Россию прижали события: разумный мир или неминуемое торжество Ленина» [2]). Но эти, пожалуй, наименее близорукие представители буржуазии остались в меньшинстве.

Перед перспективой разрыва с союзниками и разрушения всех надежд, которые возлагались на войну, бледнели все предостережения и призывы к осторожности, тем более, что «стабилизация» в тылу и на фронте обещала передышку, во время которой рассчитывали восстановить и реорганизовать армию. Эти надежды были распространены не только среди членов кадетского ЦК, но и среди видных представителей «демократии». Член французской миссии, позднее коммунист, Садуль рассказывает о встрече с Плехановым, происшедшей в средине октября (старого стиля). «Если нам трудно вести войну, то невозможно и заключить мир», — говорил Плеханов. «Несмотря на желание немедленного мира какой угодно ценой, так решительно выражаемое огромным большинством русских среди всех классов, Плеханов считает, что сильное правительство, которое будет образовано завтра на трупах большевиков, должно внушить нации в целом, включая армию, продолжение войны, национальную защиту до выполнения основных целей» [3]).

Через три дня после коллективного заявления послов Терещенко выступил с докладом в комиссии по иностранным делам предпарламента.

---

[1]) «Архив русской революции», изд. Гессеном, Берлин, т. VII, 1922 г., «В. Д. Набоков в 1917 г.», ст. Б. Э. Нольде, стр. 10.

[2]) «Архив русской революции», изд. Гессеном, т. VII, Берлин, 1922 г., ст. Нольде «В. Д. Набоков в 1917 г.», стр. 11, см. также В. Д. Набоков, Врем. правительство, изд. «Мир», М., 1923 г., стр. 82.

[3]) Jacques Sadoul, Notes sur la révolution bolchevique, Moscou, page 10.

В этом докладе министр иностранных дел дал отчетливую программу русской буржуазии, применительно к обстоятельствам октября 1917 г. Вильсоновская фразеология, доминировавшая в декларациях Терещенко летом и весной, в октябре оказалась выброшенной за ненадобностью. Вместо свободы народов, защиты права фигурировали более трезвые и определенные понятия. Обсуждать вопрос о войне и мире можно было, по мнению Терещенко, «исходя лишь из желания наилучшим образом обеспечить русские национальные интересы» [1]).

Итак, русская внешняя политика, пройдя в мае-августе 1917 г. через лозунги самоопределения народов, борьбы за право, благополучно вернулась к милюковским формулировкам: Терещенко ставил вопрос прямо, взвешивая последствия экономического сближения с союзниками или с Германией. «Связь с Германией, — говорил Терещенко, — означала бы полное наше экономическое порабощение. Располагая огромным количеством товаров, Германия нашла бы у нас для них огромный рынок сбыта; при таких условиях и имея в виду, что экономическое распространение Германии всегда сопровождается и эмиграцией излишка ее населения, а также попытками установить политическое влияние, нельзя не прийти к заключению, что в результате Россия превратилась бы в германскую колонию. Что же касается Англии и в особенности Америки, то эти страны характеризуются избытком не товаров, а свободного капитала, не находящего у себя достаточной прибыли. Вполне естественно, что капитал этот, стремясь найти себе выгодное помещение, мог бы быть с пользой для нас применен к развитию нашей промышленности и созданию новых ее областей, так как эта задача соответствовала бы и нашему стремлению развить свои производительные силы. Таким образом, — заключал министр, — не подлежит сомнению, что сохранение экономической связи с союзниками в гораздо большей степени обеспечило бы нашу экономическую независимость» [2]).

Доводы министра от «экономической независимости» противоречили истине. Именно ввоз капиталов в Россию, при котором население последней эксплоатировалось бы не только как потребитель, но и как производитель, закабалял Россию и экономически и политически. Никто не доказал этого лучше чем... Терещенко. Его выступление, буквально продиктованное приказом союзных послов, выступление, которому предшествовало унизительное письмо Керенского Ллойд-Джорджу, — ярче всего иллюстрировало тот факт, что «попытки установить политическое влияние» вовсе не явились качеством, имманентным германской экспансии, но с большим успехом практиковались Англией и Францией.

Если оставить в стороне экономическую безграмотность министерских заявлений, то Терещенко нельзя, по крайней мере, отказать в откровенности. Действительно, для русской буржуазии открывалась единственная перспектива разделить господство с англо-французским капи-

---

[1]) Отчеты о секретн. заседаниях Временного совета российской республики, «Былое», 1918 г., № 12, книга 6, июнь, стр. 10.

[2]) Там же, стр. 15.

талом, который уже овладел значительной частью народного хозяйства России. Вопрос шел о подчинении одному из двух империалистических концернов; какому именно, англо-франко-американскому или германскому будет принадлежать гегемония,— это было предрешено всей предшествовавшей историей, и Терещенко лишь отражал то положение, в котором находилась буржуазия. Но экономические доказательства были недостаточны.

Для слушателей важно было установить *реальное соотношение сил* обеих борющихся группировок и, в связи с этим, перспективы продолжения войны. Здесь был пущен в ход разнообразный ассортимент аргументов, основной целью которых было доказать, что Германия, Австрия и Турция не могут долго продержаться. Терещенко приводил данные о «горячем желании мира», о растущем голоде, о переброске одних и тех же войск с фронта на фронт ввиду недостатка людей, о мирных предложениях, которые Германия делала Англии и Франции. Но министру приходилось балансировать на канате. От чрезмерно мрачной картины положения противника было нетрудно умозаключить к предположению о скорой революции в Германии, т. е. прийти к большевистским выводам о необходимости связи мира с интернациональной революцией. Поэтому предусмотрительный министр поспешил дать отбой: «было бы, однако, большим заблуждением, — оговаривался он, — переоценивать значение отмеченных затруднений (Германии), так как внутренняя дисциплина и общая покорность власти еще не подорваны. Даже в крайних политических партиях... их принципиальные требования отступают на задний план перед соображениями практической политики, в которой они довольствуются весьма немногим... Даже такому небывалому в Германии факту, как мятежу во флоте, нельзя придавать большого значения: мятеж был легко подавлен, и через короткое время тот же флот действовал против нас в Финском заливе» [1]).

Положение союзников, особенно Англии и Америки, было обрисовано в более благоприятном свете. Терещенко доказывал, что сила морального сопротивления и выдержки убывает быстрее у центральных держав, чем в странах Согласия, и обращал внимание на то, что силы последних увеличатся к весне 1918 г., благодаря помощи Соединенных Штатов [2]). Вслед за введением следовала программа. Терещенко подтверждал правильность точки зрения 6 мая, в коей правительство отказалось от прежней политики П. Н. Милюкова не только из-за идейных соображений, но и из оценки реальной обстановки [3]).

Минимальными условиями мира он считал: 1) сохранение доступа к Балтийскому морю при отсутствии окраинных буферных государств, 2) обеспечение сношений с южными морями, основанное не на приобретении Константинополя и проливов, но на договорах (нейтрализацию проливов Терещенко допускал лишь в том случае, если она будет связана с разоружением, так как иначе сильный флот мог бы отрезать

---

[1]) Отчеты о секретных заседаниях..., стр. 12.
[2]) *Там же*, стр. 27.
[3]) *Там же*, стр. 14.

Россию от проливов), и 3) обеспечение экономической независимости России.

Но министр отрицал необходимость работы, направленной к достижению мира. Говоря о предстоящей конференции союзников, он «категорически предупреждал, что работы конференции ни в каком случае не следует рассматривать как непосредственную подготовку мира, как, повидимому, склонны думать у нас на фронте». В порядке дня конференции должны были стоять вопросы обороны и пересмотр договоров. И в последнем вопросе министр откровенно показывал подкладку этого требования. «Пересмотр соглашений, — говорил он, — представляется необходимым не только с точки зрения принципиальной, но и с точки зрения реальной обстановки, т. е. в смысле их выгодности и осуществимости. В этом отношении надо признать, что соглашения о приобретениях в Малой Азии являются для нас вредными, так как распределение малоазиатской территории между четырьмя державами сулит нам в будущем серьезные опасности, особенно в случае неполного разрешения вопроса о проливах. Поэтому применение принципа самоопределения народностей не только в идейном смысле, но и с точки зрения наших жизненных интересов надо признать более целесообразным» [1]. Отвергая предположения о возможности заключения союзниками мира с Германией за счет России, Терещенко указывал на то, что он уполномочен союзными послами заявить, что единство союзников с Россией непоколебимо и что интересы России не должны пострадать в результате ее стратегического положения» [2].

К наказу Совета министр отнесся недоброжелательно, заметив, что его нельзя считать исходной точкой для переговоров, тем более, что он «вызвал глубочайшее смущение в Италии, Франции и Англии и даже возражения против участия в предстоящей конференции представителя русской демократии».

Итак, программа буржуазии была определена. Она означала признание перспективы полного порабощения России англо-французским капиталом, политику продолжения войны. Это был все тот же империализм, несколько облезлый и побитый, но не теряющий надежд хоть чем-нибудь разжиться в результате войны.

Доклад Терещенко не встретил серьезных возражений ни справа, ни слева. Милюков, считая, что к минимальной программе отступили чересчур рано, когда еще не исчезли шансы на победу, предлагал лишь оттянуть союзную конференцию до более благоприятного времени. Дан, протестуя против критики скобелевского наказа, заявил, что наказ не является обязательным условием договора, а представляет собой лишь

---

[1]) Отчеты о секретных заседаниях..., стр. 20, 21.
[2]) Там же, стр. 19.

программу, точку зрения. Он добавил, что так как согласовать взгляды правительства и демократии крайне трудно, то, может быть, демократия откажется от участия в конференции или не даст своему представителю полномочий члена правительственной делегации, чтобы не связать обе стороны. Выступление Дана означало полную капитуляцию меньшевистско-эсеровской верхушки перед «правым курсом» Временного правительства. Позиция «демократии» была изложена не раз до октября. Скобелевский наказ не являлся новостью — речь шла о средствах заключения мира; в такой момент признание наказа необязательной для правительства программой означало отказ от борьбы за мир и превращало наказ совета в пустую декларацию.

Единый фронт, так ясно обнаружившийся в комиссии предпарламента, был налицо, и лишь единственный член комиссии, представитель правительства, решился пойти «против течения». Военный министр выступил с докладом о плане реорганизации армии. Доклад, намечавший перспективы продолжения войны, заканчивался несколько неожиданно — докладчик заявил, что «хотя план восстановления нашей боевой мощи сам по себе хорош», но он в него не верит, так как план этот «является лишь паллиативом, неспособным преодолеть все более развивающуюся и разлагающую пропаганду мира... Единственная возможность бороться со всеми этими тлетворными и разлагающими влияниями — это вырвать у них почву из-под ног, другими словами — самим немедленно возбудить вопрос о заключении мира» [1].

Верховский считал, что, если бы Германия отказалась от предложенного ей демократического мира, ее отказ был бы лучшим и нагляднейшим доводом для широких масс России в пользу необходимости продолжать войну; если Германия примет мирные предложения, весть о мире оздоровит армию, и, укрепив ее, мы укрепим свое положение при мирных переговорах. Военный министр находил и средства для воздействия на союзников с целью прекращения войны, «нужной только им, но для нас не представляющей никакого интереса», — он предлагал принять во внимание, что в случае отказа союзников им угрожала бы переброска 130 дивизий неприятеля, задерживаемых на русском фронте, и, во-вторых, Россия могла бы поставить вопрос о финансовых обязательствах к Антанте. По словам самого Верховского, «впечатление на собрание было произведено потрясающее» [2]. В самом деле, военный министр, хотя и не вполне последовательно, защищал зловредные большевистские положения: признать, что война не имеет для России никакого интереса, доказывать возможность борьбы только лишь в случае отказа Германии от демократического мира, требовать от союзников мира, угрожая им аннулированием долгов, — кто мог ждать таких речей от военного министра, лишь недавно усмирившего большевистское восстание в Нижнем?

---

[1]) Отчеты о секретных заседаниях..., стр. 33, 34.

[2]) А. И. Верховский, Россия на Голгофе, Петерб., 1918 г., изд. «Дело народа».

Верховский был далеко непоследователен. Он представил комиссии еще два варианта решений: радикально сократить армию и бороться с анархией или, в случае категорического несогласия союзников на мир, — «подчиниться судьбе и пройти через большевистское восстание» [1]). Но военный министр отражал настроение тех офицерских кругов командного состава, которые ближе стояли к армии, т. е. к той части населения, которая сильнее других настаивала на мире. Эти круги питали поэтому меньше иллюзий на счет восстановления боевой силы армии; с другой стороны, они были в оппозиции против рабского подчинения союзниками, быть может, резче чем где-либо выражавшегося в стратегическом подчинении армии интересам союзников.

Недаром популярный ген. Алексеев отказался ехать в качестве представителя России на парижскую конференцию, считая, что «дело безнадежно», что «нельзя союзников вводить в заблуждение» [2]).

Мысли свои по поводу мира Верховский высказал еще до заседания предпарламента. Он безуспешно пробовал убеждать военных представителей союзников и, наконец, так же безуспешно выяснив свою точку зрения в правительстве, подал в отставку. «Мои сотоварищи по кабинету, — записал он в дневнике, — считают, что я переоцениваю опасность, что с нарастающим движением можно будет справиться без героических мер, которые я предлагаю» [3]). Такой же отпор встретил доклад Верховского и на комиссии предпарламента, где его породнили с большевиками: Терещенко заявил, что Верховский предлагает бороться с немецкой пропагандой осуществлением ее целей. «Выступления эти вызвали огромные недоразумения и даже переполох, так как были совершенно неожиданны даже для присутствовавших (на) заседании членов Временного правительства» [4]), — сообщал Керенский. «Скандал в благородном семействе» послужил предлогом для перерыва заседаний комиссии. По предложению Струве, поддержанному Терещенко, обсуждение вопросов о внешней политике было прервано. Дан и Скобелев настаивали на немедленном обсуждении. Последнее заседание так и не состоялось; за это время Верховского наскоро отослали в двухнедельный отпуск без прошения. По словам Керенского, Терещенко прямо из комиссии ночью явился на заседание Временного правительства, где решили Верховского убрать; газетам приказали молчать — «Общее дело» сообщило об инциденте и было закрыто [5]). Отставка могла произвести неприятное впечатление в стране: Верховский и сам соглашался, что его уход поставил бы правительство в неловкое положение, — «военный министр уходит в отставку вследствие несогласия Временного правительства итти на мир с Германией — Верховский остался белой вороной»; для успокоения общественного мнения Керенский сказал на последнем

---

[1]) А. И. Верховский, Россия на Голгофе, стр. 38.

[2]) Там же, стр. 124.

[3]) Там же, стр. 134.

[4]) «Архив русск. революции», изд. Гессена, Берлин, т. V, 1922, запись разговора Керенского с Духониным в ночь с 21 на 22/X 1917 г. по телеграфу.

[5]) Керенский, Издалека, Париж, 1922 г.

заседании предпарламента, что в Париже будут выработаны условия мира и предложены Германии.

Итак, буржуазия совместно с мелкой буржуазией готовилась продолжать войну. Представители мелкой буржуазии спохватились лишь за одни сутки до Октябрьской революции. 24 октября старого стиля Дан, вероятно, получивший сведения о восстании, наскоро состряпал делегацию «социалистических групп» из себя, Гоца и Авксентьева и направился к Керенскому. Сообщив текст резолюции (предпарламента), он требовал, чтобы правительство ночью расклеило по городу афиши с заявлением, что Временное правительство «обратилось к союзным державам с требованием немедленно предложить всем воюющим странам приостановить военные действия и начать переговоры о всеобщем мире». Керенский, сначала от своего имени, затем от имени кабинета заявил, что правительство в подобных советах не нуждается [1]).

Если оставить в стороне несогласие Керенского и всего Временного правительства, то все же предприятие Дана было несостоятельно по самому своему существу. Оно было бы обречено на неудачу даже в том случае, если бы «просветление» представителя демократии произошло несколько раньше, но Дан спохватился слишком поздно. Рассчитывать на то, что обманная прокламация, бумажка, отпечатанная ночью и расклеенная поутру, способна изгладить следы 7-месячной политики Совета, — могли только люди, охваченные паникой. За словами Данов массы давно уже перестали видеть волю к действию, и не экстренный листок мог внушить доверие к меньшевикам и эсерам.

Все бессилие мелкой буржуазии, нерешительность и боязнь пролетарской революции сказались в этом ночном шествии делегации социалистических групп.

Ночь, в которую делегация шла к Мариинскому дворцу, была последней ночью керенщины.

Гоц, Авксентьев и Дан запоздали. В то время как представители советского большинства дожидались в министерской передней ответа Керенского, в типографии «Правды» набиралась статья, подводившая итоги внешней политике керенщины, а на улицах Ленинграда питерские рабочие шли свергать власть Керенского с твердой целью закончить войну во что бы то ни стало.

---

[1]) Дан, К истории последних дней Временного правительства, «Летопись революции», кн. 1, 1923, стр. 172, 173.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Рассмотренные нами три этапа внешней политики керенщины отражают те глубинные процессы, которые совершались в экономике России, в ее внутреннем и международно-политическом положении. Откровенно аннексионистская политика Милюкова, выражавшая наиболее широко чаяния русской буржуазии, выросла на фундаменте прошлых побед русской армии в 1916 г., на базе первого периода Февральской революции, в котором недостаточная сознательность и недостаточная организованность пролетариата и крестьянства послужили почвой для захвата власти буржуазией. Эта политика укреплялась также серьезной ролью, которую Россия играла в войне, и надеждами, возлагавшимися на нее союзными правительствами.

Политика Керенского в мае-августе 1917 г. представляет качественное выражение тех количественных изменений, которые происходили с начала войны и, если говорить о вовлечении русского капитализма в орбиту антантовского империализма, еще ранее — в 1905—1914 гг. Как раз к этому времени выяснилось, что Россия перестала играть роль значительного фактора в войне, что подчинение русской буржуазии Антанте достигло максимальных размеров. Правительство теряет последние остатки самостоятельной внешней политики, действуя по указке лондонского и парижского кабинетов. Эти процессы на-ряду с дальнейшим развитием революции внутри страны ведут к тому, что буржуазия сокращает свои притязания и прикрывается полу-социалистическими, полу-вильсоновскими формулами. В эту же цепь входит и новая американская ориентация.

Наконец, третий этап лишь снимает вильсоновскую маску с Временного правительства. Тесный блок и фактическое подчинение Временному правительству меньшевистско-эсеровской верхушки Совета облегчает правительству поворот вправо, вильсоновско-советская мимикрия становится ненужной, и Временное правительство выступает в качестве защитника «русских национальных интересов», — т. е. интересов буржуазии, претерпевших некоторое сокращение.

Три этапа внешней политики отображают диалектическое развитие русской истории, они связаны определенным единством. На всем своем пути, в марте, как и в июне, в августе, как и в октябре, внешняя политика керенщины является политикой империализма. Эта империалистическая внешняя политика, поддерживаемая верхушкой мелкой буржуазии и опиравшаяся на «добросовестное оборончество»,

вела к продолжению гибельной для народного хозяйства войны, в результате которой Россия неизбежно должна была стать колонией англо-американского, в меньшей степени — французского и японского капиталов. Выше мы ознакомились с перспективами овладения русским народным хозяйством, которые рисовались иностранным промышленникам и дипломатам. Нужно сказать, что и вершители судеб русской внешней политики не менее отчетливо сознавали, что будущее означает полное подчинение Антанте. На заседании Временного правительства в середине августа министр финансов предлагал увеличить предоставление иностранцам концессий [1]), а ответственные представители министерства признавали, что «каков бы ни был исход войны... России придется немедленно после заключения мира чрезвычайно дорожить всякими остающимися в ее руках средствами ограждения возможности самостоятельного финансово-экономического восстановления», и отмечали «податливость» России проникновению западно-европейских капиталов [2]).

На каком пути можно было избежать колонизации России англо-американским капиталом? Мы уже видели, что некоторые представители буржуазных и военных кругов подходили к вопросу о сепаратном мире, но они остались в ничтожном меньшинстве. Здесь мы подходим к вопросу о том, почему русская буржуазия не могла заключить мира.

Во-первых, закабаление Антантой дошло до такой степени, что одна мысль о разрыве с ней должна была казаться чудовищной. Переплетение русского банковского и промышленного капитала с англо-французским, 20-миллиардный долг союзникам, — все это лишало сил русскую буржуазию. Вторая причина заключалась в боязни, которая охватывала буржуазию и мелкую буржуазию при мысли о развитии революции после ликвидации войны. Война держала в железной рамке противоречия; революционная волна, правда, переливалась через эти рамки, но тем больше должен был расти ужас при мысли о полном уничтожении преград. «Не протестуй против сверхприбылей, против низкой зарплаты, против длинного рабочего дня, говорили рабочему, ты работаешь не на капиталиста, а на оборону». Вопрос о мире связывался также и с аграрным переворотом, который всячески старались задержать буржуазия, меньшевики и эсеры. «Дать старику-крестьянину землю, держа на фронте его работников-сыновей, было так же невозможно, как не дать землю этим работникам, когда они вернутся с фронта» [3]). Наконец, война держала 5 000 000 человек в тисках, пускай слабой, но все же воинской дисциплины. Мир означал освобождение, развязывание всех противоречий революции, и страх перед

---

[1]) Секретн. циркуляр российским представителям МИД 18/VIII 1917 г., № 3931, дело № 142.

[2]) Отношение мининдел — минторгпрому 30/IX за подписью А. Нератова, дело № 541, Торговые вопросы, папка «Установление великобританским правительством шерстяной монополии».

[3]) М. Н. Покровский, Противоречия г. Милюкова, сборн. «Интеллигенция и революция», М. 1922.

лавиной, перед тем, что от правящих классов потребуется немедленное решение всех вопросов, поднятых революцией, заставлял предпочесть продолжение войны скорому миру. Но предположим, что давление рабоче-крестьянских масс заставило бы буржуазию согласиться на немедленный мир. Устранял ли в таком случае выход России из войны перспективу ее колонизации антантовским капиталом? Ясное дело — нет. Выход из войны не устранял закрепощенности русских банков лондонской и парижской биржами, не устранял 20-миллиардного долга союзникам. Если даже сепаратный мир России с Германией повлек бы за собой усиление последней и даже — что трудно предположить — ее победу, то в таком случае изменялось лишь соотношение сил между претендентами на роль полных хозяев народного хозяйства России, и, быть может, вместо англо-американского предприятия этим хозяином явилась бы немецкая фирма. Самостоятельность русского народного хозяйства и гарантия от вовлечения России в империалистическую войну могли быть достигнуты только в случае революционного выхода из войны. Такой выход из войны, сопровождаясь аннулированием государственных долгов, действительно уничтожал перспективу полного подчинения Антанте. И слабая Россия, вступив, таким образом, в прямое столкновение с международным империализмом, имела бы в своих руках сильнейшее оружие — поддержку мирового революционного движения пролетариата.

Февральская революция оказала могущественнейшее влияние на западно-европейский пролетариат, уставший от 3-летней войны, и на колониальные народы. Серьезнейшие волнения во французской армии, а также в рабочих центрах Франции, вспыхнувшие в мае и лишь в августе потушенные путем жесточайших репрессий, были отзвуком не только апрельских неудач на фронтах, но и отзвуком русской революции. Пенлеве в своих мемуарах вспоминает, что солдаты на митингах «превозносят идеи новой России и пример русских солдат»... «Пример, который они (русские солдаты во Франции) показывали своими Советами, совещаниями, своим положением по отношению к офицерам, деморализовал соседние французские войска» [1]). Масштаб волнений станет ясен, если вспомнить, что образовались Советы солдатских депутатов, что волнение охватило едва ли не всю армию. Генералы сомневались в возможности заставить солдат выйти из траншей. «В этот момент, — пишет Пенлеве, — между Суассоном и Парижем (т. е. на расстоянии каких-нибудь 100 *км. Н. Р.*) было не больше двух дивизий, на которые можно было абсолютно и целиком рассчитывать» [2]). Волнения прокатились в Париже, особенно угрожающее положение создавалось в рабочих центрах Луарского бассейна; движение потребовало от правительства репрессий по отношению к профсоюзам. В Италии в сентябре произошли беспорядки в Турине, а также волнения в действующих войсках. Так, например, донесения русского посла в Риме приписывали вину за разгром 2-й итальянской армии не превосходству

[1]) Painlevé, цит. соч., p. 141, 156.
[2]) Там же, p. 143.

неприятельских сил, а распропагандированию и прямому отказу драться некоторых ее частей [1]).

В Германии в апреле прокатилась грандиозная политическая всеобщая стачка; в столице бастовало 300 000 человек; осенью разразился мятеж во флоте. «Крушение самодержавия, — пишет Р. Мюллер, — в марте 1917 г. дало германскому революционному движению конкретную цель. Теперь уже стали обсуждать вопрос, удовлетворяться ли борьбой за окончание войны или же возможно добиться и уничтожения монархии в Германии» [2]). Людендорф также высоко оценивает влияние русского Февраля. «Теперь, — пишет он, — задним числом, я могу утверждать, что наше поражение явно началось с русской революции» [3]). Еще сильнее было влияние русской революции в Австрии. На Востоке русская революция подняла восстание в Персии против династии Каджаров, усилила национально-революционное движение в Китае.

Международное влияние русской революции, которое тщетно пытались парализовать Временное правительство и Совет, представляло собой, таким образом фактор огромной важности. В случае революционного выхода России из войны освобождение этой мощной потенциальной силы повлекло бы за собой ослабление империализма. Международное революционное движение пролетариата попутно избавляло русский пролетариат и крестьянство от закабаления антантовским капитализмом.

Но если революционный выход из войны был немыслим для буржуазии, то также невозможен он был и для мелкобуржуазных партий. Настаивать на разрыве с союзниками, т. е. с антантовской буржуазией, значило итти на разрыв с «отечественной» буржуазией, значило рвать с Милюковым, Терещенко. Такое решение вопроса было невозможно для мелкобуржуазных партий, весь смысл существования которых заключался в сохранении Burgfrieden'a.

Разорвать с международной и русской буржуазией, ликвидировать внешнюю политику керенщины путем революционного выхода из войны, могла только партия пролетариата — коммунистическая партия большевиков.

«Иностранная политика эсеро-меньшевистской «революционной демократии» испытана в течение семи месяцев революции и провалилась безнадежно, оставив по себе удушливый дым догорающего чадного огонька, — писал «Рабочий путь» 25 октября, в день вооруженного восстания. — Теперь предстоит испытать иностранную политику подлинно-революционной демократии, руководимой пролетариатом. Ее победа неизбежна».

---

[1]) См. секретн. телегр. посла в Риме 17/30 X 1917 г., № 838, дело 113 секр. арх.

[2]) Р. Мюллер, Мировая война и германская революция, изд. Мосполиграф., М., 1924 г.

[3]) Людендорф, Мои воспоминания о войне 1914—1918 г., Гиз, 1924, т. II, М., 1924, стр. 37.

ЛИТЕРАТУРА:

1. «Архив русской революции», изд. Гессеном, томы I — XVI, Берлин. 2. Бьюкенен, Мемуары дипломата, Гиз, 1924. 3. «Ближний Восток, как рынок сбыта русских товаров», сборн. под ред. Лисенко, Петроград, 1913, м-во торг. и пром. 4. Валентинов, Сношения с союзниками по военным вопросам во время войны, ч. 1. 5. Верховский, На Голгофе. Из походного дневника 1914—1918 гг., Петроград, 1918 г. 6. «Вопросы мировой войны», сборн., 1915, Петроград. 7. Гурко-Кряжин, Ближний Восток и державы, М., 1924. 8. Граве, К истории классовой борьбы в России в годы империалистической войны, Гиз, 1926. 9. Губский, Революция и внешняя политика, М., 1917. 10. Гофман, Война упущенных возможностей, Гиз, 1925. 11. Деникин, Очерки русской смуты, т. I, вып. I и II; том II, Париж. 12. «Дипломатия в мировой войне», ст. Адамова в Энциклопед. словаре Граната, т. 47, в. I. 13. «Допрос Колчака», Центрархив, Гиз, Ленинград, 1925. 14. Дан, К истории последних дней Временного правительства, «Летопись революции», кн. I, изд. Гржебина, 1922, Берлин. 15. «Европейские державы и Греция», изд. НКИД. 16. Ежегодники «Речи» за 1912 — 1915 гг. 17. Зайончковский, Мировая война, Гвиз, 1924. 18. Зайончковский, Кампания 1917 г., Гвиз. 19. Зиновьев Г., Сочинения, том VII, Гиз. 20. Заславский и Канторович, Хроника Февр. революции, 1924, Птргр. 21. Керенский, Издалека, Париж, 1922. 22. Краснов, На внутреннем фронте, Гиз. 23. «Кто должник?», сборник, М., 1926, Авиоизд. 24. «Константинополь и проливы», т. I, изд. НКИД, М., 1925, т. II, 1926. 25. Ленин, Собрание сочинений, том XIV, ч. I и II. 26. «Ленинские сборники», I—IV. 27. Лукомский, Воспоминания, т. I. 28. Людендорф, Мои воспоминания о войне 1914—1918 гг., Гвиз, 1923. 29. Левидов, К истории союзнической интервенции в России, Ленинград, 1925. 30. Львов-Рогачевский, Социалисты о текущем моменте, 1918. 31. Мюллер, Германская революция. 32. Милюков, История второй русской революции, ч. I и II, София, 1921. 33. Милюков, Константинополь и проливы («Вестн. Европы», 1917 г.). 34. Милюков, Россия в плену у Циммервальда. 35. Маниковский, Боевое снабжение русской армии в войне, М., 1920. 36. К. Набоков, Испытания дипломата, Стокгольм, 1921. 37. В. Набоков, Временное правительство, М., 1923. 38. «Накануне Октябрьского переворота» (отчеты о секретн. заседаниях Временн. совета республики, «Былое», 1918 г., № 12). 39. Плеханов, Год на родине. 40. «Проливы», сборн. под ред. Ротштейна, М., 1924, изд. «Кр. новь». 41. Палеолог, Царская Россия накануне революции, Гиз, 1923. 42. «Петроградский совет рабочих и солдатских депутатов, 1917 г.», Гиз, 1925. 43. Переписка Александры Федоровны и Николая Романовых. М. Н., изд. Гиз. 44. «Падение царского режима», тт. I—VI, Гиз, 1925—1926. 45. Покровский, М. Н. Статьи в «Еженедельнике» «Правды» за 1919 г. 46. Покровский, М. Н. «Внешняя политика», сборн. статей, М., 1918. 47. Покровский, М. Н. Царская Россия и война, Гиз, М., 1924. 48. Покровский, М. Н. Внешняя политика России в XIX и XX вв., М., 1926 г. 49. «Протоколы апрельской конференции», Гиз. 50. «Протоколы VI с'езда партии». 51. «Разложение армии», Центрархив, Гиз, 1925. 52. Рысс, П., Русский опыт, Париж, 1921. 53. «Раздел Азиатской Турции», изд. НКИД, М., 1924. 54. «Сборник секретн. документов из архива б. м-ва индел.», вып. 1—6, 1917. 55. Станкевич, Воспоминания 1914—1919 гг. Берлин, 1920. 56. Стенограммы заседаний I с'езда советов, экз. Центрархива. 57. Сандомирский, Внешняя политика России в год революции («Год русской революции», сборн. статей, М., 1918 г.). 58. Суханов, Записки о революции, кн. I—VII, изд. Гржебина, 1919. 59. Сталин, На путях к Октябрю, Гиз, 1926. 60. Семенников, Политика царизма накануне революции, Гиз, 1926. 61. Сухомлинов В., Воспоминания, Берлин 1924. 62. «Третий с'езд партии с.-р.», Петроград, 1917. 63. Троцкий Л., Собр. сочинений, т. III, ч. I и II, Гиз, 1925. 64. «Цар-

ская Россия в мировой войне», Центрархив, Гиз. 65. «Чего ждет Россия от войны», сборник. 66. Чернин, В дни мировой войны, Гиз, 1923. 67. Шляпников, 1917, Гиз. 68. Штейнберг, От Февраля к Октябрю 1917 г., изд. Берлин — Милан, «Скифы». 69. Эрцбергер, Германия и Антанта, Гиз, 1923.

1. Bettmann-Hollweg, Betrachtungen zum Weltkriege, Berlin, 1921. 2. Helferich, Der Weltkrieg, Band III, 1919. 3. Hindenburg, Aus meiner Leben, Leipzig, 1920. Höetzsch O, Der Krieg und die grosse Politik, Leipzig, 1918. 5. Ludendorff, Kriegsführung und Politik, Berlin, 1922. Radoslawoff, Bulgarien und die Weltkrise, Berlin, 1923. 7. Painlevé, Comment j'ai nommé Foch et Pétain, Paris, 1924. 8. Ribot, Lettres à un ami, Paris, 1924. 9. Sadoul, Jacques, Notes sur la révolution bolchevique, Moscou. 10. Sarrail, Mon commandement en Orient, Paris, 1920. 11. Vandervelde, Trois aspects sur révolution russe, 1918. 12. Francis D, Russia from American Ambassy, New Iork, 1922.

Газеты за 1917 год: «Воля народа»; «Дело народа»; «Знамя труда»; «Новая жизнь»; «Правда»; «Рабочая газета»; «Речь»; «Русское слово»; «Торг.-пром. газета». Журналы: «Вестник НКИД» 1919, 1920 гг.; «Дело», с.д. журнал 1917 г.; «Известия м-ва индел», 1915—1917 гг.; «Красный архив»; «Новый Восток»; «Пролетарская революция»; «Экономист» за 1917 г.

Архивные материалы. Дела министерства иностранных дел за 1917 г. («Архив революции и внешней политики», 2-е отделение Госархива). Дела Отдела внешних сношений Совета раб. и солд. депутатов за 1917 г. («Архив Октябрьской революции»). Дела Временного правительства (по министерству иностр. дел) («Архив Октябрьской революции»).

